

Цетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 3 2022]

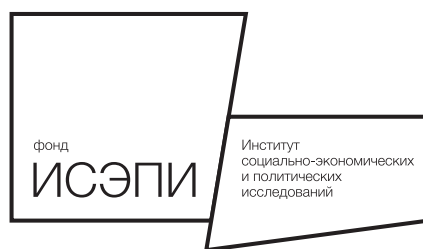
Петр Великий

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Июль 2022 г.]

Петр Великий

{ Июль 2022 г. }

Тетради

по консерватизму

{ № 3 2022 г. }

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2022

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадковский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечвишников, М.М. Шевченко, А.А. Шириняц, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – №3. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2022. – 330 с.

Данным номером мы завершаем трилогию выпусков, в которых рассматривали имперскую проблематику в целом и специфику Российской Империи в частности. Последний выпуск «имперской» линейки номеров посвящен отцу-основателю Российской Империи Петру Великому, чей юбилей – 350 лет – мы отмечаем в этом году. Как сказал великий русский поэт А.С. Пушкин писателю В.И. Далю, Петр Великий «слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим к нему еще близко, – надо отодвинуться на два века». Спустя три с половиной века после рождения этой великой личности, чьи реформы навсегда поделили развитие России на допетровскую и послепетровскую эпохи, мы постарались дать оценки восприятия деяний Петра мыслителями разных эпох и идейных течений. Особый акцент в номере сделан на восприятие личности Петра и его реформ в русской консервативной мысли.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2022
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2022

Л.В. Поляков
Слово к читателю
9

Раздел первый

Революционный реформатор

В.Р. Мединский
Человек, догонявший время
13

А.В. Макаркин
Петр I: «благословенный царь» или «первый большевик»?
19

А.А. Бакурков
Петровские реформы и поиск модели социальной гармонии:
проблема корреляции
31

А.Б. Панченко
Служилое сословие при Петре I: история создания и механизмы
конструирования сообщества
39

Г.В. Талина
Примат государства над церковью: вариант Петра I
51

С.В. Перевезенцев
Петр I и рождение русской исторической науки
61

А.И. Любжин
И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра...
73

В.Н. Рудаков
Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском в эпоху
становления Русского царства и в период формирования Российской империи
79

Раздел второй

Петр Великий и русский консерватизм

А.Ю. Минаков

Петр I в оценках русских консерваторов первой четверти XIX века
95

С.Н. Пушкин

Критика деятельности Петра I в творчестве отечественных консерваторов
100

Г.И. Щербакова

Образ Петра Великого в контексте метафизики прогресса – взгляд русской консервативной публицистики
109

О.С. Кругликова

«Вестник Европы» Н.М. Карамзина и «Русский вестник» С.Н. Глинки
о Петре Великом: созвучия и диссонансы
123

Д.А. Бадалян

Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация
противниками славянофильства
132

О.С. Кругликова

Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке
русских консервативных публицистов пореформенной эпохи
150

С.М. Санькова, Н.И. Крижановский

Правление Петра Первого в оценках представителей российского
государственного национализма (М.Н. Каткова, А.С. Суворина,
М.О. Меньшикова)
160

Д.А. Игумнов

Образ Петра I в публицистике А.С. Суворина и В.П. Мещерского
171

Е.С. Сони́на

Образ Петра I как визуальная пропаганда государственной идеологии
в русской дореволюционной журналистике
178

Раздел третий

Петр Первый: сомнительное величие

В.Ю. Даренский

«История Петра» А.С. Пушкина как история разочарования
199

Ф.А. Гайда
*Пушкинский «Медный всадник» и формирование официального образа
Петра Великого в николаевской России*
218

А.А. Тесля
*Петровские реформы как национальные: публицистический аспект
«Публичных чтений о Петре Великом» С.М. Соловьева*
225

В.Ю. Даренский
Иван Солоневич – разрушитель «петровской легенды»
238

Раздел четвертый

Петр Первый: век двадцатый

И.Н. Тяпин
*История и судьба патриотического западничества в России:
от Петра Великого до Петра Столыпина (в контексте современности)*
265

В.Ю. Даренский
Петр I и «наследие Чингисхана»
276

К.В. Шевченко
*Личность и деятельность Петра I в словацком и чешском историко-
культурном дискурсе XIX – начала XX века*
288

А.Д. Гронский
Образ Петра I в белорусском историческом дискурсе постсоветского периода
295

С.В. Зеленин
Представления об образе Петра Великого в советское время
307

С.Ф. Черняховский
Дело Петра
323

Слово к читателю

Предыдущие два номера наших тетрадей были посвящены такому уникальному историческому феномену как Российская Империя. Так что вполне логично было ожидать, что отдельный номер будет посвящен ее создателю – Петру Алексеевичу Романову, или просто – Петру Великому. Для русского уха такое именование первого российского императора звучит вполне привычно, и в этом смысле упомянутая простота совсем другого сорта, нежели та, что, по известной поговорке, «хуже воровства».

Кстати, раз уж пришлось вспомнить «воровство». В языке московской Руси глагол «своровать» означал совсем не то, что в языке нынешнем. Им обозначался акт перехода высокопоставленного и не очень, но все равно подданного государя на сторону потенциального или реального врага. Проще говоря – измена Родине. Обычный похититель чужого имущества – это «тать», термин, вышедший из повседневного употребления еще в начале девятнадцатого века, когда усилиями Николая Михайловича Карамзина и Александра Сергеевича Пушкина рождался современный русский литературный язык. Тот самый – «великий и могучий, правдивый и свободный», который служил «надеждой и опорой» даже такому западнику и, так сказать, руссоскептику, как Иван Сергеевич Тургенев.

Но к чему это несколько странное предисловие к номеру про единственного в нашей многовековой самодержавной истории монарха, удостоенного звания «Великий»? Не к тому же, чтобы разбираться в том, как именовать «светлейшего» Меншикова – «вором» или «татем»...

Нет, резон другой. При всей самоочевидности величия «дела Петра» сам смысл этого дела и в его время, и в наши времена далеко не самоочевиден. Были, есть и наверняка будут те, для кого наш первый император – творец, спаситель и демиург новой России. Но точно так же были, есть и обязательно будут те, для кого он же – отступник, разрушитель и могильщик России истинной – «Святой Руси». Иными – старомосковскими – словами, самый настоящий «вор», переметнувшийся на сторону «немцев» и «латынян» и предавший все отеческие заветы и святыни.

Логика у тех и у других есть и притом вполне безупречная. Ведь в самом деле, именно с Петра началось открытие мира (Европы в первую очередь) для России и самой России для Европы. Именно начиная с Петра российская армия завоевала славу и статус непобедимой, именно с Петра начался российский флот, превративший страну в морскую держа-

ву. Да и вообще – Россия в результате петровских реформ не только не погибла, но живет и здравствует поныне.

Но в то же время, особенно глядя прямо из дня сегодняшнего, в чем была особая выгода радикального разрыва со старомосковским прошлым и стремительный рывок на Запад? Не доказывает ли наше нынешнее противостояние «коллективному Западу» вообще и НАТО конкретно всю пагубность петровского замысла стать «как Европа»? Царство Московское переименовали в Империю Российскую, но поменялось не только имя. Поменялась та внутренняя цельность, которой отличалась Московская Русь.

Тяглово-служивое *царство*, в котором власть светская, духовная и народ существовали в органическом единстве, волею Петра переделалось в *государство*, разделенное на правящий класс (столоничальники 14 классов Табели о рангах) и безвластный, поделенный на сословия и в большинстве закрепощенный народ. Кончилось это тем, что в февралемарте 1917 года «Россия слиняла в два дня. Ну – в три» (Василий Розанов). А также тем, что уже в октябре-ноябре власть взяли большевики, и получилось так: «мечтали о Третьем Риме, а получили Третий Интернационал» (Николай Бердяев). И вывод: «Советский Союз – не Россия» (Иван Ильин).

Уже по этому одному поводу фигура Петра Алексеевича Романова нуждается в самом пристальном неустанном и непрерывном исследовании. Ибо нет в нашей отечественной истории человека более противоречивого, более разделяющего нацию практически пополам, нежели император Петр Первый. Ни Иван Четвертый, прозванный Грозным, ни Ленин, ни даже Сталин не достигают такого накала страстей, которые кипят зримо и незримо вокруг человека, родившегося 350 лет назад! Петр – это «вечный двигатель», если угодно, русского/российского национального самосознания, хотя, как известно, вечных двигателей не бывает в принципе. Ведь любая попытка определить нашу национальную идентичность так или иначе наталкивается на сакраментальный вопрос: а что такое Петр в нашей истории?

Выпуская этот номер «Тетрадей по консерватизму», мы питаем скромную надежду на то, что предлагаем читателю подборку статей, авторы которых сумели найти свой особый подход к столь вроде бы изученной и столь актуальной теме. Актуальной в том смысле, что фигура императора Петра Великого – это не то, что на научном жаргоне именуется «точка сборки», а скорее – точка «разборки» нашего сегодняшнего состояния. Которое уже смело можно описать термином «противостояние» тому Западу, той самой Европе, в которую последний царь и первый император прорубал свое знаменитое «окно». И если это несомненный факт, то, может, настала пора сделать окончательный вывод в вопросе о том, что же такое Петр для России: Ангел-спаситель или исчадие ада – Антихрист?

Революционный реформатор

{ Раздел первый }

*В.Р. Мединский
Человек, догонявший время*

*А.В. Макаркин
Петр I: «благословенный царь» или «первый большевик»?*

*А.А. Бакурков
Петровские реформы и поиск модели социальной гармонии:
проблема корреляции*

*А.Б. Панченко
Служилое сословие при Петре I: история создания и механизмы
конструирования сообщества*

*Г.В. Талина
Примат государства над церковью: вариант Петра I*

*С.В. Перевезенцев
Петр I и рождение русской исторической науки*

*А.И. Любжин
И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра...*

*В.Н. Рудаков
Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском
в эпоху становления Русского царства и в период формирования
Российской империи*

Человек, догонявший время*

В июне текущего года исполнилось ровно три с половиной века как родился царевич Петр Алексеевич Романов, будущий Петр I. По старому стилю это 30 мая. Благодаря Петру патриархальная Россия по историческим меркам в ничтожный срок, кратчайший, совершила гигантский скачок в развитии, заявила о себе как держава мирового масштаба. Как ни парадоксально, точное место рождения Петра нам неизвестно. Это мог быть Теремной дворец в Кремле, могло быть Преображенское, Измайлово, Коломенское. Но мы знаем точно, что Петр родился в Москве. Поэтому вполне естественно, что юбилейные мероприятия мы начинаем здесь, в Москве. Это логично.

Кстати, почему было выбрано имя Петр, тоже загадка. Это очень редкое имя для членов княжеской и царской фамилии. Я искал, нашел один раз – кого-то из детей Дмитрия Донского звали Петром. Всё, больше не было.

Самодержцами, возможно, рождаются, но подлинными национальными лидерами становятся. Петр обладал тем набором личных качеств, которые делали его исключительно эффективным руководителем. Но поскольку он был младшим, третьим по очереди наследником в семье, да к тому же наследником из конкурирующего клана Нарышкиных, соответственно, к роли царя, мягко говоря, его в детстве и отрочестве никто не готовил. Поэтому вопросы образования, воспитания Петра были второстепенными. Воспитывала Петра почти улица, можно сказать. То есть в буквальном смысле слова его учили чему-нибудь и как-нибудь. И в отличие от тех студентов, которые сидят и слушают, никакого систематического образования Петр не получил. Более того, как писали многие современники, к юношескому возрасту он умел читать и писать (очень плохо). Кстати, писать грамотно Петр так и не удосужился научиться. Пропускал буквы, путал русские и иностранные слова, сокращал, делал страшное количество ошибок, не обращал никакого внимания на пунктуацию, знаки препинания, очень торопился. Зато писал от руки невероятно много: стоя, сидя, в дороге, на коленке. До сих пор огромный массив подлинных петровских рукописей просто не расшифрован. Это большое наследие, с которым еще нужно работать, работать и работать.

Он умел читать, плохо писать и знал два арифметических действия: сложение и вычитание. Всё. Всему остальному он научился в течение жизни. Петр компенсировал свою детскую недообразованность колоссальной любознательностью и тягой к знаниям. Процесс обучения, знакомство с новым доставляли ему искреннее, неподдельное удовольствие. И так с годами он стал глубоким, по-настоящему глубоким специалистом: в

* Выступление на Международном форуме «История для будущего. Образ Петра» (к 350-летию Петра Великого). Москва, 8 июня 2022 г.

Мединский Владимир Ростиславович, Помощник Президента Российской Федерации, доктор политических наук, профессор МГИМО, председатель Российского военно-исторического общества. E-mail: tg-medinskiy@mail.ru

инженерном деле, в фортификации, в военном деле, в кораблестроении, в медицине, анатомии. В общем, был даже неплохим по тем временам, например, стоматологом. В совершенстве овладел массой практических ремесел. Петр сам считал: двенадцать ремесел он знает на уровне мастера. И работал на токарном станке, мог легко разобрать, собрать и починить сложные часы швейцарские, умел лично изготовить любую деталь для постройки корабля, сделать чертеж, найти в проекте ошибки. А при наличии помощников, бригады, в принципе мог большой корабль построить от начала и до конца. Кстати, по тем временам это вершина хай-тека – строительство корабля, как вы понимаете. Как сейчас космический корабль построить. Примерно то же самое.

В Голландии Петр обучался несколько месяцев корабельному делу и получил с Меншиковым соответствующий диплом-аттестат мастера. Но его не удовлетворил уровень голландского кораблестроения, потому что голландцы работали в большей степени по традиции. У них хуже было развито проектирование кораблестроения. И поэтому он поехал доучиваться еще, выражаясь современным языком, на корабельного инженера, в Лондон. Вот там он уже занимался чертежами и проектированием. Он любил учиться. Постоянно стремился к повышению квалификации в любом деле, за которое брался. Это во-первых.

Во-вторых, Петр, говоря о его человеческих качествах управленческих, был необыкновенно дотошен. Исполнение всех своих поручений он тщательно контролировал: вникал в детали, разбирался в причинах. И, как говорится, провести его на мякине было абсолютно невозможно.

В-третьих, тоже важное качество руководителя: Петр охотно делегировал полномочия, доверял профессионалам, специалистам в своих областях. Очень любил людей дела. Всегда, когда только он видел, что кто-то разбирается в конкретном вопросе лучше него, – всё, Петр слушал, расспрашивал, вникал в детали и всячески человека, который в узкой области является специалистом, поднимал на щит. Он сумел собрать команду единомышленников, которые буквально были готовы идти с ним в огонь и в воду, помогали ему во всех его трудах. Это были люди, не только готовые выполнить любой его приказ, но и понимающие, как этот приказ следует выполнять. Это те, кого потом великий поэт назовет птенцами «гнезда Петрова». Их огромное количество, их десятки: Меншиков, Шереметев, Толстой, Ромодановский, Брюс, Боуэр, Репнин, ну, и так далее, и так далее, и так далее. Кстати, поразительно, что многие из этих «птенцов» были совсем не юны. Они были ровесниками Петра, а то и существенно его старше, некоторые из них в отцы ему годились. И это тоже хорошо говорит о нем – значит, он умел спланировать, умел общаться с людьми самыми разными, – а также о силе, масштабе его личности.

В-четвертых, он обладал очень важным качеством, наверное, самым важным – он не раскисал от неудач. Наоборот, любая неудача его только подстегивала, заставляла анализировать, делать выводы, искать пути решения. Первая неудача Азовского похода, как мы знаем, заставила его провести полную переподготовку войска, системы снабжения. И на следующий год, со второго раза, Азов был взят. Тяжелейшая катастрофа под Нарвой стала поводом для Петра для запуска кардинальных преобразований в армии. И через несколько лет, со второго раза, Нарва будет триумфально покорена. В общем, он никогда не отступался от поставленных задач.

Я не буду идеализировать Петра. Поскольку он недополучил в детстве не только образования, но и воспитания, плюс детские травмы: ранняя смерть отца, смерть брата, гибель родных – любимого дяди Артамона Матвеева, вместе с его родственниками растерзанного, буквально разорванного на части взбунтовавшимися стрельцами прямо на глазах десятилетнего мальчика, – всё это, в общем, сделало бы нервным любого человека. Вся атмосфера постоянного напряжения, что вот-вот на Преображенское могут напасть, за-

мышляется покушение. Петр оказался среди интриг, такой тайной вендетты Милославских и Нарышкиных, на фоне которой любые Монтекки и Капулетти меркнут. Он вообще по жизни оказался лишен нравственных ориентиров. То есть ему никто с детства не объяснял, что такое хорошо и что такое плохо. Поэтому, можно сказать, не выработался иммунитет к жестокости, иммунитет к дурному. Отсюда и внезапные вспышки неконтролируемой ярости, гнева, жестокости, которые порой проявлялись к самым близким людям.

Возвращаясь к названию нашей лекции – «Человек, догнавший время», отметим: Петр в буквальном смысле этого слова, не в иноказательном, поменял время. Первого сентября 1699 года Россия в последний раз отпраздновала Новый год по-старому. Через четыре месяца, 31 декабря (правильнее сказать не 1699-го, а 7208 года от сотворения мира) наступило 1 января 1700 года от Рождества Христова. То есть Петр просто изменил всю систему летосчисления. Он ориентировался на протестантские страны в этом отношении, наиболее передовые технически: Голландию, Данию, Германию, Швейцарию, где было принято это летосчисление. Но, правда, по иронии судьбы в том же 1700 году они перешли на уточненный Григорианский календарь. Католические страны сделали то же самое, но чуть-чуть раньше. И поэтому мы вроде бы как глобально летосчисление сделали европейским, но возникла разница между старым и новым стилем. Эта разница почти в две недели будет ликвидирована только в 1918 году, уже после революции, когда после 31 января 1918 года сразу наступит на следующий день 14 февраля 1918 года. Переход на новый календарь имел не только практический смысл – мы стали жить с Европой в одном как бы хронологическом пространстве. Это не просто удобно, но это имело и символическое значение. Россия в буквальном смысле догоняла упущенное время. Но, кстати сказать, появившиеся в том же году, в те же праздничные дни новогодние нововведения Петра – празднование Рождества, новогодняя елка, поздравление, непременно застолье в новогоднюю ночь с семьей, друзьями и даже праздничный новогодний фейерверк – всё это прямо следует из его письменных распоряжений. Это всё, без всяких шуток, придумал Петр. Вот – пережило императора и империю и радуется нам по-прежнему каждый год.

Невозможно говорить о всех реформах Петра в рамках одной лекции. Но поскольку меня предупредили, что здесь будут студенты, я так, «галопом по Европам», буквально за пять минут перечислю, чтобы обобщить всё, что было сказано учеными и профессионалами сейчас на круглых столах.

Реформа территориального устройства. Именно при Петре появились губернаторы, губернии. Вся архаичная система уездов, волостей была упразднена. Появилась одна, уже окончательно уточненная при Екатерине II система территориального управления Россией, которая действует и по сей день.

Военная реформа. До Петра у нас и регулярная армия, которая собирается по мере необходимости, – это войска непрофессиональные, не очень хорошо организованные. Но были там полки нового строя, очень немного, и были стрельцы, которые тоже были хороши, но для своего времени, для Ивана Грозного. Начиная с Петра вся армия – профессиональная. Начиная с Петра быть офицером – это честь и обязанность; быть солдатом – доблесть, уважение, поклон. Солдат стал профессиональным воином, популярным народным героем. С той поры и появляются «каша из топора», солдатский фольклор, «Солдатушки, бравы ребятушки». Вообще, можно сказать, что начал формироваться позитивный образ профессионального... чуть не сказал «контрактника», но по сути контрактника. Профессионального военнослужащего. И, кстати сказать, для солдат начиная с Петра – это возможность уйти от крепостной зависимости, они освобождались, и если повезет, уцелеешь, то подниматься, расти по социальной лестнице. Кстати, обращаю ваше внимание, что рекрутчина распространялась не только на крестьян. У крестьян она была выборочной. Там

рекрут мог набираться один от 50 дворов. А во дворе, вы понимаете, сколько живет лиц мужского пола. Могли набирать и от 70 дворов.

А вот для дворян возможности уклониться от рекрутчины не было. Дворянская рекрутчина... Это мы так себе представляем, что ходил дворянин в халате там, в феске, курил и на крепостных девушек зарился. Нет. Для дворян рекрутчина поголовная, обязательная. Уклонение от призыва воинского, от службы – лишение всех поместий и объявление вне закона. Что такое человек вне закона в Российской империи? Его может любой избить, ограбить и даже убить – и за это ничего не будет. Это отщепенец, изгой. Вот что будет с дворянином, если он станет уклоняться от государевой службы при Петре. Поэтому можно отдать дворянского сына на гражданскую службу. Если трое сыновей, один – на гражданскую, два – на военную. Но можно и всех троих на военную. Это не возбраняется. И дальше служи. Срок службы дворянина не ограничен, до старости, если жив останешься, ну, или до увечья, до тяжелого ранения.

Поэтому армия, сложившаяся при Петре в ходе Северной войны, в целом дожила в таком виде до реформ середины XIX века, до реформ Александра II. И все армейские атрибуты от названий полков, которые давались по имени города, где они формировались, знамена, церемониал отдания воинской чести, знаменитое «ваше благородие», вся система званий, вся система продвижения по службе, ордена, тактика, стратегия, уставы, регламенты – это всё появилось при Петре I. И даже флот. А флот, опять же, это хай-тек. Флот военный тогда – это современные ракетные войска стратегического назначения и средства радиоэлектронной борьбы в одном флаконе. Вот флот тоже появился... Это всё Петр.

Эффективнее стала система госуправления. Весь этот запутанный клубок: приказов, палат, изб, дворов, третей, четвертей, чего там только не было, органов управления – вместо этого появилась крайне стройная по тем временам система двенадцати отраслевых коллегий, прообразов нынешних министерств. Для их размещения, как мы знаем, в Петербурге, на Васильевском острове было сооружено грандиозное, как тогда считалось, здание Двенадцати коллегий в стиле петровского барокко. Оно по сей день сохранилось. Это его тогда считали грандиозным, и там помещалось всё правительство. Сегодня не то, что при Романовых. Сегодня в этих Двенадцати коллегиях, если их почистить, то вряд ли одно приличное министерство у нас поместится. Бюрократов у нас стало больше, чем при Петре. Но в принципе в Европе их еще больше. Только это может нас утешать.

Изменилась налоговая система. Чтобы обеспечить пополнение казны, Петр придумал вмененку, как бы сказали сейчас налоговики, вмененный налог, то есть подушную подать. С каждой души. Не обманешь. Она давала до 50 процентов бюджета Российской империи. Если сейчас у нас значительную долю бюджета дают нефть и газ, примерно столько же, да, разные формы налогообложения с энергетических ресурсов, то тогда главной нефтью и газом были кто? Были люди – труженики, крестьяне, которые платили подушную подать.

Вот пример еще одного творческого подхода Петра в налоговом деле – введение гербовой бумаги, то есть бумаги с государственным клеймом. Только на такой бумаге могли заключаться любые сделки, оформляться купчая, дарение, контракт, ну, всё что угодно. Чем выше сумма сделки, тем краше внешне и дороже гербовая бумага, тем больше поступлений в казну. Опять же налог простой, универсальный. Заодно, кстати, гарантирует чистоту сделки, своего рода нотариальное закрепление. И от него никуда не убежишь. Сделка, заключенная не на гербовой бумаге, недействительна, в суде ее не примут.

Кстати, Петр кардинально поменял само восприятие государственной службы. В Москве, как мы с вами помним, в старой Москве традиционно должности занимали по знатности рода. То есть для каждого человека, в зависимости от его фамилии, был до-

ступен определенный диапазон должностей. Сын боярина не сразу становился боярином. Он должен был, конечно, служить, как-то расти и так далее, но упирался в потолок, а дальше нельзя. Чтобы выйти за этот диапазон, чтобы пробить этот карьерный потолок, надо было либо какое-то невероятное везение, либо личное расположение, близость к царю. Поэтому в социальном смысле это была очень порочная система. Потому что, по сути, формировалась социальная кастовость. Уже Федор Алексеевич местнические книги сжег, сделал первый шаг по ликвидации этой системы, а затем вообще произошла революция в социальных лифтах, перспективах служебного роста любого человека, находящегося на государственной военной службе. Это «Табель о рангах», 1722 год. Ей, кстати, в этом году юбилей – 300 лет – отмечаем. Люди не дворянского происхождения получили официальную, понятную возможность сменить свой социальный статус – стать дворянами. На гражданке подольше надо служить, стараться где-нибудь в ведомстве, в коллегии. На военной службе можно было и побыстрее. Потому что первый обер-офицерский чин давал уже при Петре потомственное дворянство. Но вопрос: как ты этот обер-офицерский чин получишь? Возвращаясь к теме легкости дворянского бытия при Петре, это, в общем-то, несложно. Представьте себе Нотебург с каменными стенами или Нарву, в которой штатных 500 пушек. Крепость-то вроде бы небольшая, но 500 пушек. Столько, сколько у Наполеона было на Бородино примерно. Ну, и вперед. Шпагу в зубы, лестницу ты один не поднимешь – с парой товарищей подмышку, и побежал, побежал. Полез на стену навстречу сверкающему, всё сметающему металлу. Залез первым – улыбнулась тебе удача. Поздравляем. Может быть, получишь первый офицерский чин. Ты – дворянин. А вот дальше тебе подтверждать этот статус придется регулярно, потому что молодая Россия экспансивно расширяется, врагов у нее много, войны идут долго и непрерывно, армия не распускается. Поэтому служба тяжелая.

Петр как никто понимал важность образования, много сделал для его развития. Обучение для дворян, духовенства стало строго обязательным. Необразованный дворянин, как я сказал, не мог получить первый чин офицерский. Более того, необразованный дворянин просто не мог жениться – это воспрещалось. Появились разные школы: морская, артиллерийская, инженерная, медицинская. Появились первые гимназии. Для солдат в полках организовывались специальные полковые школы. И тоже солдаты отдавали своих детей в эти полковые школы. Ребенок, обучаясь в такой школе, получал не только бесплатное питание, одежду, а еще и своего рода стипендию. И чем лучше он учился... В первых классах учили только грамоте, начальной арифметике. Если же ты смысленный солдатский ребенок, то пойдешь в старшие классы – там тебя будут учить не просто складывать, вычитать, а более сложным действиям. Тебя будут учить геометрии, тебя будут учить основам уже инженерного дела. И после старших классов ты можешь, в принципе, стать сержантом. Но от сержанта дальше только храбрость и удача. И опять же работает социальный лифт. Старайся, стремись, добивайся.

Впервые в русской истории стала меняться роль женщины. До Петра жены, дочери – хоть боярские, хоть царевны – были обречены на затворничество в теремах. Петр I в буквальном смысле, в самом буквальном, вывел девушек, женщин в свет. Заставлял их участвовать в общественных мероприятиях, так называемых ассамблеях, с которыми он познакомился во время поездок в Европу, модернизировал их на русский лад, перестроил и сделал такие светские мероприятия, которые, кстати сказать, никому не нравились. Они встречали поначалу глухое сопротивление. Ну как это так? Незамужние девушки общаются с молодыми людьми, мужчинами, танцуют, могут выпить даже. Нехорошо как-то. Музыка играет. Старое московское боярство это дело не любило. Они всячески от участия в ассамблеях со своими семьями увиливали. Подобное времяпровождение, особенно для особ мужского пола... то есть себе-то они разрешали, а для особ женского пола считалось

неприличным. Поэтому, поскольку Петр был не просто реформатором, а очень настойчивым реформатором... Только указов о бритье бород с разными карами, с одной стороны, и стимулами для тех, кто сбреет, с другой стороны, им было, по-моему, подготовлено пять или шесть на протяжении своей жизни. Там от Петра не увильнешь. Уж если пунктик у него какой-то включился, что бороду брить, – всё, деться будет некуда. Так и с ассамблеями. Строго следил. Во-первых, организацию ассамблей в Петербурге Петр поручил своему бывшему денщику, выслужившемуся по «Табели о рангах» не абы до какой должности, а до должности, как бы сейчас сказали, Генерального прокурора. И вот Генеральный прокурор Павел Ягужинский – большой любитель танцевать и весельчак. Ему сказали: «Любишь танцевать – будешь отвечать за ассамблеи». Ну, попробуй не явись на ассамблею. Там списки составлялись. Списки проверялись, галочки ставили: пришел, не пришел. Когда в следующий раз будешь: «Почему не был? Болел?». И когда за списки отвечает Генеральный прокурор, хочешь не хочешь, приучишься к светскому времяпровождению.

Здесь уже много говорилось о том, что Петр считался убежденным западником, слепо копировавшим европейский опыт. Это, конечно, не совсем так. Это весьма одностороннее восприятие. Если Петр и был западником, то только по функционалу, не по убеждениям. Он не был ориентирован на западные ценности. Его западничество – это инструмент, с помощью которого он хотел сделать жизнь в России лучше, успешнее, современнее, культурнее, чище, работу всего государства эффективнее. В конце жизни он часто говорил, что: «Мы должны в Европе взять самое лучшее, усвоить, пропустить через себя. А когда надо будет, мы повернемся к Европе задом, потому что мы должны жить своим умом».

Рывок из Средневековья, который Россия совершила при Петре Великом, был сделан ценой максимального напряжения. И из населения, в первую очередь из крестьянства, конечно, выжимались соки. Но важно помнить и другое. То, что у этого сжатого в тридцать лет гигантского мобилизационного проекта просто не было исторической альтернативы. Альтернатива была, по сути, одна: со временем превращение России в полуколонию; распад, расчленение на какие-то самостоятельные квазигосударства, княжества, утрата суверенитета, исторической перспективы. И поэтому если бы не было петровских реформ, как бы жестоки иногда ни казались нам некоторые из них, мы бы точно жили с вами в другой стране. Совсем в другой стране. Не в России. Если бы вообще жили.

И в этом смысле историческая миссия Петра – это миссия человека, который смог догнать время, смог наверстать. Он эту задачу успешно решил. А Российская империя, созданная Петром, – это модель того многонационального, многоконфессионального государства, в котором мы живем и сегодня. И в этом смысле мы не погрешим против истины, если скажем, что собственно Петр – один из главных создателей нашей нынешней, современной России.

Сейчас часто говорят, что история развивается по спирали. Это, конечно, упрощение. Но если не воспринимать это утверждение буквально, то большая доля истины в нем есть. И мы все время возвращаемся с вами к фигуре Петра не только потому, что он очень неординарная личность, не только потому, что он как человек – обладатель уникального набора качеств, но и потому, что в опыте петровских времен, в опыте петровской эпохи мы ищем и находим ответы на те вопросы, которые стоят перед Россией сегодня. Потому что новое – это, как мы знаем, плохо изученное старое, а история (я возвращаюсь к началу нашего форума) – это наука не о прошлом; история – это наука о будущем.

Петр I: «благословенный царь» или «первый большевик»?

«Многими трудами не истомляемый и не сокрушаемый безчисленными бедствиями и, аки камень среди волн морских недвижимый пребывая, довольно всему свету показал еси, что имя тебе Петр» – так характеризовал архиепископ Феофан (Прокопович) первого русского императора, сравнивая его с апостолом, именем которого была названа основанная им новая столица. «...Получи от Бога Россия тако премудрым, тако щастливым, храбрым, победительным, тако, словом рещи, благословенным царем своим», – архиерей не жалел эпитетов, чтобы прославить не только великого государя, но и своего патрона, которому был обязан блистательной карьерой [9, с. 101, 108].

Яркий интеллект, бывший греко-католик и воспитанник иезуитской коллегии, он меньше чем через полтора десятилетия стал архиереем, вошедшим не только в духовную, но и – за счет близости к самодержцу – политическую элиту страны. Умерший в славе и богатстве Феофан является из-за своих честолюбия, сервильности и жестокости (по словам князя Михаила Щербатова, он «не устыдился быть судьей Тайной канцелярии»), сейчас, пожалуй, одним из самых непопулярных русских иерархов в церковной традиции. Можно привести множество негативных отзывов о его деятельности, но даже явно симпатизировавший архиепископу его биограф Илларион Чистович признавал, что «Феофан применялся к произволу Монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истинною цареугодливости» [29, с. 119]. Слово «иногда» в этой характеристике выглядит явно лишним.

Спустя два века после смерти Петра один из основателей катакомбной церкви в России, гонимый большевиками архиепископ Андрей (Ухтомский) писал для своей паствы в 1928 году, в период между тюрьмами и ссылками, нелегально распространявшиеся статьи. Петра он считал «первым русским революционером-большевиком» (мы не знаем, был ли знаком архипастырь со стихами Максимилиана Волошина, написанными за четыре года до этого: «Великий Петр был первый большевик, / Замысливший Россию перебросить, / Склонениям и нравам вопреки, / За сотни лет, к ее грядущим далям... / Не то мясник, а может быть ваятель – / Не в мраморе, а в мясе высекал / Он топором живую Галагею, / Кромсал ножом и шваркал лоскуты»). Владыка Андрей считал Петра «совершенно не верующим безбожником и безобразником, кощунником и развратником, как полагается безбожнику», при котором «духовенство русское было притянуто к системе полицейских доносов», а епископы, за исключением святителя Димитрия Ростовского, «обратились в формальных катаскопов-шпионов» (греч. катаскопос – шпионы) [1, с. 699, 703].

Поклонник славянофилов, в своей жизни бывший и черносотенцем, и христианским социалистом, противник Распутина и епископ в колчаковской армии, яростный критик обновленчества, расстрелянный в 1937 году, но не канонизированный Русской церковью

Макаркин Алексей Владимирович, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: a_makarkin@mail.ru

из-за перехода в старообрядчество, владыка Андрей видел в Петре сознательного разрушителя церкви, нанесшего сильнейший ущерб ее духовному авторитету, отказывая ему даже в личной вере. Соответственно, петровские «катаскопы» были для него прямыми предшественниками архиереев, пошедших на сговор с советской властью, – и обновленцев, и «сергианцев».

Итак, «благочестивый царь» или «первый большевик»? Анализируя бесконечные дискуссии, посвященные роли Петра в истории Русской церкви, можно обратить внимание на то, что среди жертв петровского царствования нет ни одного православного святого, что отличает основателя империи как от грозного царя Ивана, так и от «матушки Екатерины», считавшей себя наследницей Петра (см. надпись на постаменте «Медного всадника»: “Petro primo – Catharina secunda”).

Святые жертвы Ивана и Екатерины

О вине Ивана Грозного в гибели православных святых свидетельствуют житийные, летописные и иные источники. Почитание псковско-печерского настоятеля, преподобного Корнилия, относится еще к XVII веку. Погибший вместе с ним старец Вассиан (Муромцев) был причислен к лику местночтимых святых, что подтверждено включением его имени уже в конце XX века в Соборы Псковских и Псковско-Печерских святых.

Более сложным является вопрос о причастности царя к смерти святителя Германа (Полева). В его первоначальном житии, составленном будущим патриархом Гермогеном, сказано, что кончина наступила во время мора, но, как замечает Дмитрий Володихин, в тексте не говорится прямо, что именно эпидемия стала причиной его смерти [6, с. 263]. В то же время проведенная в XIX веке эксгумация мощей святителя Германа показала, что он был обезглавлен – это подтверждало изложенные князем Андреем Курбским слухи о насильственной смерти. Уже в «Тверском патерике», опубликованном архиепископом Дмитрием (Самбикиным) в 1908 году, содержится основанная на результатах исследования мощей версия о том, что «глава св. Германа оказалась отрублена не обычным, при обыкновенной казни, способом, а двумя ударами; одним спереди, отсекившим нижнюю челюсть, другим сзади по шее, из чего видно, что святитель сделался жертвой не казни, а какого-то свирепого побоища (видимо от опричников)» [8, с. 108].

Но самой известной жертвой Ивана Грозного является митрополит Филипп (Колычев). В церковной традиции подчеркивается, что владыка не был политическим оппонентом царя, а осуждал опричнину с моральной точки зрения, но при этом не желал признавать царскую волю, так как «с тех пор как солнце начало сиять на небе, не слыхано, чтобы благочестивый царь сам свою державу ввергал в смуту». В житии митрополита приводится такое завершение последнего, рокового спора царя и архиерея: «И сказал царь: “О, Филипп! Нашей ли власти противишься?” Много терпеливый же страдалец и пастырь духовный не испугался ни наказания, ни угроз мучениями, но душу свою положил за стадо духовных овец, порученное ему Владыкой, и сказал: “Благой царь! Повелению вашему не повинуемся, и замысла, который ты недобро замыслил, не разделяем, если даже и тысячекратно от вас люто пострадаем”. И вновь повторял слова Божественного Писания» [13, с. 155].

Митрополит Макарий (Булгаков) считал, что Филипп ходатайствовал перед царем, «чтобы он обуздывал своих опричников, наблюдал правду и милость по отношению к своим подданным и, карая злодеев, не позволял проливать неповинной крови» [15, с. 166]. Церковный либерал Георгий Федотов интерпретировал позицию митрополита следующим образом: «Святой Филипп не был политиком, а лишь защитником “правды” в христианском государстве. Можно условно допустить государственную необходимость опричной революции и суровых мер в борьбе с боярской оппозицией, – все равно: остается общий

характер имморализма, презрение к человеческой справедливости, тираническая, «кроваво-пийственная» жестокость, не оправдываемая никакими государственными соображениями» [26, с. 103]. А монархист Николай Тальберг отмечал, что Филипп мученически погиб «за прямоту свою и обличение зла, творившегося Иоанном IV» [25, с. 72].

Единственный архиерей, подвергшийся репрессиям при Екатерине, лишенный сана и монашества и умерший в Ревельской крепости митрополит Арсений (Мацеевич), является примером как для консерваторов, так и для либералов в церкви, хотя и с разными интерпретациями, соответствовавшими их идеологическим приоритетам. Консервативный православный публицист Евгений Поселянин называл владыку Арсения «горячим и бесстрашным ревнителем церковных прав», причем даже его недостатки связывал с «благородством и страстной преданностью Церкви». Его преследование императрицей Екатериной связывалось не только с публичным неприятием секуляризации, но даже с ее «мистическим страхом» перед митрополитом, с «болезненной страстностью». Такое поведение императрицы контрастирует с предсмертным смирением митрополита. Саму секуляризацию Поселянин однозначно осуждает с моральной (как нарушение воли жертвователей), так и с прагматической (невозможность для лишенной средств церкви заниматься активной социальной деятельностью) позиций. Праведность митрополита подтверждается его прозорливостью в отношении осудивших его членов Синода: «Димитрию Сеченову он предсказал, что тот задохнется собственным языком; Амвросию Зертис-Каменскому – смерть от руки мясника: “тебя, яко вола убийют”; епископу Псковскому Гедеону: “ты не увидишь своей епархии”. Замечательно, что слова Арсения сбылись в точности над его судьями» [19, с. 109–125].

Апологией владыки Арсения является и книга либерального священника (будущего обновленческого архиерея) Михаила Попова – хотя и с другими аргументами. Отец Михаил видел во владыке Арсении сторонника «обязательного значения тех гражданских законов, которые имели органическую связь с церковною народною жизнью», то есть правового государства. Обращая внимание на «удивительную для XVIII века широту взглядов» весьма консервативного иерарха, священник защищает его от обвинений в фанатизме. Отмечая, что владыка Арсений был защитником церковных имуществ, отец Михаил в то же время подчеркивал его «личную нестяжательность» и сравнивал его с «беззаветными поборниками правды» [18, с. 276], что в либеральном дискурсе трактовалось весьма расширительно. Предсказания владыки относительно кончины синодальных архиереев автор рационалистически считает «преданием», но при этом упоминает еще об одном «народном слухе», который обходит лоялист Поселянин, – о предсказании скоропостижной смерти «одной высокой особы», то есть императрицы [18, с. 159].

Статья в современной «Православной энциклопедии», написанная в период подготовки к общецерковной канонизации владыки Арсения (к тому времени его имя уже вошло в Соборы Ростово-Ярославских святых и святых Эстонской земли), характеризовала его как «строгого ревнителя Православия», противника синодальной системы управления церковью (особо отмечалось, что он во время архиерейской хиротонии еще в царствование Елизаветы Петровны отказался произнести формулу присяги на звание члена Синода, в которой «крайней судией» Синода признавалась императрица). В то же время при характеристике антисекуляризационного протеста владыки подчеркивалось, что он «избегал нападков на императрицу», но все же «делу был придан политический оборот». Подчеркивается прозорливость митрополита и его прижизненное народное почитание как «невинного страдальца и святого» [2, с. 389–391].

О. Михаил Попов подробно разбирает политические аспекты дела митрополита Арсения, отмечая, что тексты святителя с осуждением секуляризации были написаны «в тоне глубокого уважения, трогательного доверия» к Екатерине, а данные о том, что уже при

аресте он осуждал императрицу, не заслуживают доверия [18, с. 147–148]. Обсуждение же таких политических вопросов, как убийство Иоанна Антоновича и болезнь цесаревича Павла Петровича, позднее поставленные в вину Арсению, проходило уже когда он был лишен сана и находился в заключении, не имея политического влияния – и то никакой критики в отношении Екатерины в словах бывшего митрополита даже ангажированному следствию найти не удалось [18, с. 200–203].

Неудивительно, что для консервативного владыки Серафима (Соболева) митрополит Арсений – идеальный «великий русский иерарх-исповедник, пострадавший за православную веру и отдавший свою жизнь во имя спасения России» [21, с. 23]. Эта оценка была дана после того, как владыка Арсений был реабилитирован на Поместном соборе 1917–1918 годов, но задолго до его канонизации на Юбилейном Архиерейском соборе 2000 года.

Петр: гонитель без мучеников

Отношения Петра с духовенством были нередко конфликтными, но царь при этом не был ни гонителем православия, ни патологически жестоким человеком. Ряд критиков царской политики подвергались наказаниям, но не делавшим из них мучеников. По-человечески привлекательна фигура монаха Авраамия, строителя Андреевского монастыря под Москвой, благочестивого правдолюбца, призывавшего царя вести праведную жизнь в рамках традиционного благочестия, ввести справедливый суд, экономно расходовать собираемые налоги и, в частности, сократить расходы на содержание двора. Призывы Авраамия к царю заняться государственными делами полностью расходились с петровской повесткой – кораблестроение и Азовские походы монах считал лишними для благосостояния населения. А упрек в связи с гибелью от пыток влиятельного боярина Петра Лопухина мог вызвать царский гнев, тем более что виновником был назван дядя Петра, Лев Нарышкин. В 1697 году Авраамий был арестован, сам подвергнут пытке, но отделался мягким наказанием – высылкой без лишения сана в недалекий от Москвы Старо-Голутвин монастырь [5, с. 331–335]. Оттуда через несколько лет, в 1701-м, он написал царю, надеясь на пересмотр дела, что ухудшило условия его пребывания в монастыре. Петру, ведущему к тому времени Северную войну, было не до честного и искреннего монаха, который «хотел как лучше», но не разбирался в политических делах, выходя при этом за рамки чисто моральных поучений.

Характерна также судьба царского духовника священника Иоанна Иванова, вовлеченного в дело Григория Талицкого (подробнее о нем ниже), которого он исповедовал, но не раскрыл тайны исповеди (требования делать это в случае, когда перед священником оказывался нераскаянный государственный преступник, тогда еще не было). Разгневанный царь в 1701 году приказал выслать священника в Соловецкий монастырь для пострижения в монахи. На севере отца Иоанна приняли благожелательно – это относилось и к холмогорскому архиепископу Афанасию (Любимову), одному из самых близких к царю иерархов, и к настоятелю Соловков. Отец Иоанн был пострижен в монашество с именем Иов, смиренно выполнял все монастырские послушания, а закончил свою жизнь основателем Голгофо-Распятского скита, принявшим схиму с именем Иисус. В 1993 году он был причислен к лику святых как преподобный Иов Анзерский, но его почитание существовало еще в первой половине XIX века, когда было составлено житие.

В этом документе Петр предстает в целом в позитивном свете – как введенный в заблуждение благочестивый царь, а не жестокий гонитель. Сказано, что священник Иоанн был оклеветан, «неизвестно, по какому случаю или вражью наваждению» (во втором варианте жития уточнено, что речь шла об отказе нарушить тайну исповеди в деле Талицкого),

но затем он был реабилитирован, так как «потом усмотрено, что он невинно сослан бысть в заточение». В 1713 году по приказу Петра холмогорский архиепископ благословил преподобному построить две каменные церкви (однако такое масштабное начинание так и не было реализовано, видимо, из-за нехватки средств – вместо этого преподобный поставил деревянную церковь). Впоследствии Петр помог скиту – так как вокруг преподобного собралось немало учеников, которым было трудно прокормиться, царь «повеле указом даяти из Архангельска хлеб на пропитание из царских уделов, ибо особенно к лицу его простиралась царская милость». В жизнеописании преподобного, составленном в начале XX века иеромонахом (будущим епископом и священномучеником) Никодимом (Кононовым), содержится новая деталь, делающая образ Петра еще более привлекательным: «Государь вспомнил своего духовного отца, убедился в его невинности и снова призывал к себе. Но уже изнуренный летами и подвигами старец отказался возвратиться ко двору» [19, с. 13–14].

История преподобного Иова выглядит, однако, почти идиллической на фоне судебных дел против епископов Игнатия Тамбовского и Досифея Ростовского. Эти архиереи были великороссами, которых он замещал более образованными и лояльными малороссами.

Первым репрессированным иерархом стал тамбовский епископ Игнатий (Шангин), вовлеченный в упомянутое выше дело переписчика книг Григория Талицкого, который не только считал Петра антихристом, но и распространял письма, где призывал народ не платить податей, а стрельцов – свергнуть Петра и заменить его на князя Михаила Черкасского (нетрудно заметить коренное отличие от обращения к Петру монаха Авраамия, который, узнав о деле Талицкого, осудил его пропаганду). На допросе Талицкий выдал епископа Игнатия, не только сочувствовавшего ему (сравнивавшего его с апостолом Павлом), но и оказывавшего материальную поддержку – правда, довольно скромную в размере пяти рублей. Дело Талицкого началось в 1700 году, вскоре после стрелецкого бунта и в начале Северной войны, что способствовало суровости царя в отношении владыки Игнатия. Однако за епископа вступился патриарх Адриан, отказавшийся лишить его сана. После смерти Адриана такую же позицию занял нижегородский митрополит Исаия – этот конфликт стимулировал отказ Петра от патриаршества. Лишь назначение патриаршим местоблюстителем малоросса Стефана (Яворского) привело к тому, что церковь отступилась от Игнатия, – в 1701 году он был лишен сана и передан в руки светских властей.

Простой и эмоциональный (он плакал над «тетрадами» Талицкого), епископ Игнатий не был заговорщиком (он не распространял взгляды Талицкого, хотя и не донес на бунтовщика), но в глазах Петра стал символом нелояльности русского епископата в переломное для страны время. Отсюда и крайне эмоциональное решение Петра ликвидировать тамбовскую епархию, которой недолго управлял Игнатий. Впрочем, бывшего епископа не казнили за государственное преступление, а отправили в «каменный мешок» – тюрьму Соловецкого монастыря – с запретом пользоваться чернилами и бумагой. Такое заключение означало быструю смерть для немолодого человека, но, похоже, его условия были смягчены, – бывший епископ прожил в монастыре 16 лет и через какое-то время после начала заточения получил возможность писать, но, в отличие от Авраамия, не напоминая царю о своем существовании (это означало и перевод из «каменного мешка», в котором заниматься писательским делом было невозможно).

Дело Талицкого показало и отличие Петра от Ивана Грозного – кроме Игнатия, были осуждены лишь ближайшие сподвижники популярного в народе обличителя государя. Князь Черкасский, который и не подозревал об участии, которую готовил ему Талицкий, продолжил успешную государственную карьеру. Петр был жесток, но, как правило, рационален – и этим принципиально отличался от Ивана. В свою очередь, Игнатий (или

«Ивашка» после расстрижения), хотя и вызывал сочувствие коллег по иерархии, но никак не соответствовал образу святого [11, с. 122–123].

Вступавшийся за Игнатия митрополит Исаия был смещен со своей кафедры в 1707 году и отправлен на покой в Кирилло-Белозерский монастырь, но не был лишен сана или осужден. Это произошло после того, как он резко осудил действия главы Монастырского приказа Ивана Мусина-Пушкина, изымавшего у архиереев часть их доходов. Поручик Василий Тютчев, прибывший в Нижний Новгород из этого приказа для расследования деятельности митрополита, доносил, что тот произнес следующую яркую тираду: «Ты овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви божии, вотчины наши ведает, а теперь у нас и данные, и вечные деньги отнимает, и если эти сборы у меня отнимут, то я в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, а ты по наказу своему разыскивай правдою; и так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды, да и вперед, если не отстанете от неправд, шведы вас побьют».

После этой бурной истории в Нижний Новгород был направлен дьяк Преображенского приказа Нестеров, которому Исаия изложил свою, значительно более смягченную, версию этой истории, ссылаясь на неприязнь к нему со стороны Мусина-Пушкина и на отсутствие царского повеления на изъятие доходов. Крамольный сюжет про шведов, актуальный для трудного периода Северной войны, Исаия интерпретировал довольно витиевато и куда более лояльно: «Говорил я Тютчеву и о том, чтобы по наказу разыскивать правдою, помнил бы видимое лежащее на них за преумножение грехов их и неправд посещение, что шведы стоят такое продолжительное время противно» [24, с. 322–323]. В любом случае, Петр не посчитал этот бытовой конфликт государственным преступлением и не стал инициировать «дело Исаии» – в отличие от Екатерины II, жестоко наказавшей митрополита Иоанна (Мацеевича) за протест против секуляризации, – хотя и избавился от непослушного архиерея. Но примечателен феномен «лжепророчества», пусть и произнесенного в запале – финансовое давление на церковь продолжалось, а шведы были побеждены.

Зато судьба ростовского епископа Досифея (Глебова) сложилась трагически – он был казнен по приказу Петра. Друг протоиерея Иакова Игнатьева, ставшего духовником царевича Алексея, он с 1709 года был настоятелем Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале – в этом городе он общался с первой супругой Петра, Евдокией Лопухиной, которая после развода была пострижена в монахини и отправлена в суздальский Покровский монастырь. В 1711 году Досифей стал ростовским епископом. В феврале 1718 года он был обвинен в соучастии в заговоре царевича Алексея, арестован, через неделю после ареста лишен сана (несмотря на недовольство части архиереев), подвергнут жестоким пыткам и меньше чем через месяц колесован на Красной площади [10, с. 61].

Досифей не имел прямого отношения к планам царевича Алексея – в отличие от протоиерея Иакова Игнатьева, который также был казнен по делу престолонаследника. Досифея обвинили в пророчествах о скорой смерти Петра, которые он делал сестре государя, царевне Марфе Алексеевне. Под пыткой епископ признал свою вину, заявив, что пророчествовал «для того чтоб быть царевичу Алексею Петровичу на царстве, и было бы народу легче, и строение Петербурга умалилось и престало». Также выяснилось, что аналогичные пророчества он делал и бывшей царице Евдокии, обещая ей и освобождение из монастыря после прихода к власти Алексея. Этого оказалось достаточно, чтобы разъяренный Петр обрек его на смерть.

Однако Досифей в церковной среде так и не был признан мучеником – речи о его канонизации даже не шло, даже критики Петра воздерживались от подобных инициа-

тив. И дело было не только в репутации Петра как основателя империи и вовлеченности Досифея в политическое дело. Сам образ иерарха не соответствовал представлениям о святости, принятым в церкви. Досифея нельзя было назвать стойким приверженцем церковной старины – перед епископской хиротонией он был близок к Александру Меншикову, что способствовало его карьере. На следствии он под пытками дал показания на брата бывшей царицы Авраамия Лопухина, который также интересовался пророчествами о смерти Петра и судьбе своей сестры – позднее тот был казнен. Даже распространенная, но недостоверная легенда о том, что перед смертью Досифей плюнул в Петра, не соответствовала образу смиренного мученика.

Но, главное – ни одно из его пророчеств, ставших известными следствию, не сбылось (Евдокия была, впрочем, освобождена из монастыря, но через много лет и не погибшим сыном, а внуком). Более того, когда сроки предполагаемой смерти Петра наступали, Досифей называл новую дату, то есть вел себя как лжепророк – на контрасте с Арсением (Мацеевичем), чьи пророчества относительно судеб судивших его архиереев, согласно житию, сбылись, что стало аргументом в пользу его святости. Более того, в отличие от митрополитов Арсения или Исаяи ростовский епископ пророчествовал не импровизированно, в эмоциональном порыве, а вполне сознательно создавая себе образ прозорливого праведника.

Таким образом, Петр не стал гонителем святых. Напротив, воронежский историк Сергей Введенский, бывший инспектором Задонского духовного училища, видел в современнике Петра – святителе Митрофане Воронежском – образец церковного отношения к Петру и его реформам. Митрофан видит в царе живого носителя идеи порядка, безропотно переносит тяготы, связанные со строительством и функционированием верфи в Воронеже, не только жертвует деньги на флот, но и лично «разъясняет народу «намерения государевы» и убеждает рабочий люд мириться с тяжелыми трудами». И в то же время он занимает ригористичную позицию, когда видит угрозу церковному пастырству, настояв на снятии языческих статуй, стоявших у царского дворца, и подвергая критике «иноверческую» пропаганду (хотя при этом, занимаясь благотворительностью, помогал и иностранцам). Введенский отмечал, что святитель был «одинаково далек и от неразумной приверженности к старине, и от раболепства пред новизной». [4]. Это позволяло ему сохранять и лояльность Петру, и собственную идентичность как церковного человека.

Архиепископ Димитрий (Самбикин) отмечал, что «Петр I уважал святителя Митрофана в частности и за то, что тот не был противником его реформ, хотя и не отличался школьной ученостью, присущей сторонникам перемен. Также святитель был близок Петру в усердном радении о благе родной земли». Владыка Димитрий противопоставлял государственное мышление святителя Митрофана позиции архиереев, которые «неблагодарно смотрели на нововведения Петра (например, учреждение Монастырского приказа, передачу управления архиерейскими вотчинами светским лицам и т.п.), по их мнению, разорявшие монастыри и Архиерейские дома» [7, с. 45–46].

Евгений Поселянин, характеризуя другого современника Петра, святителя Димитрия Ростовского, отмечает, что, «признавая пользу некоторых реформ Петра, он резко осуждает то, что шло против дела Церкви». Святитель Димитрий в своих проповедях намекал на гневливость Петра, критиковал указ, позволяющий не соблюдать в армии церковные посты. Свое недовольство финансовым давлением государства на церковь он выразил в «Келейной летописи», напомнив известную библейскую историю из Второй Маккавейской книги о неудачной попытке Илиодора, вельможи царя Селевка, ограбить иерусалимский храм. Из-за нехватки средств Димитрий Ростовский закрыл основанную им школу – Поселянин видит в этом парадокс политики Петра, выступавшего за распространение образования, но подрывавшего материальную основу для функционирования

церковных школ. [19, с. 38–43]. В то же время святитель Димитрий не встает в оппозицию Петру, не участвует в заговорах или даже фронде против государственного строя – это сдержанный и подчас горький критик.

Русская церковная эмиграция: неподцензурные споры о Петре

В дореволюционной России открытая критика Петра со стороны церковных деятелей была ограничена в связи с гражданским культом первого императора. В то же время для светских богословов было куда больше возможностей для выражения своего отношения к Петру – хорошо известна критика его деятельности со стороны славянофилов. Хотя и их взгляд на Петра был сложнее, чем простое отрицание. В не предназначавшейся для печати, но обсуждавшейся в узком дружеском кругу статье «О старом и новом» Алексей Хомяков писал, что Петр «ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза». Хомяков не щадит тех, кто попал под эту грозу, совершенно не идеализируя допетровскую страну: «Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающим родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в кельях и поборов по городам, а забывающим Церковь, и человечество, и братство христианское. За кого из них заступится история?». Хотя в то же время и отмечает, что Петр, который пробудил Россию к сознанию силы, «не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода» [28].

В эмиграции люди церкви, иерархи и мыслители (мнения некоторых из них, таких антагонистов, как архиепископ Серафим (Соболев) и Николай Тальберг, с одной стороны, и Георгий Федотов – с другой, о святителях Филиппе и Арсении цитировались выше), могли высказываться куда более свободно. Оценка деятельности Петра у русских православных авторов, оказавшихся за границей после 1917 года, связана с влиянием как славянофильской традиции, так и творчества Владимира Соловьева, который считал, что московская Русь к XVII веку оказалась в полном тупике из-за изоляции от «вселенского христианского пути» – и Петр, «сломав стену, отделявшую Россию от человечества», сделал это «прочно, бесповоротно», что побуждает «живее чувствовать и выше ценить великое дело Петровской реформы, не смущаясь тем, что Провидение нашло и употребило для этого дела не какого-нибудь скромного и благовоспитанного мудреца, а разгульного и необузданного богатыря» [23].

Деятели консервативной Русской православной церкви за границей при всей критичности своего отношения к Петру, находили в его деятельности немало положительного, рассматривая его преобразования как ломающие благочестивую традицию московского православия, но при этом вынужденные, причем проводимые верующим человеком.

По словам архимандрита Константина, некогда успешного молодого либерально-петербургского чиновника Кирилла Зайцева, а в эмиграции – строгого ревнителя христианской веры, петровские реформы стали бунтом против древнемосковского православия [13, с. 184]. «Петр разорвал исконную интимнейшую связь русского человека с Церковью, определявшую все стороны жизни, без изъятия», произошло «принудительное обмирщение русского общества». Но при этом он же отмечал не только личную веру Петра, но и государственную необходимость его политики: конечной целью реформ было спасение Святой Руси, так как инерционные «привычные формы московского быта» не позволяли более «развить ту лихорадочную энергию сопротивления, которая была нужна для защиты от «военного потенциала» Европы с ее мощной технологической модернизацией. Архимандрит Константин сожалел о «принудительности» реформаторского процесса, в ходе которого забывалась та самая Святая Русь, которую петровские преобразования были призваны спасти. Но он был далек от алармизма, ставя вопрос о том, что российское общество оказалось перед необходимостью выдержать экзамен свободы, со-

держание которого архимандрит Константин сформулировал следующим образом: «Способна ли Россия под броней Императорского Великодержавия, в обладании свободной гражданственностью и в полноте имперского культурного расцвета – оставаться Православным Царством» [13, с. 649–654]). Таким образом, петровские реформы не закрывали возможности для православной традиции – они только ликвидировали комфортные для нее условия («нерушимый душевный покой» [13, с. 243]), которые уже не соответствовали вызовам, стоявшим перед страной. Вину за то, что эти возможности не были реализованы, архимандрит Константин возлагал на ближайших преемников Петра, делая исключение лишь для Елизаветы Петровны [13, с. 249].

Младший современник архимандрита Константина, архиепископ Нафанаил (Львов), перечисляя распространенные в православной среде обвинения в отношении Петра и будучи настроен более критично, заявляя даже, что тот уничтожал Святую Русь, в то же время посвятил одну из своих работ фактическому оправданию Петра. Первый аргумент зарубежного архиерея связан с тем, что, «будучи часто кощунником, Петр никогда не был богоборцем», то есть не проводил антирелигиозную политику [16, с. 62]. Архиепископ Нафанаил проводит ту же аналогию с большевизмом, что и епископ Андрей, но приходит к противоположному выводу – хотя и сравнивает сервильных архиереев петровского времени с современными ему советскими иерархами. Второй аргумент носит более масштабный характер – владыка Нафанаил подчеркивает негативную эволюцию Святой Руси. Идеализируя Русь XIV–XVI веков, он критично относится к духовной жизни Московского государства XVII века, видя в ней падение высоких моральных стандартов и «грешную тягу к Западу», секуляризаторские тенденции при Алексее Михайловиче. Так что Петр только «сломячил истонченную перегородку между Русью и Западом, за которую несмело с возжелением заглядывали москвичи», но при этом «создал Великую Россию» [16, с. 65–68]. Так что если для архимандрита Константина оправданием Петра является его действия в условиях крайней необходимости и уязвимость привычных форм благочестия, то для архиепископа Нафанаила в первую очередь – деградация этих форм в допетровское время.

Николай Тальберг, был, как и Кирилл Зайцев, молодым и успешным петербургским чиновником, но в отличие от него придерживался крайне консервативных взглядов. В эмиграции он был активным участником монархического движения, а после Второй мировой войны – профессором истории в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. По его мнению, «великий преобразователь, но и великий разрушитель», Петр «преклонился перед обольстившим его Западом и начал крушить свое родное», но после этой констатации Тальберг защищает императора от обвинений в безбожии и дает подробное описание благочестивых деяний Петра как церковного певца и чтеца, храмостроителя и жертвователя, отмечает его уважительное отношение к святителям Митрофану Воронежскому и Димитрию Ростовскому [25, с. 78–80].

Впрочем, точка зрения о балансе позитива и негатива в деятельности Петра не была консенсусной для «зарубежников». Архиепископ Серафим (Соболев), служивший в Болгарии и после Второй мировой войны перешедший в Московский патриархат, оценивает деятельность Петра однозначно негативно. Соглашаясь с тем, что отступление от идеальных государственно-церковных отношений (симфонии) началось при Алексее Михайловиче, он не видит в этом оправдания петровской политики, так как Петр «привил русскому народу протестантизм», возвышающий человеческую личность, так как он «дает перевес его разуму и свободе над авторитетом веры и обольщает независимостью и прогрессивностью своих начал». А также отнял у церкви имущество и контроль над школами, что привело к секулярному характеру просвещения, которое с XIX столетия даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе таило гибель России» [21, с. 19]. Антипетровский подход владыки Серафима глубоко идеологичен (неудивительно, что его историософская

работа называется «Русская идеология»), но при этом «освящен» личным благочестием архиерея, причисленного в 2016 году к лику святых (что, разумеется, не делает его взгляды на исторические процессы нормативными для православных).

Более либеральные прихожане Русского экзархата в Европе также противоречиво оценивали деятельность Петра, обращая внимание, в частности, на его вклад в просвещение, который был неактуален для консервативных «зарубежников» и однозначно негативен для владыки Серафима. Для петербургского, а затем парижского церковного историка Антона Карташева петровская церковная политика была обусловлена общей гуманистической атмосферой, в которой «человеческое начало эмансипировалось от начала божеского» и которая привела к распространению «территориальной» системы, когда государство контролирует религиозную сферу на своей территории. Возникнув как альтернатива католической теократии, эта система была заимствована Петром применительно к Русской церкви, «тоже глубоко теократической в византийском варианте». В результате «получилась сокрушительная идейно-каноническая и бытовая ломка, серьезности которой Петр и его сотрудники до конца не постигали». Карташев в эмиграции дистанцировался от «русской политической и церковной самокритики», которая привела к «преувеличенно-критической и отрицательной» оценке синодального периода русской церковной истории, начавшейся с правления Петра. Сравнивая синодальный и советский периоды истории, Карташев выделяет «положительные качества и достижения Русской церкви» во время синодального управления – от просветительско-богословской деятельности до широкого развития монашества. По мнению Карташева, даже секуляризация принесла неожиданную помощь монашеству, пробудив в нем «энергию трудового приспособления» и даже послужив «толчком к духовному его возрождению в форме прославленного старчества» [12, с. 314–320].

«Сейчас мы с ужасом и отвращением думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа. Церковь ограблена, поругана, лишена своего главы и независимости. Епископские кафедры раздаются протестантствующим царедворцам, веселым эпикурейцам и блюдолизам... Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества) – та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция XIX века. Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой, – национальной», – возмущается Георгий Федотов, пожалуй, самый левый из «парижских богословов» – эти слова могли бы принадлежать и консерватору из «зарубежной» церкви. И тут же ставит риторический вопрос: «Значит ли это, что мы отвергаем дело Петра? Империю, созданную им: этот огромный дом народов, на четыре моря, на шестую часть земного шара, где в суровой школе зрели для творческого пробуждения многомиллионные пласты европейско-азиатской целины? Где русский гений впервые вышел на пространства всемирной истории, и с какой силой и правом утвердил свое место в мире!». И далее он заявляет, что «только Петербург расколол пленное русское слово, только он снял печать с уст православия. Для всякого ясно, что не только Пушкин, но и Толстой и Достоевский немыслимы без школы европейского гуманизма, как немыслим он сам без классического предания Греции», а в творчестве Толстого и Достоевского «впервые на весь мир прозвучал голос допетровской Руси, христианской и даже, может быть, языческой, как в Хомякове и в новой русской богословской школе впервые, пройдя искус немецкой философии и католической теологии, осознает себя дух русского православия» [27, с. 80–81].

Для еще одного светского «парижского богослова», Николая Бердяева, реформа Петра – «это революция сверху», неизбежная, подготовленная предшественниками и в то же время насильственная. Но «без насильственной реформы Петра, столь во многом мучительной для народа, Россия не могла бы выполнить своей миссии в мировой истории и не могла бы сказать свое слово», «без реформ Петра самое русское государство не могло

бы себя защитить и не могло бы развиваться». Бердяев дистанцировался как от славянофильского отрицания петровских реформ, так и от «чисто западной точки зрения, отрицавшей своеобразие русского исторического процесса». Он исходил из того, что не Петр поработил и ослабил церковь, а сама его церковная реформа была «результатом ослабления церкви, невежества иерархии и потери ее нравственного авторитета» (в этой констатации он ссылается на святителя Димитрия Ростовского). «Было бы несправедливо во всем винить Петра. Но насильнический характер Петра ранил народную душу», – резюмировал Бердяев [3, с. 44–46].

Церковный историк Игорь Смолич, бывший прихожанином одного из зарубежных приходов Московского патриархата, как и Карташев, обращал внимание на почти всеобщую негласную и открытую критику петровской церковной реформы – единственной, кто ее положительно оценивал, по его мнению, была государственная власть [22, с. 21]. В то же время он обращает внимание на предпосылки этой реформы еще в царствование Алексея Михайловича, когда царь, предотвращая победу никоновского клерикализма, перестал на практике руководствоваться учением о Москве как «третьем Риме», а уже Петр опасался появления второго Никона, что могло бы поставить под угрозу его планы преобразований в России, которые привели к «государственной церковности» и деградации церкви «до уровня государственного учреждения» [22, с. 59]. Петр, по мнению Смолича, «хотя и стремился к тому, чтобы приобщить Россию к европейской культуре, которая на рубеже XVII в. была, безусловно, христианской, но при том был твердо убежден в необходимости сохранить православную веру и господство православной Церкви, поскольку они находились в тесной связи с национальными чувствами и соображениями государственной пользы», тесно связанной с нравственным воспитанием, понимаемым как «воспитание из народа добрых граждан, сознающих свой долг перед государством» [22, с. 69].

Таким образом, отношение к Петру русских церковных людей в зарубежье было связано с поиском баланса между государственными интересами и религиозной идентичностью. Идеализация Петра была для них неприемлема, но и его демонизация в большинстве своем они стремились избегать. Конечно же, не благочестивый государь, но и не первый большевик, Петр предстал в качестве непреодолимой силы, которая жестоко рушила прошлое, но ценность этого прошлого к тому времени уже уменьшилась. Создававшееся будущее было далеко не идеально – но возникает вопрос, а было ли бы оно без Петра?

Литература

1. [Андрей (Ухтомский)]. Священномученик Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Труды / сост. Т. Сидаш, С. Сапожникова. СПб.: Свое издательство, 2013. 1284 с.
2. Алексеев А.И. Арсений (Мацеевич) // Православная энциклопедия. Т. III. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 387–392.
3. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
4. Введенский С.Н. Святитель Митрофан Воронежский как церковно-государственный деятель эпохи преобразований. Воронеж: Воронежская церковная историко-археологическая комиссия, 1904. 30 с.; [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Mitrofan_Voronezhskij/svjatitel-mitrofan-voronezhskij-kak-tserkovno-gosudarstvennyj-dejatel-epohi-preobrazovanij/
5. Волков М.Я. Монах Авраамий и его «Послание Петру I» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 311–336.
6. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 304 с.
7. Димитрий (Самбикин Д.И.), архиеп. Делай благо, бегай злаго: Деятельность святителя Митрофана на Воронежской кафедре. М.: Изд-во имени святителя Игнатия Ставропольского, 2003. 47 с.
8. Димитрий (Самбикин Д.И.), архиеп. Тверской патерик: краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань: Церк. историко-археологическое общество Казанской епархии, 1908. 223, 16 с.: ил.
9. Довгий О.Л. Петровский канон Феофана (Прокоповича) // Вестник РГГУ. 2013. № 20: Филологические науки: Литературоведение. Фольклористика. С. 100–109.

10. *Дамиан (Залетов), игум.; Кольванов Г.Е.* Досифей (Глебов) // Православная энциклопедия. Т. XVI. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. С. 61.
11. *Мелетия (Панкова), мон.; Серафим (Питерский), игум.; Чумичева О.В.* Игнатий (Шангин) // Православная энциклопедия. Т. XXI. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. С. 132–133.
12. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. II. М.: Наука, 1991. 576 с.
13. *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. М.: НТЦ «Форум», 2000. 863 с.
14. *Лобакова И.А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 312 с.
15. *Макарий, митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 592 с.
16. *Нафанаил (Львов), архиеп.* О Петре Великом / Нафанаил (Львов) // Беседы о Священном Писании и о Вере. Т. 4. Нью-Йорк: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей, 1995. С. 57–72.
17. *Никодим (Кононов А.М.), иеромон.* Соловецкие подвижники благочестия XVIII и XIX веков: очерки. Издание Соловецкой обители. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1900. 34 с.
18. *Попов М.С., свящ.* Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский. СПб.: [склад издания у автора], 1905. 302 с.
19. *Поселянин Е. (Погожев Е.Н.).* Русская Церковь и Русские подвижники XVIII-го века. СПб.: Издание Тузова, 1905. 356 с.
20. *Севастьянова С.К.* Житие Иисуса Голгофского – малоизвестный памятник соловецкой агиографии первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 22–28.
21. *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб.: Изд-во имени А.С. Суворина, 1992. 103 с.
22. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917: в 2 ч. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. 1. 830 с.
23. *Соловьев В.С.* Несколько слов в защиту Петра Великого [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://romanovy.rhga.ru/upload/iblock/36c/23_Solovuyev_V1.pdf
24. *Соловьев С.М.* Соч.: в 18 кн. Кн. VIII: История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
25. *Тальберг Н.Д.* Святая Русь. СПб.: Изд-во имени А.С. Суворина, 1992. 104 с.
26. *Федотов Г.В.* Святой Филипп, митрополит Московский. М.: Стрижев-центр, 1991. 128 с.
27. *Федотов Г.В.* Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. 352 с.
28. *Хомяков А.С.* О старом и новом. Темные и светлые стороны древней Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1
29. *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Императорская академия наук, 1868. X, 752 с.

Аннотация. Среди жертв царствования Петра I нет ни одного православного святого, что отличает Петра как от Ивана Грозного, так и от Екатерины II. Святители Митрофан Воронежский и Димитрий Ростовский, жившие во времена Петра, противоречиво оценивали различные его действия, но не находились в оппозиции к царю (а свт. Митрофан активно поддерживал некоторые его начинания). Деятели русской православной эмиграции, излагавшие свои мнения без влияния цензуры, в основном выделяли в деятельности Петра как положительные, так и отрицательные стороны, что было связано с поиском баланса между государственными интересами и религиозной идентичностью. Идеализация Петра была для них неприемлема, но и его демонизация в большинстве своем они стремились избежать.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Церковь и государство в России, русские святые, Петр I.

Alexey V. Makarkin, Professor, "Higher School of Economics" National Research University.
E-mail: a_makarkin@mail.ru

Peter I: the "Blessed Tsar" or the "First Bolshevik"?

Abstract. There was not a single Orthodox saint among the victims in the reign of Peter I, which distinguishes Peter from both Ivan the Terrible and Catherine II. St. Mitrofan of Voronezh and St. Dimitri of Rostov, who lived in Peter's time, had contradictory opinions about his various actions, but were not in opposition to the tsar (and St. Mitrofan actively supported some of his initiatives). The figures of the Russian Orthodox emigration, who expressed their opinions freely without the pressure of censorship, mainly distinguished both positive and negative sides in Peter's activities, which was connected with the search for the balance between state interests and religious identity. The idealization of Peter was unacceptable to them, but for the most part they tried to avoid his demonization.

Keywords: Russian Orthodox Church, Church and State in Russia, Russian Saints, Peter I.

Петровские реформы и поиск модели социальной гармонии: проблема корреляции

Социальная гармония составляет функцию «общего блага». Именно так, гармонично, должно в идеале функционировать организованное в государство сообщество. «Социальная гармония» – это социетальный термин, возможный и появляющийся только в коллективе, осознающем свои коллективные ценности и цели. Вряд ли возможно гармонизировать индивидуалистическое, атомизированное общество «войны всех против всех».

Существует множество ракурсов функционального определения социальной гармонии. Рассматривается она и как социальный компромисс на основе правовой регуляции, и как социальный консенсус на основе стабилизационного сознания, образования и приоритета знаний; ее анализ существует в экономическом, социально-антропологическом, структурно-функциональном и ряде других аспектов [3, с. 12]. Нас же будет интересовать ее идеально-типическая, идеократическая, где-то даже утопическая форма. В данном аспекте социальная гармония предстает как продукт ожидания, как «чертеж» и план идеального конструкта организации общества, как надежда и чаяние составляющего общество народа, способная воплотиться в нравственном государстве. В свою очередь, это предполагает понимание социальной гармонии еще и как ключевого принципа, а также главной тенденции, которая может и должна быть последовательно проведена во всех сферах жизни. Масштабное социальное конструирование, проведенное первым российским императором, является, пожалуй, первым примером такого проведения.

Реформы Петра Великого были вызваны причинами внешнеэкономического и общекультурного характера. Страна, одержав крупные военные победы, вошла в стадию цивилизационного созревания и необходимого при этом осознания своей государственной и культурной идентичности. «Воля к власти» российского государственного организма заявила о себе в полную силу. И вместе с этими – конъюнктурными, политико-экономическими – процессами, происходит концептуальное (в литературе) и практическое (в этосе и жизни) проявление некоторых культурных и цивилизационных констант, которые позже получают в русской философской мысли такие определения, как «соборность», «всеединство», «коммунитарность». Деятельность Петра начинает доформировывать (и одновременно трансформировать) российскую идентичность, основной ценностью которой станет приоритет сильной страны и государства.

Категоричность, ригористичность реформ Петра во многом оправдывается достижением общих целей, целей построения сильного государства, в котором живет сильный народ. Реформы Петра нельзя адекватно оценить, исходя из синхроничной темпораль-

Бакурков Анатолий Александрович, аспирант кафедры философии Вологодского государственного университета; ведущий консультант управления по развитию местного самоуправления Департамента внутренней политики Правительства Вологодской области. E-mail: mr.bakurkoff@mail.ru

ности. Итоги его преобразовательной деятельности стали заметны в диахронической, историко-культурной перспективе.

«Интуитивно чувствуя коренную государственную потребность, ум Петра немедленно осознавал ее как интерес, а осознанный интерес вызывал столь же быструю постановку цели и срочную, безотлагательную активность по обретению средств к достижению этой цели» [6, с. 67]. Общую схему принятия Петром управленческих решений можно описать следующим образом. Понятие «общего блага» берется как фундаментальный принцип, выступает целью, маяком, к которому направлено действие реформ. Принцип «общего блага» распространяется, иррадируется во все сферы общественной жизни с помощью соответствующего каждой такой сфере инструментария. В экономике – повышение сбора налогов, введение (правда, несколько запоздалое, как реакция на разорение русского купечества) принципов меркантилизма и протекционизма; в военной – новые правила рекрутинга и бессословная армия, строительство флота; в духовной – реформация Церкви и появление Святейшего правительствующего Синода и др.

Самой первичной государственной потребностью, то есть в конечном счете интересом «общего блага», была осознана потребность ускоренного военного развития. Надвигающуюся войну со Швецией невозможно было откладывать дальше. Достижению этой цели служили отдельные задачи реформаторской деятельности в области церковных, административных, экономических, таможенных, социальных и иных отношений. И в этой связи, к примеру, в ноябре 1699 года издается указ о формировании 30 полков по новой схеме комплектования. В это же время начинается перечеканка всей серебряной монеты с уменьшением ее веса для выравнивания, как бы сейчас сказали, бюджетной обеспеченности. С этой же целью проводится введение городского выборного самоуправления и создание «централизованной бухгалтерии» – Бурмистерской палаты. Происходит оптимизация в сфере государственных органов. Был ликвидирован Стрелецкий приказ, учреждены несколько новых: Адмиралтейский, Военно-морской, Артиллерийский, Военный, Провиантский. Имея полное представление о богатствах церкви и потенциале его использования для развития государства, организуется Монастырский приказ. Следует отметить, что Петр проповедовал государственный, но не моральный прагматизм.

В.О. Ключевский писал о том, что при первом взгляде «на преобразовательную деятельность Петра она представляется лишенной всякого плана и последовательности» [5, с. 57], другими словами, Петр действовал в большей мере интуитивно. Но важно подчеркнуть, что интуиция была вызвана одним-единственным интересом. Интересом общего блага. Ключевский далее пишет: «Видны цели [выделено мной – А.Б.] реформы, но не всегда уловим ее план». Безусловно одно, петровские реформы были вызваны к жизни осознанными потребностями развития государства, радением за Отечество. «Во всем, что сделано Петром, в конечном счете, обнаруживается железная логика государственного интереса», – пишет Н.Н. Молчанов [6, с. 131].

Проникнутый идеями Просвещения как эпохи, также как и необходимостью просвещения в целом, император много усилий направлял на «ликвидацию безграмотности». Активно печатаются книги. «В 1699–1701 годах появились книги по истории, арифметике, астрономии, навигации, языкознанию и литературе» [6, с. 141]. В 1710 году по повелению Петра Киевской духовной академией был переведен труд Г. Гроция «О праве войны и мира». В 1719 году для публичного осмотра открылись Кунсткамера и библиотека, куда был не только свободный доступ, но и предлагалось угощение, организованное за счет казны. «Делалось только то, что относилось прямо или косвенно к решению главной, неотложной задачи – к войне, к укреплению безопасности, к национальному величию России» [6, с. 141].

В современной историографии превалирует точка зрения, что реформы Петра в целом не европеизировали Россию. Причин этому множество. Одна из них состоит в том, что Петр, пытаясь с помощью Европы сделать Россию лучше, старался подражать Европе не во всем, а главным образом в технологической и бюрократической сферах. Это, в частности, демонстрирует тот факт, что, ознакомившись с государственным и парламентским устройством Англии и Голландии, Петр, прекрасно понимая невозможность подобных нововведений в России на данном историческом этапе, все-таки использовал западный опыт более рациональных методов административного управления. Н.Н. Молчанов пишет: «Если рассматривать правление Петра как просвещенный деспотизм, то знакомство царя с передовыми европейскими политическими порядками ничуть не побудило его сделать это правление менее деспотичным, хотя оно, несомненно, стало более просвещенным» [6, с. 104]. «Петр Великий любил иностранное, однако же не велел, без всяких дальних околичностей, взять, напр<имер>, шведские законы и назвать их русскими, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств», – отмечал еще Н.М. Карамзин [4, с. 91–92].

Концепция «общего блага» была не просто пустым звуком и утопической химерой царя, она получила свое закрепление непосредственно в царских указах. В речи по случаю заключения Ништадтского мира Петр сказал: «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ» [цит. по: 7, с. 485]. Следовательно, можно утверждать, что для Петра реформы имели своей целью повышение благосостояния подданных, то есть «их жизнь “в беспечалии”». По мнению Н.И. Павленко, «Петр исходил из представления, что гармония и благоденствие наступят тогда, когда каждый из подданных будет безоговорочно выполнять обязанности, возложенные на него государством. Только тогда возможны успехи в торговле, промышленности, соблюдении правосудия. “Общее благо” – это, в конечном счете, способность подданных служить государству» [7, с. 497].

Жестокость преобразований как сам Петр, так и его сторонники тогда и сейчас аргументировали и продолжают аргументировать тем, что менталитет старой России был совершенно несопоставим с новизной свершавшихся дел. В «Содержании истинного разговора Петра Великого с Лейбницем в Торгау» на реплику Г.В. Лейбница о том, что «крутые превращения не прочны» Петр отвечает: «Для народа, столь твердого и непреклонного, как российский, одни крутые перемены действительны» [12, с. 711]. Далее Петр говорит о том, что «политическая свобода государства утверждается на установлениях, установления в России, им [Петром – А.Б.] сделанные, относятся к ее благосохранению, но плод их зависит от времени» [12, с. 711]. Вместе с тем для достижения поставленных целей тогда не нужен был радикальный слом сложившейся феодально-крепостнической структуры общества. Нужны были промышленность и научное просвещение. «Общее благо» по-разному относилось к каждому сословию, но в целом можно говорить о попытках установить принцип справедливости – каждый занимается своим делом.

Во времена Петра становящаяся социальная и философская мысль еще не оперировала такими категориями, как социальная гармония, социальная справедливость. Поиск их соотношения, корреляции, ввиду неразвитости этой области научного рассмотрения, не был предметом детального изучения. Тем не менее в трудах участников «ученой дружины» Петра вопросы морали и политики ставились напрямую.

Защитник абсолютизма Феофан Прокопович был сторонником теории Т. Гоббса. Люди в естественном состоянии не могут организовать общество, которое бы обеспечило им свободу и процветание. Это может сделать лишь общество, самовольно отдавшее свои права правителю. Власть же монарха, будучи данной Богом, в свою очередь, не может быть ограниченной. По этой же причине власти нужно подчиняться не только за страх, но

и за совесть. В «Правде воли монаршей», этом, по словам М.М. Щербатова, памятнике «лести и подобострастия монашеского изволения государскому» [18, с. 17], Прокопович тем не менее кроме обоснования единовластия Петра, ставит цель показать всем, что российское общество едино и здорово. Нужно, по его словам, избегать того, чтобы не сеять «в отечестве Нашем мятежей плевелы», а иностранцам не подавать этим «бесчестное мнение о народе Российском, аки бы в нем варварские нравы и к Государям своим верность притворная» [см. 11]. Цель истинного правителя есть «о добре общем народа себе подданного толико пещись» [см. 11].

Фокус всего общественного, социетального собирается в фигуре царя. Определенно, именно уникальность Петра I как личности способствовала формированию коллективного архетипа сильной харизматической фигуры, воплощающей, замыкающей в себе идеально-типические представления о материализации социальной справедливости и установления социальной гармонии и стоящей во главе большого Русского государства. С этого времени в структуру русской коммунитарности включается позиция или установка о необходимости соответствия властных и гражданско-общественных представлений о социальной гармонии. Это можно определить как общественно-государственный изоморфизм, органичность и однородность российского общества во всех его модусах: в модусе гражданского общества как совокупности всех социальных слоев и групп и в модусе государства. В современных исследованиях эта установка проявляется так: «Социальная гармония основывается на соответствии сути государственного устройства гуманным целям общественного развития, на согласованности между объективными социальными условиями и субъективными факторами всех составляющих современного общества [выделено мной – А.Б.]» [13, с. 10]. Младший современник Петра В.Н. Татищев определял политику именно как мудрость гражданскую.

Не придерживаясь материалистических воззрений Т. Гоббса, В.Н. Татищев развивал дуалистическую концепцию человека. Взаимодействие души и тела он признавал как необходимость. Нужно стремиться как к совершенству души, так и тела. Чтобы сохранить ум и душу в равновесии, человек должен заботиться и о теле. Тело не просто вместилище души: «Еже душа с телом толико связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума... нужно и о внешних прилежать» [14, с. 89]. Так на русской почве проявляется своеобразная калокагатия. Человек должен «любить себя с разумом, то есть прилежать ко снисканию истинного, а не притворного благополучия, а не давать воли неправильному и непорядочному желанию» [14, с. 116]. Если все граждане государства будут стремиться к такому состоянию, то государство не будет претерпевать никаких бед. По мнению В.Н. Татищева, Бог желает видеть человека благополучным, «ибо в человеке желание к благополучию безпрекословно от Бога вкоренено есть и невозможно мыслить, чтоб такое милостивое существо человека или какую иную тварь на несчастье сотворил» [14, с. 116]. Задача как государства, так и церкви – просветить общество и отдельных людей к благополучию. Столетие спустя, утверждая пафос этой мысли, А.С. Хомяков напишет: «Приобретать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно, для исполнения воли Божией, давшей нам разум, как поле многоплодное, которое не должно лежать в залежи и порастать терниями невежества и ложных мнений, но украшаться жатвою знания и истины» [см. 17].

В.Н. Татищев выводит три правила к «сохранению содружества». Первое – это так называемое золотое правило этики; второе правило – учтивость; третье – пристойность. Все вместе это составляет мудрость благонравия. Эти же правила составляют и мудрость политическую. «По разсуждению можно сказать, что всякого государства или общенародия благополучие на согласии и любви зависит, а несогласие и вражда разоряет» [14, с. 87].

У В.Н. Татищева, пожалуй, можно обнаружить еще как минимум две важнейшие для последующей российской коммунитарности черты: 1) сближение материалистических и идеалистических позиций; 2) патриархальность как форма управления и гармонизации общества.

В.Н. Татищев по существу прочувствовал ту мысль, что диалектические противоположности «идеализма» и «материализма» по всем вопросам жизни должны быть осознаны и сняты в рамках поиска моделей социальной гармонии. Будущие философские системы, такие как монодуализм Н.Я. Грота, идеал-реализм Н.К. Михайловского и И.А. Ильина, эмпириомонизм А.А. Богданова, а ныне – духовный материализм Е.А. Тюгашева [15], материалистический дуализм А.В. Павлова [8], утверждают единство духовности и коммунитарности. Слишком много определений, для того чтобы не заметить этой общей черты нашей ментальности. Здесь можно вспомнить и А.С. Хомякова, который, полемизируя с Г. Гегелем, предлагал вместо одностороннего рационализма некую «философию жизни», для которой граница между разумом и эмпирическим миром не является непроницаемой.

Также стоит отметить феномен глубоко патриархальной формы управления обществом. В.Н. Татищев писал: «Если я всякое общенародие уподоблю человеку, то рассматривая его состояние, правительство душе, а подвластных телу уподоблю, и потому правитель должен, яко отец о чадах, и господин дома о приобретении все пользы и покоя прилежать, вредительное пресекать и отвращать, а обидимых судом защищать и оборонять» [14, с. 199]. И такая позиция присуща не только времени петровского абсолютизма. В гимне «Боже, царя храни» есть слова: «Гордых смирителю, слабых хранителю, всех утешителю – все ниспошли». Уже в советское время устойчивый характер носил эпитет «отец народов». И, конечно, суперпрезидентская форма организации высшей власти России XXI века утвердилась тоже не только на юридических основаниях.

Осуществлением идеалов справедливости и права задается в своем *opus magnum* «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошков. Если оценивать данный труд со стороны классовых сущностей, то Посошков был выразителем становящейся буржуазии. Но если посмотреть на содержание его работы со стороны генезиса российской идентичности вообще, то в нем можно увидеть возвышающийся голос крестьянства как легитимной и полноправной части становящегося гражданского общества.

В «Книге...» было предложено законодательно регламентировать налоговые сборы с крестьян, определить размеры барщины и оброка и тем облегчить положение крепостных людей. Это приобретает большую значимость, если иметь в виду, что выразителей интересов крестьян (по крайней мере на уровне публицистики и государственного «лобби») кроме Посошкова не было вообще. Причем Посошковым осознавалась необходимость не только защиты крестьянства как «класса», но и консолидации внутри крестьянских общин. Посошков предлагает даже издать указ, которым бы жители одной деревни были обязаны объединяться и выходить на поиск напавших на селение разбойников. «И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и друг другу обид не чинили, то бы все крестьяне были сыты и было б житие их святое» [10, с. 171]. Но не только изменения в экономике были направлены на «общее благо». Изменения, направленные на общее благополучие, просматриваются и в «наставлениях» духовенству. «А аще како в духовности будет строитися, то и во всем народе свет воссияет благоразумия, понеже всилудие от такова отцов своих духовного твердаго и прилежного попечения яко от сна возбудятся» [10, с. 33].

Чтобы иметь четкую внешнеполитическую позицию, уметь обосновать свои международные амбиции, ясно обозначить цели собственного внутреннего развития, Россия Петра Великого испытывала острейшую необходимость «идеологической», философской самоидентификации. Этого требовал статус России как полноценного участника сообщества «просвещенной Европы». Ф. Прокопович, С. Яворский, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков,

А.Д. Кантемир и другие теоретики государственной рефлексии заложили фундамент российского коммунитаризма, нащупывая новые (кроме теории «Москва – Третий Рим») основания будущей русской идеи. Все они выступали за просвещение народа. Это интуитивно осознавалось как ближайшая задача для становления сильного государства, потому что в сильном (или «регулярном») государстве все будут жить благополучно. Конечно, нужно делать необходимую историческую поправку на установившуюся структуру общества петровских реформ и грубость тогдашних нравов. «Распределение» справедливости и доли социального блага должно соответствовать тому уровню социального сознания, которое было освоено и осмыслено на уровне культуры и традиции того времени. Непросвещенность народа в своей массе также явилась причиной того, что почти всю ответственность за развитие государственного организма принимал на себя царь.

Во времена Петра сформировались константные представления об общем благе и коммунитарности – цивилизационных особенностях России, которые будут развиты в трудах отечественных философов и писателей XIX – XX веков. Кроме патриархальности и синкретичности, идеи приоритета «общего блага», это уже упомянутый общественно-государственный изоморфизм – необходимость соответствия государства обществу, а общества – государству. Народ и царь вместе составляют государство. В той же мере как народ и царь принадлежат государству, в той же мере и государство принадлежит народу и царю. Государство есть эпифеномен гражданского общества и его полноправный член. Государство в представлениях социальной гармонии не должно ни уничтожать общество, ни быть «минимальным». И.Т. Посошков говорил о том, что крестьяне должны принадлежать не помещикам, а государству. По мнению самого Петра, дворяне также принадлежат государству и обязаны служить ему всей своей жизнью. Тот факт, что сам Петр готов был пожертвовать своей жизнью ради государства, ни у кого не вызывает сомнений.

Преимственность коммунитарных идей прослеживается и в отношении представлений об истинном богатстве как отдельного человека, так и народа в целом. Настоящее богатство нематериально, оно заключается не в одеждах и не предметах быта вообще. Так, у И.Т. Посошкова обнаруживается следующий тезис: «Паче вещественного богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде» [10, с. 14]. И вот та же мысль (причем почти в тех же выражениях) обнаруживается в «Дневнике писателя» у Ф.М. Достоевского. Необходимо, писал Достоевский, больше заботиться о свете, о науке и о усилении любви, «тогда богатство будет расти на самом деле, и богатство настоящее, потому что оно не в золотых платьях заключается, а в радости общего соединения и в твердой надежде каждого на всеобщую помощь ему и детям его» [см. 2]. Нужна деятельная любовь, а не формализм и жертвы. И Петр ввиду своей настоящей деятельной любви к народу и государству не «опростился» до мужика, а наоборот, вознес его до своей «осложненности». Он своей фигурой патриархально и самолично вобрал в себя и воплотил собою народ, стал выразителем его чаяний. Он был одновременно и царем, и народом, как бы прототипом «симфонической личности» (в терминологии Л.П. Карсавина).

Тезис о том, что социальная гармония достигается в телеологически едином сообществе людей благодаря возникновению в таком сообществе системы наиндивидуальных моральных ценностей, был ключевым тезисом «соборности» А.С. Хомякова [1, с. 87]. Социальная гармония осуществляется в обществах осознанных личностей, связанных единым духовным законом. Не об этом ли писал и С.Л. Франк в «Духовных основах общества»?

И даже концепт «всеединства» получил свои истоки в эти времена. «Всеединство» потребовалось тогда для того, чтобы на основании любви и доверия дружественно обратиться к себе чужие культуры и, впитав в их мировые достижения, становиться через

это не западным сверхчеловеком, а русским Всечеловеком. Это более точно определяет устремления «мировой души» русского коммунитаризма, русского космизма. Всеединство непосредственно отражается в формулах социальной гармонии. Социальная гармония в России – это максимальное счастье максимального числа людей плюс счастье меньшинства.

Если принять мысль о том, что наше современное состояние – результирующая всей прежней истории, то вопрос социально-аксиологической оценки наследия Петра кажется максимально актуальным. Поиск социальной гармонии во все времена составляет ключевую задачу государства, его правителей и народа. Это сфера цивилизного совместного сотрудничества. Гармоничное общество есть общество во многом идеально-типическое. Это постоянно ускользающий горизонт надежды, приближение к которой, однако, и составляет материю социальной жизни «регулярного государства». Безусловная заслуга Петра и его ученых соратников и современников состоит, помимо экономических, военных успехов и достижений в области государственного строительства, в том, что они путем культурологических проб и ошибок «разбудили мысль», на секуляризованном уровне поставив проблему российской идентичности, наших представлений о социальной справедливости вообще. Можно отчасти согласиться с мнением Л.В. Полякова о том, что Петр «дал заряд для развития удивительной русской культуры... И это уже не раскалывает национальное самосознание, а скрепляет его» [9, с. 35]. Но методы коренной ломки при отсутствии полноценного диалога с обществом привели к тому, что Россия на протяжении большей части своей последующей истории оказывалась не ближе, а дальше от национального социального идеала, чем до Петра (Н.М. Карамзин верно констатировал, что «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» [4, с. 35]). Поиск путей приближения к нему и стал глобальной задачей русской социальной мысли от времен зрелого Просвещения и до наших дней.

Литература

1. *Егоров Я.А.* «Духовный закон» и «Соборность» как ключевые понятия модели социальной гармонии в трудах А.С. Хомякова // Миф. Культура. Этос: сб. науч. статей по мат-м Всерос. конф. «Апрельская Ялта: Миф и культура Тавриды». Симферополь: Ариал, 2019. С. 80–84.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя [Электронный ресурс] // Азбука веры: православный портал. Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1876/> (дата обращения: 19.07.2022).
3. *Иванова О.В.* Социальная гармония и пути ее достижения: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Чита, 2011. 24 с.
4. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1991. 127 с.
5. *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М.: Мысль, 1989. 398 с.
6. *Молчанов Н.Н.* Петр I. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
7. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
8. *Павлов А.В.* Идеалистический материализм // Социум и власть. 2014. № 2 (46). С. 120–128.
9. *Поляков Л.В.* Петр Первый: за и против // Историк. 2022. № 6. С. 30–35.
10. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 408 с.
11. *Прокопович Ф.* Правда воли монаршей [Электронный ресурс] // Музей истории Российских реформ имени П.А. Столыпина. Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13642> (дата обращения: 18.07.2022).
12. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. СПб.: Петрополис, 1996. 712 с.
13. *Сергеев В.К.* Формирование факторов социальной гармонии в условиях московского мегаполиса // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2010. № 5 (29). С. 9–18.
14. *Татищев В.Н.* Избранные произведения / под общ. ред. С.Н. Валка. Л.: Наука, 1979. 463 с.
15. *Тюгашев Е.А.* Духовный материализм как онтологическая позиция в русской философии // Сборник тезисов докладов IX Межд. научно-практич. конференции «Философия и культура информационного общества» 18–20 ноября 2021 г. СПб.: ГУАП, 2021. С. 261–262.

16. *Хомяков А.С.* Мнение иностранцев о России / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Универ. тип. на Страстном бульваре, 1900. С. 3–31. polnoe-sobranie-sochinenij-tom-1/11 (дата обращения: 19.07.2022).
17. *Хомяков А.С.* Послание к сербам [Электронный ресурс] // Азбука веры: православный портал. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Nomyakov/
18. *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России / предисл. Г. Лучинского. М.; Аугсбург: Werden-Verlag, 2001. 42 с.

Аннотация. В статье исследуется роль петровских преобразований для становления российской идентичности и, в частности, такой особенности русской социальной мысли, как коммунитарность. Показано, что практическая деятельность Петра I и ее теоретический анализ в работах Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, И.Т. Посошкова способствовали формированию устойчивых, архетипических представлений внутри российского социума о связи социальной гармонии и социальной справедливости с идеей «общего блага» и культом государственного служения. Эти представления будут устойчиво воспроизводиться в последующие периоды отечественной истории, приобретая философское и идеологическое обрамление.

Ключевые слова: реформы Петра I, социальная гармония, общее благо, Ф. Прокопович, И.Т. Посошков, В.Н. Татищев, коммунитаризм

Anatoly A. Bakurkov, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Vologda State University; Leading Consultant, Local Government Development Administration, Internal Policy Department, Vologda Region Administration. E-mail: mr.bakurkoff@mail.ru

Reforms of Peter I and the Search for Social Harmony Model: Correlation Problem

Abstract. The article examines the role of Peter I reforms for developing the Russian identity in general, and in particular for the development of communitarianism as a special feature of Russian social thought. The study shows that the practical activity of Peter I and its theoretical analysis in the works by F. Prokopovich, V.N. Tatishchev and I.T. Pososhkov contributed to the development of sustainable, archetypal ideas within the Russian society regarding the connection between social harmony and social justice and the idea of the so-called “common good” and the cult of public service. Those ideas would be afterwards persistently reproduced in Russian history, obtaining philosophical and ideological framing.

Keywords: Peter I Reforms, Social Harmony, Common Good, F. Prokopovich, I.T. Pososhkov, V.N. Tatishchev, Communitarianism.

Служилое сословие при Петре I: история создания и механизмы конструирования сообщества

Руководствуясь в своей деятельности по преобразованию России идеями регулярного государства, Петр I, безусловно, понимал, что для воплощения их на практике нужен служилый слой, способный решать новые задачи. Именно поэтому одним из направлений в рамках комплекса проводимых Петром реформ стало создание этого слоя путем преобразования элитных социальных групп Российского государства. Безусловно, служилое сословие существовало и до Петра I, однако, как верно указывает С.В. Волков, для его членов родовой принцип стоял превыше всего: «На фоне такой гипертрофии понятий о родовой (“отеческой”) и служебной чести в Московский период совершенно отсутствуют понятия о чести корпоративной – представления о дворянском достоинстве, дворянской сословной чести» [7, с. 61]. При этом государственная власть, раздавая чины в соответствии с происхождением, способствовала тому, что служилое сословие разбивалось на относительно замкнутые разряды, не ощущавшие своего единства. Как писал И. Порай-Кошиц: «Боярин не имел ничего общего с окольным, тем менее с думным или простым дворянином, дворянин – с сыном боярским и т.д.; сколько чинов, столько отдельных кругов, не имевших никакого единства, никакой внутренней связи друг с другом: честь каждого из них была различна и коренилась не в общей обязательной для всех службе государству, не в общей принадлежности к одному и тому же разряду людей, отбывавших эту службу; но в знатности, в породе, в “отечестве”» [30, с. 134].

В результате, с одной стороны, часть дворян могла переходить с государевой службы на службу к более знатным представителям этого сословия, а с другой – дворяне массово отказывались служить под началом иноземцев, считая их менее знатными, чем они сами. При этом инкорпорация новых членов в служилое сословие к концу XVII века была практически невозможна, что приводило к тому, что этот слой мог пополняться только за счет самовоспроизводства. Все это шло вразрез с планами Петра I, нуждавшегося в организованной дворянской корпорации для реализации своих начинаний.

Несмотря на то, что определенные шаги в этом направлении были предприняты еще в правление старшего брата Петра – Федора Алексеевича, отменившего в 1682 году местничество, какой-то целенаправленной программы по реформированию дворянского сословия прежде не существовало. Но хотя в итоге Петром I также не было создано какого-то единого законодательства о дворянстве, следует согласиться с мнением Н.А. Воскресенского, который на анализе обширного архивного материала пришел к выводу о том, что законодательство Петра носило глубоко продуманный характер, а принимаемые указы и законы должны были укладываться в стройную систему [8, с. 254–258]. Данная статья посвящена попытке реконструировать программу Петра I по созданию

Панченко Алексей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: alexeypank@rambler.ru

нового служилого сословия, которое должно было занять свое место в системе регулярного государства.

Как указывает С.А. Нефедов, как теория, так и практика реализации модели регулярного государства в России имели свои отличительные особенности [17]. Будучи в целом порождением «военной революции» и распространяясь путем диффузии в результате столкновения с более сильным соперником, регулярное государство в России строилось в два этапа, между которыми был длительный период ослабления. Впервые это произошло в период правления Ивана III и Ивана IV под влиянием Османской империи, когда была заимствована система тимаров (поместий), идея корпуса янычаров (в форме стрелецкого войска и позже опричников), а боярство было разгромлено, превратившись в государевых слуг (аналог капыкулу у Османов). Это привело к установлению самодержавной власти, что серьезно отличало ситуацию в России от европейских держав. Однако последующий период Смуты привел к разрушению зачатков регулярного государства и самодержавия, а вектор внешнего влияния сместился с Османской империи на Речь Посполитую и Швецию, откуда пришла вторая волна заимствований в военной сфере и сфере государственного управления. При этом не произошло полного копирования иностранных институтов, а кроме того, было и обращение к собственному предшествующему опыту. Петру I приписывают следующие слова, сказанные в беседе с герцогом Голштинским: «Сей Государь (указав на царя Иоанна Васильевича) есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он» [10, с. 59–60]. Таким образом, черты регулярного государства, создаваемого Петром I, несли на себе отпечаток не только европейских теорий и опыта (при этом следует отметить, что одним из источников для этих теорий были представления о государственном устройстве Китая), но и испытали османское влияние, преобразованное в деятельности Ивана IV. Основными характеристиками петровской модели можно назвать самодержавную власть, исключаящую какие бы то ни было представительные или совещательные органы (Земские соборы и Боярскую думу), регламентацию всех сфер государственной и общественной жизни, а также принцип формирования служилого сословия не по знатности, а исключительно по степени «годности». Старое московское боярство и дворянство этому принципу не соответствовало, а потому нуждалось в кардинальных реформах.

Прообразом и ядром этой новой группы стали сначала «потешные», а затем гвардейские полки – Преображенский и Семеновский (еще два полка – Бутырский и Лефортовский, которые изначально действовали вместе с «потешными», довольно быстро утратили свой привилегированный статус). Их создание относится к началу 1680-х годов, причем сразу же проявился принцип, согласно которому в число преображенцев и семеновцев могли входить представители всех сословий, включая и крепостных крестьян. Большая часть «потешных» полков в это время состояла из подростков, хотя были и представители более старшего поколения. Практически все рядовые солдаты этих полков были русскими, а среди офицеров изначально преобладали иностранцы, однако постепенно их доля уменьшалась, причем гораздо быстрее, чем в прочих армейских частях. Наиболее активное пополнение из всех сословий шло в период Азовских походов, однако уже с начала XVIII века приоритет начинает отдаваться выходцам из дворянского сословия.

Планировалось превратить гвардию в определенную «школу» для подготовки офицеров для армии, хотя в Петровскую эпоху это так и не осуществилось в полной мере – кадровый состав гвардии начиная с 1710-х годов был достаточно стабильным, массовых переходов дворян с гвардейской на армейскую службу не было. Также довольно быстро гвардия превратилась в корпорацию, объединенную родственными связями. Однако надо отметить, что прием в Преображенский и Семеновский полки осуществлял-

ся не на основании знатности рода или богатства, большая часть их состава формировалась из представителей семей, достигших высоких ступеней в «Табели о рангах». Увеличение числа дворян в гвардии также объясняется тем, что служба там требовала специальных знаний (особенно в бомбардирских ротах), которые можно было получить, преимущественно, за границей, что не могли себе позволить представители других сословий. При этом служба в гвардии давала опыт не только в военной, но и в гражданской сферах, поскольку часто Петр I отправлял гвардейцев для выполнения особых поручений в различных частях империи.

Во многих отношениях гвардия стала для Петра инструментом ручного управления в условиях, когда происходило только формирование институтов регулярного государства. Причем важно отметить, что сам Петр непосредственно участвовал в жизни этих гвардейских полков, едва ли не в ручном режиме осуществляя их комплектование. Фактически для него это был эталон того самого служилого сословия, которое он планировал создать. Гвардейские полки стали и неким «полигоном», на котором опробовались изменения в образе жизни, внедрявшиеся затем и для остального дворянского сословия: одежда и внешний вид, участие в ассамблеях и т.д. Все это привело к тому, что гвардейцы за время правления Петра I оформились в довольно замкнутую корпорацию, со своими ритуалами, самоидентификацией и поведением. Корпорация эта была довольно многочисленная – порядка четырех тысяч человек [3]. Однако привилегированное положение гвардейцев во многом оказалось «миной замедленного действия» – обладая корпоративной идентичностью, гвардия практически сразу после смерти Петра I начинает действовать в соответствии со своими групповыми интересами, которые не всегда совпадали с интересами государства. А поскольку эта группа воспринималась, в том числе и другими дворянами, как образец, то эти идеи начали распространяться и на остальных служилых людей.

Начало строительства регулярного государства С.А. Нефедов связывает с государственным переворотом Петра I против Боярской думы и боярства вообще, поводом для которого послужил стрелецкий бунт 1698 года. В подавлении его активное участие принимает гвардия (как и в предыдущем случае, когда Петр отстранил от власти Софью), что могло способствовать превращению ее в некий эталон, по образцу которого следует устроить новое служилое сословие (как в военном, так и в гражданском отношении). Однако стремление создать более эффективное войско вместо дискредитировавших себя стрельцов повлекло за собой цепочку кардинальных преобразований в различных сферах. Новая армия требовала больше средств, что привело к переустройству фискальной и административной системы, в том числе через замену воевод из числа бояр, которые были этим недовольны. Чтобы преодолеть возможное сопротивление боярства, было необходимо лишить его представителей собственного войска, что и было осуществлено в 1699 году, когда Петром был проведен новый набор солдат, переводивший боярских дружинников в общую армию. В этом же году был объявлен набор добровольцев в гвардию, что должно было еще больше усилить позиции Петра [11, с. 319].

Однако определенные шаги в деле ослабления позиции боярства и начала формирования нового служилого слоя, принадлежность к которому определялась не знатностью, а «годностью», были предприняты раньше – в 1696 году. В это время 35 детей бояр и дворян были отправлены для учебы за границу. А.С. Пушкин в собранных им материалах по истории Петра I отмечает: «Отсылая молодых дворян за границу, Петр, кроме пользы государственной, имел и другую цель. Он хотел удержать залогом в верности отцов во время своего собственного отсутствия. Ибо сам государь намерен был оставить надолго Россию, дабы в чужих краях учиться всему, чего не доставало еще государству, погруженному в глубокое невежество» [31, с. 33]. Этот шаг можно трактовать в нескольких направлениях. Во-первых, как указывал А.С. Пушкин, это был способ удержать представителей высшей

знати от попыток интриг против царя во время его отсутствия в стране. Во-вторых, это был способ отрыва молодого поколения служилых людей от влияния старших, чтобы сформировать из них личностей, приближенных к петровскому идеалу. В-третьих, для реализации проекта регулярного государства были необходимы образованные люди, которые должны были составить основу нового служилого слоя. В дальнейшем практика отправки молодых людей на учебу за границу продолжилась: так, в 1697 году было отправлено уже 122 человека, а после 1699 года это стало массовым явлением. В какой-то мере здесь возможно влияние представлений о китайском абсолютизме, опору которого составляли образованные чиновники, получившие свои должности не по знатности, а благодаря успешной сдаче экзаменов.

Ряд других шагов Петра I также можно рассматривать с позиции демонстративного разрушения старого служилого сословия и создания на его месте нового. Так, Всешутейший и всепьянейший собор, представлявший, с одной стороны, пародию на священные ритуалы Московского царства, являлся одновременно и неким рыцарским орденом, вхождение в который требовало совершения ряда деяний, несовместимых с предшествующей традицией, в результате чего члены его становились лично преданными самому Петру, превращаясь как бы в его апостолов. Коренной ломке был подвергнут и институт брака – как в церемониальном аспекте, так и в создании новой традиции – женитьбе на иностранках, что было недопустимо для старого московского служилого сословия [13]. Разрушая старую традицию и создавая новую, Петр I конструировал новый слой людей, готовых участвовать в кардинальных преобразованиях, не стесненных старой моралью и родственными связями, преданных его личной харизме.

Важным элементом для формирования чувства корпоративной идентичности является наглядная атрибутика, отличающая членов сообщества от всех остальных групп. Именно поэтому введение для служилых людей новой одежды и требований к внешнему виду стало предметом специального внимания Петра I. И если в случае с обмундированием гвардии это был исключительно прагматичный шаг (старая форма явно не соответствовала потребностям новой армии), то по отношению ко всем остальным представителям служилого сословия это был явно символический акт. Существует версия, что первый из указов, регулирующих эту сферу, вышел 29 августа 1698 года [16, с. 48] и носил название «О ношении немецкого платья, о бритьи бород и усов, о хождении раскольникам в указанном для них одеянии», однако текст указа до нашего времени не дошел, а факт его существования подтверждается только косвенными источниками и разного рода историческими анекдотами. Однако объяснение такого рода: «Я желаю преобразить светских козлов, т.е. граждан, и духовенство, т.е. монахов и попов. Первых, чтобы они без бород ходили в добре на Европейцев, а других, чтобы они, хотя с бородами, в церквях учили бы прихожан христианским добродетелям так, как видал и слышал я учащихся в Германии пасторов» [32, с. 358–359], – явно является более поздней выдумкой, основанной на представлении о преклонении Петра перед всем европейским. Куда убедительнее представляется точка зрения Л.Б. Усыскина, который видит в бритье бород приближенным актом инициации, приобщение к избранному народу (подобно акту обрезания в иудаизме), что вполне вписывается в ту же логику, в которой был создан Всешутейший и всепьянейший собор [35, с. 36]. Причем видно, что этот акт распространяется не на все население страны, а исключительно на представителей служилого сословия. Здесь важна была публичность и демонстративность при бритье бород высшего боярства, поскольку, как указывал М.М. Богословский, «обычай брадобрития распространился и укоренился, что властям, светской и церковной, приходилось вести с ним упорную борьбу. Вот почему власти в лице Петра и не было бы трудно пойти в противоположном направлении и содействовать тому, против чего она недавно боролась, ввести, если она этого хотела, новый обычай, который

она ранее стремилась искоренить. Здесь не сопротивление общества служило помехой нововведению, к которому и само общество обнаруживало большую склонность, а исключительно та резкость и шутливость, с которым нововведение стало осуществляться» [2, с. 9]. Так, обычная, в общем, процедура, превратилась в символический акт инициации за счет того, каким образом она была осуществлена.

Следующим шагом, сделанным в самом начале 1700 года, стал указ, согласно которому «Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьякам и Жильцам и всех чинов служилым и приказным и торговым людям, и людям Боярским, на Москве и в городах, носить платья, Венгерские кафтаны» [21]. Видно, что в перечень попали только служилые люди и горожане, указ не распространялся на большую часть населения страны. При этом надо учитывать, что «Венгерское платье» – это на тот момент военная форма, которую носили в пехотных полках новой армии [36]. Это не было полное заимствование венгерской одежды, скорее можно говорить о некой стилизации «по мотивам», создании новой формы, учитывающей определенный иностранный опыт. Таким образом, видно, что в это время служилое сословие воспринимается Петром именно как военное (включая в него и купцов, да и прочих горожан), поскольку намечалась война со Швецией. Это подтверждается и тем, что в указе речь шла исключительно о мужчинах, вопрос женской одежды не затрагивался. Новая одежда должна была стать отличительным знаком принадлежности к военизированному сословию, обособляя его от всего остального населения страны.

Для конструирования того или иного сообщества важную роль играет и формирование его собственного пространства обитания. Таковым, по мысли Петра I, должен был стать город, в противовес тому, что прежде служилые люди большую часть времени проводили в своих поместьях, являясь в города только на смотры. При этом было необходимо вывести города из-под власти воевод из числа старого боярства. Для этого 30 января 1699 года были изданы указы «Об учреждении Бурмистрской Палаты для ведомства всяких расправных дел между Гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями, и об исключении Гостей и посадских людей из ведомства Воевод и Приказов» [27] и «Об учреждении в городах Земских Изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства Воевод и Приказов» [28]. В их текстах прямо говорилось о многочисленных злоупотреблениях в отношении горожан, для пресечения которых необходимо было организовать местное самоуправление. В обмен на удвоенное налогообложение Петр I давал возможность горожанам провести выборы в местные органы власти и перейти к самостоятельному управлению своим городом. Помимо того, что это должно было ослабить влияние старой знати, из представителей которой и формировался слой управленцев прежде, Петр таким образом надеялся получить дополнительное финансирование для будущей войны со Швецией. Однако если с первой задачей в целом справиться получилось, то вторая оказалась провалена – горожане отказывались от удвоенного обложения ради самоуправления, поэтому в дальнейшем этот пункт был исключен (что как раз может свидетельствовать о том, что именно ослабление старой знати и было основной целью преобразований).

Таким образом, уже к началу XVIII века были определены основные черты преобразований служилого сословия. Во-первых, в него был открыт доступ для представителей всех слоев через военную службу. Во-вторых, важным элементом его комплектования было обозначено получение образования, причем желательнее за границей (чтобы нивелировать влияние старой знати на новое поколение служилых людей в процессе обучения). В-третьих, наметились определенные ритуалы инициации – бритье бород, ношение

военизированной одежды, участие в совместных застольях и т.д. Причем акцент делался на демонстративное нарушение традиции, чтобы подчеркнуть свою личную преданность государю. В-четвертых, новым местом обитания этого сословия должен был стать город, причем город, свободный от влияния старой знати, обладающий самоуправлением. Уже к этому времени наметилась тенденция обособления служилого слоя от остального населения при одновременном запуске механизма социальной мобильности для пополнения этого слоя. Но после вхождения в него неопит вынужден был кардинальным образом разорвать связи со старой жизнью. Дальнейшие реформы Петра I были направлены на развитие уже отчетливо проявившихся идей.

В последующих действиях в этом направлении можно выделить две тенденции. С одной стороны, происходило уточнение и усовершенствование уже имеющихся установлений (в первую очередь сюда можно отнести те, что касаются одежды и внешнего вида в целом), в чем можно заметить стремление к углублению различий между служилым и тягловым сословиями. С другой – нельзя не отметить попытку выработки более глубокого и всеобъемлющего законодательства в отношении служилых людей. Пожалуй, ключевым стал 1714 год, когда было принято несколько указов, практически завершивших оформление служилого сословия как единого сообщества, определены базовые условия его функционирования. Однако окончательная точка была поставлена в 1722 году – после принятия «Табели о рангах».

1714 год важен еще и тем, что именно тогда фактически завершился перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург – город, который, стал основным центром пребывания служилого сословия (в первую очередь гвардии), выстроенный по новым образцам, отличным от традиционных принципов градостроительства в России. Первым по хронологии был небольшой по размеру, но принципиальный по значению, указ от 20 января, где говорилось: «Послать во все Губернии из школ математических, чтоб учить Дворянских детей, кроме однодворцев, приказного чина цыфири и Геометрии, и положить штраф такой, что неволью будет жениться, пока сего выучится» [25] (28 февраля того же года вышел указ, практически дублирующий январский, в котором вводилась финансовая сторона оплаты труда учителей, а сами школы создавались при монастырях [22]). Таким образом, получение образования (в первую очередь в области математики) стало условием *sine qua* поп для вхождения в служилое сословие. Без образования нельзя было вступать в брак (а, следовательно, претендовать на наследство) и невозможно было рассчитывать на продвижение по службе. При этом теперь невозможно было ссылаться на сложность получения образования за рубежом, поскольку учителя направлялись во все губернии.

Спустя чуть больше месяца вышел еще один указ, направленный на оформление гвардии в институт мобильности уже внутри служилого сословия. При этом можно отметить и определенную связь с предыдущим – в новом указе подчеркивалась важность получения определенной подготовки для продвижения по службе: «Понеже многие производят сродников своих друзей в Офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для лица по несколько недель, или месяцев: того ради таким требуется ведомость, сколько каких чинов есть с 709 году; а впредь сказать указ, чтобы из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в Гвардии» [19]. Таким образом, получение практического опыта в совокупности с теоретическими знаниями превращалось в единственное средство социальной мобильности внутри служилого слоя.

Наконец, 23 марта вышел указ, кардинальным образом менявший систему наследования дворянского имущества и делавший невозможным отказ от государственной службы [23]. Он интересен несколькими моментами. Во-первых, уравнение в правилах наследования поместий и вотчин упразднило последнее различие между различными группами

служилых людей, фактически окончив их слияние в один слой. Во-вторых, запрет на дробление недвижимого имущества при наследовании, с одной стороны, снимал вопрос об обеспечении возможности служилых людей выполнять свои обязанности (поскольку размер поместья позволял удовлетворить все потребности, причем без увеличения степени эксплуатации крестьян), а с другой – обеспечивал постоянный приток на государственную службу (причем не только военную) людей, имеющих образование (это тоже прописывалось в указе) и нуждающихся в жалованье. Этим указом служилое сословие превращалось в группу, способную к самовоспроизводству без каких-либо серьезных вливаний извне, что было необходимо на раннем этапе его конструирования. Некоторое уточнение по поводу возможности младших сыновей дворян, не получавших отныне своей доли в недвижимом имуществе отца, было в указе от 14 апреля [26], где говорилось о необходимости провести 7 лет на военной или 10 лет на гражданской службе, чтобы получить возможность приобрести себе недвижимое имущество. Это должно было обеспечить пребывание их на службе в течение довольно продолжительного времени, вне зависимости от их финансовых возможностей.

Помимо обозначенных указов в течение этого года вышло еще несколько, связанных с оформлением города (и в первую очередь Санкт-Петербурга) как особого социокультурного пространства – было запрещено каменное строительство в городах кроме Санкт-Петербурга, туда же переводились несколько приказов из Москвы, определялись требования к строительству в новой столице. Кроме того, в конце года вышел очередной указ о запрете ношения в городах русской одежды и бороды, а также запрете торговли русской одеждой в городах [20]. Так разрыв между городами и остальным пространством страны становился все более жестким, что в свою очередь влияло и на мировоззрение и идентичности городских жителей, особенно представителей служилого сословия, в отношении которых надзор за соблюдением правительственных указов был более строгим. Даже простое посещение города по делам требовало соблюдения требований к внешнему виду или уплаты специальной пошлины. Соответственно город становился для большей части населения чуждым пространством, а его население – чужаками. Дополнительно этот разрыв углублялся и тем фактом, что города обладали определенным самоуправлением, которое было окончательно формализовано в 1721 году после издания регламента Главного магистрата. Но при этом важно отметить, что дворянство (обозначенное в этом документе как шляхетство) не входило в число граждан города, тем самым выходясь за пределы регулирования этим актом [33, с. 295]. То есть город – это скорее обеспечивающее пространство для служилого сословия, которое находится в привилегированном положении относительно горожан.

Хотя военная служба и считалась приоритетной для государства в эпоху правления Петра I, но по мере того, как Северная война подходила к концу, стало понятно, что следует обратить внимание и на службу гражданскую. В «Генеральном регламенте» специально оговаривалось, что выходцы из дворянского сословия могут обучаться в канцеляриях, для того чтобы в дальнейшем занять вакантные должности и «того ради сего фамилиям знатным и шляхетским в укоризну не ставить: ибо кроме сего пути никто в вышний градус и до министерского чина произведен быти не может; но однакож, из всякой фамилии как в воинских, так и в сих делах по несколько были употреблены: и того ради не позволяется, чтоб которой фамилии одной все были во оной гражданской службе, но по пропорции, и воинской» [9, с. 154]. Но в еще большей степени важность гражданской службы (хотя военной по-прежнему отдавался приоритет) проявилась в принятии одного из самых значимых документов петровской эпохи – «Табели о рангах» [34].

Вообще первые попытки упорядочить систему чинов (на тот момент в армии) предпринимались Петром I еще в 1698 году, когда по инициативе генерала А.А. Вейде был

предложен проект Воинского устава [6, с. 68]. После этого неоднократно пересматривались списки военных чинов, а в 1713 году Петром была поставлена задача подготовить выписки из «шведских и прочих порядок градусов всех чинов, кроме воинских» [4, с. 273]. Как указывает А.П. Виноградов, введение новых чинов (параллельно с пожалованием в старые) происходило и до издания «Табели о рангах», при этом к новому названию чина всегда давались пояснения [5, с. 135]. Но тут скорее речь должна идти не о полноценных чинах, а о должностях, которые только позже стали чинами. Как указывает Н.А. Воскресенский, ближе всего из иностранных законов такого рода к плану Петра I был датский, в котором прописывалась возможность привлечь к государственной службе все дворянство, заставив его учиться и работать над собой [8, с. 187]. Наконец, общая выработка отечественного варианта была закончена к началу 1721 года, однако Петр отложил ее введение сначала до сентября, а затем и до следующего года, желая «еще осмотреться, ежели что переменить, прибавить или убавить» [цит. по: 8, с. 195]. По-видимому, именно с этим желанием было связано проведение в 1721–1723 годах так называемого Генерального смотра, в котором приняло участие практически все дворянство империи. Задачей его было определение дворян на службу в те или иные учреждения, что отличало его от военных смотров предыдущих лет. Кроме того, одним из итогов смотра стало составление общего реестра служилого сословия, что делало возможным более оперативное назначение на необходимые должности [12].

Практически одновременно с «Табелью о рангах» была принята «Инструкция Герольдмейстеру» [14], который согласно ей фактически, становился человеком, отвечающим за функционирование всего служилого сословия: определял назначения на гражданские должности, отвечал за обучение, фиксировал вхождение в дворянское сословие лиц, получивших обер-офицерское звание, и т.д. Помимо прочего в этой инструкции определялась и «квота» для гражданской службы из числа знатных и средних дворянских семей – не более трети от каждой фамилии, чтобы остальные члены семей шли на военную и морскую службу. Таким образом, хотя гражданская служба и стала считаться значимой для государства, но приоритет по-прежнему отдавался военной.

О значении «Табели о рангах» написано довольно много, поэтому можно остановиться только на нескольких принципиальных моментах. Во-первых, установив соответствие между чинами и должностями, она окончательно устранила принцип знатности из механизма социальной мобильности внутри служилого сословия. Во-вторых, был закреплён приоритет гвардейской службы над армейской, а армейской – над гражданской, при этом самые низшие должности гражданской службы вообще не были включены в «Табель». В-третьих, был закреплён механизм пополнения служилого сословия извне, причем и здесь военной службе отдавался приоритет. В-четвертых, принцип службы был распространён и на женщин, для которых предусматривались свои ранги, тогда как для тех из них, кто не служит, принимался ранг супруга. Наконец, в-пятых, было обозначено, что для каждого ранга полагаются внешние признаки различий – одежда, экипаж и т.д., что работало на укрепление чувства групповой идентичности.

В силу того, что военная служба была более привлекательной для дворян, а слишком серьезное расширение служилого слоя за счет выходцев из податных сословий, находящихся на гражданской службе, грозило размыванием только что сложившегося общества, Петр I вынужден был ограничить карьерный рост для не имеющих дворянского звания. 31 января 1724 года вышел его указ, запрещающий производство в секретари людей, не относящихся к шляхетству. Хотя и здесь имелась оговорка – это было возможным при совершении кандидатом какого-либо «знатного дела» [19]. Здесь можно согласиться с мнением Л.Ф. Писарьковой, что «в 1720-е гг. создавались две самостоятельные служебные лестницы: чиновная для дворян и канцелярская для детей приказных и разночинцев,

что нарушало преемственность между низшими и высшими должностями» [29, с. 176]. При этом автором отмечается, что Петру все равно не удалось сделать гражданскую службу привлекательной для дворян, из-за чего приходилось прибегать к чрезвычайным мерам и в приказном порядке вербовать из дворян кандидатов на низшие чиновничьи должности.

Окончательное оформление служилого сословия и его отделение от остального населения империи произошло в ходе податной реформы 1719–1724 годов, когда была введена подушная подать, от которой было освобождено дворянство и духовенство (но только включенное в штат) [1, с. 314–317]. Замена подати государственной службой не только влияла на хозяйственно-экономический аспект, но и формировала чувство собственного превосходства и внутреннего единства внутри служилого сословия. Эта реформа привела и к тому, что значительная часть старого служилого слоя (так называемые однодворцы) оказалась исключена из дворянской корпорации, войдя во вновь созданную категорию государственных крестьян. А.Б. Каменский подметил определенную двойственность результатов податной реформы: «превращая дворянство в единую привилегированную социальную категорию, государство тем самым фактически создавало предпосылки для его трансформации в полноценное сословие. Но это значило замену служебного принципа родовым, в то время как одновременно Петр провозглашал и довольно последовательно проводил принцип служебной годности» [15, с. 134]. В то же время надо отметить, что Петр I очень трепетно относился к исполнению дворянами своих обязанностей, а за неявку на смотры угрожал как политической, так и физической смертью. По всей видимости, с его точки зрения, это должно было обеспечить соблюдение служилого принципа – через исключение из дворянского сословия «негодных» людей, невзирая на их происхождение.

По мере оформления дворянства как единого служилого сословия, формировалось и единое социокультурное пространство, в рамках которого осуществлялась коммуникация между его членами. Одним из важнейших элементов этого стали ассамблеи, введенные указом Петра I в 1718 году [24]. Присутствие на них как мужчин, так и женщин, с одной стороны, бросало вызов предшествующей традиции, а с другой – формировало новые правила поведения, общие для всех членов служилого сословия. В рамках ассамблей происходило формирование особой системы ценностей, установление единого подхода к моде, внешней символике и т.д. При этом посещение ассамблеи было не столько результатом желания дворян, сколько их обязанностью, что лишний раз подчеркивало военизированный характер этого сословия.

Анализируя процесс конструирования единого служилого сословия Петром I, можно выделить несколько этапов. Первый (1680–1700-е) был временем создания ядра будущего слоя – гвардии и «Всешутейшего и всепьянейшего собора» (которые частично пересекались кругом входящих в них лиц). Это сообщество формировалось на основании личной преданности Петру, для чего использовались демонстративные ритуалы инициации (рубка бород, переодевание в «венгерское» платье и т.д.). Это была военизированная корпорация, долженствующая сыграть важнейшую роль в борьбе со старой знатью. При этом следует отметить ее принципиальную открытость для новых членов, благодаря чему за короткое время она смогла вырасти до нескольких тысяч человек. За счет личной близости всех ее членов к Петру I они обладали особыми привилегиями (не всегда зафиксированными законодательно), что сразу же отрывало их от остального населения страны.

На втором этапе (1700–1714) служилое сообщество продолжило носить военизированный характер, но за счет увеличения его численности принцип личной близости к Петру несколько ослабел (хотя гвардия становится мощным социальным лифтом – служба в ней провозглашается необходимым условием для получения офицерского чина в армии). Появляются новые условия вхождения в эту корпорацию – наличие образования, в первую очередь в области математики и геометрии, постоянное несение службы. Если на

предыдущем этапе служилый слой во многом формировался на добровольных началах, то теперь служба становится обязательной, члены сообщества лишаются возможности жить за счет поместий, полученных за службу предками. Открытость при вхождении в сообщество сохраняется, хотя и несколько ограничивается, приоритет начинает отдаваться детям уже состоящих на службе, однако личные заслуги все равно стоят выше происхождения.

Третий этап (1714–1725) ознаменовался завершением организационного оформления сообщества. К военной службе добавляется и гражданская, хотя приоритет все же отдается первой. Оформляется внутренняя иерархия, формализуется механизм внутренней мобильности. При том, что остается возможность пополнения слоя извне (а формально, видимо, и исключение из сообщества за «негодность»), приоритетным становится его самовоспроизводство, основанное на образовании и выслуге лет. Более устойчивой становится коммуникация внутри слоя – как за счет постоянных перемещений его членов в рамках служебных обязанностей, так и благодаря формированию особого социокультурного городского пространства. Служилый слой все сильнее отрывается от большей части населения: он сосредотачивается в городах, а не деревнях, отличается образованием, внешним обликом, манерой поведения и т.д.

Исходя из вышеизложенного, можно попытаться реконструировать замысел Петра I по созданию служилого слоя. Изначально было необходимо разорвать все связи со старой родовой аристократией, для чего необходима была группа лично преданных царю сторонников, готовых ради него на все, в том числе на радикальный разрыв с традицией. После того как эта группа была создана и при ее помощи нанесено поражение боярской верхушке, пришло время выстраивания вокруг этого сообщества более широкой, обладающей необходимыми знаниями корпорации для успешного ведения войны с одной из сильнейших армий Европы – шведской. По мере того, как исход войны стал очевиден и вопрос победы оставался делом времени, необходимо было несколько сместить внимание с военной на гражданскую службу, а также упорядочить разросшееся к тому времени служилое сословие, определив принципы вхождения и исключения из него, сделав одним из важнейших условий получение образования. Постоянные коммуникации между членами этого сословия поддерживались через регулярные смотры, перевод с одного места службы на другое, а также за счет проживания в городах, ставших особым социокультурным пространством, кардинально отличавшимся от остальной части страны. Несмотря на то, что дворянство к тому времени уже практически оформилось в особое сословие, где начинали действовать родовые связи, именно безупречная личная служба должна была являться главным механизмом внутренней мобильности, тогда как отказ от службы грозил изгнанием из сообщества и лишения средств к существованию. При этом владение поместьями и крепостными должно было являться не привилегией, а выступать исключительно как жалованье за несение пожизненной службы. Если бы Петру I удалось закрепить эти принципы, то дальнейшее развитие России могло пойти по другому пути. Однако его внезапная смерть привела к тому, что в ход пошли заложенные им мины замедленного действия.

Гвардия, ставшая полностью сформировавшейся корпорацией, обладающая значительными полномочиями и привилегиями, лично преданная харизматичному правителю, в отсутствие такового смогла выступать как самостоятельная сила, реализующая свои корпоративные интересы, став основой для осуществления дворцовых переворотов. Будучи образцом для остального дворянства, она стимулировала ускоренное формирование корпоративной идентичности во всем служилом сословии, которое в условиях отсутствия харизматичного и сильного императора смогло добиться получения ряда привилегий и самое главное – отмены обязательной службы. Это сделало бессмысленным само существование дворянского сословия, а потому его дальнейшее сохранение пагубно сказывалось на развитии России. Поскольку дворянство было еще и образованным слоем, им были

усвоены многие идеи из Западной Европы, в том числе и идеи участия в политической жизни страны.

Так из корпорации дворянство стало превращаться в нацию (в значении политического сообщества граждан, обладающих определенными правами). При этом из-за социокультурных различий с большинством населения страны, связанных с вестернизацией, дворянство не смогло стать той группой, которая бы инициировала процесс создания общероссийской гражданской нации, долгое время оставаясь замкнутым в себе сообществом. В результате замысел Петра превратился в свою противоположность: служилое сословие, которое должно было стать опорой регулярного государства, стало элементом в государственном механизме, приведшим к его поломке.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
2. *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1946. 502 с.
3. *Болтунова Е.М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М.: РГГУ, 2011. 349 с.
4. Бумаги императора Петра I / изд. акад. А. Бычковым. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1873. 23, 565, 59 с., 5 л.
5. *Виноградов А.П.* Зарождение Отечественной системы гражданских чинов, подготовка табели о рангах Петром I // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 133–144.
6. *Виноградов А.П.* Предыстория «табеля о рангах» // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 4 (53). С. 65–70.
7. *Волков С.В.* Элитные социальные группы и государственная служба в России. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2021. 408 с.
8. *Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.
9. Генеральный Регламент или Устав // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. I. Т. VI. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 141–160.
10. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 9. 2-е изд. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 548+VIII с.
11. *Желябужский И.* Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова. С. 259–358.
12. *Захаров А.В.* «Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 167–182.
13. *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 240 с.
14. Инструкция Герольдмейстеру // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 497–499.
15. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
16. *Климовицкая И.И.* «Русского платья отнюдь никому не носить»: вестиментарная реформа Петра Первого // История Петербурга. 2018. № 1 (73). С. 48–52.
17. *Нефедов С.А.* Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53–65; 2014. № 1. С. 31–40; № 2. С. 42–58; № 4. С. 43–50; № 5. С. 52–63.
18. О непроизводстве в Офицеры Дворян, не служивших солдатами в Гвардии // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 84–85.
19. О непроизводстве в Секретари приказных, которые дворянства не имеют // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VII. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 226.
20. О неторговании Русским платьем и сапогами и о ношении такового платья и бороды // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 137.
21. О ношении платья на манер Венгерского // ПСЗРИ. Собр. I. Т. IV. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 1.
22. О обучении Дворян приказного чина, Дьячьих и подьячьих детей Арифметике и Геометрии // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 86.
23. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 91–94.
24. О порядке собрания в частных домах, и о лицах, которые в оных участвовать могут // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 597–598.
25. О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для учения Дворянского чина детей Арифметики и Геометрии // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 78.

26. О числе лет, которые младшие братья дворянского звания должны провести на службе, а торгового класса люди в промыслах, дабы получить право приобретать покупкою недвижимые имущества // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 97.
27. Об учреждении Бурмистрской Палаты // ПСЗРИ. Собр. I. Т. III. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 598–600.
28. Об учреждении в городах Земских Изб // ПСЗРИ. Собр. I. Т. III. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 600–601.
29. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 743 с.
30. *Порай-Кошиц И.* История русского дворянства от IX до конца XVIII века / И. Порай-Кошиц // История русского дворянства. СПб., 1900.
- 30а. *Романов-Славятинский А.* Дворянство в России. СПб., 1870. М.: Крафт+, 2003. С. 31–186.
31. *Пушкин А.С.* <История Петра. Подготовительные тексты> / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 10. М.: Воскресенье, 1995. С. 9–248.
32. Рассказы и анекдоты про Петра Великого // Русский архив. 1884. Т. 3. С. 354–370.
33. Регламент, или Устав Главного Магистрата // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 291–309.
34. Табель о рангах всех чинов // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 486–493.
35. *Усыскин Л.Б.* Урезание бород Петром I: к истолкованию жеста // Valla. 2015. Т. 1. № 6 (2). С. 30–37.
36. *Шаменков С.И.* Венгерское платье пехотных полков армии Петра Великого [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 1. С. 421–463. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2012/07/01/shamenkov/>

Аннотация. Реформы Петра I по строительству регулярного государства требовали от него создания особого служилого сословия. Для этого ему изначально требовалось разрушить старый служилый слой. Первым шагом в этом направлении стало создание гвардии – небольшой корпорации, преданной лично царю. Вхождение в нее требовало от неопытных выполнения определенных ритуалов инициации, направленных на демонстративный разрыв с традицией. После этого на основе гвардии было начато создание более многочисленного сообщества, главной задачей которого было несение военной службы. Для вхождения в него в качестве обязательного условия было поставлено получение образования, а социальная мобильность внутри основывалась исключительно на личных заслугах. Заключительным этапом стало распространение служебного принципа и на гражданскую службу. В итоге произошло юридическое оформление дворянства как нового служилого сословия. При этом сохранялись механизмы как его пополнения извне, так и исключения из него людей, не готовых нести службу. Однако внезапная смерть Петра I не позволила закрепить его идеям, из-за чего в дальнейшем дворянство перестало выполнять свою главнейшую функцию – служебную.

Ключевые слова: Петр I, дворянство, социальные группы, социальная мобильность, идентичность, сословия.

Alexey B. Panchenko, PhD in History, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University. E-mail: alexeypank@rambler.ru

The Service Estate In the Reign of Peter the Great: History of Creation and Mechanisms of Constructing Community

Abstract. Peter I reforms aimed at the construction of a regular state required creating a special service estate. He initially needed to destroy the old nobility for this purpose. The first step in this direction was the creation of the Guard, a small corporation that was loyal to the tsar personally. Joining the Guard required neophytes to perform certain initiation rituals aimed at the pointed break with tradition. After that, a larger community, whose main task was military service, began to be formed on the basis of the Guard. Education was a prerequisite for joining this society, and social mobility within it was based solely on individual merit. The final stage was the extension of the service principle to civilian service. As the result, the nobility as legally implemented as new service estate. At the same time, there remained preserved mechanisms of both replenishment of this society from outside and exclusion from it of the people who were not ready to serve. However, the sudden death of Peter I did not allow his ideas to be entrenched, due to which the nobility subsequently ceased to perform its main function – serve the empire.

Keywords: Peter I, Nobility, Social Groups, Social Mobility, Identity, Estates.

Примат государства над церковью: вариант Петра I

Трансформация симфонии властей (относительного равенства и самостоятельности лидеров духовной и светской власти) в господствующее положение светской власти свойственна далеко не только России. В ряде государств данная тенденция была связана со становлением протестантизма, в других, сохранивших католичество в качестве государственной религии, – с развитием просвещенного абсолютизма. В первом случае король становился главой церкви, во втором развивалась политика веротерпимости, гонениям подвергались духовно-рыцарские ордена, упразднялись отдельные монастыри. Данные процессы в Западной Европе происходили в условиях реализации геополитических интересов каждого государства в союзе с одними и противоборстве с другими политическими блоками.

В допетровской России проблема вмешательства государства в дела церкви проявила себя весьма остро. Церковно-государственные отношения находились в тесной связи со становлением роли России как главной державы и регулятора геополитических конфликтов Православного Востока. Российская официальная идеология развила концепцию «Москва – Третий Рим». В середине XVII века, готовясь к борьбе за Малороссию и надеясь в том числе освободить ее православных из-под власти католиков, политическая элита страны четко осознавала факт неприятия местным населением своего богослужебного чина, разнившегося с византийским, распространенным в других странах Восточной Европы. С 1646 года государство постепенно стало готовиться к грекофильской реформе. В ходе войны реформа была осуществлена и, как известно, привела к церковному расколу, вскоре превратившемуся в раскол социальный. Одновременно с этим по Соборному уложению 1649 года был создан Монастырский приказ, занимавшийся сбором податей с церковных вотчин и составлением описей церковного имущества [11, с. 97]. Церковь сохраняла за собой только право суда над духовенством по церковным делам. Право утверждать постановления церковных соборов принадлежало царю. В царствование Алексея Михайловича крестьяне, принадлежавшие церкви (ее иерархам и монастырям), пополняли ряды русского войска по системе набора даточных людей. Переход страны к системе подворного налогообложения затрагивал церковных феодалов в не меньшей степени, чем светских. Реформы церкви занимали важное место и в политике Федора Алексеевича. Вмешательство светской власти в дела духовной приводило к острым конфликтам царей и патриархов: Алексея Михайловича с Иосифом и Никоном, Федора Алексеевича с Иоакимом [21]. Светская элита относилась к главе РПЦ скорее как к политику, а не духовному лидеру, чей сан и чье служение связаны в том числе с задачей обличать пороки, присущие монарху.

Талина Галина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. E-mail: gtalina@yandex.ru

Весьма длительное царствование Петра, его превращение из бесправного ребенка на троне во всемогущего императора нашли отражение в новой стадии эволюции государственно-церковных отношений. Если на Петра XVII века влияло состояние дел в церковной сфере, то Петр XVIII столетия трансформировал церковь в соответствии с задачами своего государства.

Во второй половине XVII столетия Россия постепенно превратилась в арену соперничества идей, порожденных различными христианскими конфессиями. В тот момент, когда Петр уже был русским царем, хотя и разделял свое царствование с единокровным братом Иваном V, в стране бушевали религиозные диспуты. Начало регентства Софьи при малолетних Иване и Петре (1682) было ознаменовано диспутом между никонианами и старообрядцами. Он так и не привел к сколько-нибудь серьезному результату.

Параллельно с ним шел спор между эллинистами и латинствующими. «Эллинистическую» партию представляли Епифаний Славинецкий при Алексее Михайловиче, Евфимий – при царе Федоре Алексеевиче, братья Иоанникий и Софроний Лихуды и их ученики – при Софье, Иване и Петре. Яркими представителями латинствующих выступали Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев. Богословская сторона диспута касалась времени пресуществления Святых Даров («Пресуществление» – термин, которым определяется способ пребывания тела и крови Иисуса Христа в таинстве евхаристии). Диспут вышел на улицы и площади. Латинствующие «прописались» при царском дворе еще в тот период, когда Симеон Полоцкий стал домашним учителем царевича Федора Алексеевича. Взойдя на престол, Федор сделал С. Медведева справщиком Печатного двора и руководителем светской Верхней типографии. При регентстве Софьи в Москве обосновались иезуиты, а торговцы Давид Кодзини и Товия Тихановский в Немецкой слободе открыли школу [20].

Интересы католиков в России отстаивал не столько папский престол, сколько Священная Римская империя. В русско-польскую войну 1654–1667 годов Империя являлась посредником в переговорах противоборствующих государств. Как только в 1686 году между Россией и Речью Посполитой был подписан Вечный мир, от царей Ивана и Петра в Империю было направлено посольство в целях объединения усилий стран в борьбе с Турцией. Мы всячески настаивали на равенстве статусов и титулов наших правителей и императоров, а в ответ слышали беспрекословное требование строительства в России костела, свободного отправления культа жившими на нашей территории представителями римской католической веры. В грамоте Леопольда I от 5 мая 1687 года к русским царям дружба между обоими государствами была напрямую связана с распространением в России римского католического учения [15, стб. 176, 193, 251, 266].

После смерти в 1696 году Ивана Алексеевича, Петр стал единоличным правителем России, русское Великое посольство среди других стран посетило и оплот Священной Римской империи – Австрию. Петр встречался с императором Леопольдом I, но существенных дипломатических успехов добиться не удалось. В этот период католические ксендзы работали в России по несколько лет, а вопрос о смене одних представителей римской католической церкви на других специально оговаривался в грамотах императора к царю [17, стб. 796–798].

Если рассматривать Россию последней четверти XVII века как арену противоборства старообрядческого, эллинистического и латинствующего (католического) начал, следует отметить, что и латинствующие, и эллинисты являлись в равной степени новшеством периода. Любое новшество воспринимается как нечто сиюминутное, чужое. Реформированной Русской Православной Церкви только предстояло пройти долгий путь, прежде чем стать духовной основой русского монархического государства и общества. На первых порах оправданная геополитическими интересами России «никонианская» реформа не

спланировала, а разъединяла население. Авторитет представителей каждого из перечисленных течений падал из-за достаточно свободного существования и развития других.

Патриарх Иоаким последовательно вел борьбу с католическим влиянием. В 1688 году Медведев был отстранен от должности старшего справщика Печатного двора. В 1689 году, в период открытого противостояния Петра и Софьи, патриарх поддержал Петра. Из всего триумvirата тогдашних самодержцев – Ивана, Петра и Софьи [18 с. 60] – только Петр представлялся реальной антитезой латинствующему В.В. Голицыну. Из всех нововведений и увлечений Петра на тот момент существовали и развивались только потешные полки, но опыт иностранных заимствований в военной сфере в России давно никого не пугал, на протяжении всего XVII века мы использовали наработки голландцев и шведов при создании полков нового (иноземного) строя, охотно брали на службу протестантов, имевших хорошие рекомендации своего прежнего начальства. Разгар борьбы Петра и Софьи совпал с окончанием Второго Крымского похода и знакомством Петра с одним из его участников – Францем Лефортом. В августе 1689 года Петр укрылся в Троице-Сергиевом монастыре, в начале сентября к нему присоединились Патрик Гордон и Лефорт, а с ними и наемная иноземная пехота. К октябрю исход схватки за власть был решен, а реальная опора Софьи – Ф.Л. Шакловитый – казнен (В.В. Голицын фактически самоустранился от дел). Патриарх Иоаким получил необходимые условия для борьбы с католическим влиянием в России. Церковный собор, проходивший в январе 1690 года, осудил католическое учение о времени пресуществления Святых Даров и запретил ряд сочинений Симеона Полоцкого, Петра (Могилы), Иоанникия (Галатовского), Лазаря (Барановича) и других [13]. Дальнейшему усилению позиций официальной церкви препятствовала смерть Иоакима в марте 1690 года. В августе на патриарший престол был возведен митрополит Казанский и Свияжский Адриан, правая рука Иоакима в последние годы его патриаршества. Соотношение сил светской и духовной власти резко изменилось. Иоаким – духовный лидер и опытный политик, Адриан – монах на патриаршей кафедре, сторонник воздействия на паству исключительно нравственным образом. Петр – человек, реально воспринимавший силу оппонента, подчас преклоняющийся перед силой (недаром для него в дальнейшем победа над шведами в Северной войне станет трактоваться как способность превзойти своего учителя).

1690–1691 годы – идеальное время для метаморфоз самого Петра. В это время его знакомство с Гордоном и Лефортом переросло в дружбу. В 1690 году Петр встретился с Анной Монс, с 1692 года она стала его фавориткой. Немецкая слобода превратилась в одно из любимых мест пребывания царя. Осень 1691 года – первое упоминание о всепьянейшем соборе в дневниковой записи Патрика Гордона. Собор просуществовал до середины 1720-х годов, более 30 лет. Во главе соборы стоял «вселенский князь-папа», которого могли именовать и «князем-кесарем», и «патриархом Московским, Кокуйским и всея Яузы». Эту роль играли в разное время Ф.Ю. Ромодановский, его сын И.Ф. Ромодановский, окольный М.Ф. Нарышкин, воспитатель царя Н.М. Зотов, боярин П.И. Бутурлин. В его подчинении находились «владыки», «ключари», «попы», «дьяконы», «дьяки» и пр. Сам Петр назывался «протодьяконом Петром Михайловым». Резиденция всепьянейшего собора на острове посреди Яузы именовалась Ватиканом [6, с. 277]. К 1717 и 1725 годам относится самая масштабная церемония выбора князя-папы – пародия на избрание папы римского конклавом кардиналов, сочетавшаяся с отдельными чертами пародии на хиротонию православного архиерея [8, с. 107].

Суть всех этих действий оценивается весьма неоднозначно, вплоть до желания Петра предстать в роли божьего избранника, метафорического «камня», на котором будет создаваться будущее имперское величие России [3, с. 47]. Между тем склонность царя к практической деятельности, а не философским размышлениям не вписывается в эту

трактовку. Такая многоходовка более подходит для вождей тоталитарных государств, нежели для молодого Петра. Столкнувшись с русифицированной версией европейского карнавала при сближении с Немецкой слободой, Петр страстно увлекся этим действием. В чинах всепьянейшего собора причудливо перемешались чины разных конфессий, что было неудивительно в условиях активного противостояния конфессий в тогдашней России. Пародия на папу и конклав святотатством не выглядела. Что же касается термина «патриарх», то ставить знак равенства между ним и «Адриан, милостию Божию, Архиепископ Царствующего Великаго Града Москвы и всея России и всех северных стран Патриарх» (именно так звучал тогда полный титул нашего патриарха) [14, т. 3, № 1612, с. 413] тоже неуместно. За вторую половину XVII века Россия привыкла к активному взаимодействию со вселенскими (Константинопольским, Александрийским, Антиохийским, Иерусалимским) патриархами и их представителями. С их помощью отец Петра низложил патриарха Никона, с их помощью единокровный брат Петра Федор, выполняя последнюю волю родителя, вернул Никону патриарший сан, создав ситуацию, при которой в России оказалось сразу два патриарха. Не став камнем в основании новой веры, собор превратился в лакмусовую бумагу, способную определить тех сановников, кто был готов поддержать Петра в любом деле, и тех, кто постарался бы не замарать рук. Петр вряд ли замыслил и создавал всепьянейший собор как некий пробный шар, скорее по мере существования этой пошлой затеи он понял, что от нее есть реальная выгода, и сохранил саму затею на многие годы. Реальная политика Петра в реформировании церкви будет связана не со всепьянейшим собором, а с гораздо более полномочными государственными учреждениями, такими как Монастырский приказ и Синод.

В начале 1690-х годов сколько-нибудь серьезным планом церковных преобразований Петр не обладал. В этот период он активно тянулся к «европейскому образу жизни», соотносил его с Новой Немецкой слободой, но трактовал весьма превратно. В самой же слободе, располагавшейся на правом берегу Яузы, с 1652 года жили все иностранцы, не принявшие православие. Уже при отце Петра две трети общего числа дворов здесь принадлежало офицерам, набранным на царскую службу из разных стран и регулярно получавшим царское жалованье [7, с. 88]. К тому времени как Петр стал в слободе частым гостем, она выглядела, как германский городок с чистыми прямыми улицами, садами, опрятными домами. И служба, и достойный быт жителей требовали немалых усилий. «Европейское» Петру, напротив, представлялось как бесконечный кутеж. За Петром тянулась и светская молодежь. Это не могло не вызвать осуждения патриарха Адриана. В своих проповедях он осуждал, что «благородные и простые... хвастаются пьянством, говоря бесстыдно друг другу: тогда-то и тогда я был пьян и церковное торжество в праздники проспал», «от злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели, совратясь от стезей отцов своих» [19, с. 482–483].

Значимой вехой в трансформации политики Петра в отношении церкви явилось Великое посольство. По приглашению английского короля и правителя Голландии Вильгельма III Петр посетил Англию, пробыв здесь около трех месяцев. Царь встречался и беседовал с архиепископом Кентерберийским Томасом Тенисоном, епископом Солсбери Гилбертом Бернетом. Главный вопрос, который его интересовал, – устройство протестантских церквей, руководимых королем, реализовавшим свое право назначения архиепископов и епископов. Бернет (проповедник, философ, писатель) искал встречи с Петром, чтобы говорить об англиканской вере и «церковных установлениях», преследуя цель унии Православной и Англиканской церквей. Петра же вопросы теологии не интересовали. Нрав и манеры царя могли довести любого. Если в начале знакомства Бернет отмечал его необыкновенные способности при небрежном воспитании, то в конце – горячность, страшную грубость, уместную для корабельного мастера, но не царя [9; 12, с. 13].

Петр возвратился из Великого посольства в Москву 25 августа 1698 года. Однако церковные дела и в период его отсутствия в стране не стояли на месте. Пожалуй, основной проблемой для царя и государства в этот период становился вопрос государственного контроля над собственностью церкви. Например, 18 апреля 1698 года был дан именной указ, запрещавший в Енисейске и Енисейском уезде ссыльным и «прихожим» старцам создавать новые монастыри без царского разрешения [14, т. 3, № 1629, с. 450], но это была лишь полумера, препятствовавшая переходу земель из государственного в церковный земельный фонд.

Вернувшись в Россию, Петр активизировал свою деятельность. Отношения царя и патриарха при этом ухудшились. Адриан не соглашался на постриг первой жены Петра Евдокии Лопухиной, заступался за участников стрелецкого бунта 1698 года. Патриарх скончался в октябре 1700 года, а 16 декабря 1701 года местоблюстителем патриаршего престола стал Стефан Яворский. (С 1697 года он был игуменом Никольского Пустынного монастыря и доверенным лицом Киевского митрополита в сношениях с московским правительством. По воле случая Яворский произносил проповедь на похоронах А.С. Шеина, понравился царю. Петр указал патриарху Адриану дать Стефану близкую к Москве епископию. Яворский был поставлен в митрополита Рязанского и Муромского. Местоблюстителем стал по указу царя.)

Условия для государственной политики в духе секуляризации оказались как никогда благоприятны. Начало XVIII столетия было ознаменовано созданием петровской версии ранее упраздненного Монастырского приказа. Формально считалось, что духовными делами заведует местоблюститель патриаршего престола. В реальности светский глава Монастырского приказа граф И.А. Мусин-Пушкин являлся докладчиком повелений государя Стефану Яворскому, вмешивался в назначения епископов, управлял патриаршей типографией, контролировал духовное образование.

В 1701 году в ведомство приказа перешли владения патриаршего и архиерейского домов, монастыри с их вотчинами. Это сопровождалось переписями церковного имущества светскими чиновниками и отчуждением в государственную казну патриарших и частных земельных владений. Из казны земли могли жаловать или продавать частным лицам, приписывать к городским землям или заводам [4, с. 361]. Духовенство потеряло судебные привилегии, крестьяне, жившие на церковных землях, по судебным искам должны были обращаться в государственные учреждения.

По мнению государства, монахи должны были жить так, чтобы «сами себе трудолюбивыми руками пищу промышляли и общежительно живяще... многих нищих от своих рук питали» [14, т. 4, № 1886, с. 181–182]. Из монастырей были изгнаны все миряне. Из доходов с церковных вотчин, поступивших в Монастырский приказ, монахам был определен денежный и хлебный оклад: по 10 рублей и по 10 четвертей хлеба в год на человека. Доходы самых бедных монастырей не могли обеспечить эту норму, им дозволялось оставлять за собой вотчины [5].

Монастырский Приказ сыграл свою роль и в деле образования. В его ведении находились церковные, уже существующие при патриархах (Заиконоспасская, Киевская и др.), а также вновь заводимые школы. Приказ был обязан следить, чтобы дети духовных лиц поступали в греческие и латинские школы, а лиц, не окончивших такие школы, не полагали в священники и диаконы [5].

По именному указу 8 июня 1701 года предписывалось больных нищих помещать в «домовые святейшего патриарха богадельни», а для ухода за ними определять здоровых людей, из расчета одного на десять больных. Деньги на содержание этих богаделен должны были выделяться из патриаршей домовой казны [14, т. 4, № 1856, с. 168]. Постепенно в монастыри стали направлять раненых и больных солдат и солдатских жен, не имевших

источников к существованию. Монастыри стали основой зарождавшейся системы социального призрения, но в одиночку справиться с задачей содержания нищих, престарелых, увечных, раненых солдат, неимущих солдатских жен и подобных им категорий они не могли. Позднее, в 1712 году, последовали указы об обязательном устройстве госпиталей (богаделен) для увечных и престарелых по всем губерниям [14, т. 4, № 2467, с. 779, № 2477, с. 791]. В 1715 году государство подняло вопрос о содержании незаконнорожденных детей. Госпитали для приема и содержания незаконнорожденных должны были создаваться в городах при церквях, но строительство и обеспечение их работы финансировалось из губернских неокладных прибыльных доходов [14, т. 5, № 2953, с. 181].

Церковь не только должна была заботиться о раненых и увечных воинах, но и поставлять новых, здоровых воинов в армию. Петровский указ от 20 февраля 1705 года «О наборе рекрут...» устанавливал норму набора 1 человек с 20 дворов в возрасте от 15 до 20 лет. Определяя, с кого брать рекрутов, царь в том числе указывал: «и с Святейшего Патриарха и властей и монастырей, и церковей» [14, т. 4, № 2036, с. 291]. (С 16 декабря 1701 года в России действовал местоблюститель патриаршего престола, но формально институт патриаршества еще сохранялся.) Следует отметить, что для церкви эта практика принципиально новой не являлась. Еще Г. Котошихин, характеризуя Россию Алексея Михайловича, отмечал: «Да в рейтары ж емлют с патриарха, с мирополитов, с архиепископов и епископов и с монастырей...» [10, с. 156].

Для С. Яворского был важен прежний идеал взаимодействия светской и духовной власти – симфония властей. В книге «Камень веры...» говорилось: «Всячески царем должны есмы повиноватися в делах гражданских; пастырем же высочайшим в делах к вере надлежащих. Царие бо христиансии началствуют над христианы не поелику христиане суть, но поелику человецы, коим образом могут началствовати и над иудеи, и над махOMETаны, и над языки. Тем же властительство царей о телесах паче, нежели о душах человеческих радение имать; духовная же власть о душах паче, нежели о телесах владомых печется. Цари имут в намерении покой привременный, и целость людей своих по плоти; духовная же власть имать в намерении живот и ублажение, и по плоти и по духу». При Петре сочинение не было напечатано, но его рукописные списки имели широкое хождение. В 1710 году Яворский отказался венчать племянницу Петра Анну Иоанновну с Курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом, так как таинство брака не может совершаться между православными и лицами других вероисповеданий. Стефан Яворский одним из первых в России в своих проповедях осудил введение фискалитета: внедрение в церковные суды фискалов означало посягательство на прерогативы церковной власти, а само новое учреждение являлось примером безнаказанности фискалов [4, с. 363–366].

Постепенно на роль ведущего теоретика государственной политики в отношении церкви выдвинулся Феофан Прокопович. И Яворский, и Прокопович – представители духовенства, получившие образование в Киево-Могилянской академии. Роднит их не столько *alma mater*, сколько характерный для нее временный переход выпускников в униатство (католическую церковь византийского обряда) для продолжения образования в Европе. Прокопович даже получил предложение от папы Климента XI остаться в Риме, но вернулся в Киев и сменил веру на православную. С 1705 года он стал профессором, затем – ректором Киево-Могилянской академии. В 1706 году Феофан обратил на себя внимание Петра при произнесении в Киеве речи, в которой превозносил ратные дела и просвещенные взгляды государя, в 1709 году – проповедью по случаю Полтавской победы. В 1711 году Прокопович сопровождал царя в Прутском походе, а с 1716-го оказался в Петербурге в ближайшем окружении Петра.

Петербургский период Прокоповича связан с многочисленными проповедями и активной публицистической деятельностью. В 1718 году в «Слове о власти и чести цар-

ской» [16] он доказывал необходимость неограниченного самодержавия. Причиной и условиями появления проповеди стало дело царевича Алексея. Прокопович критиковал рассуждения, восходящие к идеям Никона, о превосходстве церковной власти над светской. В 1721 году в книге «Розыск историческии, коих ради вин, и в яковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифексами или архиереами многобожнаго закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарециися епископи и архиереи, и в каком разуме» [22] он обосновывал представление об императоре как понтифике и главе мирского и духовного чина. Духовный чин трактовался как род занятий, вполне сопоставимый с воинами или ремесленниками.

Примат государства над церковью стал главной идеей написанного Прокоповичем проекта, а затем и окончательного текста «Духовного регламента» [14, т. 6, № 3718, с. 314–346]. В документе утверждалось, что духовная коллегия – «совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», поскольку в нем «не обретається место пристрастия, коварству, лихоимному суду». Все члены коллегии не смогут прийти к сговору, так как не дерзнут открыть друг другу «коварное некое умышление». Создание коллегии трактовалось как способ защиты от «мятежей и смущения». Основная причина мятежей – распри между духовным и светским лидерами, при которых «все духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют, и за него поборствовать и бунтоватися дерзают, и льстят себе окаянныя, что они по самом Бозе поборствуют». В отличие от верховного пастыря «само имя президент не гордое есть, не иное бо что значит, только председателя; не может убо ниже сам о себе, ниже кто иной о нем высоко помышляти».

К обсуждению проекта регламента не был привлечен Церковный собор. Проект обсуждался сенаторами с привлечением преосвященных архиереев. В течение семи месяцев по стране собирались подписи верхушки Русской Православной Церкви. 25 января 1721 года «Регламент или устав Духовной Коллегии» получил силу закона. Патриаршество ликвидировалось. Для управления церковью создавалась новая Духовная коллегия Синод. Ее членами были лица духовного знания, которые при вступлении в должность приносили присягу в Сенате на верность монарху. Президентом был назначен митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский, вице-президентами – архиепископ Новгородский Феодосий Яновский и архиепископ Псковский Феофан Прокопович. Помимо них в Духовной коллегии состояли три советника из архимандритов, четыре асессора из протопопов, один черный греческий священник. После смерти в 1722 году Стефана Яворского все дела этого ведомства окончательно сосредоточились в руках Прокоповича и Яновского. Указом от 11 мая 1722 года был назначен специальный военный чиновник обер-прокурор, ставший фактическим главой этого учреждения [14, т. 6, № 401, с. 676]. В его подчинении находился специально созданный штат церковных фискалов, называвшихся инквизиторами, во главе с протоинквизитором и провинциал-инквизиторами. Сам термин «Синод» перекочевал в Россию из Европы, однако не имел ничего общего с синодально-представительным управлением цвинглианских церквей – собраниями депутатов от общин для решения вопросов церковной жизни. Петровский Синод стал реализацией идеи бюрократического управления церковью.

Важным фактором в процессе установления петровской модели примата государства над церковью стало решение вопроса о налогообложении. Духовенство как неподатное сословие при его многочисленности Петра не устраивало. Было определено, что на 100–150 дворов прихожан должен быть один священник, «излишние» подлежали включению в тягло. Духовное сословие разделилось на две части. Первая (попы, дьяконы и другие представители верхушки притча) оставалась неподатной. Вторая (нештатные священники и дьяконы, их дети) слилась с другими податными сословиями. Было ликвидировано

и такое сословие, как архиерейские дети боярские – лица, несшие службу при патриархе и других церковных иерархах. Те из них, чьи деды уже служили в архиерейских детях боярских, влились в дворянство, остальные были взяты в подушное тягло [2, с. 335–336]. По указу от 14 марта 1720 года раскольники, не признавшие официальную церковь, должны были платить двойной налог [14, т. 6, № 3547, с. 169].

Усиление светского начала в России, как и других странах, проявлялось в политике «веротерпимости». Еще 2 сентября 1691 года царским указом иностранцам, проживавшим в России, предоставлялась свобода вероисповедания. Петр, как и его предшественники, с осторожностью относился к католической церкви – папская власть как никакая иная являлась воплощением примата церкви над государством. Между тем за время царствования Петра число католиков в стране от нескольких десятков увеличилось до двух тысяч. В состав католической общины детища Петра – Петербурга входили морские офицеры, артиллеристы, инженеры, строители, врачи, фармацевты, чиновники, архитекторы, скульпторы и живописцы, садовники и купцы. Всего же к концу петровского царствования католики составляли 1% населения новой столицы [1, с. 78]. Петр, женив своего сына царевича Алексея на сестре будущей австрийской императрицы, а затем, столкнувшись с бегством сына в Вену, к австрийскому императору, рассматривал задачу установления дипломатических отношений с папским престолом через посредничество Франции, а не Священной Римской империи. 2 декабря 1723 года император указал, «чтобы обретающиеся в Санктпетербурге римского исповедания жители для исправления церковных нужд пасторов требовали токмо из французов, а не иной нации людей» [14, т. 7, № 4376, с. 167]. Из России были изгнаны иезуиты, но действовали капуцины, доминиканцы и францисканцы. Протестанты пользовались большими привилегиями. Еще в 1718 году Московским собором было принято решение присоединять лютеран и кальвинистов к православию через миропомазание.

Петр был не прочь оказать поддержку представителям конфессиональных меньшинств в других странах, если эти действия могли способствовать решению внешнеполитических задач России. Так, в условиях, когда Англия старалась не допустить победы России в Северной войне, Петр стал посредником в общении вселенских патриархов и «нонджуреров» – англикан, «не присягнувших» Вильгельму II Оранскому, считавших себя православным остатком Британских церквей, предлагавших другим православным молитвенное и литургическое общение. Свои проекты нонджуреры отправили как вселенским патриархам, так и Петру. В 1718 году по настоянию Петра для рассмотрения проекта в Константинополе был созван собор с участием Константинопольского патриарха Иеремии III, Александрийского патриарха Самуила, Иерусалимского патриарха Хрисанфа, Антиохийского Афанасия III и иных архиереев. Прошение англикан корректно отвергли: препятствием являлись культовые и догматические различия церквей. Арбитром в диалоге выступал российский Святейший Синод, ответ восточных патриархов англиканам передавал он. В 1723 году Петр распорядился перенести обсуждение вопроса в Петербург, но оно так и не состоялось [23].

В целом установление примата государства над церковью можно назвать одним из главных векторов политики Петра. Воплощение данной идеи согласовалось с задачей построения сильного монархического, имперского государства, способного одержать победу в военных столкновениях с внешним противником. Собственность церкви, переходящая в руки государства, рассматривалась как один из способов достижения цели. Скольконибудь продуманной и целостной церковная политика Петра стала в конце XVII – начале XVIII века. Слабо разбиравшийся в вопросах теологии Петр всегда был вынужден обзаводиться сторонником из числа лиц духовного звания, способного развить смысл царских задумок, придать им окончательную форму. При этом церковные иерархи – сторонники Петра транслировали не только царские, но и собственные убеждения. Не удивительно,

что даже при местоблюстителе патриаршего престола Стефане Яворском в проповедях и сочинениях духовного содержания продолжала сохраняться идея симфонии властей. Реформирование церкви в духе секуляризации проводилось светскими чиновниками, все более расширявшими свою роль и функции в системе церковного управления. Теоретическое обоснование новых форм взаимоотношения светской и духовной властей Петру смог дать только Феофан Прокопович. Вникать в тонкости доказательной базы Феофана об императоре как понтифике Петру не позволяли ни образование, ни отсутствие свободного времени. Он получил, что хотел, – Синод, полностью подчиненный императору.

Литература

1. Андреев А.Н. Римские католики в Петербурге при Петре Великом и их участие в общеевропейской жизни России. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 77–83.
2. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 495 с.
3. Большакова О.В. Аннот. на кн.: Цицер Э. Преображенное царство: священные пародии и харизматическая власть при дворе Петра Великого [Zitser E. The transfigured kingdom: sacred parody and charismatic authority at the court of Peter the Great]. Ithaca, 2004. XII, 244 p. // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2006. № 2. С. 44–48.
4. Вдовина Л.Н. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Великие духовные пастыри России / под ред. А.Ф. Киселева. М.: Владос, 1999. С. 358–382.
5. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725): Опыт историко-юридического исследования свящ. М. Горчакова. СПб., 1868 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sedmitza.ru/lib/text/439439/>
6. Горюшкина Н.Е. Всепьянейший собор Петра I // Право как искусство добра и справедливости: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. Курск, 2020. С. 276–278.
7. История московских районов: энциклопедия / под ред. К.А. Аверьянова. М.: Астрель, АСТ, 2008. 830 с.
8. Каплан А.Б. Аннот. на кн.: Трахтенберг Л.А. Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор // Культурология. 2007. № 2 (41). С. 105–108.
9. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolay_Kostomarov/russkaja-istorija-v-zhizneopisanijah-ee-glavnejshih-dejatelej/6_1_1
10. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
11. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
12. Панина М.В. Петровские реформы церкви: предпосылки, заимствования и последствия для духовной жизни России // VIII Рождественские чтения: К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность. Межвузовский сборник научно-методических статей / под ред. Г.В. Сильченко. Ишим, 2021. С. 10–16.
13. Булычев А.А. Иоаким, патриарх Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. 23. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С. 138–148; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/468879.html>
14. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4–7. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
15. Посольство Царей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевича к Римскому Императору в 1686 году // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (ПДС). Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Т. VII. С 1686 по 1699 год. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1864. 764 с. С. 7–145. Стб. 1–278.
16. Слово о власти и чести царской (6 апреля 1718 г.). СПб.: Санкт-Петербургская тип., 1718. 19 л.
17. Сношения Царя и Великого Князя Петра Алексеевича с Римским Императором Леопольдом в 1698–1699 годах // ПДС. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Т. IX: С 1698 по 1699 год. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 7–559 (стб. 3–1108).
18. Соколова Е.С. Самодержавный идеал в надсословных стратегиях Милославских и Нарышкиных: к вопросу о репрезентативной сущности некоторых нормотворческих инициатив конца XVII в. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 2. С. 55–84.
19. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 14. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
20. Талина Г.В. Государство, церковь, образование в России во второй половине XVII столетия // Ценности и смыслы. 2016. № 4 (44). С. 61–70.
21. Талина Г.В. Российский абсолютизм на пути к синодальному управлению Русской Православной Церковью // Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время: Материалы международной научной заочной конференции. М., 2021. С. 34–47.
22. Феофан (Прокопович). Розыск исторических, коих ради вин, и въ яковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии,

так и христиансти, понтифексами или архиереами многобожного закона; а в законе христианством, христиансти государи, могут ли нарециися епископи и архиереи, и в каком разуме. СПб.: Печатано в Санктъпитербургской типографии, 7 июля 1721. 41 с.

23. *Филонов В.И.* Начало взаимоотношений Русской православной церкви и англиканской церкви в эпоху Петра I // Научное мнение. 2015. № 11. С. 34–37.

Аннотация. Статья посвящена политике Петра I, направленной на подчинение духовной власти светской. Как целостная система мер она проявила себя на рубеже XVII и XVIII веков. До этого мировосприятие Петра формировалось в условиях дискуссий в России старообрядцев, эллинистов и латинствующих. Стремление к примату светской власти характерно не только для Петра, но и первых Романовых. Данная идея нашла различные воплощения в протестантском и католическом мире. Проводниками политики Петра стали представители светской и церковной элиты. Сочинения и проповеди лиц духовного звания продемонстрировали переход от идеи симфонии властей к провозглашению императора понтификом. Возвышение светского государства выразилось в претензиях государства на церковную собственность; распространении на крестьян, принадлежавших церкви, рекрутской повинности; установлении штатов монастырей и исключении значительного количества лиц из числа неподатных категорий; использовании монастырей как материальной базы формирующейся системы социального призрения. Усиление светского начала в России выразилось в политике веротерпимости в отношении представителей разных христианских конфессий, попытках использовать в своих интересах христиан, проживавших в других странах.

Ключевые слова: Петр I, Монастырский приказ, местоблюститель патриаршего престола, Синод, симфония властей, император-понтифик.

Galina V. Talina, Doctor in History, Professor; Head, History Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University. E-mail: gtalina@yandex.ru

Primacy of State Over Church: the Variant of Peter I

Abstract. The article is devoted to the policy of Peter I directed at the subjugation of the church power to the secular one. As an integral system of measures it showed itself at the turn of the 17th and 18th centuries. Before that Peter's worldview was formed I the situation of discussions of Russian Old Believers, Helenists and Catholics. The striving for the primacy of the secular power in the state was characteristic no only for Peter I, but also for the first tsars of Romanov dynasty. That idea found various realization in the Protestant and Catholic worlds. The supporters and executers of Peter's police were found among the secular an church Russian elites. Te works and sermons of certain clerics demonstrated the transfer from the idea of the symphony of powers to proclaiming the tsar as pontifex. The rise of the secular state demonstrated itself in its claim to the church property; the introduction of the liability for military service for church-owned peasants, the establishment of monastery staff regulations and expulsion of many clerical categories from the taxless persons, the use of monasteries as material base for the formation of the social charity system. The strengthening of the secular elements in Russia demonstrated itself in the policy of religious tolerance in regard of the representatives of various Christian confessions, in the attempts to use the Christians from other countries in the interests of the state.

Keywords: Peter I, Monastery Prikaz (Department), Locum Tenens of the Patriarch's Throne, Synod, Symphony of Powers, Emperor-Pontiff.

Петр I и рождение русской исторической науки

Как известно, историческая наука в России возникла в XVIII веке. Новое, научное осмысление истории было связано прежде всего с распространением в России рационалистического мировоззрения, когда ученые-историки начали подходить к анализу исторических событий с точки зрения популярной в XVII–XVIII веках теории естественного права. При этом на второй план стали отходить ранее общепринятые объяснения этих событий только лишь Божественным Промыслом, но в первую очередь исследовался естественный ход истории, причинно-следственные связи отыскивались в деяниях людей, а не в Божественной, сверхъестественной воле.

Широко известен и другой факт: главным адептом и пропагандистом рационализма и теории естественного права в России в начале XVIII века был сам государь Петр I Алексеевич. Именно он предпринимал самые значительные меры к тому, чтобы его подданные тоже приняли постулаты передовых на тот исторический момент западноевропейских теорий и руководствовались ими в своей деятельности. Причем направление деятельности своих подданных русский государь частенько контролировал лично, а результаты их различных деяний нередко сверял с западноевропейскими образцами.

В том числе большое значение Петр I придавал историческому знанию. Он внимательно следил за процессами развития западноевропейской исторической науки и радел о том, чтобы и в России появились первые научные исторические сочинения. Одним из самых уважаемых Петром I западноевропейских историков был немецкий историк и юрист Самуил Пуфендорф (Samuel Pufendorf, Samuel von Pufendorf, Samuelis Pufendorffii; 1632–1694), чей труд “Introductio ad Historiam Europeam” царь в 1718 году лично повелел перевести Гавриилу Бужинскому с латыни на русский язык, а затем лично проверял точность перевода. Во время этой проверки Петр Алексеевич пришел в неистовый гнев и обозвал переводчика дураком. Оказалось, что Гавриил Бужинский извлек из текста Пуфендорфа целую главу о России, а также все нелестные суждения автора о русских и России из других глав. Государь потребовал восстановить текст Пуфендорфа на русском языке в полном объеме «не в поругание своим подданным, но для исправления их и для показания им, как прежде иностранцы о них думали, и дабы они мало помалу узнавали, каковы они прежде были и каковы они стали его старанием» [1, с. 30–32].

Благодаря Петру I родилась и отечественная историческая наука. В марте 1719 года тридцатитрехлетний капитан-поручик артиллерии Василий Никитич Татищев (1686–1750) подал государю записку с предложением составить первую российскую географию [2, с. 44–45]. Петр поддержал предложение Татищева, но поручил подготовку

Перевезенцев Сергей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: serp1380@yandex.ru

географии Я.В. Брюсу, а тот за неимением времени перепоручил это задание самому Татищеву. Татищев окупился в работу. Но вскоре понял, что написать подробную географию невозможно без знания истории своей страны: «Оную [то есть географию – С.П.] из древняго состояния без достаточной древней гистории и новую без совершенных со всеми обстоятельству известей начать и производить неможно... К тому ж надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распростириались, кто владетели были, когда и каким случаем к России приобсчено. На сие требовалось обстоятельной русской древней истории...» [3, с. 108]. Именно к 1719 году относятся первые занятия Татищева историей, которой Василий Никитич потом занимался до конца своих дней. Именно так благодаря Петру I капитан-лейтенант Татищев стал первым русским историком, именно так возникла русская историческая наука.

Интересно и другое: исторические и философские сочинения Пуфендорфа были уважаемы не только государем Петром, но и В.Н. Татищевым, и заметно повлияли на формирование мировоззрения первого отечественного историка, что неоднократно отмечалось в отечественной литературе [см. напр., 4–16]. В.Н. Татищев в 45-й главе первого тома «Истории Российской» отмечал, что суждения Пуфендорфа о политике и морали, изложенные в книге «О должности человека и гражданина по закону естественному», весьма полезны русскому читателю, а сама эта книга Татищевым ставилась выше трудов Макиавелли, Гоббса, Локка и других известных мыслителей Западной Европы [3, с. 479]. В своей работе «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах» Татищев писал, что книги Г. Гроция и Пуфендорфа «за лучших во всей Европе почитаются» [17, с. 108–109]. Труды Самуила Пуфендорфа на немецком и русском языках были у Татищева и в личном пользовании [6, с. 62; 18, с. 21, 23, 31]. В чем же заключалось своеобразие историко-философской концепции С. Пуфендорфа, и какое влияние она оказала на историко-философские взгляды В.Н. Татищева?

Теория естественного права имеет давнюю историю и уходит корнями еще в античные времена. Но полное звучание эта теория получила намного позднее – в XVII веке на фоне все более торжествующих принципов равенства всех людей, свободы, идеалов свободной личности и прав человека. В свою очередь, сама теория естественного права оказала решающее значение на развитие европейского сообщества XVII–XVIII веков, а творцы и теоретики этой теории – Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Х. Томазий, Х. Вольф и др. – стали поистине властителями умов европейских жителей на многие десятилетия, заметно повлияли на возникшее в XVIII веке Просвещение, да и сегодня их идеи продолжают сохранять актуальность.

Одним из создателей теории естественного права был и упомянутый выше Самуил Пуфендорф. Он родился в Дорф-Хемнице в семье протестантского проповедника. С 1650 года учился сначала в Лейпцигском, а позже (с 1656) – в Йенском университете, где изучал международное право и математику, внимательно знакомился с трудами Декарта и особенно Гуго Гроция. Именно в университетские годы у него сформировался рационалистический взгляд на окружающий мир.

Вскоре после завершения учебы Пуфендорф поступает на службу к шведскому посланнику при датском дворе. Тогда же он пишет свой первый юридический трактат “Elementorum jurisprudentiae universalis”, который был опубликован в 1660 году в Гааге. В 1661 году курфюрст Пфальцский пригласил Пуфендорфа занять первую в Германии кафедру естественного и международного права в Гейдельбергском университете. Затем жизнь Пуфендорфа оказалась надолго связана со Швецией: с 1670 года он был профессором естественного и международного права в Лундском университете, а через несколько

лет стал историографом и советником при шведском королевском дворе. В «шведский период» он написал и издал большинство своих юридических и исторических сочинений, а в 1684 году за большие заслуги перед Швецией был удостоен титула барона. С 1686 года и до конца жизни Пуфендорф занимал должность историографа и государственного советника при дворе прусского короля Фридриха Вильгельма.

Самуил Пуфендорф является автором многих исторических и юридических трудов, хорошо известных в Европе во второй половине XVII – первой половине XVIII века. Первую всеевропейскую известность Пуфендорфу принес памфлет на конституцию Германской империи “De statu Imperii Germanici”, написанный им под псевдонимом Северин де Монзамбано (1667). Наибольшей популярностью в XVII–XVIII столетиях пользовались три произведения немецкого ученого. В первых двух – “De jure naturae et gentium” (1672), «De officio homini set civis juxta legem naturalem» (1673) – излагались основные положения теории естественного права, третье – “Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden” (латинское издание вышло под названием “Introductio ad Historiam Europeam”, 1684) – представляло собой первое в Новое время обстоятельное изложение истории европейских стран. И эти три, и другие сочинения Самуила Пуфендорфа неоднократно переиздавались как на латыни, так и в переводе на многие европейские языки.

Как уже говорилось, знали и по достоинству оценивали Пуфендорфа и в России. Инициатором издания трудов немецкого ученого на русском языке был сам император Петр I. Например, направляя для перевода книгу С. Пуфендорфа, Петр писал, что в этой книге имеются два трактата: «...Первый о должности человека и гражданина, другой о вере христианской, но требую, чтобы первый токмо переведен был,... и прошу, дабы не по конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем» [6, с. 213–214]. Книги Пуфендорфа на латыни, на немецком и русском языках в первой половине XVIII века имелись практически во всех крупных российских личных библиотеках. Более того, как показывает сохранившийся каталог библиотеки князя Д.М. Голицына, помимо официальных переводов, в России предпринимались самостоятельные переводы трудов немецкого мыслителя, которые хранились в рукописях [см. 6, с. 62; 18, с. 21, 23, 31; 19, с. 158–159, 292, 555, 712, 720; 20, с. 8, 14; 21; 22; 23].

В XVIII веке трижды выходила книга С. Пуфендорфа «Введение в историю Европейскую» и один раз «О должности человека и гражданина по закону естественному» [24–26]. Автором статьи была проведена работа по сверке русских переводов с оригиналами на латинском и немецком языках. При проверке первого перевода исторического исследования Пуфендорфа – «Введение в историю Европейскую» – сначала сверялся латинский перевод с немецким оригиналом, а затем уже русский перевод с латинским. Это было вызвано тем, что переводчик – Гавриил Бужинский – использовал в качестве источника издание этой работы Пуфендорфа на латыни в переводе И.Ф. Кремера [27, 28]. Сверка перевода книги «О должности человека и гражданина по закону естественному» проводилась по изданиям на латинском языке [29]. Надо отметить, что первоначальный перевод этой книги на русский язык осуществлялся в Синодальной типографии справщиком И. Кречетовским, а затем был выверен Г. Бужинским.

Результатом проведенной сверки можно считать вывод о том, что русские переводы сочинений Пуфендорфа в достаточной степени соответствовали оригиналу (в том числе второй перевод исторического исследования С. Пуфендорфа, который вышел в двух томах в 1776–1777 годах под названием «Введение в историю знатнейших иностранных государств» и был результатом коллективного труда переводчиков Б.А. Волкова, В.И. Костыгова и А.Я. Поленова). Впрочем, к примеру, тот же Г. Бужинский не стремился к абсолютно дословному переводу, а старался объяснить «темные места» доступно и

понятно русскому читателю, что было общепринятым правилом для русских переводчиков первой половины XVIII века [см. об этом 29]. Таким образом, можно заключить, что вполне правомерным представляется цитирование отдельных положений из трудов С. Пуфендорфа по отечественным изданиям XVIII века наряду с цитированием по латинским или немецким оригиналам, как это и делается в данной статье.

П.И. Новгородцев, характеризуя воззрения Пуфендорфа, Томазия и Х. Вольфа, писал, что «главной теоретической заслугой рассматриваемых писателей следует признать утверждение рационалистической методы» [31, с. 453], то есть развитие и распространение рационалистического мировоззрения. Но при этом нельзя забывать, что само это новое мировоззрение его создателями мыслилось не столько как противопоставление традиционному христианскому вероучению, сколько как развитие христианского миропонимания, приспособление его к новым историческим условиям.

В этом отношении влияние С. Пуфендорфа заметно сказывалось на формировании исторических взглядов нашего первого отечественного историка и имело двоякий характер. В первую очередь методологический, ибо Татищев развивался в русле той же рационалистической школы, одним из основоположников которой в исторической науке был Пуфендорф. Кроме того, знакомство Татищева с историческими работами Пуфендорфа определенно расширяло его исторический кругозор, давало базу фактических данных по мировой и особенно европейской истории. Хотя в последнем случае нельзя говорить о том, что Татищев пользовался данными только Пуфендорфа, так как в «Истории Российской» можно найти ссылки на множество работ историков разных времен и народов. В контексте же данной статьи особый интерес представляют именно методологические параллели в исторических воззрениях С. Пуфендорфа и В.Н. Татищева, потому что на данном примере ярко виден процесс проникновения рационалистических методов мышления и познания в русское национальное мировоззрение.

Самуил Пуфендорф является автором многих исторических исследований по конкретным темам. Обобщающим трудом по истории Европы считается его работа *“Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden”* («Введение в историю знатнейших королевств и государств, которые в настоящее время существуют в Европе», в двух первых русских изданиях 1718 и 1723 годов – «Введение в историю Европейскую»). В русском издании эта книга состоит из 13 глав (в немецком – из 12, в латинском – из 11 глав и приложения; в русском издании существует лишняя глава о Швеции, которой нет в известных нам немецких и латинских изданиях). Каждая глава за исключением первой и последней представляет собой рассказ об истории одной из европейских стран. В первой главе повествуется о начале человеческой истории и кратко излагается история нескольких «древнейших» государств. Последняя глава, в которой Пуфендорф излагает свое мнение по поводу религиозных споров католиков и протестантов, посвящена истории иерократического государства римского папы.

В изданиях на немецком и латинском языках книга открывается «Введением», опущенным при переводе на русский язык. В этом «Введении» Пуфендорф кратко формулирует свое понимание истории. Главным в этом понимании является постоянное подчеркивание большой пользы исторической науки для современной политической жизни, для образования юношества. И недаром он называет историю «привлекательнейшей и полезнейшей наукой» (*«die anmuhtigste und nutzlichste Wissenschaftt»*) [28, Vorrede].

Рационалистическое мышление необходимо заставляло Пуфендорфа искать в истории некие естественные причины развития общества, не отсылая читателей своих книг только к Премудрости Божией. Вообще в тексте данной работы обращения к Богу встречаются считанное число раз, да и то в начале, когда Пуфендорф рассказывает о

возникновении человечества. Дальше в силу вступают человеческие законы, которые, правда, у Пуфендорфа по сути своей определяются Богом. Но сам факт того, что история предстает в виде деятельности людей, говорит о многом.

И такой подход немецкий историк использует не только в том случае, когда излагает факты, но и когда стремится объяснить те или иные исторические явления. Например, отсутствует ссылка на сверхъестественные силы при объяснении им причин мощности и силы Ассирии. Эти причины находятся в зависимости от деятельности людей, являются ее результатом. Пуфендорф выделяет три основные причины. Первая состоит в том, что места, где впоследствии возникла Ассирия, были заселены людьми ранее всего. Вторая – богатство Ассирии и наличие законов, то есть дело в том, что Ассирия была более организованным государством по сравнению с соседними странами. Третья – наличие сильной армии [24, 2-е изд., с. 3–4; 26, f. 4–5; 28, s. 6–8].

Столь же естественные причины видит Пуфендорф и в событиях, происходящих в других «древнейших» государствах. А переходя к систематическому изложению истории современных ему стран Европы, он уже пользуется определенной схемой, на основании которой и строится все повествование. Эта схема включает в себя несколько элементов. Вначале Пуфендорф излагает этническую и политическую историю того или иного народа. Затем следует рассказ об обычаях, нравах, народном характере. Далее – описание географических и природных условий; характеристика современного политического и экономического положения; оценка роли государства в современных политических делах Европы. Следовательно, читатели исторических трудов Пуфендорфа приобщались не только к фактической истории европейских государств, но и получали возможность увидеть, как «рационалистический метод» используется в конкретных исторических исследованиях.

Таким читателем, и читателем внимательным, стал В.Н. Татищев. Изучение трудов Пуфендорфа и других историков-рационалистов, несомненно, сыграло роль в его приобщении к традиции рационалистического осмысления прошлого. В то же время уже здесь можно отметить и некоторые важные отличия татищевского подхода к историческим исследованиям. Прежде всего в том, что Василий Никитич более внимательно и более серьезно прорабатывал именно методологические вопросы. Его введение к «Истории Российской» – «Предъизвещение» – представляет собой настоящее методологическое исследование. Анализ многих исторических трудов С. Пуфендорфа показывает, что такого рода исследований нет ни в одном из них [см. напр., 32–34].

Уже в первых словах Татищева об истории, с которых начинается «Предъизвещение», проявляется свойственный ему общефилософский подход к предмету исследования: «История есть слово греческое, то самое значит, что у нас деи или деяния; и хотя некоторые мнят, еже деи или деяния единственно дела, учиненные людьми, значит, а приключения естественные и чрезъестественные выключаются, но, внятно разсмотря, всяк познает, что нет никоего приключения, чтоб не могло деянием назваться, ибо ничто само собою и без причины или внешнего действия приключиться не может. Причины же всякому разные, яко от Бога или от человек, что здесь, яко довольно сказанное, пространнее толковать оставляю. Но любопытному ко изъяснению сего Физика и Мораль господина Вольфа могут достаточное изъяснение подать» [3, с. 97].

Как видно, деистическое миропонимание, свойственное Татищеву, необходимо определяло поиски «двойной» природы причин любых явлений и событий – божественной и человеческой одновременно. Сам Татищев чуть ниже говорит о том, что предметом его исследований будет «светская история». Характерно и то, что он не стремится самостоятельно выяснить соотношение божественной и человеческой воли в истории, а отсылает читателя к трудам известного немецкого философа Христиана Вольфа. Таким об-

разом, Василий Никитич стремился избежать возможных обвинений в «вольнодумности» и принижении роли Божия Промысла.

Впрочем, Я.Г. Солодкин отметил, что в тексте самой «Истории Российской» встречаются ссылки на «божественную волю» как на вершительницу судеб человеческих, сделав при этом вывод о том, что события начала XVII века «порой объясняются Татищевым в духе провиденциализма» [35, с. 208]. Думается, однако, что нельзя подобные отдельные комментарии Татищева переносить на характеристику его мировоззрения в целом. Так, при объяснении данных конкретных комментариев Татищева, необходимо иметь в виду, что Я.Г. Солодкин ссылается на татищевский текст под названием «Выписки из истории с начала царства Федора Иоановича...». Известно, что Татищев не успел доработать собственный текст, посвященный истории XVII века, а значит отдельные фрагменты в «Выписках...» вполне могут принадлежать какому-либо источнику, им использованному. С другой стороны, сам Татищев оставался религиозным человеком и никогда не отрицал существования Божественной воли, ее влияния на человеческую историю. И в этом случае появление в его работах замечаний теологического характера еще раз свидетельствует о противоречивости его мировоззрения, о попытке совместить различные подходы, в конечном счете о его приверженности деизму. В целом же для Татищева характерен общий настрой на выяснение именно естественных причин исторических событий.

Еще одним отличием исторических трудов Василия Никитича от подобных работ Пуфендорфа является то, что у Пуфендорфа нет и глубокого анализа источников, на которых он строит свои исследования. Вообще исторические работы Пуфендорфа по своей форме находятся в русле уже существующей европейской традиции описания событий, без серьезной разработки источниковой базы. Татищев же, наоборот, самым внимательным образом анализировал, сопоставлял противоречивые источники по истории России. Первый том «Истории Российской» – это ведь, по сути, значительное историографическое и источниковедческое исследование.

Более детальное совпадение взглядов Татищева и Пуфендорфа прослеживается при сопоставлении их историко-социологических взглядов. Самуил Пуфендорф, рассказывая о различных исторических формах общественной организации, использует те же категории, которые он разрабатывал в своих философско-юридических трактатах. Так, к примеру, по мнению Пуфендорфа, человек находится в двояком состоянии, или, как переводили в XVIII веке на русский язык латинское понятие “status”, имеет два «чина» – «чин естественный» (“status naturalis”) и «чин приключаящийся” (“status adventitius”). Эти «чины» различаются между собой тем, что первый дан от Бога, а второй возникает уже непосредственно в человеческом обществе [26, с. 335; 29, f. 230]. Разбирая подробно смысл «чина естественного», Пуфендорф приходит к понятию «естественная свобода», вытекающему из естественного состояния человека. Свобода, по Пуфендорфу, является главным состоянием человека, она дарована Богом, поэтому «всяк человек, кроме всякаго предваряющего дела человеческого, в своей власти и воли, и ничьей другого власти подчинен быти разумеется» [26, с. 342; 29, f. 237–238]. Но, выдвинув тезис о «естественной свободе», Пуфендорф сразу же оговаривается, что такая свобода была возможна только в «естественном» состоянии человека, то есть до возникновения собственно человеческого общества. С появлением такового люди начинают существовать в «чине приключаящемся», то есть в условиях, когда они сами определяют правила своей жизни, и эти правила ограничивают «естественную свободу».

Пуфендорф выделяет несколько «приключаящихся чинов»: «брак или супружество»; обязанности «родителей и чад»; обязанности «господ и рабов»; обязанности граждан по отношению к власти. Разбирая каждый из перечисленных «чинов», Пуфендорф концентрирует внимание на соотношении философских понятий и правовых норм, старается

воплотить теоретические положения в конкретную юридическую практику [26, с. 352–397; 29, f. 245–279].

Во «Введении в историю...» «чины приключающиеся» становятся уже не просто видами современного состояния общества, а этапами его развития: от «единственного человека», через супружество, через семью, через договорные отношения господ и рабов – к возникновению гражданского общества, когда люди стали объединяться в различного рода государства. В государства же люди стали объединяться, для того чтобы в ходе возникающих распрей не уничтожить друг друга. Иначе говоря, причина возникновения государств определяется Пуфендорфом опять же как естественная, лежащая в стремлении людей сохранить собственное существование [24, 2-е изд., с. 1–2; 26, f. 1–3; 28, s. 1–4].

О формах государства («гражданского общества», “*societatem civitam*”, “*bürgerliche Gesellschaft*”) Пуфендорф более подробно пишет в работе «О должности человека и гражданина по закону естественному». Он выделяет три «правильные» формы политической организации: монархию, аристократию и демократию. Существуют и «неправильные» формы правления, когда смешиваются различные «правильные», а также в случае объединения нескольких государств. В то же время в каждой из «правильных» форм правления могут возобладать «пороки», которые заключаются в узурпации власти, притеснении подданных и т.д. Тогда монархия перерождается в «тиранство», аристократия – в «олигархию», а демократия – в «охлократию» [26, с. 422; 29, f. 296–304]. Исторически первой формой государства, по мнению Пуфендорфа, была демократия. Как видно, в данном случае Пуфендорф, впрочем, как и другие теоретики естественного права, использовал классификацию форм политической организации общества, разработанную еще Аристотелем [24, 2-е изд., с. 2; 26, f. 3; 28, s. 4].

Лучшей из всех видов политического устройства немецкий мыслитель считает монархию: «Между оными знаменитая есть монархия, понеже вящшыя выгоды имеет, паче других видов» (“*In omnibus hisce formis potestas qui deme steadem. Sed in ce insignem habet commodityatem monarchia prae reliquis formis...*”) [26, с. 422–423; 29, f. 297]. Именно поэтому он уделяет столь большое внимание анализу различных видов монархии, принципов престолонаследия и т.д. В этом случае Пуфендорф признает возможность существования двух видов монархии – «совершенной», или абсолютной (*absolutum*) и ограниченной (*limitatum*) – не выказывая предпочтения ни одному из них.

Однако во «Введении в историю Европейскую» у Пуфендорфа есть одно рассуждение, которое показывает, что ему был уже свойствен и другой подход к оценке той или иной формы правления. И тогда решающими доводами оказывались не личное предпочтение, не теоретические преимущества какой-либо из них, а конкретные историко-географические условия существования общества. В параграфах первой главы, посвященных истории Древнего Рима, Пуфендорф пишет о том, что римскому обществу больше подходила аристократическая или демократическая, нежели монархическая форма правления: «...В Риме владение королевское постоянное не могло быти, понеже сицевые [то есть такие – С.П.] общества, в которых граждане своего токмо града стенами содержатся, угодны паче и склонны обыкоша быти до Аристократии или Демократии, а не Монархии. Королевская же власть должна быти над народами во многих и отдаленных странах пребывающими могут» (“*Sed si jus cetero direxerit, Romae Imperium regium haud quaquam stabiles sepotuis seconstat, propterea quo deae Respublicae, ubicive sunius urbis pomoerlis continentur, ad Aristocratiam potissimum aut Democratia mptae fere & proclives seselent. Sedre giapotestas locum inprimis habetapud populum per multas ac longis intervallis dis junctas regions dis persumat que diffusum*”) [24, 2-е изд., с. 19; 26, f. 24–25; 28, s. 37–39]. Пуфендорф объясняет невозможность монархии в небольших городах-государствах тем, что граждане, проживающие в них и недовольные правлением монарха, имеют возможность объединить усилия и свергнуть его. А в больших государствах

подданным намного труднее объединиться, в то время как монарх может собрать большие силы и покарать бунтовщиков. Как видно, собственно историко-географический подход у Пуфендорфа довольно ограничен. Он исходит не из интересов народов, способных самим решать, какая форма правления лучше всего подходит для конкретно-исторических и географических условий их существования, а в большей степени из интересов самой власти. И именно властителям предназначены его рекомендации.

Татищев, при рассказе о формах социальной организации человеческого общества, берет за основу положения теории естественного права, причем открыто ссылается на авторитет и работы С. Пуфендорфа и Х. Вольфа. По сути дела, он кратко, своими словами перечисляет различные виды «человеческих сообществ» (этот термин употребляет сам Василий Никитич), о которых более подробно писал Пуфендорф в книге «О должности человека и гражданина по закону естественному». Различия здесь не столь заметны. Но они есть. Например, рассматривая такой вид «человеческого сообщества» как «супружество», Татищев вводит свое понимание «естественного закона», отмечая, что между супругами обязательно должна «такая любовь и верность быть, как каждый к себе самому имеет». Интересно и то, что в отличие от Пуфендорфа, из идеи супружеского договора Татищев выводит идею договора общественного, причем, по его мнению, «сие правило на все прочие договоры простирается». Из семейных отношений (у Татищева – «отеческое» или «родовое сообщество») российский мыслитель делает вывод о том, что «на сем основании большею частию правительство монархеи состоит» [3, с. 479–480].

Намного своеобразнее Татищев трактует проблему возникновения государства, которую он связывает с проблемой возникновения городов. Вначале он повторяет тезисы Пуфендорфа о том, что люди не могли жить «в спокойности и безопасности» и потому должны были, «совокупясь, укрепиться оградой» и «сие от ограждения град именovali». Однако далее у Татищева появляется нечто новое, чего нет ни у Пуфендорфа, ни у других теоретиков естественного права, ибо Татищев видит еще одну причину. Эта причина чисто экономического свойства: «Всякому хозяину различные вещи требовались, которых всяк про себя делать и далеко без остановки в его настоящем промысле искать не мог». «Для того, – продолжает Татищев, – разных промыслов и ремесл люди совокупились, дабы свободно потребное себе в близости достать и своим промыслом других довольствоваться, яко же и сам потребное получить мог, и все обшче о пользе и засчете всего сообщества обязались». «Через что, – заключает Татищев, – гражданство начало возымело» [3, с. 479–482]. Иначе говоря, объединяя проблему возникновения государства с проблемой возникновения городов, Татищев одним из первых в отечественной и европейской историко-философской мысли в качестве причины выделяет экономическую необходимость, которая диктовала людям потребность в объединении. Эта мысль по меркам XVIII века неожиданна и оригинальна. Более того, своего значения она не утратила и сегодня.

При анализе различных форм политического устройства гражданского общества, Татищев повторяет тезис теоретиков естественного права о различных видах «правильных» и «неправильных» (у Татищева «смешанных») форм государства. Однако в отличие от С. Пуфендорфа Василий Никитич не выделял ни одну из них как «лучшую» или «худшую». Характерный момент в этом смысле есть в «Разговоре дву приятелей о пользе наук и училищах». Собеседник задает Татищеву вопрос: «Вы сказали мне разные правления, но я желал бы от вас слышать, которое из сих есть лучшее?». Но Василий Никитич не дает ответа на этот вопрос: «Неудобно сего обще заключить...» [17, с. 120]. Такой же подход сохранен им и в «Истории Российской», где он пишет: «...Невозможно сказать, которое бы правительство было лучшее и всякому сообществу полезнейшее» [3, с. 483].

Этот подход является следствием того, что Татищев размышлял над целесообразностью каждой из форм государственной организации общества, основываясь на конкретно-исторических и географических условиях жизни народа той или иной страны. В записке «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства рускаго о правлении государственном», посвященной рассказу о событиях 1730 года, он писал: «Из сих разных правительств каждая область избирает, разсмотря положение места, пространство владения и состояние людей, а не каждое всюду годно или каждой власти может быть полезно» [17, с. 147]. Ту же мысль он развивает в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищах»: «...Еже разная обстоятельства, яко положение мест и состояние народов, разные причины тому подают, ис котораго по разсуждению каждого народа способнейшее правление учинено» [17, с. 120]. И, наконец, в «Истории Российской»: «...Нуждно взирать на состояния и обстоятельства каждого сообщества, яко на положение земель, пространство и состояния народа» [3, с. 483].

Как видно, здесь имеется значительное развитие идей Пуфендорфа. Если Пуфендорф исходит из интересов власти, государя, когда пишет о том, что в городах-государствах невыгодно иметь монархию, то Татищев определяет уже вполне объективные факторы существования той или иной формы правления. К ним относятся географические условия, размер территории, уровень просвещения народа. И здесь уместно сопоставление взглядов Татищева не столько с воззрениями С. Пуфендорфа, сколько со взглядами французского просветителя Ш.-Л. Монтескье. Последний, как известно, считается одним из основателей историко-географического подхода к истории человеческого общества. Татищев, который, судя по всему, не знал произведений Монтескье, самостоятельно пришел к тем же методологическим выводам на два десятилетия раньше французского мыслителя¹.

Между прочим, именно с точки зрения историко-географического подхода, Татищев приходит к выводу о невозможности существования в России аристократического или демократического правления. И та, и другая формы правления возможны только в небольших по размерам государствах, считает Татищев. Россия – великая и по территории, и по количеству населения держава. А в таких государствах и «особливо где народ не довольно учением просвясчен и за страх, а не из благонравия или познания пользы и вреда закон хранит, в таковых не иначе, как само- или единовластие потребно» [17, с. 149]. Тем более что в великих государствах невозможно собрать общего собрания граждан, как это положено при демократическом управлении, а если создать аристократическое правление, то «у сих за распрями и несогласиями часто нужное оставляется, а народ от прихотей разных правителей разоряется» [17, с. 120].

Иначе говоря, исходя из идеи «пользы Отечества», важность которой В.Н. Татищев постоянно подчеркивал, и основываясь на историко-географическом подходе к анализу форм политической организации общества, он и делает вывод о том, что монархия является для России наиболее «полезной» формой государства. Кстати, примерно также объяснял необходимость монархического правления в России и Монтескье.

Но интересно то, что Василий Никитич нигде, ни в одной своей работе, не утверждал пользу именно абсолютной, бесконтрольной со стороны закона монархии. Своего рода идеалом монархии для него была «просвещенная монархия», утверждающая свою власть на силе закона. В уже цитированной записке о событиях 1730 года у Татищева есть рассуждение о том, что в тех странах, где «народ учением просвясчен и законы хранить без принуждения прилежит, тамо так острого смотра и жестокого страха не

¹ Впервые о совпадении историко-философских взглядов В.Н. Татищева и Ш.-Л. Монтескье отмечено [36, с. 20].

требуется» [17, с. 147]. Стоит сопоставить это рассуждение с приведенной чуть выше цитатой о «великом» государстве, в которой неограниченное самовластие тоже ассоциируется у Татищева со «страхом», отсутствием просвещения и неумением соблюдать законы. И получается, что Василий Никитич относился к неограниченной монархии как к неизбежности, исторической необходимости, но и как к неизбежному «страху», что вовсе не является характерной чертой «благоденствующего» государственного устройства. Наконец, стоит помнить, что в 1730 году именно Татищев подготовил проект введения в России своеобразной конституционной монархии и воспроизвел этот проект в записке «Произвольное и согласное рассуждение и мнение...», написанной в первой половине 1730-х годов.

Во всех этих рассуждениях у Татищева появляется еще один очень важный момент, которого нет у С. Пуфендорфа. Василий Никитич в качестве важнейшего критерия уровня развития общества использует понятие «просвещение народа» («всемирное умопросвещенное»). В этом постоянном подчеркивании роли просвещения народа в истории человечества заключается, наверное, главное отличие историко-философских воззрений В.Н. Татищева от историко-философской концепции С. Пуфендорфа. Татищев уже вырастает из только рационалистического осмысления истории и современности и приходит к просветительскому взгляду на развитие человеческого общества. У Пуфендорфа нет идеи «просвещения умов» как двигателя исторического прогресса, которая является одной из самых главных в историко-философских воззрениях Василия Никитича Татищева. Эта идея сформулирована в широко известной периодизации истории, основанной на этапах развития «всемирного умопросвещения» [17, с. 70–79; 3, с. 92].

Подводя итоги сравнительного анализа историко-философских воззрений Самуила Пуфендорфа и Василия Никитича Татищева, можно с достаточной долей уверенности сказать, что Татищев, конечно же, испытал на себе влияние идей, развиваемых Пуфендорфом. Это влияние сказалось прежде всего в методологической области, когда Татищев воспринял пропагандируемую немецким мыслителем теорию естественного права и рационалистический метод мышления. Но Татищев не был просто копиистом, он самостоятельно развивал положения теории естественного права, стремился творчески применить ее постулаты к конкретным условиям России, как в исторических исследованиях, так и при анализе современного ему положения. И в этом смысле он стоял на самых передовых рубежах тогдашней европейской науки, придя еще в 1730–1740-х годах к созданию просветительской концепции, вполне сравнимой по своему содержанию с концепциями западноевропейских просветителей того времени¹.

И роль государя Петра Алексеевича в этом более чем значительна. Впрочем, об этом писал и сам Василий Никитич, отмечая то огромное влияние, которое оказал на него Петр I: «Что же до милости его величества ко мне принадлежит,.. кратко скажу: все, что имею, чины, честь, имение, и, главное над всем, **разум** [выделено мной – С.П.], единственно все по милости его величества имею...». Иначе говоря, Татищев прекрасно понимал, кому он обязан своими достижениями в освоении рационалистических методов познания истории. А главным побудительным мотивом для Василия Никитича по примеру Петра Великого стало служение «к славе и чести моего любезного Отечества» [3, с. 105].

¹ Стоит напомнить, что у В.Н. Татищева чисто просветительское решение вопросов о Боге (Татищев сторонник деизма), о цели «естественного закона» (принцип: «люби себя самого с разумом»), он попросветительски подходил к анализу социальных проблем (в частности, проблемы крепостного права), политического устройства общества, предложил идеи «просвещения умов» как двигателя исторического прогресса и т.д. [подробнее см. 37, с. 144–188].

Литература

1. *Штелин Я.Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. 3-е изд. Ч. 2. М., 1830.
2. Представление Татищева Петру I о межевании земель и составлении ландкарт / В.Н. Татищев // Записки. Письма. М., 1990. С. 44–45.
3. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016.
4. *Попов Н.А.* Ученые и литературные труды Татищева. СПб., 1886.
5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882.
6. *Пекарский П.П.* Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864.
7. *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1897.
8. *Валк С.Н.* Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Проблемы истории до-капиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 33–55.
9. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
10. *Пештич С.Л.* Русская историография. Ч. II. Л., 1965.
11. *Алпатов М.А.* Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
12. *Шкуринов П.С.* Философия России XVIII века. М., 1992.
13. *Перевезенцев С.В.* К вопросу об идейных истоках историко-философских воззрений В.Н. Татищева: С. Пуфендорф и В.Н. Татищев // Археография и изучение духовной культуры: III Уральские археографические чтения: Тезисы докладов. Свердловск, 1987. С. 43–44.
14. *Перевезенцев С.В.* Отечества пользы для. М., 1990.
15. *Перевезенцев С.В.* Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 70–88.
16. *Перевезенцев С.В.* Самуил Пуфендорф о правах и обязанностях человека // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 207–212.
17. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 108–109.
18. *Астраханский В.С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 12–36.
19. *Калайдович К., Строев П.* обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке Ф.А. Толстого. М., 1825.
20. *Голицын Н.В.* Новые данные о библиотеке Д.М. Голицына. М., 1900.
21. *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
22. *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976.
23. *Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И.* К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 238–253.
24. *Пуфендорф С.* Введение в историю Европейскую. 1-е изд. СПб., 1718; 2-е изд. СПб., 1723.
25. *Пуфендорф С.* Введение в историю знатнейших европейских государств. Ч. 1–2. СПб., 1767–1777.
26. *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726.
27. *Pufendorfii S.* Introductio ad Historiam Europaeam. Latina redita a Jo. Frid. Cramero. Ultrajecti, 1692.
28. *Pufendorff S.* Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden. Francfurt am Mayn, 1684.
29. *Pufendorfii S.* De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo. Hamburgi & Holmiae, 1684.
30. *Николаев С.И.* О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи (к постановке вопроса) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 109–121.
31. *Новгородцев П.И.* Общий взгляд на развитие немецкой философии права от Пуфендорфа до Канта // Под знаменем науки. М., 1902. С. 451–472.
32. *Pufendorf S.* Sechs und Zwanzig Bücher Schwedisch- und Deutsch Kriegs-Geschichte. Franckfurt am Mayn und Leipzig, 1688.
33. *Pufendorf S.* Sieben Bücher von denen haten Carl Gustavs Königs in Schweden. Nürnberg, 1697.
34. *Pufendorf S.* De Rebus a Carolo Gustavo Sveciae Regestis commentariorum libri septem. Norimbergae, 1696.
35. *Солодкин Я.Г.* Летопись «О разорении русском» в трудах В.Н. Татищева // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 200–214.
36. *Малинин В.А.* История русского утопического социализма. М., 1977.
37. *Хранители России: Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева; авт.-сост. Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянец; подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страх, Д.А. Ананьев. М.: ООО «Паблиц», 2015.*

Аннотация. В статье рассказывается о значительном влиянии Петра I на возникновение российской исторической науки. Государь Петр Алексеевич был сторонником рационализма и теории естественного права, требовал, чтобы его подданные приняли постулаты передовых на тот исторический момент западноевропейских теорий и руководствовались ими в своей деятельности. Придавая большое значение историческому знанию, Петр I внимательно следил за процессами развития западноевропейской исторической науки, приказывал переводить на русский язык сочинения европейских историков. В частности, в 1718 году царь лично повелел Гавриилу Бужинскому перевести с латыни на русский язык работу немецкого историка и юриста Самуила Пуфендорфа "Introductio ad Historiam Europea", а затем лично проверял точность перевода. Петр I стал инициатором того, чтобы капитан-лейтенант артиллерии В.Н. Татищев начал писать работу по географии, а потом по истории России. В свою очередь, в статье показано, что труды С. Пуфендорфа оказали серьезное влияние на формирование научного мировоззрения В.Н. Татищева. Сравнительный анализ историко-философских сочинений Пуфендорфа и Татищева позволяет проследить интеллектуальный процесс, заданный Петром I: процесс проникновения рационалистических методов мышления и познания в русское национальное мировоззрение.

Ключевые слова: Петр I, Самуил Пуфендорф, В.Н. Татищев, историческая наука, рационализм, теория естественного права.

Sergey V. Perevezentsev, Doctor in History, Professor, Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: serp1380@yandex.ru

Peter I and the Birth of Russian Historical Science

Abstract. The article describes the significant influence of Peter the Great on the emergence of Russian historical science. Tsar Peter Alekseevich supported rationalism and the theory of natural law, demanded that his subjects accepted the postulates of Western European theories that could be viewed as advanced at that historical moment, and be guided by them in their activities. Attaching great importance to historical knowledge, Peter I closely followed the development of Western European historical science, ordered the works of European historians to be translated into Russian. In particular, in 1718 the Tsar personally ordered Gabriel Buzhinsky to translate from Latin into Russian the work of the German historian and lawyer Samuel Pufendorf "Introductio ad Historiam European", and then personally checked the accuracy of the translation. Peter the Great commanded that the artillery Lieutenant-Captain V.N. Tatishchev began to write a work in geography, and then in the history of Russia. In turn, the author of the article shows that the works of S. Pufendorf had a serious impact on the formation of V.N. Tatishchev's scientific worldview. Comparative analysis of the historical and philosophical works of Pufendorf and Tatishchev allows us to trace the intellectual process set by Peter I: the process of penetration of rationalistic methods of thinking and cognition into the Russian national worldview.

Keywords: Peter I, Samuel Pufendorf, V.N. Tatishchev, Historical Science, Rationalism, Theory of Natural Law.

И тщетной злобою не будут Тревожить вечный сон Петра...

Женю Соала де Менвилье, выполняя шуваловский заказ на стихотворный эпос о первом российском императоре, назвал его «Петреада, или Петр творец», представляя своего героя богом, создавшим из ничего малую вселенную. Примерно восемьдесят лет спустя один из виднейших славянофилов Петр Киреевский настолько возненавидел личность и дело Петра, что терпеть не мог и собственное имя.

Разумеется, взгляды на Петра-просветителя колеблются в столь же широком диапазоне, как и взгляды на Петра в целом. Если относиться к его образовательной политике отрицательно, проще всего исходить из славянофильских позиций. Обычно критики упрекают его в том, что он вырыл пропасть между народом и высшими сословиями, подорвал народное единство и вообще уделял мало внимания народному просвещению¹. Строго говоря, этот упрек справедлив; образовательные стандарты дворянства и духовенства стали сильно отличаться от общенародного фона; вопрос заключается не в том, сделал он это или нет, а в том, каковы были альтернативы избранному им пути и – в более общей форме – является ли общенародное образовательное единство желательным. И если мы придем к отрицательному ответу на последний вопрос, то возникнет другой – была ли принята Петром модель оптимальной в его положении?

Решительно высказывается о недостатках допетровской России Ф.Ф. Зелинский: «Россия долгое время не имела классической школы – но за все это время она и не была культурной страной; она стала таковой лишь с тех пор, как завела у себя классическую школу» [2, с. 10]². Приведем еще одно мнение того же Г.П. Федотова, которое перебрасывает мост к нашей теме: «И мы могли бы читать Гомера при Ярославичах, переписывать в суздальских лесах Софокла и Платона... Сперва повторять ученическими устами мудрые слова, потом, окрепнув, дерзнуть на творчество – на собственную мысль. Творчеством не

¹ Очень пронизательно писал Г.П. Федотов: «Русская интеллигенция считала чем-то ненормальным строительство новой русской культуры, которое начиналось с Академии наук и через полтора века пришло к народной школе. Но другого пути не бывает. Запад тоже начинал с академий, только академии его создавались еще при Карле Великом. Большевиком сознательно поставил своей задачей нивелирование культуры, и в этом преуспел, как ни в чем. Подъем народных масс сопровождался закрытием для них источников высшей культуры. В мире еще не было опыта подобного обезглавливания целой нации». [1, с. 269–270].

² Ср. далее: «...еще в ранний период средних веков кажущейся целью классического образования было усвоение Священного Писания и литургии, затем творений отцов церкви и житий святых и т.д. Конечно, для этого был другой способ, более простой и удобный – перевод всего этого на родной язык; так поступили народы христианского востока, и последствием было то, что они остались в стороне от культурного движения» [2, с. 11].

Любжин Алексей Игоревич – доктор филологических наук, директор Департамента истории Университета Дмитрия Пожарского; эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». E-mail: vultur@mail.ru

скудна, конечно, Русь, но ее мысль – научно-философская мысль – спала веками, проспала Возрождение и очнулась так поздно, что между ее вещими, но смутными мечтами и наукой Запада выросла пропасть... Но, начавши с перевода нашу историю, мы сочли для себя излишним „эллиническое суемудрие“ и за то обречены были снова сделаться переводчиками при Петре, чтобы до сих пор пробавляться переводной немецкой подшивкой – при живом сознании и бесспорной наличности собственных творческих сил. Итак, славянская речь, то есть разрыв со вселенской мыслью, объясняет, так сказать, абсолютную нищету нашу. Но почему же она не искуплена демократическим равенством в культуре и как пришли мы к полному разрыву с народом?

Нужно сказать, что духовное народничество, то есть тяга к уравнительному распределению духовных благ, несомненно связано со всем обликом нашей интеллигенции, которая сменила в деле учительства православного, не греко-кафолического, а славяно-русского священника. У нас не могло развиться гордого сознания латинян, что истина любит прикровенность, что кощунственно разоблачать мистерии, ибо не подобает бросать святыню псам. Но сея слово повсюду – при дороге и на камне, – мы не растили, не копили его, не умножали таланта. Только бы передать детям во всей чистоте „веру отеческую“. Зато когда пришла пора и мы ужаснулись своей скудости, то, потерявши голову, принялись грабить нужное и ненужное чужое добро, в зрелом возрасте сели учиться азам, и с того рокового дня с каждым поколением выбрасываем, как ветошь, старое достояние... Теперь мы догадываемся, что надо иметь что-нибудь, чтобы давать другим, что творчество предшествует просвещению и академия – школе» [3, с. 47–48].

Просветительская деятельность Петра осуществлялась в определенных (и сразу скажем весьма тяжелых) условиях и на вполне определенном фоне. Единое образовательное пространство существовало, обрекая страну на полную несамостоятельность в интеллектуальной области. Средоточие интеллектуальных интересов было в богословской области; но и тут страна нуждалась в переводах и не располагала собственными переводчиками; приходилось обращаться к грекам и киевлянам.

Теперь обратимся к антропологическому материалу, который Петру предстояло просвещать. Проницательный иностранец И.Г. Фокерод описывает свои впечатления от общения с русскими так: «Действительно ли прежние Русские были так дики и скотоваты, как расславляют о них? Если только хотят эти названия дать таким людям, которым или совсем, или очень мало известны правила вежливости и благоприличия, установленные взаимно другими образованными народами в Европе... если потом эти люди, предубежденные слепой привязанностью и почтением к нравам и обычаям своего отечества, по тому только и чувствуют презрение и отвращение ко всему хорошему, полезному и похвальному у иноземных народов... не обладают никакими другими знаниями и искусствами, да и не желают обладать ими, кроме таких только, которые имеют осязательное и непосредственное влияние и пользу, за то считают пустым и глупым все остальное, и завершают свое невежество вполне неразумным суеверием: то наверно подобное название в минувшем столетии не может быть присвоено никому... с такою справедливостью, как Русским. При всем том... у них были свои особенные правила честности, которые они натверживали юношеству таким же образом, как бывает то и в Европе, и которых соблюдение, или нарушение, приносило взрослым Русским также точно честь, как и позор. <...> Но уж наверно оскорбили бы этот народ, если бы зашли в этих упреках слишком далеко... Если же кто сомневается, были ли разумны Русские до царствования Петра I, тот пусть заглянет в их историю и сообразит <...> как... после таких огромных несчастий, своими собственными силами и разумными действиями, без чужеземной помощи, не советуясь ни с каким иностранным вождем, или министром, без других военных сведений, кроме своих стародавних, Русские очистили свое отечество от двух таких сильных врагов <...> А если кто не

хочет утруждать себя справкою в истории, так пусть возьмет простого Русского горожанина, или крестьянина, на которых никогда не простирались заботы Петра I об образовании его подданных, да и поиспытает, далеко ли простираются его умственные и нравственные силы. При этом исследовании вскоре окажется, что русский вообще во всех делах, где только не стесняет его предрассудок его отечества, или вероисповедания, владеет очень здравым природным умом и ясным суждением; что, вместе с тем, у него необыкновенная способность понимать что бы то ни было, большая сноровка находить пригодные средства для своей цели... большинство между ними одарено достаточным природным красноречием, умением хорошо обделывать свои дела и рассудительно выбирать, что полезно для них, что вредно, да еще все это в гораздо большей степени, чем обыкновенно встречается в таких же простолюдинах Германии, или в другой какой стране» [4, с. 1–3]. Разумеется, мы можем оценить точность наблюдений Фокерода только «на глазок»; дальнейшие рассуждения будут исходить из предположения об их верности. Если придерживаться иной точки зрения, вся картина русского просвещения будет выглядеть иначе.

Итак, русские отличаются природным умом, но неподатливы к знаниям там, где не видят в этом прямой выгоды. Таковы характеристики антропологического материала. Каковы же образовательные потребности государства и общества, на которые предстояло откликнуться монарху? Их было две: 1) создать условия для подготовки достаточного количества квалифицированных специалистов, необходимых для насущных государственных нужд (подробнее рассматривать этот пункт я не буду) и 2) обеспечить за русскими интеллектуальную самостоятельность, вводя в достаточных масштабах «бескорыстное» классическое образование и создавая кружки людей с серьезными интеллектуальными интересами, которые могли бы оказывать влияние на администрацию и на общество. Изначально было понятно, что элемент принуждения в новой образовательной политике должен быть значителен.

С первой задачей все оказалось ясно – если не народной массе или даже высшим сословиям, то по крайней мере Петру и его сподвижникам. Но относительно второй... У Петра и его современников даже не было языка – культурологического и педагогического – чтобы хотя бы «ухватить» эту проблематику. Потому имеет смысл сделать краткий обзор просветительской деятельности Петра, чтобы увидеть, какие именно задачи она решала, и, учитывая ситуацию, в какой ему приходилось действовать, и ресурсы, какими он мог располагать, оценить его просветительский труд в целом¹. Предварительно нужно сказать, что никаких планов реформы у Петра не было, а его действия – цепь импровизаций и ответов на конкретные насущные вопросы.

Начнем с обучения русских за рубежом. Оно осуществлялось в основном двумя волнами: первая относилась к Великому посольству 1697–1698 годов, вторая – к поездке Петра за границу в 1716–1717 годах. Они имели разный характер (так, во второй присутствовал чисто культурный элемент). В перечне заслуг Петра читаем: «Того ж времени дал позволение всем своим подданным ездить во иностранные европейские государства, для обучения, которое прежде было запрещено под казнь, и не точию позволил на сие, но еще к тому их понуждал» [6, с. 115–116]². Петра часто упрекают в том, что посланные им за границу люди работали не по профилю. Но требование, из которого исходит этот упрек,

¹ Подробно просветительская деятельность Петра I описана в III главе моей книги «История русской школы императорской эпохи» [5]. Мы не будем здесь рассматривать гимназию пастора Глюка по двум причинам: 1) она не была петровской инициативой, хотя ее можно считать инициативой, лично одобренной Петром, и 2) она оказалась непрочным и недолговечным образовательным проектом.

² Ср. также: «Указ, впервые в российской истории, открывал возможность для свободного выезда за границу на учебу. Текст его не сохранился, однако сам Петр считал указ одним из важнейших свершений своего царствования» [7, с. 49].

целесообразно и применимо не всегда. Приведем один пример. Князь Борис Иванович Куракин, свояк Петра, был послан в Венецию для изучения морских наук. Он их освоил, выучился итальянскому (и не только), но стал не моряком, а дипломатом. В 1719 году, когда России, казалось, грозила общеевропейская коалиция во главе с Англией, он направляет Петру документ, в котором основательно аргументирует: масштаб угрозы сильно преувеличен. Уступает ли по своей ценности такой дипломат, помогающий сохранить достижения долгой и трудной войны, адмиралу, способному выиграть морское сражение? Однако же отметим для себя: в широком диапазоне, включающем культуру, стажировки «птенцов гнезда Петрова» носили утилитарный характер.

Важным было военное образование дворянства. Здесь ошибиться было нельзя, поскольку сама жизнь подсказывала приоритеты: сначала свои специальные училища должны были получить интеллигентные рода войск, включая флот, и только потом – пехота и кавалерия. Первое из таких учебных заведений – знаменитая Навигацкая школа (1701), превратившаяся со временем – через ряд метаморфоз и переезд в Петербург – в Морской кадетский корпус. Деревянные школы для детей пушкарских людей на пушечном дворе были построены в том же году. После Прутского похода была выделена инженерная часть (1712). Это учебное заведение тоже стало кадетским корпусом – Артиллерийским и инженерным. Но до особого учебного заведения для пехоты и кавалерии при Петре I дело не дошло: это предстояло осуществить Анне Иоанновне. Пока же отметим, что военное образование осуществлялось в рамках утилитарной парадигмы: именно детищу Анны, а не военным школам Петра предстоит сыграть выдающуюся роль в русской культурной жизни.

Одним из потенциально важнейших образовательных мероприятий петровской эпохи стало основание цифирных школ. Эта реформа ближе всего к тому, что советуют Петру его недоброжелатели – и именно эта мера закончилась полным провалом. Указ от 20 января 1714 года гласил: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить Дворянских детей, кроме однодворцов, приказного чина цыфири и Геометрии, и положить штраф такой, что неволью будет жениться, пока сего выучится. И для того о том к Архиереям о сем, дабы памятей венчальных не давали без соизволения тех, которым школы приказаны» [8, № 2762]. Финансироваться школы должны были из губернских доходов, учителей и книги получать из Приказа морского флота, впоследствии Адмиралтейств-коллегии, место им должны были отводить архиереи. Итак, дитяти назначалось три няньки, и само дитя тоже не слишком желало учиться. Популярностью в народе эта школа не пользовалась.

К числу важнейших образовательных документов петровской эпохи относится Духовный регламент (1721). Он содержит следующую учебную программу: «Чин учения таковой добрый кажется: 1. Грамматика купно с Географиєю и Историєю. 2. Арифметика с Геометриєю. 3. Логика или Диалектика, и едино то двоименное учение. 4. Реторика купно или раздельно со стихотворным учением. 5. Физика, присовокупя краткую метафизику. 6. Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судиться быть, и может она присовокупиться к Диалектике. 7. Богословия. Первые шесть по году возмут, а Богословия два года. Ибо хотя и всякое учение, кроме Диалектического и Грамматического, пространное есть; обаче в школах сокращенно трактовать надобе, и главнейшия только части. После сам долгим чтением и практикою совершится, кто так доброе руководство получит. Язык Греческий и еврейский (естьли будут учителя) между инными учении урочное себе время примут» [9, № 3718]. Довольно интересно сравнить эту программу с обычной иезуитской, которая применялась и в России: из семи классов три отводилось на древние языки, четвертый – поэтике, пятый – риторике, шестой – философии и седьмой – богословию. По-видимому, инициатива изменения программы принадлежала Петру; никто никогда не пытался ее воплотить.

Наконец, последним просветительским мероприятием Петра, только запланированным при его жизни [10, № 4443], но осуществленным уже при Екатерине I, было создание Академии наук. Петр задумывал это заведение как научно-учебное – собственно Академия, академический университет и академическая гимназия. Это был мощный импортированный интеллектуальный центр, вокруг которого должна кристаллизироваться отечественная интеллектуальная жизнь. Проекты университета и гимназии оказались малоэффективными; но Академия устояла и стала одним из самых прочных просветительских учреждений Империи.

Итак, проанализировав совокупность образовательных начинаний Петра Великого, мы обнаружим, что большинство из них относится к утилитарной сфере. Но есть два важных исключения. Очевидное – Академия наук. Но второе менее очевидно и в перспективе ближайшего столетия намного более масштабно. Это Духовный регламент, заложивший систему духовного образования в России и единственную в XVIII веке систему средних учебных заведений. Учитывая иезуитскую академическую программу, положенную в основание русской духовной школы, можно сказать, что это было классическое образование, в той форме, в какой оно могло быть дано готовой к тому части русского общества. Потому именно на духовные семинарии легла тяжесть поддержания интеллектуальной жизни страны текущего столетия, вплоть до реформ Александра I, радикально перекроивших отечественный образовательный ландшафт. Примеров тому много, начиная с Ломоносова, который остался бы никем, не учись он в Славяно-Греко-Латинской академии в Москве. Подготовленных слушателей не могли бы без семинаристов найти ни Императорский Московский университет, ни педагогические училища 1780-х годов. Был бы существенный недостаток и в домашних наставниках, особенно для семейств, которые не имели возможности нанять иностранного гувернера.

Итак, Петр решал образовательные задачи страны, не имея даже языка, чтобы их сформулировать. Тем удивительнее его точное попадание. Он действительно указал двум ведущим сословиям страны их образовательное предназначение: дворяне должны были обладать специальными знаниями в военном деле (включая смежные), а на духовенстве лежала «идеальная» умственная жизнь страны. Разумеется, это усилило дистанцию между сословиями, разобщило их в образовательном отношении. Какова могла быть альтернатива?

Мы могли бы долго об этом спорить, если бы не провалившийся эксперимент с цифирными школами. Он был межсословным и «общенародным» – в том масштабе, который позволяли тогдашние педагогические и – чего уж греха таить – полицейские ресурсы страны. Нельзя сказать, что и дворяне с клириками охотно отдавали своих детей в школы; но это была хотя бы разрешимая проблема. Любая общеобразовательная модель зафиксировала бы этот «общий» уровень весьма низко, он не соответствовал бы задачам как самосохранения, так и развития. Потому можно заключить, что интуитивно или сознательно, но Петр действовал способом, близким к оптимальному.

Литература

1. Федотов Г.П. Проблемы будущей России. III: Организация культуры / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София, 1991.
2. Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: Научно-популярные статьи проф. С.-Петербургского университета Ф. Зелинского. Т. II: Древний мир и мы. 2-е изд. СПб., 1905.
3. Федотов Г.П. Мысли по поводу Брестского мира / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София, 1991.
4. Россия при Петре Великом: по рукописному известию Иоанна Готтгельфа Фоккеродта и Оттона Плейера / пер. с нем. А.Н. Шемякина. Изд-е Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1874.

5. *Любжин А.И.* История русской школы императорской эпохи. Т. I: Русская школа XVIII столетия. Кн. 1–2. М., Ника, 2014.
6. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. Т. I: Акты о высших государственных установлениях., М., Л.: АН СССР 1945. № 149.
7. *Лаврентьев А.В.* Леонтий Гросс, переводчик Посольского приказа / А.В. Лаврентьев // Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М.: Археографический центр, 1997.
8. О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для учения Дворянского чина детей Арифметики и Геометрии // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. I. Т. V. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
9. Духовный регламент // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
10. О создании Академии наук: Указ от 28 января 1724 года // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VII. Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

Аннотация: Петра I часто упрекают за его образовательную политику, утверждая, что он мало заботился о народном просвещении и вырыл культурную пропасть между сословиями Российской Империи. Как фактическая констатация этот упрек справедлив; но он отличается абстрактным характером и не учитывает ни условия, в которых действовал Петр, ни возможности, которыми он располагал. В статье перечисляются образовательные мероприятия петровской эпохи (образование за границей, военно-дворянские школы, цифирные школы, Духовный регламент, Императорская Академия наук). Школы для дворянства носили утилитарный характер, но духовные семинарии представляли собой классическую образовательную модель. Из рассмотрения совокупности этих моделей в сравнении с наличными ресурсами и готовностью общества к просвещению можно сделать вывод, что образовательная политика Петра была оптимальной.

Ключевые слова: Петр I, просвещение, классическое образование, Навигацкая школа, Духовный регламент, Императорская Академия наук, цифирные школы.

Alexey I. Ljubzhin, Doctor in Philology, Director, Department of History, Dmitry Pozharsky University; Expert, Laboratory of Society, Culture and History Interdisciplinary Analysis, MIPT National Research University. E-mail: vultur@mail.ru

And Won't Disturb Peter's Eternal Rest with Vain Malice...

Abstract. Peter I is often blamed for his educational policy that didn't much favour about public education and thus formed deep cultural gap between classes in Russian Empire. That statement is technically correct, but has an abstract character and doesn't take into account neither the conditions in which Peter was acting, nor his available resources. In the article the author lists the educational endeavors of Petrine epoch (education abroad, military schools for nobility, arithmetic (elementary) schools, Theological Regulations, Imperial Academy of Sciences). Schools for nobility were of utilitarian character, but theological seminaries stuck to classic educational models. On the basis of the analysis of those models in comparison with available resources and society preparedness for enlightenment, it's possible to conclude that Peter's educational policy was optimal.

Keywords: Peter I, Enlightenment, Classic Education, Navigational School, Theological Regulations, Imperial Academy of Sciences, Arithmetic (Elementary) Schools.

Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском в эпоху становления Русского царства и в период формирования Российской империи

В русской исторической памяти из всех князей – современников Батыева нашествия двое занимают особое место. Это черниговский князь Михаил Всеволодович и новгородский князь Александр Ярославич, впоследствии получивший прозвище Невский [9, с. 19]. Сходство их биографий состоит в том, что оба не приняли участие в отражении татарского нашествия на русские земли.

Первый, Михаил Всеволодович, в момент завоевания татарами русских земель находился в бегах – сначала в Венгрии («Михаиль бѣжа по сыну своемъ *передь татари* Угры»), потом, «увѣдѣвъ приятье Киевское», в Польше («бѣжа со сыномъ своимъ во Ляхы»), затем – снова в Венгрии [17, стб. 782–784, 795]. Об этом недвусмысленно сообщали не только летописные памятники, авторы которых могли весьма негативно относиться к черниговскому князю, но и житийные тексты, которые призваны были восхвалять святого князя [43, с. 55, 59, 64; 39, с. 52–53].

Второй князь, Александр Ярославич, будучи на княжеском столе в Новгороде, то есть невдалеке от разоряемых Батыем русских земель, на период нашествия и вовсе выпадает из поля зрения летописцев. При этом известно, что княжеская дружина отказалась прийти на помощь приграничному Торжку, о чем сообщал новгородский летописец: «Оттолѣ же придоща безаконнии, и оступиша Торжекъ на сборъ чисто и недѣли, и отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по двѣ недѣли, и изнемогашася людье въ градъ, а из *Новагорода имъ не бы помочи*» [33, с. 76]. Это дает повод исследователям предположить, что Александр Ярославич предпочел не вмешиваться в события, последствия которых могли оказаться и для самого князя, и для Новгорода весьма плачевными [25, с. 23; 26, с. 113]. Между тем, по мнению В.Л. Янина, именно героическая оборона Торжка в конечном счете вынудила Батыя отказаться от похода на Новгород: «в повороте ордынского войска на юг решающую роль, несомненно, сыграл героизм защитников маленького Торжка. Распятый и поруганный, так и не дождавшийся новгородской помощи, он сражался насмерть, заслонив Новгород от тяжелых военных испытаний» [55, с. 129–130].

Таким образом, все, что мы знаем о поведении обоих князей в годы нашествия Батыя, не позволяет говорить о них как о правителях, которые готовы были дать отпор завоевателям. Скорее, наоборот.

Их последующая судьба оказалась несхожей. Святой благоверный князь Михаил Всеволодович Черниговский в 1246 году принял мученическую смерть в Орде за то, что нарушил волю хана, отказавшись исполнять языческие обряды. Святой благоверный князь Александр Ярославич (Невский), разбивший шведов в 1240-м и немецких рыцарей в 1242-м, наоборот,

Рудаков Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк». E-mail: ps-rudakov@yandex.ru

неоднократно ездил в Орду к хану Батыю и возвращался оттуда «с честью» о чем сообщали русские летописи [29, стб. 471–476]. Он умер по дороге из столицы Монгольской империи Каракорума, куда был направлен Батыем в 1262 году. Местное прославление обоих святых началось почти сразу после кончины и того, и другого. Однако общерусское почитание и Михаила, и Александра было установлено в самом начале правления Ивана IV – судя по всему, в ходе церковных соборов 1547–1549 годов [23, с. 706–725], проводимых по инициативе митрополита Макария при активной поддержке молодого царя.

К моменту общерусского прославления обоих святых уже сформировалось представление о том, что и убиенный в Орде великомученики князь Михаил (а также погибший вместе с ним боярин его Феодор), и благоверный князь Александр Ярославич совершили подвиги не просто по имя торжества православной веры, но «за веру и Отечество». При этом если воинские свершения Александра Ярославича (на Неве и Чудском озере) были вполне очевидны и отодвигали на второй или даже третий план вопрос о поведении князя в период нашествия, то действия Михаила Всеволодовича в годы татарского завоевания, казалось бы, не давали оснований для такого рода интерпретаций. В его случае действительно имел место классический духовный подвиг, который был сродни подвигам первых христиан, – мученическая смерть за отказ от исполнения языческих обрядов. Воинских же подвигов – того, что в современном сознании могло быть интерпретировано как «подвиги во имя Отечества», за ним явно не числилось. Тем не менее в XVI веке этот вопрос был решен иначе, исходя из других критериев оценки.

В рамках одной работы, разумеется, невозможно рассмотреть все аспекты восприятия двух наиболее известных и почитаемых современников Батыева нашествия на протяжении столь длительного периода времени – от эпохи становления Русского царства до начала формирования Российской империи. Тем более что исторической памяти об Александре Невском уже посвящено несколько монографических исследований [53, 1, 2]. Здесь же речь пойдет прежде всего об эволюции восприятия в указанный период поступков святого благоверного князя Михаила Всеволодовича Черниговского, историческая память о котором нередко находила весьма значимые и часто неожиданные переплетения с исторической памятью о князе Александре Ярославиче.

Впереди Александра

Судя по всему, важную роль в прославлении черниговского князя сыграл лично царь Иван Васильевич. Роль молодого правителя в «макарьевской» канонизации русских святых и в целом была велика. По мнению исследовавшего историю церковных соборов 1547–1549 годов А.Е. Мусина, список святых, в отношении которых было установлено общерусское прославление, «практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов 1543–1552 гг.». Исследователь полагает, что «исправлению противоречия между всероссийской значимостью этих святых и отсутствием общецерковного богослужения и были посвящены соборные мероприятия митрополита Макария, инициатива которых могла принадлежать молодому царю» [32, с. 156]. Правда, Чернигов – место упокоения мощей князя Михаила Всеволодовича – не входил в орбиту царских богомолий того времени. Однако можно предположить, что Иван Васильевич, имея по материнской линии среди своих предков князей Глинских, испытывал особое отношение к черниговскому князю. По крайней мере один из родоначальников династии Глинских – некто князь Иван Глинский, живший на рубеже XIV–XV веков, – был записан для поминовения в так называемый Любецкий синодик начала XV века, перечислявший имена черниговских князей. Это дает основания исследователям предполагать, что Глинские могли считать себя потомками Ольговичей – представителей черниговской ветви Рюриковичей [14, с. 131, 172; 22]. В этом смысле молодой царь вполне

мог считать себя «сродником» святого мученика как по отцовской, так и по материнской линиям, и в силу этого всячески способствовать его общерусскому прославлению.

О том, что погибший в Орде князь Михаил Всеволодович занимал особое место в «личном пантеоне» Ивана IV, свидетельствует то обстоятельство, что в «Помяннике великих и удельных князей и княгинь», составленном по приказу первого русского царя, имя «святейшего новоявленного мученика великого князя Михаила Черниговского» читается в самом начале списка вслед за святым князем Владимиром, «просветившим землю Русскую святым крещением» и «чадами его, обоими братьями по плоти» – святыми князьями-страстотерпцами Борисом и Глебом. Интересно, что «блаженный во святых» князь Александр Ярославич шел «пятым номером» вслед за Михаилом Черниговским, который, соответственно, находился на очень почетном четвертом месте. Всего в начальной части «Помянника», в которой перечислялись святые предки царя Ивана, значилось десять князей [20, с. 398–400; ср. 8, с. 398–400; 55, р. 143].

«Помянник» был составлен спустя некоторое время после соборного прославления обоих князей – в промежутке с октября 1556 по январь 1557 года. Статус этого документа был чрезвычайно высок: 30 января 1557 года «Помянник» был отправлен в Константинополь вместе с прибывшим незадолго до этого в Москву митрополитом Евгрипским и Кизическим Иоасафом и приставленным к нему бывшим архимандритом суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Феодоритом [20, с. 393, 397]. Главной целью их миссии было ни много ни мало получение от константинопольского патриарха Иоасафа II благословенной (утвердительной) грамоты на возведение Ивана в царское достоинство. По мнению С.М. Каштанова, «роль одного из серьезных аргументов в пользу признания царского достоинства московского монарха отводилась, безусловно, помяннику российских великих князей и княгинь. Эта родопомянная «память» рассматривалась правительством Ивана IV как основание для записи предков и родственников царя в патриарший синодик» [20, с. 391]. В итоге благословенная грамота была утверждена Константинопольским собором в декабре 1560 года, а затем в сентябре 1561 года привезена в Москву митрополитом Иоасафом [52, с. 381]. В этом смысле «Помянник» свою функцию выполнил.

Стремление венчанного на царство в 1547 году Ивана добиться международного признания своего нового статуса (и прежде всего со стороны Константинопольского патриарха), судя по всему, получило мощное подкрепление благодаря успехам завоевательной политики царя, добившегося в 1552 и 1556 годах присоединения к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств. В этом смысле появление в «Помяннике» имени черниговского князя в контексте борьбы с «царствами богохульных царей» выглядит неслучайным. В летописании того времени имена святых Михаила и Феодора Черниговских упоминались как раз в связи с победами над Казанским и Астраханским ханствами [18, стб. 415; 47, с. 236], а сама их мученическая гибель в Орде к этому времени уже воспринималась как акт противостояния татарам.

«За люди Отечества своего»

Если в ранних редакциях житийных рассказов о Михаиле Черниговском князь и убиенный вместе с ним боярин Феодор изображались исключительно как мученики за веру, то в произведениях середины – второй половины XVI века святые превращаются в заступников Церкви и Отечества [35, с. 78]. Таковыми они изображены в «Слове похвальном Филолога черноризца», помещенном в Великие Четьи Минеи митрополита Макария [38, с. 86–101]. В этом произведении специально отмечается, что черниговский князь и не собирался проявлять воинскую храбрость, сражаясь с татарами на поле брани: «Не лукъ убо напязати поучяшеса, ниже како мечя кровию варварьскою облагрити, ниже како копий тѣх тѣлеса прободати» [7, стб. 1315]. С точки зрения составителя текста – книжника сербского

происхождения Льва Филолога (Черноризца), князь Михаил стремился совершить подвиг более «высокого достоинства», намереваясь «больша сих и много высочайшая умышляше храбрости показати», а именно вступить в противостояние с самим дьяволом, поставить преграду ниспосланному хана Батыя «злочестивого повеления», в соответствии с которым русские князья принуждены были совершать языческие обряды. Тем самым, согласно «Слову похвальному...», Михаил стремился одновременно спасти тех, «иже еще вреду непричастни» (то есть тех князей, кто еще не совершил грех, к которому их подталкивал Батый), и при этом вернуть к благочестию тех правителей русских земель, кто поддался греховным искушениями (книжник называл их «пленных душою») [7, стб. 1315].

Михаилу удалось ценой собственной жизни «въспятити стремление Батыево, еже на церковь и чяд ея». Его жертва, по мысли составителя «Слова похвального...», была принесена во имя спасения не только христиан, но и самой церкви Христовой: «еже предатися спасения ради христиань, и еже благостоаниа ради церкви Христовы умрети, ея же ради весь подвигъ въсприать» [7, стб. 1321]. В этом контексте Михаил совершил гораздо больший подвиг, чем если бы боролся с врагами на поле боя: по выражению автора «Слова похвального...», это «край подвига – свою душу за люди Божия положить и еже за благочестие умрети» [7, стб. 1315].

Масштаб совершенного Михаилом автор «Слова похвального...» соотносил с гипотетической альтернативой. Если бы «сий пресвѣтлый мученикъ» не выступил против «безумнаго мучителя» – ордынского хана, отмечает составитель житийного рассказа, «не бы престаль безбожный сице присно повелѣвати князем». И более того: возможно, нечто еще более «лютѣйшее» захотел бы сотворить «на всю бы русскую церковь», поскольку наверняка «дьяволъ того [то есть Батыя – *В.Р.*] въоружитися сътворилъ», видя, что русские князья так легко становятся послушными злочестию («зря удобно къ злочестиа послушанию князей приступающихъ») [7, стб. 1321]. Неслучайно в финале автор «Слова похвального...» призывает черниговских святых и впредь быть заступниками за Церковь и Отечество: «О мучеником изряднии! Вы же насъ свыше назирайте! Аще бо страдати изволисте церкви ради и за люди отечьства вашего тогда, много паче нынѣ заступайте церковь и отечьство свое от враговъ навѣта!» [7, стб. 1335; 47, с. 276].

В «Слове похвальном...» поднималась и тема бегства князей в годы нашествия. Правда, в отличие от более ранних житийных произведений, посвященных черниговским мученикам, в этом памятнике про бегство самого Михаила напрямую не говорилось. Вместо этого в обезличенной форме отмечалось, что, когда «Батыеви Русь поплъняющу, съ мноюу буетию и свѣрипствомъ», «храбрыя руси мечь пояде, овы же плещи въдаша съпротивным. Скипетр одръжателя же овы оружиемъ падша, овы же кралевѣства странники гостяше, всякыя помощи отпадше». Что же касается «пресвѣтлаго Михаила», то его, согласно «Слову похвальному...», «отъ сыроядца-зверя угры спасаху» [7, стб. 1313]. При этом каким именно образом венгры спасли князя, в произведении не уточнялось. Так же обезличенно говорилось и о возвращении бежавших: «по отшествии безбожнаго оноу варвара [Батыя – *В.Р.*], велиции князи и мѣстоблюстителю, градодръжци же и мѣстыници, кыйждо от бѣгьства своего въ своя възрацахуся». Вслед за этим сообщалось и о возвращении Михаила: «уже и свѣтлаго Михаила великого князя Чръниговъ от угровъ пакы имѣаше. Въ Орду же взыти тогда не въсхотѣ, но на столѣ своем самовластномъ съде и вещи строения разсмотря, и кая же от Батыя княземъ получнаа будутъ» [7, стб. 1313]. Однако, узнав, что «мръзскый Батый» повелел, чтобы каждый из русских князей являлся пред его лицом не прежде, чем проходил сквозь огонь, бросал в него что-нибудь и кланялся кусту и огню, Михаил, «не трья же намнозѣ злослутию сему обноситися», когда братья-князья «мягкостию душъ своихъ погыбающимъ», решил «не ктому угры познаватися прочее предоблему» [то есть у венгров больше не показываться – *В.Р.*], а ехать в Орду, чтобы «бра-

тися о [бороться в защиту – *В.Р.*] церкви Божии, мучителя же, бую безбожства вельниа обличивъ, низложити» [7, стб. 1315].

Судя по всему, новый подход в интерпретации поведения Михаила Всеволодовича, предложенный Львом Филологом, был в полной мере усвоен современниками, для которых подвиг святого во имя Церкви и Отечества, совершенный им в ставке Батыя, был куда более значим, чем то, как поступал черниговский князь в момент нашествия татар. Так, князь Андрей Курбский рьяно обличал бегство Ивана IV перед лицом нашествия Девлет-Гирея в 1571–1572 годах, характеризуя его поведение весьма обидными для царя словами: «бъгунъ предъ врагомъ и храняка: царь велики христиански предъ бусурманскимъ волкомъ», «храбрыи и прелютыи на своихъ единоплемянныхъ и единойзычныхъ, не противящихся ему» [24, с. 128, 148]. Но это не мешало ему упоминать князя Михаила Всеволодовича Черниговского, который в свое время поступил точно так же, как царь Иван, но в совершенно ином контексте – исключительно как мученика, «яже убиень отъ бѣзбожнаго Батыя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога предъ мучительмъ такъ силнымъ и грознымъ со дерзновениемъ проповедалъ» [24, с. 140].

Тема заступничества со стороны князя Михаила и боярина его Феодора за Церковь и Отечество получила развитие в целом ряде других произведений, составленных в эпоху Ивана IV, что говорит о характере восприятия святых в указанный период. Так, в Степенной книге царского родословия, создававшейся, по мнению А.С. Усачева, не ранее второй половины 1550-х – не позже конца 1563 года [51, с. 196–197], о подвиге мучеников также говорилось, что он был совершен «церкви ради и за люди *Отчествія своего*», а сами Михаил и Феодор были названы заступниками перед врагами: «Нынѣ же наипаче заступайте насъ отъ всякого навѣта враговъ, яко дерзновение имуще къ Богу» [47, с. 276].

В дальнейшем представление о святых как защитниках Церкви и Отечества получает развитие в кондаке на перенесение мощей князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора из Чернигова в Москву, произошедшее в 70-х годах XVI века. Авторство кондака приписывается самому Ивану IV: в нем царь также обращается за молитвенной помощью в «соблюдении» Отчества от внешних врагов: «И нынѣ в пренесении мощей твоихъ насъ свыше назирай и Христа, Бога нашего, молити тебѣ о насъ молимся, яко спастися намъ и державы царствия непоколебимо, *отчество ваше соблюсти о всѣхъ противныхъ иноплеменныхъ*, и междуособныхъ ратей, и мятежа, и оскудения» [38, с. 115–116]. Так же царю приписывают составление «заявной грамоты», в которой Иван Васильевич «со отцемъ своимъ Антониемъ митрополитомъ всея Руси и со святителю Русския земли и со всемъ освященнымъ соборомъ и со иноки и с боярыи и со всеми православными христианы» просил святых «не яко отшедших, но яко живыхъ <...> изволити с нами в царствующемъ граде Москве жити» [16, с. 39–42].

Вопрос о том, когда именно произошло перенесение мощей черниговских святых в столицу, до конца не решен. Известен лишь день, когда это случилось, – 14 февраля. Наряду с 20 сентября – днем кончины святых мучеников, этот день с тех пор стал еще одним днем их памяти. Однако год, когда состоялось перенесение, неизвестен. В науке высказывались разные мнения на этот счет – 1572 [45, с. 17], 1575 [8, с. 62–63, примеч. 3; 48, с. 136; 24, с. 734; 4, с. 161], 1578 [16, с. 42; 6, с. 101; 55, р. 142; 15, с. 69]. При этом считается, что решение о переносе мощей святых было принято в том числе и под впечатлением от походов на Москву крымского хана Дивлет-Гирея, совершенных в 1571–1572 годах, которые по сложившейся традиции современники сравнивали с нашествием хана Батыя [44, с. 16, 25–26, 28, 73–74; 41, с. 145–146; 10, с. 83–84].

Это, видимо, дало новый импульс для церковного прославления князя Михаила Черниговского, который к этому времени прочно ассоциировался с противостоянием татарам. Как отмечала Н.В. Рамазанова, после набега Дивлет-Гирея «воскресла память не только о татарском завоевателе XIII столетия, но и о мучениках, принявших смерть в Орде, по-

жертвовавших жизнь за христианскую веру, не склонившихся перед силой и жестокостью завоевателей» [38, с. 114]. Судя по всему, в XVI веке связь между молитвенной помощью Михаила и Феодора и успешной борьбой с «агарянами» ощущалась как нечто взаимообусловленное, а само заступничество черниговских мучеников в ситуации татарской опасности считалось особенно действенным [42, с. 195, 216, примеч. 180].

Отсюда, судя по всему, и проистекает пафос тропаря, составленного Иваном IV в связи с перенесением мощей мучеников из Чернигова в Москву, в котором святые названы людьми, «ярости нечестиваго царя не убоявшимися», «самозвано к подвигом устремившимися», своими страданиями «всю Рускую землю от нечестия» освободившими. «Тако и нынѣ своимъ пришестьствиемъ насъ свыше назирайте, предстояще у престола Владыки Христа, моляще Святую Троицу избавитися намъ от ходящих ны золь: душевных согрѣшений, и телесных бользней, и варварскаго нахождения, и межуусобныа брани, и всяких скорбей, душевных и телесных, и мятежей» [38, с. 114].

Подобный Михаилу

Важно отметить, что в эпоху Ивана IV поведение святого благоверного князя Михаила Черниговского перед лицом вражеских искушений, судя по всему, рассматривалось в качестве эталонного даже для такого «храброго исполина» (так именовал его Казанский летописец [18, стб. 415]), как великий князь Александр Невский. Судить об этом можно на основании новой редакции Жития святого благоверного князя Александра Ярославича, которая была составлена псковским книжником Василием Варлаамом в 50-х годах XVI века и также, как и «Слово похвальное Филолога черноризца», была внесена в Великие Четьи Минеи. Последнее обстоятельство подчеркивало, что предложенное Василием Варлаамом новое прочтение отношений Александра с Батыем получило официальное одобрение со стороны церкви в лице митрополита Макария и светской власти в лице царя Ивана Васильевича [5, с. 72–74].

Христианский подвиг Михаила Всеволодовича, как известно, состоял в том, что, будучи вызванным в Орду «царем Батыем», он не поддался на «прельщения» татар, отказался поклоняться их идолам и погиб от рук «нечестивых». Александр Ярославич, судя по ранним источникам, имел прямо противоположный опыт общения с татарами: летописи не раз сообщали о том, что князь был «с честью» принят в Орде и отпущен обратно [29, стб. 471–476]. О том же сообщало и княжеское Житие, первоначальная редакция которого возникла, очевидно, еще в 60-х годах XIII века [27, с. 36–39]. «В то же время бѣ царь силенъ на Вѣсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языки многы, от вѣстока даже и до запада. Тѣй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Александрѣ, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языки? Ты ли един не хоцещи покорити ми ся? Но аще хоцещись блюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего <...> Съдумав же князь Александръ, и благослови его епископъ Кириль, и поиде к цареву въ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истинну ми скажете, яко нѣсть подобна сему князю». *Почьстив же и честно, отпусти и*» [12, с. 434–436].

Вероятно, Василий Варлаам рассудил, что на фоне подвигов, совершенных Александром по защите своей земли от шведов и немцев, непонятно, на чем основанные добрые отношения князя с Батыем, нуждаются в разъяснении. В итоге в житийной версии, составленной Василием Варлаамом, в ответ на призыв Батыя явиться в Орду и пройти соответствующие языческие обряды, Александр Ярославич едет в ставку хана, стремясь повторить подвиг погибшего за веру князя Михаила Всеволодовича.

Для решения поставленной перед собой задачи книжник прибегнул к буквальному цитированию текста Жития Михаила Всеволодовича, вкладывая при этом в уста новгородского князя реплики князя черниговского. Характер работы, проведенной Василием Вар-

лааом, отражает сравнительная таблица текстов трех житийных памятников – Повести о Михаиле Черниговском в одной из ранних редакций в так называемой редакции отца Андрея (70-е годы XIII века), Жития Александра Невского в так называемой первоначальной редакции (60-е годы XIII века) и Житие Александра Невского в так называемой редакции Василия Варлаама (50-е годы XVI века) (табл. 1).

Таблица 1

Повесть о Михаиле Черниговском в редакции о. Андрея (1270-е)	Житие Александра Невского в первоначальной редакции (1260-е)	Житие Александра Невского в редакции Василия Варлаама (1550-е)
<p>В лѣто 6746 бысть нахождение поганых татаръ на землю христьянскую гнѣвомъ Божиимъ за умножение грѣхъ ради. <...></p> <p>Начаша ихъ звати татарове нужею, глаголаше: «Не подобаеъ жити на земли канови и Батыевѣ, не поклонившееса има». Мнози боъхаша и поклонишася канови и Батыеви. Обычай же имаше канъ и Батый: аще убо приѣдетъ кто поклонится ему, не повелѣваше первое привести предъся, но приказано бяше волхвомъ вести сквозь огонь и поклонится кусту и идоломъ. <...> Мнози же князи с бояры своими идяху сквозь огонь и поклоняхуся солнцю и кусту и идоломъ славы ради свѣта сего и прашаху кождо ихъ власти. Они же безъ взбранения даяху тымъ, кто которыя власти хотяше, да прелстятся славою свѣта сего</p> <p>Блаженный же князь Михаилъ разгорѣвся благодатию Божиею, хотя ѣхати къ Батыеви. И, приѣха къ отцю своему духовному, повѣда ему глаголя: «Хощю ѣхати къ Батыеви». И отвѣща ему отецъ: «Мнози ѣхавше и створиша волю поганого, прелстишася славою свѣта сего, идоша сквозь огонь и поклонишася кусту и идоломъ, и погубиша душа своя. Но ты, Михаиле, оже хочещи ѣхати, не створи тако: ни иди сквозь огонь, ни поклонися кусту, ни идоломъ ихъ, ни брашна, ни пития ихъ не приими во уста своя. Но исповѣжь въру христьянскую, яко не достоитъ христьяномъ ничему же кланятися твари, но токмо Господу Богу Исусу Христу». Михаилъ же глаголя ему: «Молитвою твоєю, отче, яко же Богъ дасть, тако и будет. Азь быхъ того хотѣль кровь свою пролияти за Христа и за въру крестьянскую».</p>	<p>В то же время бѣ царь силенъ на Вѣсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покоришь языки многы, от вѣстока даже и до запада.</p> <p>Тѣй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Александрѣ, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языки? Ты ли един не хочещи покорити ми ся? Но аще хочещи съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего». <...></p> <p>Съдумав же князь Александръ, и благослови его епископъ Кириль, и поиде к царевивъ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князю». Почѣстив же и честно, отпусти и [12, с. 434–436].</p>	<p>Прииде бо съ востока царь Батый з бесчисленными силами и поплени всю землю и грады наша славныя взя и пожеже.</p> <p>Тут же избиении быша приснопамятныя князи наша Всеволодичи Юрьи и Василко и вся прочия князи нашея земли, а инии мнози князи Рускиа чти ради и славы света сего суетного, иное же страха ради мучителя створиша волю безбожнаго царя Батыя, оставившее Бога живаго и поклонишася солнцу и кусту и огню и идоломъ ихъ. <...></p> <p>Въ лето 6755-го той же предпомянутый окаянный злоиманитый царь Батый еще не насытился бяше крови человеческия, посылаетъ пословъ своихъ в градъ Суздаль к блаженному князю Александру, глаголя: «Мне покоришася мнози царства и языцы, а ты ли единъ не хочещи покорити мися? Аще хочещи съблюсти землю свою, пришедъ поклонимися, узриши честь и славу царства моего, якоже и прочии князи Руския поклонишася и власти своя приаша отъ мене и честь велию. Слышашъ бо ты храбра и велика върастомъ. Аще ли ни, то сътвори тебе и граду твоему, якоже князю Михаилу Черниговскому и прочимъ княземъ Рускимъ, иже противишася мне и воли моей не сотвориша». Се же слышавъ блаженный <...> рече въ себе: «Лутче ми единому умрети за православную веру Христову отъ безбожнаго царя, нежели многимъ кровопролитие довести и граду погибель». И абие разгоревся душою и пророческую ревность примъ, ревнуя. <...> Течеть убо къ епископу Кириллу и мысль свою являетъ ему. Епископъ же укрепляя его глаголя: «Чадо, мнози идоша тамо и створиша волю цареву и погубиша душа своя и шедша сквозе огонь и поклонишася кусту и солнцу, ты жь, аще хочещи, иди съ миромъ, токмо да не сътвори, якоже они сътвориша, брашно же и питие ихъ да неввидеть во уста твоя, вся бо скверна суть, и сквозе огонь ихъ да не идеши, ниже поклогнишися богомъ ихъ, единъ бо есть Богъ Господь нашъ Исусъ Христосъ» <...></p>

Повесть о Михаиле Черниговском в редакции о. Андрея (1270-е)	Житие Александра Невского в первоначальной редакции (1260-е)	Житие Александра Невского в редакции Василия Варлаама (1550-е)
<p><i>Волви же хотъша Михаила вести и Феодора сквозь огонь. Михаилъ же и Феодоръ глаголаста имъ: «Недостоить христьяном ходити сквозь огонь, ни поклонятися, ему же ся сии кланяють. Тако есть ввѣра христьянская, не поклонятися твари, но поклонятися Отцю и Сыну и Святому Духу». <...></i></p> <p>Они же, оставлеше ю на мѣсть, идеже бѣ ста приведена, идеша и повѣдаша цесареву: «Михаиль повельния твоего, цесарю, не слушаетъ: сквозь огонь не идетъ, а богомъ твоимъ не кланяется, глаголетъ – недостоить христьяном ходити сквозь огонь, ни поклонятися твари, солнцю и идолом, но токмо кланятися створшему вся си, Отцю и Сыну и Святому Духу». Цесарь же възъярився велми и посла единого от велможъ своихъ, именем Елдегу, и глагола ему: «Рци Михаилови: “Почто повельние мое преобидѣль еси – богомъ моимъ не поклонился еси? Но отселе едино от двою избери собѣ: или богомъ моимъ поклонишися и живъ будещи и княжение приимеши, аще ли не поклонишися богомъ, то злою смертью умрещи”</p>		<p>Святѣи же обеты предѣ образомъ Спасовымъ полагаше епископу, глаголя: «Аще и кровь свою пролию Христа ради отъ безаконнаго царя, якоже и сродника моя, кусту и огню и идоломъ его не поклонюся». <...></p> <p>Дошедъ же святѣи безбожнаго царя Батыя, <...> царь же повеле привести предѣ ся блаженаго. <i>Волхвы же хотяху вести святаго сквозе огонь</i>, якоже обычай бяше имъ, и веляше поклонитися солнцю и огню. Блаженный же князь великий Александръ рече къ волхвомъ: «Недостойно есть намъ христьяномъ сквозе огонь ити, ни поклонитися твари паче Творца, но поклонюся святей Троици, Отцу и Сыну и Святому Духу, се есть единъ Богъ, Творецъ небу и земли». <...></p> <p>По смотрению же Божию не повеле его царь нудити своей вере, ни вести сквозе огонь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ бездушнымъ, но повелеваетъ святаго поставити предѣ ся съ честью славы ради его. Блаженный же велики князь Александръ <i>по обычаю предста предѣ нимъ и поклонися, якоже лепо бе царю почестъ воздати</i>. Безбожныи же царь Батыи, <...> <i>честъ въздавъ блаженному велию и любовное показавъ и милость о святемъ</i> и посла святаго з братомъ его Андреемъ къ Кановичемъ [31, с. 43–45].</p>

В полном соответствии с житийными рассказами о гибели в Орде черниговского князя Батый под пером Василия Варлаама соблазняет Александра: «Аще хочещи соблюсти землю свою, пришедъ поклонимся, узриши *честъ и славу царства моего*, якоже и прочии князи Рускиа поклонишася и власти своя приаша отъ мене и честъ велию». При этом хан угрожает Александру Ярославичу тем, что в случае неповиновения его подвергнут казни, то есть сделают то же, что сделали «князю Михаилу Черниговскому и прочимъ княземъ Рускимъ, иже противишася мне и воли моей не сотвориша» [31, с. 43]. В этой ситуации Александр ведет себя подобно Михаилу Черниговскому. В ответ на призыв «волхвов» пройти через языческие обряды он заявляет: «Недостойно есть намъ христьяномъ сквозе огонь ити, ни поклонитися твари паче Творца, но поклонюся святей Троици, Отцу и Сыну и Святому Духу, се есть единъ Богъ, Творецъ небу и земли» [31, с. 44]. Казалось бы, участь Александра Ярославича предрешена, однако, «по смотрению же Божию не повеле его царь нудити своей вере, ни вести сквозе огонь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ бездушнымъ, но повелеваетъ святаго поставити предѣ ся съ честью славы ради его». В ответ на это «блаженный же велики князь Александръ по обычаю предста предѣ нимъ и поклонися, якоже лепо бе царю почестъ воздати. Безбожныи же царь Батыи, <...> *честъ въздавъ блаженному велию и любовное показавъ и милость о святемъ* и посла святаго з братомъ его Андреемъ къ Кановичемъ» [31, с. 45].

В итоге, как показал Ф.Б. Шенк, в Житии Александра Ярославича редакции Василия Варлаама подвиг князя «уже не ограничен успешной защитой земли и православной веры». «Александр едет к Батыю и, подобно своему родственнику Михаилу Черниговско-

му, готов умереть мученической смертью за свою веру, дабы предотвратить гибель государства. Однако убедившись в стойкости Александра, Батый освобождает его от прохода через очистительный огонь и поклонения идолам, а затем отпускает его с миром». В итоге, как отмечает Ф.Б. Шенк, под пером автора редакции Жития Александр предстает как «бескровный мученик, не отказавшийся от своей веры под угрозой смерти, но не казненный» [53, с. 42–43].

«Живое зеркало» первого императора

Если в «Помяннике» Ивана IV князь Михаил Всеволодович Черниговский стоял как бы на ступеньку выше князя Александра Ярославича, то в эпоху Петра I Александр Невский оказался едва ли не главным (по крайней мере из числа русских средневековых правителей) объектом церковно-государственного почитания. Возможно, это было связано с тем, что к началу XVIII века восточное, равно как и южное (отношения с Османской империей) направления внешней политики России отошли на второй план, что во многом предопределило изменение отношения к черниговским святым как к заступникам от «поганных». Не исключено также, что в глазах Петра никак не проявивший себя в борьбе с внешними врагами великий князь Михаил Черниговский выглядел весьма скромно на фоне разбившего шведов Александра Ярославича. Мученическая гибель Михаила Всеволодовича в Орде, еще со времен Ивана IV воспринимаемая как подвиг, совершенный, в том числе, и за Отечество, с точки зрения рационально мыслящего Петра I в гораздо большей степени носила религиозный характер. А это для самого императора и, судя по всему, для его преемников существенно снижало ценность совершенного черниговским князем поступка. По крайней мере в сравнении с заслугами Александра Невского.

Судя по всему, едва став полноправным правителем, Петр начал придавать особое значение культу героя Невской битвы [3, с. 46–47]. Неслучайно своего второго сына, родившегося 3 октября 1691 года, он назвал Александром – первый случай наречения этим именем царских сыновей в династии Романовых [49, с. 232]. Очевидно, что впоследствии царь Петр самого себя считал человеком, в известном смысле завершившим дело великого князя, который в 1240 году впервые разбил шведов «на берегах Невы». Между тем, именно в этих местах Петр I собирался воздвигнуть новую столицу. Можно уверенно говорить о том, что уже в 1710 году, после решающей победы под Полтавой, будущий император задумал строительство столичного монастыря в честь Святой Троицы и Александра Невского [53, с. 131–133]. 30 августа 1724 года, в третью годовщину заключения победного Ништадтского мира со Швецией, в построенную по проекту Доминико Трезини двухэтажную церковь, названную по престолу нижнего храма Благовещенской, были помещены мощи благоверного князя, перенесенные по указу Петра из Рождественского монастыря во Владимире, где они находились с момента кончины Александра Ярославича в 1262 году [49, с. 233–234]. В тот же день состоялось освящение верхнего храма Благовещенской церкви во имя Св. Александра Невского [50, с. 315]. Начиная с этого момента святой Александр наряду с апостолом Петром, в честь которого был назван город на Неве, становится одним из небесных патронов имперской столицы. Но не только.

Еще за шесть лет до перенесения мощей, в 1718 году, «главный идеолог» империи Феофан Прокопович фактически поставил в один ряд святого благоверного князя и самого Петра, назвав последнего «живым зеркалом» Александра Невского: «А егда тако о должностехъ нашихъ поучаемся и ставимъ въ образъ того святаго Александра Невскаго, видимъ другий образъ, живое зеркало тебе Александровъ – не токмо в державѣ, но и в дѣль – наслѣднице, Богомъ данный монархо нашъ!» [37, л 9 об.]. Немецкий исследователь исторической памяти об Александре Невском Ф.Б. Шенк назвал XVIII век временем «этатиза-

ции Александра», отметив, что «при царе-реформаторе государственная по преимуществу интерпретация окончательно взяла верх над церковным дискурсом. Александр Невский был адаптирован к новой, имперской, знаковой системе и встроен в нее» [53, с. 131–134]. Зримым проявлением этого процесса стало постановление Святейшего Синода от 15 июня 1724 года «О воспреещении писать на иконах изображение святого благоверного князя Александра Невского в монашеских одеждах, и о постановлении писать его во одеждах великокняжеских» [36, с. 148; 21, с. 28–30].

Петр I также успел утвердить основные положения Устава и внешний вид задуманного им ордена святого благоверного князя Александра Невского, однако смерть императора прервала работу над созданием награды. Производство первых кавалеров были осуществлено уже без него, 21 мая 1725 года, в день бракосочетания дочери императора Анны Петровны со шлезвиг-гольштинским герцогом Карлом-Фридрихом, Екатериной I [11, с. 359–360]. Светские власти не забывали поддерживать культ святого благоверного князя и в дальнейшем. В 1746–1753 годах по указанию и на средства императрицы Елизаветы Петровны была создана серебряная рака для мощей святого, надпись на которой была заказана М.В. Ломоносову [46, с. 241–244; 21, с. 36–51].

Огромный интерес к фигуре небесного покровителя Санкт-Петербурга проявляла и Екатерина II, побывавшая на месте кончины князя в Городце и неоднократно посещавшая Александро-Невскую обитель. Свое отношение к великому князю Екатерина II высказала, в частности, в переписке с Ф. Гриммом. В письме от 2–4 марта 1778 года императрица рассказала ему о небесном патроне своего недавно родившегося внука, великого князя Александра Павловича («господина Александра», как именovala его в переписке императрица). «Вы говорите, что ему предстоит на выбор, подражать ли герою [имелся в виду Александр Македонский – *В.Р.*], либо святому одного с ним имени [то есть Александру Невскому – *В.Р.*], но вы, вероятно, не знаете, что этот святой был человеком с качествами героическими. Он отличался мужеством, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его над современными ему, удельными, как и он, князьями. Татары уважали его, новгородская вольница подчинялась ему, ценя его доблести. Он отлично колотил шведов, а слава его была так велика, что его почтили саном великого князя. Итак, по-моему, Александру не придется выбирать. Его собственные дарования направят его на стезю того и другого. Во всяком случае из него выйдет отличный малый» [34, с. 46].

В другом письме, от 8 июля 1778 года, Екатерина, рассуждая о принципах, по которым в России происходит отбор епископов, пишет, что «у нас много епископов, каких трудно сыскать во всех других странах. Скажете, что они берутся из состояния противуестественного, из монашеского. Но Александр Невский тоже сделался монахом, а он имел доблести героические до такой степени, что когда-нибудь я напишу в похвалу ему слово, будучи недовольна тем, которое произносится в день, посвященный его памяти. Я велю произнести это слово, когда мой Александр [имеется в виду внук – *В.Р.*] придет в возраст и будет в состоянии действовать, на что в моем слове, разумеется, не будет намеков» [34, с. 51].

При деятельном участии Екатерины II было завершено строительство Александро-Невского монастыря (статус лавры он получит уже в следующее царствование – в 1797 году). 30 августа 1790 года в присутствии императрицы был освящен задуманный еще Петром I Троицкий собор. В тот же день туда из стоящего неподалеку Благовещенского храма были перенесены мощи святого. В 1793–1794 годах по заказу императрицы специально для Троицкого собора живописец Г.И. Угрюмов написал картину «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами» [19, с. 291–295]. Таким образом «весьма искусенной в создании сценариев родства с традициями своего избранного отечества» Екатерине удалось «надолго соединить собственное имя с историей Александра Невского» [53, с. 142].

Впрочем, именно с именем Екатерины II связан важнейший этап в прославлении и черниговских святых. 21 ноября (2 декабря) 1774 года, в день Введения во Храм Пресвятой Богородицы, по именному указу императрицы их мощи были перенесены в Архангельский собор Московского Кремля, и с тех пор находятся на этом месте. В помещенном «в ногам» святых тексте написанного по случаю перенесения мощей «Жития и страдания» специально подчеркивалось, что великомученики пролили свою кровь «за Христа Господа и Отечество» [13, л. 36 об.]. Но это уже другая история [40, с. 237–246].

Таким образом, несмотря на то, что в период монголо-татарского нашествия оба князя никак не проявили себя в деле защиты Русской земли (Михаил бежал за пределы своих владений на Запад, а Александр, вероятнее всего, предпочел отсидеться в Новгороде, не ввязываясь в столкновения с татарами), в последующие периоды истории их заслуги перед православной церковью затмили особенности их поведения в годы нашествия. В правление Ивана IV, инициировавшего перенос мощей Михаила Всеволодовича из Чернигова в Москву, вокруг князя формируется ореол защитника не только веры, но и Отечества, а его христианский подвиг даже становится образцом для написания новой редакции Жития Александра Невского. В период побед над «погаными царствами» (Казанское и Астраханское ханства), а также в условиях непрекращающихся столкновений с крымцами почитание святого Михаила становится важнейшим фактором противостояния «неверным». Впрочем, ко времени становления Российской империи актуальность этой темы снижается, равно как и падает интерес власть предержащих к фигуре Михаила Всеволодовича. В годы правления Петра I на первые роли среди русских святых выходит князь Александр Ярославич. Первый русский император воспринимается современниками в качестве продолжателя великих подвигов героя Невской битвы, как своеобразный alter ego святого благоверного князя.

Литература

1. Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
2. Александр Невский и его образ в исторической памяти. М., 2021.
3. Аракчеев В.А., Болотина Н.Ю. Святой благоверный князь Александр Невский и его почитание // Александр Невский и его образ в исторической памяти. М., 2021.
4. Димитрий (Самбкин), архиеп. Месяцеслов святых, всей Русской церковью или местно чтимых и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. угодников Божиих в нашем Отечестве. Вып. 6 (февраль). Каменец-Подольск, 1897.
5. Макарий (Веретенников), архим. Василий // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 72–74.
6. Васильев В.В. История канонизации русских святых // ЧОИДР. М., 1893. Т. 3.
7. Великие Четыи Минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869.
8. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
9. Горский А.А. О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020.
10. Горский А.А. «Ту сядем и Русью владеем...»: представление о возможности непосредственного владычества монголов на Руси и исторические реалии // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012.
11. Дуров В.А., Корнеев В.Е., Мяжков М.Ю., Уколова В.И. Орден Александра Невского // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
12. Житие Александра Невского // ПЛДР. XIII век. Л., 1981.
13. Житие и страдание святых мучеников Михаила, князя Черниговского и Феодора, боярина его // РГАДА. Ф. 18. Д. 245.
14. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
15. Зыбалов Ю.М. Почитание святого благоверного князя Михаила Черниговского в Московском Кремле // Православные святые Московского Кремля в истории и культуре России: Сб. ст. М., 2006.
16. Иванчин-Писарев Н.Д. Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839.
17. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
18. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. 19. М., 2000.

19. *Карев А.А.* Образ Александра Невского в русской живописи XVIII–XX вв. // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
20. *Каштанов С.М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. / подг. к публ. С.М. Каштанов и Л.В. Столярова. Т. 1. М., 2004.
21. *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* Александр Невский: Исследования и исследователи. СПб., 2018.
22. *Кузьмин А.В.* Глинские [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. (2018). Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3857722 (дата обращения: 31.07.2022).
23. *Кузьмин А.В., Преображенский А.С.* Михаил Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 45.
24. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. М., 2015.
25. *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.
26. *Кучкин В.А.* Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
27. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – нач. XX вв.: Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990.
28. *Кучкин В.А.* О формировании Великих Миней Четиех митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86–101.
29. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
30. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. М., 2000.
31. *Мансикка В.И.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. СПб., 1913.
32. *Мусин А.Е.* Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003.
33. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.
34. Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. № 9.
35. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
36. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 4. 1724–1725. СПб., 1876.
37. *Прокопович Ф.* Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Петербурге в 1718 году. СПб., 1720.
38. *Рамазанова Н.В.* Тропарь и кондак на перенесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому «Творение Ивана, богомудрого царя, самодержца Российского» // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988.
39. *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 1.
40. *Рудаков В.Н.* Екатерина Великая и память о святом благоверном князе Михаиле Черниговском в XVIII веке // Тетради по консерватизму. 2022. № 1.
41. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. 3-е изд.. М., 2017.
42. *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI века. М., 2004.
43. *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
44. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
45. *Скворцов Н.А.* Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви, подворья // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. 1893. Вып. 9.
46. *Соколов Р.А.* Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
47. Степенная книга царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908.
48. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 3. М., 2012.
49. *Стецюра Т.Д.* Святой благоверный князь Александр Невский // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
50. *Стецюра Т.Д.* Храмы во имя святого Александра Невского // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010.
51. *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009.
52. *Фонкич Б.Л.* Грамота Константинопольского Патриарха Иоасафа II и собора Восточной Церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI в. / подгот. к публ. С.М. Каштанов и Л.В. Столярова. Т. 1. М., 2004.
53. *Шенк Б.Ф.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М., 2007.
54. *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
55. *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224–1246. Toronto, 1981.

Аннотация. Статья посвящена анализу исторической памяти о двух современниках нашествия Батыя – великих князьях Михаиле Всеволодовиче Черниговском и Александре Ярославиче (Невском) в эпоху становления Русского царства и в период формирования Российской империи. В годы монголо-татарского нашествия оба князя никак не проявили себя в деле защиты Русской земли: Михаил бежал за пределы своих владений на Запад, а Александр, вероятнее всего, предпочел отсидеться в Новгороде, не ввязываясь с столкновения с татарами. Тем не менее в последующий период заслуги перед православной церковью затмили историю их поведения в годы нашествия. В правление Ивана IV, инициировавшего перенос мощей Михаила Всеволодовича из Чернигова в Москву, вокруг князя формируется ореол защитника не только веры, но и Отечества, а его христианский подвиг даже становится образцом для написания новой редакции Жития Александра Невского. В период побед над «погаными царствами» (Казанским и Астраханским ханствами), а также в условиях непрекращающихся столкновений с крымцами почитание святого Михаила становится важнейшим фактором противостояния «неверным». Впрочем, ко времени становления Российской империи актуальность этой темы снижается, равно как и падает интерес власть предержащих к фигуре Михаила Всеволодовича. В годы правления Петра I на первые роли среди русских святых выходит князь Александр Ярославич. Первый русский император воспринимается современниками в качестве продолжателя великих подвигов героя Невской битвы как своеобразный alter ego святого благоверного князя.

Ключевые слова: великий князь Михаил Всеволодович Черниговский, великий князь Александр Ярославич (Невский), Иван IV, Петр I, нашествие Батыя, защита Отечества, историческая память.

Vladimir N. Rudakov, PhD in Philology, Editor-in-chief, «Historian» Magazine, E-mail: ps-rudakov@yandex.ru

Memory of the Holy Princes Mikhail of Chernigov and Alexander Nevsky in the Era of the Russian Kingdom Making Up and Russian Empire Formation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historical memory of the two contemporaries of Batu invasion – the Grand Princes Mikhail Vsevolodovich of Chernigov and Alexander Yaroslavich (Nevsky) – in the era of the formation of the Russian Kingdom and of the Russian Empire. During the Mongol-Tatar invasion, neither prince proved himself as defender of the Russian land: Mikhail fled his lands and picked his way to the West, while Alexander, most likely, preferred to wait out in Novgorod without getting involved with the clash with the Tatars. Nevertheless, in the subsequent period, their services to the Orthodox Church overshadowed the history of their behavior during the invasion. In the reign of Ivan IV, who initiated the transfer of the relics of Mikhail Vsevolodovich from Chernigov to Moscow, the aura of the defender not only of the faith, but also of the Fatherland formed around the prince, and his Christian feat even became a model for writing the new version of the “Life of Alexander Nevsky”. In the period of victories over the “pagan kingdoms” (Kazan and Astrakhan khanates), as well as in the conditions of incessant clashes with the Crimeans, the veneration of St. Michael became the most important factor in the confrontation with the “infidels”. However, by the time of the formation of the Russian Empire, the relevance of that topic, as well as the interest of those in power in the figure of Mikhail Vsevolodovich declined. In the reign of Peter I the leading role among Russian princes passed on to Alexander Yaroslavich: the first Russian emperor was perceived by his contemporaries as the successor of the hero of the Battle of the Neva, as a kind of alter ego of the holy prince.

Keywords: Grand Prince Mikhail Vsevolodovich of Chernigov, Grand Prince Alexander Yaroslavich (Nevsky), Ivan IV, Peter I, Batu Invasion, Defense of the Fatherland, Historic Memory.

Петр Великий и русский консерватизм

{ Раздел второй }

А.Ю. Минаков

Петр I в оценках русских консерваторов первой четверти XIX века

С.Н. Пушкин

Критика деятельности Петра I в творчестве отечественных консерваторов

Г.И. Щербакова

Образ Петра Великого в контексте метафизики прогресса – взгляд русской консервативной публицистики

О.С. Кругликова

*«Вестник Европы» Н.М. Карамзина и «Русский вестник» С.Н. Глинки
о Петре Великом: созвучия и диссонансы*

Д.А. Бадалян

*Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация
противниками славянофильства*

О.С. Кругликова

*Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке
русских консервативных публицистов пореформенной эпохи*

С.М. Санькова, Н.И. Крижановский

*Правление Петра Первого в оценках представителей российского
государственного национализма (М.Н. Каткова, А.С. Суворина,
М.О. Меньшикова)*

Д.А. Игумнов

Образ Петра I в публицистике А.С. Суворина и В.П. Мещерского

Е.С. Сони́на

*Образ Петра I как визуальная пропаганда государственной идеологии
в русской дореволюционной журналистике*

Петр I в оценках русских консерваторов первой четверти XIX века

Вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I, был задолго до славянофилов достаточно остро поставлен в русской консервативной мысли в первой четверти XIX века. Впрочем, критика Петра I еще раньше была предпринята представителями западноевропейской мысли. В какой мере эта критика была воспринята А.С. Шишковым, Н.М. Карамзиным и др., сказать сложно. Но, несомненно, она в известной мере отвечала умонастроениям части русской консервативной среды. Так, Ж.-Ж. Руссо утверждал: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись влиянию цивилизации чересчур рано. Петр <...> хотел сначала создать немцев, англичан, тогда как надо было начать с того, чтобы создавать русских. <...> Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством» [1, с. 167]. По мнению А. Зорина, «мысль Руссо об утрате русскими своего национального характера <...> в качестве определяющего начала государственного бытия <...> пришлось в России в известном смысле ко двору, причем читательская аудитория с каждым десятилетием делалась восприимчивее к его аргументации» [2, с. 168].

Исключительно резко высказывался о Петре I и его реформах Ж. де Местр: «Я ставлю в вину вашему Петру I величайший грех – неуважение к своей нации» [3, с. 176]. «Вообще же страна сия отдана иностранцам, и вырваться из их рук можно лишь посредством революции. Повинен в этом Петр, коего именуют великим, но который на самом деле был убийцей своей нации. Он не только презирал и оскорблял ее, но научил и ненавидеть самое себя. Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал ее под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен» [4, с. 179]. Де Местр нарочито сгущал краски, перенося на петровские реформы свою ненависть к протестантской Европе, на которую ориентировался Петр.

Консерваторы первой четверти XIX века много размышляли о роли Петра I и его реформ в русской истории. Ранний Карамзин (еще не консерватор) в своих «Письмах русского путешественника» был безусловным поклонником Петра. Он был для него «лучезарным богом», «великим мужем», поставившим страну на путь европейского просвещения. «Все жалкие Иеремиады [в адрес Петра I – А.М.] об изменении Русского характера, о потере Русской нравственной физиогномии или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении» [цит. по: 5, с. 218]. Как большинство западников, Карамзин считал, что целью Петра было «не только новое величие России, но совершенное присвоение обычаев европейских» [6, с. 387], создание флота, законодательства, развитие

торговли, создание мануфактур, училищ, Академии и т.д. Словом, Петр «поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы», имея дарование «употреблять людей по способностям» [6, с. 387]. Однако в XIX веке, по мере формирования своих консервативных убеждений, Карамзин перешел к критике петровских преобразований.

Наиболее глубокой критике деятельность Петра I была подвергнута в «Записке о древней и новой России». Карамзин заговорил о том, что стремление этого императора преобразовать Россию в подобие Европы подрывало «дух народный», то есть самые основы самодержавия, «нравственное могущество государства». Страсть Петра I «к новым <...> обычаям переступила в нем границы благоразумия» [7, с. 388]. Главной причиной петровского подражательства и космополитизма Карамзин считал отсутствие национального воспитания и влияние иностранного окружения. Плохо воспитанный государь попал под влияние женеваца Лефорта, который находил русские обычаи странными и «говорил ему о них с презрением, а все европейское возвышал до небес». Вольные нравы Немецкой слободы довершили Лефортово дело, и «пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландиею» [7, с. 389].

Петр привил русским космополитизм, который ослабил чувство патриотизма и национальное начало: «...мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя русское имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши уже в царствование Михаила [Романова – А.М.] и сына его [Алексея – А.М.] присвоили себе многие выгоды иноземных обычаев, но все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут это заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет, находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь зовем *братьями*; спрашиваю: кому легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*? Т.е. кому бы она, по вероятности, должна была более противиться? <...> Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» [7, с. 389]. При этом петровская европеизация осуществлялась насильственным путем: «пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного» [7, с. 390].

Разрушение древних «навыков», то есть традиций и обычаев, изображение их смешными и глупыми означало, что государь «унижал россиян в собственном их сердце». Карамзин считал, что государство «может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях». Русская одежда, пища и бороды не мешали заведению школ. Обычаи должны изменяться естественным образом, но «предписывать им уставы есть насилие незаконное и для монарха самодержавного <...>. В сем отношении государь по справедливости может действовать только примером, а не указом» [7, с. 388]. Петр же предпочитал действовать именно указами и государственным принуждением. Нововведения Петра привели к ослаблению семейных и родственных связей: «Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом, их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения. Чем более успевали мы в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные; имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия» [7, с. 389].

Карамзин обвинял Петра и в «бессмысленном» изменении политической системы и чиновничества в армии: «Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов –

коллегии, вместо дьяков – секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиновничестве: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честию и достоинством россиян сделалось подражание» [7, с. 389].

Резко отрицательно оценивает Карамзин и создание новой столицы на берегах Невы: «мысль утвердить там пребывание наших государей была, есть и будет *вредною*. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах» [7, с. 390–391].

Главное – Карамзин фактически обвинил Петра в роковом расколе народа на высший, «онемеченный» слой и низший, «простонародье»: «со времен Петровых высшие степени отделились от низших, и русский земледелец, мещанин, купец увидели немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний» [7, с. 388]. Уничтожение же Патриаршества привело к ослаблению веры [7, с. 390]. В.А. Китаев справедливо утверждает, что Карамзин «первым из русских консервативных мыслителей констатировал глубокий культурный разрыв между дворянством и остальной массой народа, шедший от Петра» [8, с. 15–16].

Таким образом, Карамзин одним из первых аргументированно и довольно развернуто поставил вопрос об отношении к Петровскому наследию именно в консервативном ключе. Он был отнюдь не одинок в своей критике. Отрицательно высказывался об отдельных аспектах петровского царствования и А.С. Шишков: «Он [Петр I – А.М.], вместе с полезными искусствами и науками, допустил войти мелочным подражаниям, поколебавшим коренные обычаи и нравы. Прочие цари не останавливали сего рождавшегося в нас пристрастия ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина <...> напоследок почувствовала сие и старалась обращать нас к отечественным доблестям; но то уже было поздно и требовало немалых и долговременных усилий» [цит. по: 9, с. 204–205]. В письме Шишкова к вдовствующей императрице Марии Федоровне от 25 мая 1816 года он двойственно оценивает наследие Петра: «Он ввел науки и просвещение, но не взяв осторожности не допустить вместе с ними войти духу уничтожения. Отселе есть у нас науки, но нет их корня; есть просвещение, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть нам самими нами: мы почитали себя как бы творением рук чуждых народов. Отселе начало нравственного нашего рабства, от которого мы, при всей силе и торжестве оружия, освободиться не можем; ибо от сего не силою оружия освобождаются, но духом честолюбия и народной гордости, тогда только рождающейся в душах наших, когда воспитывают нас собственные наши отцы, матери и наставники» [10, с. 146].

В неопубликованном трактате «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества» издатель журнала «Русский вестник» С.Н. Глинка писал о том, что, создав флот и новое войско, Петр «не дал России *жизни внутренней, самобытной* [курсив Глинки – А.М.], без которой весь внешний блеск и все вещественные силы рано или поздно падают и исчезают» [11, л. 6 об.]. Глинка утверждал, что, перенимая западноевропейские порядки, Петр I выбрал далеко не лучший образчик для подражания: «При Петре Первом Европа затеснялась мелкими происками ничтожной политики и час от часу более дряхлела в обветшалой жизни своей <...> Европейские народы воевали и разорялись сами не ведая, из чего и для чего» [11, л. 53]. При Петре I «Люди взрослые были младенцами на шутовских *ассамблеях* [здесь и далее курсив Глинки – А.М.] <...> Всё было маскарадом и быстрою перестановкою театральных декораций. Новая столица откликнулась не своими словами и все в ней очужеземилось <...> [Петр – А.М.] ни топором, ни дубиною не смог поселить в умах устава правды» [11, л. 57 об.]. Но самое главное, с точки зрения Глинки: «Петр неосторожною и заторопленною рукою двинул народ русский на крепостной быт; дотоле не существовавший». Глинка имел в виду указ

от 7 июля 1715 года, сделавший крестьян собственностью помещиков [11, л. 55]. Ранее Глинка стремился «примирить» Петра с допетровской Русью, выставляя его блюстителем традиции и православной веры.

По мнению выдающегося консервативного мыслителя и первого светского православного богослова А.С. Стурдзы, Петр начал цивилизовать Россию сверху, не заботясь о фундаменте: «Россия раньше увидела Академию наук, чем начальные школы, у нее флоты и дисциплинированные армии появились раньше, чем хотя бы один просвещенный гражданин или хотя бы один судья». Кроме того, Петр с презрением относился к «нравам и обычаям народа, часто столь достойным нашего восхищения». Наконец, самая гибельная ошибка Петра заключается в подчинении церкви: «он ослабил церковь, унизив ее служителей. Таким образом, разбив вазу, напрасно надеяться сохранить ценную жидкость, содержащуюся в ней». В итоге православие не смогло «содействовать изменению нравов, распространению идей, так как существовал разрыв между умом и сердцем нации, между старыми чувствами и новыми условиями существования» [цит. по: 12, с. 133]. Отсюда – все беды современной России.

Итак, еще иностранные авторы говорили о Петре I как о правителе, стремящемся сделать из русских европейцев, разрушителя русских традиций и национального самосознания, насадителя внутренней русофобии и нетворческого подражательства Западу, чья власть привела к засилью иностранцев в России. Жозеф де Местр даже пророчествовал, что русским потребуется революция, чтобы избавиться от подобного «наследия». Творцом большей части критических аргументов против деятельности Петра среди русских консерваторов того периода был Карамзин. Он придавал особое значение разрушению Петром «духа народного», то есть традиций, на которые опиралась государственная жизнь. При этом Карамзин особо подчеркивал насильственный, аморальный, непомерно затратный и космополитический характер безбрежной петровской европеизации. Им была высказана важнейшая в консервативном дискурсе идея, что заимствование необходимых для русских зарубежных новшеств может осуществляться без изменения национальных традиций и обычаев. Самое главное, Карамзин подчеркивал, что петровские новации привели к социокультурному расколу народа, когда верхний слой во многом утратил русские черты, «онемечился». С точки зрения С.Н. Глинки, наиболее отвратительные формы крепостного права, сделавшие крестьян собственностью помещиков, введенные Петром, были, по сути дела, следствием его западных преобразований и именно поэтому подлежали упразднению. А.С. Стурдза задолго до славянофилов вменял в вину Петру резкое ослабление Церкви.

Следует отметить, что вся антипетровская аргументация консерваторов первой четверти XIX века не предназначалась для широкой публики. Как правило, она содержалась либо в переписке, либо в неопубликованных произведениях, либо в позднейших мемуарных свидетельствах.

Таким образом, уже ранние русские консерваторы разработали ту систему «антипетровских» аргументов, которую практически целиком использовали и развили славянофилы и последующие поколения русских консерваторов. При этом консервативная критика приобретала всё более радикальный характер, достигнув апогея в XX веке, среди представителей «второй волны» русской эмиграции (И.Л. Солоневич, Б.П. Башилов и др.).

Литература

1. Руссо Ж.-Ж. Тракаты. М., 1969.
2. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
3. Местр Ж. де Петербургские письма // Звезда. 1994. № 12.
4. Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995.

5. *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997.
6. *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II / Н.М. Карамзин // О древней и новой России: Избр. проза и публицистика. М., 2002.
7. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // О древней и новой России: Избр. проза и публицистика. М., 2002.
8. *Китаев В.А.* Век XIX: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008.
9. *Щебальский П. А.С.* Шишков, его союзники и противники // Русский Вестник. 1870. Т. 90. № 11–12. pag. 1.
10. [*Шишков А.С.*] Бумаги из архива А.С. Шишкова. 1816–1824 // Русская старина. 1870. Т. 1. Январь.
11. ОР РНБ Ф. 191: Глинка С.Н. Ед. хр. 18: Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества (Гл. 1–12). 1 января 1844.
12. *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.

Аннотация. Статья посвящена критике русскими консерваторами первой четверти XIX века деятельности Петра I. В их представлении Петр I был западником, разрушителем национальных традиций и национального самосознания. Его реформы привели к эпохе подражательства и иностранного влияния в России. Последствиями его реформ были резкое ослабление авторитета Православной Церкви и социокультурный раскол русского народа.

Ключевые слова: русский консерватизм, русские консерваторы первой четверти XIX века, консервативная критика деятельности Петра I.

Arkady Yu. Minakov, Doctor in History, Professor, Voronezh State University. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

The State Activity of Peter I in the Assessments of Russian Conservatives in the First Quarter of the 19th Century

Abstract. The article is devoted to the criticism of the state activity of Peter I by the Russian conservatives in the first quarter of the 19th century. According to them, Peter I was a Westerner, a destroyer of national traditions and national identity. His reforms led to the era of imitation and foreign influence in Russia. The consequences of his reforms were the drastic weakening of the authority of the Orthodox Church and the socio-cultural split of the Russian people.

Keywords: Russian Conservatism, Russian Conservatives of the First Quarter of the 19th Century, Conservative Criticism of the State Activity of Peter I.

Критика деятельности Петра I в творчестве отечественных консерваторов

В XVIII веке петровские реформы произвели на русское просвещенное общество влияние поистине ошеломляющее. М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин и некоторые другие даже сравнивали Петра с Богом. Однако уже в конце того же столетия наряду с явно апологетическими оценками реформ Петра появляется и серьезная критика его деятельности. И хотя, например, по мнению В.О. Ключевского, Петр I «близко подошел к идее правового государства», далеко не все были с этим согласны. «В петровских реформах увидели нечто, подобное революции, – указывает А.Я. Кожурин, – а самого царя уже в XIX веке стали уподоблять якобинцам» [11, с. 21].

С критикой петровских реформ выступил и один из самых образованных людей своего времени, князь М.М. Щербатов. Его главные замечания обращены не к личности Петра, не к его реформам, а к методам их проведения. Положительно оценивая его способствующую развитию России деятельность, он резко осуждает Петра I за разрушение гармонии «закона» с «обычаями и нравами». При этом «закон» он полагает началом, с помощью которого возможно регламентировать как государство, так и общество. «Обычай и нравы», по его мнению, представляют собой самобытные основы народной жизни. Постоянно называя Петра Великим, он, пишет В.Я. Гросул, считает «его ответственным за разрушение русского общества» [6, с. 28].

При этом М.М. Щербатов убежден: устанавливаемые государем законы могут эффективно действовать лишь в случае их соответствия народным нравам и обычаям. Иначе действие законов будет ограничено или они вообще не смогут быть реализованы. Ибо неподготовленная почва не даст взойти даже хорошим семенам. И несмотря на то, что «Петр, несомненно, был прав и желал блага стране, но он действовал как «неискусный садовник», не столько созидая, сколько разрушая», – определяет отношение Щербатова к петровским реформам А.Ф. Замалеев [7, с. 129]. Чрезмерно поспешная законодательная деятельность Петра I породила неминуемое столкновение «закона» с «нравами и обычаями», что так или иначе разрушало общественную стабильность, вело к противостоянию различных социальных слоев и групп.

Но, критикуя петровские преобразования, М.М. Щербатов отнюдь не идеализирует допетровскую старину. Для него старина «не более чем метафора. Содержанием этого понятия является не “предыдущее”, а “лучшее”, не “прошлое”, а “совершенное”, – замечает Т.В. Артемьева. – Временное обозначение здесь абсолютно условно» [4, с. 44]. Таким образом, наш консервативный мыслитель трактует старину как конкретное состояние общества, возможное и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, то есть всегда, когда «законы» органично и гармонично взаимодействуют с «нравами и обычаями».

Пушкин Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. E-mail: spushkin1949@mail.ru

Весьма активно критикует Петра I и Н.М. Карамзин. Сравнивая его с Иваном III, он значительно лучше относится к Ивану, который, в отличие от Петра, «включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев о перемене нравственного характера подданных» [8, с. 540]. В результате Россия сохранила и величие, и независимость. Петр же, ориентируясь на более тесное сближение России с Европой, не только заимствовал чужие обычаи, но и заменил многое из своего на иностранное. «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» [9, с. 484], – констатирует автор «Истории государства Российского».

Предприняв в конце XVIII века путешествие в Европу, он, очарованный ею, в начале следующего столетия начинает издавать журнал «Вестник Европы», девиз которого «Россия есть Европа». Однако изучение европейской истории подвигает его к еще более активному исследованию истории России. Беспокойство, тревога за ее судьбу вынуждают Н.М. Карамзина приостановить работу над «Историей государства Российского» и написать меморандум «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении». В нем он обращается с вопросом, адресованным в первую очередь к Александру I: «Если История справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, – вопрошает он, – то оно в наше время не будет ли еще страшнее?» [9, с. 502].

Вместе с тем в известном смысле одобряя деятельность Петра I, «образовавшего» Россию, поднявшего уровень ее развития до «европейской отметки», Н.М. Карамзин убежден, что нельзя стать европейцем, не став русским. Однако, утверждая, что «время Екатерины было счастливейшее для гражданина Российского», он убежден, что и ее блистательное царствование испытало последствия разрушительной деятельности Петра, среди которых мыслитель особо выделяет забвение русским дворянством русского языка и передачу их детского воспитания иностранцам.

Ранних славянофилов также привлекала личность Петра I, его влияние на Россию. По утверждению, например, Ю.Ф. Самарина, до Петра Россия, представляя собой страну национальную, не знала, да и знать не хотела своих соседей, настроенных по отношению к ней настороженно и враждебно, так как они усматривали в ней способного в будущем их превзойти соперника. С начала же XV века, когда «материальное существование ее было обеспечено... ей пришлось отстаивать свою духовную независимость, обороняясь от антинациональной цивилизации, которую навязал нам Запад» [20, с. 448]. Даже наиболее радикально настроенный К.С. Аксаков объяснял, что в отличие от петровской России, Древняя Русь могла заимствовать многие плоды не только европейской, но и других цивилизаций, усваивая их самостоятельно, без подобострастной подражательности.

Заявляя, что Россия никогда не жила в полной изоляции, так как многое приобретала у иностранцев и до Петра, славянофилы утверждают, что тогда ее интересовали преимущественно общечеловеческие ценности. Именно это позволяет России сохранять самостоятельность, а русским оставаться русскими. Петр же, с их точки зрения, совершенно напрасно столь широко раскрыл наши национальные двери перед Европой, ибо в результате «Запад вместе с общечеловеческим принес к нам свои не общечеловеческие, а частные, национальные явления... свое национальное выдал он нам за общечеловеческое» [2, с. 405].

Россия неизбежно была вынуждена вступать в различного рода контакты с Европой. И естественно, что происходящие там процессы и явления оказывали на нее значительное воздействие. Не избежал этого и Петр I, существенно изменивший при помощи революционных средств ход русской жизни, во многом ориентируясь при этом на чуждые России европейские образцы. Потому-то «переворот, совершенный Петром, – утверждает

И.В. Киреевский, – был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности; не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением» [10, с. 103]. Таким образом, в известной мере признавая историческую неизбежность петровских преобразований, славянофилы относились к ним достаточно сложно.

Все они так или иначе идеализировали допетровскую Россию. Хотя при этом особенно выделяется К.С. Аксаков, утверждавший, что только введение Петром I насилия в русскую жизнь породило у нас сословно-классовые антагонизмы, ранее якобы совершенно отсутствующие. Поэтому, например, до Петра в России не было крепостного состояния, ибо только он, отобрав землю у народа и передав ее помещикам, закрепостил крестьянина. Исходя из этого, Аксаков приходит к выводу, что «крепостной до Петра и крепостной после Петра не имеют между собою никакого сходства, сходство лишь в словах, в букве» [1, с. 516]. Петр I, по его мнению, прервал органический путь развития нашей национальной жизни.

И лишь Ю.Ф. Самарин и И.В. Киреевский не только в целом достаточно позитивно относились к реформам Петра, но и заявляли, хотя и с оговорками, о их своевременности и подготовленности предшествующей историей России. «Такая позиция, – справедливо подмечает А.Н. Цамутали, – существенно отличает исторические взгляды Самарина от воззрений его единомышленников-славянофилов, не желавших признать закономерность преобразований начала XVIII в., считавших их противоречащими естественному развитию русского исторического процесса» [24, с. 73]. По заявлениям же И.В. Киреевского, европейское влияние начинает ощущаться в России еще при Алексее Михайловиче, что и подготовило эффективность петровских преобразований.

Вполне согласный с тем, что Петр I много сделал для возвеличивания России, К.С. Аксаков полагает, что он осуществил это не благодаря, а вопреки естественному ходу ее исторического развития. Петровская Россия победила силами России допетровской. «Россия держится долго потому, что еще не исчезла ее внутренняя долговечная сила, постоянно оскорбляемая и уничтожаемая, – пишет мыслитель, – потому, что еще не исчезла в ней до-Петровская Россия» [18, с. 89]. Однако ее внутренние силы не могут до бесконечности примирять ту вражду, преодолевать те разрушения, которые неизбежно появляются в результате петровских преобразований. «Государство в лице Петра» бесцеремонно вторгается в народный быт, разрушая русские обычаи, нравы, порядки. Петр I фактически разделил Россию на преобразованные им в западном духе, заговорившие по-иностранному «верхние классы» и сохранивший свои самобытные корни народ.

К.С. Аксаков противопоставляет народ публике, под которой он понимает апологетов любых европейских новшеств. В его понимании публика неизбежно связана со всеми негативными явлениями нашей истории и быта. В известной мере она способствует даже отделению государственной власти от жизни народной. Это сугубо западное явление, образовавшееся в результате отказа части народа от русской жизни. Поддерживающая постоянную связь с Европой публика во всем преклоняется перед ней. И хотя она «является над народом, как будто его привилегированное выражение, в самом же деле публика есть искажение идеи народа» [18, с. 121], – убежден Аксаков. В отличие от народа, способного самостоятельно усваивая чужое, делать его своим, публика даже свое обращает в чужое.

Славянофилы убеждают: для того чтобы вновь стать русскими необходимо освободиться от влияния Европы. В этой связи К.С. Аксаков уверен, что сделать это совсем не просто, ибо она прочно обосновалась в России, «если не перерождая, то искажая Русских людей, увлекая их за собою, делая их жалкими себе и своей лжи подражателями, отрывая их от самобытности, от их родных, святых начал» [1, с. 21]. Так или иначе, но все славянофилы были уверены в том, что ложная и опасная привычка подражания Европе разрушает

перспективы особого пути исторического развития России, подрывает идею о ее великом всемирном предназначении.

Однако в то же время они прекрасно осознавали, что путь, который должна пройти Россия, – это не возврат к допетровской старине, а путь допетровской Руси. Обращение же к конкретным формам прежней жизни вполне могло разрушить жизнь настоящую. В этом случае «перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее, – пишет И.В. Киреевский, – было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина» [10, с. 221]. Славянофилы убеждены, что до Петра в России господствует страх перед всем чужеземным, идеи национального изоляционизма получили широкое распространение. Петровские же преобразования, напротив, порождают противоположную крайность – в России стали отворачиваться от собственных национальных основ и традиций.

В поисках конструктивного решения данной проблемы славянофилы обращают внимание на ту цельность бытия, гармонию общественных взаимоотношений различных сословий, которая, как они полагали, была характерна для допетровской России. Основываясь на ней, они предпринимают попытки осознания необходимости национальной жизни, обогащенной полезными заимствованиями извне. Однако славянофилов совершенно не устраивает, что Петр I, вводя «все формы Запада, все даже самые неразумные... искажал многое, чего не должен был касаться... Он хотел потрясти вековой сон, он хотел пробудить спящую русскую мысль посредством болезненного потрясения» [23, с. 180–181]. Являясь противниками национальной ограниченности, славянофилы в качестве одного из главных недостатков деятельности Петра усматривают то, что он заимствует от иностранцев не только полезные общечеловеческие ценности, но и чуждое национальное.

По мнению К.Н. Леонтьева, отстающая от Европы Россия вступает в период расцвета во многом благодаря реформам Петра I, в результате которых и создается могучее монархическое государство, способное обеспечить развитие отечественной цивилизации. «Нашу эпоху Возрождения, наш XV век, начало нашего более сложного и органического цветения, наше, так сказать, единство в многообразии, – утверждает мыслитель, – надо искать в XVII веке, во времена Петра I или, по крайней мере, первые проблески при жизни его отца» [13, с. 116]. Неудивительно, что он высоко оценивает деятельность Петра, видя в нем в первую очередь мудрого государственного деятеля, основателя Российской империи.

В это время Россия так крепка, оригинальна и сложна, что вполне может впитывать в себя многие европейские ценности, не опасаясь расшатать собственные основы. А поэтому К.Н. Леонтьев совсем не против европеизации России, он даже рад тому, что «у нас при Петре принялось многое цивилизующее, до того по-своему переработанное Европой» [13, с. 119]. Однако если Петр I мог создавать, то Николай I был уже вынужден защищать ради сохранения всего того, что «было резко дифференцировано историческим процессом».

В дальнейшем его не может не беспокоить, что Россия все более напоминает разрушающуюся Европу. «Увы! – восклицает он, – до Петра I мы были слишком похожи на Византию, с Александра II-го мы становимся слишком похожи на Европу (не на Францию, не на Англию или Германию, а именно на Европу), на какую-то среднепропорциональную Европу» [12, с. 448]. Это, по Леонтьеву, не могло не поколебать византийские основы России. А для него всякое посягательство на византизм чревато самыми тяжелыми последствиями, ибо именно он, сплотив «в одно тело полудикую Русь», определяет не только ее прошлое, но и будущее. К.Н. Леонтьев постоянно говорит, что именно в византизме, который «на веки для нас обязателен», следует искать славу, могущество и долголетие России.

В отличие от большинства русских философов, усматривавших в византизме наш национальный «роковой жребий», «корень русского застоя», он утверждает, что идеи византизма укрепляют Россию. «Употребляя слово «византизм», – пишет К.Н. Леонтьев, – я только пытался указать на религиозно-культурные корни нашей силы и нашего национального дыхания» [14, с. 345]. Он принципиально против того, чтобы византизм, который для него прежде всего «совокупность принудительных начал» в русском обществе, был подвергнут буржуазному влиянию, а следовательно, и разложению. В этой связи, отмечают А.И. Новиков и Т.С. Григорьева, его, конечно, не могло не волновать, что Россия «уже со времен Петра I ощущает на себе благородное византийское влияние лишь в ассимилированном европейской традицией виде» [17, с. 307].

К.Н. Леонтьев полагает, что буржуазная европейская цивилизация особенно активно проникает в Россию после 1861 года. Именно в это время петровская (петербургская) Россия стремится разрушить наши византийские основы. «Петербургская Россия, – внушает Леонтьев, – продолжает с успехом уничтожать везде, где может, исподволь и даже бессознательно, остатки своеобразной Московской России, подкапываясь тихонько подо все, что составляет тысячелетние основы нашего быта» [15, с. 199]. Поэтому он и не скрывает радости от того, что Петербургская Россия достаточно быстро разлагается «по последним европейским образцам».

В данной ситуации он видит лишь один выход – ни в коем случае не подражать Европе. Его страшили призывы повторить прогрессивный путь европейской буржуазной цивилизации, порождающей не духовные, а материальные ценности. Многие ее мирные изобретения вреднее, по его мнению, изобретений самой разрушительной боевой техники, ибо убивают не отдельных людей, а «всю живую органическую жизнь на земле». Явно предчувствуя надвигающиеся экологические катастрофы, он резко выступает против всякого «физико-химического разврата», прикладных изобретений, направленных на подчинение сил природы. Не случайно, сожалеет мыслитель, стали вырубаться леса, мелеть реки. «Эмансипированный русский человек», покоров и подчинив себе свою родную природу, «изуродовал ее быстрее всякого европейца».

К.Н. Леонтьев, много размышляя над тем как спасти Россию от «иноземной заразы», пытается решить важнейший для себя вопрос – «как же при мирном прогрессе без падения и разгрома слишком старых цивилизаций остановить бешенство бесплодных сообщений, которое овладело европейцами; как утишить это воспалительное, горячее кровообращение дорог, телеграфов, пароходов, агрономических завоеваний, утилитарных путешествий и т.п.?» [14, с. 35]. В этой связи он призывает максимально способствовать усилению прогресса буржуазной цивилизации, для того чтобы ее болезнь скорее закончилась смертью. Отсюда и призывы мыслителя, что надо «подморозить» Россию, приостановить процесс ее гниения, разложения. Для того чтобы как можно дольше сохранить самобытную Россию, надо «учиться делать реакцию». Только в этом случае Россия, по его словам, не будет заражена окончательно.

Неудивительно, что взгляды К.Н. Леонтьева получили активное развитие в творчестве евразийских мыслителей. Они так же убеждены, что петровские реформы разрушили органические связи русского народа. Хотя для евразийцев петербургский период нашей истории не столько продолжение, сколько отрицание ее московского периода. Характеризуя важнейшие особенности петровских преобразований, Г.В. Флоровский вспоминает слова Герцена о том, что Петр I стремится «сразу перевести Россию из второго месяца беременности в девятый». Ибо он занимается не кропотливым формированием ее самобытности и могущества, а сразу попытается придать ей величие, «сверху перестроивши все наличные отношения по отвлеченному образцу, составленному по аналогии с чужеземными формами жизни» [22, с. 266], – пишет Флоровский.

Повествуя о дальнейших перспективах петровских реформ для России, он вспоминает В.О. Ключевского, образно сравнивающего ее с птицей, поднятой высоко вверх не силой крыльев, а вихрем, что неизбежно грозит ей падением и смертью. Для евразийцев бесспорно, что большинство наших последующих несчастий и трагедий во многом обусловлено тем, что петербургская Россия не родилась естественно, а была искусственно и насильственно создана Петром I.

Заявляя, что привлечение европейских технических достижений (прежде всего военных) для России насущно необходимо, евразийские мыслители в то же время весьма резко критиковали многие петровские заимствования. Они становятся самоцелью, Россия серьезно заражается европейским духом. Сила и мощь ее внешнего могущества, по словам евразийцев, куплены за счет культурного и духовного порабощения. Петр I «наносил русскому национальному чувству самые тяжелые оскорбления и разрушал, – утверждает Н.С. Трубецкой, – все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России» [21, с. 242]. И даже многие иностранные порабощения не разрушили бы национальные духовные основы России так, как петровские реформы.

Именно после их осуществления Россия вступает в эпоху, определяемую евразийцами европейским или романо-германским игом, по срокам сравнимым с монголо-татарским, но по тяжести последствий значительно его превосходящим. Евразийцы полагают, что в процессе осуществления петровских преобразований в России все исконно русское многими начинает восприниматься как варварское. Стремление насильственно превратить русских в европейцев определяло и амбиции многих Российских самодержцев. В правительственный аппарат, командный состав все более активно начинают привлекаться европейцы.

Критика европейцев, активно участвовавших в перестройке России по своим образцам, значительно усиливается при оценке деятельности их русских эпигонов. Последние воспринимались нашими мыслителями главным образом как беспринципные и тщеславные оппортунисты, стремящиеся к наживе и обогащению карьеристы. Для евразийцев «птенцы гнезда Петрова» – это, как правило, «отъявленные мошенники и проходимцы». У Петра I не оказалось сколько-нибудь достойных преемников, в его окружении не было, да и не могло быть действительно порядочных людей.

Его антинациональная деятельность сформировала «тип людей, враждебных подлинной национальной стихии, и глубоко развратила высшие слои общества, – возмущается Н.С. Трубецкой, – перемена курса была фактически невозможна: в новом режиме было заинтересованно уже слишком много людей» [21, с. 243]. И не только в XVIII веке, но и в XIX – начале XX века этим людям, по утверждениям евразийцев, присуще преимущественно поверхностное обезьянничание, порожденное страстным желанием «полной европеизации всех сторон русской жизни».

И тем не менее европеизация оказала серьезное влияние только на весьма незначительную часть населения России. Большинство же и после петровских реформ в главном и существенном по-прежнему сохраняло и старое мироощущение, и старое миропонимание. В результате произошло размежевание, которого ранее в России никогда не было. «Верхи» – высшие классы – относились к русскому народу как к материалу, пригодному лишь для создания европейской державы. «Низы» – народные массы – жили самобытной жизнью, «питающейся единственно силами русской национальной души». По мере дальнейшего продвижения европеизации пропасть между «верхами» и «низами» увеличивается. Это, полагают евразийские мыслители, порождало различного рода «формы грубой ненависти» к господам и барам со стороны народа даже в случаях отсутствия каких-либо очевидных «эмпирических причин для отчуждения».

Религиозно-духовные идеалы сохранились преимущественно среди простого народа, оставшегося верным отечественным святыням. И в их ряду одно из важнейших мест,

конечно, занимало русское православие. Однако евразийцы не могут не констатировать: православная церковь в России превращена в «ведомство православного исповедания». А это неизбежно ведет к искажению «культурно-религиозной перспективы», к утрате «живого ощущения святости и самодовлеющей значимости». Церковь начинает уделять все большее внимание устройению земного благополучия и благоденствия, то есть материальным, а не духовным ценностям. Петр I превращает ее в «полицейское орудие государственной власти».

«Словом, делалось систематически все, чтобы не только оказывать и обездушить церковь, но и сделать ее непопулярной, – выражает общеевразийскую точку зрения Н.С. Трубецкой. – Это было самое злостное преследование церкви, тем более злостное, что с виду оно прикрывалось лицемерным высочайше утвержденным ханжеством» [21, с. 249]. Происходит ее мумификация. Удушаемая «православным» правительством церковь утрачивает присущий ей ранее живой дух, питающий «средоточные начала» русской жизни. Хотя правительство всячески демонстрирует свою поддержку церкви, евразийцев возмущает, что те его представители, которые не желали одобрять порабощения церкви государством, «систематически устранялись».

Являясь фактором формирования национального сознания, голос церкви не мог быть, по их утверждениям, одобрен антинациональной императорской властью. Более того, эта власть была, по убеждению евразийцев, не только чужда, но и враждебна «духу подлинно религиозной государственности». «Игнорирование живой индивидуальности русской нации, взгляд на нее только как на материал для создания великой европейской державы вели к требованию полного безгласия этой индивидуальности» [21, с. 248], – разъясняли они. Для них несомненно, что Российская империя стремилась лишить Русскую православную церковь самостоятельного голоса.

И если кто-нибудь из духовенства или епископата пытался проявить малейшую инициативу даже в таком, казалось бы, сугубо церковном вопросе как восстановление патриаршества, это сразу же пресекалось. Но безгласная церковь не могла активно участвовать в формировании национального самосознания, что явно усложняло дальнейшее развитие России. Не могла противостоять этим деструктивным разрушительным тенденциям и самодержавная монархическая власть – единственное, по утверждениям наших мыслителей, звено, соединяющее допетровскую и послепетровскую Россию.

Однако после реформ Петра, придавших абсолютизму европейский лоск и вместе с тем нанесших русскому самодержавному принципу мощный идейный удар, монархия все более отчуждается от подлинно русского человека. Она вступает в свою завершающую эпоху. «Чем ближе к концу XIX века, тем яснее становится, что “русский наш орел двуглавый” может шуметь только “минувшей славой”, – с сожалением констатирует Н.Н. Алексеев. – Мечты о “грядущей” славе разбиваются о внешние неудачи и промахи внутренней политики и растущее в государстве революционное брожение» [3, с. 287]. Падению монархии, по его мнению, не воспрепятствовали и революционные попытки ее демократизации в 1905 году. Превращение изживающей себя монархии из абсолютистской в конституционную не придало ей сколько-нибудь большей привлекательности. Народ не только легко и просто расстался с ней в 1917 году, но и разрушил «все ее социальные и идейные предпосылки».

Таким образом, очень многие в России были недовольны петровскими реформами, проводившимися в жизнь жестко, а порой и откровенно жестоко. Оппозиционные политические силы и процессы все более трудно поддавались контролю. Раскол нации был неизбежен. «В сущности, “петербургская” Россия была обречена – вот тезис евразийцев, – формулирует один из их фундаментальных выводов немецкий исследователь Л. Люкс. – Эти авторы почти не упоминают о попытках преодолеть внутренние противоречия мирным

эволюционным путем» [16, с. 109]. Они убеждены, что русская революция как «суд над послепетровской Россией» неизбежна. Рассматривая революцию в первую очередь как русскую и по происхождению, и по смыслу, и по содержанию, евразийцы заявляют, что именно она открывает правду о России.

По их мнению, русская революция разрушила не Россию, а ненавистный им петербургский период ее истории. Поэтому для них революция – бесспорное благо. Ведь в ней, размышляет Г.В. Флоровский, «потерпел крушение замысел обосновать русское могущество на воле и темпераменте “избранного” меньшинства – помимо органического роста народного уклада. Разбилась утопия – вести народ к целям надуманным» [22, с. 278]. Евразийцев возмущает зрелище этого «двуединого народа», в котором деструктивным началом были «петербургские верхи», разорвавшие связи с национальными основами, но в полной мере не приобщившиеся и к европейским традициям. Даже критики в эмигрантской среде отмечали, что евразийцы одни из первых заявили: нельзя игнорировать революционные преобразования в России.

Евразийские мыслители постоянно напоминают о том, что многие годы революция в России была тем идеалом, в котором воплощалась любовь ко всем униженным, оскорбленным и обездоленным. Усматривалась в ней ими и «готовность жертвенного заклания на алтарь всеобщего счастья». И хотя после 1917 года отношение к этим идеям у многих претерпело существенное изменение, евразийцы убеждены, что нельзя ни бояться слова «революция», ни пугать этим словом. А поэтому евразийство «есть попытка творческого реагирования русского национального сознания на факт русской революции» [19, с. 369]. Революция не катастрофа, не апокалипсис, а завершение заложенной Петром I петербургской России, ее саморазложение, суд над ней.

Россию от Петра до Николая евразийцы именовали страной, попавшей под жесткое европейское влияние. И в этом смысле они, конечно, не могли не приветствовать русскую революцию. Только после нее Россия обретает возможности самобытного развития, «но уже в новом виде – в виде СССР, – пишет Н.С.Трубецкой. – Большевизм есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига» [21, с. 161]. Даже у многих близких к евразийцам по духу и взглядам идеологов подобное отношение к большевикам вызывало и непонимание, и недовольство. Евразийство нередко стали определять как своеобразный синтез славянофильства и большевизма.

В итоге именно большевизм, по определению евразийских идеологов, должен подготовить почву для евразийства. «Евразийство, разумеется, не апология существовавшего в России режима, – пишет уже покинувший евразийское движение П.Н. Бицилли. – Евразийцы, напротив, призывают к замене его режимом, который, по их представлениям, являлся бы полной антитезой настоящего; но... антитеза оказывается прямым продолжением “тезы”» [5, с. 340]. Неудивительно, что они объявляли себя и противниками большевиков, и последователями, продолжателями их дела. Они и резко выступали против большевиков, и активно поддерживали их.

Литература

1. Аксаков К.С. Сочинения исторические / К.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. 641 с.
2. Аксаков К.С. Сочинения филологические / К.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Универ. тип., 1875. 673 с.
3. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
4. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб., 1994.
5. Бицилли П.Н. Два лика евразийства // Мир России – Евразия: Антология. М.: Высш. шк., 1995. С. 335–349.

6. *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
7. *Замалеев А.Ф.* Лекции по истории русской философии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 338 с.
8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 2. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1989. 560 с.
9. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // История государства Российского. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1990. Кн. 4. С. 472–530.
10. *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Путь, 1911. 305 с.
11. *Кожурин А.Я.* Феномен русского консерватизма // Консерватизм: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2016. С. 18–64.
12. *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба: Автобиография // Литературное наследство. М., 1935. № 22–24. С. 427–496.
13. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. Т. 5. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. 470 с.
14. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. Т.6. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. 359 с.
15. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. Т. 7. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. 566 с.
16. *Люкс Л.* Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.
17. *Новиков А.И., Григорьева Т.С.* Консервативная утопия Константина Леонтьева // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 297–308.
18. Ранние славянофилы: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. 271 с.
19. *Савицкий П.Н.* Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 369–388.
20. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Письма. Т. 12. Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1911. 489 с.
21. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 800 с.
22. *Флоровский Г.В.* О патриотизме праведном и греховном // На путях: Утверждение евразийцев. Кн. 2. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 230–293.
23. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1911. 412 с.
24. *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии. Л.: Наука, 1977. 256 с.

Аннотация. В статье анализируется отношение М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, К.Н. Леонтьева, славянофилов и евразийцев к реформаторской деятельности Петра I. Единодушные в том, что он неблагоприятно изменил ход русской жизни, ориентируясь на чуждые России европейские образцы, консервативные мыслители более положительно относятся к государственному строительству основателя Российской империи.

Ключевые слова: консерваторы, Петр I, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, славянофилы, К.Н. Леонтьев, евразийцы.

Sergei N. Pushkin, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy and Theology Department, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. E-mail: spushkin1949@mail.ru

Criticism of Peter I Activity in the Works of Russian Conservatives

Abstract. In the article the author analyzes the attitude of M.M. Shcherbatov, N.M. Karamzin, K.N. Leontiev, Slavophiles and Eurasians to the reformatory activities of Peter I. Unanimous in their negative attitude to the fact that he unfavorably changed the course of Russian life, focusing on European models alien to Russia, the conservative thinkers were more positive about the state-building reforms of the founder of the Russian Empire.

Keywords: Conservatives, Peter I, M.M. Shcherbatov, N.M. Karamzin, Slavophiles, K.N. Leontiev, Eurasians.

Образ Петра Великого в контексте метафизики прогресса – взгляд русской консервативной публицистики

Юбилейный год показал устойчивость восприятия Петра I как реформатора и вдохновителя прогресса в России, на что не повлияли ни катаклизмы последнего времени, ни смена идеологической парадигмы. Определелись канонические черты образа, неподвластные никаким новейшим трендам [1]. Но во второй половине XIX века вопрос об исторической роли Петра в России стоял иначе. Было много споров, которые стали особенно острыми в пореформенную эпоху, что объяснялось, с одной стороны, открывшимися возможностями обнародования исторических фактов в связи с гласностью и либерализацией печати, а с другой – осознанием завершенности эпохи, тесно связанной с заветами Петра Великого, и необходимостью найти для России новый путь, на котором было бы возможно примирить противоречия прошедшего времени. Заявления об этом встречаются почти у всех публицистов той поры.

Особый исторический интерес для анализа имеют взгляды русских консерваторов, тому есть несколько причин: прежде всего, несмотря на проявившийся в последние два десятилетия интерес к консерваторам, они до конца не изучены как в целом, то есть как некое более-менее цельное общественное движение, так и персонально, с учетом специфики политических взглядов и идеологических предпочтений каждого представителя данного течения. Объективное изучение консервативной российской идеологии, как правило, выражавшейся в публицистике, было невозможно в советскую пору из-за идейного неприятия консерваторов как противников революционного движения в дореволюционный период, так и открытых врагов советского строя в послереволюционный период. Немаловажной причиной была и невозможность работать с текстами, книгами, выступлениями литераторов консервативного толка, которые были запрещены к широкому доступу, заключены в спецхраны, не переиздавались, были приравнены к контрреволюционной пропаганде и запрещены к ввозу из-за границы. Восстановить позицию консервативных публицистов по вырванным из контекста цитатам из полемических статей их противников было трудно и почти невозможно без прегрешений против истины и объективности.

Кроме того, консервативное движение не было оформлено организационно и политически из-за запрета на политические партии в дореволюционной России и небольшого временного отрезка между двумя революциями 1905 и 1917 годов, когда царским Манифестом 1905 года была дарована свобода совести, слова и собраний. Этот краткий период не дал оформиться консервативному движению, выработать политические документы, получившие бы общее согласие и одобрение.

Многие авторы считают первым консерватором, заложившим основные черты образа Петра I, Н.М. Карамзина. О нем много написано. Его взгляды и творчество достаточ-

Щербакова Галина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Журналистика» Гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета. E-mail: sherbakova-galin@yandex.ru

но подробно изучены. О специфике его взгляда на монархию, исторические традиции и мнениях о роли Петра также написано немало. Нам кажется, что тоньше и глубже других Карамзина понял Ю.М. Лотман, помимо прочего написавший и об эволюции взглядов Карамзина на первого русского императора [12]. Петр представлен у Карамзина более как государственный деятель, преобразователь и реформатор, нежели как личность, что обусловлено особенностью взгляда писателя на историю, отразившейся в названии его основного труда: «История государства Российского». Именно государственная роль и значение великого реформатора вызывали наибольший интерес писателя [5, с. 35]. Он был сентименталистом и прославлял в художественном творчестве быт, нравы и чувства простых людей, но в личностях, имевших абсолютное значение для страны, особенно личностях самодержцев, его интересовал их образ мыслей, действий, поведения, влиявших на судьбы страны и миллионов людей.

Ю.М. Лотман обратил внимание, что у Карамзина человек как личность и человек как гражданин государства не идентичны. Если, по словам Лотмана, писатель склонен был признавать необходимость некоторого подчинения человека государству в некоторые исторические моменты, то личную независимость и наличие собственной системы ценностей он готов был отстаивать несмотря ни на что как знак своей высшей сущности и изначально дарованного права выбора и вытекающей из этого ответственности перед Творцом [12, с. 317]. «Внутренняя независимость и оригинальность личности были для Карамзина ее мерилom и органически связывались со служением прогрессу» [12, с. 26].

Для Карамзина идея прогресса как продукта развития самого человека и общества была естественной, органичной и несомненной. Он был убежден в потребности человека и человечества в развитии, которые отвечали его сущности и проявлялись через развитие наук и просвещения, культуры и искусства, то есть в постоянном облагораживании человеческой природы. В этом заключался исторический оптимизм Карамзина. Идея прогресса у него базировалась на идее человека как личности, несущей в себе божественное начало и стремящейся приблизиться к своему Создателю. Но в образе Монарха частное и индивидуально человеческое отступает под влиянием долга и провиденциального предназначения, поэтому образ Петра у Карамзина написан на фоне таких масштабных проблем, как прошлое и будущее страны, Россия и Европа, шествие цивилизации и отечественные традиции и т.д. [5, с. 37]. Детали биографии, занимательные и трагические подробности судьбы Петра Карамзин не считал достойными для включения в общую характеристику его деятельности как несоответствующие своей основной задаче: это записки о России, а Петр хотя и ее властитель, но он ее сын, ее дитя и продукт. Ее властитель на время, а подданный – навсегда.

По мнению Е.Б. Мирзоева, «особенности российской государственности у Карамзина связаны не с представлением об особом историческом пути или самобытности русской культуры в противовес Западу, а с идеей многообразия исторических судеб и политических традиций, развивающихся, однако, по общему пути просвещения и нравственного совершенствования. В целом консерватор признавал общность исторического развития России и стран Европы, исходил из просветительских в своей основе идей, подкрепляя их исторической аргументацией. Поэтому он указывал на обоснованность в целом реформ Петра I (за исключением его попыток изменить быт и нравы), которые, оставаясь в рамках старой государственной системы, двигали Россию по общему для всех народов пути политического и нравственного прогресса» [15, с. 163]. При сходстве общего вектора исторического пути европейских стран Карамзин отмечал и особенности исторического пути России, лежащей между Азией и Европой: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою

для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись Правительствами; возникали университеты для вышних наук; разум приучался к созерцанию, к правильности мыслей; нравы смягчались... В сие же время Россия, терзаемая Монголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!» [6, с. 217].

Определяя алгоритмы взаимоотношений личности и государства на основе примеров других стран, Карамзин приходил к выводу, что любая личность по своей социальной роли вторична по отношению к государству, в том числе и ее правитель-монарх, а ограничением абсолютной монархической власти должно стать, с одной стороны, формирование общественного мнения на основе развития просвещения, а с другой стороны, духовный прогресс самой личности благодаря образованию и искусству.

Еще одной опорой государственной власти русский консерватор считал духовенство и церковь: «Основатели империй всегда утверждали их славу Религиею; но скоро исчезали Державы, основанные на одном рассудке» [5, с. 36]. После Карамзина большинство мыслителей исключают религию из факторов, содействующих прогрессу.

Младшим современником, в определенной степени учеником Карамзина, был С.С. Уваров, государственный деятель, соединивший в себе многие черты «золотого» пушкинского века русской культуры. Он, европеец по воспитанию и образованию, образу жизни и поведению, целенаправленно культивировал в себе русский дух, русский менталитет, наложив на себя обязательства стать хранителем, а порой и охранителем русской национальной самобытности. С.С. Уваров в нашей историографии представлен слабо, односторонне, преимущественно негативно, только последнее время стали появляться работы, где предпринята попытка восстановить основные этапы его жизни и логику развития его идейной позиции [16]. Уваров более известен как государственный деятель: попечитель Петербургского учебного округа, президент Академии наук, министр просвещения, но помимо этого он был литератором, любителем-историком, библиофилом, знатоком и собирателем античных и восточных древностей. По роду деятельности он нередко выступал с речами на различных важных и торжественных мероприятиях. Речи потом публиковались и входили в оборот русской словесности, становясь предметом обсуждения, а часто и осуждения. Он был членом литературного общества «Арзамас», куда входили Пушкин, Вяземский, Жуковский, и при этом автором знаменитой триады: Православие – Самодержавие – Народность, которую передовая общественность проклинала почти два века. На закате жизни Уваров выступал в печати уже как частное лицо, публикуя воспоминания и публицистические статьи. В небольшом литературном наследии и в воспоминаниях об Уварове можно найти след его взглядов на роль и значение Петра I для русской истории, из которых вырисовывается образ царя-реформатора. Для Уварова первый русский император именно царь – Преобразователь, монарх, ведущий свою страну по пути реформ, необходимых для ее развития и величия. Он не разделял взгляд тех литераторов из стана славянофилов, кто утверждал, что Петр нарушил ход истории России. Уваров доказывал обратное: Петр гениально предугадал будущие потребности страны, которые обнаружили бы себя позднее, и, может быть, это было бы роковое опоздание для ее исторической роли в европейском союзе.

Значительную роль в преобразовании России сыграли, по мнению Уварова, два взаимосвязанных фактора: развитие системы образования и введение Табели о рангах. Уваров неоднократно говорил, что Россия могла бы войти в круг европейских держав, будучи на равных в научном, промышленном и культурном отношениях. Ускорение по преодолению разрыва в этом плане могли обеспечить талантливые, смелые и предприимчивые люди, вышедшие из разных социальных классов, но сходные по своим патриотическим и отчасти честолюбивым устремлениям. Табель была тем социальным лифтом,

который давал бы дорогу лучшим представителям народа, одновременно стимулируя темп социальных и экономических преобразований. В этом плане в отношении Петра Уваров усматривает истинно народную природу царя, который был не лоббистом одного только привилегированного класса, но заботился о поддержке всех талантов, независимо от их происхождения. Об этом свидетельствует следующее высказывание Уварова: «При таком положении потомок Пожарского и потомок Минина должны наравне искать благоволения правительства, заслуживать офицерский чин. Граф Шереметев, вступая во владение обширным поместьем, обязан прежде воздать правительству по мере сил дань личной службы. Карамзин оставался бы скромным писателем, если бы взор Монарший не поставил его в общественном мнении в равную степень с вельможами» [16, с. 89]. Рассуждая далее, как планы царя проистекали и опирались на национальные особенности русского народа, Уваров пишет: «Россия не пристрастилась, как иные думают, ни к титулам, с немецкого довольно неудачно переведенным, ни к званиям, льстящим самолюбию, но потерявшим большую часть их приманки: причина желания чинов лежит глубже. Россия любит в Табели о рангах торжественное выражение начала, славянским народам драгоценного, – равенства перед законом; дорожит знаменем мысли, что каждый, в свою очередь, может проложить себе путь к высшим достоинствам службы. Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого преимущества, кроме преимущества постоянного усердия, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца. Итак, с одной стороны, Россия смотрит на *Табель о рангах* не как на игрушку мелкого ребяческого тщеславия, а как на залог одного из важнейших своих начал в быту народном; с другой – правительство держит в своих руках орудие, общим согласием ему представляемое» [16, с. 92]. Именно желание быть полезным стране и людям в большей степени мотивировало талантливых и трудолюбивых людей к работе на общую пользу, мотивировало сильнее, чем «оклады и титулы». Петр знал и понимал свой народ, потому что сам был его частью, а не чужеземным наемником.

Однако *Табель о рангах* не справилась бы со своей задачей без развития системы образования, утверждает Уваров, именно поэтому царь усиленно содействовал открытию новых учебных заведений, например, помимо военных готовились проекты исследовательских заведений: «Великий Петр, начертывая первые основания Устава для этого учебного учреждения [Академии – Г.Щ.], указал ему высокое назначение заботиться об основательном исследовании самых отдаленных и наименее известных краев государства. Ученые экспедиции, предпринятые Академиею или совершенные под ее руководством, пролили новый свет на географию, физическое строение и естественные произведения, на историю, древности и на производительные силы нашего Отечества “и *Народное просвещение*”» [16, с. 209].

Петр, по наблюдению Уварова, был первым правителем, позаботившимся о сохранении исторических государственных документов, полезных для будущей разработки истории России. Тут же Уваров замечает, что «до начала XVIII столетия никто не думал об издании исторических материалов в России. Указ Петра I о приведении в известность летописей в монастырских библиотеках едва ли был исполнен». Далее он продолжает с сожалением: «Материалы исторические до Карамзина были не только не обнародованы, но даже не приведены в известность; он принужден был сам и отыскивать, и обрабатывать источники для своего обширного труда» [16, с. 209].

Далее Уваров показывает себя сторонником и последователем указаний Петра и отмечает: «По предложению моему Академия наук отправила археографическую экспедицию для приведения в известность всех письменных памятников отечественной истории и для извлечения из них важнейших выписок» [16, с. 220]. Одно из первых исследований по

деятельности министра просвещения показывает, что и в других сферах своей многосторонней деятельности автор триады руководствовался образом Петра – преобразователя, наследника истинных русских традиций, главным заветом его было: интеграция России в союз европейских держав для обеспечения безопасности страны.

В полную силу консервативная идеология проявила себя в творчестве М.Н. Каткова. Талантливый высокообразованный, энергичный человек, с хорошей философской выучкой, друг Белинского и Грановского, он превратился в убежденного консерватора, одного из столпов консервативного движения. Эта трансформация произошла в нем сознательно. Он всего себя отдал новому делу, порой в ущерб литературным возможностям и редакторским планам развития журнала. Он сам признавался в этом в письме императору: «Прошу как величайшей милости выслушать мою исповедь. Я не литератор, не журналист, не педагог, я ничто в профессии. Моя молодость протекла в уединенных и сосредоточенных занятиях предметами умозрения, и никто не мог бы подумать, что мне суждена была тревожная политическая деятельность. Случайно открыл я издание журнала, а потом политической газеты. Готовилось и совершалось падение крепостного права, открывалась эпоха реформ, разнуждался дух отрицания. Бог помог мне несколькими ударами сокрушить революционный призрак, носившийся над Россией». Спасение страны от революционных наваждений стало для Каткова главным делом, а журналистика, литературное и публицистическое творчество – только способом выполнить свое предназначение. Катков признается, что он и сам сделался органом своей идеи, растворив собственную личность в служении делу сохранения монархической России: «Моя газета была не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались. Она участвовала в событиях и перед историей она будет свидетельствовать не только о том, что сделано, но и о том, что следовало сделать. Деятельность моя была государственной деятельностью, но без жалования и наград и не в мундире. <...> В моей газете в ущерб ее интересу и распространенности, почти замолкли все другие вопросы» [9, 27]. Одна, но пламенная страсть к России, ее истории, традициям, победам и героям вдохновляла публицистическую деятельность Каткова.

И одним из героев, воодушевлявших Каткова на борьбу, был Петр I, который нередко являлся в его публицистических высказываниях то как образец действий, то как укор, то как призыв к действию или стойкости. Для Каткова Петр Великий не был «беззаконною кометой», внезапно появившейся на русском историческом небосклоне, хотя он и был новатором.

По мнению публициста, император продолжал генеральную линию, осуществлявшуюся его предками и предшественниками, на укрепление величия и безопасности России, поэтому он возражает тем, кто любил подчеркивать спонтанный и волюнтаристский характер деятельности Петра: «Мы обыкновенно разделяем нашу историю на древнейшую до Петра и новейшую после Петра. Но мы забываем, что и этот период не есть нечто сплошное, нечто безразличное само по себе. <...> В прошлом столетии, несмотря на насильственные преобразования, произведенные Петром, историческая связь между старой и новой историей не совершенно прерывалась. <...> При грубости нравов, при хаотичном брожении разносторонних элементов в жизни вырабатывалось что-то, – медленно и туго, но вырабатывалось, – по крайней мере заготавливалась почва для будущего развития, в котором русское и европейской, народное и всеобщее, историческое и рациональное могли бы совместиться органически и способствовать одно другому [9, с. 17].

Утверждениями подобного рода Катков отличается от Карамзина, который более осторожно говорил о предпосылках к европеизации России у ближайших предшественников Петра. Об этом же, но очень осторожно и расплывчато говорил и С. Уваров. А Катков заявил со всей прямотой и категоричностью, не боясь нарушить ореол Петра I как

реформатора, но зато подчеркивая историческую неизбежность и закономерность тех процессов, которые он инициировал и ускорил. Именно в опоре на внутренние законы развития страны, в знании ее души и народа заключалась, по мнению Каткова, кардинальная грань между Петром и мнимыми преобразователями XIX века, которые «хотели осыпать благоденствиями жизнь, не обращая на нее никакого внимания, не видя ее и не стараясь увидеть» [8, с. 124]. Это высказывание публициста относится не только к революционерам или либеральным реформаторам, но и всем «прогрессистам», которые теорию ставили выше жизни. Катков же, прошедший серьезную школу гегельянства, не забыл одного из принципов Гегеля: «все действительное разумно» – и не торопился сокрушать жизнь во имя идеальных, но нежизнеспособных схем.

Для него Петр был преобразователем, то есть деятелем и созидателем в первую очередь, но не разрушителем. Неумение ценить достояние отечества и традиции приводит к напрасной трате сил, времени, человеческих жизней и надежд. С горькой иронией пишет Катков в «Элегической заметке»; «Развитие прогресса! Слова эти не сходят у нас с языка. Мы великие прогрессисты. Нигде в целом мире нет таких отчаянных, таких безголовых прогрессистов, как у нас на Руси. Нам все нипочем, все тринтрава, нам море по колено. Не имея ни о чем понятия, мы чувствуем себя самыми свободными умами, и действительно, в этом отношении мы очень свободны» [8, с. 107]. Отличие Петра было в том, что он творил новое, исходя из знания жизни и потребностей страны. Примером этого утверждения является заметка редактора «Московских ведомостей» накануне 200-летней годовщины рождения Петра, где Катков рассуждает, насколько отзывчивы и трудолюбивы оказались потомки в исполнении Петровых наказов. В данном случае речь идет о развитии мореходства. Публицист приводит данные, с одной стороны, характеризующие истинный патриотизм императора, а с другой – апатию потомков. В качестве примеров он приводит факт, что основные юбилейные события происходили в Москве, а не Петербурге, который обязан своим рождением Петру. Далее он рассуждает, какие надежды были у Петра связаны со строительством города на Неве и его последующим превращением в морской порт. Однако этот план не осуществился в полной мере, потому что отечественный торговый флот так и остался малоразвитым, а основные его ресурсы все еще сосредоточены в руках иностранных мореплавателей, за фрахт судов которых страна платит очень большие деньги, тогда как могла бы не просто их сэкономить, но и зарабатывать на морских перевозках: «Петр Великий освободил нас от этой зависимости; но главные цели, предположенные им, остаются все-таки не достигнутыми, пока русский народ чужд мореходству, которое во все времена и у всех народов распространяло просвещение и возвышало богатство, ремесла и торговлю» [7].

В другой статье, подводившей итоги празднования двухсотлетнего юбилея Петра Великого, Катков делает нелицеприятный вывод: многие планы гениального преобразователя не осуществились. Это касалось как развития торгового флота, так и развития промышленности, слабого и скудного. Также публицист отмечал, что в ходе празднования преимущественный акцент был сделан на военных успехах императора, но при этом потомки забыли, что Петр был и великим работником: «жадно хватаясь за все, старался всякое дело довести до конца с неудержимой силой, не боявшеюся труда и не знавшею препон. В день Петровского юбилея мы должны сознаться пред самими собой, что ныне в нашем обществе очень мало той силы, которую отдельные люди находят в своем гении, а целое общество может почерпнуть лишь в здравом просвещении. Мы должны были бы устыдиться того юбилея, который празднуем, если бы дело русского народного просвещения, как раз одновременно с этим дорогим юбилеем, не готовилось выступить на правильный путь. Наиболее ценное и нужное в то время для Петровых подданных остается

таковым же и для нас, их потомков: свет знания и тот еще более лучезарный свет, который окружает главу Петра как первого работника своего народа» [10].

Таким образом, можно прийти к выводу, что образ Петра I в публицистике Каткова имеет устойчивые черты, которые сосредоточены вокруг основных тезисов:

- Петр Великий и его реформы – это закономерное явление русской истории;
- все новации Петра проистекали из его знания русской жизни, особенностей характера и потребностей русского народа;
- все надежды Петра I на благополучное сосуществование России в пространстве Европы связаны с просвещением и формированием новой элиты, имевшей бы не сословный, а деловой и компетентный характер;
- Петр понимал значение социальной мобильности и социальной конкуренции, которые бы способствовали большей преобразовательной динамике, и запустил механизм ее реализации через «Табель о рангах»;
- Катков избегал затрагивать проблемы взаимоотношений Петра с Русской православной церковью.

Можно считать, что Катков искренне верил в благотворную роль монархии, отмечая, что в России застрельщиком всех прогрессивных реформ всегда был правитель, что обычно ему удавалось осуществить благодаря осведомленности о состоянии дел в стране и за рубежом благодаря возможности набирать себе штат компетентных и деятельных помощников. Кроме того, Катков верил, что у царя есть мистическая связь с народом и Богом, благодаря чему у него есть незримая поддержка высших сил.

В.П. Мещерский был редактором первой русской консервативной газеты «Гражданин», которую стал издавать ради выравнивания идейного и информационного баланса между прогрессистами и консерваторами в начале 1870-х годов. Он был одаренным человеком, воспитанным в семье, где свято блюлись традиции литературного карамзинского салона. Боготворивший своего великого деда Карамзина, он рано почувствовал страсть к литературной деятельности, а когда его избрали в качестве наставника цесаревичей, для него было естественно обратиться к двум литературным формам, распространенным в литературе первой половины XIX века, – письму и дневнику. Оба жанра плотно войдут затем в его творческую деятельность, пройдя апробацию в частной дружеской переписке с обоими цесаревичами. Позднее эти жанры займут очень значительное место в его газете. Таким образом, Мещерский имел редкую возможность сочетать в своей деятельности личную и массовую коммуникацию, обращаться к будущему императору и при этом к аудитории подписчиков, испытывавших интерес к консервативной идеологии. В идейно-политическом отношении и по уровню журналистского мастерства Мещерский высоко ставил М. Каткова, хотя не старался ему подражать, вероятно, сознавая самобытность собственного склада ума и особенностей литературного дарования. Уважение проявлялось в том, что он нередко ставил в номер перепечатки из «Московских новостей», давал положительные оценки значимым выступлениям, защищал авторов газеты, выступая в роли союзника в случае особо резких нападок петербургской прессы на «Московские ведомости». Исходные данные позволяют предполагать, что взгляды обоих консерваторов на значение Петра и его образ, сложившийся в русской истории, будут сходными, однако пристальный анализ публицистических текстов показывает и различия. В контекст изучения были включены и письма к Цесаревичу Александру, которые хотя и не являются продуктами массовой коммуникации, но позволяют установить цельность и последовательность позиции Мещерского по столь принципиальному вопросу, а также способы выражения своей позиции.

«В. Мещерский был избран на роль старшего друга и наставника, и это стало его добровольным служением, не столько двору, сколько идее монархии. Его назначение вначале было неодобрительно встречено наследником, поэтому приходилось, выполняя свой

долг, не только «истину царям с улыбкой говорить», но, соблюдая функции воспитателя, быть строгим и требовательным. Одним из способов привлечения внимания была переписка, вначале часто односторонняя, так как письма воспитателя нередко оставались без ответа. В этих случаях способом удержания внимания он выбрал расширение тематики писем, которое шло также за счет обращения к истории романовской династии, образам великих предков, упоминаемых в связи с важными для личности правителя свойствами» [17, с. 148].

Из представителей правящей династии Петр I был не самым широко упоминаемым, по частоте на первых позициях стояли Александр II (111 упоминаний) и старший брат, умерший цесаревич Николай (70 упоминаний).

Однако Петр I был своеобразной точкой отсчета для галереи русских правителей, его образ задавал тон формированию в письмах идеального типа настоящего русского государя. Петр I и Екатерина II – самые позитивные в оценочном плане фигуры верховных правителей. Не будучи идеальными, только они заслужили у Мещерского звание «гения» и определение «великих» государей. В целом, рисуя галерею царственных персон, предков адресата, Мещерский подчеркивал наличие четырех доминантных точек, на которых строилась его оценка исторической личности: православие – самодержавие – народность, дополненные Мещерским отношениями монарха с аристократией в разные эпохи XVIII–XIX веков. Общей чертой двух вышеуказанных правителей, по мнению публициста, являлась забота об устойчивости государства как в международном, так и во внутреннем аспектах.

На оценку Мещерским образа Петра несомненное влияние оказал Н.М. Карамзин, великий предок, к авторитету которого будущий писатель часто обращался. Проведем сопоставление основных положений Карамзина с высказанными Мещерским оценками эпохи Петра в письмах наследнику престола.

1. Наиболее солидарен со своим предком Мещерский был по негативной оценке влияния петровских реформ на социокультурную ориентацию дворянства: по мнению Карамзина, Петр ограничил свое преобразование дворянством. <...> русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний.

2. Другим важным пунктом сходства взглядов стало отношение к бюрократии. По мнению историка, последняя, по замыслу Петра, была должна заменить у трона родовитое дворянство, чтобы усилить процесс централизации власти, а по мнению Мещерского, бюрократия стала подлинным злом России, окончательно отдалив народ от царя, чтобы получить контроль и над монархом, и над народом, преградив все возможное общение между ними.

3. Наконец, еще один важнейший пункт, в котором Мещерский был не только согласен с Карамзиным, но настаивал на нем более рьяно: это место церкви в государстве. Карамзин осуждал Петра, что тот объявил себя главою Церкви, уничтожив патриаршество. Мещерский в этом вопросе предлагает наследнику ориентироваться на пример другой предшественницы по престолу: «Екатерина II не чуждалась долгой беседы с архиепископом и выслушивала иногда приходского священника, только грубая природа Петра Великого не могла родниться с духовными потребностями церкви, к тому же и время его было таково, что он мог не доверять духовенству в деле своих реформ [13, с. 525].

Признавая вслед за Карамзиным исключительное значение Петра, Мещерский видит его отступление от русских традиций не столько в нарушении патриархальных заветов, а в изменении отношения к религии, подчинение ее государству. Выводы, которые должен был сделать Цесаревич из исторических уроков Мещерского, заключались в опоре на уваровскую триаду: сохранение русских национальных ценностей, неустанное изучение

России в поездках и общении с народом, щедрость и милосердие, ответственность за народ и стремление быть его защитником от внешних и внутренних врагов.

Признавая исключительную историческую роль Петра, принесшего стране воинскую славу, превратившуюся в легенды, Мещерский, отдавая должное роли гения в истории, все же склоняется к необходимости народной поддержки даже для самодержца, потому что отмечает: «Не знаю, будет ли время на Руси, когда общество будет представлять собой действующую единократно единицу; но пока всякое явление хорошее следует приписывать инициативе и умению одного лица <...> Все **Петр I**, создающий из грубой народной силы что-то стройное, но, увы, создающий на время, пока он жив...» – и продолжает мысль тем, что не должен быть в государстве большой культурный и образовательный разрыв между верховной властью и народом, чтобы благие начинания власти находили благотворную почву для развития и укоренения [13, с. 517].

В публицистике Мещерского много пунктов, по которым он совпадает со своими предшественниками, выражавшими консервативные воззрения: например, относительно возросшая благодаря Петру роль России на европейской арене, выход к морю, расширение территорий, распространение просвещения, поддержка образования, в частности открытие новых учебных заведений высшего и среднего уровней, содействие развитию отечественной промышленности и прочие благие деяния во славу страны. Однако были и серьезные разногласия, неодобрительные суждения Мещерского по тем вопросам, которые иначе истолковывались Карамзиным и Уваровым. Одним из пунктов разногласий является строительство Петербурга и перенесение туда столицы государства, в чем Карамзин видел ущемление прав древней столицы – Москвы и принижение ее исторической роли. Подобных замечаний не возникало более ни у кого из ранее упомянутых публицистов. Мещерский же любил Петербург, с которым был связан годами учебы, работы, первых литературных опытов, поэтому не просто оправдывал Петровский проект, но усматривал в нем провидческое величие Петра, шагнувшего навстречу Европе, показывая Европе свою столицу как шедевр европейского градостроительства: Например, в «Речах консерватора» Мещерский пишет: «Петр Великий основал Петербург. Есть люди, которые серьезно говорят, что он сделал этим величайшую глупость. Грешный человек, я нахожу, что напротив, умнейшее из Петровых дел было, по-моему, основание Петербурга. Екатерина II тоже была гений, но история показала, что она могла сделать большую политическую ошибку, чуть-чуть не испортив все дело Петра» [14, с. 143]. Речь идет о проекте частичной децентрализации управления, которую Екатерина обдумывала в рамках работы Комиссии по составлению нового Уложения, от которой в итоге отказалась. Мещерский из этого сделал вывод, что по дальновидности и знанию России и ее народа Екатерина как правитель значительно уступала Петру [14, с. 143].

Еще одним несогласием со своим выдающимся предком является мнение Мещерского о влиянии Петра на семейные устои русского дворянства. Если Карамзин хотя и осторожно, но осуждал разрушение прежних семейных патриархальных устоев привилегированного класса, то редактор «Гражданина» утверждал, что освобождение при Петре закабаленной ранее женщины открыло дорогу выходу прекрасному полу не просто на историческую, но даже политическую арену, приводя в пример деятельность таких русских императриц, как Екатерина II и Мария Федоровна, которые подняли значение женщины как воспитательницы новых поколений. Тем самым, говорит Мещерский: «Мы имеем свою русскую историю, как указание на то, чем отзывается в жизни народа высокое и низкое нравственное значение женщины, как жены и матери: пока женщина высших слоев нашего общества была раба своего мужа, история России представляла собою картину сильного, но дремлющего народа; едва только, со времени Петра, женщина признана была свободною, и получила веский голос в семье, образование России пошло вперед» [14, с. 47].

Более серьезное противоречие наметилось между пониманием Мещерским и его предшественниками насчет роли дворянства и чиновничества в русском государстве. Если Карамзин, Уваров и Катков считали, что введение Табели о рангах осторожно внедряет принципы эгалитаризма и тем самым предотвращает крупные классовые конфликты, например, революции, то Мещерский с огорчением констатировал изменение функций дворянства в обществе. Он отмечал разрушение связей между дворянством и народом, размывание дворянства за счет выходцев из низших слоев, получавших дворянские права, переход части дворянства в бюрократию из-за обеднения и необходимости служить. Все эти процессы, по мнению публициста, нарушают исконное и устоявшееся распределение обязанностей в социуме, способствуют перерождению дворянства, уменьшают его знание своего народа и страны и тем самым его значение посредника между монархом и народом. Подрывая функции дворянства, подрывают и монархию – так обосновывал свои взгляды Мещерский. У него много выступлений в прессе по дворянскому вопросу, большая часть которых впоследствии включена в сборник «Речи консерватора». Позиция публициста «Гражданина» отличается скорее экспрессивностью, нежели логикой и обоснованностью, она противоречива и запутана. Утверждая, что сословие дворянства существует уже чисто формально, он одновременно утверждает, что дух дворянства все же живет: «В России нет людей, слышу я повсюду; но так ли? Вот человек из того закала, из которого делает судьба великих граждан-деятелей [имеется в виду Р.А. Фадеев – Г.Щ.]: и не один он, есть на Руси гиганты подобные ему; клянусь вам, есть, я их видел. Жизнь ее не иссякла, поколения созидавшие великие характеры времен Иоанна IV, Алексея Михайловича, Петра Великого, Екатерины Великой, Александра I, не вымерли, но увь!» [14, с. 37]. Далее он говорит, что эти таланты бессильны в условиях бюрократического государства.

В интересах страны и дворянского сословия как опоры трона Мещерский стал консерватором и он сожалеет, что у него мало союзников: «Наши враги уверяют, что нас, консерваторов, много, что даже есть целая партия на Руси консерваторов. Нет, они ошибаются: нас очень немного. Во всяком случае, несомненно то, что наше образованное общество со всеми его слоями и учреждениями – престранное общество! Все хотят быть левой стороны; на правой никто не хочет быть: кто из трусости, а кто по убеждениям. И вот еще что странно: чем у человека меньше убеждений, тем упорнее он лезет на левую сторону. И еще странность: даже те, которые должны быть по обязанности консерваторами, даже те прут на левую сторону. Вообще, правительственные люди страдают, по-моему, прежде всего отсутствием консерватизма. Они не любят не только быть консерваторами, но далее казаться консерваторами. И это, по-моему, весьма печальная черта в современном нашем обществе, ибо она неминуемо влечет за собою упадок авторитета власти и даже неуважение к ней» [14, с. 106].

Внимание к творчеству Мещерского обусловлено отнюдь не его исключительно ценными соображениями и не его малоизученностью, но тем, что он из всех перечисленных – истинный публицист нового типа. Он не историк, скованный рамками научных принципов, не государственный деятель. Катков, конечно, тоже публицист, но еще старой школы, опирающейся на научное знание, логику и аргументацию, Мещерский обращается к своей аудитории, воздействуя на нее не только разум, но на эмоции, может быть, даже в большей степени. Для него публицистика – тоже поиск истины, но вместе с аудиторией. Не претендуя на роль глашатая истины, он хочет возбудить в читателе любопытство или сомнение, сочувствие или отвращение. Как писал известный теоретик публицистики Л.Е. Кройчик: «Публицистика не может не участвовать в поисках ответов на жизненные вопросы. Поисковое пространство для нее – реальность, повседневная жизнь общества, внутренний мир личности. Публицистическое произведение в любой жанровой оболочке отражает этот поиск. Этот поиск осуществляется как на уровне формирования шкалы ценностей автора публицистического произведения, так и на уровне ценностной ориентации аудитории.

Неразрывная связь между демонстративной защитой определенных ценностей и стремлением ориентировать на эти ценности широкую аудиторию очевидна. Она – суть любого публицистического выступления» [1, с. 18].

Установка на активное восприятие в публицистике влияет и на природу образа, имеющую иной характер, нежели в художественном произведении. Отбор черт для публицистического образа обусловлен идейными установками автора, то есть он всегда отбирает из внешнего мира то, что соответствует его мировоззрению, подтверждает его мысль и задачу. Указанные черты строго индивидуальны и раскрываются в зависимости от личности автора, его репутации, поступков, в его прежних произведениях и конечно отзывах о нем критиков, конкурентов или соратников. Образ Петра в публицистике Мещерского в значительной степени является проекцией его взглядов на образ идеального монарха, на историческую миссию России как пограничной державы между Европой и Азией, а также как на хранительницу православия. Он защищает как публицист (добавим, что он имеет на это право в силу вида творчества) свою точку зрения путем выбора тематики, аргументации, подбора черт для создания образа, выбора языковых средств. Этими задачами объясняются композиционные и стилистические приметы его текста: экспрессия, доходящая до экзальтации, большое количество риторических вопросов и восклицательных знаков, введение мнимых собеседников, как правило, для полемических целей, иллюстрация тезисов историческими анекдотами, забавными эпизодами из воспоминаний. Нередко можно найти просторечные слова и стиль, как бы создающие эффект живого общения с читателем как собеседником – все это ради убедительности образа Петра и в качестве веского аргумента для привлечения на свою сторону читательской массы.

Достоевский был старшим современником Мещерского, имел большой опыт литературной и журнальной работы, насыщенную и трагическую биографию, абсолютное читательское признание и печать гения. Они сошлись на некоторое время для работы в двух проектах – издании «Гражданина», где Достоевский чуть менее полутора лет исполнял обязанности редактора, и в общем труде над выпуском коллективного благотворительного сборника «Складчина», издаваемого в помощь голодающим крестьянам Самарской губернии.

Творчество гениального писателя исследовано разносторонне и глубоко, даже некоторые ранее «закрытые темы», как, например, монархические идеалы писателя, его позиция по национальному вопросу, проблемы православия в его творчестве получили довольно полное освещение в последние тридцать лет. К тому же стали доступны для научной общественности зарубежные труды, анализирующие творчество знатока русской души. Поэтому, отдав дань уважения предшественникам, мы обратимся к тем вопросам, которые в меньшей степени привлекли внимание исследователей. К тому же нам кажется, что полностью относить писателя к консервативному лагерю неверно. Он был разным в различные периоды своей жизни и творчества и умел меняться, развиваясь, но при этом ни от чего полностью не отказываться, обогащая свои воззрения сложным синтезом идей, убеждений и веры.

То свойство публицистического образа – быть отражением одновременно убеждений автора и отражением жизни, о котором шла речь при анализе публицистики Мещерского, колоссально вырастает, когда речь идет о гениальном писателе. Его маленькие сценки, наброски, эскизы содержат в себе не только меткость сиюминутного впечатления, но и глубину философского обобщения. То, что у Мещерского является плоскостной иллюстрацией, у Достоевского превращается в объемную картину, свободную от незначительных деталей, глубокую до символизма. У него художественное и публицистическое не просто соседствуют, а сплавлены в единое целое.

У взглядов Достоевского на Петра I есть моменты, роднящие его с предшественниками, но при этом они могут быть дополнены чертами, придающими высказыванию новый

смысл. Например, это относится к закономерному появлению деятеля-новатора. Достоевский пишет в «Дневнике писателя»: «Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие, что она – хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах. Эта драгоценность, эта вечная, присущая России и доставшаяся ей на хранение истина, по взгляду лучших тогдашних русских людей, как бы избавляла их совесть от обязанности всякого иного просвещения <...> Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей готовилась быть неправа, – неправа перед человечеством, решив бездейственно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества, вроде иных раскольников [4, с. 363].

Именно Петр придал России то, что ей было нужно, избавив ее от самоизоляции и открыв ее миру, а мир – ей. Достоевский назвал это расширением взгляда, который даровал русским талант принимать все лучшее из мирового опыта, оставаясь самими собою, при этом отвращаться от всего дурного и порочного. Только в этом, по строгому суждению Достоевского, и состояла идея Петра, именно идея, но не ее исполнение, жестокое и деспотичное, несвойственное духу русского народа, что и обусловило длительное народное сопротивление внешним сторонам его реформы. Но от ее духа народ никогда не отворачивался. Обратим внимание, что никто из предшественников-консерваторов, кроме Карамзина, не останавливался на методах проведения реформы, отмечая лишь необходимость ее ускоренного проведения, а для Достоевского-гуманиста методы были не менее важны, нежели результаты.

Кроме того, писатель разделял мысль предшественников, что спонтанные ускорения развития, не обусловленные имманентными законами, невозможны. Подтверждение этому закону Достоевский находит в современности с ее мнимой прогрессивностью, фактически означающей топтание на месте у самой бездны. Время Петра и выработанных им правил жизни государства закончилось, по мнению Достоевского, с отменой крепостного права. России, ее правителям, интеллигенции и народу предстояло сдать экзамен на гражданскую зрелость и историческую ответственность, выбрав новый путь развития, опираясь на прошлое, но не имея более такого сильного лидера, каким был Петр. Именно ощущение израсходованности идейных, духовных, культурных ресурсов русского общества приводит к увеличению у писателя трагического ощущения предстоящего кризиса. У него начинает доминировать склонность к эсхатологическому толкованию прогресса, когда никакое просвещение и образование уже не спасут мир от общей драмы и Страшного суда, а спасение лежит только в сфере раскаяния и духовного очищения. Эта мысль звучит в его записных книжках и поздних записях «Дневника писателя». В этом кроется серьезное отличие Достоевского от вышеупомянутых предшественников, склонных к хилиастической модели прогресса, когда развитие зависит от образования и просвещения, а ее достижение возможно в отдаленном историческом будущем. Данная модель абсолютно не связана с типом идеологии, ее могли придерживаться как демократы, так и консерваторы. Но именно с Достоевского эсхатологическая модель все чаще начинает проявляться в философских и публицистических произведениях русских писателей и особенно религиозных философов, ощущавших, что России предстоит пережить «минуты роковые». В дальнейшем вопрос о роли Петра в последующем историческом пути России будет обсуждаться уже после революции. Например, она будет решаться силами представителей течения евразийства [11].

Усилия русской философской религиозной мысли, опиравшейся на дореволюционный и послереволюционный исторический опыт России, установили неразрешимое противоречие метафизики прогресса, осмысленной с точки зрения двух подходов:

хилиастического и эсхатологического. В чем смысл исторического прогресса, есть ли у истории цель и финал?

По мнению автора одной из немногих статей по метафизике прогресса, философа В.Б. Александрова: «Главное заключается в том, что русские философы выявили глубинное метафизическое содержание проблемы прогресса, четко отделив подход позитивной науки от философского смысла данной проблемы. Они подчеркнули существенные различия изменений в сфере цивилизации и изменений в самом человеке, содержании человеческих отношений. Сосредоточив свое внимание на человеческой, а значит нравственной, стороне исторического прогресса, они показали принципиальную нравственную проблематичность идеи прогресса» [2, с. 260], о чем говорили и мыслители консервативного толка XIX века. Таким образом, история человечества и его прогресса трагична, потому что в земном мире достижение идеала невозможно в силу самой человеческой природы, но усиление стремлений к совершенству, доводя до конечного кризиса развитие человека в земном мире, открывает ему дорогу в небесный мир, что провидел Достоевский и последующие за ним русские религиозные философы.

Литература

1. Актуальные проблемы теории публицистики: монография / Л.Е. Кройчик, Р.В. Жолудь, В.С. Мазенко; под общ. ред. Л.Е. Кройчика; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. 217 с.
2. Александров В.Б. Метафизика прогресса в русской религиозной философии // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 253–262.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, Ленинградское отд., 1988.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / сост., коммент. А.В. Белов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
5. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 127 с.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. Гл. IV [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/01text/01text/vol_05_04.htm/ (дата обращения: 02.07.2022).
7. Катков М.Н. Важность развития мореходства: По поводу 200-летней годовщины рождения Петра // Московские ведомости. 1872. 10 марта. № 61.
8. Катков М.Н. Кое-что о прогрессе // Русский вестник. 1861. Т. 35. Октябрь. Отдел «Литературное обозрение и заметки». С. 107–127.
9. Катков М.Н. Письма императорам Александру II и Александру III [Электронный ресурс] // Былое. 1917. Кн. 4. С. 3–32. Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_pisma_k_alexandru2.html (дата обращения: 10.06.2022).
10. Катков М.Н. Празднование 200-летнего юбилея Петра Великого // Московские ведомости. 1872. 30 мая. № 134.
11. Лесевичкий А.В. Реформы Петра Великого в восприятии Ф.М. Достоевского и идеологов евразийства [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (дата обращения: 02.06.2022).
12. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 338 с.
- 12а. Мещерский В.П. Письма к Великому князю Александру Александровичу. 1863–1868. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 736 с.
13. Мещерский В.П. Речи консерватора: в 2 вып. СПб.: Тип. В. Оболенского, 1876.
14. Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции: У истоков консервативно-националистической идеологии в России: монография. М.: Ин-т бизнеса и политики, 2010. 163 с.
15. Уваров С.С. Государственные основы / сост., предисл. и коммент. В.Б. Трофимовой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 608 с.
16. Щербакова Г.И. Петр I как прототип образа русского государя в переписке В. Мещерского с цесаревичем Александром. Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.», 13–15 октября 2020 г.: Тезисы докладов / отв. ред. А.В. Гулин. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 148–150.
17. Kruglikova Olga S., Marchenko Alexander N., Sonina Elena S., Sherbakova G.I. Reforms of the Peter the Great as a precedent phenomenon for Russian digital modernization. Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, 2021. P. 177–180 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9422867> Scopus id = 2-s2.0-85106033629; DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422867

Аннотация. В статье исследуются взгляды русских публицистов XIX века, исповедовавших консервативную идеологию, на образ Петра Великого в контексте метафизики реформ. Роль консерваторов в публичном пространстве XIX века остается малоизученной, подобно вопросу о том, как, в какой форме и степени консерваторы допускали прогресс, означает ли консервативное мировоззрение отказ от движения вперед, что такое для консерваторов есть движение вперед. В статье также исследуется вопрос об исторической обусловленности стремления Петра интегрировать Россию в Европу, какие меры, какие изменения народ готов был поддержать, а какие не принимал. Последовательно разбирается усложнение позиции консервативных публицистов по мере развития политических процессов в России после освобождения крестьян. Сравниваются общие и различные черты таких публицистов, как Карамзин, Уваров, Мещерский, Катков, Достоевский, устанавливается преемственность позиций и объясняются имеющиеся противоречия. Также учитывается специфическая природа публицистического образа как особого способа отражения действительности и одновременно идейных воззрений литераторов. Кроме того, учитываются индивидуальные творческие особенности и способности публицистов. В заключение намечаются перспективы дальнейшего изучения темы с привлечением выступлений писателей и религиозных философов предреволюционной эпохи, когда невозможность мирного разрешения политических, экономических и культурных противоречий в стране стала очевидна.

Ключевые слова: традиции, прогресс, Россия, Европа, цель прогресса, самосовершенствование, просвещение, философия, универсальность траекторий развития, эсхатология.

Galina I. Shcherbakova, Doctor in Philology; Professor, Department of Journalism, Humanitarian and Pedagogical Institute, Togliatti State University. E-mail: sherbakova-galin@yandex.ru

The Image of Peter the Great in the Context of Progress Metaphysics – Russian Conservative Social and Political Journalism Opinion

Abstract. The article examines the views of the 19th-century Russian publicists, who professed a conservative ideology, on the image of Peter the Great in the context of the metaphysics of reforms. The role of conservatives in the public space of the 19th century remains poorly explored, as well as the following issues: how, in what form and to what extent the conservatives allowed progress; whether the conservative worldview meant refusal to move forward; what the movement forward implied for the conservatives. The article also explores the question of the historical conditionality of Peter's desire to integrate Russia into Europe, what measures and what changes the people were ready to support, and which they did not accept. The author consistently analyzes the complication of the position of conservative publicists with the development of the political processes in Russia after the liberation of the peasants. The author compares the similarities and differences of the views of such publicists as Karamzin, Uvarov, Meshchersky, Katkov and Dostoevsky, establishes the continuity of positions and explains the existing contradictions. The specific nature of the journalistic image, reflecting reality in a specific way, as well as the ideology of the writers, are taken into account. In addition, individual creative features and abilities of the publicists are taken into account. In conclusion, the author outlines the prospects of further studies, involving the speeches of the writers and religious philosophers in the pre-revolutionary era, when the impossibility of peaceful resolution of political, economic and cultural contradictions in the country became obvious.

Keywords: Traditions, Progress, Russia, Europe, the Goal of Progress, Self-improvement, Enlightenment, Philosophy, Development Trajectories Universality, Eschatology.

«Вестник Европы» Н.М. Карамзина и «Русский вестник» С.Н. Глинки о Петре Великом: созвучия и диссонансы*

Периодические издания Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки были знаменательными явлениями в русской журналистике начала XIX века. Их названия – «Вестник Европы» и «Русский вестник» – одновременно и созвучны, и противопоставлены друг другу. Бросающаяся в глаза противонаправленность ориентации на европейское и приоритета национального, заявленных в имени журналов, заставляет предположить, что и содержательно издания находились в оппозиции друг другу. Между тем и Карамзин, и Глинка в политическом спектре России «дней Александровых прекрасного начала» оба представляют нарождающееся и формирующееся именно в этот период течение русского консерватизма. Оба журнала обладали большой популярностью. М.П. Погодин полагал, что «Вестник Европы» «остался навсегда образцовым русским журналом, с которым не сравнялся после ни один... он прочитывался с жадностью, от первой страницы до последней» [1, с. 756-757]. Согласно воспоминаниям Н.И. Греча, читатели с нетерпением ожидали «красненьких книжечек через каждые две недели» и «с восторгом читали, учили их наизусть» [2, с. 203]. Сходные характеристики популярности и влияния давали современники и журналу Глинки – П.А. Вяземский отметил, что «Русский вестник» читали «по всей России, особенно в провинциях... с жадностью и верою... Одно заглавие его было уже знамя» [цит. по: 3, с. 110]. Огромное значение и популярность журнала отмечали А.С. Шишков, М.А. Дмитриев, Д.И. Хвостов и др. [3, с. 109–110]. Учитывая широкую популярность и огромное влияние этих изданий на русское образованное общество своей эпохи, вопрос о том, каковы были оттенки их политических воззрений и как они транслировались читателю, представляется исключительно важным в контексте истории идей.

Среди исторических персонажей, размышления о судьбе и роли которых привлекали журналистов начала XIX века, особое место, безусловно, занимает первый русский император. Русский консерватизм как направление политической мысли был во многом реакцией на процессы, спровоцированные петровской вестернизацией [4], поэтому консерваторы часто обращались к образу Петра Великого в своих теоретических построениях. Эволюция взглядов Карамзина как писателя и историка на личность и деятельность Петра I неоднократно затрагивалась в контексте историографических обзоров [5, 6] и становилась предметом отдельного изучения [7]. Рассматривались, хотя и менее подробно, и взгляды С.Н. Глинки на деятельность великого преобразователя как в аспекте политических воззрений публициста [3], так и с точки зрения российского и европейского культурного контекста, который послужил источником для их формирования [8]. Нас в данном случае интересует не столько идейная эволюция издателей, сколько попытка провести

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42018.

Кругликова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики СПбГУ. E-mail: oskruglikova@yandex.ru

сравнительный анализ позиций популярных журналов с целью отследить изменчивость и преемственность политического дискурса эпохи.

Хотя в начале издания «Вестника Европы» в 1802 году Карамзин выражал надежду на то, что политический отдел его журнала не будет обширным, то есть динамика международных политических процессов не будет интенсивной, начало века оказалось предельно насыщенным масштабными и колоссальными по своим отдаленным последствиям политическими событиями в Европе и в России. Такое стремительное изменение политической картины Европы в первое десятилетие века, безусловно, существенно повлияло на эволюцию взглядов обоих общественных деятелей и на картину общественного сознания эпохи. Несмотря на то, что «Вестник Европы», выходявший в 1802–1803 годах и «Русский вестник», издававшийся в 1808–1816 годах, разделяет, казалось бы, незначительный временной промежуток, эти издания принадлежат, в сущности, к разным периодам формирования национального самосознания.

Оба издания уделяли существенное внимание проблемам истории. В первом номере «Вестника Европы» Карамзин помещает полный перевод предисловия к «Истории французской революции, избранной из Латинских писателей». Основная мысль этого текста – в истории разных народов и разных эпох мы находим ситуации и события, столь похожие между собой и систематически повторяющиеся, что невозможно не увидеть в них закономерности, а, следовательно, события истории имеют для нас характер пророчества: «Как физический, так и моральный мир следует некоторым правилам, которых не перемениет время... когда я вижу народы, в одинаковых обстоятельствах одним образом поступающие, впрочем различные нравами, обыкновениями и веками: тогда узнаю род человеческий и сужу о нем. Факел опыта освещает меня, и я говорю всем суетными системами обольщенным Политикам: читайте Историю!» [9, с. 22].

Этот текст не принадлежит перу Карамзина, но как редактор и составитель он среди великого множества европейских книг и статей, доступных для перевода и помещения в журнале, выбрал именно это издание и счел нужным поместить перевод предисловия к нему, вероятно, полагая мысль, в нем высказанную, значительной и важной. В дальнейшем редактор «Вестника Европы» все чаще и все увлеченнее обращается к исторической тематике как в художественных произведениях («Марфа Посадница», «Вадим Новгородский»), так и в журналистских публикациях, посвященных русской старине, «любезной для сердца патриотов», – «Исторические воспоминания и замечания по пути к Троице», «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» и т.д. Неоднократно в своем журнале Карамзин констатирует необходимость для всякого гражданина стремиться познать обычаи и характер соплеменников, образ жизни и правления [10, с. 53] и отмечает, что «история в некоторых летах занимает нас куда более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть» [10, с. 46–47]. Действительно, «Вестник Европы» стал для Карамзина последним этапом его журналистской карьеры и «первым шагом на пути в историки» [11, с. 3].

Историческая тематика была центральной в «Русском вестнике», уже во вступлении к первому номеру Глинка обещал «многие статьи о древних временах России» [12, с. 53]. «В сих листах, – пишет издатель в предисловии к журналу, – найдутся многие статьи о древних временах России. Беседа с праотцами, беседа с Героями Отечества, питает душу и, сближая прошедшее с настоящим, умножает бытие наше. Настоящее объясняется прошедшим, будущее настоящим» [12, с. 53].

Продолжая мысль, высказанную в публикации С.Н. Глинки, можно сказать, что авторы «Вестника Европы» и «Русского вестника» обращались к одному и тому же прошедшему, но разное настоящее заставляло их задаваться разными вопросами и искать объяснения разным процессам. В самых общих чертах это различие можно было бы обозначить так: если перед Карамзиным политический контекст 1802 года (год начала выхода в свет

«Вестника Европы») ставил задачу укрепить в читателях убеждение в том, что Россия не только в политическом, но и в культурном отношении является полноправной частью Европейского мира, то ситуация 1808 года (год начала выхода в свет «Русского вестника») уже требовала от Глинки обращения к опыту прошлого с целью обосновать не равноправие, а превосходство русской культуры и политической традиции над европейской. При этом важно отметить, что в интеллектуальном контексте всей первой половины XIX века оставалась актуальной и тема осмысления просвещенческой философской доктрины через призму событий Великой Французской революции, которое также в существенной степени повлияло на исторические публикации обоих журналов.

Полемический характер журнала С.Н. Глинки чувствуется с первых строк, так же очевиден и оппонент этих полемических сентенций – «философы осьмагонадесять столетия», под которыми подразумеваются, конечно, деятели французского Просвещения, среди которых наибольшего числа полемических выпадов удостоивается Вольтер. Философы уходящего века, по словам Глинки, «никогда не заботились о доказательствах: они писали политические, исторические, нравоучительные, метафизические, физические романы; порицали все, все опровергали, обещали беспредельное просвещение, неограниченную свободу: не говоря, что такое то, и другое; не показывая к ним никакого следа; словом, они желали преобразить все по-своему. Мы видели, к чему привели сии романы, сии мечты воспаленного и тщеславного воображения!.. мы будем противопоставлять им не вымыслы романические, но нравы и добродетели праотцев наших» [12, с. 6].

Как видим, в этом противопоставлении теоретических измышлений и исторического опыта есть очевидное созвучие с приводившимся выше текстом «Вестника Европы», в котором также предлагалось «суетными системами обольщенным Политикам» обратиться к историческому опыту народов, который отражает закономерности общественного бытия.

В самом начале века Карамзину было важно осмыслить теоретические основы трагических потрясений революции, его версия синтеза просвещенческой философии и апологетики благодетельного государственного порядка отливалась в форму классического идеала просвещенной монархии. Поэтому и откровенно бонапартистская позиция журнала была, в сущности, естественна для Карамзина, видевшего на тот момент в фигуре первого консула воплощение государственного порядка, противостоящего кровавой стихии революционного хаоса. Но дальнейшее стремительное развитие событий, превращение первого консула в консула пожизненного, а затем в императора, начало территориальной экспансии новой империи сместили идейные приоритеты. Как справедливо отмечает исследователь наполеоновских войн В.М. Безотосный: «важно признать, что к этому времени антиреволюционный идеологический бульон, который некоторый период варили многие европейские государства, уже выкипел. Разыгрывалась другая антифранцузская карта – борьба с агрессивным курсом Наполеона» [13, с.73].

Карамзин, которому принципиально важно было доказать, что «Мы уже, слава Богу! не варвары; у нас есть все способы просвещения, какие только могут найтись во Франции» [14, с. 55], говоря о Петре Великом и проведенных им преобразованиях, также склонен размышлять о теме ученичества. Петр заставил свою страну многому учиться у Европы: «Мы взглянули, так сказать, на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее. Едва великий государь сказал нашим воинам, как надобно владеть новым оружием, они, взяв его, летели сражаться с первою европейскою армиею. Явились генералы, ныне ученики, завтра примеры для учителей. Скоро другие могли и должны были перенимать у нас; мы показали, как бьют шведов, турков – и, наконец, французов» [15, с. 59].

Однако, отмечает Карамзин, «Петр Великий, соединив нас с Европою и показав нам выгоды просвещения, ненадолго унижил народную гордость русских»; поставив свое

отечество в положение смиренного ученика, император надолго закрепил в своем народе благоговейное преклонение перед всем европейским без исключения, а между тем «Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!» [15, с. 67]. Такой взгляд на смысл и плоды петровской вестернизации весьма характерен для 1802 года, когда он был высказан. Очарование всего европейского было усвоено и безоговорочно признано, и даже революционные события, ставшие логическим завершением идейного развития западноевропейской философии, рассматривались пока скорее как трагическая ошибка. Но сам факт возможности такой ошибки уже ставил под сомнение непогрешимую верность европейского пути, а некоторые, пусть скромные, успехи самостоятельных шагов России в науке, литературе, искусстве позволяли задумываться о том, чтобы оставить в прошлом свой ученический статус и гордо заявить свое равноправие в семье европейских народов. Главным же основанием для этого были головокружительные успехи русского оружия, которые подпитывали национальную гордость русских в течение всего XVIII века.

Но к моменту начала издательской деятельности Глинки картина существенно меняется. Влияние военных проигрышей России в составе антифранцузских коалиций на формирование национального самосознания и политической культуры России было огромным. После блестящих военных побед Петровского и Екатерининского царствований череда оскорбительных поражений в наполеоновских войнах больно ударила по национальной гордости русских и поставила вопрос о судьбе и миссии русского народа.

Приближение еще одного, на этот раз решительного и прямого, столкновения с Францией, диктовало необходимость пересмотра идейных приоритетов. В этом контексте очень характерной представляется цензурная история «Русского вестника» С.Н. Глинки. Начав выходить в свет вскоре после заключения Тильзитского мира, когда Александр I был вынужден принять ряд цензурных постановлений, регулирующих освещение французской темы в прессе, журнал был пропитан откровенно антифранцузской риторикой, развивал критику галломании русского светского общества. Популярность журнала росла стремительно, что наглядно демонстрировало формирование в русском обществе определенной группы, поддерживающей антифранцузские настроения. Обоснованно видя в журнале Глинки центр консолидации русской национально-консервативной партии, могущей иметь важную роль в потенциальном противостоянии с Францией, французский посланник при русском дворе жаловался императору на «Русский вестник», требуя призвать редактора к ответу. Однако Александр ограничился показательным наказанием цензора (но не редактора!) и оставил журнал по-прежнему в руках С.Н. Глинки, никак не препятствуя выходу издания в свет.

Подобная ситуация объясняется тем, что Александр I в это время принужден был к сложным маневрам в сфере внешней политики. По восшествии на престол в 1801 году молодой император ориентировался на политику нейтралитета в европейских делах и невмешательства во внутренние дела других государств даже в случае смены в них государственного строя, декларировал в письмах соратникам и инструкциям сотрудникам дипкорпуса свои намерения принимать с уважением выбор любой нации относительно системы правления, очевидно, подразумевая республиканскую Францию, союз с которой рассматривал на первых порах как вполне возможный [13, с. 83–84]. Однако по мере того, как ореол республиканца развеивался вокруг Бонапарта и на первый план выступали все те же претензии имперской Франции на континентальную гегемонию, русский император все отчетливее понимал невозможность остаться в стороне от происходящего в Европе. Вступление России в антифранцузскую коалицию было продиктовано вполне разумным стремлением ограничить экспансионистские устремления Франции, пока они не распространились непосредственно на Россию.

При этом возможность прямого столкновения с Наполеоном уже накануне Эрфуртского конгресса осмыслялась как весьма вероятная – в письме матери император так описывал цели своих переговоров с формальным партнером, а в перспективе самым опасным врагом: «получить желанную передышку и беспрепятственно наращивать в течение столь драгоценного времени свои силы... не разглашать во всеулышанье о наших вооружениях, не выступая открыто против того, к кому испытываем недоверие» [цит. по: 16, с. 152]. Императору было необходимо, соблюдая внешне все гарантии союзнических договоренностей, подспудно готовиться к другому сценарию развития событий, в том числе создавая «идейный плацдарм», для того чтобы в случае необходимости быстро переориентировать общество с идеи партнерства с наполеоновской Францией на идею противостояния ей. Поэтому Александр, формально прикрывая двойственность своей цензурной политики идеями свободы слова и либерального отношения к мнению общества, рассчитывал в дальнейшем использовать идейное влияние консервативной партии, консолидировавшейся вокруг журнала Глинки, в информационной войне с Наполеоном.

Глинка весьма отчетливо сознавал «военную» миссию своего журнала. Он не мог себе позволить подобно Карамзину в 1802 году признавать благотворность для России соприкосновения с европейской культурой. Готовя русских к непримиримой борьбе с врагом, культурному влиянию которого они подвергались на протяжении более двухсот лет, Глинке необходимо было девальвировать это влияние, объявив его не благотворным, а тлетворным. Поэтому его взгляд на русскую историю во многом определялся стремлением найти в ней примеры превосходства русской национальной традиции над европейской.

В первом же номере сразу за программой издания следует очерк «Петр Великий». Для начала Глинке был необходим персонаж, хорошо известный не только в России, но и в Европе, герой, значимость которого для судеб мира была бы принимаема безоговорочно не только в локальном национальном контексте. Кроме того, именно эпоха Петра была ознаменована европейской славой русского оружия, и в начале XIX века русские, тяжело переживая горечь военных поражений, не имели другой основы для исторической гордости, кроме свершений Петра I и побед Екатерины II, считавшей себя продолжательницей дел великого предшественника. При этом важно помнить также и то, что русское общество этого периода находилось под глобальным влиянием так называемой петровской легенды, сформированной апологетическими работами П. Голикова, Ф. Прокоповича, Я. Штелина, и порицание негативных сторон петровских преобразований еще не вошло в интеллектуальный обиход эпохи. Критика петровского деспотизма, высказывавшаяся, например, в работах М.М. Щербатова, имела пока не так уж много сторонников.

В «Вестнике Европы» Карамзин позволял себе осторожные указания на то, что была унижена национальная гордость русских, и на то, что средства, к которым прибегал Петр для достижения своих благотворных целей, не всегда были гуманны. И все-таки публикации журнала о Петре проникнуты безусловно апологетическим пафосом. В 1802 году для Карамзина еще не настало время критики и негодования в адрес первого императора, чье стремление к европейским обычаям «преступило границы благоразумия», как напишет придворный историограф позже, в «Истории государства Российского». Пока, даже говоря о Тайной канцелярии, учрежденной Петром, Карамзин пишет, что «Великий Император, преобразуя отечество и на всяком шагу встречая неблагодарных, злые умыслы и заговоры, должен был для Своей и государственной безопасности основать сие ужасное судилище», подчеркивая, что «История не дерзнет обвинять славнаго Монарха: жестокия обстоятельства заставили Его прибегнуть к жестокому средству... Я чувствую великия дела ПЕТРОВЫ, и думаю: «щастливы предки наши, которые были их свидетелями!» однакожь – не завидую их щастию!» [17, с. 127–132].

Открывая новый журнал очерком о Петре I, Глинка понимал и учитывал включенность этого высказывания в контекст европейской россии, в которой в течение XVIII века сложились две противонаправленные тенденции рассмотрения деяний первого русского императора: трактовка петровских реформ как создания Руси из политического небытия волей великого человека, использовавшего, впрочем, по преимуществу дурные и деспотические методы (Фонтенель, Вольтер, Дидро, Мармонтель), и трактовка петровских реформ как вовсе безуспешных, не изменивших русского варварства или даже ухудшивших его механическим копированием чуждых обычаев (Руссо, Кондильяк, Мирабо) [8, с. 39–43]. «Глинка вынужден был оппонировать хорошо разработанным критическим концепциям. Большинство авторов, в том числе и Руссо, довольно непочтительно осуждало Петра. Те же, кто отзывался о нем хорошо, наоборот, не уважали допетровской России, считая ее варварской» [8, с. 43].

Оппонировать обеим сторонам было затруднительно, поскольку, формулируя свою идею, «русские традиционалисты и консерваторы первоначально реагировали не столько на эксцессы французской революции... сколько на реформы Петра Великого и вызванные ими модернизационные процессы» [4, с. 58], то есть их базовой интенцией было отстаивание самобытности допетровской Руси. Требовалось логически примирить восхваление допетровской Руси и петровских реформ.

Обращение к некоему положительному образу русской допетровской старины можно найти и в журнале Карамзина. Даже описывая народный бунт по времена царствования Алексея Михайловича, издатель «Вестника Европы» рисует его как взрыв справедливого негодования народа на фоне совершенно идиллических картин политического быта Московской Руси: «Уже Россия наслаждалась миром и благоустройством, которое Михаил возстановил с великим трудом и с явною помощью Неба... Граждане Московские чувствовали сию несправедливость тем живее, что благодатное царствование Михаила приучило их к царству милости и правосудия; времена прежних насилий и беспорядков уже заглажались в их памяти. Добрый Царь, отделенный от народа высокою Кремлевскою стеною, не знал, что делается за нею, и не слышал народного вопля» [18, с. 119–125]. Трепетный, благоговейный тон всегда сопровождает публикации «Вестника Европы» о русской старине: «Я с какою-то любовью смотрел на те вещи, которые принадлежали еще к характеру старой Руси, – пишет Карамзин, – с каким-то неизъяснимым удовольствием брался рукою за дверь, думая, что некогда отворял ее Родитель Петра Великого, или Канцлер Матвеев, или собственный предок мой, служивший Царю. Я чувствовал, что во мне не остыла Русская кровь!» [19, с. 209]. Однако у Карамзина выражения трепетного уважения к отеческой старине неизменно сопровождаются оговорками «Пусть мы умнее своих предков, пусть нам нечего занять от них...» [19, с. 209], «Летописцы наши не Тациты» [17, с. 127] и т.д.

Глинке же требовалось безо всяких подобных оговорок вознести идеал допетровской Руси на ту высоту, с которой он мог бы покровительственно взирать на «европейских безбожников осмагонадесять столетия», и при этом не только ничем не уронить, но по возможности еще возвысить авторитет Петра Великого. Издатель «Русского вестника» решает эту задачу, во-первых, за счет того, что просто игнорирует революционный характер преобразований Петра, объявляя его последовательным и успешным продолжателем дел своих великих предков, и даже продолжателем старины, и хранителем патриархальных взглядов. Петр предстает под пером Глинки как «строгий наблюдатель обязанностей веры и нравов праотческих» [12, с. 17], который благоговел перед древними иконами и инициировал перенесение мощей св. блгв. князя Александра Невского в новую столицу.

Во-вторых, в рассуждениях о судьбе русского народа и его великого правителя Глинка переносит акцент с политического или технологического на нравственный аспект национального развития. И с этой позиции доказывает превосходство и русских как народа,

сохранившего в чистоте веру предков, над погрязшими в разврате безбожия европейцами и нравственное превосходство Петра как правителя, который самоотверженно «трудился не для себя, но для России» [12, с. 15]

«Как человек, Петр Великий не мог быть совершенным; но каждый Россиянин, вникая в дела, в намерения Петровы, скажет: «Он жил, трудился, и умер в трудах для России» [12, с. 21], – подчеркивает Глинка. Петр создавал из русских героев, делал русских народом, верящим в себя, поскольку понимал, что без самосознания нации бессильны любые нововведения. Глинка многократно подчеркивает «открывал, уважал дарования подданных своих во всяком звании» [12, с. 18] и, устроив триумфальную встречу героев Полтавы в Петербурге, «Петр, виновник сих подвигов, следовал за военачальниками между нижними чинами пеший» [12, с. 15].

В статье «Взгляд на Москву» Глинка выделяет главную для него черту политического быта допетровской Руси: «тут замечали достоинство и ум всякого звания людей, тут порицали явно и гласно тех, которые не рачили о чести и имени своих предков. Таким образом сохранялось важное могущество стыда и чести. Обыкновение сие установилось задолго до Петра Первого, и Вольтер говорит: “что до времен сего Государя Россия была в совершенном варварстве!” Да будет ему стыдно, и тем, кто из нас служит ему отголоском» [12, с. 25–26]. Тот же мотив прозвучит и в очерке об Артамоне Матвееве, помещенном в четвертом номере журнала: «Видя, сколько многообразных дел отправляемо было одним человеком, поверим ли Вольтеру, будто бы до Петра Великого Россия была в совершенном невежестве» [20, с. 124].

«Хотя российская держава и до сего Монарха была сильна, могущественна; но сила и могущество ее заключались в средствах, которыми наделила ее природа, и в крепости душ Россиян» – такое утверждение отчасти позволяет Глинке снять противоречие между идеей полного благополучия допетровской Руси и благотельностью петровских реформ. Именно крепость душ Россиян спасла страну, когда «сугубое иго иноплеменное грозило Россиянам; внутри Отечества нашего кипели мятежи и раздоры», то есть во время Смуты, и проявилась она в том, что «Новое поколение восприяло Державу» [12, с. 13].

Выстраивая линию исторической преемственности – Дмитрий Донской – Александр Невский – Иван Грозный – Петр Великий, Глинка отмечает, что все великие победы предшествовавших Петру русских полководцев одерживались усилием духа и проявлением воинского таланта, но скоро обращались в прах, поскольку руководимое ими ополчение расходилось и не было возможности закрепить за собой положительные последствия победы. Петр же дал России то, что «соблюдает постоянную безопасность государств», – регулярную армию [12, с. 11].

Глинка полагал, что главное историческое дело Петра в том, что он устроил войско и флот. Но, сравнивая Петра с другим знаменитым европейским полководцем, Фридрихом Великим, издатель «Русского вестника» отмечает, что сей последний «более занимался воинством, нежели благоуправлением народа» [12, с. 20], оттого в конце концов и потерпел неудачу. Петр же напротив, представляется монархом, который даже во время Полтавской баталии тревожится об издании книг и инструктирует Матвея Зотова по поводу переводов полезной литературы.

Концепция Глинки, таким образом, при внешне парадоксальном соединении восхваления допетровской Руси с восхвалением преобразований Петра, при ближайшем рассмотрении оказывается не лишенной внутренней стройности и логики. Петр оказывается встроены в логический ряд великих предшественников, и величие его дел не умаляет их авторитета, потому что эта преемственность осеняется общей великой целью блага Отечества, которому на Руси всегда стремились служить равно люди любого достоинства и звания.

Отметим, что попытка установления исторической преемственности Петра по отношению к предшественникам делается и Карамзиным на страницах «Вестника Европы», впрочем, бегло, в контексте размышлений о патриотизме и роли национального языка в его формировании. «Вы не достойны называться Русскими», – пишет Карамзин, если не гордитесь «языком Святослава, Владимира, Пожарского, ПЕТРА Великого» [14, с. 57]. Если Глинка выстраивает линию великих полководцев, то Карамзин, вероятно, руководствуется стремлением выделить некие в целом ключевые моменты русской истории и связанных с ними персонажей – формирование величия Киевской Руси за счет военных экспансий времен Святослава, принятие христианства Владимиром, спасение от Смуты. Но, несмотря на возможность такой линии преемственности и на существенные колебания в оценке характера петровских реформ, свойственные Карамзину на разных этапах его творчества, все же представление о переломном, революционном характере петровских преобразований у него сохранялось.

Концепция Глинки не заостряет внимания на крутых поворотах истории, не рисует нам ни великого петровского перелома, ни создания России из небытия. Напротив, это, скорее, эпический «примиряющий нарратив», который снимает противоречия в оценке исторических событий, обобщая их в единый исторический путь, практически не отклонявшийся от победного курса «державного величия». Построение такого нарратива неизбежно приводило к игнорированию некоторых фактов. Например, Глинка, в отличие от Карамзина, не ставит вопроса о цене петровских преобразований и жестокости методов, просто оставляя его в стороне, избегает размышлений о причинах неудач Петра, описывая их как ступени восхождения и «просвещение опытом», поскольку «злополучение есть училище великих мужей» [12, с. 14]

Можно также предполагать, что подобные исторические взгляды Глинки, отраженные на страницах «Русского вестника», определялись не только и не столько личными предпочтениями и мировоззренческими установками автора, сколько теми сложными внешнеполитическими обстоятельствами, которые сопровождали рождение журнала, и теми прикладными задачами, которые ставил перед собой Глинка в отношении формирования общественного мнения в этот сложный для России период.

Литература.

1. *Погодин М.П.* Вечное начало. Русский дух / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 832 с.
2. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1886.
3. *Лупарева Н.Н.* «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 215 с.
4. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
5. *Соловьев Е.А.* Петр Первый: метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX века). М.: Изд-во РУДН, 2009. 288 с.
6. *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в русской литературе: (Опыт историко-библиографического обзора) // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 7. С. 57–121; № 8. С. 305–375.
7. *Джаббаров Р.Р.* Петр Великий в оценке Н.М. Карамзина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 98–108.
8. *Велижев М.* Об источниках «петровской» концепции С.Н. Глинки // Петр Великий / сост. и ред. Е.В. Анисимов. М.: О.Г.И., 2007. С. 34–66.
9. Предисловие к «Истории французской революции, избранной из Латинских писателей» / пер. Н.М. Карамзина // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 22
10. Вестник Европы. 1802. № 2.
11. *Акчурина А.Р.* «Вестник Европы» Н.М. Карамзина (1802–1803) как предтеча «Истории государства Российского» // Карамзинский сборник: «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте русской и мировой культуры: К 200-летию выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского». Ульяновск, 2019. С. 3–9.

12. Русский вестник. 1808. № 1.
13. *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.
14. Вестник Европы. 1802. № 1. С. 55
15. Вестник Европы. 1802. № 4.
16. *Искюль С.Н.* Франция, Россия и тернии Тильзитского «брака» // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 150–173.
17. Вестник Европы. 1802. № 6.
18. Вестник Европы. 1802. № 18.
19. Вестник Европы. 1802. № 15.
20. Русский вестник. 1808. № 4.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ взглядов на преобразования и историческую роль Петра I, выраженных на страницах «Вестника Европы» Н.М. Карамзина (1802–1803) и «Русского вестника» С.Ф. Глинки (1808–1824). Поскольку внешнеполитический контекст эпохи наполеоновских войн оказывал принципиальное влияние на русскую журналистику этого периода, исторические материалы журналов рассматриваются в их соотносительности с актуальными процессами в информационном пространстве начала XIX века. Показано, что при наличии идейной преемственности в мировоззренческих установках и исторических взглядах журналов Карамзина и Глинки, основные отличия проявляются в том, что приоритетной задачей Карамзина было обоснование равноправного статуса России в культурном пространстве Европы, и его апологетическое отношение к Петру I в этот период определялось ролью первого императора в европеизации России. Глинке в условиях информационного противостояния накануне войны 1812 года требовалось подчеркнуть нравственное и культурное превосходство русских перед европейцами, поэтому он предпринял попытку создать примиряющий исторический нарратив, парадоксально соединяющий в себе и восхваление допетровской Руси, и восхваление преобразований Петра Великого.

Ключевые слова: «Вестник Европы», Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка, «Русский вестник», Петр I.

Olga S. Kruglikova, PhD in Philology, Associate Professor, History of Journalism Department, St. Petersburg State University. E-mail: oskruglikova@yandex.ru

N.M. Karamzin's "Herald of Europe" and S.N. Glinka's "Russian Herald" about Peter the Great – Consonance and Dissonance*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the views on the reforms and historical role of Peter the Great, expressed in N.M. Karamzin's "Herald of Europe" (1802–1803) and S.N. Glinka's "Russian Herald" (1808–1824). Since the foreign policy context of the era of Napoleonic Wars had fundamental impact on Russian journalism of that period, historical publications should be considered in their correlation with current processes in the information space of the early 19th century. In the article the author shows that given the ideological continuity, the world outlook and historical views of the journals of Karamzin and Glinka were characterized by fundamental differences. The primary task for Karamzin was to substantiate the equal status of Russia in the cultural space of Europe, and his apologetic attitude towards Peter I during that period was determined by the role of the first emperor in the Europeanization of Russia. Glinka, in the conditions of information confrontation on the eve of the war of 1812, needed to emphasize the moral and cultural superiority of Russians over Europeans, so he made an attempt to create a reconciling historical narrative, paradoxically combining both the praise of pre-Petrine Russia and the praise of the reforms of Peter the Great.

Keywords: "Vestnik Evropy" ("Herald of Europe"), N.M. Karamzin, S.N. Glinka, "Russkij Vestnik" ("Russian Herald"), Peter I.

* This study was prepared as part of the RFBR project № 20-011-42018.

Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация противниками славянофильства*

Петр I и его деяния – как воспринимали их славянофилы? Видели ли они исторические предпосылки петровских реформ? Как оценивали их результаты? И не было ли огульным их отношение к разнообразным аспектам политики, проводимой первым русским императором? Наконец, не стремились ли они вернуться к порядкам допетровской Руси?

I

Ранее всех об этом завел речь П.Я. Чаадаев, старший современник А.С. Хомякова и братьев И.В. и П.В. Киреевских. Причем сделал он это на рубеже 1836–1837 годов, когда «московское направление» только-только начало формироваться и когда не было не то что опубликовано, а вообще предано гласности ни одного славянофильского текста. В «Апологии сумасшедшего» от имени «новой школы», то есть будущих славянофилов, Чаадаев заявил: «Больше не нужно Запада, надо разрушить создание Петра Великого, надо снова уйти в пустыню». И уже от собственного лица он продолжал судить о них: «Забыв о том, что сделал для нас Запад, не зная благодарности к великому человеку, который нас цивилизовал, и к Европе, которая нас обучила, они отвергают и Европу, и великого человека, и в пылу увлечения этот новоиспеченный патриотизм уже спешит провозгласить нас любимыми детьми Востока» [1, с. 530]¹.

В 1840-х годах, когда увидели свет первые славянофильские произведения, в том же духе, то есть выставляя их авторов апологетами старины и противниками петровских (да и иных) реформ, стал рассуждать В.Г. Белинский. Одной из первых подобного рода его статей стала «Россия до Петра Великого» 1841 года. В ней он именовал своих оппонентов «защитниками патриархальных нравов против цивилизованных», «старообрядцами и

¹ Впрочем, когда Чаадаев не был подвержен страсти спора со славянофилами, он позволял себе совершенно иные заявления. В 1835 году он писал А.И. Тургеневу: «Мы призваны <...> обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы <...>. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; все великое приходило из пустыни» [2, с. 99]. В итоге отношение Чаадаева к славянофилам изменилось, и тому же адресату в июне 1844 года он рассказывал по поводу защиты магистерской диссертации Ю.Ф. Самарина: «Я был тронут до слез этим прекрасным торжеством современного направления в нашем отечестве, в нашей боголюбивой, смиренной Москве» [2, с. 168].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42018.

Бадалян Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения Российской национальной библиотеки; доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: dmit.bad@gmail.com

антиевропейцами», «защитниками варварской старины нашей» [3, с. 138, 141, 137]. А годом позже именно он пустил в ход презрительное прозвище «славянофилы» [4, с. 31]. Подобные представления настолько распространились в русском обществе, что спустя десятилетия некоторые союзники «московской партии» стали высказываться в том же ключе. К примеру, в 1861 году А.А. Григорьев писал в статье «Народность и литература»: «Западничество отвергало все значение нашей исторической и бытовой жизни до реформы Петра; славянофильство отвергло всякое значение реформы, кроме вредного» [5, с. 174], а О.Ф. Миллер в 1873 году заявил, что «самую слабую сторону» учения славянофилов составляет «недодуманное воззрение на Петра, как нарушителя стройного хода нашей истории, как на насильника и искажителя нашего народного склада и нрава» [6, с. 625–626]. И уже в 1946 году Н.А. Бердяев в своей известной книге «Русская идея» утверждал: «Славянофилы не поняли неизбежности реформы Петра для самой миссии России в мире, не хотели признать, что лишь в петровскую эпоху стали возможны в России мысль и слово, и мысль самих славянофилов, стала возможна и великая русская литература» [7, с. 431].

Такие же или еще более категоричные суждения регулярно звучат и в современной научной среде. Так, на страницах многотомной «Всемирной истории» В.С. Парсамова следующим образом представляет взгляды славянофилов: «Весь период русской истории от Петра до современной им России славянофилы считали чудовищной ошибкой, исторической случайностью, произошедшей по воле одного человека. Петр выбил Россию из предназначенной ей колеи исторического развития, а следовательно принцип историзма, признающий необходимость и закономерность каждого этапа исторического развития, в данном случае не работает. Поэтому все еще можно изменить и вернуть на круги своя» [8, с. 464].

Подробный разбор суждений о петровских реформах К.С. и И.С. Аксаковых содержит вышедшая в 2010 году масштабная работа А.А. Ширинянца, А.В. Мыриковой и Е.Б. Фурсовой. Она заметно превосходит рамки обычной вводной статьи, коей формально является. Выводы же, которые авторы делают по ходу анализа, можно свести к тому, что К.С. Аксаков «занял позицию самого строгого и категоричного критика деяний Петра I и его апологетов», да и его младший брат «резко критически относился <...> к преобразованиям Петра I» [9, с. 18–19, 75].

Самый свежий пример такого же подхода представляет работа А.Э. Котова, в которой утверждается: «...из всех представителей консервативного лагеря XIX в. принципиальными противниками петровских реформ были, пожалуй, только славянофилы¹. Они трактовали петровское время как период террора, расколовший русское общество и породивший “бюрократическое средостение” между народом и властью, сбивший страну с верного – православно-земского – пути самобытного развития» [12, с. 323]. Однако при этом историк ссылается не на труды самих славянофилов (исключение – цитата из статьи 1864 года, принадлежащей И.С. Аксакову, которого автор причисляет к их эпигонам), а на изданную в 2020 году монографию Т.Ю. Айдуновой «Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX вв.».

Наблюдения и оценки, сделанные в последней работе по поводу выступлений славянофилов, порой разноречивы и нуждаются в уточнении, но они никак не ведут к выводу, что те являлись «принципиальными противниками петровских реформ». К примеру, именно в той части, на которую указывает А.Э. Котов, автор монографии подчеркивает: «...характеристики первого российского императора и результатов его деятельности в славянофильской общественно-исторической мысли середины – второй

¹ Обсуждение вопроса, уместно ли и в какой мере отождествлять славянофилов и консерваторов, не входит в задачи данной работы. Позицию автора по нему см. [10, с. 6–7, 24–25 или 11, с. 11–13, 314–315].

половины XIX в. вовсе не сводились к его прямому и одностороннему одобрению или отрицанию» [13, с. 35]. В заключение же своей работы Т.Ю. Айдунова заявляет: «В целом в консервативной и даже в славянофильской общественно-исторической мысли позитивное отношение к Петру I было очевидно, причем в отдельных случаях проявлялась апологетика личности и деятельности царя. Но вместе с тем имело место критическое отношение к нему в связи с некоторыми сторонами его деятельности» [13, с. 130].

Добавим, что к тем ученым, которые считают Хомякова, Киреевских и их единомышленников безусловными противниками петровских реформ, присоединился и ряд филологов, специалистов по славянофилам и их творчеству. В частности, С.Е. Шаталов, Т.Ф. Пирожкова и В.А. Фатеев. Но они только кратко констатировали данное положение как несомненный факт, не занимаясь исследованием вопроса [14, с. 377–378, 415, 433; 15, с. 56; 16, с. 18].

Лишь немногие ученые, стремившиеся осмыслить историческую роль Петра I, обращались в последние десятилетия к трудам славянофилов, посвященным этой проблеме. Так, составители выдержавшей два издания антологии «Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей» [17, 18] не посчитали нужным представить ни одного славянофильского текста даже во втором, расширенном ее варианте, превышающем объемом тысячу страниц. А в антологию «Петр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ» из всего славянофильского наследия оказалась включено лишь стихотворение К.С. Аксакова 1845 года «Петру» [19, с. 458–460], которое, отметим, далеко не в полной мере представляет позицию даже одного этого автора.

Специалист по эпохе Петра I Е.В. Анисимов утверждает: «Славянофилы оценивали П<етра> I резко негативно, так, К.С. Аксаков упрекал его “в излишнем развитии государственности”, “неуважении к русской земле” и “воззрении на нее как на материал для своих планов” [20, с. 80]¹. В другой работе он находит в славянофильстве лишь отрицание петровской «революции сверху» и осуждение ее принципов и методов. Автор, не поясняя на чем основано его мнение, уверяет: борьба славянофилов и западников во многом возникла из-за рассуждений Карамзина о Петре I и «в конечном счете вращалась вокруг Петра – центральной исторической фигуры Нового времени». Более того, Анисимов подчеркивает: «Петр стал своеобразным индикатором, который позволяет практически сразу определить политические взгляды собеседника и даже его профессию» [22, с. 15, 12].

В отличие от этого автора С.А. Мезин указывает, что полемика славянофилов и западников началась с «выступления» Чаадаева. Тем не менее и он судит о славянофилах по отдельным, выхваченным из контекста цитатам, заявляя, что они «идеализировали древнюю Русь и осуждали Петра за насильственный разрыв с национальной традицией. Они обвиняли Петра в отрыве власти от народа и в установлении крепостного права. Иные из них (П.В. Киреевский, отчасти К.С. Аксаков) доходили до личной ненависти и проклятий в адрес первого императора <...>, другие, как А.С. Хомяков, хотя и с оговорками признавали за реформами Петра положительное значение» [23, с. 94].

Однако существуют исследования, представляющие иной подход. Так, Н.И. Цимбаев еще в 1986 году утверждал: «Славянофилы были далеки от официальных восхвалений “революции Петра I”, но вопреки укоренившемуся в историографии мнению, они не отрицали исторической неизбежности Петровских реформ. <...> Петровская эпоха находила свое, строго определенное, относительно небольшое место в изощренной историософии

¹ Все цитаты – из одной фразы К.С. Аксакова в его речи 1847 года «О Карамзине» (при жизни автора неопубликованной), однако, предворяя эти слова, тот заявлял, что в «перевороте Петра» были истина и ложь [21, с. 173].

славянофилов, в их понимании хода всемирной истории и пути русского исторического развития. В Петровских реформах славянофилы прежде всего не принимали насилия, подавления народа государством» [4, с. 308].

В том же духе размышлял В.А. Кошелев, который в 2000 году подчеркивал: «Именно под знаком “всемирно-исторического переворота” (Хомяков) рассматривали 30-летнюю деятельность Петра I все славянофилы, неизбежно признавали ее необходимость и то, что “реформа Петра не могла быть случайна” (Ю. Самарин), и мучились в поисках нового “отторжения” от ее несчастных последствий» [24, с. 185].

Спустя 12 лет П.А. Пешков, заявил, что позиции славянофилов и западников «совпадали в понимании последствий реформ Петра (отказ от прошлого, ориентация в развитии на Запад). Разница в оценках касалась акцентов <...>. Первые акцентировали внимание на религиозном и национальном моментах, вторые обращались больше к “экономическим и политическим реалиям западноевропейских стран и России”». По убеждению автора, славянофилы признавали историческую обоснованность преобразований, но, в отличие от своих оппонентов, «отмечали насильственный характер проводимых реформ, полагая, что они подорвали возможность особого пути исторического развития России, что Петр разобщил сословия, стал виновником сословной вражды, ранее не известной русскому обществу» [25, с. 80].

В 2016 году О.А. Мартынова, не отрицая того, что «славянофилы отмечали отрицательные последствия петровских преобразований», выступила с такими рассуждениями: «...славянофилы видят нужность и обусловленность петровских реформ и даже до известной степени оправдывают насильственные методы их проведения (безусловно осуждает их лишь К.С. Аксаков)». Одновременно она утверждает: «Говоря о заимствованиях из Европы, славянофилы отмечают их безусловную необходимость» [26]. Надо только уточнить, что, рассматривая суждения деятелей «московского направления», автор включила в их число и М.П. Погодина, который именно во взглядах на Петра I имел с ними заметные расхождения.

Е.О. Ковалева, рассматривая в 2019 году отношение «московской партии» к петровским преобразованиям, обращает внимание на несколько аспектов. Во-первых, она подчеркивает: славянофилы признавали, что реформы «были вызваны культурно-исторической необходимостью, предопределившей выбор в пользу революционных методов преобразований» (хотя затем автор представляет их сторонниками эволюционного пути развития). Второй аспект – вопрос о методах: славянофилы осуждали средства, применяемые императором, так как те «носили характер преимущественно насильственный, односторонний, отвлеченный от национальных реалий» [27, с. 220–221]. Также славянофилы утверждали, что «механическое подражание западным образцам нанесло существенный вред русской культуре» [27, с. 223]. Еще один аспект – последствия нововведений. В толковании Ковалевой, «главная претензия славянофилов к реформам Петра I» в том, что они «породили людей, которые стали забывать свои национальные традиции», и это привело к расколу «общества» [27, с. 222].

Заметим, большинство приведенных здесь мнений почерпнуты из кратких – не более нескольких фраз – суждений авторов об отношении славянофилов к петровским реформам в работах, направленных на решение иных, часто более широких вопросов. Лишь в последнее десятилетие появилось несколько работ, посвященных специально этой теме или близким к ней. Однако большинство вопросов, поставленных в начале нашей статьи, по-прежнему остаются открытыми. Ведь появившиеся в последние годы работы скорее констатируют ложность прежних стереотипов. Порой они фиксируют позицию того или иного славянофила по отдельному аспекту проблемы, но не дают целостной, обобщенной позиции «московского направления» в его отношении к деяниям Петра I.

Такова отчасти монография Т.Ю. Айдуновой. Таковы работы Л.Н. Беленчук и М.А. Широковой. Первая из них в 2015 году подчеркивала: «Считалось, что западничество превозносит Петра, а славянофильство бесповоротно осуждает, романтизирует и идеализирует допетровскую культуру. На самом деле разные мыслители относились по-разному: от полного отвержения до полного приятия, но с критикой отдельных сторон реформ». Автор, в частности, отметила, что «высоко оценивал значение петровских реформ А.С. Хомяков» [28, с. 16]. Второй автор, М.А. Широкова, в своих не вполне законченных рассуждениях также признаёт, что «Хомяков не оценивал однозначно отрицательно» его деятельность [29, с. 44].

Одной из нескольких причин, затрудняющих исследование отношения славянофилов к петровским реформам, является то, что деятели этого направления не оставили после себя работ, специально посвященных Петру I и его преобразованиям. И чтобы представить этот вопрос в целостном виде, в поисках необходимого материала необходимо исследовать большой массив статей и писем всех основных публицистов «московского направления», а также две принадлежащие К.С. Аксакову и Ю.Ф. Самарину диссертации. И лишь затем уже стоит браться за создание обобщенной картины. Данная статья не претендует на решение этой задачи в полной мере.

II

Из представленного историографического обзора можно предположить, что отношение славянофилов к деяниям первого российского императора не было настолько вульгарно-упрощенным, чтобы трактовать его в примитивных категориях, вроде «хорошее» или «плохое». Подтверждением тому служат уже самые ранние славянофильские работы, которые относятся к концу 1830-х годов. Так, А.С. Хомяков в статье «О старом и новом» представлял царя-реформатора следующим образом: «Явился Петр, и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова *государство*, он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза. <...> Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные: но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насильем» [30, с. 468–469].

Еще прежде Хомякова свое отношение к деяниям императора выразил другой славянофил, И.В. Киреевский, в 1832 году заявивший со страниц журнала с говорящим названием «Европеец»: «...благоденствие наше зависит от нашего просвещения, а им обязаны мы Петру». И далее автор статьи «XIX век» продолжал свою мысль: «Потому будем осмотрительны, когда речь идет о преобразовании, им совершенном. Не позабудем, что судить об нем легкомысленно – есть дело неблагодарности и невежества; не позабудем, что те, которые осуждают его, не столь часто увлекаются ложною системою, сколько под нею скрывают свою корыстную ненависть к просвещению и его благодетельным последствиям» [31, с. 30].

На приведенные слова можно возразить, что И.В. Киреевский начала 1830-х годов еще был далек от тех взглядов, которые позднее назовут славянофильскими. Что же, тогда обратимся к другой его статье «О характере просвещения Европы и его отношению к просвещению России». Спустя 20 лет, уже будучи вполне сформировавшимся деятелем «московского направления», И.В. Киреевский цитирует в ней слова Петра I, по его мысли, говорящие о страстной любви императора к просвещению. И далее он добавляет, что эти

слова объясняют «увлечение, с которым действовал Петр, и во многом оправдывают его крайности» [31, с. 73].

Остается неясно, на чем основывал С.А. Мезин утверждение, что П.В. Киреевский и К.С. Аксаков «доходили до личной ненависти и проклятий в адрес первого императора». Никаких ссылок на источники историк при этом не привел.

Позицию К.С. Аксакова мы рассмотрим немного позже, а пока обратим внимание на непонятно как попавшего с ним в одну компанию фольклориста П.В. Киреевского. Он почти не выступал на публицистическом поприще и не высказывал своего отношения к Петру I. Но, на наше счастье, сохранилось его письмо от 17 июля 1833 года к Н.М. Языкову, где он едва ли не с ненавистью говорит, однако не о Петре, а о «проклятой чаадаевщине», которая «ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одноминутную премудрость, которая только что доведена ad absurdum в сумасшедшей голове Ч<аадаева>, но отзывается, по несчастью, во многих, не чувствующих всей унизости этой мысли» [32, с. 371–372].

Очевидно, П.В. Киреевский высказывает здесь свое отношение к первому «Философическому письму» (или всему циклу писем?) Чаадаева, до публикации которого оставалось более трех лет и которое тогда распространялось в списках. Самое интересное для нас – затем автор письма к Языкову добавляет по поводу этой «чаадаевщины»: «...так меня бесит, что мне часто кажется, как будто вся великая жизнь Петра родила больше злых, нежели добрых, плодов. Впрочем, я и сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд беспристрастия, который только один может быть ясен» [32, с. 372].

«Великая жизнь Петра родила... злых... <i> добрых». Где же здесь ненависть?! И вслед за тем прямо выражено желание разобраться в последствиях деяний этого императора и сознание того, что это весьма сложное дело, требующее спокойного и беспристрастного отношения. Пусть и не в полной мере, но друзья П.В. Киреевского совершили этот труд в следующие 25 лет.

Видели ли славянофилы какие-либо исторические основания или предпосылки петровским реформам?

Начнем с отдельных аспектов... В статье «О старом и новом» Хомяков обратил внимание на то, что хотя законодательное оформление крепостного права совершено именно Петром I, процесс закрепощения крестьян начался еще при Борисе Годунове [30, с. 461], и задолго до восшествия на трон нашего первого императора «рабство крестьян существовало в обычае» [30, с. 459]. Образно говоря, Петр Алексеевич лишь замкнул финальное звено той логической цепи, которую ковали несколько поколений его предшественников.

Точно так же нельзя считать этого императора единственным инициатором или вершителем некоторых иных реформ и нововведений, вызвавших у потомков сомнения или осуждение. Например, рассматривая часто порицаемую сегодня деятельность первого императора в церковной сфере, Хомяков в конце 1830-х отмечал, что на практике «назначение патриарха всегда зависело от власти светской» [30, с. 457]. Много позже, в 1853 году, он, напомнив о произошедшем при царе Алексее Михайловиче низложении патриарха Никона, которое совершилось «не по воле государя, а по суду восточных патриархов и отечественных епископов», добавил: «Позднее на место патриаршества учрежден был Синод; и эта перемена введена была не властью государя, а теми же восточными епископами, которыми с согласия светской власти патриаршество было в России установлено» [33, с. 130]¹.

¹ Отношение славянофилов к синодальной реформе подробнее рассмотрено протоиереем Павлом Хондзинским на основе трудов Хомякова и Ю.Ф. Самарина [34, с. 60–68].

Хотя бы отчасти этот подход разделял и И.В. Киреевский. Предшественником и причиной «несчастливого переворота», осуществленного Петром I, он видел Стоглавый Собор 1551 года, на котором проявился «раздор духа» и борьба отдельных «партий»: «Оттуда, при разрушении связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной, отсюда местничество, опричнина, рабство и т.п.» [31, с. 45].

Наконец, наиболее развернутые размышления об исторических предпосылках петровских реформ представил К.С. Аксаков, в котором чаще всего видят самого горячего их антагониста. В завершённой в 1845–1846 годах диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» К.С. Аксаков рассматривал противостояние Петра I и прежней Руси стрельцов и староверов как борьбу двух односторонних начал. При этом он объяснял: «...в историческом развитии нет прямого перехода на настоящую точку; доводя до крайности каждый момент, оно производит новую крайность, уничтожающую в своем соприкосновении смысл предыдущего; <...>. Односторонность есть рычаг истории. <...> Петр должен был начать с отрицания совершенно полного; и если национальность в тот момент явилась перед ним, как одна сторона, то и он, как одна сторона, односторонне должен был сначала восстать на нее» [35, с. 66].

Возможно, подобный диалектический способ рассуждений К.С. Аксаков усвоил в общении со своим старшим другом Хомяковым. Так или иначе, но он видел в петровских реформах «дело отрицания чистого, но необходимого, не мертвого, а плодотворного в общем развитии» [35, с. 66].

Описывая петербургский период как время «полной подражательности иностранному», К.С. Аксаков говорил: «Россия вошла в сферу чистого отрицания своей национальности, которое казалось отрицанием ее самой, – отрицания, на которое не отваживался ни один народ». И чуть далее он подчеркивал: «Дело было отважно; но не извне (как было бы при покорении чуждой державою), а изнутри явилась потребность этого отрицания» [35, с. 68].

В той же диссертации К.С. Аксаков, утверждал: «Ни один народ не отваживался на такое решительное, совершенное, строгое отрицание своей национальности, и потому ни один народ не может иметь такого общего, всемирно-человеческого значения, как русский» [35, с. 68–69].

Последние слова – словно эскиз будущей финальной части Пушкинской речи Ф.М. Достоевского, где тот настаивал, что русский народ принял петровскую реформу, «ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм». И, как продолжал свою мысль писатель, «мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! <...> Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком» [36, с. 147].

Добавим, позиция Достоевского примечательна тем, что и в 1860-х годах, и в своем выступлении на Пушкинском празднике 1880 года он стремился примирить славянофилов и западников. При этом писатель напоминал: «...славянофилы заявили всю законность стремления западников в Европу, всю законность даже самых крайних увлечений и выводов их и объяснили эту законность чисто русским народным стремлением нашим, совпадаемым с самим духом народным» [36, с. 133]. Однако ни попытка к этому великому примирению, ни хотя бы славянофильская трактовка «всецеловечества» не были поддержаны западниками.

III

Стоит отметить, что отзывы о первом императоре и его деяниях, представленные в диссертации К.С. Аксакова, вызвали энергичную реакцию попечителя Московского учебного

округа графа С.Г. Строганова. Он увидел в завершённом в 1846 году труде К.С. Аксакова резкие и несправедливые суждения о Петре I и именно на этом основании запретил продажу уже отпечатанной диссертации, а также публикацию откликов на нее [37, с. 108, 114]. Лишь после сделанных автором купюр и исправлений, которые касались нескольких страниц, диссертация прошла повторную цензуру. Как указывает Т.Ф. Пирожкова, по требованию Строганова из текста были изъяты или сокращены именно пассажи с рассуждениями о первом российском императоре и его влиянии на русскую культуру. И после этого текст дважды пришлось дополнять новыми фрагментами, не связанными с Петром I [37, с. 108, 114, 115].

Что именно в суждениях К.С. Аксакова вызвало вмешательство Строганова? К сожалению, цензурные документы, из которых можно было бы понять суть претензий попечителя Московского округа, до сих пор остаются неисследованными. Однако осмыслить коллизию, возникшую между Строгановым и К.С. Аксаковым, помогают документы, свидетельствующие об иных, более поздних конфликтах из-за трактовки петровских преобразований, произошедших между цензурой и славянофилами. А еще более – обращение к каноническому образу Петра I, который в то время формировался и тиражировался властью и ее цензурными органами.

В подготовленной в 1848 году и предназначенной для помещения в журнале «Москвитянин» статье Хомякова <По поводу Гумбольдта>¹ цензура среди нескольких возмутительных с ее точки зрения мест отметила и такие строки: «...один из могущественнейших умов и едва ли не сильнейшая воля, какие представляет нам летопись народов, был Петр. Как бы строго ни судила его будущая история (и бесспорно, много тяжелых обвинений падает на его память), она признает, что направление, которого он был представителем, не было совершенно неправым <...> Та доля правды, которая заключалась в торжествующем протесте Петра, увлекла многих и лучших; окончательно же, соблазн житейский увлек всех» [38, с. 205–206].

Слова о «тяжелых обвинениях» возмутили цензора Главного управления цензуры. В своем оставшемся неподписанным отзыве он восклицал: «Разве все, совершающееся перед нашими глазами, не продолжение дел Петра I? Разве и реформы вылились не из исторической потребности Руси. Если это справедливо, то подобные обвинения Великого Самодержца ненавистны» [39, с. 184].

Из сказанного видно, что цензора не только возмущала видимая двойственность оценки великого исторического деятеля, но он ставил знак равенства между деяниями первого императора и современной ему российской государственностью! В такой ситуации даже сомнения в успешности деятельности Петра I воспринимались как попытка дискредитации царствования Николая I.

Именно так размышлял в 1852 году и чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры Н.В. Родзянко в отзыве о другой работе Хомякова «По поводу статьи Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”»². Исказив смысл статьи, цензор представил позицию Хомякова таким образом: просвещение Европы в своих началах «постоянно ложно и вредно», просвещение же древнерусское – «постоянно истинно и полезно» (в статье последнее как раз опровергалось), а далее, найдя у автора, что европейская культура, введенная Петром I, оказалась ей «в нравственном отношении более ко вреду, чем к пользе», Родзянко интерпретировал это как «отрицание и обвинение того общего государственного и народного направления России, которое <...> доныне блюдет его преемниками» [39, с. 192].

¹ Публикация статьи была запрещена цензурой, и она увидела свет под названием, данным ей издателем, только после смерти автора.

² Статья предназначалась для 2-го тома «Московского сборника» (1853), однако цензура не пропустила в печать не только эту статью, но и весь том.

Приведенные случаи представляют не особенности воззрений отдельных чиновников, а позицию власти. Ведь и сам император, будучи в роли цензора, рассуждал точно таким же образом. Например, запрещая публикацию трагедии М.П. Погодина «Петр I», Николай I так объяснил свое решение: «Память Петра Великого должна быть для нас так священна, что я нахожу неприличным представлять его на сцене, а потому и к напечатанию эта трагедия не может быть дозволена» [40, с. 336].

Можно утверждать, что Петр I воспринимался властью не столько как исторический деятель, по поводу которого возможна обычная научная рефлексия, сколько как символ современной государственности и даже – как сакральная фигура. Такое же отношение было усвоено и обществом, по крайней мере значительной его частью. К примеру, вышедшее в 1845 году из-под пера М.А. Дмитриева стихотворение под названием «Ответ Аксакову на стихотворение “Петр Великий”» начиналось словами «Священной памяти владыки да не касается укор!» [41, с. 63].

И даже некоторые знакомые с историей России иностранцы, если не относились к Петру I как к сакральному герою, то усваивали представления о связи современной российской государственности с его именем и его деяниями. Они понимали: первый император – единственный образец и мерило успеха для нынешнего русского государя. Поэтому французский посол граф О. де Ла Ферроне после состоявшейся 20 декабря 1825 года часовой беседы с Николаем I заявил, что молодой император явился ему «образованным Петром Великим» [42, с. 136] (впрочем, заметим: в такую дипломатичную лесть была обернута скрытая ирония над недостаточной в глазах европейца образованностью Петра I).

IV

Если власть видела в Петре I символ современной ей государственности, то для западников, особенно в ситуации острой полемики, образ императора-реформатора служил символом европеизации русской культуры¹. Примерами чему – «великий человек», кинувший нам «плащ цивилизации», из первого «Философического письма» Чаадаева [1, с. 330] или «гигант» из статьи А.И. Герцена «Двадцать осьмое января», о котором автор говорит: «...силою своего гения, вопреки народу, он выдвинул отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями» [44, с. 29–30].

Символ же по самой природе своей не допускает амбивалентности и противоречий. И пока власть и западники продолжали исповедовать исключительно такой подход, риторика славянофилов не могла быть ими воспринята.

В унисон с властью, а порой превосходя ее в создании своего рода культа царя-реформатора, выступал В.Г. Белинский. Так, в начале статьи 1841 года «Россия до Петра Великого» он заявляет: Петр I – «божество, воззвавшее нас к жизни» [3, с. 93], затем именует его «наш божественный Иракл» [3, с. 127] и говорит о нем как о «посланнике Божиим» [3, с. 134]. Далее он восклицает: «Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского!..» [3, с. 137]. Потом Белинский с умилением пересказывает описанную И.И. Голиковым историю о старом солдате, который «маленький финифтяной портрет Петра <...> ставил с образами, зажигал перед ним свечу и молился ему» [3, с. 151]. И, наконец,

¹ Еще в 1903 году А.А. Кизеветтер предложил рассмотреть споры западников и славянофилов вокруг петровских реформ через противостояние двух символов этих партий – «Петра» и «Москвы». При этом он пояснял, что «не Петр и не Москва сами по себе занимали их внимание». Объясняя мотивацию противников «московской партии», Кизеветтер писал: «Западникам предстояло доказать, что западноевропейская цивилизация – единственно возможная почва для общечеловеческого развития, что европеизация России – первенствующий по своему значению факт нашей истории» [43, с. 207].

завершается статья Белинского риторическим вопросом: «...кто же более нашего Петра имеет право на титул великого и божественного <...>?...» [3, с. 152].

Добавим, что и спустя годы не произошло никакой эволюции в отношении критика к «божественному» императору. За семь месяцев до смерти он в письме к К.Д. Кавелину от 22 ноября 1847 года заявлял: «Петр – моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России» [45, с. 433].

Именно Белинский явился своего рода катализатором многолетней борьбы со славянофильством, начатой им в 1841–1842 годах на страницах журнала «Отечественные записки». Одной из первых нацеленных на такую борьбу публикаций как раз и стала «Россия до Петра Великого»¹. И, заметим, именно для Белинского, а не для его оппонентов, отношение к Петру I, стало тем маркером, по которому он стремился отличать «своих» от «чужих».

С начала 1840-х годов усилиями III отделения в прессе начался ряд кампаний по дискредитации «московской партии» и вообще сторонников межславянского общения [46, с. 89–91]. Подключить к ним входящий в то время в моду журнал «Отечественные записки» было несложно. Ведь его издатель А.А. Краевский с конца 1830-х находился под покровительством тайной полиции, а его самый популярный сотрудник, Белинский, имел с ведомством Бенкендорфа свои прочные связи [47, с. 344–346; 48, с. 97–107]. Еще в 1842 году критик обвинял ученых-славяноведов и тех, кто сочувствовал славянам, в том, что они «хоть сейчас готовы были бы учредить инквизицию для истребления духа европолюбия и для распространения духа азиелюбия и обскурантизма, то есть мраколюбия» [49, с. 343].

Другими словами говоря, славянофилов так или иначе необходимо было представить в самом худшем свете. В этой ситуации являлось не столь важным, как сами они относились к петровским преобразованиям, важнее то, что для Белинского и его окружения император служил символом европейского просвещения. А обвинять своих противников в отсталости и варварстве было фирменным стилем прославленного критика. К тому же стереотипный образ «славянофилы – враги Петра I и просвещения», как мы отметили, оказался сформирован еще ранее Чаадаевым и не являлся каким-то особенным ноу-хау.

Перейдя в некрасовский «Современник», Белинский продолжил высказываться о своих противниках в том же духе. В 1847 году уже со страниц этого журнала он восклицал: «Неужели славянофилы правы и реформа Петра Великого только лишила нас народности и сделала междоумками? И неужели они правы, говоря, что нам надо воротиться к общественному устройству и нравам времен не то баснословного Гостомысла, не то царя Алексея Михайловича (насчет этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?...» [50, с. 19].

В ту пору немногие утруждали себя чтением изредка появлявшихся публикаций Хомякова, К.С. Аксакова и нескольких их друзей, гораздо популярнее были статьи Неистового Виссариона, который в ходе полемики присваивал славянофилам мысли, им противоположные. И читатели верили ему, а не каким-то московским ретроградом. Правда, к тому времени, когда Белинский начал писать в некрасовском «Современнике», его отношение к славянофилам, казалось бы, стало меняться, но тут за дело взялся Н.А. Некрасов, редакторской рукой внесший ряд дополнений в процитированную здесь статью критика «Взгляд на русскую литературу 1846 года» [48, с. 107–108].

¹ Вся эта статья проникнута европейским шовинизмом, презрением к Азии, которая ассоциируется исключительно с тьмою, невежеством и варварством [3, с. 132], и к «азиатцам». В понимании Белинского последние – «какие-нибудь якуты, буряты, камчадалы, калмыки, черкесы, негры, которые действительно ничего общего с человечеством не имели, которых человечество не признает живую, кровную часть самого себя и для которых, может быть, есть только будущее...» [3, с. 92]. И здесь же он с уничижением указывает на собственный народ как «низшую» часть нации [3, с. 121–123].

Именно эта публикация и особенно содержащиеся в ней сентенции о славянофилах и петровских преобразованиях вызвали энергичные возражения Ю.Ф. Самарина. В 1847 году он выступил со страниц журнала «Москвитянин» со статьей «О мнениях “Современника”, исторических и литературных». Самарин заявил: «Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от нее отказать. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали» [51, с. 145].

Самарин восклицал: «Когда и кто из славянофилов, и в каком издании, высказал ту мысль, которую критик рассудил за благо им приписать? Не все ли они единогласно говорят, что время Алексея Михайловича было временем порчи? <...> И, когда шла речь об утрате нашей народности, не говорили ли они всегда, что утрата не безусловная, – иначе мы бы погибли, – а утрата временная, сознательная и свободная; утрата не в смысле потери, а в том смысле, в каком человек, увлеченный в одностороннюю деятельность, временно оставляет без употребления многие свои способности, удерживая за собою право и возможность обратиться снова к их развитию?» [51, с. 145].

В заключение статьи, резюмируя свои рассуждения, Самарин привел ряд тезисов Белинского. Некоторые из них славянофилы «первые пустили в ход, а других никогда не думали отвергать»:

«Россия изжила эпоху преобразования, и для нее настало время развиваться самобытно, из самой себя.

Миновать эпоху преобразования, перескочить за нее нельзя.

Реформа Петра не могла быть случайна.

Пора нам перестать *казаться* и начать *быть*; пора уважать и любить только человеческое и отвергать все, в чем нет человеческого, будь оно европейское или азиатское.

Крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа.

Смирение и любовь суть свойства человеческой природы вообще» [51, с. 151].

Таким образом, целый ряд искусственно мифологизированных представлений о славянофилах и их отношении к Петру I был создан и растиражирован их противниками в условиях все нарастающей общественно-политической конфронтации. В соответствии с популярными мифами слагал свои воспоминания и участник этой борьбы И.И. Панаев. Близко общавшийся с К.С. Аксаковым в Москве в 1839 году, спустя 20 лет он признавал, что в то время славянофильский критик не питал «непримиримой ненависти к Петру I», хотя и «не чувствовал к нему расположения». Однако «впоследствии», то есть когда они уже не общались, ненависть «развилась» в К.С. Аксакове [52, с. 228]. На чем же основывал последний тезис мемуарист-западник? В текстах К.С. Аксакова «ненависти к Петру I» не было и не могло появиться, хотя бы по условиям цензуры. Приходится полагать – она родилась из домыслов Белинского и их общих с Панаевым друзей. Остается добавить, словами В.А. Кошелева: «...Именно эти “нелепые” мифологемы до сих пор в иных ученых трудах воспринимаются как едва ли не основы славянофильского учения» [24, с. 353].

V

Идеализировали ли славянофилы Древнюю Русь? И желали ли вернуть Россию XIX столетия к порядкам и обычаям допетровской эпохи?

Если и есть произведение, которое позволяет заподозрить их в этом, то это – странная статья И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». Ее автор сравнивал два типа культуры – западную, где царствуют рационализм, раздвоение разума, влечение к внешнему единству, и восточно-

христианскую культуру, где он видел стремление к сердечной цельности, средоточию ума и живой совокупности. Рассуждая так, И.В. Киреевский подчеркивал, что описанные им качества утрачены современной ему Россией после потрясений петровских реформ. Однако при всем при этом не надо забывать три обстоятельства:

Первое – ранее тот же И.В. Киреевский говорил: «Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах» [31, с. 33–34].

Второе – по мысли И.В. Киреевского, выраженной в той же статье «О характере просвещения Европы...», православным «началам жизни» надлежит не вытеснять европейское просвещение, а «обнимая его своею полнотою», дать ему «высший смысл и последнее развитие» [31, с. 126]. И это не то же самое, что возврат назад.

Третье – хотя славянофилам вообще было свойственно вести полемику внутри своего круга, публикация именно этой статьи вызвала особенно бурные возражения. Редактор «Московского сборника», в котором она увидела свет, И.С. Аксаков не скрывал, что ни он сам, ни его брат, ни Хомяков под этой статьей не подписались бы. Возражение на нее высказывали А.И. Кошелев и Ф.В. Чижов. Именно из-за этой статьи в предисловии к сборнику было сказано: не следует мнение одного автора путать со взглядами других. Но публикацию предисловия запретила цензура [53, с. 453; 15, с. 114]. Для следующего тома «Московского сборника» Хомяков подготовил статью, в которой, полемизируя с И.В. Киреевским, заявил, что основная часть населения Руси «приняла более обряд церковный, чем духовную веру и разумное исповедание Церкви» [54, с. 127]. Однако и эта статья, и том сборника, как было прежде отмечено, оказались запрещены цензурой. Своих читателей работа «По поводу статьи И.В. Киреевского...» нашла только после кончины автора.

Хомяков, который еще в конце 1830-х годов в статье «О старом и новом» указывал на проблемы и пороки допетровской Руси (например, «развитие сил вещественных, уничтожение областных прав, угнетение быта общинного, покорение всякой личности мысли государства» [30, с. 467]), и позднее не раз заявлял о бесперспективности возврата к прошедшим порядкам и обычаям. Так, в подготовленной в форме письма к приятелю статье «О сельской общине» он настаивал: «...отстрани всякую мысль о том, будто возвращение к старине сделалось нашею мечтою. Одно дело: советовать, чтобы корней не обрубить от дерева и чтобы залечить неосторожно сделанные нарубы, и другое дело: советовать оставить только корни и, так сказать, снова вколотить дерево в землю» [38, с. 162].

К.С. Аксаков свои развернутые размышления на этот счет представил в 1847 году в статье «О современном литературном споре» (не пропущенной цензурой в печать). В ней он пытался объяснить оппонентам: невозможно «возвращение к тому, что перестало иметь жизнь, что прошло», однако «наше прошедшее не прошло, оно после нас. Прошедшая Русь и теперь живет в простом народе и хранится в нем». Немногим далее он пояснял: «...я не разумею здесь возвращение к букве: живет дух. Итак, возвращение не к букве, не к формам, которые меняла и древняя жизнь русская, а к духу и к жизни» [55, с. 176–177]¹.

Отметим, здесь снова вспоминается Достоевский, который вслед за Пушкиным указывал на «главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом». И вслед за поэтом он утверждал, что «русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной» [36, с. 129–130]. Слова эти звучат как парафраз только что представленной позиции К.С. Аксакова.

¹ В 1857 году К.С. Аксаков смог кратко представить аналогичные мысли со страниц своей газеты «Молва»: «Россия должна обратиться не к формам, конечно, но к своим древним основным началам, к жизненным сокам корней своих» [21, с. 367].

Да, далеко не все деяния Петра I находили одобрение у славянофилов, но гораздо более их тревожило и возмущало то, что наследники реформатора с переменной исторических условий продолжали следовать некогда введенным нормам и правилам жизни. Так, И.В. Киреевский отмечая, что «любовь к просвещению» была страстью Петра I и «в нем одном видел он спасение для России; а источник его видел в одной Европе», добавлял: «Но его убеждение пережило его целым столетием в образованном, или, правильнее, в переобразованном им классе его народа; и тому 30 лет едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность другого просвещения, кроме заимствованного от Западной Европы» [31, с. 73]. Подобным образом и И.С. Аксаков, видевший в Северной столице самый космополитичный, нерусский город, настаивал, что первый император «едва ли когда и помышлял о Петербурге иначе, как о временной резиденции» [56, с. 335].

Наконец, и Хомяков, в 1850 году рассуждая в записке «Об общественном воспитании в России» по поводу «переворота, совершенного Петром Первым», восклицал: «Ошибка извиняется, может быть, многими обстоятельствами его времени, но повторять такую ошибку беспрестанно было бы непрослительно» [38, с. 222]. А спустя десять лет, в послании «К сербам», которое составил Хомяков, а подписали все славянофилы, звучало наставление: «Учитесь у западных народов, это необходимо; но не подражайте им, не веруйте в них, как мы в своей слепоте им подражали и веровали» [38, с. 354].

Таким образом, возмущение или критику славянофилов вызывали зачастую не столько сами реформы, сколько их последствия, наступающие в новых обстоятельствах, которые те не могли признать нормальными.

Не вызывала одобрения и поспешность, с которой осуществлялись многие преобразования. Так, Д.А. Валуев в предисловии к «Сборнику исторических и статистических сведений о России...» отмечал, что процесс знакомства нашей страны с Западом начался задолго до Петра, и далее подчеркивал: самодержец «лишь сомкнул крутым поворотом своей воли в жизнь одного поколения то, что иначе совершилось бы в течение одного или двух веков, – вероятно, постепеннее, с меньшими утратами и жертвами, но дало бы иную, может быть, менее блестящую историю России» [57, с. 19]. В том же духе о «перевороте Петра» рассуждал и К.С. Аксаков. Он также отмечал, что осуществленное им дело готовилось и прежде, однако император «решительно проявил, что собиралось выразиться». Результат воли монарха он описывал таким образом: «напряженное, насильственное, запечатленное односторонностью дело» и подчеркивал: «это *переворот*, а не переход» [21, с. 153–154].

Насилие и скорость, с которой осуществлялись преобразования, дали славянофилам основание говорить о революции, совершенной Петром I. Обращаясь к Николаю I, К.С. Аксаков писал в 1848 году: «В Русской истории переворот Петра Великого есть – *революция*, революция, произведенная Монархом, монархическая, но тем не менее революция» [58, с. 220–221].

Как ни покажется это странным, та же логика видна в размышлениях А.И. Герцена, который впервые назвал великого монарха революционером в 1833 году¹, а более развернутые суждения на этот счет представил в статье 1851 года «О развитии революционных идей в России». В ней Герцен, в частности, заявил, что «Петр I, был и до времени явившимся якобинцем и революционером-террористом» [59, с. 192].

Однако надо не забывать о двух обстоятельствах. Во-первых, уподобление петровских преобразований революции зародилось в сознании русских мыслителей еще в 1820–

¹ В неопубликованной статье «Двадцать осмое января» Герцен писал: «Петр, как все революции, был исключительно, односторонне предан одной идее и ее развивал всеми средствами, даже доходил до жестокостей, так, как Реформация, как французский Конвент». [44, с. 33].

1830-х годах¹. И, во-вторых, именно в отношении к революции, позиции Герцена и К.С. Аксакова разделяет непреодолимая пропасть. Первый ждал, приближал и приветствовал революционный переворот, а второй стремился предупредить монарха: позаимствованные у Запада нововведения чреватые в будущем потрясениями, свойственными именно Западной Европе. К.С. Аксаков разъяснял Николаю I: «Петр Великий, как революция, как пошедший по западному пути, произвел ряд попыток революций именно в той части России, которая за ним последовала» [58, с. 221]. Он имел в виду требование «конституции», предъявленное аристократической верхушкой Анне Иоанновне, серию дворянских переворотов XVIII столетия и восстание 14 декабря 1825 года.

Одни из самых существенных обвинений, которые предъявляли славянофилы Петру, связаны с бездумным, механическим перенесением норм и принципов развития иной культуры на русскую почву, игнорирование естественных, органичных чувств и потребностей собственного народа. В итоге это и вызвало глубокий раскол между высшими слоями общества (денационализированным дворянством) и остальным русским миром. Однако и это, казалось бы, чрезвычайно болезненное явление Самарин на страницах «Москвитянина» описывал в свойственной ему диалектической манере: «...была минута в нашей истории, когда благо всей земли потребовало разлучения, как всенародной жертвы. Оно было временным, неизбежным последствием Петровской реформы; оно есть зло в настоящем, но в основе своей не было никогда преступлением» [51, с. 137].

Хомяков же в статье 1846 года «Мнение русских об иностранцах» рассуждал о просвещении, доставшемся России в результате реформ, таким образом: «Перенесенное как готовый плод, как вещь, как формула из чужой стороны, оно не понимает ни жизни, из которой оно возникло, ни своей зависимости от нее; оно вообще ни с какою жизнью и ни с чем живым существовать не может» [38, с. 117].

По-своему о том же через два года писал К.С. Аксаков в речи «О Карамзине»: «Петр Русской земли не понимал <...>. На народ смотрел он как на безгласную массу и всю Россию хотел обратить в тесто, из которого мог бы вылепить немецкие фигуры. – Всю Россию хотел он обратить в машину, в государство, не признавая – от начала до него и доселе существующей – Русской земли» [21, с. 173–174].

И тем не менее примерно в то же время, то есть в 1847–1849 годах, К.С. Аксаков в статье «Взгляд на русскую литературу с Петра Великого» заявил, что в вопросе о Петре и древней Руси «лежит разгадка нашей жизни» [21, с. 151]. Уже в недавнее время, обращаясь к этой его статье, Е.И. Анненкова справедливо заметила об авторе: «Вопрос о Петре понимается им не как уже исчерпывающе истолкованный и ушедший с повестки дня, а как нерешенный, который “присутствует в жизни” и лишь “стремится к решению”; и от решения этого вопроса зависит, убежден Аксаков, “вся наша русская жизнь”» [62, с. 167].

То же предчувствие, причем сдобренное не упреками императору, а заметной долей оптимизма, находим мы и в словах К.С. Аксакова из его диссертации: «Наступило время, когда, после необходимых уклонений, имеющих историческое значение, дело Петра получает свою великую действительность, когда проходит отвлеченный период отрицания, для мысли по крайней мере, когда вновь возникает Русской дух, пока еще в науке, свободный от своей исключительности, с своим всемирным общим значением; когда для нас открывается, еще внутренно, в самом начале, великая сфера» [35, с. 69].

¹ А.С. Пушкин в записке «О дворянстве», предположительно 1830 года, писал: «Средства, с помощью которых совершается революция, уже не те, которые укрепляют ее – Петр I – это и Робеспьер, и Наполеон (воплощение Революции)» (в переводе с фр.) [60, с. 205]. М.П. Погодин в лекции «Очерк русской истории», перечисляя многочисленные деяния Петра, заключал: «Во всей истории не было революции обширнее», и спустя 14 лет эта сентенция попала в печать [61, с. 32].

* * *

Еще в 1986 году Н.И. Цимбаев «ядром славянофильского мирозерцания» назвал «неприятие насилия» и именно в нем указал истоки формирования отношения «московского направления» к петровским реформам. Он подчеркивал: «Знаменитый спор славянофилов и западников о Петре I – спор о революции, спор о насилии как средстве осуществления политических и социальных преобразований» [4, с. 307].

Однако для этого спора есть еще одна не менее существенная причина. Тот же историк указал на бытующее в литературе «преувеличенное представление о важности “археологических” мотивов в славянофильском учении», которое «позволяет упрекать славянофилов в косности, в ретроградном стремлении сохранить все отжившее» [4, с. 311]¹. К этому стоило бы добавить: «и все варварское, антиевропейское». Ведь оппонентами славянофильства Европа а priori воспринималась и продолжает сегодня восприниматься как единственный, незаменимый светоч культуры. И в этом еще один важный источник споров о роли того, кто сблизил нас с Европой.

Отстаивая европеизм, оппоненты славянофилов использовали любые поводы для дискредитации противников², в том числе изображали их безусловными антагонистами всех петровских преобразований.

Возможность для этого открывало и такое обстоятельство: славянофилы оказались первыми, кто публично позволил себе не славословить, а судить о деятельности Петра I. Правда, за три десятилетия до них по тому же пути прошел Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России». Но он предназначал «Записку» только для двух читателей – императора Александра I и его сестры великой княгини Екатерины Павловны. А Хомяков и его друзья предали гласности свои суждения, которые сегодня вполне сравнимы с обычной научной рефлексией. Тогда иные, не привыкшие к подобному отношению с именем великого императора, были едва ли не шокированы и потому преувеличивали силу услышанных заявлений. Славянофилов стали представлять безусловными врагами Петра I и его реформ. Следуя этой логике, еще одним антагонистом Петра нужно было бы считать автора «Медного всадника».

Отчего же и сегодня находят склонные преувеличивать значение оценок и заявлений, сделанных славянофилами? Ведь звучавшая из их уст критика реформ не означала абсолютное отрицание и отказ от достигнутого. И разве в современной истории, философии или политологии возможно обойтись без критических суждений при анализе деятельности этого или любого иного правителя? Полагаю, причина – в борьбе со славянофильством, которая все еще продолжается в сознании одних, и в силе инерции, то есть репутации, сохраняющейся как отголосок той же борьбы или как память о ней у других.

¹ Такое восприятие «московского направления» насаждалось и в массовом сознании, через либеральную, а также социалистическую прессу. Если сатирические, фельетонные образы чудаков-староверов, то есть славянофилов, появлялись в ней и прежде, то с начала 1860-х годов, когда получила развитие карикатура, последних из них стали представлять в этом жанре как мракобесов, любителей «Домостроя», батогов, розог и кваса. См. на примере И.С. Аксакова [11, с. 296–313].

² Либеральный историк А.А. Кизеветтер так описывал борьбу вокруг Петра I, происходившую в середине XIX столетия: «...не восстановление подлинных исторических фактов являлось тогда главной пружиной полемики. Боролось за принципы, за основные начала мировоззрения, факты играли служебную роль внешних иллюстраций. Вот почему западники усердно напирали на точное следование фактам в критической части своих исторических экскурсов, там, где они ловили промахи и непоследовательности славянофильских исторических построений, и сами тотчас же покидали эту плодотворную почву, лишь только начиналась положительная, созидательная часть, где являлись на сцену их собственные идеалы, их собственные пристрастия» [43, с. 206–207].

Литература

1. *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма / сост. и коммент. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. Т. 1: Сочинения на русском и французском языках... 800 с. (Памятники философской мысли).
2. *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма / сост. и коммент. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. Т. 2: Письма... 672 с. (Памятники философской мысли).
3. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5: Статьи и рецензии. 1841–1844 / ред. Н.Ф. Бельчиков. 863 с.
4. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд. М.: Государственная публичная историческая библиотека России. 2013. 447 с.
5. *Григорьев А.А.* Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. 496 с. (История эстетики в памятниках и документах).
6. *Миллер Ор.Ф.* Об отношении русской литературы к Петру Великому // *Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология / редкол.: Д.К. Бурлака и др.; предисл. Д.К. Бурлака, Л.В. Полякова; послесл. А.А. Кара-Мурзы; коммент. С.Н. Казакова, К.Е. Нетужилова.* СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. С. 622–627.
7. *Бердяев Н.А.* Избранные труды / вступ. ст. Т.А. Филиппова; сост., коммент.: Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов. М.: РОССПЭН, 2010. 647 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
8. *Парсамов В.С.* Русский XIX век // *Всемирная история: в 6 т. М.: Наука, 2014. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов.* С. 450–503.
9. *Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент.: А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–114.
10. *Бадалян Д.А.* И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 26 с.
11. *Бадалян Д.А.* «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб., 2016. 359 с.
12. *Котов А.Э.* Образ Петра Великого в консервативной публицистике второй половины XIX в. // *Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России».* Москва, 17–19 мая 2022 г. / отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2002. С. 323–328.
13. *Айдунова Т.Ю.* Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX вв. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 150 с.
14. *Шаталов С.Е.* Драматические произведения славянофилов // *Литературные взгляды и творчество славянофилов / редкол.: К.Н. Ломунов (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1978. С. 369–448.*
15. *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Московского университета, 1997. 221 с.
16. *Фатеев В.А.* «Державный» историк М.П. Погодин и псевдонаучная теория «официальной народности» А.Н. Пыпина // *Русско-Византийский вестник.* 2021. № 2 (5). С. 10–42.
17. *Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / предисл. Д.К. Бурлака, Л.В. Полякова; послесл. А.А. Кара-Мурзы; библиогр. указ. К.Е. Нетужилова.* СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 758 с. (Русский путь).
18. *Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / предисл. Д.К. Бурлака, Л.В. Полякова; послесл. А.А. Кара-Мурзы; коммент. С.Н. Казакова, К.Е. Нетужилова.* СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 1023 с. (Русский путь).
19. *Петр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ / сост., вступ. ст. и примеч. И.Н. Сухих.* СПб.: Геликон плюс, 2009. 550 с. (Программа «Путь Петра Великого»).
20. *Анисимов Е.В.* Пётр I // *Большая российская энциклопедия: в 35 т. / председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С.Л. Кравец.* М.: Большая российская энциклопедия, 2014. Т. 26: Перу – Полуприцеп. С. 75–81.
21. *Аксаков К.С.* Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелев. М.: Искусство, 1995. 526 с. (История эстетики в памятниках и документах).
22. *Анисимов Е.В.* Петр Первый: благо или зло для России? М.: Новое литературное обозрение, 2019. 271 с.
23. *Мезин С.А.* Петр I и его эпоха глазами историков // *Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С.А. Мезин.* Саратов: Саратовский источник, 2020. Вып. 27. С. 86–132.
24. *Кошелев В.А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 512 с.
25. *Пешков А.А.* Спор о судьбах России. реформы Петра I в оценках П.Н. Милюкова и А.С. Хомякова // *Труды Нижегородской Духовной семинарии.* 2012. № 10. С. 79–94.
26. *Мартынова О.А.* Петр I и его деятельность в философии ранних славянофилов // *Философская мысль.* 2016. № 10. С. 63–70; [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18304
27. *Ковалева Е.О.* Преимущество социокультурной традиции в свете воззрений славянофилов // *Вече.* 2017. № 29. С. 219–224.
28. *Беленчук Л.Н.* Просвещение России: взгляд западников и славянофилов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 150 с.

29. Широкова М.А. Славянофилы о европейском просвещении и реформах Петра I как причинах трансформации российской культурной идентичности и исторической памяти // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2021. № 5 (121). С. 41–46.
30. Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. / вступ. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева; примеч. В.А. Кошелева и др. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994. Т. 1: Работы по историософии. 589 с.
31. Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: в 4 т. / сост., примеч. и коммент. А.Ф. Малышевского. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. Т. 1: Философские и историко-публицистические работы. 304 с.
32. Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: в 4 т. / сост., примеч. и коммент. А.Ф. Малышевского. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. Т. 3: Письма и дневники. 488 с.
33. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Росток, 2021. Т. 8: Богословские сочинения / изд. подгот. В.М. Лурье, Ф. Мушар и А.П. Дмитриев. 412 с.
34. Хондзинский Павел, прот. Синодальная реформа и экклесиология первых славянофилов: А.С. Хомяков и Ю.Ф. Самарин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. 2011. Вып. 5 (37). С. 57–70.
35. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М.: В Университетской типографии, 1875. Т. 2: Сочинения филологические. Ч. I. XII, 661 с.
36. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. Т. 26: Дневник писателя 1877, сентябрь – декабрь – 1880, август. 518 с.
37. Пирожкова Т.Ф. К.С. Аксаков и его диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 2. С. 108–118.
38. Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки / сост., вступ. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. 461 с. (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).
39. Бадалян Д.А. Русская идея и российская цензура (к истории двух статей А.С. Хомякова) // У мысли стоя на часах... Цензоры России и цензура / под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. С. 176–200.
40. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / вступ. ст. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой. М.: Нов. лит. обозрение, 1998. 750 с. (Россия в мемуарах).
41. Дмитриев М.А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти / сост., предисл. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1985. 317 с. (Московский Парнас).
42. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование / примеч. Н. Соломадиной. М.: Эксмо, 2008. 464 с. (Российские самодержцы).
43. Кизеветтер А.А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества // Петр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ / сост., вступ. ст. и примеч. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон плюс, 2009. С. 187–211.
44. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1: Произведения 1829–1841 годов / ред. С.А. Макашин, коммент. Л.Я. Гинзбург. 574 с.
45. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12: Письма 1841–1848 / подгот. текста и примеч. К.П. Богаевской, ред. Ю.Г. Оксман. 596 с.
46. Бадалян Д.А. К национальному самосознанию – от попытки до подвига: Несколько сюжетов из истории славянофильства // Ортодоксия. 2021. № 3. С. 73–115.
47. Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 366 с.
48. Бадалян Д.А. В.Г. Белинский-публицист: метаморфозы в борьбе литературных партий // Русская публицистика: эволюция идей и форм: сб. статей / отв. ред. Л.П. Громова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 89–109.
49. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6: Статьи и рецензии. 1842–1843 / ред. Б.И. Бурсов. 799 с.
50. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10: Статьи и рецензии. 1846–1848 / подгот. текста и коммент. Е.И. Кийко и др., ред. А.Г. Дементьев. 474 с.
51. Самарин Ю.Ф. Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николукина. СПб.: Росток, 2013. Т. 1: Литература и история. 527 с.
52. Панаев И.И. Литературные воспоминания / вступ. ст. и коммент. И.Г. Ямпольского. М.: Правда, 1988. 448 с. (Литературные воспоминания).
53. Манн Ю.В. Примечания // Киреевский И.В. Критика и эстетика / сост. вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. М.: Искусство, 1998. (История эстетики в памятниках и документах). С. 427–463.
54. Хомяков А.С. Избранные статьи и письма / общ. ред., сост., подгот. текста, коммент. Л.Е. Шапошникова, О.В. Парилова, И.А. Треушникова. М.: Городец, 2004. 480 с.
55. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент.: А.А. Шириняц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. 888 с.
56. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст. В.Н. Грекова, подг. текста, примеч. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с. (Из истории отечественной философской мысли).
57. Валуев Д.А. Начала славянофильства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 362 с.
58. Россия перед угрозой революции: неопубликованное письмо К.С. Аксакова к Николаю I от 28 марта 1848 г. (краткая и пространная редакции) / публ., вступ. ст. и коммент. А.П. Дмитриева // Литературоведческий журнал. 2022. № (55). С. 211–239.
59. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. 467 с.
60. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: 1837–1937. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12: Критика. Автобиография / общ. ред. В.В. Гиппиус и др. 576 с.

61. *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. [Ч. 1]. М.: Тип. Августа Семена, 1846. 447 с.
62. *Анненкова Е.И.* Константин Аксаков. Веселье духа. СПб.: Росток, 2018. 328 с.

Аннотация. В статье дан историографический обзор работ, касающихся отношений славянофилов к императору Петру I и его реформам. Сами эти отношения рассмотрены на основе трудов А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина и др., которые первыми в русской культуре выступили с публичной критикой деяний Петра I. При этом славянофилы не отрицали исторической обоснованности его реформ и никогда не выступали за возвращение к нормам допетровского времени. Также рассмотрена трактовка образа императора у власти и западников. Особое внимание уделено произведениям В.Г. Белинского, который сыграл важную роль в попытках дискредитации славянофилов. В частности, в создании представления о них как ретроградов и противников любых реформ. Автор указывает, что споры славянофилов и западников о Петре I раскрыли их принципиальные отличия во взглядах на исключительность западноевропейской культуры и возможность насильственного осуществления реформ.

Ключевые слова: Петр I, реформы Петра I, славянофилы, западники, общественно-политическая борьба, русская журналистика XIX века, цензура, власть, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, В.Г. Белинский.

Dmitrii A. Badalian, PhD in History; Senior Researcher, Scientific Research Bibliology Department, National Library of Russia (St. Petersburg); Associate Professor, Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University. E-mail: dmit.bad@gmail.com

Slavophiles' Idea of Peter I and His Reforms and the Interpretation Thereof by the Slavophiles' Opponents*

Abstract. The article offers a historiographic review of the works that deal with the interpretation by the Slavophiles of the figure of Peter I and his reforms. The author analyzes the works of A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov, Yu.F. Samarin and others, who were the first in Russian cultural sphere who publicly criticized the activity of Peter I. At the same time Slavophiles never denied the historical validity of Peter's reforms and never supported any return to the standards and practices of pre-Petrine time. The author also examines the interpretation of the emperor's image by the authorities and the Westerners. Special attention he pays to the works of V.G. Belinsky, who played a special role in the attempts to discredit the Slavophiles, and in particular, in the shaping of their image as retrogrades and opponents to any reforms. The author stresses that the disputes of Slavophiles and Westerners regarding Peter I exposed their fundamental differences in the views of the Western culture exclusiveness and the possibility of forcible reforms.

Keywords: Peter I, Reforms of Peter I, Slavophiles, Westerners, Socio-political struggle, Russian Journalism of the 19th Century, Censorship, Authority, A.S. Khomyakov, K.S. Aksakov, Yu.F. Samarin, V.G. Belinsky.

* The study was done with financial support of Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project #20-011-42018.

Русская бюрократия как детище петровской модернизации в трактовке русских консервативных публицистов пореформенной эпохи*

В общественном диалоге о масштабе и роли преобразований Петра Великого в судьбе России существенное значение имеет вопрос о русской бюрократии как детище петровской модернизации. Идея регулярного государства и бюрократии как ее инструмента справедливо связывалась в общественном сознании с личностью Петра Великого и влияла на формирование образа этого монарха и исторической памяти о нем.

Доминирующими социальными группами и, следовательно, политическими силами допетровской Руси были аграрии (наследственные землевладельцы) и служилый люд. Конечно, до некоторой степени эта двойственная структура сохранялась и в имперской государственности. Но важность преобразований Петра I в этом отношении состоит в том, что он, во-первых, разождал службу с армией, учредив регулярные войска вместо дворянского ополчения, тем самым создавая и новый класс «чистых» управленцев, не связанных обязательствами воинской службы и не обязательно принадлежавших по рождению к землевладельческому слою; во-вторых, упразднил смешанный принцип вознаграждения управленцев, введя вместо него денежное жалованье, которое ставило чиновничество в полную зависимость от государя [2–4].

Регулярное государство не могло базироваться на прежних социальных опорах, поскольку аграрии и воины допетровской Московии имели выраженные собственные сословные интересы, которые могли в определенных случаях вступать в конфликт с интересами общенациональной государственности, и самое главное – имели базис для относительной независимости от государевой воли, то есть в случае такого конфликта интересов потенциально создавали проблему для самодержца, сковывая или замедляя его действия в интересах государства. Бессословное же чиновничество, не связанное экономически или политическими интересами с определенной социальной группой, представляло собой инструмент эффективного управления. В дальнейшем Николай I расширил и усовершенствовал бюрократическую структуру «в качестве опорной точки для освобождения крестьян: не было никакой физической возможности реализовать освобождение крестьян, опираясь исключительно на дворянский государственный аппарат» [21, с. 44]. Поскольку отмена крепостного права ударяла прежде всего по интересам дворянства, опираться на дворянскую администрацию в этом вопросе было невозможно, и в данном случае была сделана ставка на основное свойство бюрократии – ее внесословность.

Таким образом, с точки зрения общего развития государственной модели, появление бюрократии было шагом не только прогрессивным, но во многом просто неизбежным,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42018.

Кругликова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики СПбГУ. E-mail: oskruglikova@yandex.ru

направленным на то, чтобы преодолеть пережитки феодальных противоречий и повысить мобилизационный потенциал державы, перед которой стояли масштабные военные и экономические задачи. Поэтому и в современной исторической науке преобладающей является все-таки позитивная оценка этого явления: «Выдающейся заслугой Петра I является и модернизация, хотя во многом преждевременная, государственной машины (создание чиновной бюрократии и т.п.)» [10, с. 24].

Однако русским публицистам и общественным деятелям второй половины XIX века позитивный аспект рождения чиновной бюрократии был не столь очевиден, в то время как негативный аспект бюрократической машины представлял все более ярко. Именно с нерасторопностью, корыстолюбием и крючкотворством бюрократии общество пореформенной России во многом связывало как кризис конца николаевского правления, так и хаос стремительных и не всегда успешных реформ 1860-х годов.

Антибюрократическая риторика становилась все более распространенной и даже модной не только в либеральных кругах, но и в самом правительстве, особенно после царевубийства 1881 года [17]. А поскольку сам концепт бюрократии был тесно связан с идеей петровской модернизации, то для тех, кто критически в целом относился к петровским преобразованиям, проблема бюрократии становилась удобным инструментом обличения исторической деятельности Петра I, так что дискуссия о роли бюрократии в России становилась органической частью общего диалога об исторической роли первого русского императора.

Ключевым аспектом в дискуссии о бюрократии было определение ее численности и «удельного веса» в социальной структуре имперской России. Если обратиться к статистическим данным, мы вынуждены будем констатировать тот факт, что точный подсчет как абсолютного, так и относительного к населению числа государственных управленцев в империи затруднен, во-первых, спецификой источниковой базы (разрозненность кадровых списков отдельных ведомств и отсутствие единой системы учета), во-вторых, различной интерпретацией самого понятия бюрократии. Как отмечает В.Е. Зубов: «трудность соотнесения друг с другом различных категорий лиц, связанных с управлением, обусловлена прежде всего отсутствием, применительно к дореволюционной России, однозначных критериев, позволяющих идентифицировать того или иного работника как представителя государственного аппарата» [9, с. 98]. В современном понимании не все работники государственных структур являются чиновниками, в то время как в традиции XIX века в штатных списках служащих по тому или иному министерству числились представители таких профессий как учитель гимназии или работник почты, и в то же время там не числились так называемые внетабельные служащие, служащие по вольному найму и т.д. Это приводит к тому, что подсчеты историков сильно разнятся [20, с. 66].

Однако даже если взять за точку отсчета наибольшую из предлагаемых исследователями цифр численности русского чиновничества и соотнести ее с численностью населения Российской империи, можно констатировать, что удельный вес бюрократии в России был невелик, число чиновников на 1000 человек населения на рубеже XIX–XX веков было в 5–6 раз меньше, чем во Франции, Великобритании, Германии [20, с. 66]. Поэтому «несмотря на устойчивое представление о засилье бюрократии в России, ее численность в XIX веке, как свидетельствуют исследования ученых, была незначительной по отношению к общей численности населения и в сравнении с наиболее развитыми странами Европы» [13, с. 277].

Россия при ее огромных и слабо освоенных территориях явно страдала от недостатка государственных управленцев, в то время как публицистика и общественная мысль создавали впечатление чрезмерной бюрократизированности страны, ставили проблему губительного чиновничьего засилья. Причин у этого парадокса было две. Во-первых, не-

равномерность распределения представителей чиновничества по территории империи – служащий люд концентрировался в крупных городах, хотя страна была преимущественно аграрной и доля городского населения незначительной, при этом особенно высока была концентрация чиновничества в двух столицах. Во-вторых, проблема была не в количестве представителей чиновничества, а в довлеющей роли бюрократии, которая постепенно обращалась из инструмента управления в самостоятельную движущую силу социальных процессов.

Любой социальный феномен имеет две неотъемлемые друг от друга стороны – позитивную функцию, обусловленную актуальными потребностями социума, и дисфункцию, возникающую как неизбежный побочный эффект и усиливающуюся по мере его стремления к максимально полному и исчерпывающему исполнению своей базовой функции. Чем полнее новый социальный институт стремится решать вызвавшие его к жизни задачи, тем очевиднее становятся его негативные черты, тем стремительнее дисфункция замещает и затмевает собой его функциональные преимущества.

Позитивная функция бюрократии – рационализация управления и купирование политического произвола, от кого бы он ни исходил. В своей идеальной модели бюрократия – иерархичная, обезличенная, профессионально компетентная, равно отчужденная от интересов как управляемых, так и управляющих, политически нейтральная административная машина, которая обеспечивает преемственность и стабильность механизмов управления. Она базируется на разделении труда и неизменности компетенций, формализации принципов работы, позволяющих легко заменять «винтики» в системе, а также на обязательной фиксации любых значимых действий. Но те же самые черты, которые на этапе становления делают бюрократию полезной и необходимой для общества, определяют и наиболее очевидную дисфункцию зрелой бюрократии – постепенную автономизацию не только от интересов определенных социальных групп, но и вообще от реальных задач и нужд государства, самодостаточность, в рамках которой происходит смещение акцента с результата на процесс, с цели деятельности на ее средства [11, 6].

Необходимо отметить, что важной причиной формирования негативного отношения к бюрократии в российских реалиях являлся тот факт, что она оказывалась крайне далека от веберовской идеальной модели по одному из важнейших признаков. Способность «идеальной бюрократии» к позитивному действию на благо общества определяется в значительной мере уровнем профессионализма ее функционеров. Несмотря на то, что в правление Николая I уже были созданы условия, благодаря которым «средне-высшие» ступени администрации были полностью заняты людьми, «которые по своему выбору посвятили себя государственной службе, зависели от своего жалованья, не имея никаких других источников дохода, и готовились к своей карьере с самого юного возраста, получая профессиональное образование» [18, с. 158], проблема крайней необразованности и некомпетентности низовой массы русского чиновничества оставалась актуальной вплоть до краха Российской Империи. Таким образом, естественная для любых бюрократических механизмов склонность к процессуальности вместо результативности в России еще усиливалась тем, что некомпетентность низовых служащих заставляла их всецело полагаться на формализованные протоколы действий, не рискуя принимать самостоятельные решения хотя бы в пределах тех «коридоров выбора», которые были предусмотрены системой.

Говоря о периодизации развития государственного управления в России, необходимо отметить, что при наличии незначительных разногласий, в целом большинством исследователей «выделяется несколько этапов развития государственной службы царской России, хронологические границы которых приблизительно соответствуют рубежам веков: XVI в. – формирование слоя лиц, профессионально занятых делопроизводством; XVII в. – завершение становления государственной службы как особой сферы профес-

сиональной деятельности, складывание и развитие приказной системы; XVIII в. – кардинальное изменение принципов организации государственной службы на основе Табели о рангах; XIX в. – переход от службы государю к государственной службе; конец XIX – начало XX в. – расцвет бюрократического государства, «отлаживание» и совершенствование бюрократической машины» [13, с. 276].

Петровская Табель о рангах создала внесловное чиновничество как инструмент оперативного управления, позволяющий самодержцу принимать и проводить в жизнь решения, не зависевшие от игры частных и сословных интересов, и в этом смысле была важным шагом от феодального государства к государству модерна. Новая социальная группа профессиональных управленцев была на первых порах немногочисленна и находилась в зависимом от государя положении – эту стадию развития можно было бы квалифицировать по веберовской системе как патримониальную бюрократию.

Именно правление Петра дает старт двум содержательно взаимосвязанным процессам – трансформации концепта государства на понятийном уровне и отражающему этот смысловой сдвиг становлению бюрократической системы на уровне практического управления. Начинается постепенный отход от трактовки государства как собственности государя, формирование понятий «отчизна» и «отечество», заключающих в себе идею государства как надличностного целого, существующего для достижения общего блага. Соответственно, и служба государю со временем становится государственной службой, соотносённой не с властителем, а с отечеством [7].

По мере формирования полноценного бюрократического государства, то есть с середины XIX века, становится все более очевидна естественная дисфункция бюрократической машины, которая проявляется в ее постепенной автономизации от реальных задач и самодостаточной замкнутости на процессе делопроизводства. Ярче всего, пожалуй, эту проблему обозначил уже в конце XIX века В.В. Розанов в работе «О подразумеваемом смысле нашей монархии». «Автокефальная бюрократия» – так очертил он внутривнутриполитическую картину России, где «канцелярия ни при чем не стоит, ни к чему не приделана. Все к ней приделано» [19, с. 27].

«В России торжество бюрократизма начинается для нас с Петра I», – утверждал И.С. Аксаков [23, с. 290]. Публицисты охранительно-монархического крыла в целом воспринимали проблему бюрократизма именно в контексте процесса петровской европеизации, видя в бюрократии институт механически заимствованный, или, по выражению И.С. Аксакова, «взятый напрокат» [23, с. 426]. Интересно отметить, что Ф.М. Достоевский и И.С. Аксаков были солидарны в определении хронологических границ петровской эпохи русской истории – оба они полагали, что петровская эпоха логически завершилась манифестом 19 февраля 1861 года.

Аксаков отмечал, что «толчок, данный Петром, чувствуется и доселе; длань Петра еще распростерта над Россией, дух Петра предносится перед деятелями, Россия продолжает вращаться в круге, начертанном Петром...», и главный изъян этой эпохи, побочный эффект того лечения политических недугов Московской Руси, которое было предпринято Петром, – это изъятие из врачуемого государственного организма народных масс, «так как полнота развития и здоровая правильность органических отправления немислимы без участия в общей жизни организма и государства, и общества, и народных масс, то понятно, что, пока народные массы были не все призваны к жизни и полагались на степени материала, пока Манифестом 19 февраля 20 миллионов русских людей не были введены в общую жизнь организма, до тех пор, уже по одной этой причине, кровообращение должно было совершаться неправильно» [1, с. 2].

Достоевский полагал, что весь исторический смысл петровской эпохи заключался в вынужденном закреплении, порабощении одной части народа для того, чтобы другая его часть имела возможность соприкоснуться с цивилизацией и культурой, обрести

чрезвычайное расширение взгляда, в то время как другая обратилась в «податный материал» [16, с. 364]. Но с окончанием крепостного положения крестьян завершилась и эпоха Петра, теперь пришло время духовного творчества русского народа, призванного создать уникальный культурный синтез, одухотворив идеей православия, истинной христовой веры, начала европейской цивилизации.

Инструментом закрепощения одних ради окультуривания других Достоевский считал создание регулярного государства, базирующегося на бюрократии. Писатель говорит о бюрократии как скелете, основополагающем принципе, святая святых петровской европейской России: «Уничтожьте-ка, измените-ка теперь нашу формулу, если только у вас хватит совести посягнуть на такое дело: да ведь это будет изменой всему нашему русскому европеизму и просвещению, – знаете ли вы это? Это будет отрицанием того, что и мы государство, что и мы европейцы, это измена Петру!» [8, с. 515].

Бюрократия, по мнению Аксакова, была взята напрокат по случаю, заодно со всеми безоглядно копировавшимися в петровский период европейскими установлениями: «Перенесемся в ту эпоху, когда указы Русскому народу подписывались по-голландски, новосозданная русская столица назвалась по-немецки, а общество, т.е. все высящееся над народом, давящее его *властью*, непосредственно с ним *начальнически* соприкасавшееся, окрещено чиновническими названиями также немецкими, не только народу непонятными, но и лишенными всякого внутреннего смысла, а в русском переводе еще более бессмысленными» [23, с. 422–423].

Именно это европейское происхождение, смысловая укорененность в эпохе петровской вестернизации и объединяют, по мнению обоих публицистов, общими духовными основаниями две противоположные, казалось бы, части русского общества – западническо-либеральную интеллигенцию и бюрократию. Парадоксальное единство государственного административного механизма и открытой политической оппозиции видится и Достоевскому, и Аксакову в их общем противостоянии национальным началам русской общественной жизни. Аксаков в одном из писем к графине А.Д. Блудовой писал: «...крикливее и заносчивее становится проповедь петербургской журналистики, смелее и громче вторят им густым басом Министерства Внутренних дел и Народного Просвещения. Я говорю: “вторят”, потому что, несмотря на разницу тона, они все тянут общий хор с *Чернышевским* и друг на друга работают. Газета моя ненавистна *им всем*». В общей неприязни к русской народности и славянофильству, по мнению публициста, «обретают свое единство и Головин, и Чернышевский, и Валуев и Писаревский. Они все же *свои* друг другу, – все Петровцы» [5, с. 297].

На страницах моножурнала «Дневник писателя» Достоевский часто в русле традиции русской журналистики XVIII века прибегает к приему литературной маски, вводя в рассуждение об актуальных социально-политических вопросах вымышленных, но типических для эпохи персонажей, с которыми он имитирует диалог. Именно в такую форму облачает писатель и свои размышления о проблеме бюрократии, приводя будто бы свою беседу в дружеской компании, где встречается ему чиновник, «остроумный бюрократ», искушенный в тонкостях администрации и делопроизводства. Этот вымышленный собеседник охотно рассуждает о том, что «ваши либералы (впрочем, и наши тоже) стоящие столь рьяно в газетах за земство против чиновничества, в сущности, противоречат сами себе. Да ведь земство, да ведь все эти новости и «народности» – ведь это и есть те самые «народные начала» или начинающаяся формула тех «начал», о которых кричит столь ненавистная европейцам нашим «Русская партия» (может, слышали, их так в Берлине обозвали) – те самые «начала», которые так неистово отрицает наш русский либерализм и европеизм, над которыми он смеется и не хочет их признавать даже существующими! О, он их очень боится: ну, что-де коли они в самом деле есть и осуществляются, так ведь тогда в некотором роде сюрприз-с! Значит, все ваши европейцы по-настоящему с нами, а мы с ними, и это бы

они давно должны бы были понять и себе зарубить. Если хотите, то мы не только заодно с ними, а мы и совсем одно и то же: в них, в них самих наш дух заключен и даже наш образ, в европейцах-то ваших, и это так! Да я вам вот что прибавлю: Европа, то есть русская Европа, Европа в России – это мы-то лишь одни и есть». [8, с. 515]

В публицистике В.П. Мещерского, постоянно проникнутой антибюрократической риторикой, происходит своеобразная подмена образа Петра замещающим объектом – образом Петербурга. Яростные нападки князя на бюрократию логически подразумевали негативное отношение к источнику бюрократизма и его прародителю на русской почве. Но в то же время самозабвенное поклонение внука великого Н.М. Карамзина монархической идее в целом и памяти всех представителей династии в отдельности не позволяло выразить открытое порицание первому императору. Поэтому в публицистике Мещерского петровская бюрократия фигурирует как петербургская. Любопытно, что в Петербурге единственным заметным и существовавшим продолжительный период представителем консервативного крыла русской прессы был как раз «Гражданин» Мещерского, издававшийся в столице с 1872 по 1914 год с небольшим перерывом. На короткий срок с 1876 по 1877 год консервативный лагерь петербургской прессы пополнился «Дневником писателя» – моножурналом Ф.М. Достоевского, в целом же в России XIX века консервативная периодика концентрировалась в Москве, а Петербург для консерваторов был средоточием тех начал, которые воспринимались как инородные и пагубные для национальной культуры и государственности.

У Мещерского, в 1880-х годах полагавшего себя свободным от преследований цензуры благодаря патронату государя, критика «петербургских деятелей» порой доходила до «откровенных издевательств над бюрократизацией российских министерств» [14, с. 300]. «Гражданин» громил петербургскую бюрократию на все лады, а Мещерский, в конце 1880-х годов все более склоняясь к концепции русского единодержавия, родственной идеям Ю.Ф. Самарина о «народной монархии», стал считать главной опасностью для государства всеисилье бюрократической машины и растущий формализм, «казенность» присвоенной бюрократией консервативной философии. Для публицистики Мещерского характерно выражение «петербургские деятели» и четкое разделение на Петербург и Россию.

Публицисты пореформенной России в значительной степени видели противоядие всеисилью бюрократии в возвращении к началам «народной монархии», в трактовке которых, впрочем, у них были существенные разногласия. В противопоставлении народных начал общественной жизни бюрократической казенщине с Достоевским и Аксаковым солидарен и М.Н. Катков. Каткова, всегда бывшего политическим прагматиком более, чем философом, занимала практическая сторона вопроса, а не духовные и культурные истоки бюрократизма.

М.Н. Катков полагал, что нападки на бюрократию как корень всех зол бессмысленны, потому что «в России вовсе нет бюрократии». И добавлял «в том смысле как, например, в Германии». Полемизируя с идеей того, что бюрократия «втеснилась» между царем и народом в эпоху Петра («В прошлом столетии, несмотря на насильственное преобразование, произведенное Петром, историческая связь между старою и новою Русью не совершенно прерывалась» [12, с. 25]), Катков описывает эволюцию управленческих моделей Российской Империи как череду последовательно сменяющих друг друга механизмов самоуправления. В его трактовке Петр Великий не только не нарушил единения самодержавной власти с самоуправляющимся народом, но и укрепил дворянское самоуправление, усилив крепостное право: «Владея на праве частной собственности миллионами народа и управляя ими, помещное дворянство само управляло своими делами. Большого самоуправления невозможно придумать». Продолжением этого процесса, по Каткову, стала смена в 1861 году дворянского самоуправления самоуправлением крестьянским, городским, земским. «И не в том отличие Петра Великого, что он будто бы ввел или усилил выше всякой меры бюрократию... – резюмировал Катков. – Петр усилил и поставил надо

всем службу государственную; он требовал, чтобы всякий в меру своих прав был слугою государства и сам явил собой пример неутомимой и преданной службы...» [12, с. 451].

Соглашаясь с Аксаковым, который утверждал, что «как бы то ни было, но теперь, когда Манифестом 19 февраля 1861 года исполнилась задача нашего сложения, нашей формации, задача, лежавшая на обязанности государства, – теперь необходимо уравнивание органических отправления, правильное распределение функций или, так сказать, службы органов; необходимо точно и ясно распознавать области того или другого элемента» [1, с. 1], Катков подчеркивал абсурдность борьбы с недостатками бюрократической машины административными мерами. «Требуется отнюдь не усиление административной власти, – настаивал Катков, – а чтоб она все более и более отходила в свои пределы, не превышая их и не бездействуя в них, чтоб она все более и более оказывала уважение к здоровым общественным силам и не ставила себя на их место, а делала свое дело... Бюрократия занимает в государстве только то место, которое ей позволяют занимать бездействующие общественные силы» [12, с. 274]. Однако он был далек от того, чтобы видеть в Земском Собрании, на который славянофилы указывали как на образец единства верховной власти и начал народного самоуправления, не нуждающегося в посредничестве бюрократической администрации, решение этой задачи.

Уже с первых шагов нарождающихся «национальных общественных сил», на которые возлагались большие надежды, обнаружилась важнейшая проблема. Аксаков на страницах газеты «Москвич» уже в 1868 году указывал на ее проявления. Полемизируя с газетой «Весть», упрекавшей земские учреждения Тамбова и Екатеринослава в недостаточной организованности работы, Аксаков писал: «Не противники ли чиновничества и службы, награждаемой мздою, увеличили сами себе мзду за общественную службу до такой степени, что расход на содержание управы возвысили с 10 т. на 26,000 рублей и обременили новым налогом земство? Не враги ли бюрократии, воскормленные “Вестью”, явились самыми неумолимыми бюрократами касательно формы отчетов управы и вообще в своих отношениях к управе?» [22, с. 168]. Проникновение бюрократических начал в общественную деятельность представлялось злом отчасти неизбежным, обусловленным слишком затянувшимся петровским периодом русской истории, в котором бюрократия являлась единственным полюсом общественно-политических процессов. «Остроумный бюрократ» Достоевского иронически предупреждал собеседника о том, что «мы, так сказать, как естественный какой-то магнит, к которому всё тянется даже доселе и долго еще будет тянуться». Этот чиновник готов был держать любое пари на то, что даже если земству будет законодательно предписано уничтожить в себе все элементы бюрократизма и действовать самостоятельно, то и тогда «сами собою, еще пуще запросятся к нам и кончат тем, что станут чиновниками уже вполне, дух наш и образ примут, всё у нас скопируют. Даже выборный мужик к нам запросится, польстит ему это очень. Недаром же два столетия развивались вкусы» [8, с. 514].

Впрочем, в понимании Аксакова и Достоевского, неизбежность бюрократического крена в общественной жизни не означала, что земские учреждения – затея бесплодная и обреченная на гибель. Установление правильной работы общественных сил требует времени. Даже бюрократический визави Достоевского на страницах «Дневника писателя» признает: «дело это длинное, а не столь короткое. На то нужна своя предварительная культура, своя история и, может быть, тоже двухвековая» [8, с. 515].

«Унывать нечего, – призывал Аксаков, – пройдет несколько поколений, и явятся поколения новые, возросшие не в наших преданиях. Но и современные поколения не устроятся от нравственной обязанности бороться с своим нравственным недугом и одолеть его – посредством нравственного подъема воли и работы самосознания» [22, с. 168].

Позже, уже в 1880-х годах на страницах «Руси» Аксаков отметит: «Не раздаются ли и теперь со всех сторон на наши городские и земские учреждения жалобы именно в том,

что они все идут плохо, все безжизненны, все *казенны*?.. Вот самое точное определение тому мертвящему злему началу, для которого название лжи оказывалось слишком общим. Слово найдено. Правда, оно у всех на устах, не едва ли кто отдавал себе полный отчет в глубине и обширности его смысла. Это зло наше, доморощенное, возникшее на русской, цивилизованной Петром почве. Это продукт XVIII века, это плод нашей культуры, вместе с другим словом: «чиновник». Оно не переводимо ни на какой язык, ибо если и можно перенести его в некоторых случаях словом *официальный* (*officiel*), то с последним выражением никак не соединяется тот *нравственный* смысл, который в понятиях наших связан с подлинником. В этом последнем смысле не знала его древняя Русь» [23, с. 425].

Катков при этом не отрицал потенциальной опасности бюрократизации, но отмечал, что естественным противоядием против административного произвола является усиление консервативной, прежде всего землевладельческой партии, поскольку «к хранению того, что заслуживает хранения, обыкновенно бывают расположены лишь те классы общества, которые имеют положительные интересы в стране, совпадающие с ее общими интересами», в то время как бюрократия в какой-то момент неизбежно автономизируется, и потому ей становится «все равно»: «она более всего любит рутину, свое произведение, а когда ей приходится расставаться с рутинной, то она уже не делает различия между улучшением существующего, и разрушением его» [12, с. 223].

Это фатальное «все равно» Мещерский обозначал как «нравственный квиетизм» – главный недуг бюрократии: «Петербургский бюрократ, кто бы он ни был, есть потому недруг России, что он враг всех живых ее вопросов. В основу его мировоззрений, также как в основу его нравственного существа, ложится одно начало: нравственного квиетизма. Этому началу он приносит в жертву все...» [15, с. 345].

Равнодушие к смыслу и абсолютизация рутины приводят к тому, что бюрократическая система теряет связь с реальностью, со своим инструментальным предназначением, становится самодовлеющим феноменом. Иронически рассуждая о русском государственном быте от лица воображаемого представителя бюрократии, Достоевский говорит: «вот уже почти двести лет, с самого Петра, мы, бюрократия, составляем в государстве *все*; в сущности, мы-то и есть государство и *все* – а прочее лишь привесок» [8, с. 512]. Эту идею писатель неоднократно фиксирует и в черновых тетрадях, ставя вопрос о чиновниках так: «что для кого сделано, они для России, или Россия для них» [16, с. 558].

Констатировавший «автокефальность» русской бюрократии конца XIX века Розанов дает потрясающе объемный образ состояния государственных дел, сравнивая бюрократическое государство с перевернувшимся поездом – вращаются колеса, безупречно работает отлаженный механизм, потребляя топливо, и вся эта бюрократическая суесть есть только «смамливание вертящихся колес непонятной машины, которая давно перетирает только воздух» [19, с. 63], а движения нет, да и о возможной цели движения все уже давным-давно забыли.

Важнейшей дисфункцией бюрократии является то, что по мере того, как она автономизируется и начало квиетизма становится в ней преобладающим, система теряет даже потенциальную способность к самоочищению, обновлению, модернизации себя. Перестав подходить к оценке своих представителей с точки зрения их деловых качеств и реально достигнутых результатов, бюрократическая система переходит от поиска дельных и способных людей к механическому внутреннему перемещению бездеятельных и неспособных. Мещерский, ностальгически вспоминая те времена, когда проштрафившегося губернатора отставляли от должности, а не перемещали в другую губернию, вынужден констатировать, что «ныне дошел до феноменальных размеров обычай по увольнении чиновника с должности за непригодностью заботиться о помещении его на другую должность... Теперь мы дошли до того, что другого исхода, чтобы отделаться от непригодного директора департамента, не принято признавать, как назначение его в сенаторы» [15, с. 279–280].

Розанов также обращает внимание на свойство бюрократии, парализующее ее деятельность, – «всякий «определенный на место» чиновник в сущности вовсе несмещаем», поэтому его деятельность лишена той энергии и осмысленности, которая неизбежно сопутствует частному предпринимательству. Понимая, что «вопрос – не в порицаниях бюрократии, а в ответе, чем ее заменить», Розанов признает полезным «обратить 99% чиновничества в служащих по найму, и смещаемых безо всякого проступка, просто за недостаточную энергию и талант работы» [19, с. 9–12].

Понимание концепта бюрократии различными публицистами включает в себя некоторые общие черты:

1) бюрократия неизменно трактуется как феномен, заимствованный из политической культуры Запада, соотнесенный с Европой как источником и Петром Великим как инициатором его культурной трансмиссии;

2) смещение акцента в деятельности бюрократии с результата на процесс рассматривается как ее базовая дисфункция и выражается рядом понятий, наполняемых синонимичным друг другу значением (автономизация, рутинизация, квиетизм, автокефальность, казенщина и т.д.);

3) в качестве способов исправления дисфункции бюрократии публицистами предлагаются два основных подхода: частичная ревизия петровской вестернизации, исчерпавшей себя, через развитие независимых общественных институтов, соотнесенных со спецификой национального характера и исторической традиции (земство, Земский собор) или более эффективная ротация кадров внутри существующей системы, основанная на убеждении, что при любой форме организации талантливые и деятельные сотрудники скорректируют в своей повседневной практике возможные недостатки системы.

В целом, рассматривая отношение публицистов консервативного крыла к бюрократии как политическому и социокультурному феномену, можно отметить, что концепт бюрократии органически встраивается в диалог о петровской модернизации и модели регулярного государства, созданной первым русским императором. Причем для большинства публицистов остается малозаметным прогрессивный характер бюрократии как системы управления государством модерна и вообще функциональный смысл бюрократии, в то время как различные дисфункции бюрократической машины рисуются в грандиозных масштабах. Пафос обличения бюрократии переносится в ряде случаев и вообще на размышления о модернизации западного образца, так что рассмотрение негативных сторон бюрократии как детища петровской вестернизации становится инструментом обличения недостатков петровской реформы и исторической роли Петра, что особенно характерно для публицистов почвеннического и славянофильского направления.

Литература

1. Аксаков И.С. Как началось и шло развитие русского общества // *День*. 1864. № 2. 11 января. С. 1–3.
2. Акульшин П.В., Вяземский П.А. Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 238 с.
3. Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа «Жизнь и знание», 1910. 182 с.
4. Амелина В.В. Государственная служба в Российской империи (первая половина XIX века). Новосибирск, 1995. 42 с.
5. Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. 297 с.
6. Байтрина Г.Р. Трансформация веберовской концепции бюрократии в моделях Р. Мертона и А. Гоулднера // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 4. С. 239–244.
7. Гринфельд Л. Национализм: Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 527 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 2. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. 751 с.
9. Зубов В.Е. К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4–3 (60). С. 98–102.
10. История России XVIII–XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев; под ред. Л.В. Миловой, М.: Эксмо, 2006. 782 с.

11. Катаев Д.В., Вольф Г. Автономия и демократия в концепциях Макса Вебера и Корнелиуса Касториадиса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 60–72.
12. Катков М.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2 / под общ. ред. А.Н. Николукина; ИНИОН РАН. Т. 2. СПб.: Росток, 2011. 894 с.
13. Курочкина Е.Н. Российское чиновничество XIX века: Эволюция историографических подходов // Вестник ИрГТУ. 2011. № 2 (49). С. 276–280.
14. Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. 386 с.
15. Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма / сост. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
16. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / [ред.: И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм; ст. Л.М. Розенблюм и Г.М. Фридендера]. М.: Наука, 1971. 727 с. (Литературное наследство. Т. 83).
17. Полунов А.Ю. Проблема бюрократизма в консервативной общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в. // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 170–180.
18. Полях Л. Государственная политика России по повышению образовательного уровня и формированию профессиональной компетентности государственных служащих во второй четверти XIX в. // Власть. 2011. № 3. С. 155–159.
19. Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. 87 с.
20. Соловьев К. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М: Новое литературное обозрение, 2017. 294 с.
21. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 511 с.
22. Аксаков И.С. Соч. Т. 4: Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. М.: Тип. М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и Ко.), 1886.
24. Аксаков И.С. Соч. 2-е изд. Т. 2: Славянофильство и западничество (1860–1886). статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891.

Аннотация. В статье анализируется осмысление русскими консервативными публицистами пореформенной эпохи (И.С. Аксаковым, Ф.М. Достоевским, В.П. Мещерским, М.Н. Катковым, В.В. Розановым) феномена русской бюрократии как результата петровской модернизации и создания регулярного государства. Исследование показывает, что концепт бюрократии органически встраивается в диалог о петровской модернизации, причем для большинства публицистов остается малозаметным прогрессивный характер бюрократии как системы управления государства модерна, преимущественно их внимание сосредоточено на дисфункции административной машины. Антибюрократическая риторика в ряде случаев используется как инструмент критики в целом модернизации западного образца и ее вдохновителя Петра Великого. Наиболее острой критике со стороны консервативных публицистов бюрократия подвергается за формализм, смещение акцента с результата деятельности на процесс, автономизация от реальных политических задач и нужд государства.

Ключевые слова: петровская модернизация, бюрократия, русская консервативная публицистика.

Olga S. Kruglikova, PhD in Philology, Associate Professor, History of Journalism Department, St. Petersburg State University. E-mail: oskruglikova@yandex.ru

Russian Bureaucracy as Creation of Petrine Modernization as Viewed by Russian Conservative Publicists of the Post-reform Epoch

Abstract. Based on the analysis of the journalistic heritage of Russian conservative publicists of the post-reform era (I.S. Aksakov, F.M. Dostoevsky, V.P. Meshchersky, M.N. Katkov, V.V. Rozanov), the article examines the phenomenon of Russian bureaucracy as the result of the Petrine modernization and creation of the regular state. The study shows that the concept of bureaucracy is organically integrated into the dialogue about Peter's modernization, and for most publicists the progressive nature of bureaucracy as modernity state management system remains inconspicuous, mainly their attention is focused on the dysfunction of the administrative machine. In a number of cases, anti-bureaucratic rhetoric is used as the tool for criticizing Western-style modernization in general and its inspirer, Peter the Great. The bureaucracy is subjected to the sharpest criticism by conservative publicists for its formalism, the emphasis shift from the result of activity to its process, autonomization from real political tasks and the needs of the state.

Keywords: Petrine Modernization, Bureaucracy, Russian Conservative Publicism.

* This study was prepared as part of the RFBR project № 20-011-42018.

Правление Петра Первого в оценках представителей российского государственного национализма (М.Н. Каткова, А.С. Суворина, М.О. Меньшикова)*

Тот факт, что государственная деятельность Петра Первого является одним из ключевых моментов российской истории, давно уже стал общим местом. Общеизвестно и то, что оценки этой деятельности стали одним из определяющих моментов в споре славянофилов и западников. Хотя и те, и другие критиковали правителя, но причины критики расходились диаметрально [3]. В последующем развитии общественно-политической мысли в России либеральное направление развивало преимущественно идеи западников, тогда как по логике вещей консерваторы должны были обращаться к опыту славянофилов. Однако в последнем случае все было менее однозначно, так как славянофилы «противопоставляли свою точку зрения как государственному консерватизму, так и государственной модернизации» [46, с. 41]. Одним из наиболее губительных последствий правления Петра Первого они считали разрыв связей между «образованным обществом» и простым народом, видя именно в этом разрыве главную угрозу будущему российскому государству. При этом, как справедливо отмечает современный исследователь, «фактор народный» выступал для славянофилов определяющим по сравнению с «фактором государственным». В этом отношении государственного и национального и коренится одно из противоречий между славянофилами с другими представителями консервативного лагеря.

В частности, расходился со славянофилами в расстановке государственно-национальных приоритетов один из общепризнанных лидеров пореформенного консерватизма М.Н. Катков¹ [подробнее об этом см. 45]. В своих воззрениях он скорее придерживался консервативно-либерального синтеза (в разные периоды в разных пропорциях), что и дало основание предложить для его позиции особое определение «государственный национализм» [34], причислив к данному направлению еще двух влиятельных в свое время публицистов А.С. Суворина и М.О. Меньшикова. Соподчинение в миропонимании данных мыслителей государственных интересов с задачами национального строительства и обусловило отказ от славянофильского, преимущественно негативного восприятия результатов деятельности Петра Первого. Воспринимая «национализм как самосознание нации в рамках единого государства» [34, с. 11], представители государственного национализма более явственно, чем славянофилы, осознавали необходимость сохранения в первую

¹ Не случайно один из современных исследователей нашел много общего во взглядах М.Н. Каткова и П.Я. Чаадаева, который, положив начало спору славянофилов и западников, ни теми, ни другими не был причислен к своему лагерю [11].

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-012-00153.

Санькова Светлана Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. E-mail: historiphil@ya.ru

Крижановский Николай Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства Кубанского государственного университета. E-mail: nicolaykri@mail.ru

очередь государства, вне рамок которого невозможно никакое формирование единства русского народа.

Именно приверженцы идеи государственного национализма сумели разглядеть в деятельности Петра Первого следование как раз русским национальным интересам, развивая подмеченное еще А.С. Пушкиным положение о тяготении Петра Первого из двух партий, существующих у него при дворе – иностранной и русской – к последней [4, с. 424]. Они, как и позднее Ключевский, понимая, что период ученичества у Европы был лишь средством укрепления отечественной государственности, верили в подлинность записанных Остерманом слов Петра: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом» [9, с. 196].

Показательно, что именно Катков обратил внимание на отмеченное нами выше примечание Пушкина о «русской партии» Петра, полагая, что и сам поэт принадлежал к этой «партии». Пушкин, по его мнению, «ценил» Петра за то, что тот «не презирал своей страны и верил в ее предназначение» [6, с. 704]. Катков безусловно солидаризировался с такой оценкой.

Уже в одной из ранних своих работ М.Н. Катков с присущей юному возрасту восторженностью писал: «Только с Петра возникла Россия, могучее, исполинское государство; только с Петра русский народ стал нацией...» [8, с. 91]. Но такое государство, по мнению публициста, возникло не случайно и не по воле одной личности. Весь предшествующий ход русской истории был направлен на постепенное собирание и кристаллизацию того «исполинского» государства, той «дивной монархии», в которую «вдунул душу живую гений Петра Великого, начавшего собою новый, уже светлый период русской истории» [8, с. 111]. При этом Катков возводит начало «рассвета» еще к Ивану III, по всей видимости, именно потому, что тот уже позиционировал себя как «царя всея Руси».

Следующим знаковым этапом он называл правление Ивана Грозного, проводя прямую преемственную параллель между политикой этого «царя-исполина, так мощно скрепившего железными руками только что сочленившийся организм», и Петра Первого. Он прямо называет Иоанна «предтечею Петра» [8, с. 149]. Последний, явившись после «бури самозванства», пробудившей в народе «энергическое чувство единокровности», ни больше ни меньше как «гласом Божьим», призванным самим провидением, «вдунул в лицо мертвому дух всемирной жизни и распахнул врата Европы, и свежий воздух проник исполина; могучие силы заиграли в нем, и он поднялся в громадном величии...» [8, с. 115].

Важным моментом в понимании значения деятельности Петра Первого с точки зрения всей истории русского государственного строительства являлось, по мнению Каткова, создание национальной письменности. Как это ни парадоксально может звучать на первый взгляд для нас, привыкших относить появление русской письменности к IX, а никак не к XVIII веку. Однако Катков выдвигает данное утверждение, исходя из собственной убежденности в том, что благодаря деятельности Кирилла и Мефодия мы получили церковно-славянский письменный язык, который не может считаться языком русского народа, так как на нем создавался узкий круг произведений преимущественно церковной тематики. «Скажите же, можно ли назвать русскою словесностию ту словесность, которой произведения написаны нерусским языком?» – риторически вопрошает он [7, с. 189].

По мнению Каткова, некоторые «русизмы» проникали в церковно-славянский язык преимущественно в юридических документах, но только с XVI века «встречаются некоторые сочинения, уже довольно близкие к народной речи», хотя этот письменный язык «представлял пеструю, неживую, неорганическую смесь» разных наречий, особенно польского и малороссийского языков. С одной стороны, Петр сделал этот язык еще более пестрым, привнеся в него множество заимствований из европейских языков, однако именно он помог оформиться собственно русскому языку, отделив его от церковного, создав «так

называемую гражданскую письменность» [7, с. 190]. Без этого появления гражданской письменности, а от себя заметим, и широкого распространения гражданского книгопечатания, невозможно было бы и развитие образования. Не умаляя значения военных достижений Петра, Катков не раз акцентировал внимание на не менее значимой стороне его деятельности по «тяжелой работе самовоспитания и передачи его результатов своему дорогому народу». Не случайно в статье, посвященной 200-летию со дня рождения первого русского императора, он отмечал, что «празднование Петровского юбилея есть торжество гражданских успехов» [5, с. 340].

Но, безусловно, главной заслугой Петра Первого в глазах Каткова являлась проводимая им модель единоличного управления – «единодержавие». Одним из первых это отметил современник Каткова драматург Д.В. Аверкиев, вспоминая, что публицист считал Петра I и учрежденный им Сенат гарантами незыблемости самодержавия [1, с. 137]. По мнению Аверкиева, Катков полагал, что именно на Сенат направлялись удары идеи верховничества всякий раз, когда она проявляла свою активность [1, с. 137]. Схожие мысли высказывал и Н.А. Любимов [12, с. 368].

В свете всего вышесказанного не случайно современный исследователь консерватизма А.Э. Котов весьма точно, на наш взгляд, определяет Каткова как «главного пропагандиста» петровских реформ в «московской консервативной публицистике», в целом на протяжении всей своей публицистической деятельности придерживавшегося неизменных позиций по этому вопросу [10, с. 325–326].

В противоположность пафосу передовых статей редактора «Московских ведомостей» А.С. Суворин обращался к образу Петра Первого, видя в нем и «яркий гений» и «демон честолюбия» [41, с. 30]. Такой взгляд был более приземленным и житейским, но не менее точным. Безусловно признавая значение самодержавной власти, укрепленной Петром Первым, А.С. Суворин, в отличие от Каткова, видел и ряд проблем, стоящих за таким «единодержавием». Две основные из них заключались в том, что Петру за недостатком нужных людей приходилось поневоле за все браться самому: «...не на кого было возложить этой работы, некому было доверить» [35, с. 61]. А такое колоссальное количество работы, взваливаемое на свои плечи, в свою очередь подрывало силы и сокращало жизнь государя, умершего от «чрезмерной работы, которую не вынес его поистине железный организм» [40, с. 188].

Если для Каткова Петр был великий государственный строитель во всех сферах, то Суворин признавал за ним по большей части только военные заслуги, сделавшие из слабой России сильную [43, с. 98]. Выступая от лица простого обывателя, он больше внимания обращал не на общегосударственные достижения, а на цену этих достижений, на то, как сказывались они на жизни простого народа. И под таким углом зрения внутригосударственные результаты деятельности Петра Первого представляли в довольно негативном свете. По мнению Суворина, сюда следует отнести в первую очередь тяжелое положение народа, закрепощенного, нищавшего, «расчлененного» и вследствие всего этого совершенно не развивавшегося. Опираясь на служилое сословие, Петр отдал ему на откуп в рабское пользование большую часть населения страны. Суворин характеризовал Петра как представителя «просвещенного деспотизма», воспитавшего служилый правящий класс, живущий за счет рабов [37, с. 470]. Однако публицист признавал и то, что это была не столько вина, сколько беда Петра, так как он оставался человеком своего времени и своего круга, поэтому не мог предвидеть всех будущих потребностей страны. Иными словами, деятельность Петра представлялась основанной на тактических, а не на стратегических расчетах.

Суворин не раз обращался к метафоре Пушкина («Россию поднял на дыбы»), отмечая, что «Петр поднимал Россию на дыбы, насильно тянул ее в Европу, тянул мерами

иногда жестокими» [36, с. 656]. Развивая данную метафору, Суворин замечал, что «поднятая на дыбы» Россия не могла долго оставаться в таком положении, подобно лошади на памятнике Фальконе. Живой организм государства не может долго сохранять столь напряженное положение, ему нужен отдых и «спокойный шаг» [39, с. 356]. Придумал Суворин и собственную метафору для описания политики великого преобразователя, говоря, что он клал «свое обширное государство на наковальню и тяжелым молотом» ковал его [36, с. 657]¹.

В противовес утверждению Каткова о том, что Петр создал российскую монархию, Суворин утверждал: самодержец лишь приготовил для нее «огромную ниву», но «совсем не обработал» ее [36, с. 470]. При этом Суворин безусловно не оспаривал огромное значение деятельности Петра Первого, понимая, что любые негативные явления, связанные с исторической личностью, всегда соизмеримы с масштабами деятельности этой личности. «Петр Великий останется великим, – писал он, – несмотря на его великие ошибки, потому что достаточно великого он сделал» [39, с. 356].

Справедливости ради следует отметить, что на разницу во взглядах Каткова и Суворина на петровские преобразования влияло не столько различие социально-политических установок, сколько развитие отечественной исторической науки, которая ко времени написания «Маленьких писем» Суворина стала отходить от однозначно восторженной оценки этих преобразований и вырабатывать более критический взгляд на ту «ломку, которую он затеял» [38, с. 332]. А Суворин как человек интересовавшийся историей, особенно периодом Смутного времени и началом царствования династии Романовых, просто не мог не обращать внимания на эти изменения. Однако в целом для Суворина, как и для Каткова, в оценке деятельности Петра на первое место выходила проблема государственного строительства. Если Катков стремился отмечать то конструктивное, что дал период царствования Петра, Суворин выявлял проблемы, ставшие предпосылками периода дворцовых переворотов и последующей экономической и культурной отсталости от той Европы, к которой нас так стремился приблизить Петр.

Один из ведущих сотрудников суворинского «Нового времени» в XX веке М.О. Меньшиков, развивая перед читателями свои идеи в духе государственного национализма, в еще большей степени, чем Суворин, делал упор не на государственные, а на национальные последствия петровских реформ, так как с самого начала работы в газете стал проводить идею необходимости развития национальной самоидентификации. Проследим отношение публициста к деятельности Петра Первого.

Первоначальное восприятие Меньшиковым фигуры Петра Первого запечатлено в дневниковых записях 1879–1880 годов и связано с культурной ролью русского царя-императора. Публицист восторженно воспринимал западную культуру и соответствующим образом оценивал противостояние западников и славянофилов: «С одной стороны гений Петра и всех мыслящих людей Запада, а также многих лучших русских людей, – с другой стороны такие личности, как Хомяков, Аксаков, Погодин, Самарин, Достоевский...» [25, л. 34 об.]. Уже речевое воплощение этой фразы проявляет отношение молодого флотского офицера к названным явлениям: множество гениев, среди которых и Петр Великий, противопоставит отдельным личностям. И хотя Меньшиков, как он писал, желал бы быть «на золотой середине» [25, л. 34 об.], все же более близким для него на протяжении почти всей жизни оставался Запад, поскольку позицию славянофилов он осознанно не принимал: «...меня смущает голословное и бездоказательное решение мирового вопроса:

¹ Не одобряя столь жесткие методы как не способствующие на самом деле укреплению государственности, Суворин, в отличие от Каткова, по этой же причине трактовал исключительно в негативном ключе и деятельность Ивана Грозного, который лишь «воображал», что укрепляет власть, а на деле подготавливал Смутное время [42, с. 218].

Русь православная обновит мир (и главное дело – духовно обновит), Русь православная скажет свое слово гнилому Западу... Сомневаюсь, несмотря на великий авторитет Достоевского и Самарина» [25, л. 35]. Анализируя в дневнике статью К.С. Аксакова «О современном человеке», где указывалось, что Петр старался оторвать Россию от ее прошлого, как бы разорвав ее надвое, Меньшиков отмечал, что не согласен с автором статьи «относительно мирового значения славянского характера, значения православия и его взглядов на Европу и Петра» [25, л. 35 об.].

Публицист указывал на историческую значимость личности Петра в связи с глубоким следом, оставшимся в памяти народа: «Петр Великий никогда не умрет в русском народе, пока будет существовать на земле русское племя, пока будет слышна на земле русская речь. Действительно, чем больше знакомишься с громадной личностью Петра, тем более удивляешься, тем более благоговеешь, безотчетно преклоняешься ниц перед этим действительно великим человеком. Петр был первым из русских великих людей новой эпохи. Петр служит типом русских замечательных людей. Если будут у нас на Руси когда-нибудь великие таланты, всемирные дельцы, то они должны быть похожими на Петра» [26, л. 71].

Очарованность западной цивилизацией, с которой Меньшиков близко познакомился во время кругосветного путешествия на фрегате «Князь Пожарский», и материалистическое восприятие мира¹, как нам представляется, в наибольшей степени предопределили его начальное восприятие деятельной фигуры Петра Первого. 11 октября 1889 года Меньшиков записал в дневнике, что важнейшей ролью Петра Великого «была не военная, не политическая, а культурная» [24, л. 52 об.]. Заключалась она в понимании жизненной необходимости образованности, в связи с чем «вместо прежнего опасливого отношения Москвы к иностранным обычаям явилось восторженное поклонение им, почти идолопоклонство» [24, л. 52 об.]. Общая оценка тридцатилетним Меньшиковым просветительской деятельности императора, как и западного влияния на Россию, в целом была положительная: «Петр уттрировал, но не ошибался. Влитая в организм Руси небольшая доза образованности укрепила ее чрезвычайно» [24, л. 53].

Спустя несколько лет, уже на страницах умеренно-либеральной «Недели» в работе «Литературное бессилие» (1892) Меньшиков все еще осмыслял иноземное влияние на русскую культуру в петровскую эпоху как продуктивное [28, с. 150]. А 1893 году в статье «Две правды» он выступил как критик западной цивилизации: «Наплыв западной цивилизации не только не упрочил нашу культуру, но страшно ее расстроил, решительно выбив из колеи все сословия, все мирозозерцания, все старые формы жизни» [19, с. 381]. Именно Петр, утверждал публицист, стал своего рода орудием естественного подчинения культурно недоразвившегося (по мнению Меньшикова) русского народа либеральным культурным устремлениям Запада: «Начиная с Петра I, мы уступили более сильному Западу, и сколько бы ни сопротивлялись остатками своей старинной самобытной культуры, неудержимо будем подчиняться и уступать...» [19, с. 384]. При этом публицист понимал, что носителями народного консервативного мировоззрения были многие русские гении (имена которых, на наш взгляд, свидетельствуют о мощнейшем развитии русской культуры): Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Ф.М. Достоевский и др. [19, с. 385–389]. Особое внимание Меньшиков уделил А.С. Пушкину, сумевшему преодолеть связь с либеральной частью образованного общества [19, с. 366–367].

Михаил Осипович во многих публикациях в период своей журналистской деятельности в газете «Неделя» стремился осмыслить важнейшие социокультурные проблемы

¹ О чем красноречиво свидетельствует одна из дневниковых записей Меньшикова: «Человечество в настоящем современном виде есть огромная семья животных, обладающих почти всем органическим земным миром. Первоначальная идея человека – чисто животная...» [26, с. 42 об.].

конца XIX века. Значимым трудом в этом отношении стал нравственно-философский трактат «Думы о счастье» (1894). В нем мы также видим продолжение критического осмысления деятельности Петра Первого. Так, размышление над причинами оторванности российского образованного общества от народной массы приводит Меньшикова к утверждению, что высший слой общества (аристократия) «при Петре I был внезапно оторван от народа, и ему была привита чужая, иноземная душа – чахлая и хворая, как все искусственно привитое к живому телу» [21, с. 300]. Петровские преобразования – причина того, что «в массе интеллигенции преобладает недовольство своей страной, иногда горячее, но чаще равнодушное, а иногда даже презрительное» [21, с. 300]. Публицист осознал: интеллигенция, потерявшая настоящий патриотизм, оторванная от корней и прилепившаяся к западной культуре, «не может не считать себя хуже западных интеллигенций, а народ свой – хуже западных народов» [21, с. 301]. Обращает на себя внимание тот факт, что Меньшиков в данной статье транслировал идеи, близкие к славянофильским, в частности, выраженным во многих статьях К.С. Аксакова, где описывая «публику», он, в сущности, говорит об интеллигенции¹.

В конце 1890-х годов в сознании публициста крепло негативное отношение к западной цивилизации. Причина этого – жестокая англо-бурская война, которая, по собственному его признанию, окончательно разрушила в нем «верование, слагавшееся в течение долгих лет и мне дорогое». Меньшиков подчеркивал, что он знал об исторических бесчеловечных жестокостях Англии, но «думал, что все это уже отходит в прошлое» [32, стб. 1390]. Как следствие возникает и более резкая оценка всего, что связано с западноевропейским влиянием на Россию: «Мы, русские, уже в течение двухсот лет влюблены в Запад, мы увлечены им бесповоротно, в нем наша вера и надежда» [32, стб. 1391]. Публицист видит в Петре Первом проводника гибельной для России западной культуры, поэтому его понимание петровских преобразований становятся близким славянофильскому и почвенническому: «Потеряв народные инстинкты, тайну самобытного творчества, уважение к своему разуму, своей совести, тогдашнее общество поклонилось чужим богам, признало дух народный Запада более истинным, чем культурный дух собственного народа» [32, стб. 1391]. С этих позиций Меньшиков оценивал деятельность Петра Первого и перейдя на работу в «Новое время».

Первая статья Меньшикова в «Новом времени» вышла 28 апреля 1901 года в начатой публицистом рубрике с характерным названием «Свое и чужое». Статья называлась «О Святой Софии» и была посвящена планам строительства в Кронштадте копии константинопольского храма. Однако от частного вопроса (каким по стилю должен быть новый православный храм в Кронштадте) Меньшиков переходит к широкой постановке проблемы русской национальной самобытности, раскрывая ее через тему социального значения эстетики. Как и вопросы государственного строительства и положения народа, идеи государственного национализма в творчестве Меньшикова осмыслились в контексте проблемы национального самосознания, которое невозможно формировать вне развития национального искусства, основанного на народном гении. А именно он, по мнению Меньшикова, «скован подражанием», которое мешает развернуться собственному творчеству. И это подражание было привнесено в русскую культуру именно преобразованиями Петра, которые привели к потере «русла своей самобытной культуры» [31, с. 2].

В одном из июльских номеров «Нового времени» за 1901 год, касаясь вопроса дуэлей, Меньшиков вновь обращает внимание на начавшееся с Петра повальное заимство-

¹ Характерным примером является статья Аксакова 1857 года «Опыт синонимов. Публика – народ», в которой автор противопоставляет «публику» как «явление чисто западное» исконно существовавшему в России народу, отмечая, что «публика» появилась вместе с другими нововведениями и стала презирать свой народ [2].

вание из Европы, которое не всегда идет русскому обществу на благо. Здесь он впервые выдвигает тезис о том, что русские «околдованы подражанием Европе» [27, с. 3], который будет развивать в течение последующих нескольких лет, убеждая читателей в пагубности продолжения мании подражания, которую он приписывал Петру.

Обращая внимание на то историческое обстоятельство, что сближение с Европой более отсталых в культурном плане народов всегда приводило не к улучшению, а к ухудшению их положения, Меньшиков отмечал, что и Россия не избежала этой участи. Публицист утверждал, что «До Петра простой народ жил свободнее и богаче, чем после Петра» [20, с. 276]. Высший слой, соблазняясь европейскими диковинками, начинает стремиться выкачать из народа как можно больше средств для их приобретения. Прокормить себя и господ народу было несравненно легче, оплачивать в дополнение к этому «бесчисленное множество вещей излишних, составляющих предмет моды, т.е. помешательства хотя невинного, но ненасытного», становится значительно сложнее. Отсюда усиление крепостного и налогового гнета, рост государственного долга и как следствие обнищание всего государства и потеря вместе со своею собственной национальной и «всякой иной» культуры [20, с. 277]. При этом Меньшиков отмечал, что Петр «явился только вершиною волны, разбившей народную культуру», относя начало этого пагубного процесса к царствованию Алексея Михайловича, которое еще было «мирным» нашествием иноземцев. Однако «с тех пор как Петр I был полонен Европой» эти процессы резко катализировались, и, как следствие, стали «с ужасающей быстротой» развиваться все виды народного «утеснения». Меньшиков уверял, что русское общество начиная со времен Петра глубоко заблуждалось, полагая, что из Европы к нам идет «свет», «свобода» и «гуманность», в то время как «именно оттуда мы получили самые жестокие обычаи и политические суеверия» [20, с. 281]. По сути, ведущий публицист «Нового времени» развивал идею Суворина о высокой цене, которую пришлось заплатить простому народу за петровские преобразования: «...начавшееся при Петре I создание мировой державы потребовало таких напряжений, что население едва выдержало» [30, с. 24].

В то же время Меньшиков, как и его предшественники, отдавал дань Петру как строителю русской государственности, полагая, однако, в противоположность Каткову и Суворину, что основой петровской государственной идеи являлось не столько самодержавие, сколько дух Великого Новгорода, выразившийся в «принципе Ганзы», то есть в образе широкой мировой жизни, «равноправной и равнодеятельной» в семье образованных народов. Более того, Меньшиков полагал, что только с внедрением этого новгородского принципа в жизнь российского государства можно было говорить о подлинном окончательном освобождении от татаро-монгольского ига, сохранявшегося до того времени «в основах нашей континентальной культуры» [29, с. 2].

Подобно Суворину, Меньшиков главное значение Петра видел в его военных достижениях, но не только с точки зрения укрепления и расширения страны, но и с позиции развития русского национального самосознания, «величия духа», которое невозможно без осознания народом своей силы. И именно Петр, по мнению Меньшикова, а за ним Екатерина II, привили народу осознание того, что он «победитель». Рассуждая в духе О. Шпенглера, Меньшиков полагал, что, только имея «высокое осознание победы»¹, народ способен на героическое служение своему государству, а без этого жизнь нации обречена на прозябание и угасание [18, с. 438]. Военные же достижения сами по себе, по мнению Меньшикова, имели значение постольку, поскольку сделали Россию морской державой, выведя из «континентального заточения» [22, с. 631]. Петр положил начало вхождению России в мировое сообщество, чтобы получить «во всемирном владычестве» свой законный

¹ Освальд Шпенглер определял это осознание как «пруссачество» или «прусское поведение» [47, с. 48].

«пай» [22, с. 632]. Однако данная задача, поставленная Петром, по мнению Меньшикова, так и не была до конца осуществлена его последователями, так как ее невозможно было решить без сильного флота, а именно его и не развивало наше государство, все более и более отставая в этом вопросе от ведущих мировых держав.

Начало первой русской революции Меньшиков встретил с довольно либеральным настроением. В 1906 году он повторял высказанную им в 1901 году идею о том, что первый русский император стал наследником государственных принципов торговых ганзейских городов Новгорода и Пскова. В соответствии с этими принципами Петр вышел из «захолустной» Москвы к открытому пространству (морю) и даже высказывал мысль о «создании генеральных штатов» (то есть парламента): «Могучий, сильный, жадный до просвещения, поклонник Запада, со страстью к мореплаванию, промышленности, торговле, Петр стал богатырем не московской, а вечевой эпохи...» [33, с. 1111]. Показателем либеральной ориентации взглядов Меньшикова данного периода служит его убеждение в том, что вышеуказанные петровские начала были присущи представителям думской партии конституционных демократов: «Она мне кажется новгородской по духу, а не московской». Кадеты, как доказывал Меньшиков своим читателям в этот период, «самая свежая и самая европейская наша партия... Им нужно отвоевать что-то важное, огромное, исторически необходимое, то самое, что пытался отвоевать и Петр Великий» [33, с. 1112]. В то же время публицист крайне негативно отзывался о представителях правого политического лагеря – членах Русского собрания, утверждая, что от них «пахнет грубостью, косностью, холопством и бездарностью старой Москвы» [32, с. 1112]. Хотя следует отметить, что Меньшиков отмечал и явные недостатки позиции кадетов: дружба с революционерами [33, с. 1111] и, как следствие, «равнодушие к политическим убийствам» [33, с. 1112], что говорит о его неудовлетворенности существующими на тот момент политическими партиями в целом.

Окончание первой русской революции совпало с некоторым изменением взглядов Меньшикова. Уже в середине 1907 года политическая позиция публициста значительно поправела, и в «Новом времени» появился целый ряд его статей, где говорилось о назревшей необходимости создания великорусской партии¹. В этих статьях он вновь вернулся к критическому в целом взгляду на преобразования Петра Первого. Государственная и культурная деятельность царя-реформатора мыслилась прежде всего в контексте засилья иностранцев, которых в России еще в начале XVIII века уравнивали в правах с русским дворянством [14, с. 86], а отечественную культуру поставили ниже западной: «Вместо того чтобы поставить свою культуру, свой быт в пример инородцам и в подражание им, наше правительство в лице Петра I отреклось от своей культуры и начало подражать инородческой» [15, с. 91]. В итоге публицист во многом воспроизводил мысли, схожие с теми, что звучали в 1899 году, только в несколько ином контексте: в результате петровских преобразований «русский народ, единственный из всех, не имеет национальной аристократии, не имеет патриотического среднего класса» [15, с. 93].

Однако это не означало полного отрицания плодов деятельности Петра Великого для отечества, поскольку его энергичная личность в целом мыслилась Меньшиковым как значительное явление в истории России, связанное со славной русской историей и культурой: «Кому из русских ничего не говорит наша история десяти веков, для кого чужды престольный Киев, Великий Новгород, Москва, Петербург, для кого не интересен наш богатырский эпос, не интересна тяжелая трагедия татарского ига, эпопея возвышения Москвы, гигантская слава Петра и Екатерины, для кого ничтожен великий язык Державина, Пушкина, Тургенева, Толстого, Чехова – ну такие “русские” действительно не русские вовсе, и с

¹ Хотя сам термин «великорусская партия» появляется в статье Меньшикова еще в 1904 году [23, с. 301].

ними может быть короткий разговор: черт с ними, вот и все. Нам, великороссам, останутся одинаково дорогими и Малая, и Белая, и Червонная Русь» [16, с. 108–109].

Кроме того, Меньшиков по-прежнему отмечал значительные успехи Петра при укреплении русского войска: армия, которую собрал Петр, явилась «становым хребтом России», на который опиралась и внешняя и внутренняя политика [13, с. 129]. Без созданной в начале XVIII века армии, по утверждению публициста, у России не было бы ни Финляндии, ни Прибалтийского края, ни Польши, ни других окраин [13, с. 129].

Осознавая значительное число недостатков государственной деятельности Петра Первого, Меньшиков видел и ряд достоинств, особо подчеркивая гениальное творческое начало властной воли царя-плотника. Такая самостоятельная власть, по мысли публициста, в самой себе находит «импульсы и великие цели» и не нуждается «в сочувствии толпы» [17, с. 134].

Современный исследователь творчества М.О. Меньшикова В.Б. Трофимова верно отметила его итоговое критичное отношение к деятельности Петра Первого в области культуры, выраженное в поздней статье «Крайности сходятся» (1916): «Правление Петра I довершило “разгром” художественно-тонкого строения русской культуры. ...Петр I ставил себе в пример Ивана Грозного, повторил главные его ошибки: окончательно уничтожил русское боярство и духовенство, отменил патриаршество, ликвидировал умерявшее власть народное самоуправление – Земский Собор. Европейская культура внедрялась в русское общество при Петре I не органично как благое и необходимое влияние, способствующее формированию национальности, а насильственно и быстро» [44, с. 58]. Однако, как видим, этим мнением не может быть ограничено понимание публицистом личности и деятельности Петра Великого. Для Меньшикова основатель Санкт-Петербурга – не только тот, кто хотел сделать русских голландцами и заложил базу для духовного отхода аристократии от народа [27, с. 221]. Для него Петр – это пример проведения государственной воли и творческой решимости, проявления личного труда и дерзания при созидании великой эпохи, пример осознания исторической необходимости обладания мощной армией и скорейшего выхода государства к морскому простору.

Таким образом, на основе анализа позиций М.Н. Каткова, А.С. Суворина, М.О. Меньшикова по отношению к результатам деятельности Петра Первого прослеживается двойственность идеологии государственного национализма, выразителями которой они являлись. Если в публицистике Каткова безоговорочно доминировали интересы государства как такового, и интересы народа подчинялись его потребностям, что и обусловило в целом позитивное отношение к деятельности Петра Первого, то в работах Суворина и Меньшикова на первый план уже были поставлены нужды и потребности русского народа как основного строителя государства. Поэтому публицисты поднимали вопрос цены петровских преобразований. В то же время величие личности самого Петра Первого и историческая значимость совершенных им преобразований в государстве с некоторыми оговорками признавалась представителями государственного национализма.

Литература

1. *Аверкиев Д.В.* О значении М.Н. Каткова // Памяти М.Н. Каткова. Русский вестник. 1887. № 7. С. 131–141.
2. *Аксаков К.С.* Публика и народ [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Публикация А.Д. Каплина. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2010/12/21/publika_i_narod/
3. *Гобозов И.А.* Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // Философия и общество. 2019. № 2. С. 40–61.
4. Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года) // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 396–470.
5. *Катков М.Н.* № 134. 29 мая / М.Н. Катков // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1872 год. М.: Изд. С.П. Катковой. С. 338–340.

6. Катков М.Н. Заслуга Пушкина / М.Н. Катков // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: Росток, 2010. С. 699–705.
7. Катков М.Н. История древней русской словесности / М.Н. Катков // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: Росток, 2010. С. 171–217.
8. Катков М.Н. Песни русского народа / М.Н. Катков // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: Росток, 2010. С. 85–164.
9. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. IV. М.: Мысль, 1989. 398 с.
10. Котов А.Э. Образ Петра Великого в консервативной публицистике второй половины XIX в. // Петр Великий: исследования и открытия: К 350-летию со дня рождения: М-лы междунар. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 323–328.
11. Лубков А.В. Чаадаев и Катков: стереотипы и противоречия образов // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Вып. 18. № 4. С. 1002–1017.
12. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям) // Воспоминания о Михаиле Каткове / сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 206–533.
13. Меньшиков М.О. II. Дружина храбрых / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 123–129.
14. Меньшиков М.О. Великорусская партия IV / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 83–89.
15. Меньшиков М.О. Великорусская партия V / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 89–96.
16. Меньшиков М.О. Великорусская партия VII / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 102–109.
17. Меньшиков М.О. Власть как право / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 129–136.
18. Меньшиков М.О. Глаза армии / М.О. Меньшиков // Письма к ближним: Полное собрание: в 16 т. Т. 3: 1904 г. СПб.: Машина времени, 2021. С. 422–440.
19. Меньшиков М.О. Две правды / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 358–418.
20. Меньшиков М.О. Долг первородства / М.О. Меньшиков // Письма к ближним: Полное собрание в 16 т. Т. 1: 1902 г. СПб.: Машина времени, 2019. С. 270–285.
21. Меньшиков М.О. Думы о счастье / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 271–424.
22. Меньшиков М.О. Есть ли у нас флот? / М.О. Меньшиков // Письма к ближним: Полное собрание: в 16 т. Т. 3. 1904 г. СПб.: Машина времени, 2021. С. 630–644.
23. Меньшиков М.О. Журнальные горланы / М.О. Меньшиков // Письма к ближним: Полное собрание: в 16 т. Т. 3: 1904 г. СПб.: Машина времени, 2021. С. 286–304.
24. Меньшиков М.О. Записная книжка: дневниковые записи, очерки. Февраль 1886 г. – 25 декабря 1889 г. // ЦГА Москвы. Отдел хранения документов личных собраний Москвы (ОХДЛСМ). Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–75.
25. Меньшиков М.О. Записная книжка: дневниковые записи, путевые заметки о плавании вокруг Европы. 16 октября 1877 – 10 мая 1880 г. // ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202: Михаил Осипович Меньшиков. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–200.
26. Меньшиков М.О. Колдовство обычая // Новое время. 1901 г. 1 июля. С. 3.
27. Меньшиков М.О. Крайности сходятся. Что говорит история // Новое время. 1916. 17 января. С. 5.
28. Меньшиков М.О. Литературное бессилие / М.О. Меньшиков // Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 146–159.
29. Меньшиков М.О. Новгородское начало // Новое время. 19 августа 1901 г. С. 3.
30. Меньшиков М.О. О здоровье народном / М.О. Меньшиков // Письма к ближним: Полное собрание: в 16 т. Т. 1: 1902 г. СПб.: Машина времени, 2019. С. 21–28.
31. Меньшиков М.О. О святой Софии // Новое время. 23 апреля. 1901 г. С. 2–3.
32. Меньшиков М.О. Отклики XXV // Неделя. 1899. № 42. Стб. 1390–1393.
33. Меньшиков М.О. Письмо ССXXXIII / М.О. Меньшиков // Письма к ближним. Год V-й. Май. 1906. СПб.: Тип. Воейкова, 1906. С. 1104–1112.
34. Санькова С.М. Идеология российского государственного национализма второй половины XIX – начала XX вв.: историографический аспект: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. 54 с.
35. Суворин А.С. Письмо XXVII / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 60–62.
36. Суворин А.С. Письмо СССX / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 655–657.
37. Суворин А.С. Письмо ССXV / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 469–471.
38. Суворин А.С. Письмо CLVI / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 331–333.
39. Суворин А.С. Письмо CLXV / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 355–357.
40. Суворин А.С. Письмо LXXXV / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 187–189.
41. Суворин А.С. Письмо VII / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 30–31.

42. *Суворин А.С.* Письмо XCIX / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 218–219.
43. *Суворин А.С.* Письмо XLIV / А.С. Суворин // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. С. 98–99.
44. *Трофимова В.Б.* Предисловие // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. С. 5–70.
45. *Шапошников Л.Е.* М.Н. Катков и славянофилы // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 367–375.
46. *Широкова М.А.* Славянофилы о европейском просвещении и реформах Петра I как причинах трансформации российской культурной идентичности и исторической памяти // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 5 (121). С. 41–46.
47. *Шпенглер О.* Годы решений / О. Шпенглер // Политические произведения / пер. с нем. В.В. Афанасьева. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 45–50.

Аннотация. В работе исследованы взгляды консервативных публицистов второй половины XIX – начала XX века, классифицируемых авторами как выразители идей государственного национализма: М.Н. Каткова, А.С. Суворина, М.О. Меньшикова. На основе анализа позиций данных персоналий по отношению к результатам деятельности Петра Первого прослеживается двойственность базовых установок государственного национализма, проявляющаяся в изменениях соотношения приоритетов государственного и национального строительства. Так, во взглядах Каткова безоговорочно доминировали интересы государства как такового, и интересы народа подчинялись его потребностям, что и обусловило в целом позитивное отношение к деятельности Петра Первого. Позиция Суворина и Меньшикова на первый план уже выводила нужды и потребности русского народа как основного строителя государства. Они были обеспокоены размыванием национальной самоидентификации, и нецелесообразным расходом человеческих ресурсов, что в свою очередь в их представлениях выступало скрытой угрозой жизнеспособности самого государства. В то же время величие личности самого Петра Первого и глобальность совершенных им преобразований признавалась всеми представителями государственного национализма безоговорочно.

Ключевые слова: Петр Первый, государственный национализм, государственное строительство, национальная самоидентификация, М.Н. Катков, А.С. Суворин, М.О. Меньшиков.

Svetlana M. Sankova, Doctor in History, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, I. Turgenev Orel State University. E-mail: historiphil@ya.ru

Nikolay I. Krizhanovsky, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Publicism and Journalistic Skills, Kuban State University. E-mail: nicolaykri@mail.ru

The Reign of Peter I as Viewed by the Representatives of Russian State Nationalism (M.N. Katkov, A.S. Suvorin, M.O. Menshikov)*

Abstract. In the article the authors examine the views of conservative publicists of the second half of the 19th – early 20th centuries: M.N. Katkov, A.S. Suvorin, M.O. Menshikov. These publicists are attributed by the authors to the exponents of the ideas of state nationalism. The authors trace the duality of the basic attitudes of state nationalism, manifested in changes in the ratio of priorities of state and national construction. The authors come to certain conclusions on the basis of an analysis of the views of those thinkers on the results of the activities of Peter I. The article shows that Katkov's views were unconditionally dominated by the interests of the state as such and the interests of the people were inferior to the state needs. That determined his generally positive attitude towards the activities of Peter the Great. In contrast, Suvorin and Menshikov already brought to the fore the needs and necessities of the Russian people as the main builder of the state. They were concerned about the erosion of national identity, and the inappropriate expenditure of human resources, which, in their opinion, was a hidden threat to the viability of the state itself. At the same time, all representatives of state nationalism unconditionally recognized the greatness of the personality of Peter I himself and the global character of the transformations he accomplished.

Keywords: Peter the Great, State Nationalism, State Building, National Identity, M.N. Katkov, A.S. Suvorin, M.O. Menshikov.

* The research was financially supported by RFBR as part of the scientific project № 20-012-00153.

Образ Петра I в публицистике А.С. Суворина и В.П. Мещерского

Личность императора Петра I и его эпоха всегда привлекали внимание публицистов самых разных направлений. Характер эпохи, множественность и неоднозначность ее тенденций, наконец, основанный Петром Санкт-Петербург, до 1917 года бывший столицей Российской Империи, – все это позволяло видеть в петровском времени важнейший и поворотный пункт российской истории. По словам В.О. Ключевского, «всякий, кто хотел взглянуть сколько-нибудь философским взглядом на наше прошлое, считал требованием ученого приличия высказать свое суждение о деятельности Петра... Часто даже вся философия нашей истории сводилась к оценке петровской реформы: посредством некоторого, как бы сказать, ученого ракурса весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра, об отношении преобразованной им новой России к древней» [1, с. 128–129].

Обращаясь к петровскому времени, российские консерваторы сталкивались с его противоречивостью относительно их собственных ценностей. С одной стороны, Петр укрепил русское государство, привел его к победе над Швецией, создал ту императорскую власть, при которой жили сами публицисты. С другой – он резко менял сложившиеся традиции и нормы русской жизни, усилил бюрократию, пустил в страну иностранцев. Стремление обосновать и защитить консервативные идеалы исходя из русской истории неизбежно сталкивалось с этой двойственностью.

В настоящей статье мы рассмотрим публикации двух органов печати: газеты «Новое время», издаваемой А.С. Сувориным, и журнала «Гражданин», выходившего под руководством князя В.П. Мещерского. Оба эти издания традиционно относят к консервативному направлению, хотя они достаточно жестко критиковали друг друга. «Гражданин» и «Новое время» выходили параллельно друг другу – первый был основан Мещерским в 1872 году, «Новое время» Суворин приобрел в 1876 году. Издание «Гражданина» продолжалось до смерти князя Мещерского в 1914 году, «Новое время» выпускалось до своего закрытия сразу после октябрьского переворота 1917 года.

К фигуре Петра I Суворин обратился в марте 1881 года, вскоре после убийства Александра II. В статье «Характер прожитых реформ» издатель дал оценку минувшему царствованию, при этом сравнил его с петровской эпохой. Вопрос об отношении императора к старой Руси получил в статье негативную оценку: «борьба Петра со старой Русью... была странно жестокой и деспотичной». Суворин признал, что при Петре были сделаны «первые шаги к развитию», однако внимание публициста было направлено на положение народа, в первую очередь, очевидно, его крестьянского большинства. В вину императору

Суворин ставил то, что он «на народ... не обращал ни малейшего внимания... закрепил его окончательно своей переписью за помещиками, во имя интересов государства», и в XVIII–XIX веках «народ оставался при прежнем положении» [2, с. 2].

Подобным образом Суворин высказывался и в «Маленьком письме» по поводу установки памятника Александру II в Москве в августе 1898 года. Здесь говорилось, что Петр «поднимал Россию на дыбы... слишком поспешно и круто». Петр велик, но его величие – это величие деспота. Автор признавал даже гений Петра в сравнении с Александром, но уточнял, что при последнем сама «русская земля была гениальнее и восприимчивее, чем при Петре». То есть способность «земли», народа, общества в целом к принятию реформ признавалась делом более важным, чем готовность власти эти реформы проводить.

Историческая вина Петра заключалась, с точки зрения Суворина, не только в жестокости, но и в разрушении «начал разумной общественности и самоуправления». Петр ввел «кое-что европейское», но «за счет настоящего народного рабства». А вот реформы Александра II стали избавлением от рабства, и в этом их главный смысл: «истинная европейская волна проникла к нам только с той весной... не принесла эта весна свободы рабам – она ничего бы не принесла». А «свобода рабам принесла и новый суд, и земство, и умножение великих школ и дорог и, главное, умножение духа самосознания». Признав Петра «великим русским полководцем», Суворин тут же дал понять, что военные успехи не считает достаточными для развития государства, ведь этот полководец только «приготовил, но совсем не обработал огромную ниву для великой русской монархии» [3, с. 2].

Князь Мещерский так же, как и Суворин, обращался к сопоставлению Петра I и Александра II. В марте 1901 года в связи с двадцатилетием убийства государя князь писал, что этот царь «не с дубиной в руках учил либерализму, как учил цивилизации Петр Великий, а с кротостью, с любовью к человеку, и с верою в его душевные лучшие свойства, звал к себе в сотрудники». Эта мысль представляется близкой тому, что мы видели в «Новом времени», вот только вывод Мещерский делал совсем другой: не «земля» с готовностью восприняла реформы, но они были испорчены «интеллигентами». В результате «миллионы простого малограмотного русского народа, получившего свободу из рук Царя и дворянства, дали миру чудесное и прекрасное зрелище спокойствия, тишины и порядка», но «тысячи интеллигентов... пользуются свободой, им данной... чтобы работу созидания превращать в работу разрушения» [4, с. 15]. Эти-то интеллигенты и виновны были, согласно Мещерскому, в трагедии 1 марта 1881 года.

Вопрос о том, какие «начала разумной общественности» Суворин видел в допетровской Руси, проясняет «Маленькое письмо», написанное в ответ на объявленную консервативным публицистом и в будущем – одним из деятелей черносотенного движения В.А. Грингмутом «борьбу с либерализмом». По мысли Суворина, либерализм слишком далеко уходил в русскую историю, чтобы с ним бороться. К «либеральным» явлениям Суворин относил и попытки боярского ограничения царской власти в период Смутного времени, и земские соборы, имевшие «некоторое подобие с представительным собранием», и декабристов, а также деятельность Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского и даже раскол, в котором якобы «было много совершенно либеральных течений» [5, с. 2]. Понятно, что все перечисленное объединяет не либерализм как политическая идеология, а наличие идущей снизу общественной деятельности или хотя бы стремление к таковой.

В связи с тем значением, которое Суворин придавал общественной деятельности, можно указать, что в фигуре самодержца его газета видела лидера общественного и государственного развития: «вся честь России, все ее современное величие создано только работой, в которой всегда впереди – Царь». В его кабинете – «тот центр и тот рычаг движения, которым Россия неустанно направлялась вперед» [6, с. 3]. Эта статья, правда, вышла без подписи, но сам Суворин в личном дневнике записал подобное, однако уже в ином,

ироничном тоне: «Александр III русского коня все осаживал. Николай II запряг клячу. Он движется и не знает куда. Куда-нибудь авось придет» [7, с. 366].

На это накладывалось представление Суворина о том, что исторический процесс идет сам по себе, без необходимости его направлять человеческими усилиями. «Нас история двинула, как Господь двинул земной шар, и мы остановиться не можем», – писал Суворин в марте 1900 года [8, с. 2]. Вполне закономерно, что при таком подходе реформы государственных учреждений чем-то важным и принципиальным не признавались. «Мудрость не в том, чтобы менять учреждения, а в том, чтоб применять их к росту общества», – писал об этом Суворин при слухах об изменении суда присяжных в 1892 году [9, с. 1]. О первой Государственной Думе почти одновременно с ее роспуском Суворин высказался так: «...если само общество не сбросит с себя дремоты, трепета и равнодушия, если оно само не закричит против разлива революции и не станет на страже внутреннего мира, то и действительно, “лучшие люди” Думы многого не сделают для того, чтоб страна вступила в новую жизнь без потрясений» [10, с. 3].

В личной же переписке Суворин признавался в том, что в газете опубликовано быть никак не могло: по его убеждению, само самодержавие должно было приспособляться к меняющимся условиям. «Государство не есть что-то неподвижное... – писал Суворин В.В. Розанову. – Без Петра и Екатерины, после страшной николаевской реакции, общество созрело и двинуло государство. Значит, оно растет и развивается, независимо от Петра и Екатерины» [11, с. 299]. А С.Ю. Витте издатель писал, что «самодержавие должно эволюционировать, как эволюционирует все в мире. Оно обязано применяться к движению жизни, к новым потребностям... надо сохранить корень, а не ветки» [12, с. 529–534].

В чем же издатель «Нового времени» видел ту силу, тот «нерв», который позволяет обществу развиваться? Таким нервом для него было, очевидно, просвещение, понимаемое весьма широко. «Для России на Западе – одно драгоценно, наука вместе с культурой, а во все не государственные формы, которые свои у каждой страны», – писал Суворин [5, с. 2]. На просвещение, развитие и подъем культуры пореформенного крестьянства он возлагал надежды, ведь «на всех интеллигентных поприщах теперь найдешь крестьянских детей... Крестьянские дети появились среди ученых, профессоров. Выросла народная литература, о которой недавно еще помину не было». Так что можно было желать «бодрого духа, новых усилий и новых людей, и они будут, и без них нельзя обойтись» [13, с. 2].

Что касается «Гражданина», то осмысление руководящей роли царского самодержавия в русской истории было одной из главных его тем. «Самодержавию обязана Россия своим бытием, своими эпохами славы и силы», – уверенно заявлял журнал [14, с. 3]. Но если Суворин смотрел на императора как на личность, которая может быть примером для подданных, то для Мещерского был ценен именно статус самодержца. Ярко показала это статья «Размышления у Красного крыльца», опубликованная в дни коронационных торжеств при восшествии на престол Николая II в мае 1896 года. Статья вышла без подписи, но несомненно, что Мещерский с ее идеями был согласен. Итак, «поколения менялись, века проходили, но не изменялся лишь приветствовавший свой народ с Красного крыльца Русский Царь. Менялись образы его, менялись личности его, менялись имена», но он, в разных обликах, был «все тот же Богом помазанный самодержец» [15, с. 5]. Здесь видна уже не опора на исторический опыт, но его сознательная отмена в пользу идеального образа.

Важность личных качеств царя Мещерским признавалась, но главным из них являлась воля. Эта воля питалась любовью к народу и должна была руководить его жизнью, так что «никакой другой двигатель, кроме любви к своему народу, этой силы воли, как постоянного стража и руководителя для народной жизни, давать не может» [16, с. 2]. Основу самодержавия Мещерский видел в личных отношениях царя и народа, а источник

народного благосостояния – в их взаимной верности. Если царь призовет народ «к работе воедино с Собою, и подчинив его Своей единой воле, даст ему Свою силу, и Русь обратит в крепкую семью Царя и в стройную рать Вождя», то «больной богатырь», то есть народ, «выздоровеет, восстанет и пойдет к силе и к славе», обещал «Гражданин» [17, с. 3].

И как раз Петр в восприятии Мещерского этому идеалу не соответствовал. Князь был уверен в том, что ошибка Петра заключалась в игнорировании необходимости развивать народное большинство в традиционном духе. «Если бы Петр I начал свою громадную работу одновременно сверху и снизу и мощь своей воли употребил на создание по всей России русских школ при церквях и поднял образованием в духе церкви и исторических преданий умственный уровень своего народа, мы бы теперь были не наружно, а внутренне сильным народом», – писал Мещерский в январе 1905 года [18, с. 29]. «Пока царь был близок к народу, – пишет об этом Н.В. Черникова, он ощущал потребность в его совете... Петр I радикальным образом нарушил эту систему, отдалив народ от себя и отдав его под гнет безответственного чиновничества» [19, с. 373].

В целом «Гражданин» постоянно предлагал своим читателям мысль о наличии в русском обществе чуждого народу разрушительного начала. Это начало журнал называл в основном «интеллигентами», «либералами», «доктринерами», а их союзником считалась чиновная бюрократия. Чтобы не любить «власти, близкой к народу», «надо быть родным братом петербургского чиновника, то есть не знать ни русской истории, ни русской деревни», – писал «Гражданин», защищая институт земских начальников [20, с. 2]. Главным моментом деятельности «разрушительного начала» признавалась эпоха Великих реформ, но его появление в России публикации относили к более ранним временам. Например, в начале 1898 года Мещерский писал, что уже «почти столетие русский цивилизованный человек пытается, например, применить к России европейский либерализм и создать тип русского либерала» [21, с. 15].

В связи с обозначенной угрозой просвещение народа, на которое уповал Суворин, «Гражданин» признавал в смысле сугубо практическом (крестьянские занятия) и духовном (приобщение к религии). В народных школах должны были преподаваться «исключительно: Закон Божий, грамота, четыре правила арифметики и общее понятие об огородничестве или пчеловодстве» [22, с. 10]. Образование в смысле приобщения к наукам противопоставлялось духовным идеалам: «Не даром в самом разгаре либерального прогресса самозванные ревнители нашей народной школы... особенно заботились о том, чтобы не образа и не портреты Царя составляли главное украшение этой школы, а непременно кирпичики и скелет для наглядного обучения» [23, с. 5]. Логика журнала понятна: стоит прийти в деревню наукам, как следом за «кирпичиками» и «скелетом» там окажется «либерал-интеллигент», который будет учить народ плохому. Например, не любить царя и желать конституции.

Хорошим поводом вспомнить о Петре I в печати явились торжества в честь 200-летия основания Санкт-Петербурга, прошедшие в столице в мае 1903 года. В их преддверии Мещерский сопоставлял Петра I с современными князю деятелями. Это сопоставление делалось не в пользу последних. В праздничных поздравлениях публицист видел лицемерие, попытку оправдать себя за счет великого предшественника. «Нельзя не предвидеть, что наши эдилы... перейдут от славословия Петра Великого к похвальным словам в честь самих себя», – говорилось в «Гражданине» от 1 мая 1903 года [24, с. 14]. «Выходит прекомично, глядя со стороны, от сопоставления двух центров торжества: один – Петр Великий, а другой – нынешняя дума с Леляновым во главе», – утверждалось в следующем выпуске [25, с. 16]. Сопоставляя «Петра I, идущего на смерть для спасения жизни других, с десятками лет нашего городского самоуправления», Мещерский делал вывод, что последнее лишь делало «постепенное ухудшение всех тех условий жизни, которые потребны для здоровья и жизни человека» [26, с. 2].

Но такие оценки касались именно сравнения прошлого с настоящим. В связи с любовью Мещерского к бюрократии память о Петре естественным образом стала поводом для критики современных князю чиновников. Что же касается оценок Петра самого по себе, то юбилейные материалы «Гражданина» производят неоднозначное впечатление. В номере от 18 мая И.И. Колышко (Серенький) опубликовал статью «Исполин», в которой называл императора гением, «первым государственным своим времени». Он «швырнул» Россию «на целый век вперед», но тут же публицист говорил о цене этого броска: «во имя государственности он... стал жесток. Он обагрил себя сыновней кровью, он сморил десятки тысяч беззащитного народа, он посягнул на святыню православия». В этом смысле Петр, по мысли Колышко, был подобен Ивану Грозному, но, в отличие от него, император взял курс к Западу. Впрочем, тут автор делал оговорку: этот курс себя уже исчерпал, и пора вновь обратиться к Востоку.

После слов о государственности, которой были принесены такие жертвы, Колышко весьма неожиданно приписал Петру как раз то, разрушение чего в его деяниях видел Суворин: основание для народной самодеятельности. «Вся деятельность его, – писал Колышко, – может быть рассматриваема, как раскрепощение России от произвола, уготовление для нее путей к той свободе самоуправления и самодеятельности, которой мы, дурно ли, хорошо ли, пользуемся и поныне». Эта свобода, впрочем, оказалась основана «на фундаменте из драконовских законов». Так что теперь предстоит «подводить фундамент под готовым, покосившимся зданием» [27, с. 2–4].

В том же номере в «Дневниках» о Петре высказался сам князь Мещерский, и его публикация стала ответом на публикацию «Нового времени». В номере суворинской газеты от 16 мая было опубликовано две статьи к юбилею Петербурга, обе без подписи. Первая утверждала, что «юбилей Петербурга – это вместе с тем юбилей решительного и бесповоротного вступления России на путь европейской цивилизации», он – «с первого дня своего существования оплот европеизма в России» и он сменил Москву «с ее тяготениями к татарской старине, с ее азиатской малоподвижностью» и «упорным отчуждением от цивилизованного мира». Петербург – поборник «гуманизма и гражданской свободы» [28, с. 1].

Сразу следом за этой статьей в газете шла другая, выдержанная в совсем ином, даже противоположном духе. Образ Петра в ней связывался уже не с европейской цивилизацией, а с русской традицией и славянским делом. В Петербурге нет разрыва с исторической традицией, утверждал автор, напротив, «дух старых промышленных новгородцев, свободолюбивый и отважный, воскрес в Петре». Основав Петербург, Петр исправил «кровавое дело Грозного, сокрушившего свободу и промысел Новгорода». Все в современной России – «его, Петра, началом имеет», он – «ковач России», выбивший «искры из народного духа», и «его народ создал могучую, непобедимую державу». Дух Петра – «пружина исторических часов России и славянства» [29, с. 1–2]. Интересно, что сам Суворин отстранился от темы – публикаций о Петре за его подписью в юбилейные дни в «Новом времени» не появлялось.

Отвечая «Новому времени», Мещерский имел в виду исключительно первую статью. Тезис о «вступлении России на путь европейской цивилизации» князь развернул, заявив, что «юбилей Петербурга, это вместе с тем торжественный клич к отступлению Руси с пути европейской цивилизации». Сила гения Петра была направлена на европеизацию «поверхности и верхушек России», но не на «пробуждение и просвещение внутренней жизни своего отечества». В результате Петербург, его бюрократия создали «школу презрения к России, ее незнания, отчуждения от нее». Подобно Колышко, Мещерский призывал развернуть курс, стать «лицом к России, а спиной к Европе» [30, с. 21–22].

Подводя итоги, можно сказать, что как для Суворина, так и для Мещерского фигура Петра I была связана с широким кругом проблем, таких, как взаимоотношения государства и

общества в России, готовность общества к самостоятельности, роль самодержавия в истории, а также выбор «восточного» или «западного» пути развития. При этом оценки Петра в обоих изданиях оставались крайне неоднозначными. Источником этой неоднозначности представляется противоречие между осознанием грандиозности того «толчка», который император придал русской истории, и негативной оценкой его методов и последствий. Но позиции изданий сближались в представлении о том, что Петр грубо сломал существовавший до него и естественный для России порядок вещей. Этот порядок заключался, по мысли «Гражданина», в единстве любви между царем и народом, а по мысли «Нового времени» – в развитии общественной самодеятельности. Уважение к Петру как государственному деятелю не должно было означать безусловного признания положительной направленности его реформ. Опираясь на его наследие, надо было укрепить естественные для России ценности – такого рода представления стремились создать у своих читателей «Гражданин» и «Новое время».

Литература

1. *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций. Кн. III. Минск: Харвест, 2007. 592 с.
2. *Суворин А.* Характер прожитых реформ // Новое время. 1881. 8 (20) марта. № 1805.
3. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1898. 16 (28) августа. № 8070.
4. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1901. 4 марта. № 17.
5. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1896. 24 декабря / 1897. 5 января. № 7482.
6. [Б.п.] Честные люди // Новое время. 1895. 10 (22) декабря. № 7107.
7. [Суворин А.С.] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnett press; М.: Независимая газета, 2000.
8. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1900. 5 (18) марта. № 7190.
9. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1892. 24 ноября (6 декабря). № 6014.
10. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1906. 9 (24) июля. № 10890.
11. *Суворин А.* Письмо Розанову, 6 июня 1900 г. // *Розанов В.В.* Собр. соч.: [в 30 т. Т. 22:] Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.). М.: Республика, 2006.
12. *Суворин А.* Письмо С.Ю. Витте // *Витте С.Ю.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
13. *Суворин А.* Маленькие письма // Новое время. 1894. 12 (24) декабря. № 6750.
14. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. 17 января. № 5.
15. [Б.п.] Размышления у Красного крыльца // Гражданин. 1896. 12 мая. № 38.
16. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. 20 января. № 6.
17. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1899. 7 января. № 1.
18. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1905. 6 января. № 1–2.
19. *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 479 с.
20. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1902. 21 февраля. № 15.
21. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1898. 25 января. № 7.
22. *Пржецлавский А.* Заметка по поводу действительных, коренных нужд крестьянского сельского хозяйства // Гражданин. 1902. 12 мая. № 35.
23. [Б.п.] Призраки и угрозы // Гражданин. 1896. 2 июня. № 44.
24. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1903. 1 мая. № 35.
25. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1903. 4 мая. № 36.
26. *Икс.* Речи консерватора. // Гражданин. 1903. 22 мая. № 41.
27. *Серенький.* Маленькие мысли. Исполин // Гражданин. 1903. 18 мая. № 40.
28. [Б.п.] Петербургский юбилей // Новое время. 1903. 16 (29) мая. № 9768.
29. [Б.п.] Двухсотлетие Санкт-Петербурга // Новое время. 1903. 16 (29) мая. № 9768.
30. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1903. 18 мая. № 40.

Аннотация. В статье рассматриваются представления о Петре I, выраженные в публицистике издателя газеты «Новое время» А.С. Суворина и издателя журнала «Гражданин» князя В.П. Мещерского. Рассматривая личность императора и его роль в истории России, Суворин и Мещерский поднимали темы взаимоотношений общества и власти, реформ и просвещения, развития общества и отношения к «восточному» и «западному» пути. Образ Петра I в публицистике данных авторов выглядит неоднозначным, но их объединяло неприятие проведенной императором, по их мнению, грубой ломки традиционного русского общества. При этом если Суворин видел в допетровской Руси развитие начал свободы и общественной самостоятельности, то Мещерский уповал на идеал самодержавия, основанного на взаимной любви народа и царя.

Ключевые слова: Петр I, А.С. Суворин, В.П. Мещерский, «Новое время», «Гражданин», монархия, реформы, пресса.

Dmitriy A. Igumnov, MA Course Student, History Department, PSTGU. E-mail: dig1988@mail.ru

The Image of Peter I in the Publicistic Works of A.S. Suvorin and V.P. Meshchersky

Abstract. In this article the author examines the concept of the image of Peter the Great expressed in the publicistic works of the publisher of "Novoje Vremya" ("New Time") journal A.S. Suvorin and the publisher of the "Grazhdanin" (Citizen) magazine Prince V.P. Meshchersky. Examining the personality of the emperor and his role in the history of Russia, Suvorin and Meshchersky turned to the issues of the relations of society and power, reforms and education, society development and attitude towards the "eastern" and "western" way. The image of Peter the Great appeared ambiguous in the publications of those editions, but all of them disapproved of the rough way Russian traditional society destruction performed by the Emperor. At the same time, Suvorin saw in the pre-Petrine Russia the development of elements of freedom and public initiative, while Meshchersky relied more on the ideal of autocracy based on mutual affection of people and the tsar.

Keywords: Peter I, A.S. Suvorin, V.P. Meshchersky, "Novoje Vremya" (New Time), "Grazhdanin" (Citizen), Monarchy, Reforms, the Press.

Образ Петра I как визуальная пропаганда государственной идеологии в русской дореволюционной журналистике*

Прежде чем подступать к такой многогранной теме, сформулируем, что понимается под используемыми терминами. Самым сложным и противоречивым может оказаться понятие «государственная идеология». В самом деле, в разное время в Российской империи идеология могла формулироваться по-разному. От идей богоустановленности самодержавия до имперского сознания, предусматривающего территориальный рост страны; от христианского фундамента светской власти до неограниченности власти монаршей – вот те принципы, что лежали в основе государственной идеологии Российской империи. Говоря про официальный идеологический курс, невозможно не вспомнить и про уваровскую триаду. Хотя, например, И.В. Лукоянов, отрицая триаду как полноценную идеологическую программу, считал, что «Уваров дал не более чем установку для разработки идеологии российского консерватизма» [51, с. 14]. Идеология «народного самодержавия», сменившая теорию официальной народности, мечтала о воссоединении царя и народа без посредничества; в число поклонников этой идеологии входили два последних русских императора [57, с. 152]. Во все периоды существования Российской империи власти, кроме того, был свойствен и патерналистский характер.

Все эти основополагающие принципы в обязательном порядке транслировались через максимально публичный канал – периодическую печать; акценты же идеологического нарратива зависели от верховных установок. В числе способов донесения до относительно широких народных масс властных установок была и визуальная пропаганда. Пропаганда действует прежде всего устно, но «визуальный компонент является составной частью пропагандистской единицы. Без него слово пропаганды не будет выполнять убеждающе-принуждающую функцию в полном объеме» [13, с. 473]. Современные исследователи вместо визуальной пропаганды предлагают другой термин – например, Д.Е. Москвин называет это визуальной политикой: «новое понятие, подразумевающее целенаправленную деятельность по конструированию образа и формированию устойчивых визуальных коммуникаций. Может рассматриваться как деятельность национального государства или локальных акторов (партий, местных властей, крупных корпораций, гражданских организаций и пр.)» [63, с. 80].

Образ Петра Великого хорошо изучен в художественном наследии России; отмечу, что к предстоящей выставке Русского музея уже готов каталог «И мореплаватель, и плотник. Петр Великий в русской художественной культуре» (СПб., 2022). Но визуальный

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42018.

Сони́на Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: sonina@mail.ru

образ первого русского императора в периодике почти не рассмотрен отечественными исследователями. Итак, каким видели Петра читатели газет и журналов дореволюционной России? Николай I в 1831 году сказал: «Лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви» [114, с. 315]. Далеко не все в Российской империи разделяли подобные взгляды; далеко не каждое изображение Петра I было проникнуто апологетическим духом. Например, в XVIII веке старообрядцами (бегунами, как предполагал В.Н. Щепкин) был создан рукописный сборник с Апокалипсисом и двумя сказаниями о конце мира. Рукопись была лицевой и содержала ряд рисунков, изображавших слуг дьявола (русское войско) и фигуру Антихриста: «властным жестом, сильным сложением и чертами лица она напоминает Петра» [131, с. 101]. Легальная журналистика дореволюционной России не позволяла себе подобные визуальные высказывания о Петре не только из-за реальной опасности немедленного закрытия изданий, но и прежде всего благодаря иной устоявшейся точке зрения на его деятельность. Газеты и журналы широко освещали жизнь и деяния Петра в связи со всевозможными юбилейными датами, вкладывая в его образ те самые идеологические концепты, на которых крепилась Российская империя. Делалось это редакциями порой неосознанно, в русле традиционных взглядов, но часто подбор визуальной фактуры шел принципиальный, с оглядкой на преобладающие тенденции и, конечно, на цензурные требования.

Учитывая, что рассмотреть все составляющие идеологической визуализации невозможно, выдвинем несколько ключевых идей, постоянно транслируемых периодической печатью: Петр как Отец Отечества; дискурс имперского мышления; сакральность исторической памяти о Петре.

Петр Великий как Отец Отечества

Официально принятый Петром титул «Отец Отечества» довольно широко визуализировался и в русской повременной печати XIX – начала XX века. Не вдаваясь глубоко в исторические разыскания, журналистика формировала у массовых читателей тонких иллюстрированных журналов и газет представление, что с Петра I в России началось почти все: промышленность, флот, регулярная армия, строительство крупных городов, периодическая печать и пр. Журналистская практика XIX – начала XX века повторяет содержание исторических разысканий глубокой старины: «На первом этапе (XVIII век) господствовала концепция Петра I – “творца новой нации, что сделало русского царя одним из главных героев века Просвещения» [56, с. 12]. Аналитические подходы к петровскому наследию демонстрируют толстые журналы с серьезными, глубокими публикациями; но в этом типологическом разделе отечественной журналистики почти нет (за небольшими исключениями) визуальной составляющей. Поэтому можно утверждать, что визуальное обращение русской журналистики к Петру и его деяниям в основном пронизано апологетическим духом.

Петр выступает как создатель обновленного русского государства. Монументальность воплощенных замыслов отражается и в стремлении самого Петра обеспечить максимальную публичность своих побед, и в попытках позднейшей периодики продемонстрировать эти петровские усилия. Так, в 1846 году еженедельная «Иллюстрация» опубликовала гравюру с изображением Триумфальных ворот на Неве, воздвигнутых в честь первой русской морской победы при Гангуте [120, с. 439]. Гравюра занимает две трети полосы, но вверстана в силу принятой практики в середину тематически чуждого рассказа (как и два других рисунка, посвященных петровской эпохе). Зато на следующей странице дается подробное объяснение рисунков, с трактовкой архитектурных и живописных аллегорий: «триумфальные ворота, о которых история молчит, но свидетельствует современная гравюра <...> над самой пристанью великолепная драпировка, увенчанная портретом

Петра, несомого двумя гениями» [95, с. 440]. Смысловый разрыв вербального и визуального воспринимался читателями середины XIX века иначе, чем сегодня, поэтому помещение изображения московских Триумфальных ворот 1721 года [119, с. 607] в критический обзор выставки Академии художеств не мешал редакции объяснить причину публикации гравюры. Редактором «Иллюстрации» Н.В. Кукольником был написан рассказ из жизни Петра, где среди прочего упоминались и триумфальные ворота, построенные в древней столице для въезда императора: «Мы нашли рисунок одних из таких ворот и полагаем, что он будет не без занимательности для наших читателей» [23, с. 608]. Снижение визуальной ценности («не без занимательности») уравнивается пышностью самой гравюры, многоярусностью арки, обилием государственной символики и картинами из петровской эпохи.

В юбилейные декады газетно-журнальные полосы были переполнены портретами Петра с уточняющими подписями, чем именно обязаны ему россияне. Современный искусствовед С.В. Моисеева считает, что «европейскими и русскими живописцами было создано около двухсот иконографических разновидностей изображения первого российского императора» [59, с. 17]. Читатель газет и журналов, превратившись в зрителя, разглядывал многочисленные портреты «основателя Петербурга» [85, с. 1], «державного редактора, основателя первой русской газеты» [17, с. 1], «великого основателя русской периодической печати» [71, с. 1], «основателя Синодальной типографии» [81, с. 448], «основателя водного спорта в России» [69] и т.д. Среди изображений Петра на страницах периодики встречалась даже его посмертная маска [11, с. 140].

На жанровых картинах Петр показан в моменты неустанных трудов, при этом властитель огромной страны не чурается самого черного труда [84, с. 5], демонстрирует подлинную любознательность ко всему, что может принести пользу Отечеству [79, с. 508–509], смело глядит в лицо новому и неизвестному [105, с. 1].

Отец должен вызывать не только восхищение детей, но и искреннюю любовь, поэтому, кроме образов Петра-труженика и просветителя, отечественная пресса публикует его изображения с ярко выраженными человеческими чувствами и поступками, продиктованными понятными читателям стремлениями. При этом постоянно идет идеализация Петра прямо с его детства – ребенок не только красив детской красотой, он почти никогда не изображается испуганным, неряшливо одетым, застигнутым за каким-то неправильным поступком и пр. Непоседливый, живой мальчик вырывается из душного терема [46]. Петр стоит рядом с Иваном на Красном крыльце, спокойно поглядывая на беснующихся внизу стрельцов [125, с. 152]. Застыл юный Петр при виде безобразной сцены, разворачивающейся у него на глазах: стрельцы прямо в церкви хватают И.К. Нарышкина [42, с. 700–701]. Нестандартно для того периода описание экфрасиса: «Петр Алексеевич (кстати, в картине имеющий вид какого-то замурзанного уличного мальчугана – он, пораженный своей красотой в юности) в испуге бросается к матери» [37, с. 716]. Тяжкое горе сводит брови мальчика при виде умирающего брата Федора [41, с. 469]. Безудержный восторг вызывает у юноши баркас иноземного корабеля [132, с. 228]; Петр не желает даже оглядываться на нахмурившихся бояр. Конфликт поколений продемонстрирован художником как поиски юным Петром нового знания.

Публиковались и репродукции картин, которые не соответствовали исторической правде. Например, в юбилейном номере «Нивы» была дана гравюра, рассказывающая о спасении Натальей Кирилловной своего царственного сына в храме от руки стрельца [130, с. 340]. Сюжет о чудесном спасении перед образом Богородицы пошел в массы из анекдотов Я. Штелина, был подхвачен затем А.А. Нартовым и многочисленными неизвестными граверами русских иллюстрированных изданий.

Образ взрослого Петра также полон апологических пластов: царь смел, мудр, решителен. Иногда эти качества даются в преувеличении: безрассудная смелость заставляет

Петра в одиночку врываться в дом заговорщиков, невзирая на явную опасность [27, с. 124]. Императору свойственно милосердие, поэтому он, презрев личную опасность, спасает рыбаков [83, с. 56]. Царское веселье, принимавшее порой совершенно дикие, с точки зрения обычного русского человека, формы, показано, как правило, очень осторожно [124, с. 444; 111, с. 348; 18, с. 964]. Но художники не решаются совсем уж исказить реакцию простого народа, не принимавшего петровских излишеств, поэтому иногда в праздничных гравюрах можно увидеть не только ликующие, но и осуждающие лица [127, с. 400; 25, с. 5]. Встречалась и визуальная фиксация недовольных бояр. Карикатуристы выбирали мотив недовольства высших социальных слоев, изображая стрижку бород и длиннополых кафтанов [102, с. 9; 65, с. 5].

В русской периодической печати редко, но возникали художественные дискуссии, связанные с образом Петра Великого. Например, постоянно смягчавшийся аспект жестокого подавления Петром стрелецкого восстания нашел неожиданное отражение в картине В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Славянофильская «Русь» негодовала на обращение художника к такому сюжету, на искажение законов перспективы, на безжизненность лиц. При этом чрезвычайно любопытны характеристики, данные художественным критиком образу Петра: «Петр Великий, в длиннополом зеленом кафтане, с каким-то жестоким и зверским выражением лица <...> Какой же вывод сделает зритель из этой картины? Очевидно, тот, что Петр был “лютый тиран”, а жены стрельцов – несчастные женщины» [38, с. 21]. Репродукции этой картины очень редко публиковались в периодической печати [116, с. 1133]. В революционном 1906 году сатирический журнал «Стрекоза», иллюстрируя «Историю государства Российского» А.К. Толстого, поместил визуальную цитату картины Сурикова в многочастном комиксе [91, с. 5]. А в год смерти художника журнал «Аполлон» опубликовал несколько подготовительных этюдов к этому полотну [117, с. 20, 26].

Полемике вызвала и картина Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе» (1871), где отец нации был готов во имя продолжения государственных преобразований пожертвовать своим сыном – то есть подлинным, а не мифологическим детищем. Вербальные материалы на эту сложную тему появлялись в отечественной культуре чаще, чем визуальные. Одной из первых печатных публикаций XIX века о печальной судьбе царевича стали материалы суда над Алексеем и письмо Петра опальному сыну [52]. Полемика, развернувшаяся после публикации в 1858 году эмигрантской «Полярной звездой» письма о причинах гибели царевича Алексея [122], впервые позволила русскому обществу печатно признать жестокость императора по отношению к сыну [70, 109, 89].

Но визуальные отклики, связанные с темой сыноубийства, не так многочисленны. Мало кому из современников XIX – начала XX века было известно редчайшее совместное изображение Петра и Алексея на фронтисписе третьего издания в книге Киево-Печерской лавры «Патерик, или Отечник печерский, содержащий жития святых, преподобных и богоносных отец наших, просиявших в пещерах», вышедшей в 1702 году: «за фигурой Петра изображен царевич Алексей Петрович, что делает гравюру исключительным по своему значению памятником» [99, с. 105]. Нечасто изображали отца с сыном рядом и позже. На посвященной отречению Алексея от престола гравюре А. Шарлеманя Петр Великий изображен со спины; его решительность и жесткость показана художником даже в таком ракурсе [126, вклейка]. Среди иллюстративного материала по этой теме чаще других встречаются репродукции картины Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе»; взгляды художественных критиков на нее разнились. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин замечал: «фигура Петра представляется исполненной той светящейся красоты, которую дает человеку только несомненно прекрасный внутренний его мир» [53, с. 274], Е. Триго видел немного другое: «Петр, с покрасневшим от гнева лицом; холодом веет от всей его фигуры» [118, с. 133], а А.С. Суворин утверждал, что «лучшего подарка для двухсотлетнего

юбилея великого работника-царя наша живопись представить не могла» [76, с. 378]. Репродукции картины Николая Ге публиковались нечасто [43, с. 30; 100; 9, с. 3], иногда даже в виде пародии [115, с. 5], но в целом визуальный образ царевича встречался в русской журналистике очень редко.

Борьба за земли (формирование дискурса имперского мышления)

В определении термина «империя» за образец возьму разъяснение Р. Уортмана: «во-первых, оно означало имперское господство или верховную власть, не зависимую ни от какой другой. Во-вторых, оно предполагало имперскую экспансию, обширные завоевания, поглощение нерусских земель. В-третьих, оно напоминало о христианской империи, наследии византийского императора как защитника православия. Эти значения накладывались друг на друга и друг друга поддерживали» [123, с. 21].

Имперское мышление, внедренное в русское сознание с 1710-х годов после присоединения Эстляндии и Лифляндии, было выпестовано жаждой Петра I добиться выхода к морю. От возвращения отчей земли до завоевания новых бескрайних пространств, от готовности идти на любые уступки шведам за право выхода к Балтике до имперской неукротимости после Полтавской победы – вот схематичный путь, пройденный русской властью (осознанно) и русским народом (вынужденно) в первой четверти XVIII века. В последующие эпохи печать Российской империи освещала этот процесс в ракурсе героической необходимости. Газетно-журнальные полосы в дни юбилеев были переполнены репродукциями картин, посвященных сражению при Лесной [45, с. 413], взятию Азова [74, с. 705], Нарвы [44, с. 2–3], фотографиями к военным юбилеям [67, с. 318], изображением памятных медалей в честь взятия Ньюэнканса (Ниеншанца) и шведских фрегатов [54, с. 9] и пр.

Взятие Азова Петром I, в 1696 году. А. Шхонебек, Ф. Паннемаркер.
Живописное обозрение. 1882. Т. 1–2. № 44. 30 октября. С. 705 (Российская национальная библиотека)

В визуальных откликах на события далекой Северной войны постоянно подчеркивалось личное участие императора в сражениях и походах [80, с. 345; 101, ст. 1625–1626]. Более того, публиковались изображения XVIII века, где использовалась синекдоха, воплощающая всю мощь русских моряков в одном высочайшем лице: «Мужество Петрово при Гангуте явлено. 1714» [75, с. 9]. Воинственный характер эпохи подчеркивался изображением Петра в рыцарских латах, на обнаженном мече которого выведено «Упою меч мой в крови их – нечестивых шведов» [7, с. 5]. Портрет создан неизвестным художником начала XVIII века; надпись на мече входила в полное название портрета. Академик В.А. Бобров выгравировал с оригинала офорт, но кровожадный текст 1700-х годов редакция 1900 года благоразумно сняла. Отмечу, что неуспешные военные действия (например, Прутский поход) или карательные операции русской армии почти не находили визуального воплощения в периодике. Одним из редких исключений можно назвать воспроизведение старинной гравюры «Пожар во время осады Выборга русскими войсками в 1710 году», да и то подобное изображение нельзя считать прямым упреком нашему воинству [31, с. 4].

Богоизбранность Петра и, соответственно, полную справедливость и законность его действий, помимо устоявшегося представления о помазаннике Божиим, художники подчеркивали с помощью аллегорий и символики. Как справедливо утверждает Е.А. Скворцова, «важнейшим средством прославления и легитимации современного правителя в государственной мифологии абсолютной монархии является обращение к античному и библейскому наследию, которое осмысливается аллегорически, сквозь призму представлений о вневременных добродетелях венценосца» [110]. Одно из наиболее ранних сохранившихся в печатной графике изображений Петра – конклюдия А.Ф. Зубова в «Книге Марсовой» 1713 года, «где изображение Петра трактуется как причастное к небесному: его голова нарисована на фоне облаков, на нее опущен луч божественного сияния, проходящий через лавровый венок славы, который несут два трубящих ангела, чтобы возложить его на голову Петра» [24, с. 60]. Аллегорические приемы были свойственны прежде всего парадным портретам [16, с. 352; 15, с. 1; 86, с. 8].

Император Петр Великий. А. Даугель (с оригинала К. Моора).
Всемирная иллюстрация. 1872. № 178. 27 мая. С. 352 (Российская национальная библиотека)

Аллегорические иллюстрации, как правило, принадлежали кисти иностранных художников. Например, Х. Гейзер награвировал рисунок Б. Мюллера, где Медный всадник стоит в окружении бюста Екатерины Великой и аллегорических фигур, олицетворяющих Россию, Неву, Мудрость, Веру, Благополучие и пр. На щите у России – двуглавый орел, символ самодержавной власти. Художник либо не видел монумента, либо решил усилить аллегорию: Петр одет в рубаху навыпуск, узкие брюки, мягкие сапоги, подпоясан кушаком, на голове – лавровый венок [88, с. 487]. Визуальный образ Петра часто антиклизирован и/или увенчан ветвями лавра, чья символика славы хорошо прочитывалась многими читателями [133, вклейка; 34, с. 7]. Подобные аллегорические подходы объяснялись не только художественной традицией, но и тем, что в имперской России «привилегированные группы стремятся максимально дистанцироваться от низших классов. Они создают эту дистанцию, распространяя мифы – нарративы, инсценирующие их отличие от прочих смертных и сходство со святыми, героями или богами» [123, с. 20].

К 200-летию Петербурга. М.М. Антокольский.
Стрекоза. 1903. № 20. 18 мая. С. 1 (Российская национальная библиотека)

Отдельным и огромным блоком идет визуальное повествование о строительстве Санкт-Петербурга – города, воздвигнутого непреклонной волей Петра и подневольным трудом всей России, города, закрепившего столь желанный для Петра выход к Балтийскому морю. Визуальные аллегории нередко связаны именно с этим петровским детищем. Так, в 1834 году А.П. Башуцким была выпущена книга «Панорама Санкт-Петербурга», где на гравированном Ф. Райтом портрете Петр, одетый в латы и горностаевую мантию, в свете

восходящего солнца простирает руку на берегах Невы. Вдали в лучах солнца виден силуэт Петропавловского собора. Рисунок в 1903 году перепечатало иллюстрированное приложение к «Новому времени» [82, с. 1]. Скульптурные портреты императора помещались в картуши, увенчанные коронами, при этом в качестве обрамления иногда выступали пальмовые ветви как символ триумфа и якоря из герба Санкт-Петербурга [32, с. 1].

Конечно, никаких жертв и тягот строительства новой столицы в визуальных обращениях к петровской эпохе мы почти не увидим. Исключения будут поданы в ироничном ключе, с насмешкой над якобы отсталостью разных социальных слоев [77, с. 7]. Несопоставимо чаще мы увидим другое – безудержное славословие во всевозможных графических формах гению Петра и стойкости его сподвижников. Огромное количество опубликованных изображений Петра в связи с празднованием двухсотлетия Петербурга было закономерным, ведь «сакрализация личности Петра привела к тому, что город святого Петра стал восприниматься как город императора Петра» [49, с. 135].

Юбилейные обращения периодики к основанию Петербурга имели разнообразные визуальные формы. Это мог быть тематический подбор гравюр, доказывавших исконно русскую принадлежность земель в устье Невы, причем доказательства для подчеркивания исторической объективности брались из иностранных источников [104, с. 1; 103, с. 8]. Это могла быть жанровая картина, например, где меткий стрелок вручал царю подстреленного орла, по преданию кружившего тогда над местом закладки Петропавловской крепости. Сюжет с орлом как добрым предзнаменованием строительства новой столицы многократно варьировался в печати [19, с. 444; 96, ст. 723–724]. Часто встречались репродукции известных картин [128, вклейка; 48, с. 586], первые петербургские планы и карты [68, с. 7; 10, с. 138]; виды Петербурга в первой четверти XVIII века [78, с. 28] и пр.

«На берегу пустынных волн». Л.Ф. Лагорио.
Нива. 1909. № 34. 22 августа. С. 586 (Российская национальная библиотека)

Основание города нередко подавалось в печати через сатирические обыгрывания фразы Фр. Альгаротти (метафоры, пущенной в русский обиход А.С. Пушкиным) про окно в Европу. Карикатуры напрямую визуализировали смысл крылатого выражения – так выглядит серия рисунков в «Будильнике», где антропоморфный Петербург беседует с Москвой у раскрытого окна либо перешагивает через кремлевскую стену, держа оконную раму [35, с. 1; 113, с. 1]. Иногда сатирическая графика, обыгрывая исторический контекст, демонстрировала закрывающееся окно в Европу – именно так было подано нежелание неких влиятельных сил разрешать социальные и бытовые проблемы и Петербурга, и всей России [92, с. 1; 97, с. 1; 98, с. 1]. Наконец, окно в Европу становилось образной точкой входа для внутренних имперских проблем, чем воспользовался, например, художник «Нового времени», намекая на стремление Финляндии к пассивному сопротивлению российской политике [58, с. 5].

К Полтавским торжествам. С.В. Животовский.
Огонек. 1909. № 26. 27 июня. С. 1 (Российская национальная библиотека)

Имперское мышление, окончательно закрепившееся полтавским триумфом, отражено в многочисленных визуальных обращениях к этому знаменательному для России событию. Справедливое утверждение искусствоведа: «блестящие победы русской армии и флота в Северной войне способствовали формированию особого жанра – баталии. Полтавская битва нашла яркое отражение в живописи и скульптуре, в графике и медальерном искусстве» применимо и к периодической печати [47, с. 196]. Подготовка к юбилею и раз-

мах празднования 200-летия Полтавской виктории 27 июня 1909 года вылились в многочисленные газетно-журнальные публикации рисунков, гравюр, фотографий памятных мест и даже карикатур. Нередко публиковались портреты побежденных, особенно венценосного противника; подрисовочная подпись всегда напоминала зрителю, за кем осталась победа [39, с. 6].

Визуализация памяти о Полтавской победе наиболее широко применялась в тематических номерах тонких журналов, где больший акцент делался на актуализации русской истории через акцентирование взгляда читателя на современных местах прошедших боев, репортажное фиксирование открытий памятников, Высочайших смотров и делегаций на празднествах. Например, иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал с карикатурами «Искры», еженедельное приложение к газете «Русское слово», в двух номерах от 28 июня и 5 июля 1909 года опубликовал 74 иллюстрации, посвященные Полтаве, отдав предпочтение фотографиям (52) и рисункам (11). Насыщение двух номеров таким количеством иллюстраций было возможно благодаря помещению небольшого размера снимков, рисунков, гравюр, портретов. Но не все издатели стремились к визуальному переизбытку. Так, в 16-полосном тематическом номере «Нивы» опубликовано 30 иллюстраций, причем шесть из них большеформатные – репродукция картины XVIII века, гравюра А. Шхонебека той же эпохи, парадный портрет Петра кисти К. Моора, пейзажный рисунок окрестностей Полтавы Д. Пахомова, портрет Петра работы Л. Каравака, барельеф на памятнике Петру перед Инженерным замком в Петербурге [1]. Иногда метранпажи объединяли несколько большеформатных рисунков на развороте полос. Именно так выглядела середина тематического номера «Огонька», состоящая из гравюры Г. фон Штелина «Баталия Полтавская», рисунка М. Мартэна «Полтавский бой» и диорамы Полтавской битвы, поставленной на юбилейной петербургской выставке 1903 года [33, с. 8–9].

Сакральность памяти о Петре

Проблемы исторической памяти – коллективной ли, индивидуальной – всегда очень важны для национальной идентичности. Включаться в злободневные терминологические споры *memory studies* – не задача данной статьи, но важно сказать, что еще в 1920-х годах М. Хальбвакс писал: «...коллективные рамки памяти <...> служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [108, с. 44]. Самодержавная власть, безусловно, была заинтересована в понимании и даже контроле не только над тем, что помнят ее подданные из истории страны, но и над их отношением к запоминаемым событиям и фактам. Это понимали и принимали современники Империи: «что делал человек, то по времени стал делать народ, который есть тот же человек, только умноженный; и таким образом произошли общественные памятники. Если любовь к отечеству изобретает памятники общественные, то пользуется сим изобретением государственная мудрость» [66, с. 10]. Читатель имперской России приобщался к далеким событиям прошедших эпох, умело подобранным в том числе и редакциями периодических изданий, приобщался через рассмотрение мощного визуального ряда и знакомства с вербальными текстами.

Объем опубликованных в периодике визуальных текстов, посвященных памяти Петра, значительно превосходит иллюстрации, непосредственно связанные с его обликом или фиксацией его действий. На основе сплошного просмотра русской иллюстрированной периодики второй половины XIX – начала XX века можно утверждать, что концепт памяти Петра был для русской журналистики наиболее существенным и максимально приближенным к современности. В группу визуальных источников памяти входили фотографии памятников (давно существующих или только что открываемых), памятных мест,

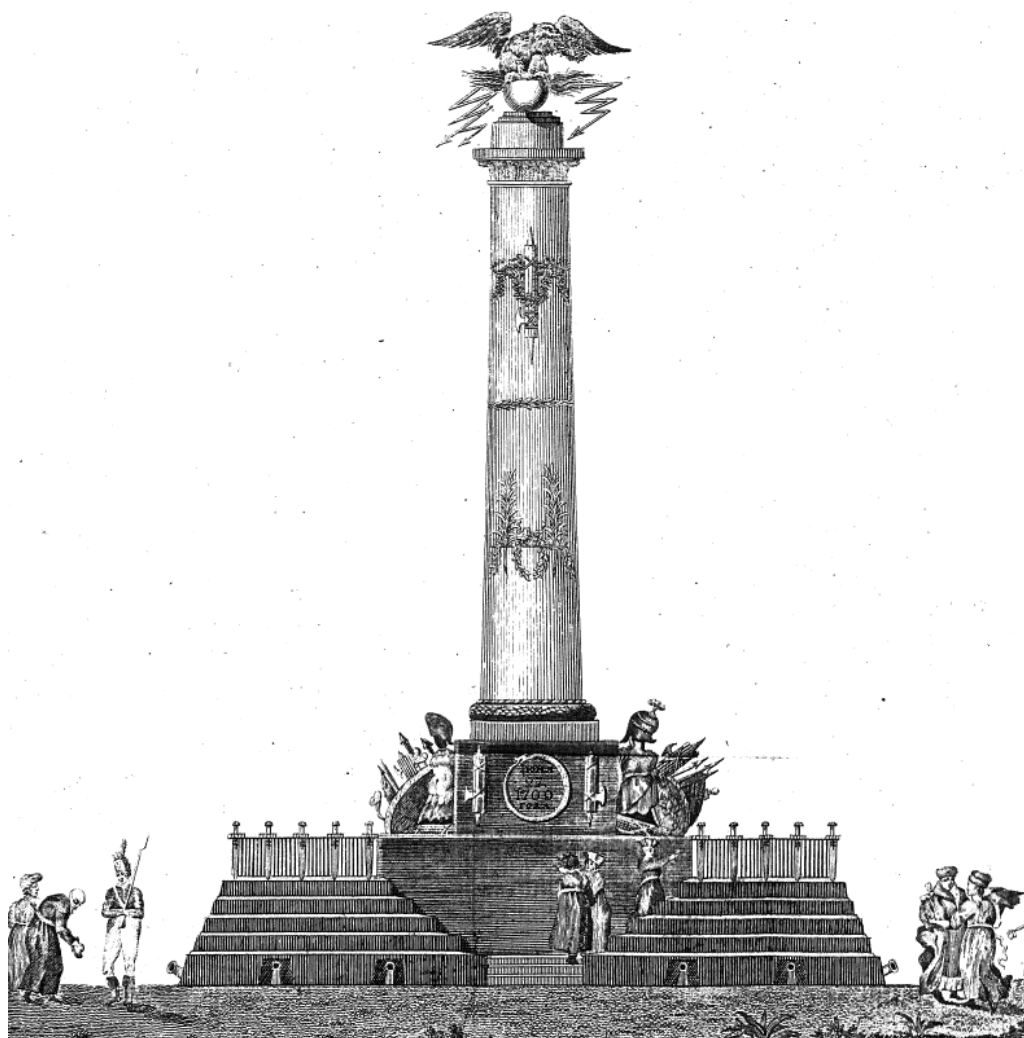

коммеморативных медалей, экспозиций музеев и выставок, фотографии или рисунки реликвий петровского времени, запечатленные торжества, церемонии и публичные лекции вокруг имени Петра. Часто выходили специальные памятные номера, посвященные петровским юбилеям. Так, «Всемирная иллюстрация» в 1872 году предприняла целый визуальный тематический цикл, посвященный 200-летию со дня рождения первого русского императора. В юбилейный год этим журналом было опубликовано 65 большеформатных иллюстрированных полос, посвященных Петру Великому (на каждой полосе было от одного до четырех рисунков). На 13 полосах был изображен сам юбиляр, на 40 – исторический контекст (петровские родственники, единомышленники, памятные места). Лидировали батальные сцены (Нотеборг, Азов, Лесная, Полтава, Дербент) и жанровые картины (Великое посольство, посещение Архангельска, придворные свадьбы, спасение утопающих). В отдельную тему журнал выделил сюжеты, посвященные ботике Петра Великого – «Дедушке русского флота» [107, с. 420; 62, с. 29], научным заседаниям [61, с. 364; 64, с. 37] и массовым празднествам в честь юбилея Петра [106, с. 76, 77; 60, с. 44]. Этот богатый иллюстративный материал редакция использовала в дальнейшем, выпустив памятный альбом со 125 рисунками из жизни Петра Великого. Во вступительном слове издатель объяснил цель такой визуальной политики: «собрать по возможности подлинные черты этой обстановки, сохранившиеся на современных изображениях; передать графически эти оригинальные драгоценные свидетельства эпохи преобразований, чтобы сделать их общедоступными, да объяснить толково и коротко самые видные фазисы жизни Петра, в популярном изложении – вот основная мысль нашего издания» [6, с. VI].

Двенадцать юбилейных полос «Всемирной иллюстрации» 1872 года показывали памятники Петру I, стоящие в разных уголках Российской империи. Для большинства редакций второй половины XIX – начала XX века опубликовать фотографию петровского памятника было самым очевидным решением вопроса, как отметить очередной юбилей, но эта визуальная традиция зародилась раньше распространения фотографии. Первое известное мне русское изображение памятника петровской эпохи в периодике опубликовано в начале XIX века, и совершенно неслучайно, что был выбран именно сюжет по Полтаве [14, с. 325]. На рисунке И.И. Гуржеева показан памятный столп, увенчанный орлом, извергающим молнии; подножие памятника украшено воинскими доспехами; постамент окружен жерлами пушек. Памятный круг на столпе напоминает о дате полтавской баталии. Высоту столпа и социальную значимость памятника подчеркивает стаффаж в лице представителей разных сословий (горожане, отвешивающие земной поклон памятнику, фланирующие барышни, барин, беседующий с торговкой, солдат на посту, крестьянка с коромыслом).

Изображения памятников публикуются в момент их открытия [36, с. 6], посещения официальными делегациями [93, с. 139], церковных служб рядом с ними [94, с. 1], в качестве доминанты городского пространства [30, с. 11], с подчеркиванием их символического значения для России [12, с. 753] и даже как объект карикатур [112, с. 1]. Изредка появляются символически наполненные иллюстрации, где монумент как носитель исторической памяти вступает в незримый диалог с современными научными достижениями; именно так можно трактовать фотографию штаб-ротмистра А.Д. Далматова [90, с. 553].

Среди фотографий и рисунков, посвященных петровским монументам, заметно лидирует Медный всадник. Ряд изображений памятника Фальконе взят из иностранной периодики. Например, ксилография 1835 года «Памятник Петра Великого» [72, с. 185] полностью идентична английскому рисунку 1832 года “Colossal statue of Peter the Great” [134, p. 221]. Многие источники изображений тиражировались в международных масштабах. Так, в Париже бельгийским художником И. де Шарлери и французским гравером Ф. Паннемакером была создана торцовая гравюра на дереве, затем она опубликована в русской «Ниве» [73, с. 824], позже воспроизведена в американской книге [135, p. 141].

Памятник Полтавской победе. Рис. И.И. Гуржеева.
Вестник Европы. 1809. Ч. 44. № 5–8. С. 325 (Российская национальная библиотека)

Кроме памятников, высока частотность опубликования на газетно-журнальных полосах изображений петровских реликвий. Они размещались на странице с большим количеством «воздуха» (пустого пространства), что для верстки того времени было довольно нетипичным явлением. Возможно, это делалось метранпажами для лучшей включенности рисунков в полосу, но и исключить повышенное внимание к содержанию изображений невозможно [129, с. 229]. Иногда рисунки копировались разными изданиями и, возможно, перепечатывались с чужих клише [29, с. 159; 50, с. 141]. Но порой одни и те же реликвии изображались по-разному; следовательно, редакции самостоятельно обращались к этому памятному наследию [8, с. 859; 40, с. 8]. Реликвии показывались разными – от самых простых вещей (бытовая сторона жизни великого преобразователя России делала его понятнее, а значит, и ближе читателям) до царских регалий. Например, часто встречался рисунок двойного трона [121, с. 55]; реже – корона, которой Петр венчался на царство [5, с. 337].

Коммеморативные медали представлены от выпущенных в честь рождения на свет будущего императора [55, вклейка] до его 200-летнего юбилея [3, с. 48]. Немало опубликовано рисунков и фотографий медалей, созданных в честь различных военных побед петровской армии.

Взятие Ньюэнсканса

Взятие двух шведских фрегатов 7 мая

Основание Петербурга и проектирование Кроншлота

Медали на события 1703 года.

Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9762. 10 мая. С. 9
(Российская национальная библиотека)

Фиксация мест проживания великого императора тоже была значима. На газетно-журнальных полосах складывалось визуальное повествование о бытовой стороне жизни великого реформатора. Читатели из разных мест империи могли без помех разглядывать общие виды дворцов и домов, где Петр родился [2, с. 365], жил [20, с. 229] и скончался [28, вклейка], его жилье во время европейских путешествий [21, с. 861] и убежища, где он делил тяготы военных походов с соратниками [26, с. 397]. Отдельное место занимал домик Петра Великого в Петербурге – как сердце строящегося города [22, с. 1]. В умах читателя, ставшего к тому же зрителем, формировался устойчивый образ монарха, равнодушного к роскоши, но не пренебрегавшего ею ради государственного представительства.

К 200-летию Петербурга. Петр Великий. Тип К. Моора – Я. Хоубракена.
Искры. 1903. № 18. 11 мая. С. 137 (Российская национальная библиотека)

Чтя Петра, читатель русской периодики будет читать и всю государственную систему, выстроенную первым русским императором, поэтому для редакций было так важно добиться правильного отклика на публикуемые ими материалы. На страницах газет и

журналов редко встречалась визуализация читательской реакции на события давно прошедших эпох, тем ценнее трехчастный рисунок детского журнала «Галчонок». Показывая юным читателям, как по-разному воспринимают мир неграмотный крестьянин, полуграмотный купец и окончивший университет интеллигент, редакция дает визуальные переходы от смутного абриса Петра до насыщенной, четкой картины петровских действий. Трехчастный комикс сопровождался подрисовочной подписью, дублировавшей визуальный замысел: «Скажут крестьянину – “Петр Великий”... – Наверно, царь тоже великан был, подумает он, а больше ничего и не знает. Калачев слышал, что построил Петр Петербург, а только толком тоже ничего не знает. И только образованный знает, кто был Петр Великий, что победил он шведов, что с турками сражался, флот создал, Петербург построил, – был вообще великий человек» [4, с. 19].

Иногда визуальная парадность нарушалась вербальными оговорками. Очевидно, на иллюстрации цензоры обращали более пристальное внимание, не позволяя показать того, что могло намекать или усеченно высказаться в слове. Например, на гравюре «Живописного обозрения» (журнала, рекомендованного Ученым комитетом Министерства народного просвещения) монумент Петру Великому в Полтаве выглядит вполне прилично, с традиционным городским пейзажем и стаффажем, а в сопроводительном на следующей странице тексте можно прочесть: «Шведская могила, памятник на месте отдыха Петра после Полтавской битвы, монумент Петра – все это находится в запущенном виде. <...> с монумента Петра каким-то любителем скульптуры содраны медные доски, почему, во время празднования 200-летнего юбилея Петра Великого, нужно было прикрыть изъян искусственным орнаментом» [87, с. 386].

В ходе многочисленных юбилейных празднеств в умах участников торжеств конструировался определенный образ прошедшей эпохи, далеко не всегда совпадающий с подлинной историей и подкрепляющий устойчивые общественные мифы. Затем эти конструированные образы транслировались через периодическую печать, расширяя границы зрительских впечатлений. Как организаторы торжеств, так и издатели-редакторы не могли быть полностью свободны от государственного контроля и идеологического влияния, поэтому можно предполагать, что визуальные образы прошлого также подвергались довольно серьезной корректировке. В рассмотренных визуальных текстах лидирующими становятся дискурсы имперского мышления и культа Петра.

Насколько правомочно утверждать, что опубликованная картинка влияла на формирование политических взглядов российского обывателя? Не секрет, что визуальный ряд может воздействовать на человека сильнее, чем вербальный текст. Кроме того, «пересечение визуальной культуры и политики было зафиксировано давно. Начиная с А. Грамши и В. Беньямина складывается традиция изучать тесное переплетение визуальных искусств (прежде всего фотографии и кинематографа) с особенностями политического режима и развитием политических идеологий» [63, с. 76]. Массированная публикация парадных портретов и снимков памятных мест, проектов памятников и фотографий реликвий, репортажных кадров открытий монументов и проведения торжественных церемоний формировала у россиян чувство гордости за славную историю былых эпох. Зафиксированное же участие в празднествах представителей высшей власти вкладывало в сознание читателей мысли о продолжении победоносного курса страны. Так Петр Великий – через многократно тиражированные изображения – продолжал стоять на страже той империи, которую когда-то выстроил.

Литература

1. 1709 – 200-летие Полтавского боя – 1909 // Нива. 1909. № 26. 27 июня.
2. *Адамов А.О.* Коломенский дворец в XVIII веке, место рождения Петра Великого // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VII. № 179. 3 июня.
3. *Адамов А.О.* Медаль, выбитая в Петербурге в память 200-летнего юбилея дня рождения Петра I // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 185. 15 июля.
4. *Александров А.* Ученые свет, а неученые тьма // Галчонок. 1911. № 6. 10 декабря.
5. Алмазная корона Петра Великого // Нива. 1872. № 22. 29 мая.
6. Альбом 200-летнего юбилея императора Петра Великого. 1672–1872. Рисунки исполнены художниками «Всемирной иллюстрации». Текст П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского. СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1872. 268 с.
7. *Бобров В.А.* Петр Великий в ратных доспехах. К 175-летию со дня кончины Императора Петра Великого // Россия. 1900. № 273. 28 января.
8. *Боголюбов А.П.* Трость и шляпа Петра I, хранящиеся в Царицынской Думе // Нива. 1881. № 39. 26 сентября.
9. *Ге Н.Н.* Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе // Русское слово. 1903. № 6. 6 января.
10. Генеральный чертеж Санкт-Петербурга, исполненный Лебломом в январе 1717 г. // Огонек. 1903. № 18. 17 мая.
11. Гипсовая маска Петра Великого. Оригинал хранится в Петровской галерее, в Императорском Эрмитаже // Огонек. 1903. № 18. 17 мая.
12. *Гнедич П.П.* Столетие открытия памятника Петру I // Нива. 1882. № 32. 7 августа.
13. *Григорьева Е.Г.* К морфологии визуального постсоветского постфольклора // Ab Imperio. 2005. № 3: Империя и вызов национализма: в поиске модусов социального, политического и культурного самоописания. С. 471–500.
14. *Гуржеев И.И.* Памятник Полтавской победе // Вестник Европы. 1809. Ч. 44. № 5–8.
15. Двухсотлетие Петербурга // Петербургская газета. 1903. № 132. 16 мая.
16. Двухсотлетний юбилей дня рождения Императора Петра Великого // Всемирная иллюстрация. 1872. № 178. 27 мая.
17. Державный редактор: император Петр Великий, основатель первой русской газеты // Московский листок. 1903. № 1. 1 января. Прибавление к № 1.
18. *Дмитриев-Оренбургский Н.Д.* Свадьба карликов в 1710 году // Нива. 1897. № 41. 11 октября.
19. *Дмитриев-Оренбургский Н.Д.* Петр I и ефрейтор Одинцов // Нива. 1898. № 23. 6 июня.
20. Дом в Нижнем Новгороде, где останавливался Петр Великий // Иллюстрация. 1846. Т. 2. № 15. 27 апреля.
21. Домик Петра Великого в Заандаме // Нива. 1897. № 36. 6 сентября.
22. Домик Петра Великого: С гравюры Аткинсона начала XIX столетия // Новое время: Иллюстрированное приложение. 1903. № 9766. 14 мая.
23. Еженедельник // Иллюстрация. 1846. Т. III. № 38. 12 октября.
24. *Жирков Г.В.* Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003. 202 с.
25. *Загорский П.С.* Святки и славление Христа при Петре Великом // Всемирная иллюстрация. 1882. Т. XXVII. № 677. 1 января.
26. Землянка, в которой жил Петр Великий во время похода в 1722 г., близ Дербента // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VII. № 181. 17 июня.
27. *Земцов А.* Петр I у Цыклера // Нива. 1881. № 6. 7 февраля.
28. Зимний дом Петра Великого // Вестник Европы. 1872. Т. 3. № 5.
29. Из коллекции редких гравюр. Лошадь государя Петра Великого. Две собаки государя Петра Великого // Наше время. 1903. № 20. С. 159; Иллюстрированное приложение к «Петербуржской газете». 1903. № 131. 15 мая.
30. Институтская логика // Аргус. 1906. № 2.
31. К 200-летию взятия Выборга (13-го июня 1710 года) // Огонек. 1910. № 23. 5 июня.
32. К 200-летию Петербурга // Стрекоза. 1903. № 20. 18 мая.
33. К 200-летию Полтавской битвы. 1709 г. – 27 июня – 1909 г. // Огонек. 1909. № 25. 20 июня.
34. К двухсотлетию Гангутского боя. 1714–1914 // Всемирная новь. 1914. № 31. Июнь.
35. К двухсотлетию Петербурга (родственные разговоры) // Будильник. 1903. № 18. 18 мая.
36. К открытию нового памятника Петру Великому у Дворцового моста в СПб. // Огонек. 1909. № 27. 4 июля.
37. К рисункам // Нива. 1882. № 30. 24 июля.
38. *К.М.* IX передвижная выставка картин // Русь. 1881. № 26. 9 мая.
39. Карл XII, король шведский, побежденный Петром Великим в Полтавской битве 27 июня 1709 года // Новое время: Иллюстрированное приложение. 1903. № 9769. 17 мая.
40. Картуз и трость Петра Великого, пожалованные городу Царицыну в 1723 году // Новое время: Иллюстрированное приложение. 1903. № 9769. 17 мая.
41. Кончина царя Феодора Алексеевича // Нива. 1897. № 20. 17 мая.
42. *Корзухин А.И.* Смерть Ивана Нарышкина // Нива. 1882. № 30. 24 июля.
43. *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович (По поводу картины Н.Н. Ге) // Древняя и новая Россия. 1875. № 1. С. 30–54.

44. Коцебу А.Е. Взятие крепости Нарвы 9 августа 1704 года // Русское слово. 1903. № 6. 6 января.
45. Коцебу А.Е. Сражение со шведами при Лесной // Всемирная иллюстрация. 1872. № 182. 24 июня.
46. Кошелев Н.А. Из детства Петра Великого // Альбом «Нивы» на 1892 год. Главная премия. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1891. 11 л.
47. Кривдина О.А. Сюжет «Полтавская баталия» в русском искусстве первой половины XVIII века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 196–206.
48. Лагорио Л.Ф. «На берегу пустынных волн» // Нива. 1909. № 34. 22 августа.
49. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 124–141.
50. Лошадь Петра Великого. Собаки Петра Великого. Со старинных гравюр. Автотипия «Биржевых ведомостей» // Огонек. 1903. № 18. 17 мая.
51. Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX века): Пособие к лекционному курсу. СПб., Нестор-История, 2003. 80 с.
52. Любопытнейшая черта из Отечественной истории. Подробное известие о суде над царевичем Алексеем Петровичем, 1718 год. Событие за сто лет перед сим // Пантеон славных российских мужей. 1818. Ч. 3, № 5. Март. С. 207–231.
53. М.М. (Салтыков-Щедрин М.Е.) Первая русская передвижная художественная выставка // Отечественные записки. 1871. № 12. Современное обозрение. С. 268–276.
54. Медали на события 1703 года // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9762. 10 мая.
55. Медаль на рождение Петра Великого // Русский зритель: Журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. 1828. Ч. 2. № 5–6.
56. Мезин С.А. 300 лет историографии Петра I: некоторые итоги // Образ Петра Великого в мировой культуре: Материалы XII Международного петровского конгресса. СПб., 2020. С. 11–34.
57. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2. СПб., 2003. 587 с.
58. Митрич. Живая картина у «Окна в Европу». Постановка при благосклонном участии гг. Герарда, Лангофа и Мехелина // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1907. № 11350. 17 октября.
59. Моисеева С.В. Петр I: историк своего царствования // Петр I: Время и окружение (материалы выставки). СПб., 2015. С. 17–27.
60. Москва. Народное гуляние на Ходынском поле 30 мая // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 185. 15 июля.
61. Москва. Чтение профессора Соловьева о Петре Великом в зале дворянского собрания // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VII. № 179. 3 июня.
62. Москва: прием ботика «Дедушка русского флота» перед морским отделом выставки 30 мая // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 184. 8 июля.
63. Москвин Д.Е. Визуальные репрезентации в политике и перспективы визуальных методов исследований в политической науке // Символическая политика: Сб. науч. тр. / отв. ред.: О.Ю. Малинова Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 75–90.
64. Московская политехническая выставка. Вечернее заседание в актовом зале Московского университета 30 мая // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 185. 15 июля.
65. Николаевский Н. Петр Великий осуществляет реформу брадоистребления // Журнал журналов. 1917. № 17. 18 июня.
66. Новые триумфальные ворота в Москве // Отечественные записки. 1829. Ч. 40. № 114. Октябрь.
67. Новый памятник Петру Великому в Ревеле. Празднование 200-летия взятия Ревеля // Искры. 1910. № 40. 10 октября.
68. Нюрнбергский план Петербурга (около 1712 г.). С проектом благоустройства Васильевского острова // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9769. 17 мая.
69. Основатель водного спорта в России // Рулевой. 1913. № 1. Март.
70. П. (Пекарский П.П.) Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича (История царствования Петра Великого Н. Устрялова) // Современник. 1860. № 1. Отд. III. С. 67–96.
71. Памяти Великого основателя русской периодической печати // Русское слово. 1903. № 6. 6 января.
72. Памятник Петра Великого // Живописное обозрение. 1835. Т. I. Л. 14.
73. Памятник Петру Великому в Петербурге // Нива. 1871. № 52. 27 декабря.
74. Паннемакер. Взятие Азова Петром I, в 1696 году // Живописное обозрение. 1882. Т. 1–2. № 44. 30 октября.
75. Первая победа русского флота: Со старинного горельефа // Всемирная новь. 1914. № 31. Июнь.
76. Передвижная выставка в Академии художеств // Всемирная иллюстрация. 1871. № 154. 11 декабря.
77. Петербург 200 лет тому назад // Осколки. 1903. № 20. 17 мая.
78. Петербург и окрестности при Петре Великом // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 184. 8 июля.
79. Петр I в Сорбонне перед памятником кардиналу Ришелье (июнь 1717 г.) в Париже // Нива. 1882. № 22. 29 мая.
80. Петр I входит на палубу шведской шнявы «Астрель» // Воскресный досуг. 1872. № 22. 4 июня.

81. Петр I, основатель Синодальной типографии // Нива. 1911. № 24. 11 июня.
82. Петр Великий и свет Запада (из книги Башуцкого 1834 г.) // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9769. 17 мая.
83. Петр Великий на Ладожском озере // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 186. 22 июля.
84. Петр Великий учится кораблестроению в Голландии // Россия. 1899. № 233. 17 декабря.
85. Петр Великий, основатель Петербурга // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9759. 7 мая.
86. Петр Великий: С гравюры Хубракена, сделанной с портрета, писанного с натуры Карлом Моором в 1717 году // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9766. 14 мая.
87. Петровская военная гимназия в Полтаве // Живописное обозрение. 1875. № 25. 22 июня.
88. Петру I Екатерина II: Аллегорическое изображение. С гравюры Х. Гёйзера по рисунку Б. Мюллера // Всемирная иллюстрация. 1896. Т. 56. № 1449. 2 ноября.
89. *Погодин М.* Суд над царевичем Алексеем Петровичем: Эпизод из жизни Петра Великого // Русская беседа. 1860. Кн. XIX: Отдел науки. С. 1–86.
90. Полет дирижабля «Лебедь». «Лебедь» над памятником Петру Великому на Сенатской площади в Петербурге // Нива. 1910. № 31. 31 июля.
91. *Порфирьев В.И.* Русская история от Гостомысла А.К. Толстого // Стрекоза. 1906. № 7. 16 июля.
92. *Порфирьев В.И.* К 200-летию Петербурга // Шут. 1903. № 20. 17 мая.
93. Празднование 200-летия Петербурга // Искры. 1903. № 18. 11 мая.
94. Празднование 200-летнего юбилея Кронштадта: Молебствие у памятника императора Петра I // Дружеские речи. 1913. № 40. 6 октября.
95. Путешествие по всей России // Иллюстрация. 1846. Т. III. № 28. 5 августа.
96. *Пылаев П.* Ефрейтор Одинцов подносит орла Петру в день закладки Санкт-Петербургской крепости // Родина. 1903. № 20. 18 мая.
97. *Пьер-О (Животовский С.В.)* К Полтавским торжествам // Огонек. 1909. № 26. 27 июня.
98. *Радаков А.А.* Окно в Европу – теперь // Новый сатирик. 1918. № 6. Март.
99. *Райгородский Л.Д.* Триумфальная книжная гравюра начала петровских преобразований // Вестник СПбГУ. Серия 15. 2012. Вып. 1. С. 100–108.
100. Рассылка премий к «Огоньку» // Огонек. 1882. № 24.
101. *Рубо Ф.* Вступление Петра I в Тарки // Родина. 1901. № 41.
102. Русские моды. Период «просвещенного абсолютизма» // На распутье: Иллюстрированный сборник. 1906. № 6.
103. Русские рыбацьи лодки в устье Невы. С голландской гравюры конца XVII века. Собр. П.Я. Дашкова // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9773. 21 мая.
104. Русский поселок в местности нынешнего Петербурга. С шведской гравюры конца XVII века. Собр. П.Я. Дашкова // Новое время. Иллюстрированное приложение. 1903. № 9766. 14 мая.
105. *Рябушкин А.П.* Петр Великий на берегу Невы // Солнце России. 1912. 139 (40). Сентябрь.
106. Санкт-Петербург: народное гуляние на Царицыном лугу 30 мая; Картины из жизни Петра I на Царицыном лугу в день торжества 30 мая // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VIII. № 187. 29 июля.
107. Санкт-Петербург: перевезение ботика «Дедушки русского флота»: Торжество на пристани Петровской площади 28 мая 1872 г. // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. VII. № 182. 24 июня.
108. *Сафронова Ю.А.* Историческая память. Введение. СПб.: ЕУСПб, 2019.
109. *Семевский М.И.* Царевич Алексей Петрович. 1690–1718 (История царствования Петра Великого Н. Устрялова) // Русское слово. 1860. № 1. Отд. II. С. 1–66.
110. *Скворцова Е.А.* Парные изображения Ивана Грозного и Петра Великого: идея преемственности Московского царства и Российской империи в русском искусстве XVIII века // Артикульт. 2018. 31 (3). С. 16–30.
111. *Соколов Н.И.* Свадьба Бутурлина (10 сентября 1721 г.) // Всемирная иллюстрация. 1871. Т. V. № 126. 25 мая.
112. Сон черносотенца // Новости и Биржевая газета. 1906. № 3. 3 января.
113. Старое старится, молодое растет // Будильник. 1903. № 19. 25 мая.
114. *Стасов В.В.* Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. CXIII. № 2. С. 305–328.
115. *Суворин А.С.* Петр I и его непокорный сын Алексей // Отбой. 1906. № 1.
116. *Суриков В.И.* Утро стрелецкой казни // Нива. 1897. № 48. 29 ноября.
117. *Тепин Я.* Суриков // Аполлон. 1916. № 4–5. Апрель – май. С. 21–39.
118. *Триго Е.* Венская всемирная выставка (письма нашего корреспондента) // Дело. 1873. № 9. С. 105–133.
119. Триумфальные ворота в Москве в 1721 году // Иллюстрация. 1846. Т. III. № 38. 12 октября.
120. Триумфальные ворота на Неве в 1714 году // Иллюстрация. 1846. Т. III. № 28. 5 августа.
121. Трон царей Иоанна и Петра Алексеевичей // Всемирная иллюстрация. 1896. Т. 56. № 21 (1451). Приложение.
122. Убиение царевича Алексея Петровича: Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. 1858. Кн. 4. С. 279–287.
123. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и

- исследования по истории русской культуры. Вып. 8. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.
124. *Хлебовский С.* Ассамблея при Петре I // Северное сияние. 1863. Т. 2.
125. *Шарлемань А.И.* 15 мая 1682 года // Северное сияние. 1863. Т. 2.
126. *Шарлемань А.И.* Отречение Царевича Алексея Петровича от престола (Февраля 1718 г.) // Северное сияние. 1862. Т. 1.
127. *Шарлемань А.И.* Большой маскарад в Москве, празднование Ништадского мира с 31 января по 4 февраля 1722 г. // Северное сияние. 1863. Т. 2.
128. *Шарлемань А.И.* Заложение Санкт-Петербургской крепости // Северное сияние. 1862. Т. 1.
129. Шпага, значок и шляпа Петра Великого // Иллюстрация. 1846. Т. 2. № 15. 27 апреля.
130. *Штейбен К.К.* Спасение Петра Великого его матерью // Нива. 1872. № 22. 29 мая.
131. *Щелкин В.Н.* Два лицевых сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. 1897. Т. V. № 4. С. 97–128.
132. Юный Петр I у корабельного мастера // Нива. 1882. № 10. 6 марта.
133. *Bic vir bic est* // Русский архив. 1872. № 6.
134. *Colossal statue of Peter the great* // The Penny magazine. 1832. 17 November. № 40.
135. *Statue of Peter the Great* // Colange L. *Voyages and Travels: Or Scenes in Many Lands*. Vol. I. Part I. Boston, 1887.

Аннотация. На основании сплошного просмотра 45 русских журналов и газет 1809–1918 годов был выделен значительный массив иллюстраций, посвященных образу Петра I. Визуальный ряд рассматривался с помощью контекстного метода; при этом для изучения были выделены три тематические подгруппы: Петр Великий как Отец Отечества, формирование дискурса имперского мышления, сакральность памяти о Петре. Петр предстает как мудрый, смелый и нестандартный реформатор, готовый отдать жизнь во благо страны, при этом не щадя сил подданных. Обожествление Петра достигалось с помощью аллегорических и символических изображений. Через визуальный образ Петра редакции иллюстрированных журналов и газет транслировали принятые в обществе нарративы, формируя у читателей чувство гордости за славное прошлое Российской империи и проводя параллели с не менее славным настоящим.

Ключевые слова: Петр I, Петр Великий, Российская империя, журналистика, образ, визуальность, иллюстрация.

Elena S. Sonina, Candidate in Philology, Associate Professor, "Higher School of Journalism and Mass Communications" Institute, St. Petersburg State University. E-mail: sonina@mail.ru

The Image of Peter I as Visual Propaganda of the State Ideology in Russian Pre-revolutionary Journalism*

Abstract: On the basis of continuous review of 45 Russian magazines and newspapers of 1809–1918, the author of the article managed to single out a significant array of illustrations dedicated to the image of Peter I. The visual series was considered using the contextual method; at the same time, three thematic subgroups were picked out for study: Peter the Great as the Father of the Country, the formation of the imperial thinking discourse, the sacredness of the memory of Peter. Peter appears as a wise, courageous and non-standard reformer who was ready to give his life for the good of the country, while not sparing the potency of his subjects. The deification of Peter was achieved with the help of allegorical and symbolic images. Through the visual image of Peter, the editorial offices of illustrated magazines and newspapers transmitted the narratives accepted in society, forming a sense of pride in the glorious past of the Russian Empire in their readers and while comparing it with the no less glorious present.

Keywords: Peter I, Peter the Great, Russian Empire, Journalism, Image, Visuality, Illustration.

* This study was prepared as part of the RFBR project № 20-011-42018.

Петр Первый: сомнительное величие

{ Раздел третий }

В.Ю. Даренский
«История Петра» А.С. Пушкина как история разочарования

Ф.А. Гайда
Пушкинский «Медный всадник» и формирование официального образа Петра Великого в николаевской России

А.А. Тесля
Петровские реформы как национальные: публицистический аспект «Публичных чтений о Петре Великом» С.М. Соловьева

В.Ю. Даренский
Иван Солоневич – разрушитель «петровской легенды»

«История Петра» А.С. Пушкина как история разочарования

Я разобрал теперь много материалов о Петре и никогда не напишу его истории, потому что есть много фактов, которых я никак не могу согласить с личным моим к нему уважением.

Скоро намерение государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование... стольник Федор Пушкин и стрелецкий полковник Цыклер сговорились убить государя.

«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!..»

А.С. Пушкин

Сия рукопись быть опубликована не может, потому что в ней много неприличных выражений о Петре Великом.

Император Николай I

Чем дальше он углублялся в историю Петра, тем страшнее ему становилось.

В.С. Непоминацкий

Подготовительные материалы к так и не написанной А.С. Пушкиным «Истории Петра I» представляют безусловный интерес как важный памятник русской исторической мысли. Для внимательного взгляда в них открывается то разоблачение «петровской легенды» (И. Солоневич), которое появится в русской мысли уже только в XX веке. Как пишет современный исследователь этой темы В.С. Листов, «материалы, компрометирующие Петра Великого, в архиве Пушкина накапливаются, и он уже очень много знает, и его уже воротит

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

от эпизодов, где Петр I разбивает зубы на допросах, где он присутствует при казнях, где он пьянствует, где он участвует в деле царевича Алексея, т.е. катастрофа сознания Пушкина по отношению к Петру совершенно очевидна» [5].

В беседе с актером М.С. Щепкиным в 1836 году Пушкин признался: «Я разобрал теперь много материалов о Петре и никогда не напишу его истории, потому что есть много фактов, которых я никак не могу согласить с личным моим к нему уважением» [11, с. 341]. Или еще радикальнее: «Я не смогу ее представить государю, потому что мои знания о Петре не совместимы с моими понятиями о чести» [5]; или «эта работа убийственная <...> если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее» [1, с. 478]. Прочитав тетради Пушкина о Петре, Николай I вынес свой вердикт: «Сия рукопись издана быть не может по причине неприличных выражений на счет Петра Великого» [24, с. 14].

А.П. Лисунов, автор единственной до сих пор диссертации по этой теме [10], отмечает: «“История Петра” – наименее изученная часть пушкинского наследия... Не содержатся ли в “Истории Петра” выводы, которые либо противоречат культуре Петра, либо не дают ясной положительной оценки его реформ? Не на этом ли основании ей отказывали в праве считаться полноценным пушкинским произведением?» [9, с. 148]. Классик европейского консерватизма Ж. де Местр называл Петра I «убийцей своей нации», отданной им «под иго чужеземных шарлатанов» и ставшей «игрушкой нескончаемых перемен» [цит. по: 4, с. 156]. В текстах А.С. Пушкина содержится практически такой же вывод, но только в «скрытом» виде, требующем определенной «расшифровки». Целью данной статьи является краткое рассмотрение «Истории Петра I» и ряда других текстов для реконструкции внутреннего взгляда А.С. Пушкина на Петра I.

«Историю Петра» Пушкин задумал уже во второй половине 1820-х годов. «Я непременно напишу историю Петра I», – сказал он в сентябре 1827 года; поэтому, прося в июле 1831 года о «дозволении заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках», Пушкин сообщал о «давнишнем» своем «желании написать Историю Петра Великого» [23, с. 425]. Разрешение было дано, и 21 июля 1831 года поэт извещал П.В. Нащокина: «Зимой зарюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем» [23, с. 423]. Вскоре он приступил к работе, и уже в декабре того же года Н.М. Языков писал брату: «Пушкин только и говорит что о Петре... Он много, дескать, собрал и еще соберет новых сведений для своей истории, открыл, сообразил, осветил и проч.» [21, с. 424].

Как известно, «Пушкин готовил свой труд не как вольное сочинение вольного автора. Его заказчиком был сам император» [7, с. 183]. Нессельроде – министр, которому подчинен был Государственный архив, извещал Бенкендорфа, что «Пушкин занимался... прочитыванием и деланием выписок из бумаг, касающихся до царствования императора Петра Великого, и из дел о бунтовщике Пугачеве, для чего отведена была ему особая комната. По мере прочитывания он возвращал даваемые ему бумаги» [23, с. 424]. 12 января 1832 года Нессельроде запрашивал, «благоугодно ли будет» царю, чтобы Пушкину «открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I... как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии». Царь распорядился, чтобы эти исторические документы выдавались Пушкину «по назначению» [23, с. 425], но под контролем Д.Н. Блудова, ведавшего секретными архивными делами, относившимися к скрываемым в то время событиям политической истории петровского и послепетровского времени. Как видим, Пушкину были предоставлены царем совершенно эксклюзивные условия и возможности для работы, которые не имел ни один историк того времени. Фактически он был взят на службу в качестве историографа при царе – на ту особую вакансию, которую ранее занимал Н.М. Карамзин.

В том же 1832 году Пушкин через Бенкендорфа обратился к царю с просьбой «о дозволении» ему «рассмотреть» купленную Екатериной II и «находящуюся в Эрмитаже би-

библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями», которые доставлялись Вольтеру в период его работы над «Историей России в царствование Петра Великого». Доступ в библиотеку Вольтера в царствование Николая I был строго запрещен, но для Пушкина сделано было исключение, и он получил возможность ознакомиться с собранными Вольтером историческими материалами. 11 июня 1834 года он писал жене: «Петр 1-й идет; того и гляди напечатаю первый том к зиме» [23, с. 425].

В мае 1836 года он приезжал в Москву и побывал в архивах, предполагая «опять в них зарыться месяцев на шесть». П.Я. Чаадаев 25 мая 1836 года писал из Москвы А.И. Тургеневу, что Пушкин «очень занят своим Петром Великим», а в декабре 1836 года Пушкин сам сообщал, что «Петр Великий» отнимает у него «много времени» [23, с. 425]. Пушкин завершил конспектирование сочинения И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России». С «Деяниями Петра Великого» он ознакомился еще в 1825 году, когда читал их в Михайловском. Они были изданы в 12 томах в 1788–1789-м, а затем в 1790–1797 годах. Голиков выпустил еще 18 томов «Дополнения к Деяниям Петра Великого».

Над составлением записей по Петру Пушкин работал стремительно: с 16 января по 15 декабря 1835 года он заполнил своими записями 31 тетрадь [14, с. 474–475]. В июле 1831 года Пушкин пригласил в сотрудники Погодина и писал ему 7 апреля 1834 года: «к Петру приступаю со страхом и трепетом» [14, с. 475]. Характерна здесь и библейская лексика А.С. Пушкина, указывающая на важность предмета, – его слова отсылают к строке из Послания ап. Павла к Филиппийцам: «...продолжайте творить свое спасение со страхом и трепетом» (Фил. 2:12), что, в свою очередь, является ссылкой на слова Моисея перед святыней: «я в страхе и трепете» (Втор. 9:19) и на 55-й псалом: «Страх и трепет охватили меня» (Пс. 55: 5).

«Одно из затруднений составить историю его <Петра I>, – говорил Пушкин Д.Е. Келлеру незадолго до смерти, – состоит в том, что многие писатели, недоброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия» [23, с. 442]. До конца своей жизни Пушкин считал себя плохо ориентированным в литературе эпохи Петра I. Известно письмо его к М.А. Корфу от 14 октября 1836 года, в котором он благодарит того за присылку списка книг по Петру I и отвечает: «прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна» [14, с. 476]. Изучать материалы он продолжал до последних дней жизни. Так, уже в январе 1837 года А.И. Тургенев ознакомил Пушкина с извлеченными из парижских архивов и привезенными им в копиях донесениями французских послов при дворе Петра I. С этими архивными материалами А.С. Пушкин знакомился накануне дуэли. За неделю до смерти поэт в разговоре с П.А. Плетневым сознавался, однако, что «Историю Петра пока нельзя писать, то есть, ее не позволят печатать» [23, с. 425]. Понимание Петра и суждения о нем, отраженные в пушкинской рукописи, оказались запретными, так как Пушкин осветил не только положительные, но и отрицательные стороны исторической деятельности и личности Петра I. Брат царя, вел. кн. Михаил, утверждал в декабре 1836 года, еще при жизни поэта, который беседовал с ним о Петре, что «Пушкин недостаточно воздает должное Петру Великому, что его точка зрения ложна» [23, с. 425]. После смерти Пушкина его тетради с записями о Петре I в 1840 году не прошли цензуру и в посмертном собрании сочинений опубликованы не были. После смерти Пушкина рукопись была затеряна и обнаружена только в 1917 году. До 1938 года из нее известны были лишь отдельные отрывки, опубликованные П.В. Анненковым и составлявшие меньше одной четверти всего текста сохранившихся тетрадей.

Как отмечал первый серьезный исследователь этих текстов П. Попов, «записи Пушкина не представляли бы особого интереса, если бы это были простые “выжимки”, сделанные механически... Сопоставление содержания имеющихся 22 тетрадей с пове-

ствованием Голикова приводит к выводу, что Пушкин от себя внес изменения, которые можно объединить в четыре группы. Пушкин: 1) не следовал слогу подлинника и перелгал все своим языком, 2) подчас самостоятельно формулировал ссылки на исторические источники и определял их значимость, 3) делал собственные сопоставления, пояснения, вставки и обобщения, 4) проводил собственную тенденцию в подборе и в толковании излагаемых исторических фактов» [14, с. 477]. Как писал П. Попов, «новый отрицательный взгляд Пушкина на Петра пришел на смену иной оценки роли дворянства и абсолютной монархии в русской исторической действительности, когда самоуправство Петра казалось Пушкину оправданным его исторической миссией... В связи с переоценкой роли Петра эта позиция Пушкина сменилась взглядом на дворянство как на самодовлеющий, хорошо организованный класс, являющийся защитником законности и права перед верховной властью» [14, с. 478]. Николаю I же будущее произведение Пушкина представлялось именно как панегирик первому российскому императору. «Между тем, – отмечал П. Попов, – образ Петра у Пушкина в результате его исторических размышлений все снижался, и он ему представлялся не столько великим героем, сколько разрушителем. Мы не можем гадать о том, во что бы в окончательном виде вылилась фигура Петра под пером Пушкина, но разумеется и в своих выписках, поскольку они для него представляли служебный материал, Пушкин должен был помнить, что он принял на себя роль официального историографа, поэтому внутренняя, интимная оценка Петра проскакивала лишь местами у Пушкина; однако и в такой незначительной дозе места эти показались настолько предосудительными в цензурном отношении, что наброски Пушкина вовсе не увидели света в первом посмертном собрании его сочинений» [14, с. 492].

Современный автор В.С. Листов в своей основательной статье о Пушкине-историке «Клио против Эвтерпы» отмечает: «Взгляды Пушкина на историю Петра эволюционировали вместе с общественной позицией поэта – от молодого либерализма к гуманной разновидности легитимизма, к глубокому осознанию традиционных моральных ценностей» [6, с. 137]. Историческая оценка Петра I у Пушкина была вполне самостоятельной уже в молодости. В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) он писал: «Петр I не страшился народной свободы... ибо доверял своему могуществу и презирал человечество может быть более, чем Наполеон. История представляет около его всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось» [16, с. 14]. Здесь мы видим объединение в одном рассуждении Пушкина сразу нескольких разных тезисов, благодаря чему оно имеет внутреннюю глубину и сложность.

Тезис первый: «Петр I не страшился народной свободы». Прежние цари тоже не страшились народной свободы, но совсем по другой причине: не потому, что «доверяли своему могуществу и презирали человечество», а потому, что опирались на доверие и совесть народа, который почитал царей в соответствии с учением Церкви как помазанников Божиих. Народ регулярно бунтовал по причине обид от отдельных чиновников и бояр, но это не имело отношения к царской власти, которая в сознании народа всегда была священной и неприкосновенной. В свою очередь, русские цари всегда оправдывали доверие народа и были правителями мудрыми, праведными, а иногда даже святыми. Это взаимное доверие царя и народа, основанное на православной вере, и составляло основу того уникального политического строя, который И.Л. Солоневич назвал «народной монархией». Петр же впервые основал свою власть вовсе не на этом, а на своем могуществе и презрении к подданным. Именно в таком смысле он назван Пушкиным «северным исполином». Это слово здесь вовсе не красивая метафора, а имеет изначальный библейский смысл: как известно, «исполинами» («нефилим» – *ивр.* «падшие») в Ветхом Завете были названы могучие люди, родившиеся при воздействии демонов, то есть изначально это слово было исключительно негативным по своему смыслу.

Тезис второй: «всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою». Он уже сам по себе очень смел и парадоксален – в условиях, когда все воспитывались на почитании Петра I как «великого преобразователя». Но Пушкин не был бы гением, если бы тут же не продолжил эту мысль: «Народ упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр» [16, с. 14]. Тем самым народ все равно победил и Петра I, и его рабство! Это еще один парадокс, но не последний. Вот следующий: уже после Петра I, как пишет Пушкин, все равно «азиатское невежество обитало при дворе. Доказательство тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона, и сладострастной Елисаветы» [16, с. 14]. В чем же тогда итог «преобразований»?

Но столь же глубоко и парадоксально молодой Пушкин мыслил и на концептуальном уровне. Он пишет: «Аристокрация после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие: к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных» [16, с. 14–15].

Итак, по мысли Пушкина, история России прошла словно «между Сциллой и Харибдой» – то есть между боярской олигархией и «самовластьем». Поскольку после Петра I власть государя стала ассоциироваться с «деспотией» в духе европейского «абсолютизма», то это выглядело как выбор «меньшего зла». Проблема молодого Пушкина здесь была в том, что он мыслил в европейских категориях, поскольку не знал никаких иных. В рамках народной монархии, существовавшей до Петра I, такой дилеммы вообще не существовало. Она возникала во время Ивана Грозного, но боярская смута была царем успешно подавлена. После смерти Грозного недобитая смута вновь подняла голову и разрушила государство, но была подавлена уже самоорганизовавшимся народом, затем восстановившим и самодержавие. Так эффективно работал принцип народной монархии, затем уже разрушенный Петром I.

После этого и возникла та дилемма, о которой писал Пушкин. Поэтому, судя о делах Петра I уже исходя из более поздних понятий, Пушкин в данном случае совершенно прав, имея в виду пример соседней Речи Посполитой, где именно всевластие местной аристократии уничтожило сначала монархию, а потом, как неизбежное следствие, – и само государство. Однако уже зрелый Пушкин начинает смотреть на Петра I иначе. Пушкин теперь полагает, что «старинное, наследственное дворянство могло и должно было являться противовесом неограниченной власти самодержавия, принимая на себя тем самым функцию защиты общенародных интересов» [23, с. 431]. Он также объясняет, против кого была направлена совершенная Петром «революция»: Петр «укротил» и дворянство, издав «Табель о рангах», и духовенство, отменив патриаршество.

В 1834 году Пушкин записал в дневнике: «Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что всё равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» [15, с. 334–335]. И это – как раз прямое следствие «преобразований» Петра I.

Тем самым, «по мысли Пушкина, – отмечает А.П. Лисунов, – ослабление дворянства привело к тому, что, с одной стороны, новая безродная аристократия, совершая дворцовые перевороты, изнутри разлагала верховную власть в стране, а с другой – обнищавшие дворяне, стремясь восстановить утраченные права, открыто выступали против государства. Причем последние действительно, как показало исследованное поэтом пугачевское восстание, могли, объединившись с нижними сословиями, превратиться в реальную силу и принести немалые бедствия. Таким образом, Дубровский мыслился поэтом вовсе не как освободительный герой, а как важное лицо в “эдакой важной стихии мятежей”. И все же Дубровский не злодей, а только несчастное следствие петровских преобразований, поэтому и нет по отношению к нему у Пушкина чёрных красок. Показать отрицательную его сторону должен был выбор Марии, как выбор Татьяны в “Онегине”» [8, с. 100].

Непосредственно в «Истории Петра» есть одно слово, которое уже без всяких оговорок и двусмысленности позволяет говорить о подлинном отношении Пушкина к Петру: «Военная коллегия спросила, что такое знатное дворянство? и как его считать? по числу ли дворов, или по рангам. Разрушитель отвечал: “Знатное дворянство по годности считать”» [17, с. 244]. «Разрушитель» – вот итоговая пушкинская «характеристика Петра, которая постепенно сформировалась у него при ближайшем знакомстве с ходом реформ» [6, с. 145]. Зрелый Пушкин, в отличие от молодого в 1822 году, уже полагает, что «наследственное дворянство могло и должно было являться противовесом неограниченной власти самодержавия», что фактически является стихийным возвращением к понятию о «народной монархии». Такое изменение взгляда, как пишет исследователь, привело к тому, что «положение Пушкина как политического мыслителя осложнялось и его постоянной агрессией против “новой аристократии”, порожденной петровскими преобразованиями. Близкие потомки этой новой знати, выскочки, занимали ключевые государственные посты и, разумеется, без восторга встречали пушкинские напоминания об их старшей родне – портных, поварах, целовальниках или торговцах блинами. Раздражение многих влиятельных лиц могло быть вызвано намеками “Моей родословной”, “Родословной моего героя” и даже образом вздорной старухи из “Сказки о рыбаке и рыбке”» [6, с. 141].

Помимо чисто политических соображений, такой взгляд Пушкина на родовую аристократию имеет и более глубокий мировоззренческий аспект, который сближает его с мыслителями-традиционалистами XX века. Это понимание того, что аристократия – это лишь во вторую очередь «сословие» как одна из социальных групп, но в первую очередь это «порода» в смысле особого типа людей с высокими нравственными качествами, которая формируется на протяжении многих поколений и которую никто не может заменить, если она размывается «выскачками», даже и не бесталанными (а тем более, добавим, сознательно уничтожается, как это произошло после 1917 года). Наличие людей такой «породы» – это особое национальное достояние, теряя которое, народ обречен на варваризацию и потерю нравственного «стержня». Именно поэтому революционеры всегда истребляют родовую аристократию – чтобы обезглавить народ и лишить его воли к сопротивлению революционному террору (а вовсе не потому, что они якобы «эксплуататоры»).

Таким образом, отношение поэта к Петру I никогда не было связано с его официальной апологетикой, и он приветствовал антибюрократические реформы Николая I, понимая их как корректировку крайностей петровского переворота. В письме к П.А. Вяземскому (1830) Пушкин давал такую оценку проекту манифеста, подготовленного секретным комитетом, работавшим с декабря 1826 года: «Государь уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции революции Петра... Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных – вот великие предметы» [19, с. 69]. Уже сама эта формулировка о «контр-революции революции Петра» сближает Пушкина с Ж. де Местром. Поэтому и было совершенно закономерно и его сближение с Николаем I

с 1826 года. Как сообщал П.И. Бартенев («Русский архив», 1865), после разговора с Пушкиным в Чудовом монастыре Николай I «подозвал к себе Блудова и сказал ему: “Знаешь, что нынче говорил с умнейшим человеком в России?” На вопросительное недоумение Блудова Николай Павлович назвал Пушкина» [2]. Позже Бенкендорф, например, писал царю: «Пушкин, автор, в Москве и всюду говорит о Вашем Величестве с благодарностью и величайшей преданностью»; «После свидания со мною Пушкин в Английском клубе с восторгом говорил о Вашем Величестве и побудил лиц, обедавших с ним, пить за Ваше Величество»; в октябре 1827 года фон Кок, чиновник III Отделения, сообщал: «Поэт Пушкин ведет себя отменно хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя» [2]. Поэтому и не удивительны прощальные слова Пушкина, которые он, умирая, просил передать Николаю I: «Жаль, что умираю: весь его был бы» [22, с. 36].

Кроме личного благоволения Пушкина к Николаю I (которое выразилось и в цикле его стихотворений о царе – от «Нет, я не льстец, когда царю...» до «С Гомером долго ты беседовал один...»), поэт также очень глубоко понимал саму природу власти православного монарха. Об этом свидетельствовал Н.В. Гоголь, который восхищался, «как умно определял Пушкин значение полномочного монарха», передавая следующие слова великого поэта: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат» [21, с. 174]. Очевидно, что на такое глубокое понимание сущности царской власти у Пушкина повлияло не только его воспитание, полученное в лицее, но и живой пример правящего монарха.

При таком возвышенном отношении к царю ситуация с написанием «Истории Петра» стала для Пушкина тяжелым нравственным испытанием, поскольку «по ведомству иностранных дел шло жалование. Царь ждал от Пушкина книгу, поддерживающую строго официальный культ державного реформатора» [6, с. 150]; однако «познакомившись с широким кругом источников, поэт, конечно, далеко ушел от простых апологетических воззрений... С такими установками работа над “Историей Петра” была, конечно, безбрежна и мучительна. Будучи “человеком с предрассудками”, то есть человеком нравственным, Пушкин должен был жестоко страдать от тех моральных падений, которые прослеживались в биографии его героя. Речь шла не только о “мятежах и казнях” начала царствования, но и о последующих насилиях и репрессиях – напомним хотя бы (почти наугад) о гибели оклеветанных Кочубея и Искры, о тысячах жизней, положенных в фундамент новой столицы, о доносах и бражничестве при дворе. Да мало ли еще о каких темных сторонах “славных дел”?» (В.С. Листов) [6, с. 163].

А.П. Лисунов продолжил размышления на эту тему следующим образом: «Перед поэтом стояла невероятно сложная задача: пройти цензуру, показать губительные последствия петровских реформ, не дискредитировав при этом саму идею просвещения. Пушкин не был сторонником жесткого ограничения иностранного влияния, тем более культурного, и в этом смысле Петр двигался как бы в правильном направлении, но именно в этом “как бы” и заключалась вся проблема. Царь, перенимая западную модель государства, разрушал культурное своеобразие собственной страны. Речь шла уже не о каком-то влиянии, а о насильственном изменении основных принципов существования целого народа» [9, с. 149]. Далее автор делает следующий весьма радикальный вывод: «В целом, если иметь в виду не политический, а мировоззренческий смысл пушкинской работы, образ Петра в ней, даже без учета структурных и текстологических особенностей рукописи, представлен нравственно слабым, а жизненный опыт реформатора – неудачным. С

учетом же возможного существования двух редакций «Истории Петра» постепенные изменения, происходящие в пушкинской оценке личности царя, становятся более понятными и оправданными. В отличие от Карамзина, в условиях жесткой политической цензуры, поэт не мог избрать путь открытого просвещения и вынужден был выражать свое авторское отношение к происходящему в форме скрытой иронии, понятной наиболее образованным современникам» [9, с. 157]. Насколько обоснованы такие утверждения?

А.П. Лисунов исходит из важной мировоззренческой и теоретической презумпции. По его справедливому замечанию, для Пушкина «история представлялась не в виде законченной схемы, подчеркивающей жизнестойкость той или иной общественной идеологии, а как непрерывный процесс, диктуемый вневременным характером нравственного закона и духовной жизни. Иными словами, поэт прежде всего старался передать многоплановую картину эпохи, поскольку смысл происходящего уже был определен Священным писанием – основным культурным и духовным ориентиром» [9, с. 158]. Таким образом, добавим уже от себя, в историческом повествовании Пушкина о Петре I изначально заложены два различных содержательных и смысловых «слоя»: 1) «слой» событийно-прагматический, в котором этот царь по факту выступает как «преобразователь» и поэтому *argiōi* должен рассматриваться *позитивно*; 2) слой нравственно-религиозный, в котором Петр I также по факту выступает как сила антихристианская и тем самым антинародная – и поэтому *argiōi* должен рассматриваться *негативно*. «То, что Петр являлся символом просвещения и завоевателем новых российских земель, не должно закрывать глаза на главное, – пишет А.П. Лисунов, – вместе с ним решался вопрос об изменении национальной культуры, о жизнеспособности рационального и религиозного отношению к миру... политический и жизненный опыт реформатора в «Истории Петра», если его рассматривать с позиции историко-художественного метода Пушкина, выглядит неудачным и безнравственным» [9, с. 161]. Добавим, что это соединение двух разных смысловых «слоев» в тексте Пушкина о Петре I как своего рода «экзотерической» и «эзотерической» составляющих реального исторического процесса является важным методологическим открытием Пушкина на фоне предшествующей ему историографии, где эти «слои» не различались в рамках единого апологетического мифа о Петре. Тем самым «мы имеем дело с самостоятельной и хорошо продуманной исторической работой Пушкина, которая не только дает полное представление о его отношении к реформатору и снимает вопрос о двойственной оценке самодержца, но и заставляет задуматься над тем, чем на самом деле обернулось для нашей страны такое явление, как Петр» [9, с. 161], – пишет А.П. Лисунов.

В «Истории Петра» Пушкин сделал одно принципиальное замечание, которое выделяет два «слоя» в содержании всей истории его правления: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика. NB (Это внести в «Историю Петра», обдумав)» [17, с. 221]. На первый взгляд здесь мы видим всего лишь «двойственную» характеристику и так называемую противоречивость (любимое слово советских авторов, за которым скрывается их неспособность понять суть явления). На самом деле здесь никакой «двойственности» и «противоречивости» нет, речь идет о двух уровнях одного и того же явления, которые нужно сформулировать. Первый уровень – это «государственные учреждения», которые Пушкин определяет позитивно. Но на самом деле их не так уж и много – это Сенат, фискальная служба и Академия наук – все остальное преимущественно существовало и до Петра I (законодательство, флот, заводы и т.д.). Он лишь перевел их в мобилизационный режим развития. Однако и то, что действительно было нововведением Петра I, не было им придумано, а просто

заимствовано в Европе. И заимствования эти не всегда оказывались эффективны: сенат был скорее формальностью, Академия наук реально заработала только через сто лет, а фискальная служба была бессильна против огромной коррупции, которая возникла именно при Петре I как следствие его «преобразований» – а именно сверхрасходов на войну, бюрократизации государства и прихода во власть массы «выскочек» с корыстными целями. Таким образом, первая часть «преобразований», которую Пушкин оценивает позитивно, платя дань общепринятому мнению, на самом деле в основном является мифом.

Цивилизационные инновации, которые развивались при Петре I, зачастую были начаты не им и от него зависели очень мало. Это объективный процесс, который мало зависел от отдельных правителей и шел спонтанно просто в силу изначальной включенности России в систему отношений с Европой. Это не означает, что Россия была «частью» Европы, но она была включена именно в систему отношений европейских стран, поэтому все европейские инновации «автоматически» появлялись в России просто в силу объективных процессов, независимо от воли каких-то правителей. Не нужно было «прорубать окно в Европу», поскольку туда в России всегда были открыты ворота. В качестве элементарных примеров этого можно привести массовое использование артиллерии уже при св. блгв. князе Димитрии Донском и вообще мировое лидерство России в этой сфере именно в допетровскую эпоху. По сообщению из Москвы Кобенцеля, посла Максимилиана II, там в XVI веке имелось всегда наготове не менее двух тысяч орудий, так что московская артиллерия уже тогда, по его оценке, занимала первое место среди других европейских государств. Пушки не только не ввозились в Россию, но экспортировались в Европу. Так, в 1646 году в Голландию было вывезено 600 пушек [13, с. 126]. А также строительство московского Кремля и части его храмов европейскими мастерами; создание первой в Европе системы министерств («приказов») Иваном Грозным и заимствование им организации Ливонского ордена как модели «опричнины»; Москва как самый большой и развитый город в Европе, по свидетельству европейцев в эпоху Алексея Михайловича и т.д. На фоне всего этого деяния Петра I выглядят как продолжение данного вектора.

Пушкин вполне отдает должное предшественникам Петра I, когда пишет: «Россия, долго терзаемая междоусобиями и притесняемая хищными соседями, отдыхала под управлением Романовых» [17, с. 247]; «Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется о науках. Духовенство. Его критический дух» [17, с. 248]. О царевне Софье: «Царевна самодержавно правительствовала 7 лет с половиною... Изданы во время ее правления писцовый наказ о межевании земель, о разборах по сортам людей и войска, о распределении дворцовых чернослободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до 150 указов. Между сими указ, повелевающий казнить смертью лекаря, уморившего своего больного» [17, с. 29]. Как видим, при Софье законов было принято, конечно, на порядок меньше, чем при Петре I, но они качественно отличаются от петровских тем, что направлены на внутреннее экономическое и цивилизационное развитие, на защиту человека (как вышеупомянутый о лекарях), а не на внешнее развитие, как при Петре I.

Как и по каким мотивам действовал Петр I, Пушкин показывает на очень характерном примере «написания кнудом» царской воли: «Отсылая молодых дворян за границу, Петр, кроме пользы государственной, имел и другую цель. Он хотел удержать залогом в верности отцов во время своего собственного отсутствия... Скоро намерение государя сделалось известно его подданным и произвело общий ужас и негодование. Духовенство видело в сообщении с еретиками грех, воспрещаемый Священным Писанием. Народ жадно слушал сии толкования и злобился на иноземцев, почитая их развратниками молодого царя... Окольный Алексей Соковнин, стольник Федор Пушкин и стрелецкий полковник Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 января 1697» [17, с. 33–34]. Почему так произошло?

Отсылка молодых дворян за границу весьма была сомнительна с точки зрения пользы государственной: проще и дешевле было бы пригласить для их обучения специалистов из-за границы (отчасти и это тоже делалось). Главной целью Петра I здесь явно было расширение «своего» круга людей, преклоняющихся перед Европой – именно это вызывало скорбь родителей, понимавших, что они теряют своих детей, которые станут чужими. Были и саботажники, которые не хотели там учиться, и их по указу царя потом фактически лишали дворянских прав. Тот факт, что дети, отправленные на чужбину, делались заложниками царя, не доверявшего дворянству, – здесь подмечен очень точно, а И. Голиков об этом писать, естественно, не мог. Характерно, что именно этот насильственный отрыв детей от отцов и стал последней каплей, переполнившей народное терпение, и «произвел общий ужас и негодование». Действительно, это было покушение на святое – не только то, что детей отдавали в учебу неправославным «бурсурманам», но и поругание отеческой власти над детьми, священной для традиционного общества. Такой царь, преступивший законы церковные и обычаи народные, подлежал смерти. Поэтому заговорщики осознавали свою нравственную правоту. В свою очередь, Пушкин упоминает об участии в заговоре убийства царя своего предка – стольника Пушкина, тем самым явно ему сочувствуя.

Столь же сочувственным является и описание мятежа: «Попы несли впереди иконы и кресты, ободряя мятежников» [17, с. 42]. Хотя Пушкин и был «на стороне» Петра I, осознавая неизбежность его победы над мятежниками, тем не менее он отмечает религиозный смысл мятежа как в первую очередь защиты Православия, а вовсе не каких-то корыстных интересов. Это более глубокий уровень исторического процесса, чем тривиальный «прогресс». Здесь защищаются святыни, составляющие сам смысл существования народа, а не какие-то прагматические «интересы». С объективной точки зрения все мятежи против Петра были восстаниями народной монархии против нового европейского «абсолютизма» («деспотизма», в терминологии его критиков). В рамках мышления Пушкина здесь также проявляется его «двухслойность», соединение двух разных смысловых «слоев» в тексте о Петре I – «экзотерического» и «эзотерического» смыслов исторического процесса. Первый смысл оправдывает Петра I, а второй – осуждает. (Стоит отметить, что похожая ситуация сложилась и в современном отношении к Сталину – он «оправдывается» материальными «достижениями» его эпохи и победой в войне, но безоговорочно осужден как «вождь» антихристианской тирании.)

После кнута последовал уже топор: «Начались казни... Лефортов старался укротить рассвирепевшего царя. Многие стрельцы были спасены его ходатайством и разосланы в Сибирь, Астрахань, Азов и проч. Государь в то же время сослал и супругу свою Евдокию Федоровну в монастырь» [17, с. 42]. До Петра I русские цари никогда лично не участвовали в казнях – это было невыносимо в силу их церковного статуса Помазанников Божиих. В том числе и поэтому такой «знаковой» стала для русского культурного сознания известная картина «Утро стрелецкой казни» В. Сурикова – она радикально секуляризировала образ царя. Эта картина – символ казни Святой Руси новой «европейской» Россией. В «Истории Петра» конкретно показаны средства, которые он применял, осуществляя свои преобразования. В числе многих других указов Пушкин отмечает: указ Петра «о непродать русского платья и сапогов; ослушников лишать имения и ссылать на каторгу» [17, с. 97]; «Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертной казнью запрещено писать запершись. Недоносителю объявлена равная казнь» [17, с. 112]; «Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворваньим салом под страхом конфискации и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра» [17, с. 98]. Под 1715 годом Пушкин записывает: «Послано королю прусскому в подарок (подчеркнуто Пушкиным) сто человек рослых солдат» [17, с. 188]. Под 1722 годом мы читаем: «Петр был гневен. Несмотря на все его указы, дворяне не явились на смотр... Он 11 января издал указ, превосходящий

варварством все прежние... Нетчики поставлены вне закона» [17, с. 222]. «Нетчика» – не явившегося на смотр дворянина – всякий вправе был убить безнаказанно, а тому, кто нетчика поймает и приведет, приказано было отдавать половину его имения. И это уже 1722 год, когда, казалось бы, всякое сопротивление в народе должно было смириться. Но вместо этого мы видим радикализацию – появление таких «нетчиков» в массовом масштабе (совершенно немыслимое в допетровскую эпоху, когда «царева служба» была делом родовой чести), было проявлением саботажа дворянства.

Тотальная коррупция системы управления государством как прямое следствие петровских реформ хорошо показана Пушкиным одной короткой заметкой: «Наместники имели почти неограниченную власть, определяя 20 от себя областных правителей и царским именем решая все дела. Правители налагали и собирали подати по своей воле etc.; на сих правителей приносить жалобы должно было в канцелярии наместников, пребывающих обыкновенно в Москве, что и было всегда напрасно» [17, с. 49]. Вместе с тем Пушкин, естественно, перечисляет и полезные прагматические действия Петра I: он «пресек корчемство, воровство в сольных промыслах, потайный провоз и т.д. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай казенных товаров. Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долга, платит Швеции 2 000 000 р., прощает гос. долги и недоимки, и персидскую войну заканчивает без новых налогов... По смерти своей оставляет до 7 000 000 р. сбереженной суммы. Годовой расход его двора не превосходил 60 000» [17, с. 96].

На самом деле всякого рода полезных дел совершено им намного больше, и это общеизвестно. Однако общая оценка исторической личности не только не сводится к этому прагматическому уровню (полезные дела есть почти у всех правителей, в том числе и самых никчемных и преступных), но вообще лежит в иной плоскости. В первую очередь здесь важны не отдельные хорошие дела, а сущностные изменения в стране. И в основе «петровской легенды» лежит вовсе не перечисление его добрых дел, а тезис о «прорубании окна в Европу», который, как уже было сказано, является мифическим: Россия всегда находилась в системе европейских отношений, все европейские инновации приходили сюда «автоматически», независимо от воли отдельных государей. Петр I, воспитанный немцами и окруживший себя кастой иностранцев, был уже следствием европеизации Москвы, а не ее причиной. Поэтому сущностные последствия правления Петра I, если они были, то состояли вовсе не в европеизации. Главным таким сущностным последствием была подмена священного царства светской империей. Соответственно, это подмена православной народной монархии бюрократическим европейским «абсолютизмом». К счастью, эта подмена была пока только поверхностной – православное царство сохранилось, царь оставался Помазанником Божиим, но уже под чужой внешней европейской личиной. Фактически Петр I уничтожил самодержавие, передав власть созданной им касте «временщиков». Этот главный факт Пушкин показывает не длинными рассуждениями, а всего лишь одной гениальной заметкой: «Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов через руки старой своей наложницы. Петр согласился на всё» [17, с. 241].

Уже сама смерть Петра проявила этот факт с полной ясностью. Замалчиваемым официозной историографией во время Пушкина был вопрос о событиях, сопровождавших смерть Петра и воцарение Екатерины I. Петр I, по словам Пушкина, «уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца» [17, с. 233], установив своим манифестом от 5 февраля 1722 года, что теперь самодержец вправе назначить наследником кого пожелает. За год до смерти Петр I короновал Екатерину как свою супругу, но умер без завещания, не в силах будучи произнести на смертном одре имя своего преемника и оставляя государство на произвол борющихся между собою за власть дворцовых партий. Вся история XVIII века затем была чередой государственных переворотов, вершившихся по воле иноземцев и подкупленной гвар-

дейской казармы. Ни о каком самодержавии в этот период говорить уже не приходится. И это – тоже наследие Петра I.

Уже сама по себе женитьба Петра I на чужой наложнице из низших классов – будущей Екатерине I – является не меньшим поруганием устоев христианской монархии, чем его богохульные выходки в молодости. И вполне закономерен конец этого брака, о котором пишет Пушкин. Когда супруга изменила Петру, он казнил ее любовника Монса: «Петр был неумолим... Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течении 20 лет была неразлучною его подругою» [17, с. 243]. Под 1718 годом Пушкин написал и о судьбе бывшей царицы Евдокии (матери царевича Алексея): «Царица высечена и отвезена в Новую Ладугу» [17, с. 189]. Характерно, что И. Голиков о «бичевании» царицы умолчал, хотя явно знал о нем, поскольку сам ссылается на ту же страницу «Венецианской истории», где содержатся сведения о жестоком наказании, которому была подвергнута Евдокия [23, с. 444–445]. Это личное жестокосердие Петра I для Пушкина было намного важнее всех его иных дел, поскольку он судил об этом царе как о Помазаннике Божиим, а не «эффективном менеджере».

Но своей демонической кульминации жизнь Петра I достигает в деле царевича Алексея. Пушкин пишет: «Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания» [17, с. 207]. Последнее замечание требует определенного осмысления. Каким это образом царевич Алексей мог бы стать «разрушителем создания» Петра I? В практическом плане не мог бы – указы царя он не отменил бы (по крайней мере те, от которых была реальная польза), шведам войну не проиграл бы (она уже фактически была выиграна). Это подтверждает и реальная история России после смерти Петра I, оставившего страну фактически в состоянии безвластия – все продолжало идти по «инерции» его политики без каких-либо серьезных изменений, но без каких-то серьезных руководителей этого процесса. Это обстоятельство, в свою очередь, очень хорошо показывает, что «преобразования», которые приписывают Петру I, на самом деле были лишь результатом естественного развития России и происходили бы в любом случае, но без Петра I это могло бы происходить более цивилизованно, без разрушения основ народной монархии. Единственный страх у Петра I по поводу Алексея действительно мог заключаться только в том, что тот мог стать совсем иным типом царя – более похожим на своего деда Алексея Михайловича, чем на отца-немца. А это, в свою очередь, означало, что Алексей II стал бы в отличие от отца царем, которого народ любит, а не боится. Вот этого Петр I ему не мог простить ни в коем случае. Здесь принципиально важны слова Пушкина: «Царевич был обожаем народом». Именно они проясняют всё. Поэтому Петр I стал не только сыноубийцей (что тоже чрезвычайно символично), но и убийцей народной воли, которая затем роковым образом разрушит государство.

Сообщая о пытке, которой был подвергнут Алексей по приказу Петра, А.С. Пушкин замечает: «Царевич более и более на себя наговаривал, утраченный сильным отцом и изнеможенный истязаниями» [17, с. 207]. Алексей был пытан по приказу отца. Пушкин считал нужным ознакомиться с подлинным строго секретным тогда следственным делом царевича, хранившимся в Государственном архиве. В своей «Истории» он основывался на документах этого, по его словам, «страшного дела». Пушкин упоминает и о «своеручных» ответах Алексея на вопросы Петра, «сначала – твердою рукою писанных, а потом после

кнута – дрожащею» [17, с. 207]. Выяснив картину следствия, Пушкин не получил, однако, доступа к документу, позволяющему судить о причине смерти Алексея, умершего, по официальной версии, от апоплексического удара, после того как ему был объявлен смертный приговор. Отвергая это объяснение, Пушкин принял иную версию о смерти его, изложенную в недостоверных «Записках капитана Брюса», и потому прямо писал в «Истории Петра», что «царевич умер отравленный» [17, с. 208]. Вся эта история истязаний и казни сына Петром I составляет смысловой центр всего текста «Истории Петра», ее трагическую кульминацию. Текст Пушкина выстроен не только по историческим, но и по художественным законам («нарративам»), что придает ему историсофскую глубину. А.С. Пушкин был историософом – мыслителем большой глубины, предвосхитившим многие «ходы» русской мысли последующих веков [3].

Дела «протестанта-царя» по отношению к Церкви Пушкин отмечает особо. Вот самое показательное из них: «По учреждению синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то... Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: “Вот вам патриарх”» [17, с. 67]. Что это означает? Как минимум два факта: 1) для Петра I Церковь является не Церковью, а не более чем одним из госучреждений, которое он очень хочет поставить под свой полный контроль, то есть «возглавить» Ее; но поскольку Главой Церкви является Христос, то такое стремление делает его антихристом не в метафорическом, а в церковном смысле слова – тем, кто хочет быть *вместо* («анти-») Христа; 2) вместе с тем биеение себя в грудь и обнажение кортика говорят о том, что Петр I и боится Церкви – очевидно, в первую очередь потому, что Церковь – это народ Христов, а не царев.

Этот страх перед Церковью как народом, независимым от царского произвола, Петр I показал и раньше: «скончался последний патриарх Адриан. Петр, отложив до удобнейшего времени избрание нового патриарха, определил митр.<ополита> ряз.<анского> Стефана Яворского к управлению церкви, повелев ничего важного без ведома государя не решать» [17, с. 57]. Конечно, это привело к новым волнениям: «Ропот ужасно усилился. Появились подметные письма и пророчества, в коих государя называли анти-Христом, а народ призывали к бунту» [17, с. 57] – отмечает А.С. Пушкин.

Царь отреагировал на это странным образом: «Петр запретил монахам иметь в келлиях бумагу и чернила – и настоятели должны были отвечать за тех, коим сие дозволяли. Типографщик Талицкий, обличенный в напечатании подметных писем, был казнен с своими соучастниками (?)» [17, с. 58]. На этом фоне дико и страшно смотрелись забавы реформатора: «Свадьба шута царского Шанского. Насмешки над старыми обычаями etc. – Царя в старинном одеянии представлял князь Ромодановский, Зотов – патриарха; царицу (в особой палате) жена Ив. Бутурлина. Петр был в числе морских офицеров» [17, с. 60]. «Здесь, по существу, и прерывается работа Пушкина над повторной переработкой “Истории Петра”» [9, с. 156], – отметил А.П. Лисунов.

А.С. Пушкину всегда, в том числе и в молодые годы, было свойственно глубокое понимание выдающейся роли Церкви в русской истории и явное благоговение перед Нею. В уже цитированных исторических заметках 1822 года он писал: «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою свою папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей Историю, следственно и просвещением» [16, с. 17]. А в своем знаменитом письме П. Чаадаеву – ответе на прочитанное его первое «Философическое письмо» – А.С. Пушкин писал: «Наше духовенство до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало

бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит борю, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу» [20, с. 393]. В свою очередь, такое положение духовенства, отторгнутого от «хорошего общества», не что иное, как прямой результат упомянутых деяний Петра I. Показательно, что Пушкин здесь проводит четкий водораздел: до Феофана Прокоповича, «сподвижника» Петра I, подчинившего церковные структуры государству, Церковь была свободна по принципу симфонии властей и имела Патриарха, духовенство «было достойно уважения»; и после него, когда оно было вытолкнуто из европеизированного «хорошего общества».

Параллельно с разочарованием в Петре I, которое нарастало в Пушкине по мере ознакомления с историческими материалами, в нем в не меньшей мере должно было расти и разочарование в Европе. Здесь он не высказывает его прямо, поскольку занят другим предметом, но оно выразилось в других местах, например, в его знаменитом афоризме: «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» [18, с. 268]. Однако и в тексте «Истории Петра» есть места, которые свидетельствуют об этом. Вот, например, повествование о предыстории войны: «Петр повелел шведскому резиденту Книпер-Крону через месяц выехать из Москвы, а кн. Хилкову объявить войну с объяснением причин оной и выехать в Россию... Петр однако присовокуплял., что он готов утвердить мир если 1) шведский двор даст ему удовлетворение за обиды, нанесенные посольству и Возницыну, и 2) если из всех земель и городов, несправедливо захваченных Швецией, король уступит ему одну Нарву (за что обещал он и удовлетворение), 3) если король удовлетворит союзников в праведных их требованиях. Карл вспыхнул. Кн. Хилков был задержан, все служители от него отлучены, серебряная посуда отдана на монетный двор, секретарь посольства и все русские служители арестованы. То же впоследствии со всеми русскими купцами, с их прикащиками и работниками (несколько сот человек). Имена их конфискованы, и сами они, лишённые способов к пропитанию, были употреблены в тяжкие работы. Все почти умерли в темницах и в нищете» [17, с. 49–50].

Как видим, Петр I изначально всячески пытался избежать войны, имея какую-то надежду на то, что шведы могут вернуть исконно русские земли (и даже не все, а лишь частично) за хорошую компенсацию, а также извиниться за обиды, причиненные ими русскому посольству. Однако Карл не только не собирался говорить на эту тему, но даже счел себя оскорбленным такими совершенно справедливыми требованиями. И в то время как шведский посол при русском дворе был предупрежден заранее и отпущен на родину, русские послы и купцы в Швеции были арестованы и погибли. Здесь очевидно то, что в уже наше время называют «двойными стандартами» в отношении Запада к России. Европа в лице шведского короля продемонстрировала свое откровенное варварство и тиранию по отношению к русским, которых она вообще не считала за людей. И эта Европа может быть неким «образцом», которому следует подражать? Вряд ли Пушкин не задумался об этом.

Во время войны вероломство шведов, в том числе и тех, которые находились на русской службе, также было отмечено Пушкиным. Он писал: «Открылась измена. Бомбардирской капитан Гуморт, родом швед, бывший в одной роте 1-м капитаном с государем, ушел к неприятелю. Петр, огорченный сим случаем, всех шведских офицеров отослал внутрь России, наградив их чинами» [17, с. 51]. Удивляет здесь особо бережное отношение к иностранцам как потенциальным предателям – отослал в тыл, наградив чинами (за предательство!). Такое особое отношение Петра I к иностранцам является тем, что уже в наше время обозначают термином «самоколонизация», то есть политикой добровольного подчинения страны другой цивилизации. Именно стратегия самоколонизации вместо самостоятельного развития при полной открытости для европейских инноваций, которое имело

место в допетровскую эпоху, и было тем главным разрушительным действием Петра I, которое увидел Пушкин.

В свою очередь, это засилье иностранных офицеров (к сожалению, высланы в глубь России были тогда далеко не все) и стало главной причиной поражения под Нарвой (а вовсе не мифическая «отсталость» русской армии, которой никогда до этого не было). Переход иностранцев на сторону шведов сразу же после сражения и их предательство по ходу его заставляют сделать вывод о том, что их действия были заранее спланированы, хотя это и не отражено, естественно, ни в каких документах. Косвенным подтверждением существования заговора иностранцев накануне Нарвского сражения было и странное бегство Петра I из армии накануне битвы – это могло быть только результатом того, что он был предупрежден о заговоре в последний момент. Причиной заговора могла стать договоренность о выдаче царя шведам с целью получения за него большого выкупа, на чем иностранцы могли бы очень хорошо подзаработать. Вот результат «самоколонизации» страны.

Сами шведы после сражения также продемонстрировали удивительное вероломство: «Наши генералы хотели слышать подтверждение договора из уст самого короля; Карл на то согласился. Условия повторены были в его присутствии, и в соблюдении договора король дал руку свою князю Долгорукому. Гвардия и вся дивизия Головина с военной казной, с оружием, с распущенными знаменами и барабанным боем, перешли через мост; остальные последовали за ними сквозь шведское войско. Тогда шведы на них напали, обезоружили, отняли знамена – и потом отпустили за реку. Обоз был ограблен, даже некоторые солдаты были ими раздеты» [17, с. 52]. В самой Европе они бы не рискнули так действовать – здесь сыграло роль их отношение к русским как «людям второго сорта», по отношению к которым вообще не обязательно соблюдать договоренности.

Еще радикальнее такое отношение европейцев к России как к колонии и к русским как «людям второго сорта» шведы продемонстрировали за полтора года до Полтавской битвы, когда «министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное русское войско и разделить Россию на малые княжества» [17, с. 99]. Такие планы Европы по отношению к России Пушкину были хорошо известны и на примере Смуты, и на примере собственной эпохи (этому посвящены его стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»). Нет сомнения в том, что он делал из этого свои историософские выводы.

Характерно также, что сам Петр I отчасти перенял вероломство от шведов и иногда действовал точно так же и по отношению к ним самим, как, например, при взятии Выборга русскими войсками в 1710 году. Шведы, оборонявшие крепость, согласились сдать. Среди условий сдачи, дарованных самим Петром, был пункт: «Выпустить гарнизон без музыки, знамен и ружей, с пожитками и семействами» [17, с. 146]. Но, захватив Выборг, он не выпустил защитников крепости, объявив их военнопленными. Вопреки Голикову, который пытается затуманить поступок царя массой благонамеренных фраз, Пушкин прямо определяет суть дела: «Петр не сдержал своего слова» [17, с. 146]. Добавим: не сдержал потому, что ему было у кого этому научиться и отплатить им той же монетой.

В упомянутом уже письме П. Чаадаеву у Пушкина есть и краткая характеристика всей русской истории в целом, и весьма парадоксальное высказывание о Петре I: «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж?

и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» [20, с. 393].

Во-первых, здесь мы видим, что для Пушкина величие России вовсе не начинается с эпохи Петра I, но заложено уже в самом ее возникновении как страны, перенявшей светоч Православия у Византии; даже татарское «иго» для Пушкина стало подвигом России, спасшей Европу от этого нашествия и устоявшей перед этой силой. Во-вторых, и свою современность – эпоху Николая I – Пушкин оценивает очень высоко, говоря, что она «поразит будущего историка». Действительно, по всем объективным параметрам, Россия стала сверхдержавой именно в эпоху Николая I (а В.В. Путин в одном из своих ответов на вопросы в 2021 году отнес возникновение сверхдержавы даже к эпохе Александра I). Но для нашей темы важна его характеристика Петра I как того, кто «один есть целая всемирная история». Это очень странная формулировка: как один человек может быть «целой всемирной историей»? Естественно, поскольку Пушкин не расшифровал эти слова, мы не можем знать точный смысл, который он сам в них вкладывал. Однако его не трудно реконструировать по контексту высказывания. «Всемирной историей» Петр I не может быть в буквальном смысле слова, поскольку его дела со всемирной историей несопоставимы. Но есть один особый смысл, в котором сопоставимость есть. Это масштаб того слома народного бытия, который происходил в России в Новое время и для которого Петр I стал универсальным символом: переход от Святой Руси как священного царства к светской империи, живущей по законам «прогресса». Этот переход в христианской историософии означает начало движения всего человечества к Апокалипсису. Пушкин не мыслил в таких категориях, однако он, безусловно, понимал огромность этого цивилизационного «слома». И поэтому появилась эта странная метафора Петра I как «всемирной истории».

В «Стансах» Пушкин писал о Петре I:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Это хрестоматийное выражение той светлой «петровской легенды» (И. Солоневич), которая вошла в русское историческое сознание. Сама по себе эта легенда была полезна для развития страны, но она заложила своего рода «бомбу замедленного действия», взорвавшись уже позже, когда плоды «самоколонизации» привели к катастрофе 1917 года и захвату власти над Россией самой радикальной европейской идеологией – марксизмом. Петр I был «первый большевик» (М. Волошин) не только по радикальности ломки России «через колено», но и в содержательном отношении – как тот, кто начал разрушение православного царства, затем оконченное большевиками. Он стоит в начале пути, а они в конце, как звенья одной страшной цепи. Выдающийся пушкинист В.С. Непомнящий писал о Пушкине: «чем дальше он углублялся в историю Петра, тем страшнее ему становилось. И вылился медный памятник, но совершенно иной. Вылился “Медный всадник” – очень страшная вещь» [12]. Поэма «Медный всадник» (или, как ее назвал Пушкин, петербургская повесть), написанная в Болдине осенью 1833 года, стала своего рода «эзотерическим» двойником «Истории Петра», являя те тайные смыслы, которые не могли быть сформулированы в историческом повествовании, но раскрывались только в загадочных образах.

Полностью поэма не была разрешена Николаем I к печати – очевидно, по той же причине, как и «Истории Петра», и лишь ее начало было напечатано в «Библиотеке для чтения». Образ Петра I как призрака, преследующего несчастного героя, как известно, вырос из петербургского городского фольклора того времени – из страшных мистических историй о ночных прохожих, растоптанных железным конем, и о грохоте его копыт, который в ужасе слышали люди по ночам. Весьма вероятно, что в поэме записан и собственный сон поэта, в котором его преследовал образ ненаписанной им книги о Петре I, которую все ждал царь. Герой поэмы Евгений – экзистенциальное alter ego поэта, прозревшего мистический смысл явления Петра I в русской истории: он разбудил демоническую стихию, которая рано или поздно уничтожит его державу, как она уничтожила сначала просто «маленького человека». И это страшное открытие уже не могло не сделать человека безумным: «Добро, строитель чудотворный! – Шепнул он, злобно задрожав, – Ужо тебе!..». (Наречие «ужо» синонимично выражению «дай только срок, будет время» и имеет смысл угрозы мести кому-то за что-то). Образ Петра I в поэме прямо показан как демонический: «Ужасен он в окрестной мгле».

С другой стороны, реальная история Петра I, показанная Пушкиным в его «Истории...», заканчивается чудом *духовного преображения*, на что до сих пор не обращали внимание, поскольку читали этот текст вне его связи с православным мировоззрением автора. Вот как Пушкин описывает последние часы царя: «Петр оживился – показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: “сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня”. Увещающий стал говорить ему о милосердии божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: “верую и уповаю”. Увещающий прочел над ним причастную молитву: *верую, господи, и исповедую, яко ты еси* etc. – Петр произнес: “верую, господи, и исповедую, верую, господи: помози моему неверию”, и сие всё, что весьма дивно (сказано в рукописи свидетеля), с умилением, лице к веселию елико мог устроивая, говорил, – по сем замолк» [17, с. 245–246]. Изображая его кончину, Пушкин также написал и о том, что «кажется, при смерти помирился он с виновною супругою» [17, с. 245].

Такая смерть является примером воплощения известного принципа, о котором говорили многие православные старцы: «Конец решает всё». Сколь бы ни была греховна жизнь Петра I, но умер он как подлинный православный христианин – и именно Пушкин первым ярко показал это. И эта картина смерти в истинном покаянии и уповании на милость Божию не только дает «Истории...» Пушкина ее драматическую завершенность, но также имеет и важный исторический смысл. Она является символом того, как может исправиться любая историческая неправда в России – путем покаяния и духовного преображения. Биография Петра I благодаря изложению ее А.С. Пушкиным стала живым символом этого главного закона русской истории.

Обобщая проведенный краткий анализ, можно сделать следующие выводы. «Разрушитель» как итоговая пушкинская характеристика Петра I не «бросается в глаза», но соответствует всей внутренней логике «Истории Петра» как истории разочарования поэта – и в Петре I, и в Европе. Кроме этого важнейшего смысла данного текста, до сих пор малоизвестного, хотя и отмеченного всеми тремя серьезными авторами, которые занимались этой темой, в нем есть и еще одно глубокое парадигмальное открытие Пушкина. Фактическое различие и соединение двух смысловых «слоев» в тексте Пушкина о Петре I как своего рода «экзотерической» и «эзотерической» составляющих исторического процесса является тем «завещанием», которое оставил Пушкин как исторический мыслитель. После А.С. Пушкина любое серьезное историческое исследование и концепция, на нем основанная, в России всегда неизбежно несли в себе два различных содержательных и смысловых «слоя»: событийно-прагматический и нравственно-

религиозный, которые, как правило, противоречат друг другу в рамках отдельных исторических явлений и личностей. У Пушкина противоречат друг другу позитивная оценка Петра I как «преобразователя» и негативная – как силы антихристианской и тем самым антинародной.

В послепетровскую эпоху были лишь два случая отсутствия такого противоречия – в лице Николая I и Николая II. Но именно сочетание в этих великих правителях нравственного совершенства и выдающихся практических достижений и стали для них приговором. Но если Николай I, создатель сверхдержавы и восстановитель (хотя бы частично) народной монархии, лишь стал предметом религиозной ненависти русофобов всех времен, то Николай II был ими свергнут и убит.

Своего предела противоречие событийно-прагматического и нравственно-религиозного измерений исторической эпохи и личности достигает в Сталине и его эпохе, сочетающих огромные материальные достижения с режимом «сатанократии» (архим. Константин Зайцев). Непонимание такого сочетания приводит к крайне наивному историческому сознанию, каковое представляет собой «сталинизм» (в том числе, «православный сталинизм»). Тем самым смысл «Истории Петра» Пушкина является крайне насущным для русского исторического сознания именно в наше время. Он должен быть усвоен для понимания того, что в истории является подлинным, а что обманчивым.

Литература

1. *Абрамович С.Л.* Пушкин: Последний год. Хроника. Январь 1836 – январь 1837. М.: Советский писатель, 1991. 624 с.
2. *Глазунов И.С.* Император и Поэт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rodnyaladoga.ru/index.php/genii-rossii/80-imperator-i-poet>
3. *Даренский В.Ю.* Художественная историософия Пушкина как феномен русского национального самосознания // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 71–79.
4. *Дегтярева М.И.* Жозеф де Местр и Н.М. Карамзин // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 151–165.
5. *Листов В.С.* История Петра и дуэльная история [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magisteria.ru/pushkin/duelnaya-istoriya-i-istoriya-petra>
6. *Листов В.С.* Клио против Эвтерпы: «История Петра» в биографии и творчестве Пушкина // Московский пушкинист: Ежегод. сб. Т. 5 / ред. В.С. Непомнящий. М.: Наследие, 1998. С. 135–178.
7. *Листов В.С.* Пушкин: судьба коренного поэта: монография. Арзамас: АГПИ, 2012. 398 с.
8. *Лисунов А.П.* Историк Александр Пушкин // Народное образование. 2019. № 3. С. 97–100.
9. *Лисунов А.П.* Пушкин – историк Петра. М.: Информавтор, 1997. 178 с.
10. *Лисунов А.П.* Пушкин – историк Петра: «История Петра» в творческом сознании Пушкина 1830-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Литературный ин-т, 1997. 16 с.
11. Михаил Семенович Щепкин: жизнь и творчество. Т. 2: Современники о М.С. Щепкине: критика, из дневников и переписки, воспоминания / сост. Т.М. Ельницкая. М.: Искусство, 1984. 478 с.
12. *Непомнящий В.С.* «Невыносимо видеть плебеизацию русской культуры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/9365099.html>
13. *Пушкин А.С.* Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
14. *Попов П.* Пушкин в работе над историей Петра I // Александр Пушкин (Серия «Литературное наследие»). М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 467–512.
15. *Пушкин А.С.* Дневник 1833–1835 гг. / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. С. 314–337.
16. *Пушкин А.С.* Заметки по русской истории XVIII в. / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 14–18.
17. *Пушкин А.С.* История Петра. Подготовительные тексты / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 10. М.: Воскресенье, 1995. С. 11–248.
18. *Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 268–273.
19. *Пушкин А.С.* Письмо П.А. Вяземскому 1830 г. / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 14. М.: Воскресенье, 1996. С. 69–70.
20. *Пушкин А.С.* Письмо П.Я. Чаадаеву 19 октября 1936 г. / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 16. М.: Воскресенье, 1997. С. 392–393.
21. Разговоры Пушкина / сост. С. Гессен, Л. Модзалевский. М.: Политиздат, 1991. 318 с.
22. *Сайтанов В.А.* Прощание с царем // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л.: Наука, 1986. С. 36–47.

23. Фейнберг И. Примечания // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: История Петра I. М.: ГИХЛ, 1962. С. 424–450.
24. Фейнберг И.Л. Читая тетради Пушкина. М.: Советский писатель, 1985. 688 с.

Аннотация: В статье анализируются подготовительные материалы к так и не написанной «Истории Петра I» А.С. Пушкина, которые представляют большой интерес как важный памятник русской исторической мысли. Анализ авторских тезисов и отбора материала показывает разоблачение Пушкиным «петровской легенды» (И. Солоневич) о «великом преобразователе». В повествовании Пушкина о Петре I заложены два различных содержательных и смысловых «слоя»: 1) «слой» событийно-прагматический, в котором этот царь по факту выступает как «преобразователь» и поэтому аргумент должен рассматриваться позитивно; 2) слой нравственно-религиозный, в котором Петр I так же по факту выступает как сила антихристианская и тем самым антинародная – и поэтому аргумент должен рассматриваться негативно. Эта методологическая коллизия, впервые проявленная в текстах Пушкина о Петре I, в дальнейшем станет определяющей для русского исторического сознания в его отношении к отдельным историческим деятелям.

Ключевые слова: «История Петра I», А.С. Пушкин, историческое сознание, исторический миф, Россия.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

A.S. Pushkin's "History of Peter I" as the History of Disappointment

Abstract. The article analyzes the preparatory materials for the never-written "History of Peter I" by A.S. Pushkin, which are of great interest as an important evidence of Russian historical thought. The analysis of Pushkin's theses and the selection of material shows his exposure of the "Peter's legend" (I. Solonevich) about the "great reformer". In Pushkin's narrative about Peter I, two different content and semantic "layers" can be found: 1) the event-pragmatic "layer", in which this tsar in fact acts as a "reformer" and therefore a priori should be viewed positively; 2) the moral and religious layer, in which Peter I also acts in fact as an anti-Christian force and thus, anti-people – and therefore a priori should be considered negatively. This methodological conflict, first manifested in Pushkin's texts about Peter I, later becomes decisive for the Russian historical consciousness in its relation to individual historical figures.

Keywords: "The History of Peter I", A.S. Pushkin, Historical Consciousness, Historical Myth, Russia.

Пушкинский «Медный всадник» и формирование официального образа Петра Великого в николаевской России*

А.И. Герцен, противопоставляя Петра (государственную машину) и поэта-вольномудца, в 1849 году писал, что русский народ «сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой природы под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться – ответил через сто лет громадным явлением Пушкина» [1, с. 18]. Однако дело в том, что и сам А.С. Пушкин царю Николаю Павловичу и всей России ответил своим «Петром». Пушкинский «Медный всадник» за последние почти 200 лет вызывал многочисленные интерпретации. Сочувственные в отношении образа Петра трактовки (В.Г. Белинский) на рубеже XIX–XX веков сменились бунтарскими, в защиту Евгения (Д.С. Мережковский, В.Я. Брюсов). Евгения сближали с декабристами (Д.Д. Благой). Отмечалась поэтическая полемика с А. Мицкевичем¹. Как бы то ни было, трактовки замысла и образов становятся гораздо более понятными в контексте тогдашней государственной идеологии и общественных представлений о Петре.

Образ Петра Великого однозначно доминировал в государственной идеологии и сознании общественной элиты XVIII века. У его истоков стоял архиепископ Феофан Прокопович, изображавший императора как демиурга новой России и победителя шведов. Впоследствии эту линию официально продолжила дочь Петра Елизавета [3, с. 115–116, 149]. В том же русле о нем писали В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов [см. 4]. Наиболее известным символом этого культа стал центральный фонтан Петергофа, установленный в 1735 году: Петр-Самсон раздирает пасть шведскому королевскому льву.

Екатерина II придала петровскому образу иное значение. Накануне праздника Преображения 7 августа 1782 года был открыт знаменитый памятник Петру, известный ныне с легкой руки Пушкина как «Медный всадник». Это был первый скульптурный монумент в России. Открытие было связано с 25-летием екатерининского правления. Петровское царствование в данном случае связывалось и с четвертьвековым периодом реформ. Соответствующая надпись гласила: «Петру Первому Екатерина Вторая». Сам памятник изображал царя не как военачальника, а как выдающегося реформатора, преобразующего страну. Несмотря на соответствующие атрибуты – коня и змею, что явно сближало его образ с иконографией святого Георгия Победоносца, царь был изображен как римский император с венком триумфатора, но с вложенным в ножны мечом и простертой рукой, направленной на место основания новой столицы – Петропавловскую крепость. В рамках такого понимания змея представляла не как шведский неприятель, а как поверженные внутренние враги.

¹ Свод интерпретаций см. [2].

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Гайда Федор Александрович, доктор исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. E-mail: fyodorgayda@gmail.com

Медвежья шкура вместо седла символизировала укрощенную дикость. Фигура, производящая впечатление удивительной легкости, удачно сочетала динамику с покоем: скачущий конь послушно застыл перед обрывом¹.

Критика екатерининского образа Петра как реформатора появилась у М.М. Щербатова в памфлете «О повреждении нравов в России» (1787). Впоследствии она была развита в «Записке о древней и новой России» (1811) Н.М. Карамзина и в «Горе от ума» (1822–1824) А.С. Грибоедова. В рамках этой логики «повреждение нравов» вело к космополитическому забвению отечественных ценностей, своей индивидуальности. В данном случае петровская эпоха, как и у Екатерины, использовалась более как повод или аргумент для собственной идеологии: Щербатов косвенно критиковал екатерининскую политику, Карамзин – начало alexandrovского царствования, Грибоедов – его последние годы. Пожалуй, только А.Н. Радищев имел в виду собственно петровскую политику, когда критиковал его за истребление последних остатков «дикой вольности своего отечества» и презрение к «вольности частной» [5, с. 150–151]².

Павел I попытался вернуться к петровскому образу доекатерининского времени. Именно с этим было связано установление перед Михайловском замком памятника Петру работы Б.К. Растрелли (фигура создана в 1717–1747 годах). Однако после переворота 1801 года петровская тема надолго ушла из официальной идеологии. У Александра I представления о реформах серьезно отличались от тех, что господствовали за сто лет до него. И хотя они касались того же «регулярного государства» и той же регулярной армии, ради спасения которой в 1812 году была оставлена допетровская столица, реформы должны были осчастливить человека, а не страну в целом. Одним из главных преобразований должна была стать отмена крепостного права, в утверждении которого заслуга Петра была очевидна. Александр Павлович готов был выставить Петру претензии в духе Александра Николаевича Радищева.

В декабре 1825 года, в столетнюю годовщину смерти Петра, вокруг Медного всадника разыгрались трагические события. Символически декабристы выступили настоящими наследниками Александра I. Памятник всеильному императору был окружен восставшими и как будто бы забыт ими. Хотя отступать им всё же пришлось туда, куда молчаливо указывал царь. Для Николая Павловича Медный всадник неизбежно становился напоминанием об этих событиях. Петр вздыбливался, как смертельно раненый генерал Милорадович.

Наступление последекабристской реакции провоцировало возвращение общественной мысли к екатерининскому образу Петра-реформатора. Показателен пассаж в Первом философическом письме П.Я. Чаадаева (1829), где императоры Петр и Александр противопоставлялись мятежникам: «Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и гибельные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека» [6, с. 330].

У Пушкина та же тема оказалась развита более проникновенно. Получив при первом свидании от царя право литературного совета власти, он через год после восстания (22 декабря 1826 года) написал адресованные лично Николаю Павловичу «Стансы», в которых рисовал образ Петра-реформатора и завершал призывом к прощению декабристов. Стихотворение прошло цензуру самого императора и было опубликовано в начале

¹ О переосмыслении образа Петра при Екатерине см. [3, с. 183–185].

² Письмо было написано по поводу открытия памятника в 1782 году.

1828 года. В апреле – декабре 1828 года была написана и в марте 1829-го опубликована «Полтава», где образ реформатора был дополнен образом победителя. Параллель Петра и Николая была также очевидна. В феврале 1828 года был заключен блестящий Туркманчайский мир, после которого, как все понимали, должна была начаться русско-турецкая война. Через девять дней после начала написания поэмы вышел манифест о войне с Турцией. Произведение было опубликовано в марте 1829 года. Вскоре, 27 июня – на годовщину Полтавы – был взят Эрзерум, что особо отмечено Пушкиным [7, с. 475].

Пушкинскую петровскую тему продолжили его друзья – С.П. Шевырев и М.П. Погодин. Последний в 1831 году написал панегирическую драму «Петр I», в которой царь пожертвовал сыном ради счастья страны. Николай Павлович одобрил текст, но не позволил его публиковать под предлогом невозможности изображать Петра как «национальную святыню» на сцене. Погодин удивлялся такой причине: неужели драму после публикации обязательно ставить? [8, с. 58]. В действительности причина, скорее всего, крылась в нежелательности поднимать тему Алексея Петровича. Шевырев в 1829 году написал стихотворение «Петроград», в котором царь побеждал в споре балтийскую стихию. Заканчивалось оно тем, что всадник взлетал на коне «на отломок диких гор», превращаясь тем самым в памятник себе. Произведение было опубликовано в 1830 году [9, с. 144]. Сам сюжет, вероятно, был отзвуком местной легенды, по которой конная фигура Петра в 1812 году прискакала к Александру I со словами: «Молодой человек, до чего вы довели Россию? Но все равно, пока я остаюсь на своем месте, Петербургу не угрожает никакая опасность» [2, с. 62]. Сам Пушкин после Французской революции 1830 года инициировал написание «Истории Петра Первого», противопоставляя петровскую «революцию сверху» европейским революциям снизу [10, с. 205, 485; 11, с. 196; 12, с. 133]. В 1831 года газета «Северная пчела» Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча рисовала Николая как победителя холеры, уподобляя его Петру как победителю старых предрассудков [13; 3, с. 395]. Сам царь в 1832 году по образу Петра отпустил усы¹, а 13 апреля 1833 года распорядился создать Петровский зал Зимнего дворца [15, с. 372].

В 1828 году в Петербург приехал Адам Мицкевич. В это время происходило его интенсивное общение с Пушкиным. Оба поэта очень высоко ставили творчество друг друга. Встретив как-то случайно польского поэта на улице, Пушкин сказал: «С дороги двойка, туз идет». Мицкевич ответил: «Козырная двойка туза бьет» [16, с. 85]. Пушкин перевел несколько стихотворений польского поэта. А «Конрад Валленрод» (с посвящением Николаю I) повлиял на его «Полтаву» [2, с. 66]. Мицкевич видел себя Валленродом – героем в стане врагов, жертвующим собой ради Отчизны. Однако у Пушкина этот образ перерождался в предателя Мазепу. Как-то он привел Мицкевича к памятнику Петру и спросил: может ли всадник сорваться с обрыва? Вскоре после этого в рукописях Пушкина появился рисунок, изображающий памятник с трещиной по камню и без седока [17, с. 182].

Мицкевич принял активное участие в восстании 1830–1831 годов. Пушкин выступил с целой серией известных патриотических стихов (к слову, они были направлены не против Польши, а против сил в Европе, которые поддержали восстание). В ответ польский поэт написал стихотворение «Русским друзьям», где сравнивал своих новых противников с собакой, привыкшей к ошейнику и кусающей своего освободителя. В поэму «Дзяды» («Предки») было включено стихотворение «Памятник Петра Великого». В нем Мицкевич вложил в уста «русского поэта» (с явным намеком на Пушкина) такие рассуждения:

Царь Петр коня не укротил уздой,
Во весь опор летит скакун литой,

¹ Л.В. Выскочков пишет, что причиной появления усов оказалась бородавка на верхней губе, о которой стало известно только после смерти императора [14, с. 489]. Когда она появилась, история умалчивает. Напротив, когда появился петровский культ, можно говорить достаточно точно.

Топча людей, куда-то буйно рвется,
 Сметая все, не зная, где предел.
 Одним прыжком на край скалы взлетел,
 Вот-вот он рухнет вниз и разобьется.
 Но век прошел – стоит он, как стоял.
 Так водопад из недр гранитных скал
 Исторгнется и, скованный морозом,
 Висит над бездной, обратившись в лед. –
 Но если солнце вольности блеснет
 И с запада весна придет к России –
 Что станет с водопадом тирании?¹ [18, с. 144].

Пушкин прочитал эти стихи в 1833 году перед поездкой по пугачевским местам и взял их с собой в дорогу [19, с. 138].

В отличие от всех предыдущих авторов, политический эмигрант Мицкевич по отношению к Петру не нашел никаких положительных слов. Он полностью отождествил царя со ставшей ему ненавистной Россией и желал им гибели. Разумеется, Пушкин увидел в этом и личный выпад. В ответ в октябре 1833 года в Болдине был написан «Медный всадник». Во «Вступлении» царь-реформатор выступал на удивление стойким. В отношении Петра неоднократно употреблялся глагол «стоять» («стоял», «ногою твердой стать», «стой неколебимо»). Однако именно этой неколебимостью обеспечивалось существование «окна в Европу». Город именовался только «Петроградом» и «Петрополем», без всякого немецкого привкуса. Картина оказывалась очень похожа на основание новой столицы императором Константином Великим (Петроград – Царьград, Петрополь – Константинополь, Град святого Петра – Новый Рим). Александр I оказывался бессилён перед стихией, а Петр одолевал ее, потому что был не просто царем [19, с. 9–11, 15]. Еще Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» писал: «Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных породю на бесплодие и недостаток. <...> Человек не одолеет природы!» [20, с. 37]. Пушкин отвечал: одолеет. Эта сторона образа видится как развитие темы Феофана Прокоповича.

Стихия выступала как «злодей с свирепой шайкою своей» [19, с. 17]. Царь отправлял своих генералов М.А. Милорадовича и А.Х. Бенкендорфа спасать народ [19, с. 24]. Евгений оказывался сидящим на простирающем лапу льве. Таким образом, он являл собой невольную пародию на Медного всадника. Руки у Евгения скрещены на груди в романтической позе [19, с. 15]. Голова героя занята Парашей, на которой он достаточно легкомысленно намеревался жениться («Жениться? Ну... зачем же нет?») [19, с. 13]. В повести он сравнивался с поэтом («и размечтался как поэт»), а в черновиках прямо поэтом именовался [19, с. 13, 33]. Иными словами, это был Мицкевич: Евгений, то есть «Благородный», но бедный. В те же дни, когда создавался «Медный всадник», Пушкин перевел два стихотворения Мицкевича: «Будрыс и его сыновья» и «Воевода» [19, с. 187; 21; 22]. Любовная страсть в них побеждала грубую силу. Но у Пушкина сила Петра была не грубой, а порожденной великим замыслом.

Самым серьезным укором автору «Дядюшка» стало то, что Евгений «не тужит / Ни о почиющей родне, / Ни о забытой старине» [19, с. 12]. Как и польский поэт, он не распознал движения Медного всадника, который лишь «неподвижно возвышался». Ему можно было грозить кулаком. Но вдруг в прозрении происходило невероятное: всадник ожил. В его отношении несколько раз употребляются динамичные глаголы «скакать» и «нести» («скачешь, гордый конь», «скаканье», «несётся», «скачущем», «скакал») [19, с. 21–22].

¹ Перевод В. Левика.

Неколебимый медный Петр оказался стремителен. Это сочетание вело к тому, что мысль царя останется в веках, тогда как суетные мысли Евгения рухнут. Петр Прокоповича здесь соединился с Петром Екатерины.

Стихия стала у Пушкина собирательным образом революции. Александр I оказался беспомощен. Спасаящие народ Милорадович и Бенкендорф – явная отсылка к Николаю I. Медный всадник не мог устранить стихии, но он мог выстоять перед ней и победить ее, двигая Россию вперед. Трагическая судьба Милорадовича его бы не постигла. Объединение идей Прокоповича и Екатерины поэтически соответствовало уваровской «триаде», впервые появившейся в 1832 году в отчете о ревизии Московского университета (в ходе этой ревизии С.С. Уваров и А.С. Пушкин посещали университет вместе) [12, с. 116–117]. Евгений – Мицкевич был снесен стихией – революцией, но безосновательно винил в этом Петра – Империю. Евгений умер на берегу Балтийского моря. Мицкевич умрет на берегу моря Мраморного, в Константинополе, в 1855 году, готовясь к походу на петровскую империю.

«Медный всадник» был подвергнут личной царской цензуре. В целом правка не была принципиальной (в первую очередь Николаю не понравилось слово «кумир»), но Пушкин, неприятно удивленный количеством вопросительных знаков, поставленных царем на полях, вносить изменения не стал и в печать повесть не отдал. Возможно, к этому времени прошла и острота полемики с Мицкевичем. В 1834 году было написано стихотворение «Он между нами жил...», в котором о польском поэте говорилось:

Теперь
Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. Боже! Освяти
В нем сердце правдою твоей и миром [19, с. 219–222; 23, с. 331].

Авторская переработка «Медного всадника» в соответствии с царскими требованиями была осуществлена позднее, в 1836 году. Повесть вышла сразу после смерти поэта с дополнительной редакторской правкой В.А. Жуковского [19, с. 222–231]. В публикации по воле душеприказчика были опущены строки, в которых «гордый конь» сравнивался с Россией, хотя это прямо соответствовало положениям уваровской «триады». Касаясь отношений коня (народности) и управляющего им всадника (самодержавия), Уваров в своем программном докладе 1833 года писал: «Народность не состоит в том, чтобы итти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль Правительства, особенно в отношении к Народному Воспитанию» [24, с. 103–106].

Как бы то ни было, а фигура Петра в начале 1830-х годов вновь заняла важное место в официальной идеологии. Творческая заслуга Пушкина была тут основной. В этом русле были написаны очерки Погодина «Петр Великий» (1841) и «Петр I и национальное, органичное развитие» (1863), «История Петра Великого» Н.А. Полевого (1843), «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова (1855–1870).

Итак, к 1833 году в России существовали две основные апологетические стратегии в отношении Петра Великого: от Феофана Прокоповича шло представление о самостоятельности новой, сотворенной Петром России, о царе – воине и победителе, от Екатерины II – о великом реформаторе, прорывающемся в Европу. Критика екатерининской концепции шла от Щербатова, феофановской – от Радищева. Мицкевич отрицал петровскую парадигму в принципе. Пушкин первоначально стремился к объединению обоих положительных образов, а в полемике с польским поэтом довел эту тенденцию до подлинного синтеза. На его основе была выстроена целая традиция. Важно отметить, что если в XVIII веке на общественные взгляды оказывала влияние государственная идеология, то после 1825 года ситуация поменялась на противоположную.

Добиться амнистии декабристам не удалось: «мои друзья» (пушкинское определение декабристов в беседе с царем) [25, с. 29, 41–42] и «мои друзья по Четырнадцатому» (обычное выражение Николая I) [14, с. 124] остались в Сибири до появления на престоле тезки поэта. В 1830 году стратегия презентации образа Петра кардинально изменилась. Французская революция и Польский мятеж сильнейшим образом повлияли на русскую общественную мысль. Декабристское восстание в этом контексте уже виделось не как отзвук прежних революций, а как указание на новую эпоху. В результате вместо прощающего реформатора и воина, как в «Стансах» и «Полтаве», появился грозный царь, ведущий страну вперед, «революционер на троне». Страна могла стать либо гордым конем Медного всадника, либо обреченным на безумие Евгением.

Литература

1. Герцен А.И. Прощайте! / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М., 1955.
2. Панфилович И. «Медный всадник» Александра Пушкина: История толкований поэмы и ее содержание / пер. с нем. Т. Баскаковой. Munich: Verlag Otto Sagner, 2007.
3. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004. Т. 1.
4. Конанова Е.И. Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половины XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.
5. Радищев А.Н. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего / А.Н. Радищев // Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938.
6. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. М., 1991.
7. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 8. М., 1995.
8. Погодин М.П. Письмо А.С. Пушкину, 29 марта 1833 г. Москва // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 15. М., 1996.
9. Шевырев С.П. Петроград // Пушкин А.С. Медный всадник. Л., 1978.
10. Пушкин А.С. Заметки о русском дворянстве / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 12. М., 1996.
11. Пушкин А.С. Письмо П.В. Нащокину, 21 июля 1831 г. Царское Село / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 14. М., 1996.
12. Гайда Ф.А. Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в. // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXIX. М., 2020.
13. Северная пчела. 1831. 15 и 16 июля.
14. Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003.
15. Пашкова Т.Л. Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: в 2 ч. СПб., 2014. Ч. 1.
16. Разговоры Пушкина. М., 1929.
17. Измайлов Н.В. «Медный всадник» А.С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А.С. Медный всадник. Л., 1978.
18. Мицкевич А. Олешкевич. Памятник Петра Великого // Пушкин А.С. Медный всадник. Л., 1978.
19. Пушкин А.С. Медный всадник. Л., 1978.
20. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
21. Пушкин А.С. Бурды и его сыновья / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. М., 1995.
22. Пушкин А.С. Воевода / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. М., 1995.
23. Пушкин А.С. «Он между нами жил...» / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 3. М., 1995.
24. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. / С.С. Уваров // Государственные основы. М., 2014.
25. Эйдельман Н.Я. Пушкин: из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987.

Аннотация. Статья посвящена формированию образов и сюжета «Медного всадника» А.С. Пушкина в контексте государственной идеологии и общественных представлений о Петре Великом. Выявляются основные стратегии развития положительного образа Петра в XVIII веке, а также их критика в общественных кругах на рубеже XVIII–XIX веков. Рассматриваются пути создания авторского пушкинского образа императора и задачи, которые поэт решал с его помощью. «Медный всадник» проанализирован в русле политического противостояния А.С. Пушкина с А. Мицкевичем. Отмечается соотношение пушкинской апологии Петра и воссозданного в начале 1830-х годов государственного культа царя-реформатора. Автор приходит к выводу, что в пушкинском творчестве были синтезированы две линии развития положительного мифа о Петре, идущие от Феофана Прокоповича и Екатерины II. Первоначально поэт стремился добиться амнистии декабристов, но после 1830 года возник образ «революционера сверху» и тема амнистии перестала быть актуальной. Отмечается, что если в XVIII веке образ Петра в общественном сознании формировался под воздействием государственной идеологии, то после 1825 года ситуация поменялась на противоположную.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Медный всадник», Петр I, Николай I, А. Мицкевич, декабристы, уваровская триада.

Fyodor A. Gayda, PhD in History, Associate Professor, Department of History of the Russia of the 19th and Beginning of the 20th Centuries, History Department, Lomonosov Moscow State University, Scientific Researcher and Lecturer, St. Tikhon Orthodox University. E-mail: fyodorgayda@gmail.com

Pushkin's "Bronze Horseman" and the Formation of the Official Image of Peter the Great in Russia in the Era of Nicholas I *

Abstract. The article is devoted to the formation of images and plot of the "Bronze Horseman" by A.S. Pushkin in the context of the state ideology, as well as ideas about Peter the Great in the Russian educated society. The author reveals the main strategies for the development of the positive image of Peter in the 18th century, as well as their criticism in public circles at the turn of the 18th – 19th centuries. He considers the ways of creating Pushkin's authority image of the emperor and the tasks that the poet solved with its help. The Bronze Horseman is analyzed in the context of the political confrontation between A.S. Pushkin with A. Mitskevich. The relationship between Pushkin's apology for Peter and the state cult of the tsar-reformer, recreated in the early 1830s, is noted. The author comes to the conclusion that two lines of development of the positive myth about Peter, coming from Feofan Prokopovich and Catherine II, are synthesized in Pushkin's work. Initially, the poet strove to achieve an amnesty for the Decembrists, but after 1830 the image of a "revolutionary from above" arose, and the topic of amnesty ceased to be relevant. In the 18th century the image of Peter in the public consciousness was formed under the influence of the state ideology, but after 1825 the situation changed to the opposite.

Keywords: A.S. Pushkin, "Bronze Horseman", Peter I, Nicholas I, A. Mitskevich, the Decembrists, the Uvarov Triad.

* The research was supported by the Moscow University Interdisciplinary Scientific and Educational School "World Cultural and Historical Heritage Preservation".

Петровские реформы как национальные: публицистический аспект «Публичных чтений о Петре Великом» С.М. Соловьева*

«Публичные чтения о Петре Великом» (1872) Сергея Михайловича Соловьева¹ – произведение, во многом остающееся недооцененным. На первый взгляд такое суждение может показаться провокационным и одновременно избыточно-традиционным. Последнее – по той простой причине, что едва ли не каждый второй исследователь начинает свою статью о каком-либо авторе или тексте именно с этого традиционного зачина. Да и действительно, опровергнуть такое суждение само по себе практически невозможно, ведь непонятно, каким образом можно измерить должную оцененность или переоцененность чего-либо помимо подобных же оценочных суждений, а здесь возможна, скорее, констатация или выработка согласия.

Провокационным же оно может показаться по той простой причине, что именно «Публичные чтения...» – текст не только многократно переизданный, но и единственная работа Соловьева, вышедшая в серии «Памятники исторической мысли», а вряд ли возможно в отечественной науке более высокое признание труда потомками. И тем не менее смысл нашего утверждения довольно прост – недооцененным оно остается не как собственно исторический труд², а с точки зрения истории общественной мысли, как публицистическое высказывание.

За Соловьевым к этому времени был бесспорный научный авторитет – в 1860-х годах он выпустил шесть томов (XIII–XVIII) «Истории России», посвященных времени правления Петра I. К 1872 году он был академиком³, отслужил много лет в должности де-

¹ С.М. Соловьеву посвящена огромная литература, даже основные вехи которой указать в краткой статье – значило бы выйти за пределы разумного. Напомним лишь, что по сей день наиболее полной биографией историка остается работа Н.И. Цимбаева (1990), а в минувшем году, к 200-летию юбилею, вышел подготовленный Институтом истории РАН сборник статей, отражающий современное состояние исследований [6].

² Более того, как историческая работа «Публичные чтения...» скорее проблематичны – глубоко закономерно, что на них не появилось ни одного профессионального отзыва.

³ В связи с чем на торжествах по поводу 200-летнего юбилея Петра I приветствовал великого князя Константина Николаевича в придворном мундире, полагающемся по академическому званию, что не преминул отметить в своих мемуарных заметках племянник К.Д. Кавелина и в последующем – профессор русской истории Казанского университета Д.А. Корсаков (впрочем, вопрос: имел ли он в виду демократическую «шпильку» в адрес ставшего с годами все более консервативным ректора Московского университета или же упомянул эту

* Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. E-mail: mestr81@gmail.com

кана историко-филологического факультета, а с 1871 года отправлял должность ректора Московского университета. Нельзя сказать, чтобы Соловьев вообще чуждался публицистики – полемически заострены и прямо обращены к текущим общественным спорам его выступления, например, второй половины 1850-х годов – статьи об истории и историографии, публиковавшиеся на страницах «Русского вестника» и недолговечного «Атеней». Прямой публицистический запал содержится – начиная с заглавия – в «Истории падения Польши», вышедшей в 1863 году, в разгар «Январского восстания».

Но к 1870-м годам подобная публицистическая активность Соловьева практически сошла на нет – здесь было в том числе и ощущение все большего расхождения с «духом» если не «времени», то текущего «момента», пусть и затянувшегося, нашедшее свое отражение в вышедших посмертно «Записках...». Примечательно, что даже отклик на польское восстание, упомянутая «История падения...», была именно книгой – с конца 1850-х годов Соловьев практически не публиковался в журналах и избегал прямой полемики. Так и «Публичные чтения...» полемичны уже неявным для современного читателя образом. Впрочем, это еще и требование жанра, не предполагающего прямого спора, но в данном случае жанровая особенность оказалась в полном согласии с духом автора, предпочитающего излагать то, что считает истинным.

Основным оппонентом для Соловьева в «Публичных чтениях...» оказываются славянофилы. Их взгляду он противопоставляет свой, одновременно отграничивая свою позицию от М.Н. Каткова и издаваемых им «Московских ведомостей» и «Русского вестника», с которым он разошелся еще в 1858 году. Разумеется, есть и третья значимая линия противостояния, намеченная Соловьевым, – противостояние радикалам, всему движению «шестидесятых годов» в широком смысле. Но это противостояние им слабо детализируется – именно потому, что противостояние фундаментально: он превозносит государство и служение ему, мирный труд в контрверзу «протесту», благодарную память в оппозицию нигилизму – и прежде всего труд, символом которого становится в его изложении Петр I, труженик на престоле, – моральный пример и поучение. В том числе и в своей моральной неоднозначности, поскольку христианство избавляет нас от соблазна обожествления человека.

Именно потому, что противостояние условным «нигилистам» – очередному воплощению антигосударственной силы, образами которой в истории для него выступают степь и казачество, – прямолинейно, всецело, это противостояние оказывается предельно просто в интеллектуальном плане. Напротив, спор со славянофилами и сторонниками идей, так или иначе связанных с последними – генетически или по контексту, – оказывается намного более детализированным, сложным, поскольку базируется на признании во многом общих принципов и расхождении в их понимании, в интерпретации прошлого и, что намного важнее, приложении их к современности.

Как было подчеркнуто в намного более поздней дискуссии вокруг «феодализма в России», и западники, и славянофилы одинаково исходили из утверждения особого исторического пути России – и для тех, и для других это выступало как признание самоочевидного [8, с. 212–245; 4]. Но если для западников в лице Кавелина и Белинского к 1846–1847 годам речь шла о различии путей к «современности», то для славянофилов никакой единой «современности» не существовало. Осмысление эпохи Петра I становится для Соловьева, как и для множества его современников и как во многом оставалось для последующих авторов, точкой осмысления всей русской истории в целом. Поскольку осмыслить это время значило поместить его в общий ход русской истории, выбрать между несколькими логически возможными вариантами:

деталь как бросившуюся в глаза и крепко запомнившуюся – в плане непривычности видеть мундиры придворного ведомства).

– либо понять его как коренной перелом, прерывание логики предшествующего развития – разрыв в ткани исторических событий;

– либо как продолжение предшествующего – в смысле иллюзорности разрыва, где явление, представление современников и взгляд потомков ухватывают видимость, тогда как суть вещей связывает то, что внешне кажется радикально разнесенным;

– либо попытаться совместить две эти точки зрения (из которых, впрочем, вторая получит преимущественное развитие уже существенно позже, в глубоком изучении XVII столетия во времена, нам намного более близкие, – в трудах, например, академика А. Панченко).

Отметим сразу же, что вообще-то в рамках романтической историографии третий путь выбирают прежде всего славянофилы – и «западничество» лишь затем и лишь частично принимает его (отдавая дань прежде всего просвещенческому мифу о Петре как о преобразователе, из небытия приводящем к бытию, и здесь следующему за государственным образом Петра, увековечиваемым уже в XVIII столетии).

Уже И.В. Киреевский в 1840-х предлагает трехтактную схему русской истории, в целом довольно предсказуемое приложение схематизма немецкой философии к отечественному материалу:

– тезисом в таком понимании оказывается Древняя Русь, допетровская, все многообразие которой стирается в этом негативном отнесении¹;

– антитезисом – петровская реформа и начинающаяся с нее история Империи как отчуждение от народных начал и вместе с тем необходимый в плане развития народного самосознания опыт инобытия;

– а синтезом, возвращением к тезису, но теперь уже не в непосредственной, нерелективной форме, а обретя опыт самосознания, – начинающийся здесь и сейчас третий этап, провозвестниками которого и мыслят себя участники славянофильского круга.

Философия не имела над Соловьевым такой власти, как над многими его современниками. Отдав ей дань в свое время, он в дальнейшем считал себя преодолевшим этот соблазн, обратившись к прочному научному знанию. И это верно еще и в том смысле, что, выстраивая те или иные широкие исторические картины, он чуждается притязаний на «философию истории» в смысле описания исторического процесса как целого. В конце 1930-х годов Н. Рубинштейн с должным основанием заметил, что Соловьев, то есть его «История России», оказывается наиболее зрелым плодом гегельянского влияния на русскую историческую мысль, не только продолжением, но и преодолением условной схемы «государственной теории» [5, с. 341–342; 10]. Это действительно так – в смысле гегелевской «Философии права» и «Лекций по философии истории»: для Соловьева не только по факту, но именно на уровне теоретического осмысления историей народа является история его государства. Вопреки замечаниям критиков то, что озаглавленная как «История России» она на деле повествует об истории формирования того государства, в котором теперь он создает этот труд, и отбор материала и линии изложения определяются именно этим видением, – не случайность и не ошибка, а именно продуманный и ясно сформулированный взгляд.

¹ Впрочем, отметим сразу же, что такого рода «объединение» через противопоставление возникает намного ранее – в конструкции, которую можно найти, например, у Карамзина. Для него она, в свою очередь, более чем традиционная: разделение всей истории России на «Древнюю» и «Новую», что вынесено в само заглавие «Записки...», и на рубеже 1830–1840-х годов является, в частности, основополагающим делением как университетского, так и гимназического курсов Устрялова. Тем самым «Древняя Русь/Россия» обретает некую целостность с возможностью характеризовать ее на уровне образов, например, через отсылку к московским одеяниям времен Алексея Михайловича, или выстраивать бриколажи, в которых соседствуют элементы днепровские или волховские XI столетия, суздальщина XII или XIV веков и Москва времен Ивана Грозного или князя Василия Голицына.

Историческое понимание, характеризующее зрелое творчество Соловьева, – своеобразное соединение унаследованного от 1840-х годов гегельянского взгляда и органических/позитивистских воззрений. Поскольку история разомкнута в будущее и трактуется прежде всего через творчество, то нет никакой нужды прибегать к триадической или какой-либо другой замкнутой схеме. Вместе с тем субъектами этой истории являются народы, и понимаются они натуралистически, в связи с чем возникает одна из несущих конструкций и «Публичных чтений...» – подразделение истории народа на молодость и зрелость. Вообще отметим, что в «Чтениях...» Соловьев прежде всего оперирует дихотомиями, некоторые из них прямо накладываются друг на друга. Так, Древняя Русь отождествляется с молодостью народа, возрастом преобладания чувства, тогда как Новая – со зрелостью, понимаемой как возраст разума. Последнее, впрочем, сразу же усложняет картину, лишая ее однозначности, поскольку для Соловьева, особенно в рамках публичной ситуации 1860-х годов, тезис о господстве разума сразу же связывается с опасностью для веры и нравственности, в силу чего вводится умеряющая оговорка – о зрелости как о способности умерять разум, отводить свое место вере. Одновременно мир молодости, который вместе с тем есть и мир Востока, и мир женский или, точнее, мир, в котором мужское и женское не столь противопоставлены, как в мире зрелом, Запада. Так, одеяния мужские отличаются в нем разнообразием, схожим с тем, которое характеризует женские¹, а различие в одежде возникает из своеобразия, спецификации видов деятельности – усложнения общественной жизни и одновременного изменения темпов тех, кто включен в нее (из чего рождается фрак, пусть и уродливый [см. 7, с. 72–73], как предельное сокращение камзола/кафтана – и в чем уже, можно добавить от себя, путем отсека ненужных фалд предчувствуется пиджак как одежда, уже не связанная сугубо с рабочим состоянием). В итоге получается следующий набор противопоставлений²:

Древняя Русь	Новая Россия
Молодость	Зрелость
Чувство	Разум
Женское	Мужское
Восток	Запад
Село	Город

В этом плане позиция Соловьева меняется, причем достаточно рано, и по отношению к помянутой западнической, своеобразии русского исторического процесса теперь обосновывается им не «сущностными» причинами, а ситуацией – местом развития, если отослать к более позднему евразийскому понятию «месторазвитие», и историческим окружением – борьбой со степью, с Азией, что не только «задерживает» в смысле темпов, но и определяет своеобразие истории (см. ниже, о «постоянной диктатуре» как характерной особенности Московской Руси).

Тезис, который отчетливо артикулируется Соловьевым, – равенство русских с другими европейскими историческими народами, их принадлежность к «арийскому племени – любимцу истории» [7, с. 18] «<...> если древняя Россия нам представляется в застое, то это застой относительный, это только медленность движения в известных сферах вследствие могущественных препятствий, встречаемых народом» [7, с. 29]. Соответственно, снятие этих ограничений уже в силу предложенного Соловьевым образа ведет к бурному

¹ См. парное рассуждение о положении женщины в допетровской России и о преобразованиях [7, с. 63–63, 103–105].

² В принципе, к этому же перечню противопоставлений из «Публичных чтений...» легко добавить самое, кажется, известное – из «Истории России», дерево/камень, однако оно в «Чтениях...» Соловьевым не используется.

росту, тому развитию России, хотя бы только территориальному, но не ему одному, которое можно воочию наблюдать с начала XVIII столетия.

Тема бедности, скудости России оказывается ключевой еще и в том смысле, что в риторической конструкции Соловьева Петр I предстает как воплощение преодоления скудости трудом. В актовой речи, прочитанной в Московском университете 30 мая 1872 года, Соловьев позволяет себе даже своеобразную игру слов на актуальную политэкономическую тему, заявляя:

«Великий человек <...> дает труд, а народ дает капитал, накопленный вековым развитием средств, и из этого соединения труда с капиталом идет усиленное производство исторической жизни» [7, с. 150].

Образ Петра I как работника, труженика – сквозной во всех «Чтениях...», выливаясь ближе к финалу в прямое негодование против «гнусной, развращающей пословицы: “От трудов праведных не наживешь палат каменных”» [7, с. 140]. Способность к труду, пожалуй, оказывается для Соловьева в том числе и в историческом смысле если и не тождественной, то очень близкой с творческим дарованием – призванием народов к исторической жизни.

«Публичные чтения...» прославляют Петра I как национального героя, великого человека, «народного вождя» [7, с. 166], и одним из наиболее ярких моментов именно такой трактовки Петра оказывается интерпретация принятия им императорского титула:

«С 22 октября 1721 года, когда Петру поднесен был названный титул, Россия стала империей. До тех пор в Европе был один император, император Священной Римской империи; но в Европе уже давно толковали, что Петр стремится стать восточным римским императором. Петр действительно стал императором, но не восточным римским, а всероссийским; ему не было никакого дела до Рима, и он отвергнул эту бессмысленную для России, для ее истории ветхость. Он трудился для России и с Россией, для нее и с ней он добыл императорский титул, и не отлучил родной страны от собственной славы. Только в XIX веке остальная Европа покончила с трупом Римской империи, решила похоронить его; только в XIX веке вместо Римской империи явились империи Французская, Австрийская, Германская. Но Петр целым веком предупредил это явление, первый в своем титуле указал начало народности. Великая благодарность великому человеку за то, что он неразрывно связал имя свое и своих преемников с именем своего народа, с именем родной страны» [7, с. 124].

В актовой речи в Московском университете Соловьев дает примечательный вариант той же мысли: «В христианской Европе явилась другая империя. В Западной Европе думали, что русский царь как покорный ученик будет рабствовать ее преданиям, примет титул восточного римского императора; но Петр поднимался высоко над этим рабством, перед отжившими ветхостями; он совершил свое дело с Россией и для России и не отстранил русского имени от своего имени, от имени своих преемников; он принял титул императора всероссийского, указав Западной Европе пример освобождения во имя народности от лишенных смысла преданий» [7, с. 163]¹.

¹ Великим благом оказывается – именно в национальном плане – и соединение реформ с войной: «Война с неприятелем, страшным по своему искусству, требовала чрезвычайных пожертвований от народа, чрезвычайного напряжения его сил, но это напряжение как нельзя более способствовало быстрому выходу России на новую дорогу при таком вожде, каков был Петр. Труд и опасность держат человека в бодрствующем состоянии, а это и было нужно. *Знамя народности высоко развеивается во время трудной и опасной войны, когда сильный враг входит в пределы родной страны, а это и было нужно, когда народ должен был пойти в ученье к живым и сильным народам, когда должен был признать их превосходство над собою, что вело к*

Трактовка национального, намеченная последовательными чертами в «Публичных чтениях...»¹, предсказуемо расходится как со славянофильским, так и с катковским национализмом². Об отличиях от первого мы отчасти уже говорили выше, а здесь напомним, что для Соловьева национальное оказывается воплощенным в петровской реформе, которая и разрыв, и продолжение предшествующей истории, переход из возраста юности в возраст зрелости. Соловьев возглашает перед лицом Московского университета:

«Великий человек не может делать ничего против народа, против его прошедшего, не может сделать ничего не по мере сил и потребностей народных <...>» [7, с. 149].

Для Соловьева здесь возникает доказательство «народного» характера преобразований Петра I – то, что было случайным, затем отпало, но то, что давало и дает право на имя «Великого» – осталось, а именно это, оставшееся, подтверждает, что деятельность его в своем существе не была случайна, не была произвольна³.

принижению народного духа, с одной стороны, или, с другой, к упорству в устранении всего чужого, упорству, осуждавшему на неподвижность [выделено нами – А.Т.]» [7, с. 163, ср. с. 75].

¹ Лишь напомним попутно, более ее не касаясь, раз за разом подчеркиваемую Соловьевым тему подготовки национальных кадров, использования иностранцев как специалистов, не допуская их «хозяйничать» [см., в частности, 7, с. 51, 56, 78, 86, 101]. Как отклик на имеющий уже давнюю историю сюжет с иностранцами, руководящими русской дипломатией, особенно обострившийся после Крымской войны, и общественным недовольством, выплеснувшимся на канцлера Нессельроде, символа всей предшествующей политики и ее плачевных результатов, см. [7, с. 125–127]. Тема славянской взаимности получает особенное раскрытие [7, с. 118–119], после чего Соловьев переходит к русским подданным Речи Посполитой [7, с. 119–121].

² Любопытно, что в рабочей рукописи первоначального варианта «Публичных чтений...» (о характере рукописи можно предположить по тому обстоятельству, что это писарская копия, переложенная чистыми листами) повествование начиналось с характеристики отношений России и Польши, сопоставляемых с Англией и Францией [7, с. 168–171]. В итоговом варианте Соловьев минимизировал польские сюжеты в качестве площадки для широких исторических рассуждений, резонно, надобно полагать, рассудив, что помещение «польской темы» в центр повествования о Петре Великом не только придает этой теме несоразмерное значение, но и одновременно приводит к трактовке всего петровского царствования как необходимого, но обходного пути к объединению русского народа и русских земель [ср. 7, с. 171]. «Польская тема» звучит наиболее сильно в XI чтении, когда, обращаясь к защите православного исповедания в Речи Посполитой, Соловьев замечает: «Так поднимался знаменитый диссидентский вопрос, который ровно через 50 лет после описываемых событий, в 1772 году, решился первым разделом Польши, когда знаменитая собирательница русских земель Екатерина II присоединением Белоруссии отпраздновала столетний юбилей Петра I-го» [7, с. 121]. Выше Соловьев замечает, что задача собирания остается еще не вполне выполненной: «До сих пор не все области, действовавшие как чисто русские в нашей начальной истории, входят в состав Русского государства: остается в составе чужого государства Червонная Русь, то знаменитое Галицкое княжество, о котором так часто идет речь в наших летописях» [7, с. 76].

Однако в результате он вводит в текст «Публичных чтений...» еще более любопытный тезис, объявляя: «При громе Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великий народ; но и не один народ: *при громе этой битвы родилось целое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни* [выделено нами – А.Т.]. В европейской истории наступила новая эпоха» [7, с. 93]. Тем самым польская история и сама Польша оказываются либо исключенными, не существенными для «европейской истории», либо, что более вероятно в плане подразумеваемой Соловьевым интерпретации, здесь тогда единомысленным со славянофилами, – Польша оказывается «отступницей» от славянского племени, изменяющей ему (по крайней мере в лице «высших классов»), и тем самым через ее историю «славянское племя» не включается в ход европейской истории, «племя» оказывается не действующим в ней лицом [см. 9]. Эту интерпретацию подразумеваемого Соловьевым смысла его утверждения подкрепляет рассуждение об измене Мазелы и запорожских казаков, когда «масса народная в Малороссии осталась верна русскому царю», в том числе и потому, что оно лишь несколькими фразами предшествует интересующему нас пассажи о европейской истории и славянском племени [7, с. 92].

³ Как в примере Петербурга, который остался столицей даже после того, как после Петра правительство во многом переместилось в Москву: в итоге оно возвращается в Петербург. Более того, само противопоставление Москвы и Петербурга, риторическая контроверза, столь распространенная в 1840-х годах

Еще более, пожалуй, значима возникающая мимоходом, но характерная для всего зрелого строя мыслей Соловьева-историка деталь, относящаяся к понятию «народность». Говоря о временах уже Московского царства и противостояния с Польшей, он замечает:

«<...> и здесь, на Западе, вероисповедное различие провело резкую нравственную границу русской народности, вот почему и говорим мы, что православие легло в основу русской народности, охранило ее духовную и политическую самостоятельность; под его знаменем поднялась и собралась восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшей» [7, с. 28].

«Народность» здесь тем самым предстает не чем-то исходным, лишь развивающимся во времени в смысле раскрытия изначально заложенного, а динамическим – православию не было, но стало «основой русской народности». И это бросает ответ на интерпретацию Соловьевым петровских реформ и последующей истории как развития народа именно в историческом смысле, способности к творчеству, созданию нового¹.

Соловьев подчеркивает национальный характер петровских преобразований в том числе и территориально – великорусское население идет за царем, хотя и с неудовольствием, тогда как восстаниями оно обнаруживается «на окраинах, в степях», чему дается нравственная трактовка², – прямое продолжение противопоставления «земских людей» [7, с. 27] казачеству и степи, тем, в ком «русская мысль, недостаточно установленная правильным трудом», выказала «стремление выставить этих героев леса и степи, разбойников и казаков с выгодной стороны, выставить их народными героями, в их дея-

(достаточно напомнить знаменитые тексты Белинского и Герцена) и сохранившаяся и в дальнейшем (вроде известного аксаковского призыва 1881 года к новому императору возвратиться «домой», в старую столицу), осмысливается Соловьевым как движение России по пути развития, когда каждый город берет на себя свою, особую сторону деятельности, а развитие в духе к тому времени уже «общих мест» осмысливается как рост специализации [7, с. 89–90].

¹ Отметим, что, повествуя о последнем московском стрелецком бунте 1698 года, прервавшем первое заграничное путешествие Петра, вынудив его спешить в столицу, Соловьев говорит о «бороте» и брадобритии (напомним значение бороды и борьбу со славянофильскими бородами в 1849 году [см., в частности, 3, с. 405–415; 2, с. 109]): «Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки против брадобрития <...>. Все эти выходки только вредили авторитету церкви, только усиливали значение бороды как знамени; и когда приверженцы нового возьмут верх, то, разумеется, они бросятся на враждебное знамя и сорвут его, выставят свое. И Петр сорвал это знамя, когда возвратился из-за границы в Москву в страшном раздражении против людей, выставлявших это знамя как *знамя православия и народности* [выделено нами – А.Т.] <...>» [7, с. 73].

² «Неудовольствие было и выражалось иногда резкими словами; преобразователя называли антихристом, царем ненастоящим, подменным или при самом рождении, или во время заграничного путешествия; но собственно в Великой России далее слов дело не шло. То была страна земских людей, тех сильных людей, которые в начале XVII века выдержали смуту и низложили ее и которые теперь, в начале XVIII века, выдерживали тяжести преобразования. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться на деле, восстанием против правительства сильного, разумного, благонамеренного, народного, в смысле охранения высших народных интересов, а не долгопалых кафтанов. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться восстанием против правительства, умевшего извлечь лучшие силы из народа и сосредоточить их около себя, около преобразователя: следовательно, на стороне преобразования были лучшие, сильнее нравственно люди; отсюда-то сильное, всеобъемлющее движение, которое увлекало одних и не давало укорениться враждебным замыслам других; машина была на всем ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И вот в Москве, около Москвы, во всей Великой России спокойно, несмотря на то, что царь редко живет в Москве; царя нет по-видимому, но чувствуется всюду присутствие нравственной силы, нравственного величия. Неудовольствие обнаруживается на деле, восстаниями только на окраинах, в степях. В то время, как Россия устремилась за новой жизнью к западному морю, степь, оттягивавшая столько веков Россию к Азии, степь подала протест. Степь, казаки – одно прибежище, одна надежда недовольных, которых покой был нарушен тряской, разнообразием нововводимой европейской жизни и которые хотели восстановить прежнее азиатское, степное однообразие» [7, с. 110–111].

тельности видеть протест во имя народа против тягостей и неправды тогдашнего строя государственной жизни¹. <...> Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем» [7, с. 26, 27].

Там, где Соловьев оппонирует уже катковскому национализму – по крайней мере расхожему пониманию последнего как «бюрократического национализма» [см. 1], – так в постоянном, едва ли не навязчивом акценте на общественном, способности к самодеятельности. И в этом он одновременно и сближается со славянофильством, и противостоит ему, поскольку для Соловьева петровские реформы, постоянное усилие Петра заключаются именно в стремлении вызвать общественное действие². Здесь, пожалуй, можно увидеть наибольшее удаление великого историка от собранного им самим же материала, но нас в данном случае интересует именно политическое значение его речей.

Допетровская Россия предстает в оценках Соловьева страной не только бедной, не только находящейся в ситуации постоянной угрозы и постоянного напряжения сил, «постоянной диктатуры» [7, с. 41], но и в силу этого нравственно и социально разъединенной³, держащейся именно «крепким самодержавием» [7, с. 41]:

«Экономические условия <...> не могли вести к благоприятным для нравственных сдержек отношениям, ибо эти условия заставили невооруженную часть народонаселения непосредственно кормить вооруженную. Не выработались известные сословные группы, крепкие своей внутренней сплоченностью, сознанием своих общих интересов, своих прав, определенностью своих отношений друг к другу, сознанием, которое могло поднимать нравственно каждого члена такой группы, сильного не личной силой, но своей крепкой связью с сочленами своими при равенстве между ними. Все отношения основывались на личной силе: человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного и, таким образом, преобладающим отношением было

¹ Позволим себе в дополнение процитировать часть выпущенного из цитаты, приведенной в основном тексте, фрагмента, непосредственно относящегося к 1860-м годам и обстановке общественного возбуждения тех лет: «Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности это дело не так легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; в сущности в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово вовсе нейдет к людям, которые покидали своих собратьев в их подвиге, в их тяжелом труде, и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжкого труда своих собратьев. Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов – протест, состоящий в том, чтоб мешать народному труду, мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства!» [7, с. 26–27].

² В замечании к черновой рукописи, снятом в окончательном тексте, тоже, вероятно содержится критическая отсылка к Каткову, в 1860-х увлеченному (как и целый ряд представителей правящих кругов, например, П.А. Валуев, возглавлявший Министерство внутренних дел в 1861–1867 годах) политикой Наполеона III, как внешней, так и внутренней [см. 12]: «<...> понятия о народности не было в России, потому что его не было и в Европе; развитию этого понятия мы обязаны XIX столетию; из подражания древним перешли к подражанию французам и все оттого, что народы не окрепли в своей народности» [7, с. 176].

³ Правда, с важнейшей оговоркой – со способностью к подвигу, преодолению этой разбросанности, со всей очевидностью явленной в эпоху Смуты: «<...> наше сочувствие принадлежит тем, которые своим честным, гражданским трудом созидали, охраняли и спасали; тем, которые в восточной, Московской России, несмотря на разбросанность свою по обширным, мало проходимым пространствам, умели собраться и стать как один человек, когда беда начала грозить родной стране; которые совершили не один физический подвиг, но умели очиститься нравственно, избавиться от привычки нравственного обособления, от привычки нравственного колебания, шатания, как они выражались. <...> Наше сочувствие принадлежит тем, которые великим трудом развили свои нравственные силы, окруженные варварами, сохранили свой европейско-христианский образ и стали способны под предводительством величайшего из тружеников приступить к великому делу – труду созидания новой России. Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история» [7, с. 27].

отношение господина к рабу [выделено нами – А.Т.]. Отсутствие образования, науки задерживало развитие духовных сил, не вело к появлению особых авторитетов, сильных не физической силой, не силой своего положения, но средствами исключительно нравственными» [7, с. 63].

И далее, в том же VI чтении, посвященном противоречивости Петра, соединению в нем «очень хорошего» и «очень дурного», по знаменитому отзыву курфюрстины бранденбургской Софии-Шарлотты, трактуемым Соловьевым как следствие той среды, того мира старой России, в котором он рос и в котором не имел средств обуздать себя, изжить свои действительно «очень дурные» стороны, историк утверждает:

«Тяжелая болезнь древней России происходила от розни сил; необходимым следствием была слабость, бедность результатов народной деятельности. Причина болезни сознается и предлагается лекарство – соединение сил, приучение к деятельности общества, к деятельности самостоятельной, самоуправительной» [7, с. 70].

Что дело не ограничивалось высшими слоями, что так обстояло дело и среди самой глубины народной массы, Соловьев утверждает далее:

«По свидетельству крестьянина Посошкова, крестьяне больше всего терпели от пожаров вследствие тесноты жилищ и от разбойников вследствие неразвитости общественной жизни, непривычки к общему делу – доказательство, что нигде, ни наверху ни внизу, от древней России не осталось признаков силы того, что некоторым угодно называть общинным бытом: в иной деревне, говорит Посошков, много дворов, разбойников придет немного к крестьянину, станут его мучить, жечь, пожитки его на возы класть, соседи все слышат и видят, но из дворов своих не выйдут и соседа от разбойников не выручат» [7, с. 141].

В этом плане Новая Россия предстает как выход из режима «чрезвычайного положения» [7, с. 52], «постоянной диктатуры» [7, с. 41] – переход к гражданскому правлению, долгий, но заданный реформами Петра. Они тракуются как продвижение к «самостоятельному развитию», возрастанию «гражданского духа» [7, с. 94]:

«Не на одном военном или дипломатическом поприще русскому человеку открывается практическая школа, необходимая для его самостоятельного развития. Эту школу встречаем и будем встречать повсюду; повсюду преобразователь будет требовать деятельности общества, коллегиальной формы, вследствие уразумления, что причина болезни в разрозненности действия, а *средство к исцелению – деятельность общества и деятельность самостоятельная* [выделено нами – А.Т.]» [7, с. 70].

Здесь скорее страна, народ выступают как неспособные – по крайней мере сразу – откликнуться на призыв к деятельности совместной и самостоятельной. Не случайно, что вновь к этой теме Соловьев переходит сразу же после изложения дела царевича Алексея, по поводу которого замечает: «Отец требует от сына, чтоб тот переменил свою природу, – сын считает отца мучителем <...>» [7, с. 135]. И потом рассказывает о беспорядках в московской ратуше, которой вручено верховное управление всеми российскими городами, – с аллюзией на положение дел в нововведенном российском земстве:

«купечество в Москве и городах само себе повредило и повреждает: богатые на бедных налагают несносные поборы, больше чем на себя, а иные себя и совершенно обходят» [7, с. 137].

А в следующем абзаце передает отзыв голландского наблюдателя:

«Мы упоминали, что Петр еще в начале преобразовательной деятельности, видя недостаток капиталов у русских людей, велел им соединять

свои капиталы, торговать компаниями: в Голландии сильно беспокоились этой мерой, понимая все ее значение для развития русской торговли; но голландский резидент утешил своих соотечественников, написавши им, что указ останется в бумаге, ибо у русских нет никакой привычки к таким действиям» [7, с. 138].

Эта неспособность и нежелание к совместности распространяется и на церковный быт, с чем Соловьев, сам попович, сын священника, связывает умножение белого духовенства, вследствие этого его бедность, и если не необходимость, то благотворность мер по сокращению его, «разборам», предпринятым Петром:

«<...> излишество людей в белом духовенстве поддерживалось также *господствовавшим в древней России стремлением жить особняком* [выделено нами – А. Т.]. Каждый, сколько-нибудь достаточный человек, хотел иметь свою церковь, и это желание нельзя объяснить одним благочестием, потому что был обычай и в общие приходские церкви приносить свои образа и перед ними только молиться. Желание каждого, сколько-нибудь достаточного человека, иметь свою церковь объяснялось еще затворничеством женщин, которым было неловко ходить в общие церкви, и потому, не имея домовых церквей, они ходили в церковь редко или вовсе не ходили. Обилие частных церквей обедняло приходское духовенство, притом не все, имевшие свои церкви, были в состоянии прилично содержать при них священника и прибегали к найму священников на площадях (крестцах), что представляло соблазнительное зрелище» [7, с. 142–143].

В черновой рукописи «Публичных чтений...» общий смысл трактовки петровского преобразования дан даже прямее, чем в самих «Чтениях...» и актовой речи в Университете – как переход от «хозяина» к «государству»:

«<...> он поставил на вид для русских людей другое понятие – государство, которому все обязаны служить от малого до великого. <...> Прежде при великом государе постоянно находилась его челядь, разделенная на разные чины, при важных делах государь созывал этих людей, иногда самых близких, иногда всех, и посылал за патриархом, как ему вздумается. При важнейших делах царь посылал за выборными из всех областей – это называлось Собором. Петр, оставив с младенчества дворец, переменял и эти отношения; перемена была естественна и необходима: он ставит в челе государственного управления особенное учреждение – Сенат Правительствующий <...>. Все русские должны повиноваться Сенату как государю; только в особенных случаях, когда мнение Сената расходилось с мнением Генерал-Прокурора, дела переносились на решение государя; все части управления были подчинены Сенату. Следовательно, целое учреждение явилось для русских людей в челе управления; эти люди, действовавшие в Сенате, поступали по изданным законам, их деятельность была определена инструкцією; царь уже являлся верховным блюстителем всего» [7, с. 173, ср. с. 127–128, 173–174].

В «Чтениях...» Соловьев добавляет принципиальную деталь, подчеркивая, что каждый должен подавать свое мнение от себя, совместное здесь возникает как другая сторона личного, самостоятельного [7, с. 94–95]¹. Петр предстает прежде всего как воспитатель

¹ Чуть далее Соловьев едва не прямо, со ссылкой на Петра, отзывается на переживание разочарования в реформах 1860-х годов: «Обнаружился и другой признак крайней слабости в деле самоуправления: неумение соединенными силами слабых сдерживать сильных, которые стремятся к господству, к удовлетворению своим личным выгодам за счет слабых, порозненных и потому не могущих выставить никакого серьезного

гражданственности; его военные подвиги «были результатом подвигов гражданских, небывалого гражданского мужества, небывалого гражданского труда, результатами ясного сознания, которым обладал народный вождь, сознания обязательности народного воспитания. В учреждениях, в законах, в направлении народного труда, в школе, в книге, газете, зрелище и в войне кровавой проводится постоянно один зрелый, ясный план, план воспитания народа в гражданстве» [7, с. 166].

* * *

В заключение подведем основные итоги рассмотрения «Публичных чтений о Петре Великом» как публицистического текста. Давая преднамеренно актуализированную, полную скрытых отсылок, но также и целый ряд достаточно прямых, к общественной полемике 1860 – начала 1870-х годов, Соловьев выстраивает довольно ясные контуры собственного видения Российской империи в контексте национализма:

– прежде всего он мыслит Россию как часть европейского мира, входящую в него в начале XVIII века – входящую и как самостоятельный субъект, и одновременно включая в него (по крайней мере потенциально) «славянское племя», предмет ее преимущественного политического интереса;

– Российская империя оказывается в этой трактовке империей русского народа по аналогии с более поздними примерами Французской и Германской, включающей помимо национального ядра «окраины»;

– «народность» в трактовке Соловьева предстает исторической категорией, изменяющейся не только в своих проявлениях, но и способной претерпеть изменение в самой «основе»;

– переход от Древней России к Новой, от «молодости» к «зрелости» осмысливается как переход к государству, системе неперсонализированного управления;

– воплощением «народного» оказывается – в рамках гегельянского понимания – государство, однако оно мыслится как условие самодеятельности лиц и способности к совместному, взаимодействию. А в педагогике «совместности», возможности общественного действия прежде всего определяется историческая заслуга Петра Великого.

сопротивления. Такое положение есть самое опасное для общества или учреждения, которому дано самоуправление; освобожденное от тяжести внешней власти, получивши свободу управляться само собою, выбирать из своей среды людей, которые должны заведовать его делами, общество или учреждение выбрало себе господ, которые стремятся употребить во зло свое значение могут делать это тем безнаказаннее, тем благовиднее, что они выборные представители свободного общества или учреждения, действуют во имя его. Рождается вопль: что же выиграно? Прежде не было так тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться к прежнему или, по крайней мере, переделать, изменить новое сообразнее существующим средствам; ясно, что люди неспособны к новому делу, нет людей, надобно их приготовить, воспитать: так вопят люди, не знающие, что известная деятельность и есть необходимое приготовление, воспитание. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести в искушение преобразователя. Петр выдержал искушение. Его сильно печалил неудачный ход новых дел; человека с орлиным полетом сильно оскорбляли и раздражали люди, которые, по его выражению, подобились раку в своем движении; но он не потерял веры в свое дело и в свой народ, остался верен мысли о необходимости деятельной школы, которую должен был проходить народ и в которой должен был учиться неудачами, остался верен мысли, что каждое учреждение должно иметь свою Нарву, чтоб иметь Полтаву; остался непоколебим в проведении всюду коллегиального устройства как устройства, имевшего воспитательное значение для народа» [7, с. 97–98].

Литература

1. *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016.
2. *Мильчина В.А.* «И вечные французы...»: Одиннадцать статей из истории французской и русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
3. *Мильчина В.А.* «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
4. *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в. М.: Квадрига, 2017.
5. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
6. С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка: сборник статей / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2020.
7. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом / подгот. текста, ст. и коммент. Л.Н. Пушкарева; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1984.
8. *Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра I и его идеология // *Дурновцев В.И., Тихонов В.В.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012 [1943]. С. 194–410.
9. *Тесля А.А.* Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – 1-й пол. 1860-х годов // *Философия: Журнал Высшей школы экономики.* 2021. Т. 5. № 3 (в печати).
10. *Тесля А.А.* «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна и вопрос о месте истории Западной Руси (России) в рамках общей русской истории // *Тетради по консерватизму.* 2020. № 2. С. 393–399.
11. *Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990.
12. *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

Аннотация. Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – один из наиболее известных и авторитетных русских историков, автор монументальной «Истории России» в 29 томах, создатель «обычной схемы русской истории» (М. Грушевский). При этом его политические воззрения и деятельность как публициста до сих пор оказываются на периферии исследовательского внимания. Данное эссе представляет опыт внимательного прочтения одного из самых известных и многократно переизданного текста историка, «Публичные чтения о Петре Великом». Двенадцать публичных лекций были прочитаны Соловьевым в феврале – мае 1872 года в зале Московского дворянского собрания в рамках чествования 200-летнего юбилея первого императора всероссийского. Оставляя за скобками хорошо изученное историографическое значение данной работы, мы анализируем данный текст (вместе с черновым вариантом и актовой речью, прочитанной Соловьевым на торжественном собрании Московского университета 30 мая 1872 года) с точки зрения актуально-политической для 1860-х – начала 1870-х годов проблематики, прежде всего в аспекте национализма. Соловьев предстает как оппонент одновременно и славянофилов, и катковского национализма, трактуя «народность» как историчную, динамическую категорию, осмысляя русскую нацию как часть европейских народов и вместе с тем делая особый акцент на связке современности с формированием как личной самостоятельности, самодеятельности, так и совместности, способности к общественному объединению.

Ключевые слова: земство, М.Н. Катков, национализм, общество, общественность, русский национализм, славянофильство, эпоха «великих реформ».

Andrey A. Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Institute of History, Saint Petersburg State University; Senior Researcher, Scientific Director, Russian Thought Research Centre, Institute of Humanities, Kant Baltic Federal University (IKBFU). E-mail: mestr81@gmail.com

Peter's Reforms as National: the Publicistic Aspect of S.V. Solovyov's "Public Readings on Peter the Great"*

Abstract. Sergey M. Solovyov (1820–1879) – is one of the most well-known and authoritative Russian historians, the author of the monumental work "History of Russia" in 29 volumes, and the creator of the "common scheme of Russian history" (M. Grushevsky). At the same time, his political views and publicistic activity are still not in the focus of the researchers' attention. The present article attempts to draw special attention to one of the most well-known and repeatedly reprinted work of the historian – his "Public Readings on Peter the Great". Twelve public lectures were delivered by Solovyov in February – March of 1972 in Moscow Noble Assembly hall in the context of the celebrations of the 200th anniversary of the first all-Russia emperor. Leaving aside the well-studied historiographic value of that work, the author of the article analyzes its text (together with the draft and Solovyov's commencement address at the grand meeting in Moscow University May 30, 1872) from the point of view of the currently important political problems in the 1860-ies and the beginning of the 1870-ies years, and above all, the aspects of nationalism. Solovyov appears to be at once an opponent of both Slavophiles and Katkov's nationalism, interpreting "narodnost" (national character) as historical, dynamic category, while conceiving Russian nation as part of European nations. And at the same time Solovyov emphasizes the connection of contemporaneity with the formation of personal independence, initiative, as well as compatibility and ability for public unity.

Keywords: Zemstvo, M.N. Katkov, Nationalism, Society, Community, Russian Nationalism, Slavophilism, "Great Reforms" Epoch.

* This research was supported by the grant No 19-18-00073 "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

Иван Солоневич – разрушитель «петровской легенды»

Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась.

П.Я. Чаадаев

От Петра до Александра I включительно самодержавной монархии у нас не было, ее заменяла гвардейская казарма.

И.Л. Солоневич

Роль Петра I в русской истории обычно рассматривается в рамках стандартной схемы: Петр-«европеизатор» против «отсталой» допетровской России. Такая постановка вопроса уже изначально основана на определенном мифе о Петре и о русской истории в целом. Предполагается, что: 1) Россия всегда «отставала» от Европы; 2) ей нужно было «европеизироваться»; 3) эту «европеизацию» осуществил Петр, и без него ее не было бы. Однако все три названные презумпции могут оказаться ложью, а в таком случае и весь большой миф о Петре рассыпается, как карточный домик.

Исторических фактов, которые полностью разрушают «петровский миф», к настоящему времени накоплено более чем достаточно, однако этот миф продолжает держаться и среди историков, и тем более в массовом сознании по двум причинам. С одной стороны, профессиональные историки – это, как правило, «люди одной темы», которые разрабатывают на архивных материалах свой весьма узкий круг вопросов, а во всех остальных вопросах просто подчиняются общему мнению и боятся против него возражать, чтобы не вступить в конфликт со своей профессиональной средой. С другой стороны, на уровне массового сознания имеет место обычное невежество, и люди просто верят в мифы, услышанные еще в школе, и почти не знают истории как таковой. В такой ситуации разрушить исторический миф могут авторы, которые, с одной стороны, знают историю, но не принадлежат к «профессиональной среде» с ее корпоративными табу; с другой – в отличие от обычных «эмпирических» историков, имеют способность к теоретическому, масштабному мышлению. Поэтому нет никакого парадокса в том, что в наше время наиболее ценные и содержательные исторические концепции создаются и обсуждаются, как правило, в сфере публицистики, а не в сфере академической

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

историографии. В публицистике работают не узкие эмпирики-«специалисты», а историки-эрудиты, способные к теоретическому и историософскому мышлению. Эта ситуация возникла еще в XIX веке, а в наше время стала нормой.

К числу таких авторов принадлежал выдающийся русский мыслитель И.Л. Солоневич, который в своем классическом труде «Народная монархия» много места посвятил опровержению «петровского мифа» как чрезвычайно вредного заблуждения, которое имело самые тяжелые и роковые последствия для России, лишив ее адекватного исторического самосознания. В наше время прозрение И.Л. Солоневича стало особенно актуальным и требующим своего дальнейшего развития и обоснования, поскольку в данный момент Россия делает фундаментальный поворот в своем развитии, становясь особой, суверенной, независимой от Запада цивилизацией. Этот принципиальный поворот во внешней и внутренней политике должен обеспечиваться новым историческим самосознанием, однако последнее до сих пор не развито – в первую очередь благодаря господству «петровского мифа» как в головах интеллектуалов, так и в массовом сознании. Без разрушения этого мифа достичь цивилизационного суверенитета России в принципе невозможно. Тем самым разрушение «петровского мифа» сейчас не менее важно для восстановления суверенитета России как страны-цивилизации, чем операция на Украине. Целью данной статьи является краткий анализ концепции И.Л. Солоневича с опорой на исторические факты. Русский мыслитель начал ту «перекодировку» исторического сознания, которая жизненно необходима.

А.С. Панарин справедливо указывал на явное противоречие между научными мифами и реальной историей России – «между величественными результатами реального исторического бытия России и ее якобы извечной “отсталостью”»; и поэтому, настаивал он, нам необходимо исследовать «генетические программы, тянущиеся от прошлого к будущему и образующие логику национального бытия» России, чтобы выйти из «роли пассивных адептов чужих теорий и чужого опыта» [11, с. 112, 117]. Этот императив определяет судьбу России: если ее историческое самосознание не будет «перекодировано» с рабской «самоколонизации», заданной Петром I, на следование собственной цивилизационной модели, у нашей страны не окажется будущего даже несмотря все нынешние успехи в разных сферах.

Обычно считается, что первыми критиками Петра I были славянофилы. Это действительно так, однако славянофилы критиковали только духовные аспекты деятельности Петра и ее последствий, но в прагматическом аспекте считали ее неизбежной и необходимой. Так, например, А.С. Хомяков в известной статье «О старом и новом» писал: «Алексей Михайлович заводит армию на лад западный; Феодор уничтожает местничество, сделавшееся бесполезным для власти и вредным для России, и, наконец, является окончательный подвиг; воля железная, ум необычайный, но обращенный только в одну сторону, человек, для которого мы не находим ни достаточно похвал, ни достаточно упреков, но о котором потомство вспомнит только с благодарностью, – является Петр. Об его деле судить я не стану» [19, с. 461]. Как видим, А.С. Хомяков оценивает Петра двойственно (и похвалы, и упреки), но вместе с этим, во-первых, указывает на то, что Петр был только *продолжателем* преобразований, а не их основоположником (и это уже не соответствует мифу); во-вторых, отказывается судить о «его деле», а это явно указывает на то, что Хомяков хотел бы выразиться определеннее, но не хочет вступать в противоречие с общей точкой зрения.

А.С. Хомяков отмечал более высокий уровень развития гражданских свобод и самоуправления в допетровской России, чем в Европе того же времени: «с равенством, почти совершенным, всех сословий, в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей. Мы этому имеем множество доказательств, и даже самые злые враги древности русской должны ей отдать в сем отно-

шении преимущество перед народами западными. Власть представляет нам явные доказательства своего существования в распространении России, восторжествовавшей над столькими и столь сильными врагами, а дружба власти с народом запечатлена в старом обычае, сохранившемся при царе Алексее Михайловиче, собирать депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных» [19, с. 458]. Вот, например, как в изложении А.С. Пушкина, происходило избрание царем Петра Первого на малом Земском соборе в Москве: «Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиные, и черных сотен, и иных имен люди единогласно избрали царем Петра. Патриарх говорил потом боярам и окольным и думным и ближним людям, и они были того же мнения» [12, с. 22]. Как видим, на соборе царя избирали в том числе и простые горожане – «черные сотни». После Петра такое соборное избрание царя стало уже невозможным – «народная монархия» сменилась «диктатурой бюрократии» (И. Солоневич). Но даже не это стало главным разрушительным следствием петровских «реформ», а формирование нового «светского» общества, отделившегося от основной массы православного народа. Как писал А.С. Хомяков об этом новом обществе, «целая бездна разделяет их от духовной жизни Святой Руси, от ее основ и от ее общения» [18, с. 186]. Это вполне естественно, поскольку, по горько-ироническому выражению другого классика-славянофила К.С. Аксакова, Петр I «стоял за исключительную национальность, только не свою, а западную, и повсюду истреблял всякое выражение русской жизни, всякое русское явление» [1, с. 323].

Характерно, однако, что первым радикальным критиком Петра I был вовсе не славянофил, а вполне «западник» по своим убеждениям Л.Н. Толстой. В своей рукописи, опубликованной уже в советское время, он писал: «Съ Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкіе и понятные намъ ужасы русской исторіи. Бѣснующійся, пьяный, сгнившій отъ сифилиса звѣрь 1/4 столѣтія губить людей, казнить, жгетъ, закапываетъ живыхъ въ землю, заточаетъ жену, распутничаетъ, мужеложствуетъ, пьянствуетъ, самъ забавляясь рубить головы, кощунствуетъ, ѣздитъ съ подобіемъ креста изъ чубуковъ въ видѣ дѣтородныхъ членовъ и подобіями Евангелій – ящикомъ съ водкой славить Христа, т.е. ругаться надъ вѣрою <...> разоряетъ Россію и казнить сына и умираетъ отъ сифилиса, и не только не поминаютъ его злодѣйствъ, но до сихъ поръ не перестаютъ восхваленія доблестей этаго чудовища, и нѣтъ конца всякаго рода памятниковъ ему» [17, с. 568]. Все перечисленные здесь Л.Н. Толстым факты вполне достоверны и заставляют задуматься: как могло такое произойти, чтобы это «чудовище» оказалось не только положительным персонажем русской истории, но и, более того, почитается «великим человеком». Это можно объяснить только внушением мифа о «великом преобразователе», который не критически принят на веру и заставляет «не замечать» все, что ему противоречит.

В наше время критическое отношение к личности Петра I вопреки существующим предрассудкам свойственно не только «славянофилам», но также и многим западникам. Борис Чичибабин в стихотворении «Проклятие Петру» (1972) писал: «Будь проклят, император Петр, / Стеливший душу, как солону! / За боль текущего былому / Пора устроить пересмотр. / От крови пролитой горяч, будь проклят, плотник саардамский...». Поэт называет его «ратником сатаны»: «Будь проклят тот, кто проклял Русь!». Уже со времени Петра I подлинная Россия находится в «подполье»:

А Русь ушла с лица земли
в тайнохранительные срубы,
где никакие душегубы
ее обидеть не могли.

Из последних публикаций характерны книги известного публициста, доктора философских и кандидата исторических наук А.М. Буровского, поскольку автор является радикальным западником и обличает Петра не за то, что он якобы «прорубил окно в Европу», а как раз наоборот, что он это окно заколотил досками и резко затормозил европеизацию России, которая успешно шла своим естественным ходом до него и без него. Принеся только разрушения русскому народному и государственному организму, он заставил Россию почти сто лет приходить в себя от этой катастрофы, вместо того чтобы нормально развиваться. Очень красноречиво уже название одной из книг: «Петр Окаянный. Палач на троне» (2013). А в книге «Пётр Первый – проклятый император» (2009) А.М. Буровский отмечает: «стоит отвлечься от школьных учебников и проанализировать подлинные исторические источники – и мы обнаружим, что в допетровской России XVII века уже было все, что приписывается Петру: от картофеля и табака до прекрасного флота и вполне современной для того времени армии. На самом деле Петр не создал, а разрушил русский флот. Реформы Петра привели к развалу экономики, невероятному хаосу в управлении и гибели миллионов людей. А на месте богатой и демократичной Московии возникло нищее примитивное рабовладельческое государство. Миф о Петре Великом и его “европейских реформах” живет до сих пор и в книгах, и в душах. Давно пора разрушить эту опасную ложь, мешающую нам знать и уважать своих предков» [6, с. 3].

Можно спорить с этой концепцией, но она показательна тем, что на богатом фактическом материале показывает историю именно в том ракурсе, в котором ее впервые увидел именно И.Л. Солоневич. Он создал гениальную концепцию русской «народной монархии» как исконной формы политической власти в России и показал, что ее главным основанием является евангельское воспитание народа. Согласно этой концепции, в России на протяжении многих веков ее самостоятельного развития в допетровскую эпоху был реализован идеал народной монархии, принципиально отличающийся от западной модели сословной монархии (абсолютизма), однако затем Петром I была силой навязана западная модель, которая в конце концов и привела к ее крушению в 1917 году. Идеал народной монархии основан на народном самоуправлении и главенстве царя в первую очередь в его религиозном статусе – как помазанника Божия, несшего особую ответственность перед Богом за свой народ. Почитание народом царя поэтому было в первую очередь не политическим, а нравственным отношением, признаком праведности народа. Архим. Константин (Зайцев) отмечал: «“Симфония”, которая Царя и Церковь сливала в гармоническое единство, распространялась на все народно-государственное бытие, делая, тем самым, всю совокупность повинностных обязанностей, охватывавших население, системой послушаний, поддающихся пониманию в своей истинной сущности в свете только одного сопоставления: с монастырем! Нес ли кто тягло, нес ли кто службу, то есть выполнял ли кто повинность чисто исполнительного характера, или получал задание проявлять на ту или иную форму власти, все едино: пред Богом и Царем выполнял каждый беззаветно свое все жизненное “послушание”, будучи движим сознанием чего-то неизмеримо большего, чем все то, что может быть выражено в терминах общественно-государственных» [4, с. 305].

Поэтому русская политическая мысль, по И.Л. Солоневичу, может быть русской тогда и только тогда, когда она будет исходить из русских исторических и мировоззренческих предпосылок. Однако в послепетровскую эпоху, когда появилось «образованное сословие», этот идеал стал непонятен для этих людей, мысливших по европейскому шаблону: «Русский царизм, – писал И.Л. Солоневич в статье «Миф о Николае II», – был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. “Диктатура совести”, как и совесть вообще, – не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, – совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок

русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта «наука» пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять; русская наука ничего и не поняла. В «возлюби ближнего своего, как самого себя» никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?» [14, с. 100]. Русская народная монархия была построена на принципе служения Богу, а все частные формы социальности были подчинены именно этому главному принципу.

Русский православный социальный идеал можно определить как агиократию, то есть власть святых. Агиократия – понятие, введенное П.И. Новгородцевым [10]. Слово «агиос» переводится с греческого как «святой», и этот термин означает социальный строй, в основе власти которого лежит реализация высших христианских ценностей. Понятие агиократии выражает не внешнюю форму социального устройства, но самый существенный, онтологический аспект социального идеала, свойственного русскому традиционному обществу. В любом традиционном обществе социальный идеал связывается в первую очередь не с внешними – политическими и экономическими – формами жизни, а с нравственным состоянием общества. В цели этот идеал можно определить как всеобщее стремление к праведности – жизни по заповедям Божиим. Внешние формы организации социальной жизни при этом тоже важны, но уже второстепенны. Относительно того, насколько был укоренен идеал агиократии в реальной народной жизни, существует много исторических свидетельств иностранных авторов. Вот, например, свидетельство папского посла иезуита Альберта Пигия, который приехал в Россию, для того чтобы разведать возможность обращения ее в католичество. Но он понял, что это невозможно, поскольку в трактате «Новая Московия» (1523) в главе «О нравах и религии московитов» писал так: «думается, они живут согласно Евангелию Христову лучше, чем мы. Ибо среди них великим и гнусным преступлением считается лгать и обманывать друг друга. О прелюбодеянии, разврате, распутстве слышно у них редко. Противоестественные пороки не известны вовсе. Ложные клятвы и богохульства для них неслыханное дело, но к Богу и святым они питают столько почтения, что перед знаком распятия, где бы им ни довелось его встретить, они благоговейно падают наземь. Причащаются часто, едва ли не всякий раз, когда собираются в церкви, но по своему обряду, то есть квашеным хлебом и под обоими видами <...> В их церквях нельзя увидеть ничего легкомысленного, ничего языческого, но все молятся, пав на лицо либо на коленях, до того благочестиво, что я частенько слышал, как родитель мой и многие другие почтенные люди, жившие бок о бок с московитами довольно долго, немало превозносили их праведность по сравнению с нашей» [2, с. 140]. Стоит отметить, что существуют и явно русофобские трактаты XVI–XVII веков, в которых русские изображаются в самых негативных чертах. Однако анализ показывает, что эти трактаты уже изначально писались на заказ в целях русофобской пропаганды; кроме того, их авторы не видели русского народа как такового, поскольку жили в узком кругу людей, которые во всем старались подражать иностранцам. Именно с них и были списаны карикатурные характеристики якобы «русских».

Помимо выдающихся духовных качеств русского национального характера, становлению полиэтнического конгломерата Русского мира способствовал и особый характер русского государства как создателя общества по типу большой общины, интересам которой изначально подчинены все частные интересы. И именно русский народ оказался способным ответить на вызов этой объективной необходимости и создать соответствующую цивилизационную модель – только благодаря своим особым качествам, воспитанным Православием. Первым из таких качеств было жертвование социальным эгоизмом ради

полноты нравственной и духовной свободы служения Руси как защитнице истинной веры. Вот как пишет об этом архим. Константин (Зайцев): «Все, и властвующие и подвластные, разнствуют лишь формами зависимости – будь то “служба” властвующих или “тягло” подвластных. Никто не скажет: это – мое, и действую я по моему личному праву. Не представимо то для Московской Руси, и в этом все равны, и селянин, и купец, и промышленник, и боярин, и даже владетельный князь, способный поспорить о родовитости с Царем. О распределении благ спорить можно, и тут действуют обычные формы гражданского оборота и обмена, как и обычные формы судебного разбирательства. Но обладание благом не есть личное право, а есть основание для несения обязанности – и все разнятся лишь формой и объемом таковых, в системе всеобщего тягла и всеобщей службы. Знаем мы один образ отстаивания своего “права”: это когда нарушалось “место” в несении службы. Но и тут отстаивалась служилая честь, а никак не личное право <...> Московская Русь вынуждена была сплавиться в монолит обязательной службы и обязательного тягла: только такой Русь могла – быть» [4, с. 172].

Однако затем, как писал И.Л. Солоневич, эта «старая московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника (до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие). Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культурную роль: духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), были насильно отрешены от всякого активного участия во всех видах этого строительства» [14, с. 49]. В целом «народная монархия» реализовала тот русский социальный идеал «государства-семьи», который остается вполне неизменным на протяжении всей русской истории вплоть до настоящего времени, а отступления от него приводят к разрушению государства [7]. Западная модель светского абсолютизма была создана Петром I вместо русского православного царства и тем самым фактически была государственным переворотом «сверху», который уже неизбежно вел к катастрофе 1917 года.

Суть русской «народной монархии» состоит не в ее внешних формах осуществления, а в сакральном содержании как священного Царства – Третьего Рима, Катехона («Удерживающего»), противостоящего мировым антихристовым силам. Впрочем, Солоневич рассматривает только «внешние» политические формы и почти не касается высшего, сакрального смысла русской государственности. Однако губительность заимствования западных теорий он сформулировал очень ярко: «невооруженная интервенция западноевропейской философии нам обошлась дороже, чем вооруженные нашествия западноевропейских орд. С Наполеоном мы справились в полгода, с Гитлером – в четыре года, с Карлом Марксом мы не можем справиться уже сколько десятилетий» [14, с. 51]. Умение смотреть на себя и свою историю собственными глазами, а не через призму чужих идеологий – цель И.Л. Солоневича.

Особое внимание Солоневич уделяет «преобразованиям» Петра I как «модели» всех последующих катастроф («Великий Петр был первый большевик», – еще раньше написал Максимилиан Волошин). При этом он указывает на живучесть «петровского мифа» в общественном сознании как чрезвычайно вредное явление, лишаящее Россию ее подлинного исторического сознания: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения» [14, с. 40]. Даже его предшественник в исследовании природы русской монархии, Лев Тихомиров, «отдает дань официальной фразеологии» о «величии» Петра,

но, «отдав дань, делает некоторые выводы. “Учреждения Петра были фатальны для России и были бы еще вреднее, если бы оказались технически хороши. К счастью, в том виде, в каком их создал Петр, они были еще неспособны к сильному действию”» [14, с. 41]. Этот явное противоречие акцентирует И.Л. Солоневич, показывая, как миф о «великом Петре» разрушается силой фактов. Принципиальный факт состоит в том, что «От Петра I до Николая II монархия была лишена той “системы учреждений”, о которой говорит Тихомиров, и эта система была заменена “средостением между Царем и Народом”» [14, с. 55]. При этом «если сам Петр I и играл в этом какую бы то ни было роль, то чисто пассивную роль прикрытия над теми социальными силами, которые после разгрома патриархата при патриархе Никоне занялись разгромом монархии при Петре и в XVIII веке достигли почти полного успеха. Л. Тихомиров так и пишет: “Монархия уцелела только благодаря народу, продолжавшему считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа”» [14, с. 42]. Таким образом, после Петра I государство оставалось сильно и жизнеспособно лишь благодаря монархическому сознанию народа, служившему ему верой и правдой, – как раз *вопреки* тем нововведениям по образцу Запада, которые разрушали саму основу этой силы. Однако это уже не могло продолжаться бесконечно, и катастрофа наступила в 1917-м. Фундаментальная причина катастрофы 1917-го, по И.Л. Солоневичу, в том, что «вся та политическая конструкция, которая возведена была в России в результате петровских реформ, была нерусской конструкцией и никак не устраивала русский народ. Советская революция есть логическое завершение или логический результат именно этой конструкции» [14, с. 45].

Основа русской народной монархии в допетровскую эпоху состояла в том, что она выросла «снизу» как результат самоорганизации и мобилизации народа в условиях перманентной внешней опасности. По сути, русская народная монархия была одной огромной русской крестьянской общиной, выдвинувшей из себя представителей высших сословий, не утративших связи с основной массой народа ни по мировоззрению, ни по образу жизни. Образ жизни самого царя практически ничем не отличался от образа жизни крестьянина, за исключением только более высокого материального благосостояния, но оно в то время на общий образ жизни практически никак не влияло. В рамках «народной монархии» социальная дифференциация на сословия и профессиональные сообщества не приводила к их взаимному отчуждению и борьбе друг с другом и с царем за «права», но сохраняла принцип соработничества в рамках модели общества как большой семьи.

Подавляющее большинство русских правителей до 1917 года были выдающимися деятелями, а некоторые из них даже святыми подвижниками, канонизированными Церковью. В рамках такой политической культуры требовался не контроль над ними, а духовное единство царя и народа. Оно существовало до тех пор, пока и народ, и царь, воспитанные Православной Церковью, были ее верными чадами. Но как только сначала царь Петр, а затем двести лет спустя и сам народ предали эту традицию, это обернулось катастрофой для государства. Однако такой тип политической культуры до настоящего времени еще не вошел в научные классификации в рамках политической теории, и поэтому адекватное понимание русской политической истории в период до 1917 года остается невозможным. Политическая культура доверия народа к власти и власти к народу, основанная на их духовном единстве в рамках Церкви – это культура жизненного подвига на основе евангельского идеала жертвенного служения Правде. Московская Русь была создана живым воплощением такого идеала в лице первых великих князей Московских и их героического народа.

Но когда это здание народной монархии было разрушено Петром I и на его месте поставлена европейская модель «абсолютизма», историки России были вынуждены находить этому оправдания. Поэтому, как пишет И.Л. Солоневич, «усилиями поколений историков был создан фундамент петровской легенды» [14, с. 522]. Собственно, историкам и

некуда было деваться – если тезис о том, что Петр I является «великим преобразователем», задан изначально и не подлежит обсуждению, то им приходилось искать все возможные и невозможные аргументы для его обоснования. Ситуация весьма похожая на ситуацию в СССР, где марксизм был общеобязательной догмой, а отступление от него было уголовным преступлением. Поэтому, как отмечает Солоневич, «если исключить историю СССР, то, как мне кажется, никогда у нас не громоздилось столько вранья, упорного, научного и настойчивого, как в описаниях и оценке “славных дней Петра”, похоронивших под собой старую Московскую Русь» [14, с. 496]. В этом усиллии, достойном лучшего применения, историкам помогал тот факт, что Петр I, действительно, был весьма неординарным явлением: «Он, конечно, действовал на воображение. Несколько дальше мы увидим, как это воображение подчинило себе элементарнейшие логические способности даже и таких объективных историков, как Ключевский. Эпоха Петра, как бы ее ни оценивать, является крутым и почти беспримечным в своей резкости переломом в русской истории. Со значением этого перелома можно сравнивать только битву при Калке и Октябрьскую революцию» [14, с. 499].

Однако, как пишет И.Л. Солоневич, «зрелище получается поистине занятное: Екатерина II и теоретик русского монархизма Л. Тихомиров, с одной стороны, Сталин и теоретики революции Маркс и Энгельс – с другой, трогательно сходятся в оценке петровской гениальности. Какой другой деятель мировой истории может похвастаться столь разношерстными почитателями!» [14, с. 501]. Действительно, это очень странно. Однако не так уж трудно найти тот «общий знаменатель», к которому в конечном счете сводилось восхваление Петра I у столь различных его почитателей. Это не что иное как ненависть к исконной православной России – Святой Руси. Именно эта ненависть объединяла в почитании этого тирана столь разных людей. (Л. Тихомиров оказался единственным исключением из правила – он был весьма подвержен внушениям «классической русской историографии»).

Соответственно, в основу «петровского мифа» положена ложь о том, что Петр I якобы «боролся с варварством» и «делал из русских людей». Такой взгляд уже сам по себе является расистским и мало отличается от идеологии, изложенной в «Майн кампф», однако в него верят и либералы, и коммунисты. И.Л. Солоневич разъясняет им самую элементарную вещь, которую они не понимают: «Москва считала себя Третьим Римом, “а четвертому не быть”, а москвич считал себя последним, самым последним в мире оплотом и хранителем истинного христианства. Комплексом неполноценности Москва не страдала никак. И петровское чинопроизводство “в люди” москвичу решительно не было нужно» [14, с. 504]. Современные русские православные люди в этом отношении ничем не отличаются от людей допетровской России, и поэтому точно так же имеют все основания считать Петра I «антихристом», как и их благочестивые предки.

Впрочем, такое отношение к Петру I никогда и не исчезало, хотя на него и было наложено табу в официальной культуре. Тем не менее, как напоминает И.Л. Солоневич, «известен толстовский отзыв о “Великом Преобразователе” [приведен выше – В.Д.]. По политическим условиям старой России он, конечно, опубликован быть не мог» [14, с. 505]; «П. Милюков рисовал Петра прежде всего как растратчика народного достояния» [14, с. 505], а «Мережковскому в Петре мерещился его старый приятель – Антихрист» [14, с. 505] (в полном согласии с народным мнением). Почему же этот вопрос стал столь актуальным для русской эмиграции? Как писал Солоневич, «наше поколение, благодарение Богу, заплатив за очередные эксперименты миллионами 40–50 русских жизней и исковерканными собственными, заслужило право обходиться без постаментов, экспериментов, легенд и вранья. Мы, кроме того, самолично присутствовали при крушении всего “дела Петра” – исчезла петровская империя» [14, с. 508]. А после этого СССР «строил свои сталинские парадизы на тех же костях, на коих были построены петровские» [14, с. 508]. Именно это

заставило Солоневича исследовать такую удивительную схожесть двух тиранов – Петра и Сталина. Он поставил радикальную цель: «постараемся прежде всего отскрести образ Петра от всех тех легенд, апокрифов и вранья, которыми его так тщательно замазывали на протяжении более чем 200 лет» [14, с. 509].

Свой анализ И.Л. Солоневич начинает с самого принципиального и показательного факта – глумления Петра I над Православной Церковью. Даже «Тихомиров говорит, что греческой Церкви при турках было лучше» [14, с. 559]. В свою очередь, «описывая европейскую благовоспитанность, историки становятся в тупик перед петровскими антирелигиозными и прочими безобразиями: откуда бы это взялось? Поехал человек в Европу в целях закупки и импорта в Россию всяческой цивилизации и благовоспитанности, а привез такие вещи, за какие 200 лет спустя даже большевики своих воинствующих безбожников по головке не гладили? Я не буду повторять этих вещей: они всем известны – ряд неслыханных кощунств, организованное издевательство над Церковью, беспробудное пьянство» [14, с. 510]. Однако на самом деле ничего удивительного в этих действиях нет – они как раз и являются самой радикальной «европеизацией» России. Но для того чтобы это понять, нужно только снять шоры со своего ума и отказаться от наивного мифа о том, что Европа – это «цивилизация», а Россия – «варварство». Это миф, который является основой «петровского мифа» как своего частного выражения, в чем-то имеет отношение к действительности, но только в самых второстепенных сферах жизни. Но в самых главных – он ложен, поскольку дело обстоит прямо противоположным образом.

Фундаментальный факт состоит в том, что именно Россия, а не Запад, сохранила не поврежденную ересями аутентичную христианскую традицию – Православие. Поэтому в этом самом фундаментальном вопросе Россия – это христианская цивилизация, а Европа – уклонение от нее в варварство. Это навсегда дано как историческое а priori. Из этого а priori вытекают уже эмпирические следствия. Одно из них состоит в том, что «европеизацией» объясняются и петровские кощунственные выходки. Описывая их, историки никак не могут найти для них подходящей полочки. В Москве этого не бывало никогда. Откуда же Петр мог бы заимствовать и всепьянейший собор, и непристойные имитации Евангелия и креста, и все то, что с такою странной изобретательностью практиковал он с его выдвиненцами?.. подхватив лютеранские методы издевки над католицизмом, Петр только переменял адрес – вместо издевательств над католицизмом стал издеваться над православием. Этого источника петровских забав наши историки не заметили вовсе» [14, с. 515–516]. Да, кощунственное сжигание Креста – символа нашего спасения – это обычная практика протестантов в эпоху религиозных войн, которая в США дожила даже до XX века в практике Ку-клукс-клана. И Петр I просто перенес в Россию эту «самую передовую» и очень «европейскую» практику, причем именно с нее и начал свои «великие преобразования». В самой России такого варварства не было никогда.

И это совершенно не удивительно, если вспомнить, как воспитывался Петр I. И.Л. Солоневич напоминает об этом: «Первоначальной общественной школой Петра был Кокуй с его разноплеменными отбросами Европы, попавшими в Москву на ловлю счастья и чинов. Если Европа в ее высших слоях особенной чинностью не блистала, то что уж говорить об этих отбросах. Особенно в присутствии царя, обеспечивавшего эти отбросы от всякого полицейского вмешательства. Делали – что хотели. Пили целыми сутками – так, что многие помирали. И не только пили сами – заставляли пить и других, так что варварские москвичи бежали от царской компании, как от чумы» [14, с. 516]. Таким образом, если не считать раннего домашнего образования, где царевич, как и все в то время, учился читать по Псалтири, то во всем остальном он был воспитанником сборища бежавших из Европы полукриминальных проходимцев, то есть людей «социального дна».

Но дело здесь не только в этом «дурном обществе», а вообще в том, что в это время представляла собой якобы «цивилизованная» Европа. Вторым после кощунств нововведением Петра I стали массовые публичные казни, в которых он сам принимал участие. Такого в России не было даже во времена Ивана Грозного, а в Европе публичные казни вплоть до середины XIX оставались самым популярным массовым развлечением, на которые народ ходил, как сейчас ходят на футбол – многотысячными толпами. «Не следует, впрочем, преувеличивать размаха этих казней, – иронически отмечает Солоневич, – всего было казнено 1200 человек. Западная Европа в аналогичных случаях отправляла на тот свет десятки тысяч» [14, с. 524]. Например, «в Англии, куда Петр направил свои стопы из Саардама, при одной Елизавете было повешено и казнено другими способами около девяноста тысяч человек. Вся Европа билась в конвульсиях войн, голода, инквизиции и эпидемий – в том числе и психических: обезумевшие женщины Европы сами являлись на инквизиционные судилища и сами признавались в плотском сожителстве с дьяволом. Некоторые местности Германии остались в результате этого совсем без женского населения» [14, с. 512]. В России, как известно, никогда не было ничего подобного инквизиции, которая в Европе просуществовала до начала XIX века, – и это в то время как в России уже в середине XVIII была фактически отменена смертная казнь как таковая.

Относительно внедрения Петром I норм европейского террора И.Л. Солоневич приводит такую впечатляющую статистику: «по “Уложению” царя Алексея Михайловича смертная казнь полагалась за 60 видов преступлений, по современному ему французскому законодательству – за 115, а Петр ввел смертную казнь за 200 – это называется “воспитывать без кнута и застенка”. Отечественные историки не могли, конечно, не знать, что наши “застенки” были детской игрушкой по сравнению с западноевропейскими нравами и обычаями» [14, с. 512–513]. И не только в отношении казней. Дело в том, что в Европе в то время еще одним массовым популярным зрелищем были публичные пытки преступников. Что они собой представляли, можно составить впечатление по их точным описаниям в «Тарасе Бульбе» – Н.В. Гоголь был профессиональным историком и опирался на документальные источники. Остается лишь добавить, что ничего подобного никогда не было в России – даже во времена Ивана Грозного. Пресловутая опричнина, которая существовала всего несколько лет, тоже была европейским заимствованием – фактической копией организации Ливонского рыцарского ордена. После его разгрома царь принял на службу некоторых рыцарей, и они подсказали ему это нововведение. Но даже эти «иностранные специалисты» не решились ввести в России свои правила, и публичные пытки здесь так и не появились.

В итоге Солоневич делает совершенно справедливый вывод: «Сказка о сусальной Европе и варварской Москве есть сознательная ложь. Бессознательной она не может быть: факты слишком элементарны, слишком общеизвестны и слишком уж бьют в глаза. И ежели Петр привез из Европы в три раза расширенное применение смертной казни, борьбу с банями и еще некоторые другие вещи, – то мы имеем право утверждать, что это не было ни случайностью, ни капризом Петра: это было европеизацией: живет же просвещенная Европа без бань? – нужно ликвидировать московские бани. Рубят в Европе головы за каждый пустяк? – нужно рубить их и в Москве. Европеизация – так европеизация!» [14, с. 514]. Возможно, стилистически выводы И.Л. Солоневича выглядят слишком публицистично, но это никак не отменяет их достоверности. Он продолжает: «Кровь и грязь были в Москве, но в Москве их было очень намного меньше. И Петр с той поистине петровской “чуткостью”, которую ему либерально приписывает Ключевский, вот и привез в Москву: стрелецкие казни, личное и собственноручное в них участие – до чего московские цари, даже и Грозный, никогда не опускались; привез Преображенский приказ, привез утроенную порцию смертной казни, привез тот террористический режим, на который так трогательно любят

ссылаться большевики. А что он мог привезти другое? Технику и прочее привозили и без него. Ассамблеи? Нужно еще доказать, что принудительное спаивание сивухой – всех, в том числе и женщин, было каким бы то ни было прогрессом по сравнению хотя бы с московскими теремами, где москвички, впрочем, взаперти не сидели – ибо не могли сидеть: московские дворяне все время были в служебных разъездах, и домами управляли их жены» [14, с. 517]. Ирония Солоневича здесь более чем уместна, поскольку именно эти «ассамблеи» – фактически просто сборища для пьянства и разврата, в которых обычно принимал участие сам Петр I лично, насильно спаивая всех присутствующих, даже в учебниках подаются как признак «цивилизации».

Наконец, И.Л. Солоневич абсолютно прав и в своей политической характеристике: «слишком элементарен и тот факт, что государственное устройство огромной Московской империи было неизмеримо выше государственного устройства петровской Европы, раздиравшейся феодальными династическими внутренними войнами, разъедаемой религиозными преследованиями, сжигавшей ведьм и рассматривавшей свое собственное крестьянство как двуногий скот – точка зрения, которую петровские реформы импортировали и в нашу страну» [14, с. 517–518]. Тогда возникает естественный вопрос: а было ли вообще в тогдашней Европе что-то вообще настолько ценное, что требовало немедленного заимствования в России? Как пишет И.Л. Солоневич, было: «кое-что из технических мелочей, достигнутых всем тогдашним человечеством, от которого Москва столь долго была изолирована» [14, с. 518]. Да, кое-что из ремесленных мелочей заимствовать было нужно, но для этого вовсе не нужно было устраивать тот цивилизационный погром России, который устроил Петр I. Более того, такие заимствования происходили всегда и совершенно «автоматически», то есть без каких-либо специальных усилий государства. На самом деле не нужно было «прорубать окно в Европу», поскольку туда до Петра I всегда были открыты настежь ворота. Не было в Европе ни одной такой «мелочи» – от моды до военного дела, – которая бы моментально не появилась в Москве.

Поэтому в упоминании пресловутой «изоляции» Солоневич изменяет своему трезвому взгляду на историю и тоже подчиняется ходячему мифу, который стоило бы проверить на степень его достоверности. Даже тот элементарный факт, что московский Кремль построен под руководством иностранцев, не пришел ему на память. Или то элементарное обстоятельство, что немецкая слобода Кукуй в Москве уже была так авторитетна, что сам царь в ней воспитывался. Начиная с эпохи Ивана Грозного около четверти численности русской армии всегда составляли «иностранцы специалисты», которые и приносили в нее все новшества военного дела – часто даже раньше, чем они получали широкое распространение в Европе. Поэтому ни о какой «отсталости» русской армии вообще не могло быть и речи. Сам Петр, борясь с Софьей, всегда особо надеялся на полк, стоявший в Москве и состоявший полностью из одних иностранцев. При этом русская армия в целом превосходила европейскую за счет того, что в ней удачно сочетались европейские и азиатские школы – последняя в сфере легкой кавалерии, не имевшей равных в Европе. Основой русской армии была старая дворянская конница, в которой боевое мастерство, так же, как и у казаков, передавалось от отца к сыну и которая вооружалась за свой счет, не завися от финансового положения государства. Именно она на самом деле и сыграла решающую роль в войнах Петра I, а вовсе не «полки нового строя» под командой иностранцев, которые как раз чаще всего и терпели поражения.

Об отсутствии какой-либо «изоляции» России в допетровскую эпоху ярко свидетельствует множество записей иностранцев, которые показывают допетровскую Москву как интернациональный мегаполис. Приведем лишь некоторые примеры. Венгерский путешественник Эрколе Зани писал о тогдашней Москве: «Я удивлен громадностью города. Он превосходит любой из европейских или азиатских <...> пешком ходить невозможно, и надо

ездить. Для этого почти на каждой улице стоят наготове извозчики с санями и повозками. В городе живет несчетное множество народа – иные насчитывают миллион, а иные, более сведущие, более 700 тысяч. Без сомнения, он втрое больше виденных мною Парижа и Лондона. Хотя большая часть строений там из дерева, однако снаружи они довольно красивы и попеременно с хоромами бояр представляют чудесный вид. Улицы широки и прямы, много обширных площадей» [21, с. 35].

Насчет 700 тыс. жителей иностранцы явно преувеличивали, но Москва действительно была одним из крупнейших городов земного шара. Павел Алеппский оценивал ее окружность в 30 верст, Таннер – в 45. Койэтт сообщал, что в городе насчитывалось 95 тыс. домов, «не считая дворов и церквей» [21, с. 35]. Отмечали и то, что русская столица была «богатейшим и прекраснейшим в мире городом» (Перри); «она поражает своими приблизительно 2 тысячами церквей, которые придают городу великолепный вид» (Рейтенфельс). Голландский художник Корнелий де Бруин расхваливал «чрезвычайно красивые деревянные постройки» и множество «красивых каменных зданий» [21, с. 36]. В Москве одновременно проживало до тысячи иностранных купцов. Для них предназначалось два двухэтажных гостиных двора, немецкий и персидский. При немецком, где продавались европейские товары, находились склады, большие городские весы, взимались пошлыны, там же была биржа, где заключались крупные сделки. Персидское подворье было «просторно и имело резные деревянные палаты» (Бурх). По периметру, под сводом, устроилось 200 лавок, конторы менял, готовых поменять европейские, азиатские, русские деньги. Айрман описывал пестрые сборища «персиян, татар, киргизов, турок, поляков, лифляндцев, шведов, финнов, голландцев, англичан, французов, итальянцев, испанцев, португальцев, немцев из Гамбурга, Любека, Дании» [21, с. 37]. Отмечал, что рядом с их лавками постоянно околачивались многие русские, знающие иностранные языки, поэтому покупатель здесь «в любое время найдет переводчика, который быстро сумеет навязать свои услуги». А всего в городе насчитывали до 40 тыс. лавок и магазинчиков. «В городе Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы в ином целом княжестве» (Кильбургер) [21, с. 37]. Приведенные здесь свидетельства собраны в книге В. Шамбарова «Святая Русь против варварской Европы» (2011). Уже само название этой книги нам представляется крайне удачным, поскольку точно выражает истинное положение дел в допетровскую эпоху.

В свою очередь, И.Л. Солоневич очерчивает военную ситуацию перед появлением Петра I следующим образом: «Военные заводы строились. Большая половина армии была переведена на так называемый “регулярный строй”. Ввозились всякие иностранные специалисты и посылались за границу русские люди. При Алексее Михайловиче благосостояние московской деревни поднялось до такого уровня, какого оно в послепетровскую эпоху не достигало никогда. Допетровская Москва вела войны удачные и вела войны неудачные, но все эти войны были уже не оборонительными, а наступательными. В войне с Польшей были отвоеваны Могилев, Витебск и Смоленск. В войне за Прибалтику были завоеваны Юрьев, Динабург, и московские войска дошли до Риги. В то же самое время воевали и с Крымом – правда, неудачно. Но Малороссия была присоединена, а главный враг России – Польша была при Алексее Михайловиче добита так основательно, что Петр Алексеевич имел – не им самим завоеванную – возможность распоряжаться в Польше, почти как у себя дома. Главным же врагом России была тогда Польша, а никак уж не Швеция» [14, с. 520].

Вместе с тем, И.Л. Солоневич разделяет еще один миф, созданный профессиональными историками, – якобы о «бедности России». Он пишет: «если империя Российская была беднее, чем другие, то не вследствие “политики”, а вследствие географии: трудно разбогатеть на земле, половина которой находится в полосе вечной мерзлоты, а другая половина в полосе вечных нашествий извне» [14, с. 26]. Но парадокс состоит в том, что хотя

по объективным природным условиям Россия в доиндустриальную эпоху должна была бы быть бедной страной, но на самом деле она таковой не была, а наоборот, в материальном плане была более благополучной, чем Европа.

Интересные записки оставил Юрий Крижанич, хорватский богослов и философ, в 1659 году прибывший в Россию на службу царю Алексею Михайловичу. Он был очень удивлен материальным уровнем жизни простого народа в России: «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы <...> а что можно выдумать нелепее того, что даже черные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом? <...> Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками и твезами, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шелка <...> Следовало бы запретить простым людям употреблять шелк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, чтобы боярское сословие отличалось от простых людей. Ибо никуда не гоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином <...> Такого безобразия нет нигде в Европе. Наигоршие черные люди носят шелковые платья. Их жен не отличить от первейших боярынь» [9, с. 156–157]. По его наблюдениям, «крестьяне и убогие горожане, кормящиеся рукоделием, живут на Руси намного лучше и удобнее, нежели в тех пробогатых странах» [9, с. 261] (то есть чем в Европе). «Русская земля по сравнению с Польской, Литовской и Шведской землями и Белой Русью гораздо плодороднее и урожайнее <...> Хлеб, действительно, на Руси сельские и прочие простые люди едят намного лучший и больше, нежели в Литве, в Польской да Шведской землях» [9, с. 261].

Это подтверждается и многими другими фактами. Например, как писал И. Тэн в исследовании «Происхождение современной Франции», только за один 1715 год от голода умерло 6 миллионов человек – треть крестьянского населения страны [16, с. 242]. В России же такого массового голода вообще не было никогда, за исключением одного случая – начала XVII века, что и стало одним из факторов начала Смуты. Но это было на более чем 100 лет раньше, чем упомянутый голод во Франции. В России же даже в годы правления Петра I, при всем разорении, которое он принес, голода не было.

Чужеземцев поражало изобилие товаров и низкие цены на все товары в России по сравнению с Европой. Мясо было настолько дешево, что его продавали не на вес, а тушами или рубили на глазок. Кур и уток продавали «сороками». Восточные товары попадали на Русь напрямую, без посредников, и стоили на порядок меньше, чем в Европе. Чешский путешественник Б. Таннер писал: «Мелкие граненые рубины до того дешевы, что продаются на фунты – 20 московских или немецких флоринов за фунт» [21, с. 40]. Женщины из простонародья носили золотые и серебряные украшения, на праздники наряжались в шелка и бархат, для русских в этом не было ничего необычного. Пряности на Западе стоили баснословно дорого, а на Руси их могли себе позволить люди скромного достатка, добавляли в выпечку, делая пряники. Австриец Гейс, рассуждая о «русском богатстве», констатировал: «А в Германии, пожалуй, и не поверили бы» [16, с. 41].

Чем можно объяснить более высокий уровень благосостояния народа в допетровской России по сравнению с современной ей Европой? В первую очередь обилием земли и более свободным образом жизни народа. Хотя общая урожайность была ниже, чем в Европе в силу природных условий, но она и не требовалась, поскольку народ все время расселялся на новые земли, которых был избыток. Нехватка земли в центральных губерниях начала чувствоваться только в XIX веке вследствие мощного роста населения, что было огромным позитивным фактором, так как благодаря этому произошло заселение Сибири и Дальнего Востока. В допетровскую эпоху «крепостное право», заимствованное из Европы, имело лишь формальный и условный характер, обеспечивая хоть минимальный контроль государства над землей.

И.Л. Солоневич следующим образом подводит итог действительно позитивных преобразований, проведенных уже предшественниками Петра I: «Алексей Михайлович закре-

пил крестьянское самоуправление, над которым столько поработал еще и Грозный, создал почти постоянную работу земских соборов – изумительную по своей гармоничности и работоспособности русскую “конституцию”, что при Алексее Михайловиче были построены первые русские корабли и заведены первые русские театры, газета и пр.» [14, с. 522]. Тем самым «предшественники Петра не только “начертали” определенную преобразовательную программу, но и весьма детально осуществляли ее» [14, с. 550]. Петр I действительно продолжал уже начатое ими, но продолжал так, что, не создавая ничего нового и важного, лишь уничтожал все то ценное, что было преимуществом России перед Европой.

Одним из таких важнейших преимуществ России перед Европой был более демократичный характер русского общества, открытость «социальных лифтов»: «в Москве не было того деления людей на классы и подклассы, какое было характерно не только для тогдашней Европы. Даже и дворянство не было строго очерченным сословием: из его состава бывали “нетчики” – дезертиры государевой службы опускались в ряды “однодворцев” и потом в крестьянство. Умелые хозяева из крестьянства и из посадских людей проникали в дворянское сословие, во всякого рода многочисленный служилый элемент, и от них не требовалось, как в Европе, документальных доказательств по меньшей мере трех рыцарских поколений – в Европе иногда требовалось и семь» [14, с. 490–491]. В итоге, как пишет Солоневич, «Свобод, всяческих свобод в азиатской Москве было неизмеримо больше, чем в европейской Европе: европейцы и до сих пор называют это бесформенностью русского быта» [14, с. 491]. Общий вывод его таков: «Русский народ имел свободу в Москве, для того чтобы наполовину потерять ее в Петербурге и попасть на галерные работы в СССР» [14, с. 496].

Таким образом, накануне петровского погрома Россия превосходила Европу по всем основным параметрам цивилизационного развития: уровню народной нравственности и общественной морали; гуманности нравов и законодательства; уровню народного благосостояния; уровню социальной мобильности и открытости социальных лифтов. Единственное, чего еще не было в России, – это науки Нового времени. Но, как мы видим на примере остального мира, эта наука была легко заимствована странами Азии в XX веке без каких-либо потрясений, подобных петровским, и сейчас уже Азия стала лидером мирового научного развития. Российская Империя тоже была лидером мировой науки накануне 1917 года, но это лидерство было бездарно уничтожено большевиками уже к 1950-м годам. Таким образом, с позиции «большой истории» деяния Петра следует оценивать только как регресс и разрушение более развитой цивилизации со стороны более примитивной.

Совершенно справедливый вывод делает и В. Шамбаров: «Европейцам было, в общем-то, еще нечем похвастать перед другими народами и континентами – кроме, разве что, агрессивности и наглости. Да, на Западе существовала наука, система университетского образования. Но сам термин “наука” понимался иначе, чем сейчас. В университетах обучали пустой религиозной схоластике и запутанной юриспруденции. А те отрасли, которые мы с вами привыкли именовать наукой, к середине XVII в. только начинали формироваться. Причем нередко рождались случайным образом – из прихотей королей, богатых вельмож. Они платили ученым ради удовлетворения своих капризов, а попутно получалось и что-то более ценное <...> Но никакого практического значения эта наука еще не имела. Она оставалась уделом горсточки энтузиастов <...> Эксперименты производились кустарно, у себя дома. Результаты нигде не публиковались, о них извещали друг друга письмами» [21, с. 137].

Действительно, наука как социальный институт – это изобретение Европы, поскольку наука является «побочным продуктом» разложения западного христианства. Поскольку в России было аутентичное христианство, которое не могло разлагаться от ересей, как в Европе, то наука здесь возникнуть не могла. Заимствовать науку всем традиционным

обществам затем уже пришлось вынужденно, чтобы противостоять агрессии Запада его собственными технологическими и военными средствами. Однако во всем мире это заимствование произошло естественным и органическим путем, и только в одной России зачем-то для этого якобы понадобились катастрофические «преобразования» Петра I. Но на самом деле это также является мифом. Наука возникает в России намного позже деяний Петра I и вообще никак не связана с ними.

Одним из псевдоисторических мифов, на которые опирается вся психология культурной «самоколонизации» и культурной капитуляции перед Западом, является миф об «отсталости» России. Однако исторические факты показывают, что такой «отсталости» никогда не существовало ни в одной из сфер жизни – процессы культурного развития в Европе и России всегда были практически синхронными. Это касается и процессов распространения грамотности. В XVII веке грамотность в России приобрела более широкое распространение, чем прежде. В состоятельных городских семьях практиковалось обучение сыновей грамоте (на женщин просвещение не распространялось). Только в московских приказах в конце XVII века трудилось свыше 1600 грамотных дьяков и подьячих [13, с. 86]. Православная Церковь, определявшая сферу духовной жизни, всегда располагала многочисленными кадрами грамотных и ученых людей. Городское белое духовенство отличалось поголовной грамотностью. Откликаясь на потребности времени, русские типографии с середины XVII века стали выпускать большими для своего времени тиражами пособия для обучения грамоте. На складах Московского печатного двора в 1648–1649 годах из 11 500 хранившихся там книг четверть составляли буквари [13, с. 86]. Дети обучались грамоте чаще всего при церквях и монастырях, либо на дому у приказного грамотея. Более состоятельные люди приглашали учителей к себе домой. Некоторые из них для обучения детей держали иностранцев. Методика обучения не менялась веками: ученик должен был «превзойти» три книги – сначала букварь, потом Часослов и, наконец, Псалтырь. Так учили детей и в царской семье, и в семье посадского человека. Учебные псалтыри и часословы были обычной принадлежностью церковных библиотек. Учителей величали «мастерами», самый процесс обучения грамоте напоминал ученичество в ремесленной мастерской. Мастер брал с ученика «запись» с обозначением платы за учение. Помимо денег учителя получали различные подношения и угощения. Во второй половине XVII века в Москве появились первые регулярные школы: «школа грамматического обучения» для молодых подьячих при Заиконоспасском монастыре, возглавленная Симеоном Полоцким, школа при Печатном дворе монаха Тимофея с 232 учениками и другие [13, с. 87]. Крупнейшим достижением XVII века явилось учреждение в Москве в 1687 году первого русского университета – Славяно-греко-латинской академии. В свою очередь, созданная Петром «Академия наук» в течение целого столетия фактически существовала только на бумаге и была бесполезной «кормушкой» для иностранных профессоров. Ее научная и образовательная роль была нулевой. Если не брать уникальный случай М.В. Ломоносова, то наука западного образца в России появляется только через сто лет после Петра I и это никак не связано с его «преобразованиями».

И.Л. Солоневич уделяет особое внимание и военным «достижениям» Петра I, которые обычно всячески восхваляются. На самом же деле более трезвый взгляд показывает, что восхвалять там нечего, скорее наоборот: «За нарвские, гродненские и прутские подвиги любому московскому воеводе отрубили бы голову – и правильно бы сделали. Петра вместо этого возвели в военные гении. И в основание памятников петровскому военному гению положили Полтавскую победу – одну из замечательнейших фальшивок российской историографии» [14, с. 527]. Фальшивку не в том смысле, что ее не было, а в том, что похвалиться такой победой вообще-то даже стыдно, поскольку «в командовании армиями Петр только и делал, что портил то, что делали другие. Но под Полтавой было очень

трудно испортить что бы то ни было», поскольку «после осады, штурмов и вылазок от них [шведов] осталась окончательно растрепанная толпа, – которую Петру только и оставалось, что добить окончательно» [14, с. 530–531]. В Полтавской битве у Петра I было почти двукратное численное превосходство и абсолютное превосходство в артиллерии, поскольку у шведов артиллерии уже не было, – и именно артиллерия быстро решила исход битвы. Но, даже имея такое подавляющее превосходство, Петр I вел себя крайне неуверенно – вместо атаки на армию шведов, сначала возводили укрепления вокруг своего лагеря, которые были не нужны, а потом выдвинули вперед редуты, обреченные на полное уничтожение – лишь бы как-то ослабить атаку шведов. И это имея такое подавляющее превосходство! В то время как перед этим воевода А.С. Келин долго оборонял Полтаву одним полком и местным ополчением из малороссов – против четверо превосходящей его армии Карла. И не только выстоял, но и нанес Карлу такие потери, которые окончательно ослабили его армию. Вот так воевала старая русская армия из московских стрельцов и полтавских казаков, а не «новая армия» Петра I, набранная из подневольных рекрутов и иностранных наемных офицеров, готовых предать при первой же возможности, как это было под Нарвой. Говоря о героях полтавской осады, Солоневич специально отмечает: «в составе этого “сброда” никаких петровских частей не было». Более того, даже полтавское сражение, просто «обреченное на победу», Петр I едва не провалил, когда лично бросился в контратаку (имея за спиной большие резервы) и едва не погиб. Гибель царя могла привести к панике и поражению, даже несмотря на всё превосходство русских. Поэтому формулировку И.Л. Солоневича «в командовании армиями Петр только и делал, что портил то, что делали другие», – в данном случае следует считать совершенно точной и неопровержимой.

Не только в данном случае, но и вообще повсеместно. Солоневич приводит ряд наиболее показательных примеров и делает общий вывод: «Если перейти к частным характеристикам отдельных решающих моментов петровской военной деятельности, то в них мы между всем остальным отметим в качестве постоянных спутников петровской военной деятельности два качества Петра – бестолковость и трусость» [14, с. 523]. В Полтавской битве мы видим единственное исключение, когда Петр I сам бросился в контратаку, но этим едва не погубил весь исход битвы в случае своей гибели или ранения. То есть и этот случай больше похож на истерику, чем на военную храбрость, которая всегда основана на холодном расчете. Если бы Петр I был хотя бы немного полководцем, то он бы просто ввел в дело резервы, которые простояли без толку и в битве не участвовали вообще.

О Нарвском поражении Солоневич пишет: «Ключевский: “Петр уехал из лагеря накануне боя, чтобы не стеснять главнокомандующего-иноземца, и тот действительно не стеснялся: первый отдался в плен и увлек за собой и остальных иноземных командиров”; Почему, собственно, попал в главнокомандующие этот иноземец, граф де Круа, мелкий проходимец, служивший “в семи ордах семи царям” и нигде и ничем себя не проявивший? <...> Петр струсил и вел себя как трус: бросить свою армию накануне боя, будучи заранее убежденным в том, что она будет разбита в пять раз слабейшим противником – это есть трусость – и больше решительно ничего» [14, с. 525].

Солоневич справедливо задается вопросом, почему вообще главнокомандующим оказался де Круа? Б.П. Шереметьев предлагал Петру I, пользуясь подавляющим превосходством, встретить шведов в поле и разбить, что было бы почти наверняка. Вместо этого царь послушал иностранцев и оставил армию в самой невыгодной конфигурации, совершенно не готовой к битве. Видимо, с этим связана и до сих пор не разгаданная тайна бегства Петра из армии перед битвой. Если исходить из дальнейшего хода событий – фактического саботажа иностранных офицеров во время битвы и их перехода на сторону шведов сразу после нее, то следует сделать вывод о том, что такие действия

не были спонтанными, а были заранее спланированы (так же, как и выбор самой невыгодной диспозиции, рассчитанной на поражение). Видимо, в планы иностранцев входило также пленение царя, а затем его выкуп Россией из плена, на котором все они рассчитывали хорошо заработать. И бегство царя из армии накануне Нарвской катастрофы, вероятнее всего, было связано с тем, что его предупредили в последний момент о заговоре и тайных целях иностранных офицеров. Естественно, что этот их план не мог быть где-то зафиксирован в письменном источнике, а если память о нем и была, то должна была замалчиваться и потом забыться, поскольку дискредитировала самого царя, доверившегося иностранцам. Но в данном случае важнее не это наше предположение, а тот факт, что обычное мнение о поражении под Нарвой как якобы следствии «отсталости» русской армии является ложным. Как раз наоборот, причиной поражения стало засилье иностранцев в русской армии и их влияние на царя. Весьма показательным, что в этой битве главный удар шведы направили именно на дворянскую конницу Б.П. Шереметьева – самую боеспособную часть русской армии, на которую не имели влияния иностранцы и которая все равно нанесла шведам большие потери.

И.Л. Солоневич первым решился высказать «крамольную» мысль о том, что на самом деле шведов победила вовсе не новая армия Петра I, набранная из кого попало, кое-как обученная, но зато наряженная в немецкие мундиры, а старая русская армия со всеми ее вековыми боевыми навыками. Он напоминает, что «дорогу Левенгаупту преградил и его отряд разгромил не Петр, а Шереметьев. И вовсе не петровскими войсками, а старомосковской «дворянской конницей», той самой, которой, как огня, боялся Карл еще под Нарвой. Вспомним еще одно обстоятельство: эта же старомосковская конница, под командой того же Шереметьева, уже дважды была шведские войска – один раз под Эрестдорфом в 1701 году и второй раз при Гуммельсдорфе в 1702 году. Это случилось сейчас же после Нарвы, когда Эрестдорф и Гуммельсдорф, а еще больше Лесная, были сражениями, в которых <...> дворянская конница, никак не загипнотизированная, подобно Петру, шведской непобедимостью, показала всем, в том числе и петровской армии, что и шведов можно бить» [14, с. 529]. Поэтому «Россия разбила Швецию не благодаря Петру, а несмотря на Петра, разбила, в частности, та старомосковская конница, которую Петр, слава Богу, не успел в помощь Швеции разгромить сам» [14, с. 533]. Решающие военные действия Северной войны происходили на самом деле вовсе не там, где находился Петр I со своей «новой армией», везде неизменно терпевшей поражения, несмотря на численное превосходство над противником, – Полтава была фактически единственным исключением из общего правила. Решающие события этой войны происходили без лишнего шума и почти не упоминаются в учебниках. Это медленное продвижение русских войск в Прибалтике под командованием Б.П. Шереметьева. Здесь воевала еще старая русская армия – дворяне и ополченцы, не имея численного превосходства, штурмуя каждый укрепленный город, строя дороги и мосты. Между делом они здесь основали и Петербург, еще не зная, что Петр I изберет его своим «парадизом» – таким удаленным местом, где не было бы никакой России и близко.

Стоит привести лишь несколько показательных примеров в изложении А.С. Пушкина: «В Лифляндии Шереметев одерживал верх над шведами. Два полка драгун разбили у мыз Левкои, Печинской и Порецкой 4.000 неприятеля <...> Сын Шереметева Михаил Борисович у Ряпиной мызы побил неприятеля, шедшего на приступ к Печерскому монастырю, а потом, за рекою Выбовкою, под мызами Резвою и Озерецкою, напал на 600 человек под командой майора Розена. Все были побиты, кроме одного прапорщика и майора с 80 солдатами <...> Наконец, сам Борис Петрович Шереметев в 1702, января 1 одержал под деревнею Ересфера полную победу над 7000 шведов под командою Шлиппенбаха. 3000 неприятеля легло на месте. Весь обоз и артиллерия были взяты в плен, взято 14 штаб- и

обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых 356. С нашей стороны убито до 1000 <...> Шлиппенбах снова собрал сильный корпус, всячески уклонялся от сражения, но Шереметев, достигнув его за рекою Амовжею, разбил его у мызы Гумоловой. Шлиппенбах бежал к Пернову, но Шереметев его догнал и снова разбил. Шведов (кроме погибших в лесах и болотах) убито 5.490, пушек взято 15, знамен 16, штаб- и обер-офицеров 13, унтер-офицеров и рядовых 302. Наш урон – 411 человек» [12, с. 102, 106]. А вот и пример стихийной народной войны: «Олонецкий поп Иван Окулов ходил с *охочими людьми* за шведский рубеж, побил до 400 человек и возвратился с *рейтарскими* знаменами» [12, с. 111]. Вот именно это и была та рутинная и позитивная военная работа, которая и принесла победу, а вовсе не громкие, но в основном проигранные «баталии» Петра I, о которых только и упоминают в учебниках.

Но как относился Петр I к тем людям, на которых даже вопреки его погрому держалась и побеждала Россия? Вот один пример: «старик князь Головин терпеть не мог салат и уксус. Петр заставлял гвардейцев держать старика за руки и ноги и собственноручно напихивал ему в рот салат, пока из носа и рта не начинала литься кровь <...> Головин, который за время правления царицы Софьи построил в Москве больше 3 тысяч каменных домов и которого Невиль называет “великим умом и любимым ото всех” <...> Что стали бы делать эти люди в петровском гнезде? Они были там невозможны совершенно. Как невозможным оказался фактически победитель шведов – Шереметьев» [14, с. 543]. Настоящий победитель шведов Б.П. Шереметьев был человеком старого закала – православным молитвенником, соблюдавшим все посты и не выносившим алкоголь и табак даже на запах. Его невозможно было затянуть на шабаши Петра I никакими угрозами.

То же самое имело место и на море: «Шведский флот был разбит русскими галерами и русской пехотой, шедшей на бордаж» [14, с. 556]. Но галерный флот был у России и за 100 лет до Петра I – его заслуги в этом нет никакой. Петр I строил флот другой. Строился он в страшной спешке, с нарушением всех технологий и поэтому сгнил еще при жизни Петра I. «Но в эту ненужность были брошены чудовищные по тем временам суммы. Это для флота строились парусинные, канатные, якорные и прочие фабрики, которые после Петра заглохли по простой своей ненужности» [14, с. 556], – напоминает Солоневич этот важный, но почти никому не известный факт. «В этой спешке, жестокости, бездарности и беспотолковщине – весь Петр» [14, с. 537]; «Петр вообще не работал: он суетился» [14, с. 542].

Также И.Л. Солоневич напоминает, что армия «по европейскому образцу» была создана еще при царе Алексее Михайловиче, и «за несколько лет до воцарения Петра – в 1681 году – из 164 тысяч московской армии – 89 тысяч, то есть больше половины, были переведены на иноземный строй, то есть были превращены в регулярную постоянную армию. Как видите, “реформа” проводилась и без Петра. При Петре она была, во-первых, снижена и, во-вторых, искалечена» [14, с. 535]. Искалечена в том смысле, что сначала армия «нового строя» была разбита в проигранных битвах, затем резко упало ее качество из-за набора «всякого сброда» в рекруты и их плохого обучения, и наконец, с этой армией не знали, что делать по окончании войны и посадили ее на шею населению, фактически принудив заниматься грабежом: «Ключевский сравнивает поведение 126 полков с худшими временами Батыя» [14, с. 559]. Раньше в России такого не было никогда.

Наконец, особенно важно итоговое обобщение И.Л. Солоневичем сути этой войны в широком историческом контексте: «В эпоху Смутного времени – безо всякого правительства вообще – Россия справилась с поляками, шведами и с собственными ворами. Это заняло в среднем лет 6. При очень плохом правительстве Сталина Россия справилась с немцами в 4 года. При совсем приличном (по тем временам) правительстве Александра I Россия справилась в полгода со всей Европой, над которой командовал не сумасбродный мальчишка и не “скандинавский бродяга”, а один, действительно, из крупнейших военных

гениев мира. Петру для войны, которую начал восемнадцатилетний мальчишка, в которой Россия превосходила Швецию военным потенциалом приблизительно в 10 раз, – понадобился 21 год» [14, с. 532]. Как это объяснить? Это объясняется тем, что «с истинно железной настойчивостью Петр старался наделать глупостей, где и как это только было возможно» [14, с. 538].

И.Л. Солоневич формулирует социальную причину произошедшего следующим образом: «Поставим точки над “i”»: около Петра подбиралась совершеннейшая сволочь, и никакой другой подбор был невозможен вовсе <...> Петр шарахался от всего порядочного в России, и все порядочное в России шарахалось от него» [14, с. 544]. Свойственная Петру I «нравственная неустойчивость» – это «результат кокуйского воспитания <...> Москва о нравственных чувствах все-таки напоминала, и если грешила сама, то знала, что грешила и потом каялась – даже и в лице Грозного. Петр шел по пути полного морального нигилизма, и все его поведение по отношению к Церкви, к Руси и к Москве было по самому глубокому существу своему таким же хулиганским протестом против общественного порядка, каким является и всякое хулиганство вообще. Проглядев мотив хулиганства, историки проглядели исходный пункт тех петровских безобразий, из-за которых народ окрестил преобразователя Антихристом» [14, с. 553].

Тем самым термин «диктатура сволочи», которым И.Л. Солоневич определял режим большевиков, в полной мере приложим и к правлению Петра I. Слово «сволочь» здесь употребляется не как оскорбление, а как четкий социальный и моральный диагноз. Отсюда и такой параллелизм: «универсальность задач, которые возлагались на оба сорта выдвинутых – и петровских, и сталинских. В обоих случаях вопрос шел вовсе не о “пользе дела”, а об охране “завоеваний революции”. Отсюда и поразительный параллелизм деяний и подвигов обоих видов выдвинутчества: отряды по раскулачиванию не очень многим отличаются от тех 126 полков, которые Ключевский сравнивает с Батыевым нашествием» [14, с. 546].

Такой характер новой «элиты», в свою очередь, сразу же выразился в развале структур самой государственности: «Губернская реформа разрушила старый аппарат, но нового собственно не создала <...> Финансовая реформа разорила страну. Преобразованный правительственный аппарат разворовывал около двух третей поступавших средств» [14, с. 554]. Ничего подобного не было в допетровской России – масштабы мелкой коррупции там были намного ниже, чем в Европе, что засвидетельствовано самими иностранцами. Но Петр I и здесь быстро ввел «европейские стандарты», благодаря чему капиталы Меншикова почти сравнялись с годовым бюджетом государства. В итоге на место народной монархии пришла диктатура «нового дворянства» выскочек и воров: «по московскому законодательству поместье владение было владением государственным, и дворянство владело поместьями лишь постольку, поскольку оно за счет поместных доходов несло определенную государственную службу. Это не была собственность. Это была заработная плата <...> После Петра у дворянства остаются только права. Первый, но решающий шаг в этом направлении сделал петровский указ, превративший государственные имения в частные и государственно-обязанных крестьян – в частную собственность» [14, с. 557], что и является точной копией европейских порядков.

«Итак, – подводит итог И.Л. Солоневич, – если опереться на ряд частных и разрозненных показаний наших историков, то вообще содержание всей петровской реформы можно уложить в такую примерно формулировку: Продолжено несколько более удачно техническое перевооружение страны. Разгромлен весь правительственный аппарат Москвы, опиравшийся на русское самоуправление, и заменен бюрократическим аппаратом инородцев. Разгромлено патриаршество, замененное Синодом. Разгромлено купечество, замененное “кумпанствами”. Разгромлено крестьянство, попавшее в собственность

дворянству. Выиграло только дворянство: указом о единонаследии оно получило в свое распоряжение государственную землю и государственное крестьянство; указом о замещении престола оно получило в свое распоряжение престол. Дворянство и является тем социальным слоем, который, во-первых, прятался за судорожной тенью Петра и который, во-вторых, ставил этой тени литературные и другие памятники» [14, с. 560]. Поэтому, с одной стороны, и не удивителен тот «корпоративный миф» о Петре I, который затем исповедовало дворянство; а с другой – удивительна та нравственная стойкость русского дворянства, которая в этих нездоровых условиях не позволила ему выродиться в паразитическую касту и заставила сохранить в себе лучшие черты своего народа даже и тогда, когда сам народ их уже утрачивал (как это затем произошло уже в XX веке).

Феномен Петра I был бы принципиально невозможен в рамках старой России. Тем самым само его появление свидетельствует о том, что Москва XVII века была уже достаточно вестернизированной и полностью открытой Западу. Выше приводились свидетельства этого. Поэтому принципиально важно понимать, что Петр I – это результат, а вовсе не причина «европеизации». При этом результат весьма радикальный. Как он может быть объяснен с социальной точки зрения? Появление такого человека во главе страны свидетельствует о том, что европеизация, во-первых, зашла уже очень далеко, а во-вторых, запустила процесс «отрицательного отбора» (А.И. Солженицын) в ее элите. Однако этот феномен был заранее зафиксирован и четко описан. Приехавший служить в Россию царю Алексею Михайловичу хорват Ю. Крижанич в своем трактате «Политика» в разделе 12 «О чужебесии» так описал эту общую беду всех славянских стран: «Ксеномания – погречески, по-нашему – чужебесие – это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ. Ведь не счесть убытков и позора, которые весь наш народ (до Дуная и за Дунаем) терпел и терпит из-за чужебесия. То есть из-за того, что мы слишком доверчивы к чужеземцам и с ними братаемся и сватаемся, и позволяем им в нашей стране делать то, что они хотят. Все беды, которые мы терпим, проистекают именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем. Чужеземное красноречие, красота, ловкость, избалованность, любезность, роскошная жизнь и роскошные товары, словно некие сводники, лишают нас ума. Своим острым умом, ученостью, хитростью, непревзойденной лживостью, грубостью и порочностью они превращают нас в дураков, и приманивают, и направляют, куда хотят. Их жадность и ненасытность вымогают у нас наше добро, грабят нас, разоряют. Их неискренность и тайная, вечная неумная ядовитость и коварство бьют нас, вредят нам, ставят нас в отчаянное положение. Их бесовское высокомерие унижает, оскорбляет, хулит, осмеивает, оплевывает нас и выставляет на позор всем народам» [9, с. 194]. После этого, соответственно, остается последний шаг – нужно внушить эти чувства самим русским по отношению к собственной стране, и они сами начнут ее «самоколонизацию» и превращение в окраину Европы. Этот шаг и совершил Петр I, у которого «чужебесие» приняло самый буквальный характер беснования.

Тем самым Петр I фактически разрушил не только православную народную монархию, но и сам принцип монархии вообще: «от Петра до Александра I включительно самодержавной монархии у нас не было, ее заменяла гвардейская казарма» [14, с. 547]. Власть гвардейской казармы по наущению геополитического врага – Британской Империи – убила, а затем оболгала «рыцаря на троне» императора Павла, пытавшегося восстановить монархию и ее христианский смысл. А затем едва не уничтожила Россию заговором «декабристов», который в случае своего успеха неизбежно привел бы к новой Смуте и распаду России. Образ православной монархии частично был восстановлен императором Николаем Павловичем, который справедливо носил имя Великого, в отличие от Петра I полностью его заслуживая. За это императора Николая I полюбили Пушкин,

Гоголь и все светила «золотого века» русской литературы. И за это же его возненавидела «интеллигенция».

Когда в 1814 году русская армия вошла в Париж и Россия стала самой большой и сильной державой в мире, которую не смогли одолеть три другие крупнейшие мировые империи даже своими объединенными силами в ходе Крымской войны, – это поставило четкий вопрос о специфике и суверенитете русской цивилизации. Первыми на него ответили В.Ф. Одоевский в «Русских ночах» и зрелый П.Я. Чаадаев. В частности, П.Я. Чаадаев преодолел иллюзии наивного «западничества», выраженные в «Философических письмах», и дал новое понимание смысла существования России. Историософия «позднего» П. Чаадаева изложена в его письмах 1835 года к Александру Тургеневу. Здесь он, в частности, писал: «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача – дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе <...> Имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирать на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки» [20, с. 92]. И эта ситуация обусловлена объективно, самой логикой истории, поскольку, как пишет П.Я. Чаадаев: «Мы стоим по отношению к Европе на исторической точке зрения, или, если угодно, мы – публика, а там – актеры, нам и принадлежит право судить пьесу <...> Провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами <...> Оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества <...> Все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходиться <...> В этом наше будущее» [20, с. 96]. Это будущее в том, что «у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов <...> Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам <...> постараемся сами открыть наше будущее, и не будем спрашивать у других, что нам делать» [20, с. 98]. И наконец: «Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; все великое приходило из пустыни <...> Мы призваны <...> обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого <...> Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась» [20, с. 99]. Приведенные здесь важнейшие суждения «позднего», зрелого П.Я. Чаадаева обычно сознательно замалчиваются в целях создания мифа о нем как о «западнике».

Император предлагал П.Я. Чаадаеву должность в Министерстве финансов, но в письме Николаю I от 15 июля 1833 года философ отказался от этой должности и предложил свои услуги для работы в Министерстве народного просвещения. Он писал: «думаю, Государь, что, заняв должность по народному просвещению, я мог бы действовать соответственно предначертаниям Вашего правительства. Я думаю, что в этой области можно много сделать, и именно в том духе, в котором, как мне представляется, направлена мысль Вашего Величества. Я полагаю, что на учебное дело в России может быть установлен совершенно особый взгляд, что возможно дать ему национальную основу, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире. Мне кажется, что нам необходимо обособиться в наших взглядах на науку не менее, чем в наших политических воззрениях, и русский народ, великий и мощный, должен, думается мне, вовсе не подчиняться воздействию других народов, но с своей стороны воздействовать на них» [20, с. 83–84].

Однако этим ставится принципиальный вопрос: а каковы исторические основания такой выдающейся роли России во всемирно-историческом процессе? Они состоят в том, что Россия изначально была не Европой, а другой цивилизацией, и поэтому все попытки сломать эту цивилизацию, предпринятые Петром (а затем большевиками), оказались неудачными. Россия принадлежит не к европейскому, а «византийскому» культурному типу. Было предложено называть этот культурный ареал библейской цивилизацией, которая берет исток на Ближнем Востоке и в разные эпохи имеет разных этнических носителей, но сам этот ареал остается неизменным в качестве носителя аутентичных традиций древней библейской культуры. По отношению к ней Европа выступает сначала как варварская периферия (в византийскую эпоху), а затем как ее цивилизационная «псевдоморфоza» (О. Шпенглер), обусловленная возрождением многих языческих элементов в европейской культуре, начиная с эпохи Возрождения [см. 8].

Как пишет И.Л. Солоневич, «по русской национальной культуре Петр и его наследники прошли батыевым нашествием – от этого нашествия русская культура не оправилась еще и сейчас» [14, с. 562]. Парадокс состоит в том, что всё самое ценное, что возникло в русской культуре после Петра I, было не «следствием» его «преобразований», а наоборот – ответом на их вызов русской культуре. Все самое ценное в русской культуре – от Ломоносова до Лосева – было ответом Православия на цивилизационную агрессию Запада. Все великие творцы русской культуры стали таковыми только потому, что сумели преодолеть чуждость культурных форм Запада силой своей русской души, воспитанной многими веками их православных предков. В качестве ближайшего к эпохе Петра I примера можно назвать В.К. Тредиаковского. Как пишет исследователь его творчества А.Б. Шишкин, «в развитии творчества поэта отразились крайне интересные и историками литературы в достаточной мере не объясненные тенденции – от секуляризации к попытке нового воцерковления культуры; как очень точно замечает Ю.М. Лотман, “эволюция Тредиаковского и Карамзина – два параллельных пути от игровой периферии культуры к ее серьезному профетическому центру”. В наибольшей мере профетические установки Тредиаковского воплотились в двух его поэтических трудах 1750-х годов – стихотворной “Псалтири” и поэме “Феоптия”» [22, с. 3]. В свою очередь, все то, что было в русской культуре лишь следствием петровских «преобразований», всегда имело лишь характер эпигонства у Европы и не представляет культурной ценности.

И.Л. Солоневич очень иронически оценивал и современную погоню за европейскими идеями, которой до сих пор больна «образованная» Россия, все больше загоняя страну в идейный тупик: «мы также присутствуем при конце Европы, как культурного и политического гегемона мира. А наши “идеологи” все еще пытаются заимствовать из Европы все те идеи, которые Европу уже привели к концу» [14, с. 29]. Эти слова можно назвать пророческими, как и рецепт выхода из катастрофических ситуаций, также сформулированный им: нужно «работать по системе Александра Невского или Николая I и расхлебывать кашу, заваренную их эпилептическими предшественниками. Это будет медленная и очень прозаическая работа» [14, с. 498–499].

Стоит отметить, что «петровский миф» в целом основан на той же «логике» (точнее, ее отсутствии), как и похвальба «достижениями СССР». В обоих случаях имеет место элементарная логическая ошибка *post hoc ergo propter hoc* – лат. «после этого, следовательно, вследствие этого» (формула неправильного умозаключения, принимающего последовательность во времени за причинную связь). Такие же достижения – от всеобщей грамотности до освоения космоса – в XX веке происходили во всем мире, и ничего специфически «советского» в них нет. Точнее, есть, но только исключительно негативное. Во-первых, эти достижения во всем мире происходили в рамках нормальной жизни, и только в СССР – ценой невероятных жертв, гибели миллионов людей и фактического геноцида, сломавшего

в XX веке хребет русскому народу. Во-вторых, без катастрофы 1917 года, разорившей Россию и отбросившей ее на десятилетия назад в экономическом развитии, эти достижения были бы еще большими. Например, всеобщая грамотность в царской России вводилась бы уже в 1918 году, а большевики достигли этого на 20 лет позже. Но все это мелочь по сравнению с гибелью десятков миллионов людей от эпидемий, голода и геноцида – главного результата Гражданской войны и установления террористического режима.

Накануне 1917 года Российская империя уже стала третьей экономикой мира, первой в мире по темпам экономического роста, мировым лидером во многих высокотехнологичных отраслях промышленности, фундаментальной науки и т.д. Уровень жизни рабочих перед революцией был выше, чем в СССР в 1950-х годах (это признавал Н.С. Хрущев, который сравнивал на собственном опыте), и вообще рост благосостояния всех слоев населения перед революцией был очень впечатляющим. В 1917 году Россия стояла на пороге победы в великой войне, но эта победа была украдена революцией; усталость от войны в России по сравнению с другими странами была наименьшей, здесь даже не вводились карточки на продовольствие. Таким образом, именно в России внутренние причины для революции по сравнению с другими странами были наименьшими, по сути, их вообще не было. Но революция произошла именно здесь, а не в другом месте. Это очень странно и заставляет сделать вывод о том, что причина катастрофы 1917 года была в первую очередь не внутренней, а внешней. И действительно, к настоящему времени существует уже множество ценных исследований, показывающих «механизм» 1917 года как операцию коллективного Запада по разрушению России. Советский строй был основан на самом варварском и бездарном растрачивании невосполнимых человеческих ресурсов и духовных ресурсов народа, созданных за много веков царской Россией, в этом его внутренний роковой закон, который неизбежно привел к саморазрушению.

И «реформы» Петра I, и уже в намного более катастрофической форме захват России большевиками, происходили по одной и той же модели. Это не органическое заимствование элементов европейской цивилизации – оно происходит как раз в спокойные, «застойные» эпохи, – а в первую очередь разрушение своего. Это становится возможным потому, что власть в стране захватывается русофобской группировкой, главной задачей которой является удержание власти. Почему это становится возможным? В силу намного более высокой привычки доверия к власти, чем в Европе. Если бы кто-то подобный Петру I пришел к власти в европейском государстве и начал издеваться над народом и элитой, как это делал он, то был бы неизбежно свергнут и убит. В России тоже было много попыток свержения Петра I, но они не привели к успеху, поскольку не имели народной поддержки и носили «верхушечный» характер. То есть Петра I спасла та самая культура русской народной монархии, которую он уничтожал. Совершенно аналогично этому потом и большевики удерживались у власти только до тех пор, пока можно было паразитировать на лучших качествах народа, доставшихся им еще от царской России, но как только эти качества были в основном уничтожены у новых, уже чисто советских поколений, советский строй был обречен.

Второй причиной успеха и петровских, и большевистских разрушений была крайняя степень жестокости, с которой они проводились. Это стало возможным, поскольку и Петр I, и большевики создали «диктатуру сволочи» (И.Л. Солоневич), то есть проводили «отрицательный отбор» по моральному признаку в свой правящий слой. Затем происходило самоочищение этого «слоя» (у большевиков – в виде террора против самих террористов), что было продиктовано необходимостью как-то управлять государством, а для этого требовались вменяемые и работоспособные люди. И Петр I, и большевики были воспитанниками полукриминального «социального дна» и поэтому изначально были неспособны к управлению государством. Им требовались люди иного склада, которые могли заниматься

позитивной деятельностью. А затем эти люди приходили к власти, и так происходило ее оздоровление.

Таким образом, история показывает одну и ту же модель рейдерского захвата власти над Россией, которая одинакова и у Петра I, и у большевиков. Она имеет три составляющие: 1) нейтрализация народа и захват власти на самом «верху»; 2) создание новой правящей касты путем «отрицательного отбора»; 3) максимально радикальное разрушение всех устоев народной жизни. Но поскольку этот процесс долго продолжаться не может, приводя к саморазрушению страны, то он сменяется самоочищением власти. Но пока наступит это самоочищение, итоги разрушений окажутся катастрофичны.

Важнейший фактор временной победы разрушителей состоит в том, что они опираются на самые радикальные европейские антирусские идеи, и это сразу же «отключает» все культурные «фильтры». Петр исходил просто из европейского мифа о России как «варварской стране», что давало полный «карт бланш» на любые действия; большевики получали этот «карт бланш» на основе самой антихристианской и кровожадной из всех европейских идеологий – марксизма. При этом с сатанинским лицемерием собственные преступления и Петр I, и большевики оправдывали «русской жестокостью». Тем самым главная «тайна» и петровской, и большевистской катастроф – это, с одной стороны, опора «преобразователей» на inferнальные силы в обществе, а с другой – паразитирование на лучших качествах народа.

Понимание этой универсальной разрушительной стратегии очень важно для выработки «иммунитета» к ней в будущем. Понимание того, по какой «модели» традиционно обманывается и разрушается Россия, должно стать важнейшей частью русской исторической памяти. А.С. Панарин констатировал: «В России так и осталась не проделанной колоссальной важности работа – по реконструкции собственного (восточно-христианского) цивилизационного текста и реинтерпретации всех общественных практик с позиций этого большого текста» [11, с. 200]. Безусловно, И.Л. Солоневич сделал огромный шаг в этом направлении – во-первых, реконструировал подлинную русскую политическую традицию и дал ей удачное определение «народной монархии»; во-вторых, убедительно разрушил «петровскую легенду» просто на основании адекватного понимания самых известных исторических фактов. От того, насколько эти достижения будут внедряться в современное русское историческое сознание, зависит реальное возрождение народа и жизнеспособность России как государства.

Литература

1. Аксаков К.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьева. По поводу 1 тома / К.С. Аксаков // Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 320–340.
2. Альберт Пигий. Новая Московия // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXX. М.: Модест Колеров, 2021. С. 7–149.
3. Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
4. Константин (Зайцев), архим. Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. 864 с.
5. Буровский А. Петр Окаянный. Палач на троне. М.: Эксмо, 2013. 390 с.
6. Буровский А.М. Пётр Первый – проклятый император. М.: Яуза, 2009. 352 с.
7. Даренский Ю.В. Константы русского социального идеала и их исторические основания // История и современность. 2015. № 1. Март. С. 63–80.
8. Даренский В.Ю. О. Шпенглер о «двойном лике России»: от культур-мифологии к историософским прозрениям // Тетради по консерватизму: Альманах. М.: Фонд ИСЭПИ, 2020. № 4. С. 116–134.
9. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997. 527 с.
10. Новгородцев П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев // Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 559–580.

11. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. 326 с.
12. *Пушкин А.С.* История Петра: Подготовительные тексты / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 5–464.
13. *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982. 279 с.
14. *Солоневич И.Л.* Миф о Николае II / И.Л. Солоневич // Наша страна. XX век. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. С. 77–106.
15. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
16. *Тэн И.* Происхождение современной Франции. Т. 1: Старый порядок. СПб.: Тип. П.О. Пантелеева, 1907. 302 с.
17. *Толстой Л.Н.* [Варианты к Николаю Палкину] / Л.Н. Толстой // Полн. собр. соч. Т. 26: Произведения 1885–1889 гг. М.: Худож. лит-ра, 1936. С. 563–570.
18. *Хомяков А.С.* Аристотель и всемирная выставка / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Унив. тип., 1900. С. 177–199.
19. *Хомяков А.С.* О старом и новом / А.С. Хомяков // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1994. С. 456–470.
20. *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2: Письма. М.: Наука, 1991. 680 с.
21. *Шамбаров В.* Святая Русь против варварской Европы. М.: Эксмо, 2011. 558 с.
22. *Шишкин А.Б.* Судьба «Псалтири» Третьяковского // Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 4: Russische Psalmenübertragungen: Vasilij Kirillovic Trediakovskij Zürich. 1989. 20 с.

Аннотация. В статье рассматривается трактовка И.Л. Солоневичем деятельности Петра I. Показано, что на основе реконструкции подлинной русской политической традиции «народной монархии» и на основе исторического анализа И.Л. Солоневич убедительно разрушил «петровскую легенду». Адекватное понимание известных исторических фактов позволяет также вскрыть «механизм» разрушения русской цивилизации путем агрессивного внедрения западных нововведений. Понимание этой универсальной разрушительной стратегии очень важно для выработки «иммунитета» к ней в будущем. Понимание того, по какой «модели» традиционно обманывается и разрушается Россия, должно стать важнейшей частью русской исторической памяти и внедряться в современное русское историческое сознание, поскольку от этого зависит реальное возрождение русского народа и жизнеспособность России как государства.

Ключевые слова: И.Л. Солоневич, Петр I, «петровский миф», Россия.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Ivan Solonevich – the Destroyer of “the Legend of Peter”

Abstract. The author of the article examines I.L. Solonevich's interpretation of Peter I's activity. He shows that on the basis of the reconstruction of authentic Russian political tradition of the “popular monarchy” and historical analysis, I.L. Solonevich convincingly destroyed the “legend of Peter I”. The adequate understanding of the well-known historical facts also allows us to reveal the “mechanism” of the destruction of Russian civilization through the aggressive introduction of Western innovations. It's very important to understand this universal destructive strategy in order to develop “immunity” to it in the future. It's essential to gain a better insight of the traditional “models” of deceiving and destroying Russia, this understanding should become part of Russian historical memory and should be embedded in the modern Russian historical consciousness, because the real revival of the Russian people and the viability of Russia as a state depend on it.

Keywords: I.L. Solonevich, Peter I, “Peter's Myth”, Russia.

Петр Первый: век двадцатый

{ Раздел четвертый }

И.Н. Тяпин

*История и судьба патриотического западничества в России:
от Петра Великого до Петра Столыпина (в контексте современности)*

В.Ю. Даренский

Петр I и «наследие Чингисхана»

К.В. Шевченко

Личность и деятельность Петра I в словацком и чешском историко-культурном дискурсе XIX – начала XX века

А.Д. Гронский

Образ Петра I в белорусском историческом дискурсе постсоветского периода

С.В. Зеленин

Представления об образе Петра Великого в советское время

С.Ф. Черняховский

Дело Петра

История и судьба патриотического западничества в России: от Петра Великого до Петра Столыпина (в контексте современности)

Геополитическое положение России на стыке Запада и Востока обусловило изобилие противоречивых тенденций, ярких и трагических страниц в ее истории, что в свою очередь привело к появлению разнообразных вариантов как компилятивного, так и органического синтеза историософских подходов и концепций в отечественной мысли. Нет сомнения, что большая часть дискуссий XVIII – XX веков сегодня совершенно не потеряла своей актуальности и остроты и продолжает служить инструментом как государственной политики, так и идейной борьбы в «недрах» российского социума.

В рамках современного витка этой борьбы нередко встречаются суждения о том, что устойчивая (и воспринимаемая большинством общества как незыблемая) идейно-политическая оппозиция «либералы – патриоты» является некорректной с точки зрения формальной логики, ибо либерализм и патриотизм – это идеологии из двух разных политических плоскостей: внутривластной и внешнеполитической. В содержательном плане данная оппозиция объяснима установкой либералов на нетрадиционный для России социальный атомизм. Более логичной представляется оппозиция «западники – патриоты/почвенники». Однако и здесь нужно опираться на принцип историзма, понимая, что, как пишет Е.С. Холмогоров, «тогдашние западники (особенно западники-патриоты-государственники) были западниками не из русофобии, а из здравого смысла» [20], поскольку Запад представлял собой «полнокровную многообразную вселенную», а Россия – «великую и дерзновенную мечту», которую еще нужно было сделать фактом.

Рождение феномена русского/российского западничества приходится на XVII столетие, распространение – на XVIII век («век Просвещения»). Если в XVI веке Московская Русь была вполне «монолитным» в духовном и культурном плане обществом (по словам В.О. Ключевского, «и прежде, в XV–XVI веках, Россия была знакома с Западной Европой, вела с ней кое-какие дела, дипломатические и торговые, заимствовала плоды ее просвещения, призывала ее художников, мастеров, врачей, военных людей. Это было *общение*, а не влияние» [10, с. 355]), то при первых Романовых достаточно интенсивные контакты верхушки правящего слоя с представителями инославных государств породили, по известному определению Ю. Крижанича, «чужебесие», которое «многих наших правителей свело с ума и одурачило» [11, с. 230]. «В западничестве, – как писал Г.П. Флоровский о Петре, – он не был первым, не был и одиноким в Москве конца XVII-го века.... Петр застаёт в Москве уже целое поколение, выросшее и воспитанное в мыслях о Западе, если и не в западных мыслях... Новизна петровских реформ не в западничестве, но в секуляризации» [19].

Безусловно, русские западники допетровского времени – различные по своим принципам и заслугам перед Отечеством фигуры. Это не только авантюристы вроде подьячего

Тяпин Игорь Никифорович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Г.К. Котошихина, но и такие личности, как А.Л. Ордин-Нащокин (руководитель приказов, разработчик Новоторгового устава и Андрусовского перемирия), боярин А.С. Матвеев, крупный благотворитель Ф.М. Ртищев, ликвидатор института местничества князь В.В. Голицын. Однако установки на безусловное и полное признание превосходства Европы вплоть до житейских обычаев и необходимости ценностного ей подчинения постепенно сделали западничество не столько фактором прогресса, сколько трагедией России и хронической болезнью российской элиты.

Западничество эпохи Петра I (как практика, так и первые попытки теоретизирования, например работы Ф.С. Салтыкова «Пропозиции» и «Изъявления, прибыточные государству»), а также нескольких десятилетий после его правления было еще неструктурированным и весьма неоднозначным по своему идейно-культурному потенциалу. Так, если верить преданию, Петр I сформулировал цель своих реформ следующим образом: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». «Однако теперь, по прошествии уже более трех столетий, – пишет А.Ю. Минаков, – можно констатировать, что во многом это была лишь абстрактная патриотическая декларация» [13]. Реформы Петра были патриотичны на уровне общей цели, но антинародны и зачастую неадекватны в плане большинства конкретных установок и деяний. Тем не менее, как отмечает, к примеру, С.М. Сергеев, сам русский («российский») народ еще не дискредитировался как «неполноценный» (наоборот, декларировалась вера в его огромные творческие силы), «неполноценными» объявлялись только его старые, «ветхие» формы существования, сама же «народная» (национальная) парадигма развития России сомнению не подвергалась (тот же Ф.С. Салтыков мыслит русских как один из европейских народов, ничуть им не уступающий, а лишь несколько задержавшийся в своем историческом развитии, но отставание это способный легко преодолеть: «Российский народ такие же чувства и рассуждения имеет, как и прочие народы, только его довлеет к таким делам управить», чтобы «уравнять наш народ с европейскими государствами») [15, с. 69].

Критический анализ петровских реформ, осуществленный еще А.С. Шишковым, С.Н. Глинкой, Н.М. Карамзиным, обнаружил в них то, что сейчас устойчиво именуется разрушением основ цивилизации, ее культурного кода. Так, Н.М. Карамзин (сам изживший в себе юношеское западничество) в «Записке о древней и новой России» писал о том, что страсть к новому у Петра вышла за пределы всяческого благоразумия, требующего в любом государственно важном деле считаться с «мнением народным», с его духом и верой, издревле служившими надежной опорой российской государственности. Тем более недопустимо унижать народные обычаи, что Петр делал с маниакальным рвением («русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ», «презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?»). Карамзин, критически осмысливший несколько десятилетий устойчивой бытовой и культурной германомании, а затем (со времен Елизаветы Петровны и Екатерины II) галломании русского дворянства, призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках. Хорошо и должно учиться: но горе народу, который будет всегдашним учеником» [6, с. 257].

Необходимость для русского общества быстро пройти период ученичества и выйти за его пределы – кредо М.В. Ломоносова, доказавшего своей жизнью принципиальную возможность для русского сознания выбора альтернативного пути модернизации – соединения умеренного и рационально-критического западничества с искренним и пламенным патриотизмом не только в области чувств, но и дела. Однако патриотизм Ломоносова – во многом именно западнический патриотизм. Так, утверждая в письме к И.И. Шувалову, что в

«сохранении и размножении российского народа состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [12, с. 384], он предлагает перенести Великий пост (а значит, и Пасху) с весны на более подходящее (с точки зрения биологических и хозяйственных ритмов) время года. Эту рекомендацию Ломоносов завершает восклицанием: «Российский народ гибок!».

В период приблизительно середины XVIII – первой трети XIX века внутри западничества шли постепенные процессы не просто теоретического, философско-идеологического оформления (что в итоге выразилось в кружке Т.Н. Грановского, «Философических письмах» П.Я. Чаадаева), но и дифференциации на так сказать «патриотическое» и «чуждебное» («русофобское») направления.

Сутью первого направления является установка (пусть и во многом утопическая) на то, что Россия в результате западных институциональных заимствований должна сохраниться и укрепиться как суверенное национально-государственное образование, реализовать некий общечеловеческий потенциал. Сутью второго – готовность полностью или частично пожертвовать суверенитетом из личного эгоизма или экзистенциального неприятия любых культурных реалий России. Особой разновидностью второго направления выступает квазипатриотическое западничество, мимикрирующее под первое на уровне отдельных лозунгов и деклараций (табл. 1).

Таблица 1

**Российское западничество в отношении к патриотизму:
основные разновидности**

Западничество патриотическое	Западничество чуждебное	
	Скрытое (квазипатриотическое)	Открытое
<ul style="list-style-type: none"> – Критическая оценка отдельных периодов отечественной истории; – признание принципиальной возможности преодоления культурной, научной, технической и иной отсталости; – критика элементов социально-политического строя; – наличие рационального анализа специфики Западной цивилизации и ее истории; – поиск и выделение естественных причин и закономерностей российской отсталости и непохожести на Запад; – утверждение в качестве стратегической цели реформ и заимствований достижение экономического, политического и культурного расцвета страны; – рациональное определение и обоснование причин, направлений и сроков западных заимствований; – признание необходимости сохранения национального самосознания, национальной «физиономии» в рамках западной цивилизационной модели 	<ul style="list-style-type: none"> – Фактическое принятие большинства положений открытого чуждебства; – тактическое оперирование в прагматических целях отдельными установками патриотического западничества или даже незападнических направлений; – дискурс в рамках двойной доктрины: одной для «своих»/«элиты», другой – для «массы». В итоге – отчетливая противоречивость идей и действий, теории и практики 	<ul style="list-style-type: none"> – Квазирелигиозный культ Запада на основе создания явно неадекватной модели его устройства и истории; – сведение к минимуму или полное отсутствие рациональности дискурса; – отрицание положительного или хотя бы нейтрального характера любых историко-культурных, бытовых и иных традиций и реалий России, какой-либо их ценности; – отрицание объективности самого понятия «русскости» и производных от него, необходимости их использования в познании; – признание за Россией и русскими некой онтологической (в модернизированном варианте – генетической) ущербности, отрицание способности большинства российского населения к духовному развитию; – признание неприемлемости сохранения любых проявлений самобытности и суверенитета России; – откровенная и устойчивая неприязнь ко всему русскому/российскому вплоть до сознательного желания вреда не только власти, но и народу

Примером западника-квазипатриота (при этом вынужденного!) выступает П.Я. Чаадаев, игнорировавший известные любому школьнику ужасы и преступления европейской истории, но представлявший Россию как забытое Провидением географическое пространство вне истории, ярких событий (которые сводились только к рабству, крови и насилию). Лишь маскировкой, лукавством выглядят его суждения в «Апологии сумасшедшего» вроде: «Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения и суеверия... Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество» [21, с. 533–534]. Нужно помнить, что у П.Я. Чаадаева Россия представляла не просто отсталой, но аномальной страной, история которой противоречит законам эволюции и существования прогрессивных – европейских – народов. Отсюда и его известный софистический тезис о непреодолимом противоречии национальных и универсальных добродетелей: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо» [21, с. 523–524].

«Хрестоматийный» (и очень современный, легко узнаваемый!) пример западничества открытого русофобского – младший современник Чаадаева В.С. Печерин (автор строк «Как сладостно – отчизну ненавидеть, И жадно ждать ее уничтоженья... Дотла сожгу ваш... храм двуглавый, И буду Герострат, но с большей славой!»), представлявший Россию как «Некрополис» – город мертвых, который не имеет никаких перспектив для своего развития.

Можно констатировать в целом западнический характер высшей власти в Российской империи в правление Александра I, Николая I и Александра II. Власть апеллировала к русской идентичности, традиционным ценностям тогда, когда имели место вызовы, угрожающие самому государству. Внешне патриотическое западничество значительной части монархической элиты – закономерный результат балансирования между ценностями и нормативами Запада (родного в том числе в династическом, генетическом отношении) и объективно альтернативной российской цивилизационной системой. Во второй четверти XIX века его главным олицетворением можно считать Николая I, чтившего александровский «Священный союз», в кадровом отношении сознательно опиравшегося на «нетитульный элемент» (вроде Е.Ф. Канкрин, К.В. Нессельроде, П.А. Клейнмихеля), пытавшегося быть европейским геополитическим игроком, преследовавшего не только революционно-демократические движения, но и подлинно национальные идеи славянофилов или, скажем, старообрядчество. Разница между отдельными монархами и министрами (Я.И. Ростовцев, Н.А. Милютин, П.А. Шувалов, М.Т. Лорис-Меликов, П.А. Валуев и др.) состояла (разумеется, кроме склонности к более либеральному или охранительному консерватизму) в выборе и предпочтении того или иного образца «культурного донора»: Великобритании, Франции, Пруссии или Австро-Венгрии.

Ф.И. Тютчев обращал внимание на то, что русофобские настроения, русофобский образ мыслей и действий существуют в самой Российской империи не только в кругу либералов, нигилистов-революционеров, «польской оппозиции», остзейского юнкерства, но и в правительстве страны, где разрушающе действовала, как он ее называл, «антирусская клика» – «все элементы или нерусские по происхождению, или антирусские по направлению» [18, с. 352, 357]. Во многих публикациях о Тютчеве многократно приводился и отрывок

из его письма 1870 года к дочери о том, что в России господствует «абсолютизм», который включает в себя «черту, самую отличительную из всех – презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального».

Шатания русских западников XIX столетия между принципами патриотизма и чуждебесия можно наглядно проследить в рамках анализа идейного наследия ученых, мыслителей, общественных деятелей, администраторов – представителей различных философских и политических течений.

В рамках декабристских организаций патриотическая идея устойчиво присутствовала, но понималась как идея национальная и демократическая, носителем которой вместо царствующей династии провозглашался сам народ. Так, П.И. Пестель писал об унитарной русской республике. В «Русской правде» иностранцам запрещается иметь в России недвижимое имущество, пользоваться политическими правами, поступать на государственную службу (кроме как по ведомству образования). Н.М. Муравьев призывал к «законному борению» граждан против самодержавия как врага, аналогичного татарскому владычеству, во имя общего блага народа. М.Ф. Орлов в частном письме княгине С.Г. Волконской проповедует: «Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды». К.Ф. Рылеев полагал для приема нового члена в Северное общество достаточным основанием то, что кандидат «пламенно любил Россию» и «для благ ее готов был на всякое самоотвержение» [14]. В то же время встает вопрос о том, насколько искренними были эти суждения (учитывая, что масонство, частью которого и были декабристские общества, с его двойной доктриной – для верхушки и профанов – во многом и сформулировало классический национализм, могло систематически и активно апеллировать к патриотическим чувствам для разрушения абсолютной монархии и государственных конфессий).

Позднее В.Г. Белинский заявлял, что «мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе» [2, с. 57]. Он также утверждал следующее: «...чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь – национальность... Мы... решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью... Другими словами: народности суть личности человечества» [1, с. 21, 29].

Достаточно известен и следующий отрывок Белинского: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, – об этом пока еще рано нам хлопотать... В чем состоит эта русская национальность, – этого пока еще нельзя определить; для нас пока довольно того, что элементы ее уже начинают пробиваться и обнаруживаться сквозь бесцветность и подражательность, в которые ввергла нас реформа Петра Великого» [1, с. 29].

Революционные демократы – общеизвестные обличители российского самодержавия, официального православия и крепостного рабства – тем не менее использовали тему социальной и национальной дискриминации русских в Российской империи. Русские как наиболее угнетаемая самодержавной властью нация должны были стать движущей силой будущего революционного переворота и главенствующим этносом нового государства,

политическим центром общеславянской федерации. По А.И. Герцену, русская особость, русский национальный уклад жизни становились вариантом спасения от либерально-капиталистического «зигзага» Запада, ведущего к крушению цивилизации.

По мнению В.В. Журавлева, программа русских демократов середины XIX века была объективно направлена на постепенное и последовательное приобщение России к мировой цивилизации, развитие самосознания и сплочение нации [5, с. 21]. Лишь в 1870-х годах русская революционная идеология в работах представителей народничества (П.Н. Ткачева, П.Л. Лаврова и др.) утратит патриотическое содержание, а к концу XIX столетия под влиянием марксистского учения в среде российской радикальной интеллигенции распространяется сугубо интернационалистская трактовка социализма.

Примечательна историософская концепция М.Н. Каткова, перешедшего с позиций полудемократического (в период его общения с В.Г. Белинским), а затем либерального западничества на позиции активного охранительства. Устойчивый штамп о Каткове-консерваторе как консервативном западнике является не вполне верным. Россия виделась ему вполне зрелой страной, с длительной самобытной историей, глубокими непоколебимыми инстинктами и историческими традициями, которые происходят из ее природы. Увлечение западными идеями привело русское общество к тому, что «в своих представлениях мы живем все время вне России, и эта двойная жизнь рождает ужасный хаос в наших мыслях и в нашей реальной жизни. Все, что говорится на другом языке, переходит в головы русских, и они постоянно переносятся из российского образа жизни на далекие земли» [8, с. 493–494]. Однако элементы западничества в мировоззрении Каткова сохранялись на протяжении жизни, отнюдь не сводясь к его англomании. При анализе работ М.Н. Каткова довольно откровенно проступает теория Г. Гегеля о последовательном саморазвитии абсолютного духа. Он писал, что дух равен самому себе, он везде один и тот же, «как в отдельном человеке; так и в отдельном народе, так и в целом человечестве, как в зерне развития, так и в различных циклах своей жизни – действует он по одним и тем же законам, творит одни и те же миры, изводит из себя одно и то же содержание. Каждый период развития духа есть повторение предыдущего периода, и вместе – отрицание его... он сбрасывает с себя одну форму для того, чтобы открыться в другой, достойнейшей, он переходит с низшей ступени на высшую для того, чтобы виднее и явственнее показать существо свое» [7, с. 14]. При этом у М.Н. Каткова прусская монархия заменялась на русское самодержавие в качестве идеала социально-политического устройства, а православие ставилось на место лютеранства в качестве идеальной религии.

Обоснование государственно-национального патриотизма занимало далеко не последнее место в работах видных теоретиков умеренно-либерального западничества. К примеру, Б.Н. Чичерин еще в 1860-х годах сформировал программу «либерального консерватизма», в основе которой лежал принцип «либеральные меры и сильная власть», поскольку в отличие от Запада (где общественное устройство сложилось само собой) в России монархия сделалась исходной точкой и главным фактором всего исторического развития народной жизни (даже сельская община, по его мнению, имела не патриархальное, а естественное происхождение). По сути, он пытался сочетать либерализм с идеей строительства нации как модернизирующего феномена. Чичерин проследживает диалектику соотношения государства и общества как соотношения национального и универсального. Во имя нравственного закона человек подчиняется общественному началу как высшему выражению духовной связи людей. Идеи и социальные модели, «которые возникают среди одного народа, проверяются другими; каждый служит для других примером и поучением. Те особенности, которые вытекают из народного духа и из разнообразия исторических условий, указывают только на степень развития и на большую или меньшую близость к идеальному порядку, сознаваемому как конечная

цель» [22, с. 77]. При этом идеи и практику, выработанные европейской мыслью, Россия должна приспособить для себя в тех размерах и на таких условиях, какие допускаются нашей историей и жизнью.

Первое издание итоговой в тематическом отношении книги Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия» (1900) было подписано псевдонимом «Русский патриот». Как пишут В.А. Китаев и М.В. Медоваров, чтобы понять природу «патриотического» мотива у Чичерина, надо принять во внимание, что он утверждался здесь не как либерал, а как патриот, прежде всего предлагавший единственное, с его точки зрения, средство спасения России от гибели [9, с. 225]. Кроме того, ему надо было отмежеваться от либерального большинства, которое, с его точки зрения, оставило позиции «разумной умеренности», встав на путь социализации доктрины.

Либерал-консерватор следующего поколения П.Б. Струве, отвергавший особый исторический путь России, тем не менее констатировал, что только патриотический идеал может заполнить пропасть, отделяющую правителей от подданных. Либерализм означал для него утверждение неотъемлемых прав личности, которые не подлежат посягательству ни со стороны власти, ни со стороны отдельных лиц, а подлинное, не формально-отвлеченное понятие консерватизма было связано в его сознании с сохранением монархии, сильной государственности: «И тут мы нащупываем подлинный пафос консерватизма и его подлинное содержание. Таковым является государственность как утверждение всенародного единства, или соборной личности народа, и против классовых поползновений, и против безоглядных притязаний личности, т.е. против чрезмерного коллективизма и против крайностей индивидуализма» [17, с. 132–133]. Струве считал, что необходимо опираться на благую традицию отечественной мысли, представленную Сергием Радонежским, Н.М. Карамзиным, П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным, Б.Н. Чичериным, И.С. Тургеневым, Д.Н. Шиповым и др.

Так называемая философия «нового религиозного сознания» популяризировала само понятие «Русская идея», трансформировав учение славянофилов в русле экуменического глобализма, смешав его с историософско-методологическими постулатами П.Я. Чаадаева. В историософии «софийного направления» Россия призвана спасти человечество на универсальных нравственных принципах и категориях и при этом «раствориться» в нем. Концепция «всемирной теократии» В.С. Соловьева, сходные идеи его последователей (С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и др.) представляет собой, по сути, западническое убеждение в деятельности-организующей, «мужской» силе Запада по отношению к «женскому» российскому началу, в том, что любовь к Родине – нечто более низкое, чем любовь к истине. Так, В.С. Соловьев писал: «Я не могу служить, как следует своему Отечеству, если я при этом не служу истине и справедливости... – что возможно, по его мнению, – ...в той конкретной среде, в которую мы поставлены и которую мы через свою деятельность улучшаем и совершенствуем...» [16, с. 216].

К рубежу XIX – XX столетий честно и органично соединять любовь к Западу и Отечеству становится все сложнее. Мыслящий российский подданный не мог не видеть, что Запад раз за разом демонстрировал коллективную цивилизационную враждебность по отношению к европеизирующейся России (Крымская война, Берлинский трактат после освобождения Балкан и др.). Однако два обстоятельства не позволили осуществить в тот период полную и окончательную «демаркацию» патриотизма и западничества.

Первое состоит в том, что патриотическое охранительство Александра III, реализовавшее ряд тактических мер русификаторского характера, совершенно не выработало развернутой национально-государственной идеологии и стратегической программы самообитного цивилизационного развития. Второе (при этом прямо вытекающее из первого) связано с тем, что технико-экономическое развитие России при Александре III и Николае II

стало почти целиком поступательной колонизацией западного капитала, притом преимущественно англо-французского.

Деятельность либерального славянофила, земского активиста, позднее одного из учредителей «Союза 17 октября», члена Государственного совета Д.Н. Шипова олицетворяет тщетные надежды на обновление политического строя России при сохранении ее суверенитета через правительственные реформы и союз либералов и охранителей. Так, в 1899 году в Москве Д.Н. Шиповым и братьями-близнецами князьями Петром и Павлом Долгоруковыми (основателями кадетской партии) был организован полуконспиративный кружок «Беседа», среди участников которого были не только будущие лидеры «Партии народной свободы» (кн. Г.Е. Львов, Ф.А. Головин, В.А. Маклаков, Л.Н. Новосильцев и др.), но и отпрыски славянофильства (Ф.Д. Самарин, Н.А. Хомяков, М.А. Стахович), а также еще более правые (граф В.А. Бобринский, П.С. Шереметев).

Фигура П.А. Столыпина – это, пожалуй, последний яркий пример подлинного (искреннего) патриотического западничества в политической практике Российской империи.

Для Столыпина идеальный тип государства олицетворяла Германия. Будучи при своей православной принадлежности по воспитанию и жизненному опыту во многом западным человеком, Столыпин, вероятно, не отдавал себе отчета в том, что, нанося мощный удар по общине во имя разделения крестьянства на прослойку русских гроссбауэров, с одной стороны, и массы батраков и наемных рабочих – с другой, он ломает фундаментальные основания российской цивилизации и систему ценностей большинства населения страны. Социальное устройство в виде общины и промышленной артели соответствовало представлению народа о справедливости. Ответная реакция на его реформы состояла в поиске новых коллективистских форм.

Первая мировая война и последующие события всколыхнули в обществе не только искренние патриотические чувства, но и очередную волну квазипатриотического западничества, чтобы затем уже полностью разрушить идею интеграции западничества и патриотизма как реального проекта. Политика Временного правительства под лозунгом «войны до победного конца» во имя интересов Антанты привела к власти большевиков, союзы правительств «белых» с интервентами дало возможность уже большевикам апеллировать к патриотическим чувствам. Эмиграция «первых волн» в качестве развернутой доктрины основательно разработала только откровенно антизападническое евразийство; остальные движения (РОВС, Высший монархический совет, Народно-трудовой союз и др.) и мыслители (И.А. Ильин в «Наших задачах», И.Л. Солоневич в «Народной монархии») в сущности не выработали конкретного, определенного, качественно нового проекта, по-настоящему реализовав лишь (с разной степенью адекватности) анализ причин, приведших Россию к большевизму. В самом СССР идейно-политическая борьба (охватившая не только власть, но и искусство, литературу, гуманитарные науки, протекавшая более в скрытой, чем в открытой форме), была уже не борьбой патриотизма и чужебесия внутри западничества, а борьбой антизападнического советского патриотизма (с «ядром» – «русской партией» писателей и художников) с различными вариациями западнического глобализма внутри марксизма (более выступавшего как идеологическая ширма, нежели реальная программа). Борьбой, ведшейся с переменным успехом для обеих сторон, но закончившейся победой второй из них.

В постсоветской России на фоне тотального кризиса всех сфер и системообразующих институтов идею «вкрапления» патриотизма (преимущественно на уровне риторики) в западничество попытались реанимировать в качестве де-факто государственной идеологии. В данном – квазипатриотическом – качестве она использовалась до последнего времени теми силами и структурами, кто избегал обращения к национальному сознанию русского народа и считал нежелательным широкое использование самого слова «рус-

ский». Напрямую же к личности Петра Великого, идее «великой либеральной России» и т.д. (в сочетании с тотальной критикой всего цивилизационного устройства России) в 1990-х годах в предвыборных целях апеллировали партии и организации откровенно анти-российского толка вроде «Демократического выбора России». Позже один их основателей «Яблока» Ю.Ю. Болдырев провозгласил: «Под “патриотами-западниками” я подразумеваю тех, кто готов жестко отстаивать интересы России перед Западом на уровне буквально “ни пяди родной земли”, ни капли родной нефти на стратегически невыгодных для нас условиях и, наконец, ни рубля или доллара, абсурдно изъятого из нашей экономики, из нашего развития в какие-либо заокеанские “резервы”. Но, с другой стороны, одновременно столь же жестко и последовательно внедрять в нашу жизнь те достижения Запада, которые и делают его сильным» [3]. Однако в условиях геополитических реалий нового тысячелетия, по мере усиления тотального давления Запада и его структур на Россию утопическо-пораженческий характер идей и проектов «прихода»/«возвращения» России в Европу становится все более очевидным.

Таким образом, отношения патриотизма и западничества как понятий и принципов в России Нового времени претерпели определенную эволюцию. В период духовного расцвета и многополярности самого Запада обращение к патриотизму как категории и ценности в определенной степени способствовало самоидентификации, концептуализации и структуризации российского западничества и использовалось его различными политическими течениями: демократическим, либеральным и консервативным. Заметное место в западнической мысли займет тезис о том, что путь к подлинному патриотизму состоит в развитии личности и формировании нации. С другой стороны, по мере дальнейшего развития теоретического общественного сознания (вторая половина XIX – начало XX века) по-настоящему убедительно обосновать и доказать возможность замены русской особенности на универсальность с «русским лицом» западничество не смогло, используя идею патриотизма в большей степени как пафос, риторику, временный инструмент при возникновении опасных внешних вызовов.

Коренным источником противоречивости либо декларативности патриотического западничества выступает восприятие России как периферийной части западной системы, неспособность увидеть в самобытности и незападности культуры, быта, ценностей что-либо кроме отсталости, а также отсутствие умения почувствовать «душу» народа, понять его интересы. Именно стремление изменить ценности явилось огромной ошибкой западнических патриотов-реформаторов, из-за которой страна неоднократно впадала в «кризис души» и постепенно растеряла свои моральные устои.

Следует признать, что применительно к Новому времени можно выделить ряд примеров подлинного патриотического западничества в практике преобразований, при неоднозначных последствиях последних. Относительно краткосрочная модернизация, победы, внешний блеск и могущество закономерно сменялись еще большей архаизацией общественных отношений, духовным обеднением, новыми вызовами.

Новейшее время стало для нашей страны в том числе кризисом парадигмальной модели патриотического западничества, развернувшимся в силу не только внутренних, но и внешних факторов. Под последними имеется в виду торжество глобализма и международных над(анти)национальных управленческих институтов, а также завершение духовного кризиса Западной цивилизации, исчерпание какого-то потенциала положительного культурного влияния на остальной мир. Конфронтация России с Западом вновь стала фронтальной. В третьем десятилетии XX века и далее становится в принципе невозможным не только искреннее патриотическое западничество, но даже квазипатриотическое (соответствующая риторика которого обречена на провал и отторжение). Поэтому совершенно не прав «постмодернистский почвенник» Е.В. (Захар) Прилепин, утверждавший

несколько лет назад, что «старые оппозиции – левые-правые, западники-патриоты – устарели», что они «не работают» [4]. Сохранение России сегодня требует реализации (не на словах, а на деле!) программы творческого антизападнического патриотизма.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 10. М.: АН СССР, 1954. С. 8–50.
2. *Белинский В.Г.* Россия до Петра Великого / В.Г. Белинский // Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М.: Худож. лит-ра, 1979. С. 8–64.
3. *Болдырев Ю.Ю.* Деление на «западников» и «патриотов» – западня [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stoletie.ru/poziciya/delenie_na_zapadnikov_i_patriotov__zapadnya.htm
4. *Гаррос А.* Молодой хозяин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://snob.ru/magazine/entry/42821/?ysclid=15b1qiwy20565362715>
5. *Журавлев В.В.* Патриотизм и национализм как факторы российской истории // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 3 (72). С. 16–40.
6. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России / Н.М. Карамзин // Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль; Московский учебник, 2002. 477 с.
7. *Катков М.Н.* Песни русского народа, изданные И. Сахаровым. Критика // Отечественные записки. 1839. Т. IV. Отд. VI. С. 1–92.
8. *Катков М.Н.* Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 465–508.
9. *Китаев В.А., Медоваров М.В.* Б.Н. Чичерин и его консервативные оппоненты накануне Первой Русской революции // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 222–229.
10. *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций: в 3 кн. Кн. вторая. М.: Мысль. 1993. 592 с.
11. *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997. 527 с.
12. *Ломоносов М.В.* О сохранении и размножении русского народа / М.В. Ломоносов // Поли. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 381–404.
13. *Минаков А.Ю.* Западничество как болезнь русской цивилизации [Электронный ресурс] // Журнал Института наследия. 2018. № 2 (13). С. 7. Режим доступа: <https://readera.org/170174038>
14. *Сергеев С.М.* Декабристы – первенцы русского национализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.apn.ru/publications/article22993.htm?ysclid=15azf3fewm50056722>
15. *Сергеев С.М.* Как возможна русская русофобия? // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13). С. 66–85.
16. *Соловьев В.С.* Статьи и письма // Новый мир. 1989. № 1. С. 211–243.
17. *Струве П.Б.* О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 131–134.
18. *Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М.: Наука, 1988. 588 с.
19. *Флоровский Г.П.* Петербургский переворот [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/puti-russkogo-bogoslovija/5
20. *Холмогоров Е.С.* О западниках и славянофилах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adept58.livejournal.com/797694.html>
21. *Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего / П.Я. Чаадаев // Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 523–538.
22. *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб.: Наука; С.-Петербург. изд. фирма, 1998. 654 с.

Аннотация. Феномен патриотического западничества возник как следствие необходимости разрешения противоречия между неорганической европоцентристской модернизацией и культурно-историческим фундаментом цивилизационной самобытности России, формируясь и эволюционируя на протяжении XVIII – начала XX века. Патриотическое западничество развивалось в качестве реакции на критику со стороны национальной мысли, полностью не теряя идейную связь с русофобским/чуждебесным западничеством. В период расцвета Российской империи патриотическое западничество постепенно стало на уровне ключевых тезисов полуофициальным мировоззрением и значительной части интеллигенции (как либеральной и либерально-консервативной, так и революционной), и государственной власти. Наличие утопических и не согласующихся друг с другом идей на фоне становления (пусть и медленного) национально-патриотического сознания привело к широкому распространению внутри русофобского западничества мимикрии под патриотическое течение, так что идентификация ряда представителей западничества, апеллировавших к патриотизму, по линии «подлинности – мнимости/квазипатриотизма» не всегда оказывается возможным. Приверженность догматическим идеям об эмбриональности российского социума, самобытности как отсталости неизменно приводила к тому, что патриотическое западничество могло давать кратковременный позитивный эффект, сменявшийся долговременным негативным. Кризис парадигмальной модели патриотического западничества, развернувшийся в Новейшее время под действием комплекса внутренних и внешних факторов, ныне лишает его серьезных перспектив в качестве идеологии и практики российского национально-государственного строительства.

Ключевые слова: патриотическое и чуждебесное западничество, многополярный Запад, Русская идея, квазипатриотизм, революционные демократы, либерализм, консерватизм, нация.

Igor N. Tyapin, Doctor of Philosophy, PhD in History, Associate Professor; Professor, Department of Philosophy, Vologda State University. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

The History and Fate of Patriotic Westernism in Russia: from Peter the Great to Peter Stolypin (in the Context of Modernity)

Abstract: The phenomenon of patriotic Westernism arose as a consequence of the need to resolve the contradiction between the inorganic Eurocentric modernization and the cultural and historical foundation of the civilizational identity of Russia, forming and evolving during the 18th – early 20th century. Patriotic Westernism developed as a reaction to criticism from national thought, without completely losing ideological connection with Russophobic/foreign Westernism. In the golden age of the Russian Empire, patriotic Westernism gradually became, at the level of the key theses, the semi-official worldview of both a significant part of the intelligentsia (both liberal, liberal-conservative and revolutionary) and the state authorities. The presence of utopian and inconsistent ideas against the background of the formation of (albeit slow) national-patriotic consciousness led to a wide spread of mimicry within Russophobic Westernism under the patriotic current, so that the identification of a number of representatives of Westernism who appealed to patriotism along the line of “authenticity – imaginary / quasi-patriotism” as not always possible. Adherence to the dogmatic ideas regarding the embryonicity of Russian society, originality as backwardness, invariably led to the fact that patriotic Westernism could give a short-term positive effect, followed by a long-term negative one. The crisis of the paradigm model of patriotic Westernism, which has unfolded in recent times under the influence of the complex of internal and external factors, now deprives it of serious prospects as ideology and practice of Russian national-state construction.

Keywords: Patriotic and Foreign Westernism, Multipolar West, Russian Idea, Quasi-patriotism, Revolutionary Democrats, Liberalism, Conservatism, Nation.

Петр I и «наследие Чингисхана»

Коммунистическая власть оказалась продолжательницей европеизаторских традиций... Она не порвала с прошлым, а находится всецело во власти этого прошлого, пресловутых «заветов Петра Великого».

Н. Трубецкой

Создание Российской Империи Петром I не было отменой Катехона – православного царства, которое перешло в Россию из Нового Рима, но всего лишь его новым, европеизированным обликом. Это новое обличье искажало и разрушало подлинный сакральный смысл существования России и привело к катастрофе 1917 года как неизбежному итогу «европеизации». Тем не менее Россия как центр и защитник мирового Православия остается Катехоном и сейчас, и будет оставаться всегда, при любых исторических трансформациях. Вместе с тем, европейский «поворот» Петра I является таким же базовым, «архетипическим» явлением в русской истории, как и Крещение Руси. Если Крещение – это исток России как таковой, то Петр I – это символ уклонения России от ее эсхатологической миссии в мировой истории.

Но если Петр I был уклонением, то важно понимать, от чего именно он уклонился. Обычно речь идет о том типе православной монархии, которая была перенесена в Москву из Нового Рима (Константинополя) по принципу *translatio imperii*, – этот тип монархии исследован в классическом труде Льва Тихомирова «Монархическая государственность». Кроме того, с точки зрения истории социальных институтов, для понимания допетровской монархии очень важна книга И.Л. Солоневича «Народная монархия», которая мало затрагивает этот религиозный аспект русской государственности (хотя и указывает на него как на важнейший и определяющий), но рассматривает ее как продукт народного творчества и самоорганизации в тяжелейших исторических условиях. Вторым эмпирическим подходом к пониманию оснований русской монархии стала евразийская теория, которая также рассматривает государство Российское как результат самоорганизации, но уже не только одного русского народа, а и множества этносов на огромном пространстве Евразии в соответствии с объективными законами ее «месторазвития». Эта разновидность «естественно-исторического» подхода имеет большую ценность, поскольку старается опираться исключительно на понимание объективных процессов, «неумолимых законов» истории. При этом все евразийцы – от Н. Трубецкого до Л. Гумилева – были воцерковлен-

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ными православными людьми, а не «позитивистами», и очень хорошо понимали духовный смысл истории России как хранительницы Православия. Тем самым очень важно увидеть феномен Петра I с евразийской точки зрения, то есть проанализировать, как его деятельность в целом соотносилась с объективными законами «месторазвития» и теми социальными «механизмами», которые создали Россию. Такова цель данной статьи.

Понимание российской монархии как исторического феномена должно иметь системный, многоуровневый характер. Его высший, богословский уровень представляют, например, труды святителя Серафима (Соболева); средний – политическую философию – исследование Л.А. Тихомирова; но в основе всего должна быть и научно-эмпирическая часть, которая хорошо представлена «Народной монархией» И.Л. Солоневича и евразийцами, а из современных авторов – например, книгой «Самодержавие» А.Н. Боханова и работами М.Б. Смолина. Но особая ценность наследия евразийцев состоит в том, что они спрогнозировали геополитические процессы в России XXI века.

Современная Россия начала великий исторический поворот на Восток, от которого полностью зависит ее будущее. Если этот поворот удастся, она вновь станет сверхдержавой, от которой будут зависеть судьбы всего мира; если нет – останется сырьевой периферией Запада, которой она была с 1917 года. СССР как удачный проект Уолл-стрит разрушил Россию изнутри и привел ее в такое состояние, при котором речь шла уже только о выживании. Разруха 1990-х была результатом неизбежного краха большевизма, который мыслители русского Зарубежья предсказали даже в мельчайших деталях еще сто лет назад. Но по милости Божией Россия не погибла окончательно и сейчас получила последний шанс на возрождение.

Россия выходит из экономической системы коллективного Запада и встраивается в экономическую систему Азии, в которой нет диктатуры одного центра, но существует содружество интересов стран, в совокупности более мощных, чем Запад и в экономическом, и в военном отношении. Это процесс почти сто лет назад был очень точно предсказан кн. Н. Трубецким: «В международных сношениях будущая Россия... не будет стремиться стать европейской державой, а, наоборот, будет всячески отмежевываться от Европы и европейской цивилизации. Памятуя уроки прошлого, она будет следить за развитием европейской материальной техники, усваивать из этой техники то, что ей необходимо, но всячески будет ограждать себя от усвоения европейских идей, европейского мирозерцания и духа европейской культуры. Она не будет вмешиваться в европейские дела, не будет брать сторону той или иной из борющихся в европейских странах партий или идеологий... Наоборот, в отношениях своих к странам и народам неевропейской цивилизации будущая Россия должна руководствоваться чувством солидарности, видя в них естественных союзников, одинаково заинтересованных в преодолении империализма европейской цивилизации» [8, с. 362–363]. Кроме того, как предсказал Н. Трубецкой, тщетно будет Россия искать на Западе каких-то «союзников», поскольку «полная гибель международного капитала и прекращение его эксплуататорского властвования над “нецивилизованными” или “полуцивилизованными” странами, т.е. именно то, что должно быть целью России, для европейского пролетариата невыгодно и неприемлемо, совершенно так же, как и для европейской буржуазии» [8, с. 363]. Именно это сейчас и происходит.

Но почему эти прозрения принадлежат именно кн. Н. Трубецкому – основателю евразийства? Потому что евразийцы первыми сумели посмотреть на Россию и русскую историю не с Запада, а с Востока – и увидеть то, что до них не видел почти никто. Евразийство до сих пор принято критиковать – по старой привычке интеллигенции холуствовать перед Западом и выглядеть «европейцами». Однако критикуются обычно лишь какие-то второстепенные моменты, а главного в евразийстве «в упор не видят». Но это в лучшем случае, а чаще всего критикуются лишь собственные домыслы, которые эти критики приписывают

евразийцам без всяких на то оснований. Например, тезис о том, что евразийцы якобы отрицали татаро-монгольское иго или что они считали Россию Ордой, или даже то, что они якобы «оправдывали большевизм». Все это ложь. Евразийцы писали о том, что Русь смогла победить Орду в том числе и благодаря тому, что переняла у нее принципы создания империи с огромным конгломератом азиатских народов, но это просто исторический факт. Факт и то, что Россия вобрала в себя все народы, ранее собранные Ордой в единое государство. Но это не значит, что Ордой стала сама Россия. Как раз наоборот – это Орда стала Россией, потому что просто перестала быть Ордой.

Особая заслуга евразийства состоит в строго научном понимании роли Православия как созидателя России. Как это ни странно, но «классическая» русская историография – от Татищева до Ключевского – не рассматривала Православие как фактор исторического процесса, но только лишь как некий «этнографический» фактор. Даже войны в защиту веры и Святой Руси – от св. блгв. кн. Александра Невского до освобождения балканских славян – трактовались ими в первую очередь в политическом контексте. Только евразийцы первыми стали рассматривать Православие как важнейший фактор русской истории именно с научной точки зрения. Именно евразийцы первыми объяснили, почему на Русь так и не смог проникнуть европейский феодализм (о чем первым писал еще А.С. Пушкин), но была создана православная «народная монархия» отчасти по византийскому образцу – даже несмотря на самые неблагоприятные для этого обстоятельства. Как известно, св. Александр Невский создал союз с татаро-монголами против агрессии коллективного Запада ради сохранения Православия и так заложил основы современной России. Но почему этот выбор стал устойчивым и потом создал великую империю на 1/6 части суши – из какого-то совсем маленького княжества Московского? Именно евразийцы первыми объяснили, что это произошло только потому, что Москва переняла самую высокую на то время в мире политическую культуру – наследие империи Чингисхана.

В чем же суть этой культуры? «Чингисхан был не только великим завоевателем, он был и великим организатором. Как всякий государственный организатор крупного масштаба, он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему» [8, с. 299], – писал Н. Трубецкой. А именно: «К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории... Люди такого ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство... Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно и религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуетя своему непосредственному начальнику, он повинуетя не ему лично, а ему как части известной, божественно установленной иерархической лестницы»; «согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли

заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным» [8, с. 300]. Но ведь именно на этих принципах потом создавалась царями и Россия!

Стоит отметить, что Чингисхан сам был образцом такого типа людей, на которых он строил свое государство. Он проявлял благородство и прощал врагов и предателей, делая из них верных друзей и союзников. Именно это и стало решающим фактором его успеха, а завоевания были лишь следствием. Так, например, он простил предателя Тогрула, а бывшего врага Джиргоадаю, ранившего его стрелой, взял из плена к себе на службу и сделал своим лучшим полководцем, дав ему новое имя Джэбэ («Наконечник стрелы») – именно этот Джэбэ потом и разбил враждовавших между собою русских на Калке.

Фактически это конфуцианские принципы, заимствованные монголами у китайцев, с которыми они воевали уже много веков и тоже на некоторое время включили их в свою империю, как и Русь. Как известно, русское слово «государство» – китайского происхождения («го»); однако на самом деле не только слово, но и сами принципы государственности, пришедшие к нам через посредство первой евразийской империи Чингисхана, имеют конфуцианское происхождение. Они отличаются от принципов, сформировавшихся в Древней Греции, в первую очередь тем, что изначально имеют не узкие «полисные», а имперские происхождение и цели. Цель полиса – «феодалная»: хорошо обустроиться в своем маленьком мирке, отгородившись от всех. Цель империи – мировая: установление всеобщей справедливости и совершенства. Почему же Русь усвоила именно эту великую восточную традицию, а не «дикий феодализм» Запада? Потому что хотела спасти Православие. И спасла.

Афористически говоря, «наследие Чингисхана» – это то, что спасло Москву от судьбы Литвы. Православное царство можно было построить только на этой основе, а не на фундаменте европейского феодализма, основанного на «борьбе всех против всех». Московская Русь строилась на народной соборности и нравственном отборе. Естественно, Русское Царство является православным, а не «конфуцианским». Но для сохранения Православия и создания Православного Царства именно Москва имела особые культурные основания, а не Русь Литовская, которая переняла европейский феодализм, выродилась в олигархию и была поглощена Польшей. Ведь изначально именно Русь Литовская была намного больше по площади и сильнее Руси Московской – она и должна была бы по всем «естественным» предпосылкам собирать Русь. Но не смогла и даже не ставила себе такой цели. Почему? Потому что в ней уже с самого начала господствовал европейский феодализм, который в принципе не может создать империю, как это показала судьба империи Карла Великого. А Москва смогла благодаря совершенно иной политической культуре, которую Н. Трубецкой метафорически и несколько провокативно назвал наследием Чингисхана. Только на основе этого наследия можно было устоять перед натиском Европы и построить монархию по образцу Нового Рима. Это исторический факт.

Именно за открытие этого принципиального факта евразийство страстно ненавидят все без исключения западники и враги Православия – тем самым отношение к евразийству *de facto* стало своего рода «тестом на русофобию». Евразийцы – белогвардейцы и эмигранты – были самыми последовательными врагами большевизма. Н. Трубецкой писал: «большевизм есть движение разрушительное, а евразийство – созидательное. Оба движения полярно противоположны, и никакое сотрудничество между ними немыслимо. Эта противоположность между большевизмом и евразийством не случайна, а коренится в глубинной сущности обоих движений. Большевизм – движение богоборческое, евразийство – движение религиозное, богоутверждающее» [9, с. 496]. Для евразийцев большевизм – это лишь самая радикальная форма антирусского «западничества»: «Евразийство призывает все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры и

вновь вступить на путь выработки своих национальных культур... в большевизме скрыто то же нивелирующее “цивилизаторское” культуртрегерство, и притом в гораздо более радикальной форме, чем у романо-германских колониальных империалистов. Не к созданию подлинно-национальных культур, преемственно связанных с историческим прошлым, а к национальному обезличению и разрушению всяких национальных основ хотят большевики привести все народы Азии и Россию» [9, с. 496]. Н. Трубецкой прозорливо писал и том, что Антанта только делала вид, что помогает Белым армиям, а на самом деле изначально хотела оставить у власти большевиков. Коллективному Западу была нужна большевистская оккупация России для ее максимального ослабления и «европеизации». Эту подлинную цель Запада в приведении к власти большевиков он показал очень четко: «Несмотря на всю явную с коммерческой точки зрения невыгоду, которую представляет для буржуазной Европы существование в России коммунистического правительства, затрудняющего своими социально-экономическими опытами проникновение в Россию европейских товаров в желательном для Европы количестве, европейцы тем не менее мирятся с этим неудобством и считают существование коммунистического правительства в России для себя выгодным. Ибо это правительство ведет в России европеизаторскую работу. Разрушая духовные устои русской жизни и национальное своеобразие, насаждая в России то материалистическое мировоззрение, которое фактически является в Европе и Америке господствующим, и воспитывая Россию на идеях, созданных европейскими теоретиками и выросших органически из почвы европейской цивилизации, коммунистическое правительство закрепляет Россию в положении провинции европейской цивилизации и утверждает духовное завоевание России Европой, завоевание, которому начало положил Петр I» [8, с. 354]. Евразийцы не «оправдывали» большевиков, но они писали о том, что СССР удалось создать именно на основе тех же самых объективных закономерностей объединения огромных пространств, которые ранее создали и Российскую Империю. Не идеология создала СССР, а паразитирование большевиков на уже созданном задолго до них царями единстве евразийского содружества народов, которые уже не мыслили тогда свою жизнь без России.

Многих весьма смущает обращение Н. Трубецкого к образу Чингисхана, которого традиционно воспринимают как «мирового злодея». Чингисхан действительно был злодеем, но не в большей степени, чем любой крупный политический деятель его времени. Разница лишь в том, что другие злодеи злодействовали исключительно в своих корыстных интересах, не оставив после себя ничего, а Чингисхан создал самое большое по площади и числу народов государство во всей мировой истории. Кроме того, его злодейства, как и следовало ожидать, были весьма мифологизированы европейцами. Русский исследователь Б.Я. Владимирцов в книге «Чингис-хан» (1922), которая, видимо, тоже подтолкнула Н. Трубецкого к написанию его работы, писал следующее: Чингисхан «никогда не прибегал к бесполезным зверствам, никогда не проявлял варварской жестокости по отношению к пленным врагам, чтобы утолить жажду мести. А между тем его же современники, даже представители гораздо более культурных народов, не только предавали на своих глазах, как например, Джелаль-ад-дин, мучительной смерти взятых ими в плен врагов, но и находили себе восторженных восхвалителей их варварских поступков... Чингис... уже из простого расчета не мог и не хотел быть кровожадным убийцей, как никогда не хотел быть и бессмысленным разрушителем культурных поселений, хорошо понимая, какую пользу могут доставить земли с оседлым, культурным населением» [1, с. 171–172]. Известно о разрушении Чингисханом нескольких городов – из нескольких сотен, им покоренных, но это было исключение, а не правило. Разрушены были те города, которым он отплатил за их вероломство. А в это же самое время в Европе и на Руси в феодальных войнах города разрушались регулярно.

Поэтому фактор злодейства следует вообще исключить из рассмотрения как «историческую константу» и оценивать все остальное. А здесь есть о чем задуматься. Первыми всерьез задумались евразийцы и не зря. Они нашли исток, исходную позитивную модель российской государственности, которая ее и создала. Н. Трубецкой писал: «Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Даже в период антинациональной монархии, когда и правительство, и образованное общество стремились к тому, чтобы Россия была европейской державой, и всячески стыдились признать естественную связь России с Азией, даже тогда Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии – дело Чингисхана... правительство, стремясь во всем подражать “великим европейским державам”, готово было всюду проводить насильственную ассимиляцию и культурно обезличивать вновь присоединенные области (как это делают подлинные европейцы в своих колониях), народная русская стихия, инстинктивно ощущавшая подлинную задачу России, усваивала по отношению к туземному населению тактику братания, охотно заимствовала от покоренных разные черты их быта... мешало только стремление русских верхов (как образованного общества, так и правительства) иметь культуру непременно европейскую» [8, с. 360–361].

В результате этого, как пишет Н. Трубецкой, «процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми... в России эпохи европеизации никто не чувствовал себя совсем в своем доме: одни жили как бы под иноземным игом, другие – как бы в завоеванной ими стране или в колонии» [8, с. 357]. Поэтому после свержения ига большевиков «будущая Россия – Евразия должна сознательно отвергнуть дух европейской цивилизации и построить свою государственность и свою культуру на совершенно иных, неевропейских основаниях» [8, с. 362]. В противном случае у нее не будет шансов выжить. Подтверждение этому мы и видим сейчас.

Тем не менее сам провокативный термин «наследие Чингисхана» для современного человека непривычен, поскольку над его сознанием довлеет представление о «татаро-монгольском иге» (этот термин был придуман в XVIII веке немецким историком А. фон Шлёцером, а у него заимствован Н. Карамзиным – оба исходили из мифа о «темной и рабской» России и искали «обоснования» для него). Естественно, сам факт Батыева погрома Южной и Восточной Руси невозможно отрицать, как и факт выплачиваемой монголам «дани». Однако все это само по себе нисколько не является неким «игом», поскольку такие явления в то время были везде. Батыев погром по своим масштабам вполне соответствует обычной феодальной войне, которые и на Руси, и в Европе в то время велись регулярно. Точно такой же погром Киева, например, произошел и на семьдесят лет раньше – в 1169 году. Более мелкие города враждующие князья тоже жгли регулярно. Фактически монголы сделали то, что должны были сделать, но не смогли сами русские князья, – прекратили усобицы путем подчинения всех единому центру. Если бы это сделали сами князья, создавая новый единый центр Руси, то без войн и погромов тоже не обошлось бы. И действительно, Москве потом пришлось вести такие же войны с удельными княжествами, вплоть до Новгорода. В чем, собственно, разница? Только в том, что эти войны были растянуты во времени, а Батыев погром был концентрированным, и поэтому произвел такое страшное впечатление.

А. Шляхторов обобщил результаты новейших исследований периода «ига» и пришел к парадоксальному выводу: оказалось, что именно этот период XIV–XV веков является периодом самого плодотворного развития Руси во всех сферах – от экономики до культуры. Именно на основе этого развития и происходило объединение страны с новым центром в Москве, а иначе оно было бы просто невозможным. Если культурные достижения этого

периода общеизвестны – это расцвет русской святости, творения прп. Андрея Рублева и т.д., то развитие в экономической сфере этого периода до сих пор остается малоизвестным. Как оказалось, вся «дань» в Орду была намного меньшей экономической нагрузкой на крестьянство и на страну вообще, чем та дикая феодальная эксплуатация, которая в это же время имела место в Европе. Центральная Россия платила монголам 6000 руб., то есть 0,044 руб. на семью в год, что соответствовало 2 пудам ржи (зерна), или 3 ведра на семью в год. А, например, маленький Уэльс с населением как минимум в 10 раз меньше, платил ровно столько же налогов Лондону – как вся Северная Русь [10, с. 78]. Благодаря интеграции в евразийское экономическое пространство северо-восточная Русь оказалась узлом важнейших торговых путей и благодаря этому имела торговую прибыль, перекрывавшую все издержки на «дань». Князья Московской Руси богатели не за счет феодальной эксплуатации крестьян, которые в подавляющем большинстве были свободными, и платили только налог, но именно за счет торговли. В этом отношении «ордынская» Русь была ближе торговым республикам Венеции и Генуи, чем феодальной Европе.

Что могло бы быть с северо-восточной Русью, если бы она не вошла в евразийский мир, но осталась бы феодальной окраиной Европы, хорошо показывает судьба некогда могущественного Галицко-Волынского княжества, которое «выбрало Европу» и в результате этого впало в полное ничтожество и было быстро поглощено Польшей. Этой теме посвящена блестящая статья другого выдающегося евразийца – Г. Вернадского (сына академика В.И. Вернадского) «Два подвига св. Александра Невского». Хотя у Новгорода была ситуация лучше – он не поглощался иноземцами – однако и центром Руси тоже не мог стать, поскольку оставался лишь сырьевой периферией Европы и ничем иным быть не мог. Когда вспоминают в первую очередь Батыев погром Руси, то делают это не без лукавства, а именно для того, чтобы не вспоминать потом почти полное прекращение как княжеских усобиц, так и татарских набегов. Это странное «иго» установило на Руси мир, которого не было уже несколько веков, со времен Ярослава Мудрого. Конечно, и этот мир был относительным, но бывали и целые десятилетия «великой тишины».

Наконец, важнейший факт состоит в том, что «иго» фактически спасло Православие на Руси (как впоследствии и Великая Отечественная война – Господь явно посылал войны как крайнее средство для спасения Своей земной Церкви). Выбор св. Александра Невского в пользу союза с Ордой, а не с Европой имел главной целью спасение Православия. Монголы, в отличие от европейцев, не посягали на веру – более того, даже специально защищали ее: «Согласно чингизхановой Ясе татаро-монголы приняли русскую Церковь под свое покровительство. Сообщая о переписи населения Руси в 1257 г. для обложения регулярной данью, летописец специально подчеркивает: “толико не чтоша поповъ и діаконовъ и чернцевъ”. Упоминание о второй переписи в 1275 г. сопровождается такой же оговоркой: “изочтоша вся, точию кром священниковъ и иноковъ и всего церковнаго причта”. Сохранившиеся ханские ярлыки – иммунитетные грамоты, данные русским митрополитам, выделяют духовенство в глазах своих подданных и своих чиновников из остального русского населения. Ярлыки освобождали духовенство от всех видов дани, от всех повинностей перед ханом» [4, с. 23]. Монголы так поступали, во-первых, из прагматических соображений, зная, что народ будет защищать свою веру до конца, и поэтому не нужно доводить его до этого; во-вторых, исходя из общего принципа веротерпимости как важнейшей составляющей «наследия Чингисхана». В феодальной же Европе, как известно, о веротерпимости никто не слышал, и зверские религиозные войны велись до XVII века включительно.

Впрочем, в ряде случаев отношения с Ордой были аналогом феодального вассалитета: «русские князья со временем стали ездить в Орду с жалобами друг на друга, тягаясь из-за княжеств, выпрашивая татарскую военную помощь в борьбе с внешними врагами или в своих междоусобицах» [4, с. 16]. В 1380 году – сразу после Куликовской битвы – «все

русские князья послали своих киличеев с дарами к воцарившемуся в Орде хану Тохтамышу. Дмитрий Иванович послал Толбугу и Мокшию» [4, с. 19]. Более того, «иногда сами князья посылали в Орду сыновей, чтобы они защищали их интересы при дворе хана. В 80-х годах XIV века хан Тохтамыш держал в качестве заложников старшего сына великого князя Дмитрия Ивановича московского – Василия Дмитриевича (будущего великого князя)» [4, с. 13]. Особое отношение с Ордой было у Церкви. Так, например, святитель митрополит Алексей побывал в Орде в 1357 году, за ним приходил посол Джанибека с просьбой исцелить ослепшую ханшу Тайдулу – и он ее исцелил своей молитвой. Икона «Алексий митрополит», написанная Дионисием и находящаяся ныне в Третьяковской галерее, содержит 20 клейм, отображающих основные моменты жития митрополита, и пять из них показывают его посещение Орды, чудо исцеления ханши и взаимоотношения с ханским семейством [4, с. 32]. Характерны явные «двойные стандарты» апологетов Европы: если вассалитет в Европе ими трактуется как признак прав личности феодала, то точно такие же отношения русских князей с Ордой трактуются как выражение «рабства».

Весьма быстро Русь под покровительством Орды развилась настолько, что стала сильнее ее и затем собрала ее бывшие земли в свое государство. Орда даже вступала в трогательный союз с Европой в лице Литвы и Генуи против Москвы, но и это ей не помогло. Это является свидетельством объективного роста Руси Московской в период «ига» до такой степени, что она превзошла по своим человеческим и экономическим ресурсам своих врагов.

Специфика социально-политической модели, создавшей сначала Русь Московскую, а затем Россию, была заложена именно в этот период. Она определяется как противоположность между русской «народной монархией» и европейским феодализмом и абсолютизмом как его завершением. Эту противоположность первым четко сформулировал А.С. Пушкин: «Феодализм частность. Аристократия общность. Феодализма в России не было. Одна фамилия, варяжская, властвовала независимо, добываясь великого княжества. Феодальное семейство (одно *vassaux*). Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, не сосредоточиваясь в малом семействе, не враждуя против королей, не продавая своей помощи городам. Но они были вместе, придворные товарищи об их правах заботились, составили союз, считались старшинством, крамольничали. Великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить. Аристократия стала могущественна. Иван Васильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междоусобице она возросла до высшей степени... меньшее дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле придворного чина, но в смысле аристократии. Феодализма у нас не было, и тем хуже» [6, с. 126–127]. Выражение «тем хуже» у А.С. Пушкина осталось нерасшифрованным, но по контексту понятно, что он имел в виду тот факт, что аристократия в итоге была задавлена абсолютизмом Петра I и его «меньшим дворянством» выскочек типа А.Д. Меншикова. Здесь термин «феодализм» оказывается двусмысленным, поскольку абсолютизм Петра I и был продуктом европейского феодализма, внедренным в России. Но А.С. Пушкин имеет в виду не это, а «феодализм» в смысле самостоятельности аристократии, которая могла бы противостоять абсолютизму. Пытаясь осмыслить этот феномен, он писал: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из истории христианского Запада» [6, с. 127]. Сам Пушкин не дал этой «формулы», но ее дали позже, в том числе и Н. Трубецкой.

Именно в этом обстоятельстве, зафиксированном А.С. Пушкиным, и состоит главный структурный слом «наследия Чингисхана», совершенный Петром I, – на место нравственного отбора он поставил отбор по «деловым качествам», который по факту всегда оказывается случайным и формирует псевдоаристократию – класс «выскочек», которые в

конце концов разрушают государство, как это и произошло в 1917 году. «Табель о рангах» как раз и был такой подменой личностного принципа – отбора по нравственным качествам, который включал в себя и религиозность, – новым отбором «по выслуге», по «деловым качествам». Это был не отбор аристократии, а отбор «эффективных менеджеров», «выдвиженцев». Эти люди отбираются не по нравственным критериям, и не знают родовой чести – той «породы», на которой основана аристократия. Поэтому им уже все равно, кому служить, и они без зазрения совести убивают царей, устраивают государственные перевороты, заговоры и «революции» под руководством внешних врагов России. Если до Петра I аристократическая оппозиция государю была явлением экстраординарным (Смута имела причиной разрыв династии и внешнюю интервенцию), то теперь возник целый социальный слой, создавший «дворянскую диктатуру».

Эта смена принципов отбора правящего сословия сразу же, уже при правлении Петра I привела к невероятной коррупции и хаосу в управлении, а после его смерти – к «диктатуре гвардейской казармы» (И. Солоневич), длившейся ровно сто лет и едва не закончившейся национальной катастрофой (если бы удался мятеж «декабристов» в интересах Британии, это привело бы гражданской войне и распаду Империи). На смену очень эффективным институтам Боярской думы и Земских соборов пришел бюрократический и никчемный Сенат. В.О. Ключевский писал: «В недостатке подготовки, в привычке вести дела кое-как, в отсутствии служебной дисциплины Сенат показывал пример подчиненному управлению... В Сенате шли ожесточенные раздоры и разыгрывались непристойные сцены... Больше того: редкий из сенаторов миновал суда или подозрения в нечистых делах... казнокрадство и взяточничество достигли размеров, небывалых прежде... Петр терялся в догадках, как изловить казенные деньги, "которые по зарукавьям идут". Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он вышел из себя и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что, если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру: "Разве, ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой". Петр рассмеялся и не издал указа» [2, с. 180]. Создание института фискалов, в которых не было никакой нужды в допетровскую эпоху по причине отсутствия системной коррупции, было следствием не только «недоверия госаппарату», как обычно пишут, но в первую очередь, неэффективности самого этого аппарата.

Одной из заслуг Петра I обычно называют возможность карьеры для людей низкого социального происхождения, приводя заезженный пример А.Д. Меншикова. Однако на самом деле такое продвижение в Московской Руси, не имевшей, в отличие от Европы, жестких социальных «перегородок», было всегда (такой же «безродный» Годунов за 100 лет раньше вообще стал царем). Тем самым Петр I здесь не вводил что-то новое, а просто продолжил старую русскую традицию. Но разница с традицией была – причем не в пользу Петра I: как уже сказано, он изменил сам принцип отбора, что со временем должно было привести к деградации правящего сословия. Кроме того, на самом деле радикальных «выдвиженцев» из «низов» при Петре I можно пересчитать по пальцам. Н.И. Павленко в книге о А.Д. Меншикове приводит всего лишь несколько примеров такого подъема по «социальной лестнице»: «Сын органиста Павел Иванович Ягужинский стал генерал-прокурором – высшим должностным лицом в государстве. Крещеный еврей Петр Павлович Шафиров выбился в бароны и вице-канцлеры, т.е. занимал вторую по значимости должность во внешнеполитическом ведомстве. Среди видных деятелей петровского царствования встречаем Алексея Александровича Курбатова – архангелогородского вице-губернатора, обер-фискала Алексея Нестерова, петербургского генерал-полицеймейстера Антона Девьера. Их предки тоже не принадлежали к дворянскому сословию» [3, с. 5]. Тот факт, что

Петр I имел «выдвиженцев» – это позитивное продолжение им «наследия Чингисхана»; а тот факт, что он подменил принцип нравственного отбора прагматическим – потеря этого наследства, имевшая позже самые роковые последствия.

Вторая составляющая «наследия Чингисхана» – самоуправление и свобода местного населения, которое здесь жестко не контролировалось государством, как это имело место в европейском феодализме. Подчинение и жесткий контроль государства над всеми сферами жизни впервые вводился Петром I, разрушая изначальную традицию. Это привело к пассивному и активному (восстания) сопротивлению населения, в том числе даже и служилого сословия. Так, «Сибирский приказ писал, что частые рекрутские наборы первой трети XVIII в. стали серьезной общественной проблемой, ставя под вопрос дальнейшее заселение Сибири... В 1724 г. Сенат отмечал, что в городах Сибири сотни детей служилых людей укрывались от солдатских наборов, записываясь в посад и цехи. В 1723 г. только в Тобольске в тяглые группы перешли 258 чел. служилых людей и их детей, из которых 31 записались в цехи и 227 в посад» [5, с. 113]. Такое явление было очень распространено по всей Империи (например, предки автора этих строк Доренские, служившие на Белгородской линии с 1630-х годов, также ушли из служилого в тяглое сословие в эпоху Петра I). В 1722 году были законом введены ремесленные цехи по европейскому образцу – для контроля государства за всеми сторонами городской жизни, однако цеховая структура в России была лишь бюрократической формальностью и не прижилась.

«Наследие Чингисхана» было отброшено Петром I и в самой важной сфере жизни, которая вообще придает смысл историческому бытию России, – в отношении к Православной Церкви. Фактически Петр I начал гонения на Церковь, которые затем большевики довели до режима геноцида. Но уже «Петровская ломка Церкви», по выражению Л.А. Тихомирова, «подорвала в народе самую основу, на которой держится монархическая власть» [7, с. 329].

Но общая ошибка и евразийцев, и И. Солоневича – при всех их великих прозрениях в сущность русской истории – состоит в односторонней трактовке «Петровской монархии» как якобы «антинациональной». На самом же деле в петровской европеизаторской «оболочке» продолжала жить все та же самая православная Россия. Это доказано самой историей и положительным, и отрицательным путем. Отрицательным: если бы это было не так, то враги России не стали бы ее разрушать в 1917 году и устанавливать в ней свой антирусский террористический режим. Они могли бы и оставить эту якобы «антинациональную» монархию. Но если они этого не сделали, значит, она не была «антинациональной» и не соответствовала их целям. Положительным: именно в «Петербургский период» Россия стала мировой сверхдержавой и сделала Православие известным всему миру через русскую культуру. Это была апостольская миссия России, которую она смогла выполнить только благодаря усвоению форм европейской культуры и наполнению этих форм своим русским содержанием. Иначе это было бы невозможно.

Вместе с тем, вирус «европеизма», занесенный Петром I, действительно в конце концов привел к катастрофе 1917 года – как это совершенно справедливо утверждают и евразийцы, и И. Солоневич. «Коммунистическая власть оказалась продолжательницей европеизаторских традиций старой антинациональной монархии. Она не порвала с прошлым, а находится всецело во власти этого прошлого, пресловутых “заветов Петра Великого”» [8, с. 355], – писал Н. Трубецкой. Большевизм стал лишь самой радикальной формой русского «западничества» и «чужебесия», возвращенного и интеллигенцией, и самим государством после Петра I. Соответственно и изживание этой смертельной болезни большевизма уже в наше время невозможно без уничтожения самого его изначального корня – «западничества» как такового.

Почти сто лет назад Н. Трубецкой писал: «путь к подлинно своему, к обретению своего настоящего лица для России-Евразии предначертан ее прошлым. И тем не менее это не есть путь назад, а путь вперед, к подлинно новому, к небывалому. Предстоит создать совершенно новую культуру, свою собственную, непохожую на европейскую цивилизацию. То, что сейчас делается в России, только кажется новым и своеобразным. На самом же деле это разрушение, а не созидание, и разрушение это проникнуто тем же старым духом, духом Петра I, Екатерины II и всей интеллигенции XIX века, прельщенной заманчивым внешним видом европейской цивилизации и европейских идей. Подлинное творческое созидание еще впереди. И станет оно возможным лишь тогда, когда окончательно будут изжиты увлечения европейской цивилизацией и придуманными в Европе идеологиями, когда Россия перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации, а обретет свое собственное историческое лицо и вновь станет сама собой – Россией-Евразией, сознательной носительницей и преемницей великого наследия Чингисхана» [8, с. 367]. Это время прошло и всё теперь зависит только от нас.

Таким образом, евразийская концепция «наследия Чингисхана» как исходной позитивной модели русской государственности показывает исток «механизмов» саморазрушения, заложенных в «реформах» Петра I. Пользуясь моделью «наследия Чингисхана» и расходуя ее внутренние силы, Петр I мог проводить любые «эксперименты» над страной, поскольку ее нравственные ресурсы, накопленные предшествующими царями, были почти безграничны. Но «европеизация» привела к исчерпыванию этих ресурсов и разрушению самого их источника – «народной монархии». Это делало почти неизбежной катастрофу 1917 года. Затем тот же «механизм» расхода невозполнимых человеческих и нравственных ресурсов России в самой варварской форме использовали большевики, что сделало уже абсолютно неизбежным 1991 год – развал России умирающим советским режимом. В настоящее время после серии этих системных разрушений современная Россия может выжить только путем восстановления внутренней модели «народной монархии» (внешние формы ее могут быть различны – одной из них является и президентская республика с харизматичным православным лидером). Тем самым теория евразийцев оказывается чрезвычайно эвристичной для понимания многих «внутренних» процессов как в русской истории, так и в современности.

Литература

1. *Владимирцов Б.Я.* Чингис-хан. Берлин; Петербург: Изд. З.И. Гржебина, 1922. 180 с.
2. *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. Курс русской истории. Ч. IV. М.: Мысль, 1989. 398 с.
3. *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1984. 200 с.
4. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 134 с.
5. *Пузанов В.Д.* Военная реформа Петра I в Сибири // Исторический формат. (2015). № 1 С. 104–117
6. *Пушкин А.С.* О втором томе «Истории русского народа» Полевого / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 125–127.
7. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: Алир, 1998. 672 с.
8. *Трубецкой Н.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. Трубецкой // Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 291–367.
9. *Трубецкой Н.* Мы и другие / Н. Трубецкой // Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 480–497.
10. *Шляхторов А.* Как Золотая Орда озолотила Русь: Мифы и правда о «татаро-монгольском иге». М.: Яуза, 2016. 320 с.

Аннотация. В статье рассматривается исторический феномен Петра I в контексте специфики евразийской культурно-политической традиции, которую Н. Трубецкой метафорически назвал наследием Чингисхана. Специфика этой традиции состоит в ее принципиальном отличии от модели европейского феодализма. Здесь отбор правящего класса осуществлялся по нравственным качествам, а народная жизнь была основана на самоуправлении («народной монархии»). Слом этой традиции, осуществленный Петром I, состоял в подмене нравственного критерия отбора прагматическим, что привело к вырождению правящего класса; и замене народной монархии западным абсолютизмом, что привело к конфликту государства и народа.

Ключевые слова: Петр I, «наследие Чингисхана», Н. Трубецкой, Россия.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Peter I and “Genghis Khan’s Legacy”

Abstract. The article examines the historical phenomenon of Peter I in the context of the specifics of the Eurasian cultural and political tradition, which N. Trubetskoy metaphorically named “the legacy of Genghis Khan”. The specifics of this tradition lie in its fundamental difference from the model of European feudalism. Here, the selection of the ruling class was carried out according to moral qualities, and people’s life was based on self-government (“people’s monarchy”). The scrapping of this tradition, carried out by Peter I, consisted in replacing the moral criterion of selection with the pragmatic one, which led to the degeneration of the ruling class; and replacing the people’s monarchy with Western absolutism, which resulted in the conflict between the state and the people.

Keywords: Peter I, “the Legacy of Genghis Khan”, N. Trubetskoy, Russia.

Личность и деятельность Петра I в словацком и чешском историко-культурном дискурсе XIX – начала XX века

Истоки словацко-русских и чешско-русских исторических связей уходят своими корнями в эпоху раннего Средневековья. Примечательно, что самые первые проявления национального самосознания и общественно-политической мысли как у восточных, так и у западных славян обнаруживают осознание своего родства и славянской общности. Уже автор «Слова о полку Игореве», четко отделяя славян от прочих народов, упоминает о чехах и мораванах, точно описывая места их обитания. В эпоху Киевской Руси связи между чешскими землями и древнерусским государством были достаточно интенсивными. Чешские историки высказывают любопытное мнение о том, что составной частью внутриполитического конфликта на Руси между потомками Святослава являлся союз князя Владимира с чешским князем Болеславом II; при этом русская летопись подтверждает, что первой супругой Владимира была «чешка», от которой у него родился самый старший сын Вышеслав. По осторожному мнению чешского историка-медиевиста М. Теры, в борьбе против своего старшего брата Ярополка, имевшего связи с представителями германской династии Оттонов, Владимир мог воспользоваться союзом с чешским князем Болеславом II [13, с. 218].

Наиболее интенсивно и динамично чешско-русские и словацко-русские связи стали развиваться с эпохи Петра I, когда «в Россию стали приглашать специалистов, техников, музыкантов, учителей, промышленников, медиков» [3, с. 35], что диктовалось резко возросшим спросом на европейских специалистов в ходе масштабных модернизационных преобразований Петра I. В ходе своих визитов в Европу Петр I неоднократно посещал чешские и словацкие земли, входившие в то время в состав империи Габсбургов, в частности Прагу и Карловы Вары (Карлсбад), а также Братиславу (Прессбург). Известно, что во время пребывания русского монарха в Карловых Варах местный чешский художник «запечатлел царя с натуры» [3, с. 35]. В память о визите Петра I в Братиславу, который состоялся 18 июня 1698 года, 16 октября 2014 года в столице Словакии была открыта мемориальная доска, посвященная пребыванию там русского царя.

В ходе посещений западнославянских земель Петр I имел многочисленные контакты с представителями местных деловых и научных кругов [3, с. 35], оставив после себя устойчивые воспоминания и интерес к своей личности в исторической памяти словаков и чехов. Это обстоятельство стало одним из немаловажных факторов, способствовавших формированию устойчивых русофильских традиций в чешском и словацком обществе. Как отмечал известный чехословацкий историк Й. Иирасек, «русофильство красной нитью

Шевченко Кирилл Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий Центром евразийских исследований Филиала РГСУ в Минске, профессор кафедры правовых дисциплин Филиала РГСУ в Минске; заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви. E-mail: shevchenkok@hotmail.com

проходит через всю нашу историю. Восток всегда нас привлекал, и наши симпатии к русским восходят к очень давним временам» [9, s. 325]. Практически всех ведущих представителей чешской и словацкой общественной, культурной и научной жизни XIX – начала XX века объединял колоссальный интерес к русской истории и литературе.

Важной причиной пристального внимания к Петру I и к России в целом со стороны не только чехов и словаков, но и других западнославянских народов был рост их славянского самосознания и стремление лучше узнать самую могущественную славянскую державу и ее царя. Так, во время проезда Петра через Саксонию в 1697 году ему направил письмо известный деятель серболужицкой культуры М. Френцель, который приветствовал русского царя от имени самого малого славянского народа – лужицких сербов в Саксонии и подчеркивал родство русских и лужицких сербов, указывая, что они говорят «на одном славянском языке» [5, с. 52].

Неординарная личность Петра I и его многогранная деятельность изначально обращали на себя самое пристальное внимание словацкой общественности, ученых и писателей. Не будет преувеличением сказать, что среди словаков «Петр I нашел понимание и снискал восхищение» [9, s. 329]. Так, ведущий представитель словацкого национального возрождения XIX века, один из крупнейших словацких общественных и политических деятелей и создатель словацкого литературного языка Людовит Штур писал о Петре как о «звезде русской земли, избавившей русский народ от суровых нравов» [9, s. 329]. По мнению Штура, основная заслуга Петра заключалась в том, что он подорвал роль и влияние родовой аристократии в России, сделал ставку на служилое дворянство и тем самым сумел укрепить государство, добившись колоссальных успехов во внешней политике и в государственном строительстве. Штур подчеркивал импонирующий ему чрезвычайно энергичный и предприимчивый характер русского царя и его стремление к новизне, отмечая редкость подобных качеств у прочих европейских монархов того времени [9, s. 329].

Личность Петра I привлекла внимание и одного из крупнейших словацких общественных деятелей и литераторов второй половины XIX века С. Гурбан-Ваянского, который написал быстро ставший популярным в Словакии рассказ о молодости Петра, отмечая, что уже с юных лет Петр проявлял задатки будущего великого государственного деятеля [9, s. 330]. Примечательно, что личность Петра получила большую известность среди образованных словаков в том числе и благодаря творчеству А.С. Пушкина, самого известного и почитаемого русского поэта в Словакии. Так, поэма Пушкина «Полтава», переведенная словацким литератором С. Бодицким на словацкий язык в 1860-х годах, быстро приобрела большую популярность среди словацкой интеллигенции [9, s. 331].

Ведущая словацкая газета «Народне новины» в 1903 году поместила большую статью, посвященную юбилею основания столицы Российской империи. В статье подробно излагались причины, побудившие Петра I вступить в борьбу со Швецией за доступ к Балтике, и обстоятельства основания Петербурга. Газета обращала особое внимание своих читателей на то, что первый символический шаг, положивший начало строительству новой столицы России, сделал сам Петр, собственноручно взявший лопату и выкопавший первую яму [11].

Впрочем, отдавая дань новаторским устремлениям русского монарха и его неординарной личности, словацкие историки отмечали колоссальные трудности и жертвы, связанные с реализацией его масштабных планов, включая строительство Петербурга, который «вырос на человеческих костях» [11]. Что касается конкретной оценки характера и последствий преобразовательской деятельности Петра, то словацкие историки и публицисты обращали внимание на весьма противоречивые мнения русских и иностранных историков по поводу реформ Петра I, осторожно констатируя, что последнее слово о нем «еще не сказано» [9, s. 331].

В любом случае очевидно, что русские государственные деятели, способствовавшие усилению России как государства и укреплению ее внешнеполитических позиций, получали в целом позитивную оценку со стороны словацких политиков, ученых и литераторов XIX – начала XX века, для которых были характерны широко распространенные русофильские настроения и восприятие Российской империи как защитницы малых славянских народов.

Более системному и в целом более критическому анализу личность и деятельность Петра I подверглась со стороны чешских общественных деятелей, политиков и ученых. Огромное внимание личности и реформам Петра I уделено в своей книге «Россия и Европа», изданной накануне Первой мировой войны, известный чешский философ и социолог, профессор Пражского университета Т.Г. Масарик, ставший в 1918 году первым президентом независимой Чехословакии. Масарик, по собственному признанию, любил Россию «не меньше чешских русофилов», но, по его словам, «любовь не должна была усыплять разум» [10, с. 29]. В полной мере данный критический подход проявился и при оценке Масариком петровских преобразований с достаточно отчетливых европоцентристских позиций.

Любопытно, что весьма критическое отношение Масарика к России часто вызывало несогласие со стороны известных представителей словацкой общественной, политической и культурной жизни. Так, причиной остроголичного конфликта между Масариком и одним из ведущих словацких общественных деятелей конца XIX века С. Гурбаном-Ваянским было именно отношение к России и к перипетиям сложных русско-польских отношений. «Чрезмерно позитивное», с точки зрения чешского политика, отношение Гурбан-Ваянского к Российской империи и его однозначная поддержка России в историческом русско-польском противостоянии стали главной причиной ожесточенной полемики между ними и последующего полного разрыва отношений [14, с. 29].

Преобразованиям Петра, их историческому значению и последствиям полностью посвящена вторая глава книги Масарика «Россия и Европа» под характерным названием «Реформы Петра и присоединение России к Европе». Характеризуя общий исторический контекст петровских реформ и обращая внимание на органичный и давно назревший характер петровских преобразований, Масарик подчеркивал, что реформы Петра уже были, по его словам, «внутренне и внешне подготовлены» его предшественниками, прежде всего его отцом, царем Алексеем Михайловичем, который «уже занимался реформаторской деятельностью» [2, с. 52–53].

По мнению чешского философа, Петр придал уже начатым его предшественниками преобразованиям «систематизированный вид. Глубоко осознав потребность в цивилизованности, он добывал культуру и для себя самого, и для других, он понимал, что в дополнение к новым институтам России нужны и новые люди» [2, с. 53]. Органичность и давно назревший характер петровских реформ, по мнению Масарика, проявился и в том, что среди убежденных сторонников и проводников преобразовательской деятельности русского царя были как выпускники Киевской и Московской Духовных академий, так и многие представители московского боярства и дворянства; при этом, как замечает Масарик, «среди многочисленных соратников Петра некоторые проявляли в определенных сферах больше таланта и прозорливости, нежели сам государь» [2, с. 54]. Примечательно, что большую роль уроженцев Южной Руси, прежде всего выпускников Киевской академии, в обосновании и проведении петровских преобразований подчеркивали и галицко-русские общественные деятели XIX – начала XX века [4, с. 171].

Касаясь конкретных реформ Петра, их направленности и механизма проведения, Масарик указывал, что первоначальной и основной целью Петра было создание и последующее обеспечение нужд армии и флота для решения давно назревших внешнеполитических задач. Это, в свою очередь, логично повлекло за собой финансовую реформу и

реформу всей системы управления страной, в рамках которой чешский ученый выделял создание Сената, попытку «отделить судебную власть от исполнительной», «европеизацию полиции», а также регламентацию и последовательную модернизацию бюрократического аппарата.

Масарик замечал, что в ходе проведения реформ возникла естественная необходимость «обретения теоретических принципов» для более последовательного и системного подхода к преобразовательской деятельности. Это стало одной из причин второй поездки Петра в европейские страны в 1716 году, в ходе которой основное внимание он уделил в первую очередь вопросам культуры и науки. Именно во время этой поездки, подчеркивает Масарик, «зародился подсказанный Лейбницем план основать Академию», а Оксфордский университет «пожаловал Петру степень почетного доктора» [2, с. 54].

В целом Масарик высоко оценивал модернизационные усилия русского царя в области культуры и их итоги, отмечая среди наиболее важных нововведений реформу правописания, введение нового летоисчисления, открытие неизвестных ранее на Руси музеев и новых учебных заведений, а также основание новой газеты. Чешский мыслитель выделял и стремление Петра «переустроить традиционную русскую семью», повысив статус женщины путем предоставления ей той свободы, «которой она обладала в Европе» [2, с. 54].

При этом, однако, Масарик солидаризировался с мнением тех критиков петровских преобразований, которые полагали, что в своих реформах Петр I «часто не знал меры и его реформаторская революция характеризовалась многочисленными изъятиями. Многие из нововведений Петра, – констатирует Масарик, – было ненужным, а многое было осуществлено без необходимого продумывания. Во многих случаях он проявлял настойчивость в мелочах (одежда и т.п.), показывая себя скорее деспотом, чем реформатором. Петр являл собой архетип переходного русского того времени» [2, с. 57].

Констатируя «варварство» Петра и его личное участие в пытках и казнях своих противников, Масарик в то же время подчеркивает, что «это не является для меня основанием для более высокой оценки французской или испанской «культурности» Фердинанда или Людовика, слишком слаонервных для того, чтобы лично руководить... зверствами инквизиции... Для выполнения этой грязной работы они, эти утонченные варвары, держали наемных духовников и палачей» [2, с. 57].

Подводя итог своим размышлениям по поводу преобразований Петра I, Масарик приходит к выводу о том, что его реформаторская деятельность «явилась революцией, программу которой задавала наступающая эпоха просвещения... Петр европеизировал московский абсолютизм... В целом реформы Петра имели огромную ценность для России, представляя собой естественное развитие по пути, намеченному предыдущим развитием» [2, с. 56, 64]. Дополнительное доказательство необходимости и органичного характера петровских реформ Масарик усматривал в том, что после смерти Петра они были продолжены и закреплены его последователями, опиравшимися на «заложенный Петром фундамент» [2, с. 65].

Примечательно, что во многом схожую характеристику преобразованиям Петра I и личности русского реформатора давал и известный британский историк А. Тойнби, усматривавший в Петре «архетип автократического реформатора в западном духе, сверху навязавшего своей стране техническую революцию и грандиозные социальные реформы» [7, с. 15]. При этом британский историк замечал, что Петр I «ответил на вызов Запада западными же мерами, но от этого Россия не влилась в западноевропейскую цивилизацию, напротив, она обрела новые возможности для противостояния» [7, с. 16].

Не менее пристально, но более критически к преобразованиям Петра I отнесся еще один крупный чешский политик, общественный деятель и мыслитель конца XIX – начала XX века К. Крамарж, лидер партии младочехов и идеолог политики «неославизма»,

ставший в 1918 году первым премьер-министром независимой Чехословакии. В своей известной работе «Русский кризис», написанной после прихода к власти в России большевиков и окончания Гражданской войны, Крамарж сделал заслуживающую внимания попытку выявить исторические причины и предпосылки революционных потрясений, выпавших на долю России в начале XX века.

Ценность мыслям Крамаржа придает и то обстоятельство, что он много раз и по долгу бывал в России, посетив не только столицы, но и российскую провинцию, являлся заинтересованным наблюдателем имевших место в то время в России процессов и был лично знаком с рядом известных русских политиков и общественных деятелей. Кроме того, Крамарж, как и большинство чешской интеллигенции в конце XIX – начале XX века, был искренним и убежденным русофилом, живо интересуясь русской историей и культурой и усматривая в России гаранта успешного национального развития чешского народа в условиях растущей угрозы со стороны Германии. Немалую роль в особом отношении чешского политика к России сыграло и то обстоятельство, что Крамарж был женат на представительнице московского купеческого рода Н. Абрикосовой (Хлудовой), прожив в браке с ней длинную и счастливую жизнь.

Примечательно, что уже после первых поездок в Россию и близкого знакомства с русскими либеральными кругами и русской общественной жизнью конца XIX века К. Крамарж с определенным разочарованием и неудовольствием отмечал «чрезмерный космополитизм» русской интеллигенции и засилье иностранцев, призывая русских умерить свой космополитизм и стать, наконец, «сознательными националистами» [12, р. 7].

Крамарж рассматривает и оценивает петровские реформы в более широком контексте других русских социальных институтов, способствовавших вызреванию и накоплению тех предпосылок, которые в итоге вызвали революционный взрыв. По мнению Крамаржа, реформы Петра, «хотя и означали глубокий разрыв со старой Русью, мало изменили русского человека. Справедливо замечает Милюков, что Петр мог привить только внешность культуры» [1, с. 21]. Утверждая вслед за своим политическим оппонентом Масариком, что «реформы Петра были, главным образом, военные и выражались в создании постоянной армии и флота», Крамарж подчеркивал, что вместе с тем они не были ни органичными, ни системными и сводились, по его мнению, «к случайным подражаниям тому, что ему понравилось в Европе» [1, с. 22]. По словам чешского политика, эти реформы «не были переустройством до основания, улучшающим не только государственный порядок, но и воспитание личности» [1, с. 22].

Признавая, что петровские преобразования означали начало «новой эры» для России, Крамарж, подобно славянофилам, в качестве их главного последствия называл следующее «раздвоение России», в которой, по его словам, «народ жил старой жизнью, а общество европеизировалось, или, иными словами, все более и более расширялась пропасть между народом и интеллигенцией» [1, с. 22–23]. Однако в отличие от славянофилов Крамарж полагал, что крупнейшим несчастьем было не то, что «Петр открыл Россию европейским влияниям, а то, как он это сделал и в особенности как его «самодержавные преемники» старались сочетать свое византийское самодержавие с европейскими влияниями» [1, с. 22].

Роковым обстоятельством, предопределившим, по мнению Крамаржа, революционные потрясения начала XX века и последующую трагедию России, стала негибкость и закостенелость русского самодержавия, оказавшегося неспособным адекватно и вовремя реагировать на вызовы эпохи. Крамарж полагал, что самодержавие, являвшееся исторически необходимым и оправданным политическим институтом на ранних стадиях развития русской государственности, не смогло вовремя осознать давно назревшую необходимость эффективной модернизации с учетом изменившихся социально-экономических

и политических условий, превратившись к началу XX века в очевидный тормоз на пути дальнейшего развития страны. Именно поэтому главными врагами России и русского народа Крамарж несколько эмоционально считал тех представителей высшей российской бюрократии конца XIX – начала XX века, которые не смогли или не захотели обеспечить на практике давно назревшую, с его точки зрения, постепенную и глубокую модернизацию политической и социально-экономической системы России по конструктивному эволюционному сценарию.

«Беспримерные страдания России намного превышают ее исторические грехи, – писал Крамарж в предисловии к своей книге «Русский кризис». – Люди видят, куда ведет не только ошибочная политика власть имущих, но и демагогическое разнуздание грубейших инстинктов широких народных масс... Было бы страшнейшим преступлением для России, если бы на русской катастрофе поучались все, кроме самих русских» [1, с. 9–10]. Примечательно, что труд Крамаржа «Русский кризис» быстро приобрел колоссальную известность и популярность среди многочисленной русской эмиграции в Европе в 1920-х годах, мучительно размышлявшей над вопросом о главных причинах потрясений, выпавших на долю России в начале XX века.

Несмотря на неоднозначное, подчас критическое отношение к ряду аспектов преобразовательской деятельности Петра I, в чешской общественно-политической мысли XIX века тем не менее сразу утвердился взгляд на Петра как на одного из ключевых архитекторов государственного могущества и внешнеполитических успехов России, превративших ее в одно из ведущих государств Европы.

Уже Й. Добровский, основоположник чешского национального возрождения и один из основателей научного славяноведения, в своем послании «О преданности и привязанности славянских народов австрийскому дому», адресованном австрийскому императору Леопольду II в 1791 году, подчеркивал особое значение России для славянства. Добровский, в частности, не без гордости обращал внимание на колоссальные успехи «русско-славянского племени», утвердившего свое господство «от моря Черного до Ледовитого» [8, с. 12]. Младший современник Добровского, известный деятель чешского национального возрождения А. Марек, побуждая чехов к борьбе за свой язык и культуру, призывал их для вдохновения обратить взоры на восток, откуда «дух Славии веет» и где, по его словам, «стоит древняя столица Москва и неодолимый град Петра. Они, могущественно царствуя, владеют большей половиной двух частей старого мира...» [8, с. 19].

Авторитетные русские историки-слависты начала XX века справедливо отмечали, что существенным фактором становления современной чешской идентичности «явилось осознанное чехами свое национальное родство с русским народом. Права чехов на национальное признание базировались на том, что они принадлежат к громадному славянскому племени, создавшему много государств и достигшему такой громадной силы в Российской империи» [6, с. 7].

Чешские и словацкие деятели XIX века, в полной мере признавая данное обстоятельство, неизменно отдавали дань Петру I как создателю Российской империи, положившему начало ее первым успехам. Созданная Петром Российская империя рассматривалась представителями чешского и словацкого национального движения в XIX – начале XX века как потенциальный союзник их национально-государственных устремлений, как гарант их национального существования и оплот в противостоянии политике германизации и мадьяризации, проводившейся властями Австро-Венгрии.

Литература

1. *Крамарж К.* Русский кризис. Прага; Париж, 1925.
2. *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000.
3. *Серпионова Е.П.* Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX – начало XX вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021.
4. *Шевченко К.В.* История и культура Галицкой Руси в оценках галицко-русских просветителей и национальных деятелей XIX века // Тетради по консерватизму. 2020. № 2.
5. *Шевченко К.В.* Лужицкий вопрос и Чехословакия 1945–1948. М.: Модест Колеров, 2004.
6. *Шевченко К.В.* Славянский треугольник. Альянс Варшава – Москва и Пражская весна 1968 года. Минск: Колорград, 2022.
7. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002.
8. *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1902.
9. *Jirásek J.* Slováci a Rusko // Průdy. 1923. Číslo 7.
10. *Masaryk T.G.* Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918. V Praze: Orbis, 1925.
11. *Národné Noviny.* 1903. Číslo 68.
12. *Shevchenko K.* Social and Historical Preconditions of the Russian Revolutions in 1917 through the Eyes of the Czech Politician Karel Kramář // Czech-Polish Historical and Pedagogical Journal. 2017. Vol. 9. № 2.
13. *Téřa M.* Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019.
14. *Opat J.* Filozof a politik T.G. Masaryk: 1882–1893. Praha: Melantrich, 1990.

Аннотация. В статье анализируются взгляды ведущих словацких и чешских политиков и общественных деятелей XIX – начала XX века на личность и реформы Петра I, а также на их значение и последствия. Подчеркивая органичный и давно назревший характер петровских реформ, отмечая их масштабность и глубину и отдавая дань деловым и личным качествам Петра I, словацкие и особенно чешские политические деятели и мыслители отмечали ряд изъянов и недостатков в ходе проведения преобразований. Так, по мнению чешских политических деятелей, ряд реформ Петра часто носил явно импровизационный, поспешный, ситуативный и несистемный характер. В некоторых случаях Петр уделял чрезмерное внимание несущественным мелочам, обнаруживая характер деспота. Характер и последствия петровских реформ чешские деятели оценивали неоднозначно, подчеркивая, что, с одной стороны, петровские преобразования способствовали общей модернизации и усилению России, став мощным толчком ее дальнейшего развития, но, с другой стороны, привели к растущему культурному отчуждению между русской интеллигенцией и народом, что негативно повлияло на последующее развитие России.

Ключевые слова: Россия, Петр I, реформы, словаки, чехи.

Kirill V. Shevchenko, PhD in History, Associate Professor; Head, Center for Eurasian Studies, Professor, Department of Law, Minsk Branch, Russian State Social University (Belarus); Deputy Chairman, Synodal History Committee, Belarus Orthodox Church. E-mail: shevchenkok@hotmail.com

The Personality and Activities of Peter I in Slovak and Czech Historical and Cultural Discourse in the 19th and Early 20th Century

Abstract. The article analyzes the views of leading Slovak and Czech politicians and public figures of the 19th – early 20th centuries on the personality and reforms of Peter I, their significance and consequences. While emphasizing the organic nature of Peter's reforms, noting their scale and impressive depth, and paying tribute to the business and personal qualities of Peter I, the Slovak and especially Czech politicians and thinkers noted a number of shortcomings in the course of their implementation. Thus, according to Czech political thinkers, a number of Peter's reforms were often clearly improvisational, hasty, situational and non-systemic. In some cases, Peter paid excessive attention to insignificant details, revealing the character of a despot. Czech leaders assessed the nature and consequences of Peter's reforms ambiguously, emphasizing that, on the one hand, Peter's reforms contributed to the overall modernization and strengthening of Russia, but, on the other hand, led to the growing cultural alienation between the Russian intelligentsia and the people, affecting negatively the subsequent development of Russia.

Keywords: Russia, Peter I, Reforms, Slovaks, Czechs.

Образ Петра I в белорусском историческом дискурсе постсоветского периода

Россия в белорусском историческом дискурсе имеет огромное значение. Белорусский национализм формировался в то время, когда территория нынешней Белоруссии входила в состав Российской империи. Неприятие белорусского национализма массой белорусских крестьян списывалось не на отсутствие у последних какого-либо интереса к националистическим лозунгам, а на якобы русификацию местного населения «кровавым царским режимом». Белорусский национализм советского толка был активно поддержан советской властью. Именно с подачи большевистского Центра изначальная территория Белорусской ССР была несколько раз укрупнена, невзирая на нежелание местного населения. И именно выйдя из состава СССР, который воспринимается как вариант российского государства, Белоруссия получила независимость. Таким образом, с момента появления белорусского национализма Россия в его глазах выступала как сила, не способствующая самоопределению белорусов. Для укоренения себя в истории, презентации себя как субъекта истории, нужно было придать государствам прошлого, существовавшим на данной территории, белорусские этнические черты. Так начали возникать мифы о белорусском Полоцком княжестве, белорусском Великом княжестве Литовском и даже о белорусской Первой Речи Посполитой. Последнее особенно странно, так как Второй Речью Посполитой являлась межвоенная Польша, а Третья Речь Посполитая – это постсоциалистическая Польша. Естественно, что исторические противники этих «белорусских» государств прошлого оказывались по логике вещей и врагами белорусов. Главным противником является Россия, так или иначе воспринимаемая как страна, только после распада которой белорусы смогли получить независимость. Естественно, что усиление России в прошлом воспринимается как угроза существовавшим тогда «белорусским» государствам и, шире, белорусскому этносу.

Белорусский национализм формировался на территории Российской империи, которая мало обращала внимания на запросы небольшой группы интеллигенции, желавшей выступить от имени нескольких миллионов человек, проживавших в Северо-Западном крае. Серьезных преследований белорусского национализма не велось, так как он был достаточно слаб, чтобы создать явную угрозу безопасности империи. Тем не менее белорусские националисты страдали от имперской судебной активности, поскольку их деятельность иногда выходила за рамки дозволенного. В целом в Российской империи для белорусского национализма вряд ли бы сложились условия, при которых он стал бы массовым явлением.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: agr1976@yandex.ru

В мифологии националистов это объяснялось в том числе и самим существованием Российской империи. После распада СССР белорусская националистическая риторика начала XX века ожидаемо попала в идеологические тренды постсоветской Белоруссии. Правда, как и в начале XX века она не слишком разделялась массой обычных граждан. Российская империя вновь была объявлена виновной в том, что белорусы не пожелали разделять с небольшой группой идеологически ангажированных лиц их националистические мифы, в которых критика Российской империи являлась традиционной. Естественно под критику попадали и российские императоры, в том числе и создатель империи Петр I. К нему у националистов были особые счеты, так как он не только создал Российскую империю, но и в период Северной войны находился на территории Первой Речи Посполитой, в состав которой в то время входили нынешние белорусские земли. Петр I не слишком благожелательно относится к униатам, а унию белорусские националисты пытаются объявить национальной белорусской религией. Соответственно, Петр I может быть обвинен в неприязни к «белорусской национальной религии». После победы в Северной войне Польша, то есть Первая Речь Посполитая попала под серьезное влияние России, что также не устраивало носителей белорусской националистической мифологии. В общем, к Петру I у белорусского национализма были свои счеты.

Помимо идеологически ангажированного взгляда на Петра I, в Белоруссии существует и попытка научного понимания роли российского последнего царя и первого императора в белорусской истории. Также можно отметить массовые представления о Петре I, существующие среди населения республики. Эти представления воспринимают Петра I позитивно, как человека, который смог победить сильнейшую армию Европы и укрепить свою страну. Все эти представления о Петре I отразились в научных, публицистических и просто пропагандистских текстах, возникших после распада СССР в Белоруссии.

Например, в небольшой книге, состоящей из множества мелких статей «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» («100 вопросов и ответов из истории Белоруссии») Петр I упоминается несколько раз. В заметке «Что делали белорусы в Москве в XVII в.?» Петр упомянут как воспитанник Симеона Полоцкого, который представлен белорусом. Естественно, что люди в XVII веке не считали себя белорусами в этническом смысле, так как белорусского проекта в то время вообще не существовало, но для пропаганды эти реалии оказываются несущественными. Так как Симеон Полоцкий описан как положительный персонаж, то и его влияние на молодого Петра должно было быть положительным, поэтому Петр назван царем-реформатором [20, с. 46]. Упоминается Петр и еще в одной заметке «Кто создал буквы, которыми мы сегодня пользуемся?» [8, с. 46]. Оказывается, что на основе шрифта, разработанного «белорусом» И.Ф. Копиевичем или Копиевским (сам он использовал обе версии написания своей фамилии) был создан гражданский шрифт Петра I. Однако на практике все не так просто. Известный советский исследователь А.Г. Шицгал указывал, что «факты позволяют отвергнуть высказывавшиеся мнения о причастности к созданию азбуки И. Копиевича, В. Киприанова и других» [23, с. 27]. В другой работе А.Г. Шицгал пишет: «Анализ дал основание утверждать, что первоосновой русского гражданского шрифта было главным образом московское гражданское письмо начала XVIII века» [24, с. 39].

Одним из самых одиозных текстов о Петре I можно назвать заметку В. Орлова «Какая роль в нашей истории принадлежит Петру I?» («Якая роля ў нашай гісторыі належыць Пятру I?») [2, с. 47–48]. Польский король Август II во время Северной войны был союзником Петра I, как пишет В. Орлов, по династическим причинам. Также в заметке подчеркивается, что Август II был немцем по происхождению. Сторонники Швеции, соответственно противники Августа II и Петра I, названы в тексте «белорусскими магнатами независимой ориентации». Петр послал в Белоруссию армию на помощь польскому союзнику. Русские «выжигали белорусские деревни и грабили города. Они вели себя на нашей земле не как

союзники, а как настоящие захватчики» [2, с. 47]. В. Орлов не указывает, что шведы, да и собственно польско-литовская армия вели себя так же, так как в ту эпоху подобное поведение войск не было редкостью. В итоге создается впечатление, что во всех проблемах виноваты исключительно русские. Также Петр обвинен в «неслыханном преступлении». Он якобы замучил и убил пять греко-католических монахов и священников [2, с. 47]. Конфликт с греко-католиками действительно имел место, но четверо униатов погибли при стычке с охраной царя, когда пытались отбить с оружием задержанного священника. То есть Петр не подвергал их мучениям. Еще один священник был повешен за то, что оскорбил как Петра, так и православную веру, рассказывая об эпизоде убийства в 1623 году восставшими православными униатского архиепископа Иосафата Кунцевича [21].

Расхожим обвинением Петра I является взрыв по его приказу Софийского собора, который был возведен как православный, но после введения в Польше церковной унии перешел к греко-католикам. В соборе хранились запасы русского пороха, который Петр якобы приказал взорвать вместе с собором. Зачем было русскому царю уничтожать во время войны собственные боеприпасы, не очень понятно. Более логичным следует признать объяснение, что взрыв устроили униатские монахи, которые поддерживали шведов и постарались лишить русские войска боеприпасов. Тем более что русские разрешили монахам посещать собор, то есть возможность совершить диверсию у монахов была.

Далее В. Орлов перечисляет еще несколько городов, сожженных или разграбленных русскими [2, с. 47–48]. В. Орлов указывает, что во время царствования Петра I «якобы для защиты религиозных прав населения» началось активное вмешательство России в дела Великого княжества Литовского [2, с. 48]. Однако в данном случае излишне употреблять слово «якобы», потому что права православных нарушались. Петр «добился по сути и подчинения православной церкви Белоруссии московской патриархии» [2, с. 48]. Действительно, Киевская митрополия перешла из Константинопольского патриархата в Московский в 1686 году, то есть в период, когда Петр формально правил со своим братом Иваном. Реальное управление осуществлялось старшей сестрой Петра Софьей. Петру в это время было 14 лет, сам он уже несколько лет находился не в Москве, а в селе Преображенском и на принятие государственных решений не влиял. Так что вряд ли можно говорить о каком-то серьезном участии Петра в воссоединении Киевской митрополии с Русской Церковью. Более того, В. Орлов совершает фактическую ошибку, упоминая «православную церковь Белоруссии». Никакой «православной церкви Белоруссии» не существовало. До 1686 года земли нынешней Белоруссии в церковном отношении входили в Киевскую митрополию Константинопольского патриархата, а после перешли в Московский. Таким образом, В. Орлов приписывает молодому русскому царю действия, которые тот не мог совершить в принципе по причине отсутствия «православной церкви Белоруссии». Этот же миф о наличии некой отдельной белорусской церкви повторяют и другие белорусские публицисты. Например, журналист «Радио Свобода» С. Абломейко уверен в существовании «самостоятельной белорусской митрополии» [1, с. 92] и «поместной белорусской Церкви», которая якобы исчезла в 1839 году [1, с. 93].

Собрав в небольшой заметке как реальные факты, так и националистически мотивированные интерпретации и откровенные фальсификации, В. Орлов делает однозначный вывод: «Таким образом, роль Петра I в белорусской истории бесспорно отрицательная, потому что он долгое время беспощадно грабил наши земли и во многом причастен к упадку белорусской государственности» [2, с. 48]. Нужно заметить, что в то время Белоруссия не имела даже признаков политической или иной субъектности, а белорусская государственность стала реальностью только в XX веке. Поэтому Пётр I не мог быть причастен к тому, в чем его обвиняют белорусские историки. Русская армия входила не на территорию суверенной Белоруссии, а на территорию Первой Речи Посполитой. Находить место Бело-

русии в истории того времени все равно, что искать место Мексики или Канады в период доколумбовой Америки. Однако такие поиски ведутся постоянно.

В 1993 году в Минске была переиздана книга дореволюционного автора М.И. Семевского «Тайная служба Петра I». Ее подготовку к печати осуществил белорусский историк О.А. Яновский, который также написал предисловие и комментарии к книге. В предисловии О.А. Яновский проводит параллели фигуры Петра Великого и И.В. Сталина, в частности, указывая, что «в одинаковой степени справедливы по отношению к законотворчеству и законодействию Петра I и Иосифа Сталина строки великого поэта: Как подкову, кует за указом указ – / Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз» [25, с. 12]. Ассоциации петровского времени со сталинским продолжают и далее. Так, упоминая «смотрительные башни», с которых надсмотрщики следили за работой крестьян на царских земельных угодьях, белорусский историк пишет: «Вот, оказывается, какая длинная история у хорошо известных узникам ГУЛАГа караульных вышек...» [25, с. 13]. О.А. Яновский указывает, что царь «не гнушался <...> участием в допросах» [25, с. 25]. Также он констатирует суть петровского режима: «История дала нам не один пример того, что чем более антинародна, безнравственна, беспринципна власть, тем острее она нуждается в органах, службах, тайно и явно следящих за умонастроениями масс, оказывая воспитующее влияние не только жестокостью проводимых репрессивных мер, но и самим своим скрытым, малопонятным рядовому гражданину функционированием. Такую службу впервые создал Петр I» [25, с. 26]. Таким образом, исходя из цитаты, власть Петра I оказалась антинародной, безнравственной и беспринципной. В качестве вывода своего вступления к книге М.И. Семевского Яновский снова прослеживает параллель между петровским и сталинским временем: «К сожалению, преемники Петра I, а более всего “отцы народов” новейшего времени, внесли в запущенный еще в начале XVIII столетия механизм диктата и репрессий столь много существенных дополнений, что и теперь для поколения нынешнего, как и того, которое прошло перед нами, воскрешенное талантливым пером писателя-историка, по-прежнему остается “сладким” и влекущим слово СВОБОДА! [разрядка в оригинале – А.Г.]» [25, с. 26].

В 90-х годах XX века в Белоруссии был издан ряд книг, написанных белорусскими эмигрантами в межвоенный период. Для широкой научной общественности эти книги ранее были практически недоступны. И только после распада СССР они стали более-менее известны. Петр I в целом не был героем этих книг. Упоминания о нем достаточно фрагментарны. Тем не менее в этих упоминаниях присутствует оценка роли русского царя в белорусской истории. Я. Запрудник в своей книге «Беларусь на гістарычных скрыжаваннях» («Белоруссия на исторических перекрестках») пишет, что царь Петр во время «своих войн со Швецией» «делал на белорусских территориях, что хотел, а его дипломаты бесцеремонно вмешивались в законодательные дела сейма Речи Посполитой». В этот период истории Польша превращалась в протекторат России [13, с. 55]. Еще одна эмигрантская книга «Беларусь учора і сяння: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі» («Белоруссия вчера и сегодня: Популярный очерк из истории Белоруссии») представляет Белоруссию в период Северной войны как объективно существующую реальность. Август II в книге представлен «правителем Белоруссии», который совместно с Петром I и королем Дании начал войну против Швеции. Интересно, что авторы, имеющие явно антироссийский бэкграунд, неожиданно отказывают Петру I в его якобы антибелорусских взглядах. Вмешательство русского царя в польские дела представлено не как борьба против белорусского государства, а как реакция на усиления преследований Православной Церкви. В результате в книге сделан вывод, что польское правительство само виновато в сложившейся ситуации [16, с. 116].

На фоне критического или даже негативного отношения к русскому царю в Белоруссии появлялась информация, которая оценивала его нейтрально или позитивно. Например, в 2003 году были изданы методические рекомендации библиотекам в помощь школьной

программе по изучению истории, посвященные Петру I [17]. В небольшой брошюре (всего 9 страниц) были представлены варианты проведения занятий с краткой информацией о русском монархе: «Русский император Петр I прожил сложную и бурную жизнь, наполненную делами и событиями, иногда страшными и кровавыми, иногда величественными. Его реформы, по выражению Пушкина, навсегда прекратили старое течение времени» [17, с. 1]. В брошюре также объясняется, почему судьба царевича Алексея оказалась трагичной: «Вырос Царевич [в оригинале слово написано с заглавной буквы – А.Г.] среди людей, люто ненавидящих его отца», поэтому «гибель Царевича Алексея в масштабах истории была закономерной, хотя и несправедливой» [17, с. 7].

Брошюра хотя и указывает на то, что жизнь русского царя была наполнена иногда событиями «страшными и кровавыми», но не делает из него идеального злодея, объясняя, например, убийство собственного сына исторической закономерностью. В брошюре отражен тот образ Петра Великого, который бытует в коллективной белорусской исторической памяти, где русский император не является угрозой для белорусов, а воспринимается в целом положительно. Против этого образа активно работает белорусский оппозиционный исторический нарратив, а в отдельные периоды и нарратив государственный.

Стоит особо отметить, что данная брошюра вышла в Могилеве – городе, который был сожжен по приказу Петра I в 1708 году. И даже этот эпизод не оставил какого-то устойчивого негатива в отношении русской армии, Российской империи и ее первого правителя. Коллективная историческая память белорусов рассматривает Речь Посполитую не как собственное государство, хотя белорусские земли в тот период были в его составе. Для белорусской исторической памяти победа Петра I над шведами при Лесной (ныне агрогородок в Могилевской области) выступает как «своя», поэтому и все действия русского царя воспринимаются как действия «своих» против врагов.

На протяжении 2000–2011 годов в Минске издавался шеститомник по истории Белоруссии. Вышедший в 2007 году третий том был посвящен периоду Первой Речи Посполитой [10]. Петр I упоминается в нем в связи с Северной войной. Авторы пишут, что Россия выступала защитницей православной веры, а к униатам относилась как к религиозным изменникам. Упомянут в книге эпизод убийства в 1705 году в Полоцке униатских монахов. Это произошло «при непосредственном участии Петра I». Далее авторы указывают, что по приказу царя трупы сожгли, а пепел бросили в реку. Описано, что русские войска напали на униатские монастыри и храмы, монахов насильно вывозили в Россию, а «светское униатское духовенство» разгоняли. Как духовенство может быть светским, авторы не сообщают. Видимо, они хотели сказать о белом духовенстве. Взрыв Полоцкого Софийского собора также упомянут, но Петр I в связи со взрывом не упоминается. В тексте содержится констатация того, что взрыв произошел и что русские войска держали в соборе склад пороха [10, с. 110]. Авторы предлагают единственное объяснение негативному отношению как царя Петра I, так и русских войск к униатам – восприятие унии как религиозного предательства. Не упомянуто, что униатское руководство поддерживало шведов. Помимо того, в книге указано, что шведы также поддерживали единоверцев – протестантов, поэтому жгли и грабили православные и католические храмы. Еще упоминается, что местное население страдало от грабежей всех армий.

В учебнике «Гісторыя Беларусі» под редакцией Е.К. Новика и Г.С. Марцуля, подготовленном для высших учебных заведений, сказано, что Петр I ввел войска в Польшу, исходя из союзнических отношений с польским королем. Петр хотел спасти союзника, который терпел поражение от шведов [9, с. 199]. Это единственная характеристика Петра I в данной книге.

В 2002 году на белорусском языке вышла книга А. Котлярчука, учившегося в России и на момент выхода книги жившего в Швеции. Книга называлась «Швэды ў гісторыі

й культуры беларусаў» («Шведы в истории и культуре белорусов») [14]. Книга посвящена «белорусско-шведским связям». Это словосочетание логично взять в кавычки, так как сами шведы не подозревали, что они устанавливают какие-то связи с белорусами, будучи уверенными, что они находятся или в Польше, или в Литве. Белорусско-шведские контакты исследуются даже в период Древней Руси, когда белорусов не существовало в принципе. Естественно, что книга содержит много информации о Северной войне, когда шведские войска передвигались по территории, на которой сейчас располагается Белоруссия. Петр I не является основной фигурой повествования, но о нем много упоминается в главе, которая посвящена выяснению вопроса, кто сжег Могилев – шведы или русские. Прямых указаний на инициатора пожара нет, но на основании приведенных источников А. Котлярчук делает вывод, что город был сожжен по устному приказу Петра I [14, с. 109–120]. Этот параграф очень интересен как описание «информационных войн» того периода, происходивших путем распространения всевозможных листовок.

Популярная работа А.В. Велько «Битва у Лесной» [3] описывает битву, состоявшуюся в 1708 году. Описание битвы сделано на фоне событий Северной войны. Большая часть работы посвящена русской армии и Петру I. Русский царь представлен как положительный персонаж истории. Книга А.В. Велько как раз представляет русского царя таким, каким он существует в исторической памяти. А историческая память белорусов не фиксирует серьезного негатива к создателю Российской империи.

Также Петр I упоминается в ряде научных статей, посвященных событиям Северной войны. Например, в статье А.А. Ярошевича «Мірскі замак у перыяд Паўночнай вайны (1700–1721 гг.)» («Мирский замок в период Северной войны (1700–1721 гг.)») русский царь упомянут как получатель корреспонденции А.Д. Меншикова. Есть еще одно упоминание о том, что Петру жаловался польско-литовский магнат Радзивилл, чьи имения разграбили казаки Мазепы, который в то время еще не перешел на сторону Карла XII. Это вынудило царя вести переписку по данному вопросу с канцлером Ф.А. Головиным [26, с. 73–75].

Косвенно Петр I упомянут в статье И.В. Спирина, который описывает историю Головчинского замка [19]. В начале XVIII века замок горел. Это подтверждается археологически, но нет ни одного письменного указания на пожар [19, с. 106]. Было найдено несколько писем Петра I, которые упоминают событие Головчинского боя, но не упоминают пожар замка [19, с. 104–105].

Отдельный аспект деятельности Петра I упоминается в статье М. Шапоки «Литовские заключенные в России в начале XVIII в.» [22]. После ввода русских войск на территорию Первой Речи Посполитой начались аресты прошведски настроенной шляхты. Часть этой шляхты была на стороне польского короля Августа II – союзника Петра I, но после отречения Августа II от трона в пользу шведского ставленника Станислава Лещинского, перешла на сторону шведов. После Полтавской битвы начался обратный процесс – ранее присягнувшие шведскому ставленнику шляхта и магнаты, начали снова присягать Августу II. Тем более что вернувший престол король гарантировал амнистию всем, кто ранее служил шведам, а теперь был готов перейти к нему. Однако объективно ситуация была иной. Реальные гарантии амнистии мог дать тот, кто на самом деле контролировал ситуацию, – русский царь. У него сложилось определенное мнение о польско-литовском высшем сословии. Петр I был готов амнистировать мелкую шляхту, которая, по его мнению, была введена в заблуждение, но не магнатов. Например, был арестован М. Вишневецкий, который сначала поддержал Станислава Лещинского, а потом попытался опять перейти на сторону Августа II и Петра I [22, с. 300]. Несмотря на неоднократные требования поляков освободить М. Вишневецкого, Петр I оказался непреклонным. Тем не менее сам польский магнат содержался в хороших условиях, у него были слуги, священник, российская власть выделяла ему деньги и питание [22, с. 302].

Косвенно упоминается о Петре I в брошюре протоиерея Георгия Соколова – настоятеля храма в деревне Лесная [18]. В брошюре рассказывается об истории храма, названного царским, потому что по преданию в его строительстве принимал участие сам царь Петр. В 1912 году в Лесной был построен храм-памятник, освященный во имя Петра и Павла, а с 2012 года, когда отмечалось 100-летие Петропавловского храма, началось проведение духовно-культурной акции «Лесная – место воинской славы».

В 2017 году в музейном комплексе «Мир» прошла выставка, посвященная периоду середины XVII – начала XVIII века. В Мирском замке находится музейный комплекс, который не только проводит мероприятия, но и издает научную литературу. К открытию выставки был издан каталог, в котором описаны события в том числе и Северной войны. Упомянут в каталоге и Петр I. Петровская Россия вступила в войну с сильнейшей региональной державой того времени – Швецией. Русский царь много чего сделал для того, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. В том числе он опирался на опыт своих противников – шведов [15, с. 37]. Сильное желание получить выход к Балтике зависело от победы над Швецией, поэтому именно она стала «делом жизни молодого российского монарха» [15, с. 66].

Авторы каталога сравнивают русского царя и шведского короля, находя подобие. Петр, как и Карл, имел «абсолютную власть в армии и государстве», «активно участвовал в военных кампаниях и вдохновлял своих солдат на битву» [15, с. 78]. Не остались авторы каталога в стороне и от критики русского царя, указав, что, «пользуясь упадком политической власти в ВКЛ [Великом княжестве Литовском – А.Г.], Петр I ощущал себя полным хозяином на белорусских землях. Поэтому ничто не могло удержать российские войска, которые при отступлении проводили тотальные реквизиции» [15, с. 80]. Данное заявление не слишком логично. То, что Петр чувствовал себя хозяином на восточных территориях Первой Речи Посполитой, не обязательно допускает проведение реквизиций. Реквизициями занимались русские, шведы, иррегулярные силы, а также собственные польско-литовские войска.

В том же 2017 году в Замковом комплексе «Мир» была издана монография С.В. Донских «Гродненская военная кампания 1705–1706 гг.». Пожалуй, именно в этой работе чаще всего упоминается Петр I. Это не случайно, так как русский царь достаточно много времени уделил подготовке гродненской обороны и присутствовал в городе. Монография рассматривает один из сюжетов Северной войны, которым ранее не слишком интересовались исследователи петровской эпохи. Петр I представлен в книге как монарх и военачальник. Сначала С.В. Донских разбирает историографию Северной войны и указывает, что советская историческая наука писала о Петре I апологетически. Также в СССР приветствовались аналогии между Петром I и И.В. Сталиным. Помимо того, советские ученые практически не работали с зарубежными источниками [12, с. 8]. Интересно напомнить, что в упомянутой выше статье О.А. Яновского [25] Петр I также сравнивается с И.В. Сталиным, но сравнение идет по негативным показателям, а не по позитивным, как это делала советская наука. Также выводы С.В. Донских вступают в противоречие с утверждением коллег, написавших текст каталога выставки «Ultima ratio regum. Беларусь у Паўночных войнах сярэдзіны XVII – пачатку XVIII ст.». Авторы каталога утверждают, что русский царь использовал опыт шведской армии [15, с. 37], а С.В. Донских делает вывод, что русская армия «строилась не столько по шведскому, сколько по австрийскому образцу» [12, с. 10]. Петр финансировал из своей казны как литовские войска [12, с. 81], так и саксонские [12, с. 146], поскольку у польского короля и одновременно саксонского курфюрста Августа II Сильного были финансовые проблемы. Польский король тратил выделенные царем деньги на собственные нужды, чем разочаровал Петра I, и продолжал просить дополнительную русскую финансовую помощь. Помимо этого, Август II настаивал на том, чтобы Россия обменивала захваченных

шведских пленных не на русских, находящихся в шведском плену, а на плененных шведами саксонцев. Также Август II требовал, чтобы саксонская армия укомплектовывалась русскими рекрутами. «Царь со всем соглашался, давал щедрые обещания, просил дать время на размышления, но делал только то, что сам считал нужным» [12, с. 145].

С.В. Донских описывает Петра I как талантливого дипломата, который понимает, как нужно себя вести с союзниками, чтобы не настроить их против себя. Например, первые две встречи Петра I и Августа II прошли тогда, когда русский царь представлял собой молодого политика, а после еще и монарха, чьи войска были разбиты под Нарвой в 1700 году. Август II на этих встречах выглядел «настоящим» монархом. Но в 1705 году был разбит Август II. Встречаясь с ним после этого, Петр I «проявил себя тонким политиком. Он ни разу не принизил королевский статус своего союзника, проявляя к нему подчеркнутое уважение. Желая продемонстрировать крепость антишведского союза, Петр I и Август II так часто и так трогательно выражали в Гродно свои теплые чувства друг к другу, что среди шляхты поползли слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации обоих монархов» [12, с. 142].

Петр I смог проявить дипломатический талант в общении не только с польско-саксонским коллегой, но и с представителями католического клира. После событий в Полоцке, когда в 1705 году Петром I были казнены несколько униатских монахов, в Речи Посполитой появились слухи, которые трансформировали эту историю в ужасную легенду с выдуманными подробностями. Но сразу после этого русский царь смог установить контакты с католическими священниками, причем сделал это так, что «монахи-иезуиты превозносили набожность Петра I» [12, с. 156]. Духовник польского короля Карл Мавриций Вота получил от русского царя разрешение строить в России католические храмы и согласие на свободное исповедание католицизма в России. Также Петр I дал возможность католическим миссиям пересекать Россию для поездок в Монголию и Персию. Сам духовник польского короля был известен своими планами окатоличить православное и лютеранское население Первой Речи Посполитой, но Петр I все равно подписал документ. Позже оригинал был утерян, «поэтому Петр I не спешил исполнять данные Ватикану обещания» [12, с. 157]. Занимался в Гродно русский царь и внутренними государственными делами, а также своим ремесленным хобби [12, с. 154].

Подвергается коррекции и сложившийся в белорусском историческом нарративе, особенно нарративе националистическом, образ Петра I как человека, грабившего белорусские земли. Например, в 1706 году Петр I приказал отходившей из Гродно русской армии конфисковать у местного населения абсолютно всех лошадей, чтобы никто не мог сообщить шведам об отходе русских. Но также было приказано взять провиант лишь в необходимом количестве, «чтобы не разорять и не озлоблять население» [12, с. 247]. В 1707 году царь приказал брать все необходимое только в имениях польско-литовских магнатов – сторонников Карла XII. Со шляхты, которая «тихо дома сидит», не собирали лошадей и волов, а с тех, чьи родственники пошли служить шведам или их ставленнику на польский престол Станиславу Лещинскому, брали половину требуемой нормы [12, с. 295–296]. Таким образом, реквизиции были естественным способом армии прокормиться, а русские, если это было возможно, не стремились забирать у населения все.

Отмечает С.В. Донских и военно-инженерные таланты Петра I. Например, увлекающийся инженерным делом царь сразу понял, что настланный по льду шведский мост можно сразу же списать со счетов, так как скорый ледоход разрушит эту переправу. Шведы же оказались не в состоянии просчитать последствия [12, с. 267].

Военно-стратегическая и военно-административная деятельность русского царя также нашла отражение в работе С.В. Донских. Он указывал, что у Петра I «была кро-

потливая, ежедневная и неблагодарная работа, в которой железная воля и трудолюбие Петра I перемололи военный талант Карла XII» [12, с. 8]. Шведский король «долгое время не принимал во внимание значение Гродно», а Петр I понимал, что Гродно прикрывает от основных сил шведов, находящихся в Польше, Прибалтику, к контролю над которой русский царь проявлял неподдельный интерес [12, с. 78]. Расположившись в Гродно, Петр I перерезал коммуникации между основными силами шведов и Прибалтикой [12, с. 123]. Русский монарх понимал состояние своей армии, поэтому долгое время не искал генерального сражения со шведами, а донимал противника мелкими ударами. В той ситуации это было разумно [12, с. 90]. Заслугой Петра I можно признать то, что «артиллерия и военно-инженерная часть российских войск были на голову выше, чем у всех армий, участвовавших в Северной войне» [12, с. 229].

С.В. Донских высоко оценил деятельность русского царя: «Петр I создал боеспособную регулярную армию, переломившую ход Северной войны и сокрушившую Шведскую империю» [12, с. 343], «Гродненская военная кампания 1705–1706 гг. – это начало конца Шведской империи и Рождение Российской империи» [12, с. 289], а ко второй половине 1706 года «Петр I как военный администратор полностью переиграл Карла XII как полководца» [12, с. 293].

В 2019 году в Могилеве вышел сборник прошедшей в 2017 году конференции, посвященной 750-летию Могилева. Конференция проводилась российскими соотечественниками, поэтому называлась «Россияне в истории Могилевского края». В трех статьях этого сборника упоминался Петр I. Автор всех трех статей Л.А. Володько. В статье «Коронованные особы посещали Могилевский край» описано посещение Могилева Петром I в 1706 году, во время которого он вспомнил о резне 1661 года, когда местные жители вырезали около 7 тыс. русских стрельцов. Царь заявил, что «тогда была война», поэтому вопрос был исчерпан [5, с. 74]. В 1708 году Петр I отметил в истории Могилева по-другому. «После ухода шведов начались самые трагические страницы в истории Могилева. По приказу Петра I “царские пожароносцы со стороны Горок подошли к Могилеву” и подожгли его со всех сторон» [5, с. 75]. Далее Л.А. Володько упоминает о грабежах, которые совершала после поджога иррегулярная конница Петра I [5, с. 75–76]. Еще две статьи сборника, в которых упоминается Петр I, описывают единственный сюжет с участием царя – поджог Могилева по его приказу: «После ухода шведов из города, 8 сентября 1708 г. по приказу царя Петра I Могилев был сожжен. Есть версия, что причиной этому было то, что горожане приняли шведское войско» [4, с. 9] и «В ходе Северной войны с 7 июля по 14 августа 1708 г. в городе находились шведы. Город, монастыри и окрестности подверглись опустошениям. А 8 сентября 1708 г. по приказу Петра I Могилев был полностью сожжен, сгорел и замок» [6, с. 34].

В 2019 году вышла еще одна книга, посвященная Северной войне, «Балтийская трагедия. Северная война 1700–1721 гг.» [11]. Ее автор М. Голденков – представитель литвинского направления в белорусском историческом нарративе. Литвинское видение белорусской истории отличается невежественностью, перевираанием исторических фактов, фальсификациями и прочими способами создать литвинский националистический миф, в котором литвины-белорусы противопоставляются главному врагу – русским. Естественно, книга М. Голденкова воспроизводит именно этот нарратив. Так как литвинские авторы не в состоянии противостоять исторической науке, они заранее обвиняют профессиональных историков в том, что те якобы скрывают историческую правду. Голденков называет разгром Петром I шведских войск у деревни Лесная «полным провалом Петра» и «очередной катастрофой его армии» [11, с. 3]. Это при том, что шведский генерал А. Левенгаупт потерял практически половину солдат и весь обоз и вынужден был отступить. Уже этот пример показывает желание автора создать исторический миф, в котором Россия и

ее действия представлены негативно. М. Голденков принижает и другие победы русской армии, называя итог Полтавской битвы «не викторией вовсе, а всего лишь первой за 9 лет победой Петра» [11, с. 3]. Он даже не понимает, что «виктория» – это и есть «победа». Также М. Голденков якобы делает открытие, что полтавская победа произошла накануне поражения Петра Великого в Прутском походе. Возможно, Голденков впервые узнал о том, что русский царь подписал невыгодный мир с Османской империей, но этот факт отмечен даже в белорусском школьном учебнике: «И хоть после этого [полтавской победы – А.Г.] поход Петра I против Турции оказался неудачным (пришлось вернуть Азов и подписать невыгодный мир), для Швеции это ничего не меняло» [7, с. 243]. Таким образом, М. Голденков преподносит как собственное открытие давно известные факты, отраженные даже в школьном курсе истории. Стараясь демонизировать Петра I, он настаивает на психическом заболевании царя [11, с. 9].

Традиционно для белорусского исторического нарратива всюду в прошлом искать присутствие белорусов. М. Голденков тоже не ушел от этого. Он называет армию Великого княжества Литовского белорусской армией [11, с. 9], а Екатерину I – «простой беларуской девушкой Мартой Самуиловной Скавронской или Василевской» [11, с. 36]. В данной цитате М. Голденков, как и многие белорусские авторы, сознательно делает грамматическую ошибку в прилагательном «белорусская». Дело в том, что неграмотное написание этого слова маркирует якобы настоящих патриотов, которые навязывают белорусские нормы в русский язык. При описании конфликта русского царя с униатскими монахами в Полоцке в 1705 году М. Голденков красочно пересказывает те мифы, которые сложились вокруг события, чтобы еще больше очернить Петра I. Интересно отметить, что данная книга написана на русском языке (хотя и с грамматическими ошибками и некоторыми несогласованиями), но униатские священники почему-то говорят в ней на литературном белорусском. Видимо, это сделано специально, чтобы подчеркнуть, что русский царь преследовал «белорусскую национальную» религию [11, с. 39–41].

М. Голденков, судя по содержанию книги, абсолютно не знаком с источниковой базой сюжета, о котором он пишет, а если и знаком, то, скорее всего, он или так и не понял источники, или сознательно искажил их. В книге нет научно-справочного аппарата, хотя встречаются непонятно откуда взятые цитаты. Крайне невежественная интерпретация исторического сюжета роднит книгу М. Голденкова с брошюрой «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі».

В целом белорусский исторический нарратив о первом русском императоре не слишком богат и разнообразен. Белорусская история, как профессиональная, так и любительская и даже псевдонаучная, не слишком интересуется Петром I. Конкретно ему посвящена лишь небольшая эмоциональная заметка В. Орлова «Якая роля ў нашай гісторыі належыць Пятру I?» [2], в которой образ русского царя выведен со всей идеологической прямотой, опирающейся более на националистическую мифологию, чем на исторические факты.

Сюжеты, связанные с первым русским императором, можно разделить на три группы: научная разработка проблемы (в первую очередь это монография С.В. Донских [12]); опора повествования на историческую память (например небольшая работа А.В. Велько [3]) и псевдонаучные или близкие к ним практики (заметки из сборника «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» [2, 8, 20] или книга М. Голденкова [11]).

Вообще же к изучению роли Петра Великого в истории Белоруссии следует подходить крайне осторожно, поскольку такая постановка вопроса может сразу же создать проблему, что понимать под Белоруссией в петровское время. Привычное для белорусской исторической политики равенство между Белоруссией и Великим княжеством Литовским, принятое в белорусской науке, не выдерживает критики, так как в состав Литовского княже-

ства входили и современные земли Литвы, населенные даже не славянами. Растягивать Белоруссию до размеров Первой Речи Посполитой, чьей столицей была Варшава, вообще некорректно, хотя некоторые авторы это делают. Брать современные белорусские границы тоже странно, поскольку их в принципе не существовало в первой половине XVIII века. Даже использовать оригинальные названия территорий того времени не слишком продуктивно, поскольку логика военных действий подразумевала учет лишь государственных границ, но не культурно-географических регионов. Именно поэтому если кто-то из белорусских исследователей возьмется за изучение проблемы «Петр I и Белоруссия», ему будет необходимо сначала определиться, что он под Белоруссией понимает.

Литература

1. *Абламейка С.* Мой Картаген. [Без места издания]: Радыё Свабодная Эўропа; Радыё Свабода. 2015. 316 с.
2. *Арлоў У.* Якая роля ў нашай гісторыі належыць Пятру I? // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі / уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Мінск: Рэдакцыя газеты «Звязда», 1993. С. 47–48.
3. *Велько А.В.* Битва у Лесной. Мінск: Беларуская Праваславная Церковь. 2008. 24 с.
4. *Володько Л.А.* Вехи истории Могилева // Россияне в истории Могилевского края: Сборник материалов Международной конференции, приуроченный к 750-летию Могилева. (Могилев, 5 октября 2017 г.). Могилев: Амелия Принт, 2019. С. 5–13.
5. *Володько Л.А.* Коронованные особы посещали Могилевский край // Россияне в истории Могилевского края: Сборник материалов Международной конференции, приуроченный к 750-летию Могилева. (Могилев, 5 октября 2017 г.). Могилев: Амелия Принт, 2019. С. 72–99.
6. *Володько Л.А.* Могилев в составе Российской империи // Россияне в истории Могилевского края: Сборник материалов Международной конференции, приуроченный к 750-летию Могилева. (Могилев, 5 октября 2017 г.). Могилев: Амелия Принт, 2019. С. 32–72.
7. Всемирная история с древнейших времен до конца XVIII в.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обуч. / под ред. А.А. Прохорова. Минск: Издательский центр БГУ, 2019. 288 с.
8. *Вячорка В.* Хто стварыў літары, якімі мы сёння карыстаемся? // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі / уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Мінск: Рэдакцыя газеты «Звязда», 1993. С. 46.
9. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: падручнік. 3-е выд., дапрац. і дап. / Я.К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Мінск: Вышэйшая школа, 2007. 398 с.
10. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) / Ю. Бохан, В. Голубеў, У. Емельяныч і інш.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2007. 344 с.
11. *Голденков М.* Балтийская трагедия. Северная война 1700–1721 гг. Минск: УП «Энциклопедикс», 2019. 104 с.
12. *Донских С.В.* Гродненская военная кампания 1705–1706 гг. Мир. Музей «Замковый комплекс “Мир”», 2017. 410 с.
13. *Запруднік Я.* Беларусь на гістарычных скрыжаваннях / навук. рэд. У. Арлоў; пер. с англ. М. Раманоўскага. Мінск: Беларускі Фонд Сораса: ВЦ «Бацькаўшчына», 1996. 326 с.
14. *Котлярчук А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск: Энциклопедикс, 2002. 296 с.
15. Міжнародная выстава «Ultima ratio regum. Беларусь у Паўночных войнах сярэдзіны XVII – пачатку XVIII ст.» Мірскі замак, 21 красавіка – 24 верасня 2017 г.): каталог / аўт. тэксту Мікола Волкаў, Кірыл Карлюк; фота Віталь Раковіч. Мір: «Музей Замкавы комплекс “Мір”», 2017. 264 с.
16. *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сёння: Папулярныя нарысы з гісторыі Беларусі / пасьп. А. Грыцкевіча; укл. Н. Дашкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 414 с.
17. По воле Петра Великого (методические рекомендации библиотекам в помощь школьной программе по изучению истории). Могилев: Могилевская областная библиотека имени В.И. Ленина. 2003. 9 с.
18. *Соколов Георгий, прот.* Лесная – место воинской славы. Могилёв: Амелия Принт, 2014. 24 с.
19. *Спирин И.В.* Головинский замок в контексте событий 1654 и 1708 гг. (по письменным и археологическим источникам) // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і междисциплинарных даследаванняў: Зборнік навуковых артыкулаў II міжнароднай навуковай канферэнцыі (до 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ). (Полацк, 17–18 красавіка 2014 г.): у 2 ч. Ч. 1. / пад рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, С.А. Шыдлоўскага. Наваполацк: ПДУ, 2014. С. 102–108.
20. *Трусаў А.* Што рабілі беларусы ў Маскве ў XVII стагоддзі? // 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі / уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Мінск: Рэдакцыя газеты «Звязда», 1993. С. 45–46.
21. *Хотеев А.* Инцидент с полоцкими униатами в 1705 году [Электронный ресурс] // Борисовская епархия. Режим доступа: <https://borisoveparhia.by/wp-content/uploads/2019/03/Petr-i-i-polockie-uniaty.pdf> (дата обращения: 9.02.2022).
22. *Шапока М.* Литовские заключенные в России в начале XVIII в. // Архіварыус. Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 12. Мінск: НГАБ, 2014. С. 298–313.

23. *Шицагал А.Г.* Русский гражданский шрифт 1708–1958. М.: Искусство, 1959. 280 с.
24. *Шицагал А.Г.* Русский типографский шрифт. М.: Книга, 1974. 201 с.
25. *Яновский О.А.* Прежде, чем читать эту книгу... // *Семевский М.И.* Тайная служба Петра I: Документальные повести / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. О.А. Яновского. Минск: Беларусь, 1993. С. 5–26.
26. *Ярашэвіч А.А.* Мірскі замак у перыяд Паўночнай вайны (1700–1721 гг.) // Мірскі замак: Крыніцы старэння музейных экспазіцый: гісторыка-дакументальныя матэрыялы і інфармацыйныя тэхналогіі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (г.п. Мір, 29 мая 2009 г.) / навук. рэд. Н.М. Усава. Мінск: Медысонт, 2013. С. 70–76.

Анотацыя. В статье исследуется белорусский исторический нарратив о Петре I. Рассматриваются научные работы, посвященные образу русского царя, научно-популярные работы, отражающие коллективную историческую память, которую еще не деформировала белорусская националистическая мифология. Также анализируются статьи, которые можно определить как псевдонаучные.

Ключевые слова: Петр I, белорусская историография, белорусская историческая публицистика, Северная война 1700–1721 годов.

Alexander D. Gronsky, PhD in History, Associate Professor. Leading Researcher, Section for Byelorussia, Moldavia and Ukraine, Center for Post-Soviet Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: agr1976@yandex.ru

The Image of Peter I in the Byelorussian Historical Discourse of the Post-Soviet Period

Abstract. The article examines the Byelorussian historical narrative of Peter I. The author considers scientific works devoted to the image of the Russian tsar, popular scientific works reflecting the collective historical memory, which has not yet been distorted by the Byelorussian nationalist mythology. Articles that can be defined as pseudoscientific are also analyzed.

Keywords: Peter I, Byelorussian Historiography, Byelorussian Historical Publicism, the Great Northern War of 1700–1721.

Представления об образе Петра Великого в советское время

Очень часто в самых разных местах приходится встречать утверждения о «монархическом сознании русских», о «любви к сильной руке» и «непрятии демократии». Все чаще в наше время можно услышать, что монархия – вполне пригодная для России форма правления и нужна ее реставрация. Варианты рисуются самые разные. Говорится даже о том, что в советское время в стране была «квазимонархическая форма правления». Задачей данного текста, однако, не будет подробное разбирательство истинности или ложности подобных тезисов. Это просто попытка поразмыслить над таким явлением, как отображение личности Петра Великого в советский период. А также попытка подумать над тем, могло ли это влиять на умы людей в плане формирования скрытого монархического сознания или же, напротив, – произрастало именно из него.

В 2022 году исполняется 350 лет со дня рождения Петра Великого – именно так именуется в традиционной историографии русский царь, а затем – император Петр I Алексеевич из династии Романовых. Следующим русским правителем, удостоенным этого почетного титула, станет императрица Екатерина II, и после нее уже никто из русских императоров так именоваться не будет. Александр I именовался Благоденным, Николай I – Незабвенным, Александр II – Освободителем, Александр III – Миротворцем, Николая II после канонизации чаще всего титулуют святым царственным страстотерпцем. Каждое такое именование было неслучайным и носило определенные смыслы.

Собственно, достаточно вспомнить, что титулование «Великий» давалось за грандиозные и выдающиеся заслуги. Не всякий правитель мог так называться. И в русской истории таких правителей можно пересчитать по пальцам: Владимир Великий (князь Владимир Святославович, впрочем, чаще именуется Владимир Святой по причине его канонизации или Креститель Руси – по главному делу его жизни), Мстислав Великий (сын Владимира Мономаха; это прозвание закреплено историком Татищевым, однако каких-то особо выдающихся деяний за ним в истории не числится), Иван III Великий (объединитель русских земель, который является создателем единого русского национального государства) и, наконец, Петр Великий и Екатерина Великая.

Не забудем за Петром и Екатериной титулов Отец Отечества и Мать Отечества. По сути, именно эти два государя считаются родителями Российской Империи – и это совершенно справедливо. На постаменте памятника Петру в Петербурге, красуется надпись «Петру Первому – Екатерина Вторая», что некоторые истолковывают таким образом: Петр начал эпоху преобразований, а Екатерина продолжила вслед за ним. Так что роль Петра в исторической традиции довольно велика.

Вокруг личности и деятельности Петра Великого еще при жизни начались жаркие и непримиримые дискуссии между его сторонниками и противниками. Вопрос об оценке

Зеленин Сергей Владимирович, магистр истории, краевед, историк, публицист (Вологда). E-mail: zeleninser@rambler.ru

его личности – давний, отраженный в огромном количестве литературы как за, так и против. А в наше время ему посвящено огромное количество постов в Интернете: до сих пор личность Петра является предметом ожесточенных споров. На мой взгляд, наличие по сию пору актуальных споров в отношении исторических персонажей прошлого является признаком жизни, показателем актуальности и важности оценки данных личностей. Кстати, одной из предъявляемых Петру претензий является то, что он «не жалел людей ради своих реформ, Петербург построен на костях». В этой связи Петра I нередко сравнивают со Сталиным, но, как представляется, есть один важный момент, который раз и навсегда пресекает любые попытки отождествления этих личностей: Петр Великий был законным русским Государем, а Сталин – узурпатором и тираном, насильственно захватившим власть в стране. И все их действия нужно рассматривать через эту призму. Так и Иван IV Грозный – одна из обсуждаемых по сию пору личностей – это законный русский царь, помазанник Божий. Впрочем, этот факт накладывает большую ответственность. С тираном все понятно – практически все его действия объяснимы желанием во что бы то ни стало удержать эту власть. С законным же монархом все гораздо сложнее и серьезнее. При рассмотрении его действий никогда нельзя забывать о том, что он находится на троне по праву. Власть, которая пришла на смену монархии в 1917 году, была практически малолегитимной, а уж власть большевиков – абсолютно нелегитимной. Все эти моменты крайне необходимо учитывать при знакомстве с данной статьей.

Литература имеет немало и порой весьма существенное влияние на сознание людей. Часто именно через литературу люди получают образы прошлого (впоследствии к литературе добавится кинематограф). Образы исторических личностей тоже формируются при активном участии литературы. Так получилось и с образом Петра Великого. В советское время, которое мы будем рассматривать, сознание детей активно формировалось со школьной скамьи при изучении русской литературы (как, впрочем, и прежде – но в советский период образование было уже по-настоящему массовым и всеобщим по своему охвату). И, конечно, на первом месте здесь был Пушкин, без которого нашу литературу просто невозможно себе представить. Пушкин приходил с самых ранних лет и шел за человеком до смертного одра.

Тема «Пушкин и Петр Великий» – весьма обширна и подробно изучена. Сказать здесь что-то новое – практически невозможно, да данная цель автором статьи и не ставится. Пушкин очень серьезно и внимательно интересовался личностью Петра Великого и планировал написать о нем большой исторический труд, но из-за гибели на дуэли так и не смог этого сделать. Эпоха великого преобразователя занимала его воображение и периодически вдохновляла на литературные произведения, ставшие хрестоматийными. Именно в советское время, когда образованием были охвачены абсолютно все, когда Пушкин стал доступен практически каждому жителю, строки из этих произведений сделались действительно всенародно известными, вошли в наш лексикон. Это необходимо учитывать при рассмотрении образа Петра в советское время.

В СССР господствующей идеологией был марксизм, отражавший идеи Маркса и его последователей – большевиков. Взгляды Маркса на Россию в целом и Петра Великого в частности невозможно охарактеризовать иначе, как русофобские. Особенно ярко они выражены в его работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», где Маркс давал России и русским крайне нелицеприятные характеристики: «Вторгаться, используя обманым путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой, – эта политика была продиктована Ивану Калите специфическим характером как господствующей, так и поработанной расы. Его политика стала также политикой Ивана III. Такова же

политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, место-пребывание и характер используемой враждебной силы. Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, отбросил все случайно примешавшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти, вместо того чтобы устранять только известные ограничения этой власти. Он превратил Московию в современную Россию тем, что придал ее системе всеобщий характер, а не тем лишь, что присоединил к ней несколько провинций. Подведем итог. Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso* в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира» [1, с. 10–11].

Данная работа очень характерна для понимания западной русофобии. Последнее предложение цитаты основывается на ходившем в то время по Европе так называемом «Завещании Петра Великого», в котором тот якобы завещал своим наследникам «завоевать Европу и весь мир». Это была откровенно антирусская фальшивка, составленная в целях борьбы против расширявшейся в своих естественных границах России. Ее появление относится к концу XVIII века, местом происхождения является Франция. Эта подделка стоит на одном уровне с другими известными подделками – «Протоколами сионских мудрецов» и «Планом Даллеса». Маркс был убежден в «подлинности» этого текста и вместе с Энгельсом в годы Крымской войны активно участвовал в антирусской пропагандистской компании. Стоит, впрочем, отметить, что эта работа основателя марксизма была опубликована в СССР только в конце 1980-х. Но тем не менее ее русофобские взгляды легли в основу классического марксистско-ленинского взгляда на русскую историю.

Далее переходим к Ленину. Лидер большевистской партии упоминает русского царя один раз, в статье «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности», написанной летом 1918 года. Полностью цитата звучит следующим образом: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача – учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [2, с. 301]. Здесь Ленин полностью следует русофобской риторике Маркса и однозначно оценивает допетровскую Русь как «варварскую», которую можно изменить только «варварскими» же методами, «варварство против варварства». Данные взгляды лежат в основе концепции, которую публицист Егор Холмогоров назвал концепцией Белого Конго. То есть это представление о том, что Россия всегда была «отсталой» и, по сути, ее история – это движение к «великому Октябрю». Преодолеть эту извечную «отсталость» можно только самыми жестокими методами, считает Ленин и следом за ним – Сталин.

Сталин тоже следовал в русле этого взгляда на историю России и Петра Великого. 13 декабря 1931 года он беседовал в Москве с немецким писателем Эмилем Людвигом. Началась беседа с вопроса о том, есть ли параллель между Сталиным и Петром, и считает ли тот себя продолжателем его дела. Руководитель РКП (б) отметил, что данная параллель бессмысленна и он никоим образом не считает себя таковым. Людвиг напомнил, что Петр немало сделал для развития страны, чтобы перенести в Россию западную культуру. На это Сталин ответил так: «Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать

также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. <...> Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был каплей в море, а Ленин – целый океан» [3, с. 105]. Сказанное отражает характерный для марксизма взгляд с классовых позиций и через призму экономики. Понятие «национальное государство» для него является чем-то отрицательным и неприятным. Подобная позиция, основанная на марксизме, закрепилась в советской исторической науке через «школу Покровского», которая трактовала историю России с точки зрения политэкономии. До середины 1930-х она безраздельно господствовала в советской исторической науке, но полностью и до конца никогда из нее не уходила.

Историк Михаил Николаевич Покровский был учеником Василия Осиповича Ключевского. Его ранняя работа «Русская история с древнейших времен», вышедшая в 1899 году, уже излагает историю вполне в марксистском ключе, но все же в академичном стиле: «Совершенно ошибочно мнение, будто политические условия форсировали развитие русского капитализма XVII–XVIII веков; но что политическая оболочка дворянского государства помешала этому капитализму развиться, это вполне верно. Самодержавие Петра и здесь, как в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое. <...> Будущий (и как скоро!) создатель бюрократического режима в России <...> Вводя новые учреждения, Петр сознательно, как мы видели, руководился техническими соображениями, а бессознательно служил интересам той экономической силы, которая гнала Россию в Европу, не справляясь ни с чьими субъективными планами и намерениями. <...> Фанатический поклонник дубинки, уверенный, что все дело в том, чтобы хорошо приказать и наблюдать за тем, чтобы приказание было выполнено <...> Банкротство петровской системы заключалось не в том, что “ценою разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы”, а в том, что, несмотря на разорение страны, и эта цель не была достигнута» [4].

Однако когда большевики пришли к власти и принялись за переформатирование мировоззрения народа, Покровскому было доверено создать очерк русской истории, переписанный в абсолютно большевистском духе. Покровский с этой задачей справился и создал «Русскую историю в самом сжатом очерке» (1920). И это уже не академичная работа, а откровенно пропагандистский текст, наполненный самой отборной русофобией и различными непотребностями, выдаваемыми за правду без каких-либо ссылок на источники. Вот что сообщалось там о Петре Великом: «Петр, прозванный льстивыми историками “великим”, запер жену в монастырь, чтобы жениться на Екатерине, которая раньше была горничной одного пастора (лютеранского священника) в Эстонии. Своего сына Алексея он собственноручно пытал, а потом велел тайно казнить в каземате Петропавловской крепости. Как он усмирал мятежи, мы уже говорили. Он умер (1725 г.) от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену, которая пережила его только на два года. Трудно, впрочем, наверное сказать, что было причиной ее преждевременной смерти – сифилис или алкоголизм: дорвавшись до царского престола, эта бывшая горничная, не умевшая подписать своего имени, проводила за бутылкой весь день и большую часть ночи» [5, с. 86]. В подобном стиле характеризуются в книге все герои русской истории, показанные весьма отвратительно и неприглядно. Именно таким был официальный взгляд на личность Петра до того как произошел идеологический поворот в отношении к истории.

1930-е годы буквально «дышали» войной. С приходом к власти в Германии в 1933 году нацистов людям здравомыслящим стало понятно – война будет. Да и вообще было ясно, что закончившаяся Версальским миром первая фаза Великой мировой войны (обычно именуемая Первой мировой войной) выльется в новое вооруженное противостояние стран. Впрочем, СССР и без того готовился к войне – во имя «победы мировой революции». Но стало понятно, что в такой ситуации на одном голом марксизме победить

невозможно и большинство народа и не будет за это воевать. Поэтому, по всей вероятности, и возникает мысль взять на вооружение ряд героев русской истории, подав их в «правильном» идейном ключе. И царь-реформатор, победитель шведов оказался здесь весьма кстати.

Роман графа Алексея Николаевича Толстого о Петре Великом приходится совершенно ко времени и к месту. Толстой начинает работать над ним в 1929 году, и работа эта будет длиться до самой смерти писателя в 1945 году. Две первые книги «Петра Первого» были опубликованы в 1934 году, а полностью он вышел к читателю в 1945-м. В 1943 году, незадолго до своей кончины, Алексей Николаевич начал работу над третьей книгой, но успел довести роман только до событий 1704 года. В советское время «Петр Первый» позиционировался отечественными литературоведами как эталон исторического романа в духе социалистического реализма, идеал для написания подобных романов по русской истории.

Роман этот фактически был социально-идеологическим заказом Сталина, которому «нужна была книга с героическим образом, который ведет страну по пути перемен. Она оправдала бы все жестокости того времени. Советская действительность перекликалась с тем далеким временем, когда жизнь русских людей резко изменялась под действием насаждающихся реформ Петра. Выполняя социально-идеологический заказ, Толстой был «заложником времени», но при этом он оставался серьезным художником слова» [6, с. 3]. Поэтому в романе явно проводились параллели между Петром I и Сталиным, что диктовалось желанием власти на примере Петра оправдывать слом традиционного общества любой ценой и вместе с этим – «основанную на насилии систему власти». Роман Сталину понравился и был отмечен Сталинской премией. Стоит отметить, что фактически роман Толстого «Петр Первый» – это первый и единственный советский исторический роман о Петре I и петровской эпохе. Максим Горький отозвался о «Петре Первом» как о «первом в нашей литературе настоящем историческом романе» [8, с. 154]. Успех романа породил государственный заказ на целую вереницу подобных исторических книг и фильмов, которые увидели свет в преддверии Второй мировой войны. «Петр Первый» прочно вошел в канон советской литературы, и с 1947 по 1990 год был переиздан в СССР 97 раз. В наше время роман по-прежнему переиздается и читается.

Толстой выступил при написании романа как художник-историк. Он активно использовал оригинальные документы петровской эпохи, письма, отчеты и мемуары современников Петра I, судебные акты и дипломатические донесения. Документы тщательно изучались и воссоздавались писателем в романе. В частности, были использованы следующие источники и исследования: «История царствования Петра Великого» Николая Устрялова, «История России с древнейших времен» Сергея Соловьева (тома с 13 по 15), «Деяния Петра Великого» Ивана Голикова, дневники и записки Патрика Гордона, Ивана Желябужского, Иоганна Корба, Джона Перри, князя Бориса Куракина, Юста Юля, Ивана Неплюева, графа Петра Толстого, Фридриха Берхгольца и другие, а также пыточные записки конца XVII века, собранные профессором Новомбергским и переданные писателю историком Калмашом в конце 1916 года. Для визуального воссоздания обстановки той эпохи Алексей Николаевич опирался на архитектуру, интерьеры, костюмы, портреты, гравюры, карты и планы конца XVII – начала XVIII века. Помимо этого, он также широко использовал исторические песни, сказки, анекдоты и байки, отражающие народное представление о петровском царствовании. Все вместе это дало увлекательный и интересный роман с яркими и динамическими картинками, на долгое время ставший самой настоящей классикой жанра.

Действие романа охватывает период с 1682 (кончина царя Федора III Алексеевича) по 1704 год (взятие русскими Нарвы). На самом широком историческом материале показывается этот сложный и переломный период русской истории. В романе показаны

Стрелецкий бунт, Азовские походы, Великое посольство, начальный период Великой Северной войны с 1700 по 1704 год. Действуют в романе подлинные исторические личности – царевна Софья, ее фаворит князь Василий Голицын, Лефорт, Меншиков, Анна Монс, Карл XII и другие. И, конечно, в центре фигура самого Петра – несколько идеализированного, раз за разом демонстрирующего волю, энергию, любознательность и упорный характер, бьющегося за исполнение и воплощение в жизнь своих решений, часто саботируемых приближенными, которые и лукавы, и ленивы, и вороваты.

Толстой вносит свою лепту в «черный миф о русском боярстве», в соответствии с которым бояре изображены как лентяи, «косные и замшелые», потенциальные изменники, враги преобразований и так далее. Подобная линия проводилась при создании образа другого «разрешенного» Сталиным русского царя – Ивана Грозного, с которым также сравнивали диктатора. «Царь – хороший, бояре – плохие» – эта установка господствовала весьма активно. Хотя в реальности именно русское боярство было важной опорой Государя, именно русские бояре верой и правдой служили Царю и Отечеству. Не одобряя петровских нововведений, они не боялись говорить Государю в лицо неудобную и горькую правду, но об измене даже не помышляли. Возведенный в графы боярин Борис Петрович Шереметев был верным слугой царя, героически воюя на поле сражения. Он одним из первых придворных надел на себя немецкое платье, чем вызвал восторг царя. При этом иностранцев он не любил, чего не скрывал. Шереметев оказался единственным приближенным Петра, который не подписал смертного приговора царевичу Алексею. «Известный историк М.М. Щербатов позже утверждал, будто фельдмаршал объявил: “Рожден служить своему государю, а не кровь его судить”, – другой же историк, И.И. Голиков, настаивал, что Шереметев был болен, находился в Москве, и только потому его подпись отсутствует», – сообщает историк Натан Эйдельман [8].

Не забудем и про упоминавшегося выше князя Якова Федоровича Долгорукова, человека долга и чести. Его и Шереметева воспевал в своем памфлете «О повреждении нравов в России» историк князь Михаил Щербатов. Вот что пишет об этом публицист Егор Холмогоров: «Герои Щербатова – фельдмаршал Шереметев, отказавшийся подписать приговор царскому сыну, боярин Прозоровский, из собственных денег покрывший военные расходы, вместо того чтобы отдавать на переплавку исторические реликвии, и особенно боярин Яков Федорович Долгоруков. Долгоруков был легендой русской истории, пока в советский период его не предпочли забыть. Старый боярин отличался исключительной честностью, неподкупностью, осуждением отягощения народа. Один особенно вредный царский указ Долгоруков отказался исполнять и надорвал... В другой раз, вместо того чтобы грабить зерно у народа, он предложил взять его из закромов Меньшикова, тем снискав народную признательность и злобу Данилыча. Интересно, что на памятнике тысячелетию России в Новгороде именно Долгоруков изображен ближе всех к Петру» [9].

В «Петре Первом» по канонам социалистического реализма показывается жизнь простого народа, что, однако, вполне соответствует традициям «Войны и мира», где в разной степени показаны все слои общества. В романе Алексея Толстого рядом с крупными историческими деятелями выведены простые люди из народа. Характерный пример – вымышленная семья крестьян Бровкиных, которые становятся частью новой элиты. Крепостной крестьянин Иван Артемьевич Бровкин становится богатым купцом, а его сын Алексей – одним из ближайших сподвижников Государя. Множество других героев, стрельцов, разбойников, староверов, солдат и так далее. И еще один персонаж – молодой палехский иконописец Андрей Голиков, которого изрядно побросала судьба, пока он не обрел шанс начать жизнь заново, став художником, автором портретов. Этот художественный прием введения вымышленного персонажа из низов помогает автору проникнуть в самые разные места, увидеть массу картин и показать Россию времен Петра с самых разных

точек и углов зрения. Этот прием позже будет активно использоваться многими авторами, писавшими на исторические темы. Пожалуй, наиболее ярко в этом плане отмечился писатель Валентин Пикуль, у которого можно отметить близкую по времени действия к данным событиям трилогию о России XVIII века («Слово и дело», «Пером и шпагой» и «Фаворит»), где Россия также показывается с совершенно разных углов, где действуют и реальные, и вымышленные персонажи, где мы видим разные слои и сословия общества. Собственно, именно такой формат, когда автор показывает эпоху сверху донизу, не только жизнь элиты, но и жизнь средних слоев и низов общества, очень важен для исторического романа. Стоит отметить, что чувства и жизни отдельных людей в романе щедро приносятся в жертву ради триумфа государственных интересов – это именно то, что требовалось от писателя его заказчиком. И тот же Голиков, несмотря на его попытки найти особый путь, жить отдельно, сопротивляться, все же становится частью этой большой единой машины и работает во имя государственных интересов.

Роман Алексея Толстого о великом преобразователе является вершиной его творчества, одним из лучших в мире исторических романов. Он, по сути, шел к нему всю свою жизнь. Толстой долго и мучительно размышлял – решиться ли ему на написание второго тома или же не стоит этого делать, поскольку вторая половина царствования Петра была темнее и менее романтична, нежели весна его жизни – в частности, тут вставал вопрос о деле царевича Алексея. Но судьба распорядилась так, что роман был недописан по естественным причинам. В архиве писателя осталось немало черновиков и записных книжек с планами по дальнейшей работе над книгой. В любом случае, роман появился весьма вовремя для новой волны пропаганды, когда был взят курс на патриотизм. Разумеется, что не использовать роман для набирающего силу кинематографа, было бы ошибкой. И в итоге на киностудии «Ленфильм» снимается художественный фильм из двух частей под названием «Петр Первый». Первая часть была снята в 1937 году, вторая – в 1938-м. Режиссер фильма Владимир Петров становится соавтором сценария вместе с Толстым, а сценарий второй части вместе с ними пишет Николай Лященко. Фильм должен был стать своего рода иллюстрацией и воплощением образа Петра в новой идеологической версии. Получилось прекрасное и мощное полотно, демонстрирующее нам период рождения молодой Империи. В центре – Отец Отечества, Государь Петр Великий, которого сыграл актер Николай Симонов, с большой энергетикой воплотивший на экране царя. Исполнителя главной роли искали долго, и наконец выбор пал именно на Симонова, ранее сыгравшего главную роль командира танка Белокопя в фильме «Горячие денечки» и второплановую роль комвзвода Жихарева в «Чапаеве». Ближайшего сподвижника Петра, Александра Меншикова играет знаменитый актер Михаил Жаров (прославившийся ролью Жигана в «Путевке в жизнь», а также ролью конторщика Дымбы в «Возвращении Максима»). Выдающийся театральный актер Михаил Москвин-Тарханов сыграл роль фельдмаршала Шереметева. Актриса Алла Тарасова воплотила на экране образ жены Государя Екатерины. Наконец, роль царевича Алексея, конфликт которого с отцом находится в центре второй части фильма, с большим драматическим мастерством сыграл актер Николай Черкасов, который вскоре прославится ролями князя Александра Невского и царя Ивана Грозного. Образ царевича Алексея Петровича в фильме истолкован абсолютно в духе официальной историографии как образ ставленника «отживших сил» внутри страны и враждебных ей зарубежных держав, врага петровских реформ и имперской мощи России.

Также в фильме показаны вымышленные боярин князь Буйносов с дочерьми Ольгой и Антонидой и бывший его крепостной Федька, купец Иван Бровкин, перекочевавшие в фильм из книги, а также реальный Никита Демидов. Есть там немало других героев из простого народа, представителей разных сословий. Одним из центральных эпизодов является Полтавская битва, в которой русские одерживают победу над шведским войском.

Начинается же фильм с поражения под Нарвой – само оно нам не показано, но мы узнаем, что сражение начисто проиграно, «полная конфузия». Петр не переживает из-за поражения, он готовится к ответному удару, ему нужно восстанавливать потерянную под Нарвой артиллерию, которая, впрочем, была очень плохого качества – пушки часто выходили из строя после двух-трех выстрелов. Делать новое оружие будет тульский мастер Никита Демидович Антуфьев, ставший основателем рода Демидовых. А для того чтобы найти металл для новых пушек, Петр пускается на беспрецедентную меру – снимать на переплавку церковные колокола (в эпоху богоборчества эта мера вызывала восторг, хотя на деле Петр вовсе не лишал храмы всех колоколов, всегда оставляя один). И вот из этого металла создаются новые и качественные пушки, которые идут на службу Отечеству. Петр не боялся трудностей, они заставляли его искать ответ, пути решения. Он извлекает уроки из поражений и постепенно двигается к победе. Меншикову он заявляет: «Опусти глаза! Не моги смотреть на меня! Думаешь, я Карла испугался? Войско бросил? Думаешь, под Нарвой начало и конец?! Войне начало только». Как писал военный историк Антон Керсновский, из тех, кто выжил под Нарвой, вышли потом полтавские победители [10, с. 25]. Он же воздает должное двум русским полководцам, выходцам из старинных боярских родов: «Велика заслуга перед русской армией и Шереметева, на долю которого выпала труднейшая из всех задач – перевоспитание “нарвских беглецов” и постепенное их закаливание – ковка молодой армии под стенами ливонских замков. Крупную величину представляет и старший из трех Репниных XVIII столетия – князь Аникита Иванович. Его заслуги не были оценены надлежащим образом, а между тем ему обязана русская армия своим спасением из гродненской мышеловки» [10, с. 55].

Вне всякого сомнения, фильм оказался очень востребован и популярен. Народу был явлен понятный и доступный образ Петра, который при всей монументальности показан живым человеком, склонным к яростному проявлению своих эмоций, который не чурается физического труда, прост в быту и радеет об интересах державы. Он снимает колокола с храмов, самолично стрижет боярам бороды, работает на станке и топором, курит трубку и находится с войсками. Достаточно долго Николай Симонов оставался единственным киновоплощением Петра в нашей стране. Фильм стал классикой, по нему у многих поколений складывалось представление о царе Петре Великом.

Первым после Симонова образ Петра на советском экране воплотил Роман Ткачук в фильме «Баллада о Беринге и его друзьях» (1970). Роль эта эпизодическая. Государь показан в последние дни своей жизни, показаны его кончина и погребение. Но он дает герою завет, распоряжение – вести исследование Сибири, северных морей. Имя Петра для Беринга очень важно, это его путеводная звезда. Следующий фильм, где появляется Петр, – музыкальная комедия «Табачный капитан» (1972). Основной сюжет фильма – посланный за границу боярский сын Антон Свинын наук не усвоил, а его крепостной холоп Иван преуспел в морском деле и был произведен царем в офицеры и получил дворянство. Отзывы о фильме примерно такие: «Он зрителями был воспринят несерьезным, шаржированным. И это действительно так, да и картину зрители впервые увидели в новогоднюю ночь. Петра сыграл Владлен Давыдов. Веселый, гогочущий, любящий баб и наводящий страх боярам, именно такой образ создал актер» [11].

Далее идет фильм «Дмитрий Кантемир» (1973), снятый студией «Молдова-фильм» и дублированный на «Ленфильме». Это фильм, посвященный странице истории Молдавии и России, – о господре Дмитрие Кантемире и Прутском походе русской армии 1711 года. Фильм начинается со сцен турецкого ига в Молдавии – угона людей в рабство и казни заложников султаном в Стамбуле. Перед смертью заложник Йован Милич отдает свой натальный крест стоящему тут же боярину Дмитрию Кантемиру, словно бы благословляя его на борьбу с турками. В фильме всячески демонстрируется в позитивном ключе роль христи-

анства, христиане (православные молдаване) противопоставляются туркам-мусульманам. Дмитрий Кантемир – один из выдающихся представителей молдавского народа, человек весьма образованный, философ, просветитель, ученый. Он взял курс на сближение с Россией и протянул руку помощи русскому царю в войне с Турцией. В фильме ставший молдавским господарем Кантемир поддерживает народную борьбу против турок и вскоре при явном одобрении народа открыто объявляет о своем союзе с русским царем, который был заключен в Луцке. Говорится о том, что Россия и Молдавия были дружественными странами со времен еще Стефана Великого. Роль Петра сыграл актер Александр Лазарев-старший, это было первое исполнение им роли царя. Его герой появляется и действует во второй половине фильма. Петр произносит речь о дружбе и братстве русского и молдавского народов, всячески привечает господаря Кантемира. И когда в одном из эпизодов турки требуют от него отдать Азов, срыть укрепления Таганрога и отдать им голову Кантемира, Петр отвечает следующее: «Азов отдадим, Таганрог разрушим, можем даже отдать басурманам часть земли русской, можем. Ибо останется надежда вернуть ее. Но Дмитрия Кантемира туркам не отдам, ибо честь, утраченную однажды, вернуть не можно».

Молдавские бояре в большинстве своем показаны изменниками, перебежавшими на сторону турок, из-за чего чуть не была разбита русская армия. Они пытаются заявлять, что государство – это они, что именно им принадлежит власть в Молдавии. Среди изменников оказывается и боярин Йордаке Русет, которого Кантемир, прибыв в Молдавию, приказал освободить из темницы, несмотря на возражения своего предшественника. В финале изменники-бояре взяты в плен и следуют за русской армией в Россию. На слезные просьбы пленников убить их, но не увозить из Молдавии, Кантемир отвечает, что истинная любовь к Родине познаётся на чужбине.

Следующий фильм, в котором появляется Петр Великий, – «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976). Это вольная экранизация романа Александра Пушкина «Арап Петра Великого». Изначально фильм планировалось так и назвать, но это название было отклонено худсоветом. Абрама Ганнибала сыграл Владимир Высоцкий. Императора же – Алексей Петренко. По поводу его игры мнения критиков разделились. «Одни утверждали, что роль Государя в этой картине заметна, но не более того. Другие восторгались актером и считали, что это одна из лучших ролей Алексея Петренко» [11]. Петр I в фильме – яркий, фактурный, самолично участвующий в строительстве кораблей, ценящий тех, кто трудолюбив и к наукам прилежен. По сложившейся традиции фильм отражает неприязнь к боярам – в данном случае в лице семейства Свиных, показанного довольно карикатурно. В то же время, можно отметить, что боярство остается и островком здравомыслия, свидетельство тому – сцена с вывешиванием «толстомясой» – картины с обнаженной женщиной. Сразу видно, что новые порядки выглядят довольно глупо. Тем не менее у некоторых деятелей культуры фильм вызвал довольно резкую реакцию. Писатель и Нобелевский лауреат Михаил Шолохов с подачи историка и публициста Сергея Семанова 14 марта 1976 года направил письмо Брежневу, где резко отрицательно высказался о фильме. Вот что он писал:

«Дорогой Леонид Ильич!

Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство социалистической культуры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства, показать его

духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству. <...> Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру, противопоставление русского социалистическому. Симптоматично в этом смысле появление на советском экране фильма А. Митты «Как царь Петр арапа женил», в котором открыто унижается достоинство русской нации, оплеваются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными. <...> Деятели русской культуры, весь советский народ были бы Вам бесконечно благодарны за конструктивные усилия, направленные на защиту и дальнейшее развитие великого духовного богатства русского народа, являющегося великим завоеванием социализма, всего человечества.

*С глубоким уважением, Михаил Шолохов
14 марта 1976 г.» [цит. по: 12]*

А вот что писал по поводу фильма сам Сергей Семанов уже в начале XXI века: «Ныне к этому письму уже необходимы некоторые пояснения. Фильмик про царя Петра и его арапа вызвал по выходе в 1976 году большой, хоть и негромкий скандал. Режиссер А. Митта (Рабинович) единственным достойным наследником Петра Великого показал его арапа в исполнении Владимира Высоцкого. Суть картины очевидна: в дикой России только нерусский человек может быть умным и благородным. Сценарий слепили опытные драматурги Ю. Дунский и В. Фрид, а взвинченную музыку сочинил А. Шнитке – будущий «великий гений», а тогда лишь скромный лауреат Госпремии РСФСР имени Н.К. Крупской. Русофобское это киноизделие тогда вызвало многочисленные письменные протесты. В августе 1970 года [?] автор данной статьи привез эти материалы к Шолохову в Вешенскую... Теперь, после великого погрома Государства Российского и его культуры, ясно видно, как далеко глядел и к чему своевременно призывал великий русский писатель!» [12].

Словно в ответ на это, на экран выходят фильмы, являющие собой абсолютную противоположность фильму А. Митты. Прежде всего это новая экранизация романа Алексея Толстого – дилогия режиссера Сергея Герасимова «Юность Петра» и «В начале славных дел» (оба фильма сняты в 1980 году). Снята она была в цвете и совершенно в ином виде, нежели фильм 1930-х. Это более точная экранизация романа, действие в ней развивается, как и в книге, с 1682 по 1700 год. Молодой Петр еще только набирает силу и становится великим самодержцем. Выбор актера на эту роль оказался очень удачным – Дмитрий Золотухин органично вписался в образ молодого царя и сегодня многими считается идеальным исполнителем роли Петра. Этот образ полюбили зрители и весьма существенно повлиял на восприятие личности Петра Великого. Петр в дилогии – человек трудолюбивый, демократичный в быту (просит иностранцев называть его попросту «герр Питер»), не любит пышных одеяний и роскоши, деньги предпочитает тратить на армию и флот, честен, порядочен и нетерпим к воровству. Самое же важное, что в дилогии с симпатией и без очернительства показана допетровская Русь. Основные антагонисты главного героя и его сподвижников вовсе не карикатурны: царевну Софью играет Наталья Бондарчук, князя Василия Голицына – Олег Стриженов, известные зрителю в основном по положительным ролям. И сам образ Руси – костюмы, здания, интерьеры – создан достойно и красиво. Оба фильма сняты с безусловной симпатией к России и русским людям. Мы видим любознательного Петра, который стремится для блага России привнести в нее западные новшества, сделать Россию сильной державой, которую будут уважать другие государства. Дилогия имела большой успех, Дмитрий Золотухин по опросу читателей журнала «Советский экран» был признан лучшим актером 1981 года. Поэтому, конечно, неудивительно,

что после успеха дилогии был снят девятисерийный художественный фильм «Россия молодая» (1981–1982) – на сей раз это экранизация Ильей Гуриным одноименного романа Юрия Павловича Германа (1952). Роль Петра в сериале сыграл опять же Дмитрий Золотухин. Учитывая, что сюжет дилогии Герасимова заканчивается незадолго до событий, описанных в «России молодой», а сняты все ленты на Киностудии имени Горького, можно рассматривать сериал как продолжение истории о первом этапе петровских преобразований, о весне жизни Петра. Название романа было взято у Пушкина из его поэмы «Полтава»:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра... [13, с. 196].

Толчком к написанию романа Юрия Германа послужила Великая Отечественная война. На море наиболее активные боевые действия против врага вел Северный флот. Юрий Герман, имевший звание капитана административной службы, служил в Политуправлении флота при отделе агитации и пропаганды, а затем – в Беломорской военной флотилии в качестве военного корреспондента ТАСС и Совинформбюро. В этом качестве он часто вылетал из Архангельска в Мурманск и Кандалакшу, по несколько месяцев жил в Полярном, выезжал на важные участки фронта, бывал на передовой и ходил в походы на боевых кораблях. Вице-адмирал Николаев подал ему идею рассказать морякам о прошлом русского флота на Севере. Для этого Герман работает в Архангельске в архиве и библиотеке. Несмотря на свою занятость, Юрий Павлович находил время просматривать архивные материалы и читать книги о пребывании Петра I на Севере, о строительстве Новодвинской крепости, о Соломбальской и Вавчугской верфях. Он внимательно изучил культуру и быт Петровской эпохи. От своего знакомого Герман узнал о кормщике Иване Рябове, о котором ему пела бабушка. Архивные материалы подтвердили существование Рябова и его подвиг. Юрий Павлович задумал написать о нем. В октябре 1943 года в кругу писателей и журналистов он прочитал пьесу «У самого Белого моря», которая через год была поставлена в Архангельске Валентином Плучеком под названием «Белое море». Постановка имела большой успех, который вдохновил писателя на создание романа о подвигах русских моряков во время войны со шведами. В мае и октябре 1945 года в газете «Правда Севера» были опубликованы первые главы романа «Россия молодая». Юрий Герман пробыл на Севере четыре года и всегда говорил, что этот период обогатил его как писателя.

Роман начинается с того, что Петр отправляет одного из главных героев, Селиверста Иевлева, строить флот в Архангельске. Там же появляется другой герой, Иван Рябов. Оба они являются подлинными историческими личностями. Еще один главный герой, таможенник Афанасий Крыков – вымышленный персонаж. В романе большое количество второстепенных героев – простых мужиков, кормщиков, солдат, монахов, крестьян и так далее. Нам даются примеры положительных героев, идеальных слуг Отечества, патриотов, честных и порядочных людей. С честью исполняет свой долг неподкупный Крыков, с честью исполняет его и отважный Рябов, и доблестный, решительный, радеющий о благе своей страны Иевлев. Негативно показаны иностранцы на русской службе, которые воруя, обманывают и способны к измене и шпионажу. Зато положительным персонажем показан архиепископ Афанасий (Любимов-Творогов), реальное историческое лицо, человек умный и просвещенный, который покровительствует честному таможеннику Крыкову. Представители боярства по все той же традиции показаны негативно. Именно воевода Прозоровский с помощью интриг заключает в тюрьму Рябова и Иевлева (Крыков герои-

чески гибнет при исполнении долга). Но на Север прибывает сам Государь, который восстанавливает справедливость – освобождает Рябова и Иевлева и наказывает воеводу. В конце по Осударевой дороге на Балтику доставляются построенные на Севере корабли. Сериал ярко и в красках передает этот сюжет. Мы видим представителей России допетровской, людей, которые хранят вековые устои русской жизни, но при этом верно служат Царю и Отечеству. Царь показан справедливым, радеющим за дело, не гнушающимся физическим трудом. Но главное действующее лицо и книги, и сериала – это русский народ, изображенный и там, и там с большой симпатией, во всем его величии и красоте. Мы видим героических и преданных Отечеству и долгу русских людей, которые являются настоящим образцом для подражания. По сути, и диалогия и сериал показывали: может Русская земля рождать собственных достойных и великих людей, тех, кто будет воплощать в жизнь замыслы Государя. И Петру есть на кого опереться, – на людей русских, на людей народного корня, которые честно служат ему, без лести и угодничества.

Двухсерийный фильм «Демидовы» (1983) повествует о рождении знаменитой династии промышленников Демидовых. Перед нами предстает Россия, которая воюет с Швецией. Требуются новые солдаты, а для них – оружие. За изготовлением пистолетов и ружей берется тульский мастер Никита Демидович Антуфьев. В фильме показан процесс создания заводов на Урале, этим делом занимается старший сын Никиты Акинфий. Демидовы – выходцы из простого народа – настоящая опора Государя. В то же время отражены и весьма непростые моменты при создании их промышленной империи – эксплуатация рабочих, тяжелые условия труда, укрывание от государства части серебряных рудников (из серебра чеканили монету) и так далее. Отношения у Никиты Демидова с Петром непростые, но в целом весьма продуктивные и доверительные. Петр, которого на этот раз вновь играет Александр Лазарев-старший, вызывает симпатию – он строг, суров, но справедлив и прежде всего видит пользу для Отечества. Он доверяет Демидову и оказывает ему содействие. На контрасте с Петром показан самолюбивый и радеющий только о собственном благе временщик Бирон в исполнении Михаила Козакова.

Петр в исполнении Дмитрия Диджиокаса эпизодически появляется в сериале Александра Прошкина «Михайло Ломоносов» (1986). Но герои часто упоминают его, а еще больше он присутствует делами своими. Ломоносов – истинно русский человек, настоящий самородок, талант из народа, которому надлежит продолжать дело Петрово в науке. Невозможно не вспомнить, как отзывался о Петре Иван Каргопольский, повлиявший на сознание юного Михайлы и сподвигший его отправиться учиться в Москву. Фоном к биографии русского ученого идут события бурного XVIII века – эпоха дворцовых переворотов. И все это приводит к появлению на троне Екатерины II, которая, по сути, и есть истинная продолжательница славных дел Петра. Мы видим симпатию создателей фильма к Руси допетровской, к народным традициям, показанным внимательно и с удовольствием. Как и в диалогии Герасимова, и сериале «Россия молодая», в данном сериале тоже звучат народные песни, отражена народная культура.

Еще один фильм, где появляется Петр Великий, – «Тайный посол» (1986), повествующий о походе в Хиву князя Бековича-Черкасского. И здесь русского царя играет – уже в третий раз – Александр Лазарев-старший. Роль Петра эпизодична, к тому же фильм доступен к просмотру только на туркменском языке, поэтому сложно о нем что-то сказать.

Теперь обратимся к такой теме, как детские книжки, задача которых – формировать у юных читателей представление об образе Государя. Здесь я опираюсь на то, что читал в детстве сам, понимая, что не имею возможности оценить и обозреть всех подобных изданий. Но даже те, которые попались мне в руки, имеют немалое значение для формирования представлений о личности и деятельности Государя-преобразователя.

Пожалуй, самой важной книгой для меня стала повесть Сергея Петровича Алексеева «Капитан бомбардирской роты»¹. Делится она на четыре главы: первая «На реке Нарове» – о неудачной битве под Нарвой в 1700 году; вторая «Радуйся малому, тогда и большее придет» – о восстановлении русской армии после Нарвской «конфузии» и реформах в государстве; третья «На реке Неве» – о закреплении России на берегах Невы и строительстве Санкт-Петербурга; четвертая «Опять Нарва» – о взятии Нарвы в 1704 году. В текст вошли самые разные классические и хрестоматийные сюжеты – создание новой артиллерии из колоколов, строительство Петербурга, создание первой газеты, строительство русского флота и так далее. В центре событий – Петр, но среди героев немало и самых обычных, простых людей (вымышленных персонажей). Написанная простым и ясным языком, с опорой на источники и документы, повесть довольно хорошо воспринималась детьми. Именно она во многом оказала влияние на интерес автора данной статьи к русской истории и его симпатии к личности Петра Великого. Обычно она публиковалась под одной обложкой с двумя другими повестями того же автора – о Суворове и Кутузове, с общим названием по второй повести – «Птица-слава» [14]. Эта книга отражала историю России практически за сто лет, рассказывая о том, как созданная Петром русская армия, начав с поражения под Нарвой в 1700-м, в 1812-м победила французов, славно преумножив наследие своего основателя.

Небольшая книжка Льва Рубинштейна «Азбука едет по России» [15] повествует о том, как Петр Великий внес изменения в русский алфавит. События показаны глазами маленького мальчика, действие происходит накануне великой победы при Полтаве, где предстает во всей красоте и величии сам царь, который не гнушается самолично с солдатами тащить лодки и галеры по переволоке. Не могу не отметить также книгу Валерия Прохвятилова «Гангутский бой» [16], в которой описано не только морское сражение при Гангуте 1714 года, но и события, ему предшествующие, к тому же имеются и «флэшбеки» – обращение к эпизодам из прошлого (например, подвиг упомянутого выше кормщика Рябова²).

Важно упомянуть и о книжках небольшого формата, предназначенных для самых юных читателей и богато иллюстрированных. Это книги серии «Страницы истории нашей Родины» издательства «Малыш», в доступной форме рассказывающие об истории России. События времен петровского царствования там отображены довольно ярко. Иллюстрации хорошо запоминаются и дают представление о тех или иных эпизодах русской истории. О петровской эпохе рассказывают книжки Анатолия Митяева «Сражение при Гангуте» [17] и Якова Гордина «Полтавская битва» [18]. Впрочем, помимо героических сражений есть книжка О. Тихомирова «Во широкой степи» о бунте под предводительством Кондратия Булавина [19]. Далее следует отметить разделенную на несколько книжек повесть писателя Александра Дорофеева «Звезда корабельная» о становлении русского флота. Первая часть, «Корабельные пути» [20], рассказывает о том, как Петр Первый приступает к строительству флота, найдя старый ботик, принадлежавший некогда его отцу. Во второй части, «Путь наш далек» [21], идет рассказ о том, как Петр строил флот на русском Севере, в Архангельске, и сам ходил по суровому Белому морю. Наконец, третья часть, «Ключ от моря» [22] – о взятии Азова, для чего был построен флот в Воронеже. Первая половина царствования Петра всегда пользовалась большой популярностью по причине важных и ключевых побед, тогда как последние годы царствования уже не имели такого очарования.

¹ Также издавалась под названием «Небывалое бывает» с подзаголовком «Рассказы о царе Петре Первом, Нарве и делах воинских» и делилась на две части: «На реке Нарове» и «За славу Российскую».

² В книге Прохвятилова Рябов становится солдатом и принимает участие в Гангутском сражении, где находит свою гибель.

Невозможно не отметить, что наиболее патриотичные и яркие произведения культуры, славящие подвиги русских людей, начинают особенно активно появляться в 1970-х и 1980-х годах. Период «застоя» характеризовался активной деятельностью «русской партии», которая всячески продвигала русский патриотизм и любовь к родной истории появлением фильмов и детских книжек, которые хотя и в рамках советской идеологии, но все же реально воспитывали любовь к Отечеству и его истории. Книжки, написанные и изданные специально для детей младшего школьного возраста, с юных лет давали представление о страницах русской истории и прививали любовь к Отечеству.

В заключение в качестве довольно любопытной иллюстрации хотелось бы обратиться к произведению, связанному не конкретно с историей XVIII века, а с 1970-ми годами в СССР. Речь идет о рассказе Сергея Довлатова «Шоферские перчатки» из сборника «Чемодан» [23]. Некто Юрий Шлиппенбах¹ задумал снять любительский антисоветский фильм, в котором Довлатов должен был играть царя Петра и возмущаться обликом современного им Ленинграда. Вот как он описывает свой замысел: «Фильм будет минут на десять. Задуман он как сатирический памфлет. Сюжет таков. В Ленинграде появляется таинственный незнакомец. В нем легко узнать царя Петра. Того самого, который двести шестьдесят лет назад основал Петербург. Теперь великого государя окружает пошлая советская действительность... Милицонер грозит ему штрафом. Двое алкашей предлагают скинуться на троих. Фарцовщики хотят купить у царя ботинки. Чувихи принимают его за богатого иностранца. Сотрудники КГБ – за шпиона. И так далее. Короче, всюду пьянство и бардак. Царь в ужасе кричит – что я наделал?! Зачем основал этот <нецензурное выражение> город?!» [23, с. 140]. Довлатов соглашается. В образе Императора он встает в очередь в пивной ларек, однако вопреки опасениям не вызывает никакого негатива: «Двое или трое мужчин посмотрели на меня без всякого любопытства. Остальные меня просто не заметили» [23, с. 150]. Царь быстро сливается с очередью, его появление воспринимается совершенно естественно, в отличие от появления Шлиппенбаха с камерой, желающего видеть «антагонизм народных масс», то есть, попросту говоря, драку и скандал. Народ воспринимает его негативно, как агента советской власти: «Сфотографируют тебя, а потом – на доску... В смысле – “Они мешают нам жить...”» [23, с. 152]. Народ встречает в штыки диссидента, решившего поглумиться, поиздеваться над ним (после чего тот решает завязать с кино), а царя воспринимает абсолютно спокойно: «Я стою за лысым. Царь за мной. А ты уж будешь за царем...<...> Царь стоял, я видел» [23, с. 151, 153]. Получилась очень характерная картина: народная монархия против советски-антисоветской диссидентщины. То есть царь воспринимается простым народом как свой, близкий ему человек, тогда как диссидентствующий режиссер – откровенно враждебно. Народ показан с симпатией, имеющим достоинство.

Таким было отображение Петра Великого в культуре советского времени. И мы можем заключить, что Император был весьма популярной фигурой патриотического воспитания, олицетворяя силу и мощь Русского государства.

Позднесоветский период является по-своему интересным периодом истории, когда у пропитанной русофобией марксистско-ленинской идеологии появляется конкурент в лице возрождающегося русского сознания. Так называемая русская партия старательно пропагандировала в народе русский патриотизм, пробуждая интерес к родной истории и любовь к нашему прошлому. Уважение к героям русской истории было важным моментом в подобной пропаганде. Вообще же можно отметить, что страшный нигилистический накал

¹ Данный персонаж носил при себе в хозяйственной сумке томик Пушкина, демонстрируя всем фрагмент из «Полтавы», где упоминался шведский генерал с такой же фамилией: «Сдается пылкий Шлиппенбах...».

по отношению к русской старине заметно снизился. С середины 1960-х идет волна роста национального самосознания, активная борьба за памятники культуры и архитектуры, за русскую культуру в целом. Несмотря на то, что противники всего русского не дремали, все же каких-то успехов в данном направлении удалось достигнуть. Дети, росшие в то время, все-таки усваивали, что живут они в России, стране с великой историей и культурой.

Петр Великий наряду с Иваном Грозным был в числе русских царей, которых «разрешили» еще при Сталине как героев истории. В этом очевидно желание диктатора уравнять себя с ними, их примером оправдать свои преступления. Однако создание образа Петра как весьма симпатичного человека и деятеля порождало в народе симпатии к монархии, но при условии, чтобы царь был похож на Петра I. Народу был явлен строгий, но справедливый царь-труженик, склонный к демократизму, настоящий патриот, готовый на любые жертвы во имя Отечества. Причем личность Петра была взята впоследствии на вооружение «демократами», и на выборы в Государственную думу в 1995 году «Демократический выбор России» шел с плакатами, где был изображен «Медный всадник». Петр был близок им своим стремлением проводить реформы, ориентировать Россию на западный лад и сделать ее частью Европы. Хотя как раз «демократии», которой чаяли, Государь был чужд, он все же был самодержавным монархом. Те же земские соборы и развитое местное самоуправление берут свое начало при нелюбимом ими Иване Грозном, который однозначно именуется в их лексиконе тираном и палачом. Однако и Петр Великий не был мягким и либеральным, он жестко карал тех, кто оказывал сопротивление его реформам, жестко подавлял бунты и мятежи.

Но в массовом сознании негативные черты все же отходят на второй план и уступают место главному – труду во славу Отечества, активной работе и деятельности для того, чтобы наша страна получила то, что ей необходимо. Личность Петра всегда будет вызывать живой интерес в нашей стране, у нашего народа, как возник он у Пушкина, планировавшего писать историю Императора. У кого-то, подобно персонажу фильма «Доживем до понедельника» (1968), могло даже на этом фоне возникать убеждение, будто «после Петра Первого России ужасно не везло на царей». Но на самом деле русские цари последующего времени – это череда больших удач для страны. При всех негативных и слабых моментах они способствовали преумножению и преуспению России. Россия пережила дворцовые перевороты, нестабильность на троне и обрела крепкое и стабильное мужское правление, что говорит о прочности самого института русской монархии.

Петр Великий при всех негативных моментах и неоднозначности его действий по праву считается одним из выдающихся русских царей, героев русской истории. Петру ставят памятники, его именем нарекают корабли, улицы и площади. Главное же для нас то, что он был законным природным русским царем, который правил Россией по праву династического наследования (но напомним: полноправным и единоличным царем он стал только после кончины старшего брата Ивана).

Литература

1. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Гл. 4 // Вопросы истории. 1989. № 4.
2. *Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
3. *Сталин И.В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. / И.В. Сталин // Соч. Т. 13. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1951.
4. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Ч. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pokrowskij_m_n/text_1899_rus_istoria-2.shtml
5. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) Партиздат, 1933.
6. *Олссон Татьяна.* Стилизация документов и писем в романе «Петр Первый» А.Н. Толстого по оригинальным актам Петровского времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://>

- www.slav.su.se/polopoly_fs/1.205480.1416319734!/menu/standard/file/t_olsson.pdf
7. Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 2. М., 1989.
  8. *Эйдельман Натан*. Розыскное дело // Наука и жизнь. 1971. № 9.
  9. *Холмогоров Егор*. 10 русских идей [Электронный ресурс] // Взгляд. 2013. 16 июля. Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2013/7/16/641484.html>
  10. *Керсновский А.А.* История русской армии: в 4 т. Т. I. М.: Голос, 1992.
  11. *Амарок-ман*. Лучший Петр в отечественном кино [Электронный ресурс] // Живой журнал. 2021. 17.05. Режим доступа: <https://amarok-man.livejournal.com/6061523.html>
  12. *Семанов Сергей*. Идеологические «качели» // Наш современник. 2002. № 11.
  13. *Пушкин А.С.* Полтава / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Поэмы, Сказки. М.: ГИХЛ, 1960.
  14. *Алексеев С.П.* Птица Слава: Повести из русской военной истории. Калининград: Книжное изд-во, 1985.
  15. *Рубинштейн Л.В.* Азбука едет по России. М.: Детская литература, 1968.
  16. *Прохватилов В.А.* Гангутский бой. Л.: Детская литература, 1989.
  17. *Митяев А.* Сражение при Гангуте. М.: Малыш, 1980.
  18. *Гордин Я.* Полтавская битва. М.: Малыш, 1989.
  19. *Тихомиров О.* Во широкой степи. М.: Малыш, 1987.
  20. *Дорофеев А.* Корабельные пути. М.: Малыш, 1989; М.: Лабиринт, 2017.
  21. *Дорофеев А.* Путь наш далек. М.: Малыш, 1989; М.: Лабиринт, 2017.
  22. *Дорофеев А.* Ключ от моря. М.: Малыш, 1989; М.: Лабиринт, 2017.
  23. *Довлатов С.* Шоферские перчатки / С. Довлатов // Чемодан: Рассказы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2013.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты восприятия образа Петра Великого в советское время. Автор уделяет внимание отношению к Петру основоположников идеологии марксизма-ленинизма, которая в СССР была провозглашена главенствующей, и отражению его образа в культуре советского периода, обращая внимание на литературу и кинематограф. Отмечается факт, что Петр Великий был одним из немногих русских царей, которые в СССР были официально признаваемы положительными персонажами русской истории.

Ключевые слова: литература, кинематограф, культура, Петр Великий, история России.

Sergey V. Zelenin, Master's Degree in History, Regional Ethnographer, Historian, Publicist (Vologda).
E-mail: zeleninser@rambler.ru

The Conception of the Image of Peter I in Soviet Time

Abstract. In the article the author examines certain aspects of Peter the Great's image concept in Soviet time. The author pays special attention to the attitude of Marxism-Leninism ideology (that was principle in the USSR) founders towards Peter I and to the interpretation of his image in the Soviet culture, especially in literature and cinematography. The author notes that Peter the Great was one of the few Russian tsars who were officially considered positive characters in Russian history.

Keywords: Literature, Cinematography, Culture, Peter the Great, Russian History.

Дело Петра

Романовы как императоры были уже не династией Романовых, а династией Петровичей. На престол вступают не в силу родственных отношений с Михаилом Федоровичем, а в силу родственных отношений с Петром Великим. Недолгое правление другой ветви в 1730–1740 годах также было не только недолгим, но и неудачным, и непопулярным. Да и оно основывалось на родстве Анны Иоанновны с Петром как его племянницы.

Елизавета обосновывает свою претензию на престол – и Россия признаёт за ней это право – не как «правнучка призванного народом царя Михаила», а как «дочь Петрова», и эти простые слова значат для нее, народа, русской гвардии куда больше, чем хитросплетения прав иных претендентов.

Павел I, отказываясь оставить престол по требованию восставшей гвардии, говорит о себе не как о потомке «призванного народом Дома Романовых», но как о «правнучке Петра Великого». Екатерина Великая, не имея, в общем, просто никаких внятных прав на престол, утверждает их провозглашением преемственности своей политики с политикой Петра и выбиванием на основании памятника ему имевших силу закона слов «Петру Первому – Екатерина Вторая».

Династия русских императоров была не династией Романовых, хотя ею считалась (впрочем, вопрос о романовском происхождении самого Петра является не вполне однозначным), но династией Петровичей.

Однако и здесь содержится неоднозначность: право на преемственность в этой династии давала не столько кровь Петра, сколько принадлежность его делу и его традиции. В частности – тому, что можно считать петровским вектором и петровским драйвом. Легитимность династии русских императоров, да и в целом легитимность Романовых, оказывается соединением выбора, традиции и харизмы, но харизмы, принадлежность и соотнесение с которой само становится традицией. Как царь – Петр имел прав на престол меньше, чем его старший брат Иван Алексеевич, полтора десятка лет считавшийся царствующим вместе с ним. Как Император – Петр, по сути, тоже был избран: формально – Сенатом, неформально – армией и народом. И это выбор позже подтвержден выбором Екатерины Первой, Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I, а вот Павел Петровичем не признан. Только выбирает теперь, как и положено в Империи, гвардия, оказавшаяся в XVIII веке главным инструментом гражданского общества в России.

Отсюда, в глубине сути вопроса, принадлежность к Петровичам, то есть наследникам «Дела Петрова», оказывается не столько в родстве, сколько в наследовании связи с харизмой и новой традицией – традицией харизматичности и модернизаторства.

Черняховский Сергей Феликсович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, действительный член Академии политических наук. E-mail: serfecher@mail.ru

В отличие от растиражированного мифа собственно Романовых на наследственное правление никто не призывал. Если бы призывали их, то есть их род призывали, то престол занял бы тот или иной старший представитель этого рода. В частности, Иван Никитич Романов, дядя Михаила и племянник царицы Анастасии, как раз и был известен своими словами: «Тот есть князь Михайло Федорович еще млад и не вполне разумен», – сказанными на соборе 1613 года, за которые и поплатился в будущем отстранением от всех значимых дел: сам он выступал за кандидатуру Карла Филиппа. То, что предложен на царство был малолетний Михаил, а не уже известный и влиятельный Иван, то, что последний был против данной кандидатуры, показывает, что Романовы как род на трон не призывались: на трон был именно избран конкретный представитель фамилии – Михаил Федорович, к этому моменту не являвшийся даже главой своей ветви рода.

То, что Романовы в последующем затвердили за собой право передавать престол в своем кругу, первоначально вообще было неким не прописанным произволом, подкреплявшимся той или иной формой подобия избрания. Действительное право на передачу престола закрепляется за ними уже не в силу выбора 1613 года и не в силу традиции, а в силу того, что эта традиция оказалась превзойдена харизматической личностью Петра I. Романовы как цари всегда после Михаила были немножко самозванцы. И как только осознание этого обладателями престола теряется, как только они поворачиваются к антимодернизаторству – теряется связь с Петром и теряется освящающая власть императорская легитимность.

Поворот от Петра осуществляется Александром III. И он перестает быть Петровичем, он оказывается всего лишь Романовым, но ко всему прочему с мизерной долей собственно романовской крови. И он, и Николай II – уже не Петровичи, уже не императоры, они просто Московские цари. 300-летие Дома потому и празднуется так пышно, что, перестав быть Петровичами, династия пытается утвердить себя как Романовых. Но, лишившись Петровичей (а последние крупные имперские военные победы, как и последние значимые расширения империи связаны как раз с тем, кого можно считать на деле последним русским Императором, – Александром II), Россия уже не желала Романовых. Собственно, она не желала их уже более двухсот лет – с тех пор, как пошла за Петром, а не за правившей Софьей и старшим царем Иваном V.

Перестав быть Петровичами, Романовы лишились своей спорной легитимности. Повернув от курса Петра I, Александр III, по сути, предрешил низложение Николая II. И в феврале 1917 года ключевую роль в низложении Николая сыграет именно тот институт, который возводил на престолы Петровичей (начиная с самого основателя), – созданная Петром Великим Русская Гвардия. А еще через несколько месяцев, в январе 1918 года, петровский гвардейский Семеновский полк, как и другие гвардейские полки, откажется признать претензии на власть Учредительного собрания, и оставит ее за системой Советов.

Армия всегда была стрежнем Российского государства. Но она всегда была и одной из наиболее прочных основ российской демократии. И для России иметь хорошую армию всегда оказывалось более актуально, чем иметь хорошую Конституцию. Армия восполняла отсутствие Конституции, выполняла определенную конституционную функцию: она была единственным государственным институтом, за которым по факту признавалось право на смену главы государства.

Если оказывалось, что Император переходит некоторые не прописанные за отсутствием Конституции, но предполагающиеся границы дозволенного, и общество узнавало что-либо на тему о внезапном апоплексическом ударе у самодержца, никто не только не протестовал, но и не проявлял сомнения в праве гвардейских полков решать участь царя, по словам историка С.М. Соловьева, в значительной степени обладавшего своей властью на правах «Князя Дружины» [1].

Существует версия, согласно которой 1 марта 1881 года (по старому стилю) Россия чуть было не обрела Конституцию. Согласно ей Александр II решил дать жизнь конституционному проекту Лорис-Меликова, подписанный им Указ уже лежал на столе, но именно в этот день, как известно, государь был казнен по приговору народовольцев. Из чего, кстати, подчас делается вывод, что на этот раз покушение удалось не потому, что после многочисленных попыток оно когда-нибудь должно было удалиться, а потому, что этого хотели противники данного проекта – в частности среди силовых и охранных структур Российской империи...

А могло получиться, что сегодня мы праздновали бы эту дату, как День Конституции России. Не получилось. Зато теперь 2 марта по тому же старому стилю – день падения монархии в России. Потому что именно 2 марта 1917 года внук казненного императора Александра Николай II в свою очередь отрекся от престола и тоже был казнен, правда, спустя полтора года. Причем как раз в 145-ю годовщину убийства своего предка – императора Петра III Федоровича.

Если так, если смерть Александра II затормозила принятие российской Конституции, то к ее принятию не привело первоначально и свержение Николая. Хотя отрекшийся вслед за ним Михаил отрекался в пользу Учредительного собрания, которое и должно было бы принять этот документ. Временное Правительство столь настойчиво пыталось отложить либо сорвать созыв последнего (хотя реально возможность его созыва существовала еще в мае 1917 года), что собирать его пришлось свергнувшим это правительство большевикам, когда оно уже оказалось лишним колесом в системе Советов. Так что и Первую Конституцию пришлось принимать тоже им.

И все же до принятия Первой Российской Конституции власть русских самодержцев не была абсолютно неограниченной. Был общественно-государственный институт, который имел неформальные, но практически обществом признаваемые полномочия на смену носителей высшей власти. Это была армия. Точнее – императорская гвардия. И опять же есть некоторая ирония в том, что официальный День Советской армии приходится почти на те же дни, что и свержение монархии.

Гвардия Петра стала институтом сохранения его наследия. Наследие Петра было в духе прорыва и модернизаторства. И сам Петр всегда во многом был «народным царем», обладавшим не только легитимностью традиции, но легитимностью харизмы и народной поддержки, вождем.

Кстати, февральское восстание 1917 года началось тоже 23 февраля, хотя и по старому стилю. В ходе его развития 27 февраля (ст. ст.) как раз лейб-гвардейские Волынский, Литовский и Преображенский полки восстали и, подняв красные знамена, свергли империю. Так что День Красной Армии вполне можно было бы учреждать не 23, а 27 февраля (или 12 марта, если по новому стилю).

За армией если не законом (они в России всегда были непрочны), то обычаем было признано право, говоря современным языком, осуществлять ротацию государственной власти. Петровские гвардейцы, встав на сторону Александра Меншикова, возвели на престол Екатерину Первую. Петровские гвардейцы свергли Бирона и передали власть регента Анне Леопольдовне. Петровские гвардейцы, признав моральный авторитет вышедшей к ним в гвардейском мундире «дщери Петровой», провозгласили ее русской императрицей. Гвардейцы низложили и казнили Петра III и возвели на престол Екатерину Великую. Когда ее завещание не было выполнено и аристократия вместо Александра возвела на трон Павла I, гвардейцы, по сути, выполнили ее посмертную волю, казнив Павла и короновав Александра I.

В 1825 году гвардия впервые не сумела выполнить свою институциональную функцию и обеспечить исполнение завещания Александра I – передать корону Великому князю

Константину, власть получил Николай I. Именно с этого момента русская монархия медленно катилась к своей гибели. Но и на Сенатской площади гвардия не просто хотела привести на трон законного наследника, она уже требовала Конституции.

Кто знает, как сложилась бы судьба России, если бы она стала конституционной монархией, с основным законом, написанным Никитой Муравьевым. Или, по модели Пестеля, – модернизирующей военно-демократической диктатурой. Гарантированной к исполнению волей гвардейских полков, состоявших из наиболее образованных представителей русского общества.

Гвардия в России была основным институтом гражданского общества. Она впитывала его интересы (агрегировала их) и их же артикулировала – при необходимости ударом штыка. Этот институт потерпел поражение и практически был сломан в 1825 году. На смену его роли пришла роль государственной бюрократии. Причем далеко не в самом лучшем виде.

Русская армия всегда во многом была народной армией, выражавшей, в силу своего состава, интересы основных классов русского общества. Потерпев поражение в выступлении 1825 года, она вернула свою роль через 90 лет, 27 февраля (12 марта) подняв красные знамена и открыв дорогу Русской Демократической Республике.

В Октябре 1917 года Императорский Павловский гвардейский полк во главе со своими офицерами опрокинул баррикады сторонников Керенского и взял Зимний дворец. В январе 1918 года гвардейские полки (к этому моменту – бывшие гвардейские полки) отказались поддержать Учредительное собрание и признали власть ВЦИК и Советского Правительства.

Это нормально. Как показывает история, всегда и всюду демократия бывает и развивается и во всяком случае побеждает там, где есть сильная боевая армия. Потому что в нормальной стране армия – это народ. А когда она есть часть народа и состоит из его основных классов – она, с одной стороны, выражает ожидания народа, а с другой стороны, является его вооруженной частью.

Что было высшей точкой развития римской демократии? Революция Мария-Цезаря, затянувшаяся на полвека, но закончившаяся передачей власти от аристократического Сената Императорам. Но кто такие те, старые императоры Рима – это не монархи феодалной Европы. Это армейские вожди, завоевавшие популярность своими победами. Кем была римская армия того времени? Вооруженными свободными крестьянами. Тогда власть императоров была властью крестьянства. А императоры (получившие свои полномочия на время военного похода) – чем-то вроде русских казачьих походных атаманов. Кто хочет узнать, чем была бы Россия, победи армии Разина или Пугачева, может взглянуть на Римскую империю I века до н.э. и I века н.э.

Мао Цзэдун однажды сказал: «Винтовка рождает власть». Он и сам не знал, насколько был прав, – можно вполне было бы сказать: «Винтовка рождает демократию». Когда-нибудь еще предстоит задуматься над местом конструктора Калашникова в судьбе мирового национально-освободительного движения.

Собственно, демократия и родилась в первую очередь в форме военной демократии: самоуправления способных носить оружие. Шведский демократический прорыв начала XX века стал возможен благодаря реализации принципа: «Один швед – одна винтовка – один голос». Для чего американская Конституция закрепила право граждан свободно приобретать, хранить и носить оружие? Чтобы гарантировать право на сопротивление угнетению, возможность создания народной милиции как единственной гарантии против тирании.

Армия в России практически никогда не была наемной. Она так или иначе всегда была вооруженной частью народа. Авторитет русских монархов строился на их ста-

тусе предводителя этой части народа и первого защитника страны. Когда они стали терять эту роль, они стали терять авторитет. Одна из основных причин делегитимации власти Николая II, кроме всего прочего, две подряд проигранные войны. И нерешенность крестьянского вопроса, то есть вопроса жизненно важного для основной части армии.

Страна, которая ведет много войн, должна иметь постоянный источник пополнения армии надежными солдатами. Такими могут быть только свободные люди. То есть успешно воевать может только страна относительно свободных людей, в которой в той или иной соответствующей историческому времени форме имеется демократия.

Страна, которая мало воюет и живет торговлей, особенно продажей своего более или менее простого продукта, в той или иной форме закабальет население либо в той или иной форме утверждает рабство. Потому что больше чем солдаты ей нужны дешевые рабочие руки. Торговое общество открывает дорогу авторитаризму и бессмысленной растрате своих богатств. Воюющее общество открывает дорогу демократии и трате средств на развитие человека, поощрение искусства и образования. Сильная и часто воюющая армия всегда рождает свободолюбие и демократию.

Романовы начали свое царствование с преступления – садистского убийства младенца Ивана Дмитриевича, формально являвшегося малолетним царевичем. Был он Рюриковичем или не был, мы тоже знаем мало, как и о том, был ли Дмитрий Лжедмитрием или сыном Ивана Грозного Дмитрием Ивановичем Рюриковичем. То есть исключительно со слов того предания, которое продиктовали получившие власть Романовы. Кстати, сами Романовы были как раз сторонниками партии «Тушинского вора»: Федор Никитич Романов, Патриарх Филарет, был провозглашен Патриархом именно волей Лжедмитрия II, именовался последним «братом» и был одним из ведущих соратников. А в Думе Лжедмитрия влиятельны были родственники и сторонники Романовых: да и сами Романовы никогда с последним не боролись. И победа сторонников Михаила на Земском соборе была не победой представителей Ополчения, а победой этой, тушинской партии. Дело в том, что, после длительных споров и заседаний, Собор отказался избирать царем Михаила Романова, если тот не явится на заседание Собора и не выступит на нем. Другие кандидатуры тоже не получили большинства, и было принято решение делегатам Собора разъехаться по землям и «держатъ совет» с народом. Москва в этот момент была переполнена среди прочего казацкими отрядами, ранее составлявшими ударную силу Димитрия, которые рассматривали Романовых как «свою», «народную» партию, – и казаки восстали, ворвались в палаты бояр и делегатов Собора, потребовав отменить прежнее решение, собрать экстренное заседание и под угрозой казацких сабель и ружей провозгласить царем малолетнего Михаила.

Династия Романовых окончательно пала в феврале 1917 года. Династия Петровичей, как это ни покажется парадоксальным, вернулась к власти. Не в лице кровных представителей рода – что именно для нее, как свидетельствует пример Екатерины Великой, было малозначимо: важна была преемственность Духа, Воли и Дела.

Новая традиция – традиция харизматичности и модернизаторства, Традиция Великого Дела, Великого Прорыва и ключевой мировой роли – была возрождена коллективными Петровичами, которыми по факту истории стали большевики как прямые политические потомки «Дела Петра».

Неверно говорить, что в результате Первой мировой войны пали четыре Империи. Пали три, сражавшиеся против России: Германская, Австро-Венгерская и Османская. Россия не пала, она лишь сменила форму правления. И, сменив форму правления и династию, сменив вновь Романовых на Петровичей, закончила войну не временной капитуляцией

Брестского договора, разорванного ею уже спустя полгода, а победным договором в Рапалло. И затем, продолжив «Дело Петра», станет доминирующим в мире началом, наследием которого до сих пор живет зависшая между временами, традициями и идеями, но пытающаяся сопротивляться и подняться постсоветская Россия.

Литература

1. Соловьев С.М. Падение Софии. Деятельность царя Петра до первого Азовского похода [Электронный ресурс] / С.М. Соловьев // История России с древнейших времен. Т. 14. Гл. вторая. https://azbyka.ru/otechnik/o_otechnike.html - chem-otkryt-formaty-mobi-epub-fb2-pdf Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv14p2.htm>

Аннотация. Петр, по сути, воплотил в России своеобразный тип цезаристской демократии, основанной на прямой связи общенационального и военного лидера с массовой поддержкой низов общества. И утвердил то, что можно было бы назвать духом Петра, – традицию проектной прорывности, отрицающей внешнюю детерминированность трансцендентально-религиозными началами и готовую на принятие вызова «свершения невозможного». Это стало институтом традиции, составной частью культуры и духовного наследия. Офицер в конечном счете во все времена пользовался в стране большим пиететом, нежели священнослужитель или даже парторботник. Армия стала своеобразной родовой реликвией, фамильным талисманом. Любимая игрушка страны и народа.

Любимая же игрушка американского народа – бережно хранимый дома винчестер. Даже если им никогда не пользуются. Наш народ имеет любимой игрушкой родную армию – даже если не часто ею пользуется. Она, среди прочего, в значительной степени воспринималась не только как защитник от внешней угрозы, но и защитник от самоуправства власти. Хорошо известный афоризм: «Тот, кто не хочет кормить свою армию, вынужден будет кормить чужую» – имеет свой аналог. Тот, кто не хочет признавать ограничения своей власти волей конституционно избранного парламента, вынужден будет признавать ее ограничение волей солдат гвардейских полков.

Ключевые слова: Петр I, Империя, гвардия, демократия, прорыв, вызов построения нового мира, цезаризм.

Sergey F. Chernyakhovsky, Doctor of Science in Political Sciences, Professor; Professor, Department of the Politics History and Theory; Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Full Member, Academy of Political Sciences. E-mail: serfecher@mail.ru

Peter's Life-Work

Abstract. Peter I started in Russia in fact a specific type of caesaristic democracy based on the direct connection of the nation-wide and military leader who had mass support of lower social classes. And he established the so-called “spirit of Peter” – the tradition of projected breaking through that denies the external determinacy of transcendent and religious principles, and is ready to accept the challenge of “accomplishing the impossible”. It became the institution of tradition, a component part of culture and spiritual heritage. A military officer in the long run was always more respected in society than a clergyman or even a party functionary. The army became a kind of a patrimonial relic, a sort of family talisman. The favorite toy of the country and the people.

The favorite toy of the American people is a carefully kept Winchester. Even if it is never put to use. Our people prefer the country army as the favorite toy, – even if it is rarely put to use. The army was largely viewed not only as defender from enemy without, but also as defender from the country government arbitrariness. A well-known saying “Those who don't want to provide for the country army, will have to provide for the enemy one”, – has its analogue. Those who don't want to accept the personal power limitations imposed by the constitutionally elected parliament, will have to accept the limitations enforced by the soldiers of the Guards regiments.

Keywords: Peter I, Empire, Guards, Democracy, Breakthrough, the Challenge of Building the New World, Caesarism.

Альманах
Тетради по консерватизму
№ 3 2022

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

<http://www.essaysonconservatism.ru/>
tetradipokonservatizmu@gmail.com

Подписано в печать 30.07.2022. Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 41,25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282 Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1.
Тел. 8 (495) 685-93-18